

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

ТИХОНОВИЧ Олег Владимирович

**ПОГРАНИЧНЫЕ ВОЙСКА ПОЛЬШИ КАК ИНСТИТУТ
ПОЛОНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
МЕНЬШИНСТВА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РЕЖИМА САНАЦИИ**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, доцент
Миронов Владимир Валерьевич

Тамбов – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Институционализация международно-правового механизма защиты прав национальных меньшинств во внутреннем законодательстве Польши в начале 1920-х гг. и ее влияние на политику в национальном вопросе.....	77
1.1 Закрепление прав национальных меньшинств Польши в международных и двусторонних межгосударственных договорах.....	77
1.2 Национальная политика накануне и в годы режима санации в свете положений Конституций 1921 и 1935 гг. о правах и обязанностях граждан Польши	95
Глава 2. Корпус Охраны Пограничья как ключевой военно-политический институт на северо-востоке межвоенной Польши.....	137
2.1 Формирование Корпуса Охраны Пограничья и его основные функции	137
2.2 Унтер-офицерские кадры как проводник политики полонизации.....	171
2.3 Повседневность, просвещение и политическое воспитание военнослужащих	202
Глава 3. Деятельность военнослужащих Корпуса Охраны Пограничья в контексте политики полонизации белорусского этнического меньшинства	266
3.1 «Цивилизаторская миссия польской армии».....	266
3.2. Культ Ю. Пилсудского и официальная польская праздничная культура на белорусских землях через призму «конфликта памяти».....	297
3.3. Экономика полонизации и армия в зеркале пропаганды.....	336
3.4. Система образования и воспитания под прицелом политики полонизации: содействие Корпуса Охраны Пограничья.....	371

3.5. Пограничные войска как рупор польской культуры и искусства, институт регулирования религиозной жизни и средство борьбы с «безбожием».....	428
Заключение.....	512
Список использованных источников и литературы.....	529
Список сокращений.....	564
Приложение № 1.....	565
Приложение № 2.....	566

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время на постсоветском пространстве начался усиленный процесс децентрализации и денационализации ряда самостоятельных государственно-политических образований – Украины и Белоруссии. Если децентрализация и денационализация имели в первой четверти XXI века отрицательные последствия для украинского народа, то на белорусской земле подобные процессы встретили существенный отпор со стороны всего гражданского общества. Это объясняется тем, что у представителей белорусской нации выработана на коллективном уровне стойкая историческая память, помогающая сохранять национальное самосознание белорусов в границах своей республики, а именно: жители так называемой Западной Белоруссии не прибегают к тем радикальным методам борьбы, которые смогли бы отрицательно повлиять на центральную власть с целью внутреннего подрыва национального суверенитета всего государства, как это имело место в Киеве благодаря активизировавшимся с 1991 г. националистическим кругам Западной Украины. Поэтому внутригосударственное единство Республики Беларусь базируется на сохранении исторической памяти всего народа, пережившего в годы нацистской оккупации подлинный геноцид.

Такой успешный вектор развития Республики Беларусь базируется, в том числе, на сохранении исторической памяти о межвоенном периоде 20–30-х гг. XX в., когда единая прежде белорусская нация, проживавшая в западных губерниях Российской империи, оказалась в результате советско-польской войны 1919–1920 гг. разделенной государственно-политическими и культурными границами двух стран – Советской России и Второй Речи Посполитой, в которой для новоиспеченных подданных белорусской национальности возникла реальная угроза полного исчезновения их этнического самосознания. Национальная политика польского правящего режима, провозгласившего жесткий курс на постепенную ассимиляцию белорусского этнического меньшинства, оставаясь по своей

дискриминационной сути неизменной на протяжении двух десятилетий межвоенного времени, осуществлялась, в том числе, при широкой опоре на вооруженные силы, которые стали одним из главных инструментов искоренения национальной идентичности жителей западнобелорусских земель.

Актуальность выбранной нами диссертационной темы обуславливает также тот общеизвестный в исторической науке факт, что польско-белорусское пограничье (как и польско-украинское) выступало в межвоенный период в качестве «санитарного кордона», который был призван предотвратить проникновение коммунистической идеологии в страны Западной Европы. И на передовом посту указанного «кордона» несло неусыпную службу по охране границы особое подразделение Войска Польского, которому было поручено также выполнение важной государственной миссии: помочь восточнославянскому населению восточных областей успешно влиться в лоно польской нации с ее многовековой историей и культурой. Сегодня важно не забывать также о том, что молодое советское государство продолжало оказывать в 20–30-е годы XX в. моральную поддержку на международной арене тем белорусам, которые подвергались в Польше различным формам национального угнетения, включая неприкрытый военно-полицейский террор.

Изучение практических мероприятий польских вооруженных сил по реализации дискриминационной политики полонизации в отношении белорусского национального меньшинства Второй Республики в межвоенный период будет способствовать в настоящее время не только сохранению единства белорусской государственности (устранению условной границы между двумя географическими зонами – Западной и Восточной), но и усилению тенденций сплочения восточнославянского Союзного государства в составе Российской Федерации и Республики Беларусь.

Также следует отметить, что вдумчивый анализ комплекса мероприятий, проводившихся пограничными войсками Польши в рамках

полонизаторского внутривнутриполитического курса на присоединенных по условиям Рижского мирного договора 1921 г. территориях, позволяет пролить дополнительный свет на такую важную сторону жизни белорусского народа, как глубокие изменения, происходившие в межвоенный период в повседневности крестьянского и городского населения. Собранный таким образом богатый фактический материал может стать надежной основой для всестороннего анализа экономических, политических и культурно-духовных основ жизни белорусского населения восточных областей межвоенной Польши представителями других социально-гуманитарных дисциплин.

Степень изученности темы. В настоящее время указанная тема исследования еще не получила широкого освещения в исторической науке. Но несомненно и то, что историография диссертационной темы обладает уже существенным начальным заделом, который поможет исследователям из разных стран приблизиться к воссозданию вклада вооруженных сил в утверждение польской национальной идеи среди белорусского этнического меньшинства Второй Республики.

Представители советской исторической науки в 20–30-е гг. XX в., опираясь на теоретические работы членов Белорусской академии наук (с 1936 г. – АН БССР), обратились к проблеме становления государственности славянских народов – русских, украинцев, белорусов и поляков. Так, А.И. Цвикевич, являясь членом Комиссии по изучению истории Западной Белоруссии, и будучи репрессированным в 1937 г., сумел по-новому, с позиций формировавшейся тогда коммунистической идеологии, осмыслить национальное положение белорусов во Второй Республике. Его позиция нашла отражение в изданной в 1927 г. специальной брошюре, в которой рассказывалось о бедственном положении белорусов, оказавшихся, начиная с 1919 г., под «польским национальным гнетом»¹.

¹ Цвикевич А.И. Политический очерк Западной Белоруссии // Западная Белоруссия. Сборник статей. Кн. 1. Минск, 1927. С. 3–43.

Плачевное положение белорусов в межвоенной Польше объяснялось, по мнению А.И. Цвикевича, не только неблагоприятными последствиями экономических реформ варшавского правительства, но и беспримерным произволом польских полиции и армии, лишивших местное восточнославянское население всевозможных материальных ресурсов, уничтожая тем самым их национальную идентичность.

Исторические взгляды другого крупного белорусского исследователя, педагога и этнографа межвоенного времени М.В. Довнар-Запольского были во многом схожи с указанной концепцией А.И. Цвикевича. В опубликованной 8 апреля 1918 г.² после провозглашения в условиях немецкой оккупации БНР статье «Жребий брошен» он доказывал наличие у белорусов всех признаков зрелой государственности, позволявших, по его мнению, обособиться им, как от Петрограда, так и от Варшавы. Перу М.В. Довнар-Запольского принадлежала также подготовленная для членов делегации БНР на Парижской мирной конференции 1919 г. брошюра. Он твердо стоял на позициях сохранения индивидуальности белорусской нации, которая хотя и имела тесные исторические связи с русскими, украинцами, литовцами и поляками, но достойна была обрести свою собственную государственную и культурную жизнь в Восточной Европе³. В 1925 г. Довнар-Запольский, будучи приглашенным на работу в Инбелкульт (Институт белорусской культуры), написал одну из главных в его творчестве книг – «История Беларуси» (1926 г.), заложившей фундамент всей белорусской национальной историографии.

В этом капитальном труде, успев к тому времени стать уже советским исследователем, он обстоятельно проследил исторический путь белорусов с IX до начала 20-х гг. XX в. Вместе с тем, интенсивно ведя научную работу в рамках советской интернационалистской парадигмы, М.В. Довнар-Запольский не отказался полностью от своих прежних националистических

² Данная статья М.В. Довнар-Запольского была опубликована А.И. Цвикевичем. См.: Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев: Типография «И.И. Чоколов», 1918. См. также: Михальченко С.И. М.В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 167.

³ Довнар-Запольский М.В. Основы государственности Белоруссии. Гродно: Министерство Белорусских дел, 1919. 14 с; См. также: Михальченко С.И. Указ. соч. С. 167.

утверждений о праве белорусов на обретение полной независимости. Он подчеркивал необходимость национально-культурного сплочения между Западной и Восточной Белоруссией, первая из которых оказалась под сапогом польского солдата, а второй стала навязываться большевистская идеология классовой борьбы, т. е. советский профессор жил надеждой, что жители Белоруссии смогут когда-нибудь взять будущее страны «в свои руки и охранять ее от насилий, как польского, так и русского элемента»⁴. Уже по этой причине данная книга была запрещена в СССР, увидев свет только в первой половине 90-х гг. XX в.

Необходимо также остановиться на небольшой, но важной политической брошюре, принадлежавшей перу советского ученого-естественника польского происхождения – Ф.Я. Кона. В ней на основе материалов польской периодической печати и статистических данных было проанализировано положение белорусского этнического меньшинства, томившегося под властью Второй Речи Посполитой. В заслугу Ф.Я. Кону помимо тщательного рассмотрения политики правящих кругов Польши, направленной на постепенную ликвидацию в первой половине 20-х годов XX в. православной веры, белорусского и русского языков, а также революционных партий социалистической (Громада) и коммунистической (КПЗБ) ориентации, следует поставить выявление роли института осадничества в Западной Белоруссии в полонизации местного населения. Так, Ф.Я. Кон дал определение этому институту, подчеркивая, что осадник – «это военный колонист, поселяемый правительством на восточных окраинах, наделяемый там бесплатно землей... вербуются среди офицеров и солдат запаса, из которых отбираются для этого наиболее заслуженный и политически надежный элемент; в огромном большинстве осадники состояются из бывших добровольцев и отличившихся солдат и офицеров»⁵. Автор указывал также на то, что представители осадничества не только

⁴ Довнар-Запольский М.В. История Беларуси. М.: Директ-Медиа, 2014. 582 с.

⁵ Кон Ф.Я. Западная Белоруссия – колония панской Польши (к процессу над белорусской Громадой). М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. Electronic resource. URL: <https://pub.wikireading.ru/h6QWyRh9fk> (дата обращения: 15.10.2021).

подвергали эксплуатации польских военнослужащих, занятых в их земельных латифундиях в качестве бесплатной рабочей силы, но и целенаправленно опирались на олицетворявшуюся ими военную силу с целью устрашения лиц восточнославянского происхождения, чтобы оградить свое движимое и недвижимое имущество от возможных посягательств со стороны действовавших в первой половине 20-х гг. XX в. партизанских отрядов, боровшихся с оружием в руках против усердно возрождавших крепостнические порядки пришлых поляков.

В 1932 г. вышла брошюра советского исследователя А.Г. Зимионко⁶, в которой рассказывалось о периоде немецкой оккупации во время Первой мировой войны, на смену которой в 1919 г. пришла не менее суровая польская. Агитационный замысел данной брошюры состоял в том, чтобы показать советскому населению, что политика полонизации Западной Белоруссии брала свои истоки не с момента подписания Рижского мирного договора в 1921 г., а, уже в 1919 г., когда польские легионеры стали не только называть белорусские земли своими Восточными окраинами, но и вести себя, не дожидаясь итогов Парижской мирной конференции, как «законные» их хозяева, приступив к разделу земли и других природных ресурсов.

Проводя анализ федералистской политики Ю. Пилсудского, А.Г. Зимионко назвал ее полной фикцией, поскольку правящие круги Польши не помышляли о предоставлении белорусскому населению какой-либо культурно-языковой автономии. Руководящая роль в выдвинутом осенью 1918 г. проекте создания «Польско-литовско-белорусской унии» должна была принадлежать именно польской нации, а отнюдь не национальным меньшинствам, которым была уготована судьба социально-экономической и культурной деградации путем насильственного насаждения во всех государственных и негосударственных учреждениях польского языка, закрытия национальных школ и торжества польской военщины.

⁶ Зимионко А.Г. Оккупация и интервенция в Белоруссии: Очерк. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 46 с.

Второй важный аспект, с которым автор знакомил своих читателей, заключался в следующем: в брошюре на основе материалов статистики прослеживался процесс продолжавшегося в период с 1920 по 1921 гг. вооруженного противостояния на польско-советской границе между многочисленными «бандформированиями», пользовавшимися непосредственной поддержкой со стороны Варшавы, и партизанским движением «Красной Белоруссии». Из произведенных автором подсчетов следовало, что за три года мирной жизни вооруженные белогвардейские и антибольшевистские формирования, вторгавшиеся с территории Второй Республики, причинили 20 000 советских граждан, проживавшим на польско-белорусской границе, материальный ущерб на сумму в 10 млн. рублей. Советский историк пришел к выводу, что Красной армии, а также крестьянско-рабочему населению Советской Белоруссии, удалось защитить свою восточную границу от «польского хищнического орла» благодаря безусловной поддержке всего трудового населения страны Советов, а также за счет классовой солидарности, проявленной томившимися под властью панской Польши народами⁷.

Советские исследователи помимо освещения экономических проблем в Западной Белоруссии, а также осуждения национального угнетения польскими помещиками жителей восточных воеводств Второй Речи Посполитой, уделяли также повышенное внимание ее вооруженным силам. Так, в 1929 г. помощник начальника 4-й части 3-го (информационно-статистического) отдела Разведуправления Штаба РККА Б.В. Петрусевич⁸, раскрыл особенности системы обучения польской пехоты в первой половине 20-х гг. XX века, когда вооруженные силы Польши стали после окончания польско-советской войны переходить к несению мирной службы на восточной границе.

⁷ Там же. С. 31–38, 46.

⁸ Петрусевич Б.В. Обучение и подготовка польской армии. М.: IV управление штаба РККА, 1929. 278 с.

Исследование Б. Петрусевича включает в себя те разделы, которые, во-первых, освещают процесс приобщения молодежи к военному ремеслу, чтобы пополнить польскую армию «молодой кровью», и, во-вторых, автор монографии проследил отношение высшего военного командования к вопросам политического просвещения и морально-культурного воспитания рядового состава в духе патриотизма.

Примером другого узкоспециализированного анализа, который делался с позиций военного дела, являлась небольшая по своему объему брошюра Л.М. Ламова, вышедшая тиражом в 30 тыс. экземпляров, что указывало также на актуальность изучения ситуации в польской армии в 30-е гг. XX в. с учетом общеизвестного факта, что правящие круги Польши, особенно с момента установления в мае 1926 г. режима санации, не скрывали своих агрессивных планов в отношении СССР. Автор помимо тщательного изучения структуры вооруженных сил межвоенной Польши, рассмотрел особенности положения польских военнослужащих на территории восточных воеводств, придя к неутешительному выводу, что польским осадникам, хлынувшим сюда в первой половине 20-х гг. XX в., удалось заполучить в свои руки огромное количество гектаров самой лучшей земли, оставив крестьянские массы непольской национальности на «голых камнях». Прибывавшие в помощь выполнявшими роль надзирателей за белорусами с целью их ополячивания осадникам действующие воинские формирования, жестоко подавляли народно-освободительное движение тех народов, которые стремились к установлению социальной справедливости⁹.

Особого внимания в советской историографии 40–50-х гг. XX века удостоилось произошедшее 17 сентября 1939 г., в результате «Освободительного похода Красной Армии» воссоединение Западной Белоруссии и Западной Украины с БССР и УССР. Специально для советских граждан уже с 1939 г. стали издаваться научные труды, в которых жителям

⁹ Ламов Л.М. Польша и ее армия. М.: Гос. воен. изд., 1937. 134 с.

СССР разъяснялись причины вхождения в советскую «семью народов» бывшего Восточного пограничья Второй Речи Посполитой.

Так, видный советский экономист И.И. Гольдштейн на основе материалов польской и советской печати, а также статистических данных обрисовал причины плачевного социально-экономического и национально-культурного положения польских, украинских и белорусских крестьян Польши в межвоенный период, придя к агитационно заостренному выводу о том, что буржуазные власти Польши сознательно проводили политику национального, экономического и социального уничтожения крестьянских масс. В качестве одного из главных ее проявлений рассматривалась проводившаяся Варшавой колонизация территории Западной Белоруссии и Западной Украины бывшими польскими офицерами, которые не только становились крупными помещиками в среде восточнославянского населения, но и, выполняли репрессивные функции по ликвидации национальной самобытности белорусских, украинских и русских жителей Восточных воеводств, так как осадники-помещики, контролировавшие полностью работу военно-полицейских органов восточных воеводств, способствовали возрождению крепостнических порядков, существовавших на этих землях в XV–XVI вв.¹⁰

В 1940 г. вышла вторая посвященная истории становления системы капиталистических отношений в польских землях крупная работа И.И. Гольдштейна, в которой, основываясь на ленинской методике обработки статистических данных, касавшихся условий развития крестьянских хозяйств в Западной Белоруссии, делался вывод о превращении белорусских крестьян, владевших в своей основной массе карликовыми земельными наделами, в крепостных крупных землевладельцев, которыми являлись польские помещики-осадники. Белорусы, – продолжал автор, – не могли в 20–30-е гг. XX в. встать на путь истинной революционной борьбы из-за установления

¹⁰ Гольдштейн И.И. Как польские паны угнетали крестьян. М.: Гослитиздат, 1939. 64 с.

польскими осадниками полного контроля за работой силовых структур – полиции и армии¹¹.

Ярким представителем белорусской советской историографии, которая была основана исключительно на марксистско-ленинском подходе, являлся кандидат исторических наук И.Ф. Лочмель, героически погибший в 1942 г. Он подверг пристальному анализу процесс хозяйственных отношений межвоенного периода в Западной Белоруссии. Проследив героический трехвековой путь борьбы белорусского народа против польских помещиков, он пришел в довоенный период к выводу, которого придерживались все последующие исследователи, принадлежавшие к советской исторической школе, а именно: сельские жители белорусских земель в составе Польши тяжело страдали от малоземелья и безземелья, а также попадали в феодальную кабалу, в то время когда польские пань на правах колонизаторов владели сельскохозяйственными угодьями в качестве осадников, насчитывавших в «белорусских» воеводствах Польши, по подсчетам И.Ф. Лочмеля, более 20 тысяч человек. Правительство буржуазной Польши щедро передавало отставному офицерству земельные участки с целью вознаградить его за активное участие в «борьбе с большевиками» в период советско-польской войны 1919–1920 гг. Польские осадники, как эмоционально подчеркивал И.Ф. Лочмель, «являлись злейшими врагами белорусского народа, хищными эксплуататорами, ярыми полонизаторами-держимордами, агентами охранки и душителями национально-освободительной борьбы трудящихся масс»¹².

В преддверии Великой Отечественной войны советский историк В.И. Пичета, ученик В.О. Ключевского, выпустил научную работу по истории национальной борьбы белорусского и украинского народов за свое право быть независимыми от «польских панов-угнетателей». Крупнейший

¹¹ Он же. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии. Под ред. и с предисл. чл.-кор. Акад. наук СССР Р.С. Левиной; Ин-т мир. хоз-ва и мир. политики Акад. наук СССР. М.: Соцэкгиз, 1940. 296 с.

¹² Лочмель И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М.: Воениздат, 1940. 164 с.

специалист по истории белорусской государственности, являвшийся также экономистом и этнографом, описал в последней главе своего исследования (шестая глава) состояние того социально-экономического и культурного рабства, в котором оказались белорусы, украинцы и евреи под властью Второй Республики. В.И. Пичета утверждал, что польская политическая элита всеми доступными ей методами стремилась колонизировать восточные воеводства, например, перепись населения 1921 г. проводилась, как указывал советский ученый, при нарушении всех мыслимых норм. Делалось это, по глубокому убеждению историка, польской политической кликой намеренно, с целью исказить реальную численность белорусского народа, поскольку статистическая машина польских националистов причисляла к польской нации всех тех, кто не только исповедовал католицизм, но и тех, кто отождествлял себя с другими христианскими религиозными течениями. Для проведения политики полонизации Варшавой широко использовались военно-полицейские силы, перед которыми, по утверждению ученого, была поставлена задача беспощадного подавления национально-освободительного движения восточнославянских народов. В.И. Пичета пришел к обоснованному выводу, что государственное руководство Польши продолжало в рассматриваемый период полностью отрицать факт существования белорусов, а также украинцев как самостоятельных наций, обладавших правом не только развивать, но и даже тайно придерживаться своей исторической самобытности¹³.

Приверженцем исторического единства трех восточнославянских народов – русских, белорусов и украинцев – являлся другой советский историк, академик АН БССР – Т.С. Горбунов. После окончания Великой Отечественной Войны советский исследователь проанализировал (1948 г.), политическое, экономическое и духовно-культурное положение представителей белорусской нации, которая в межвоенное двадцатилетие

¹³ Пичета В.И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Соцэргиз, 1940. 136 с.

оказалась разделенной по условиям Рижского мирного договора 1921 г. Если белорусы, обладая в рамках социалистической системы полной независимостью, и сумели добиться значительных успехов в своем социально-экономическом и культурном развитии, то произошло это исключительно благодаря мудрой национальной политике партии Ленина–Сталина. Белорусы же, находившиеся в 20–30-е гг. XX в. в составе Второй Республики, подвергались не только социальному, национальному и культурному угнетению, массово проявлявшемуся в закрытии школ, местных просветительских организаций, подавлении белорусской революционной борьбы, но и беспощадной экономической эксплуатации со стороны польских помещиков. Она, по утверждению советского исследователя, заключалась не столько в форме комасаций, ограничении сервитутов, постоянном умножении шарварков и в усилении фискального гнета, сколько в пагубном влиянии осаднической политики польского правительства, в рамках которой польские колонисты получали самую лучшую по качеству землю в «белорусских» воеводствах. Осадники, которые формировались из отставных офицеров, проявивших свою доблесть в период советско-польской войны 1919–1920 гг., обязаны были при всесторонней поддержке различных министерств и ведомств оказывать помощь административно-полицейскому аппарату по установлению политически неблагонадежных лиц среди местного белорусского крестьянства.

Осадники могли зачастую привлекаться в качестве дополнительной полицейской силы для подавления национально-революционных волнений среди крестьянства, а также выступать в качестве посредников между польской властью и местным населением с целью сбора налогов, штрафов и насаждения новых повинностей¹⁴.

В послевоенное время, с момента образования «социалистического лагеря», в который входила ПНР, велась интенсивная научная работа

¹⁴ Горбунов Т.С. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве. М.: Госполитиздат, 1948. 232 с.

советских ученых в тесной координации со своими польскими коллегами. О плодотворности этого сотрудничества свидетельствовал выход в свет в 1954–1958 гг. истории Польши в трех томах, подготовленной специалистами Института славяноведения АН СССР. В третьем томе нашла освещение политическая, экономическая и культурная история Второй Республики, причем акцент был сделан на революционной борьбе польского и других народов Второй Речи Посполитой, включая белорусов и украинцев, которая велась против буржуазной власти, а также был проведен детальный анализ социальной сущности государственного строя межвоенной Польши. Особо подчеркивалось, что революционная борьба трудовых слоев Второй Республики потерпела крах в результате широкого использования фашистским военно-политическим руководством силовых структур, которые жестоко подавляли выступления рабочих и крестьян во всех частях Польши, как с помощью полицейских репрессий, так и пуская в ход против несогласных огнестрельное оружие: если польские солдаты безропотно проливали невинную кровь обычных граждан в восточных воеводствах, то подразделения польской армии в западно-центральных воеводствах, формировавшиеся из лиц восточнославянской идентичности (белорусов, украинцев и русских) не решались в моменты социально-политических волнений польского народа открывать огонь, так как не могли уничтожить тех, кто был с ними одного социального происхождения¹⁵.

В 60–70-е гг. XX в. научный анализ истории пребывания западно-белорусских земель в составе Второй Республики продолжал находиться в фокусе внимания советских исследователей. Так, советский историк М.В. Василючек в 1977 г. издал заслуживающую внимания работу, в которой сопоставлялось положение белорусов в составе СССР и под властью Польши. Западная Белоруссия, воссоединившаяся с братской республикой в сентябре 1939 г., являлась, согласно выводам советского исследователя, отсталым экономическим и культурным регионом, так как в 30-е гг. XX в. в СССР был

¹⁵ История Польши: в 3-х томах. Т. 3. под ред. Ф.Г. Зуева [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 667 с.

окончательно установлен социалистический строй, а двадцатилетнее пребывание белорусов, а также украинцев и русских, в составе Второй Республики было отмечено печатью социально-экономической и национально-культурной деградации. Ее наступление связывалось советским исследователем, с установлением на восточных окраинах власти польских осадников, сосредоточивших в 20–30-е гг. XX в. в своих руках огромные по площади земельные угодья, в то время, когда белорусские крестьяне тяжело страдали от «земельного голода». Осадники, являвшиеся «главными врагами трудового крестьянства», не только выступали в качестве землевладельцев-латифундистов, но и путем выполнения возлагавшихся на них военно-полицейских функций были непосредственно причастны к ликвидации белорусских школ и библиотек, и как следствие – к уничтожению национального самосознания¹⁶.

Особого внимания заслуживают научные исследования советско-белорусского историка, доктора исторических наук В.А. Полуяна, который посвятил свою жизнь изучению революционно-демократической борьбы белорусского народа в межвоенной Польше. Анализируя ее перипетии в местечках Западной Белоруссии, автор утверждал, что сельские жители, как и рабочие, не стремились мириться со своим угнетенным положением, поэтому белорусы предпринимали попытки, конечно, не без содействия политических партий и организаций, выступить на борьбу с польской властью за свои права и свободы. Острая фаза такого рода борьбы пришлась, по утверждению автора, на первую половину 20-х гг. XX в., когда в восточных воеводствах действовали многочисленные партизанские отряды, которые пользовались значительной поддержкой со стороны сельских жителей. По этой причине польским властям с помощью полиции и армии удалось не сразу ликвидировать этот очаг революционной борьбы. Активность партизанских формирований объяснялась, по мнению автора, не только прямой поддержкой

¹⁶ Василючек М.В. В семье единой: (Воссоединение Западной Белоруссии в братской семье народов). Минск: Вышэйш. школа, 1977. 112 с.

со стороны БССР и РСФСР, но и тайным финансированием со стороны правительства буржуазной Литвы, занимавшим в рассматриваемый период враждебную позицию по отношению к Польше из-за аннексии последней Виленского края. Польские власти с момента окончательного подавления революционной борьбы на территории восточных воеводств проводили политику репрессий в отношении не только участников партизанского движения, огульно отправляя их в тюремные застенки, но и так называемые акции «усмирения» («пацификации»), массово обрушившиеся на представителей всех национальных меньшинств восточных регионов Польши.

Исполнителями подобных репрессий в отношении жителей восточных воеводств являлись до 1939 г. не только представители административно-полицейского и военного аппарата страны, но и осадники, на которых возлагалась задача проведения политики полонизации. Поэтому осадники, согласно замыслам и задачам польского правительства, не только должны были уходить на заслуженную, как им казалось, «пенсию», но и выполнять вспомогательную для местных властей функцию подавления национально-освободительной борьбы представителей белорусской нации. Сделанный В.А. Полуяном итоговый вывод безапелляционно гласил: белорусы как жители восточных воеводств подвергались в составе Второй Республики беспощадному социально-экономическому и духовному угнетению со стороны польских властей, которые широко опирались на полицию и армию¹⁷.

Советский историк, сотрудник Института славяноведения АН СССР, фронтовик-партизан П.Н. Ольшанский глубоко исследовал польско-советские отношения в период с момента образования Второй Республики и до середины 20-х гг. XX в. В центре внимания автора находился Рижский мирный договор, который был заключен 18 марта 1921 г., так как именно он регулировал дипломатические, экономические и культурные отношения двух

¹⁷ Полуян В.А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Беларуси в 1920–1939 гг. / В.А. Полуян, И.В. Полуян. Минск: Государственное издательство БССР, 1962. 222 с.; Он же. Беларуская сялянска-рабочая грамада. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. 222 с.; Он же. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.). Минск: Наука и техника, 1978. 359 с.

сторон – Второй Речи Посполитой и Советских республик (с 1922 г. – СССР). Так, советский исследователь подробно проанализировал статью VII Рижского мирного договора, согласно которой Варшава обязана была гарантировать национальное, культурное, религиозное, а также языковое развитие тех этносов, которые стали подданными Польши в восточных воеводствах. В связи с этим П.Н. Ольшанский приходил к обоснованному выводу, согласно которому польская сторона в первой половине 20-х гг. XX в. систематически допускала нарушение указанной статьи, встав на путь дискриминационной национальной политики в отношении белорусов, украинцев и русских. Политика полонизации перечисленных национальностей во Второй Республике проводилась, согласно изысканиям советского историка, с помощью правового произвола осадников, опиравшихся на полную поддержку военно-полицейского аппарата. Ликвидация национального самосознания белорусского меньшинства осуществлялась с помощью принимавшихся в стенах буржуазного парламента Польши законодательных актов, которые затрагивали различные сферы жизни непольских элементов восточных воеводств страны¹⁸.

В 80-е гг. XX в. в советской исторической науке продолжало доминировать изучение народно-освободительной борьбы представителей восточнославянского населения восточных воеводств, которая велась под руководством коммунистических партий - КПЗБ, КПЗУ, КПП. Данная проблематика нашла широкое освещение в трудах таких советских исследователей, как Б.С. Клейн¹⁹ и В.Ф. Ладысев²⁰. Ими была воссоздана тяжело сказавшаяся на положении белорусских крестьян северо-востока Второй Республики социальная сущность так называемого польского «белого террора», обусловленная установками политического руководства Польши.

¹⁸ Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918–март 1921 г.) М.: Наука, 1969. 260 с.; Он же. Советско-польские отношения в 1921–1924 гг.// Славяноведение. 1972. № 1. С. 21–34; Он же. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М.: Наука, 1974. 285 с.

¹⁹ Клейн Б.С. За дело правое: Борьба КПЗБ с буржуазным террором (1920–1938 гг.). Минск: Беларусь, 1986. 173 с.

²⁰ Ладысев В.Ф. В борьбе за демократические права и свободы (Из исторического опыта Компартии Западной Белоруссии, 1926–1938 гг.), Минск: Беларусь, 1988. 189 с.

Беспощадное уничтожение национального самосознания белорусского этнического меньшинства было возложено на плечи польской жандармерии и армии, защитником от неприкрытого террора которых стали коммунистические партии, сумевшие своими героическими действиями при поддержке СССР спасти многих участников революционной борьбы от полицейских и тюремных застенков.

Как видим, представители советской исторической школы в 1920–1980-е гг. фрагментарно затрагивали роль вооруженных сил Польши в утверждении польской национальной идеи на территории восточных воеводств. Вместе с тем процесс полонизации оценивался советскими учеными исключительно в негативном свете, что во многом было продиктовано определяющим влиянием на историческую науку СССР классового (марксистско-ленинского) подхода, не позволяя всестороннее изучить деятельность польских военнослужащих в отношении белорусского национального меньшинства. Но наследие советской исторической науки помогло все же уже современным российским и белорусским историкам значительно продвинуться вперед в изучении данной проблематики.

Так, в 1993 г. за авторством ряда российских историков вышла коллективная монография об историческом пути развития польского государства, в которой А.Я. Манусевичем²¹ был проведен глубокий анализ проблем внутри- и внешнеполитического развития Польши в межвоенный период. Сложность исторического анализа заключалась в том, что автору необходимо было изыскать новую историческую методологию, отходя, но, не полностью, от советского идеологического подхода, чтобы обосновать объективность своего исследования. Уверенно можно утверждать, что автору удалось достаточно полно осветить процесс складывания восточной границы молодого польского государства по так называемой «линии Керзона», который привел по итогам советско-польской войны 1919–1920 гг. к

²¹ См. также более ранние публикации данного автора: Манусевич А.Я. У истоков «санации» // Новая и новейшая история. 1974. № 2-3. С.141–159; Он же. «Санация» у власти: О военном перевороте в Польше 1926 г. // Новая и новейшая история. 1986. № 4. С.128–151.

созданию восточной пограничной зоны между Польшей и Советской Россией (СССР). Неустойчивость внутривосточной жизни польской нации в первые годы независимости сказывалась также на выборе правящей верхушкой пути определения будущего статуса восточных воеводств, что означало широкое использование польских силовых структур для подавления национально-освободительных устремлений белорусов.

Славянское население, – резюмировал А.Я. Манусевич, – находилось под постоянным давлением колонизаторской политики Варшавы, которая всячески стремилась в 20–30-е гг. XX в. превратить «свой» Восток в зависимый от центра аграрный придаток, добиваясь полной ликвидации прав национальных меньшинств в области национальной культуры, школьного образования, отказываясь признавать за их представителями статус оппозиционных политических и общественных групп²².

В защищенной в 2003 г. российским исследователем А.В. Гуциным кандидатской диссертации²³ была проанализирована политика польского правительства в межвоенный период, касавшаяся выполнения им международно-правовых обязательств в области защиты прав национальных меньшинств, включая проживавших на северо-востоке страны белорусов, литовцев и евреев. А.В. Гуцин констатировал, что военно-политическое руководство страны, проводя политику национальной дискриминации, полагало ее адресатами не только представителей немецкого национального меньшинства в Верхней Силезии и в других немецкоязычных регионах Польши, но лиц восточнославянской идентичности, проживавших в восточных воеводствах.

В посвященной «Отцу-основателю» польского государства – Ю. Пилсудскому монографии доктора исторических наук Г.Ф. Матвеева, (опубликована в 2008 г. в серии «ЖЗЛ») была проанализирована роль вооруженных сил в стабилизации польской государственности в 1921–1935

²² Краткая история Польши / Отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Наука, 1993. 528 с.

²³ Гуцин А.В. Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 187 с.

гг. Так, современный российский историк указывает на то, что вооруженные силы страны все больше проявляли готовность подчиняться не «политическим временщикам», которых до совершения в мае 1926 г. государственного переворота сменилось у власти в Польше целое множество, а ориентироваться изначально на обладавшего у них безусловным авторитетом Первого Маршала. Придя к власти в результате «майского» переворота 1926 г., Ю. Пилсудский, лишь расширял год от года внутривластные полномочия военных кругов, на которые возлагалась реализация задач режима санации не только в центре, но и на местах, в том числе и на территории восточных воеводств, где польские генералы осуществляли административный контроль за местным населением находившихся под их командованием военных округов²⁴.

В 2012 г. под редакцией доктора исторических наук А.Ф. Носковой вышел в свет общий труд²⁵, который был подготовлен авторским коллективом института славяноведения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и Пермского государственного университета. Во втором разделе данного труда, подготовленном Г.Ф. Матвеевым, на основе тщательного анализа архивных документов была подробно освещена деятельность II отдела Генерального штаба Польши, компетенция которого распространялась, в том числе и на территорию восточного пограничья. Так, Г.Ф. Матвеев указывал, что активная роль польской армии проявлялась не только во время избирательных кампаний, но и в том, что военнослужащие активно привлекались для насаждения среди представителей национальных меньшинств польской национальной идеи.

Г.Ф. Матвееву удалось также всесторонне раскрыть социально-политическую суть режима санации, который был призван утвердить, начиная с 1926 г., новую систему общественно-экономических отношений в Польше исходя из международных реалий, с которыми столкнулась Варшава

²⁴ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. 473 с.

²⁵ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 949 с.

в начале 30-х гг. XX в., когда в условиях лавирования военно-политического руководства Польши между СССР и Германией, являлось жизненно важным укрепление обороноспособности страны путем утверждения польской власти не только в центре, но и на окраинах, а решение этой актуальной для него задачи становилось возможным лишь при опоре на вооруженные силы страны, выступавшими главным носителем новой государственной идеологии, которая была закреплена в «Апрельской» конституции 1935 г.²⁶

Научная деятельность российского исследователя, кандидата исторических наук И.К. Кима включает в себя ряд важнейших научных работ, которые позволяют не только выяснить природу и сущность политики «санации» и ее практическое влияние на внутривластную жизнь Польши в конце 20–30-е гг. XX в. (борьба с оппозицией, разработка и принятие новой Конституции 1935 г., смена политического курса), но и проследить участие Войска Польского в политической жизни на восточных окраинах, начиная с майского переворота 1926 г. и заканчивая падением польской государственности в 1939 г. (центральные и региональные выборы в национальных окраинах страны проходили с использованием силовых ведомств)²⁷.

²⁶ Матвеев Г.Ф. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3 (26). С. 42–51.

²⁷ Ким И.К. Лагерь «санации» и парламентские выборы 1938 г. в Польше // Славяноведение. 1986. № 6. С. 31–42; Он же. Политическая борьба в Польше накануне Второй мировой войны (1936–1939). Волгоград: Изд-во "Волгоград", 2003. 163 с; Он же. Переворот 1926 г. в Польше: разрыв и преемственность во внутривластных отношениях // История: перекрестки и переломы: материалы Международной научной конференции, Волгоград, 14–15 мая 2007 года/ Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет», Кафедра всеобщей истории. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007. С. 309–320; Он же. Парламентские выборы 1935 года в Полесском воеводстве // Гістарычная Брама. 2009. № 1 (24). С. 42–51; Он же. Реакция армии и общества на майский переворот 1926 года в Польше по донесениям польской контрразведки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4 (158). С. 69–72; Он же. Майский переворот 1926 г. в Польше в воспоминаниях современников // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3 (47). С. 113–117; Он же. Польские политические силы и власти в парламентских выборах 1938 года в Полесском воеводстве // Гістарычная Брама. 2010. № 1 (25). С. 39–48; Он же. Отражение в санационной прессе майского переворота 1926 года в Польше // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2010. № 6 (66). С. 66–68; Он же. Идеино-политические основы сотрудничества и противоборства политических сил периода режима санации в Польше // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11, № 2–2. С. 79–83; Он же. Проблема пересмотра конституции в польском Сейме 1928–1930 годов // Российско-польский исторический альманах. Том VII. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. С. 191–211; Он же. Государство, общество, личность в программных документах польских политических сил в период режима санации в Польше // Грани познания. 2014. № 4 (31). С. 151–155; Он же. Избирательная кампания санации перед выборами в Сейм 1930 г. в Польше на

В целом можно сделать вывод, что современная историческая полонистика в Российской Федерации добилась крупных успехов в освещении различных аспектов взаимоотношений Польского государства, с одной стороны, и белорусским национальным меньшинством, с другой. Российские исследователи активно обращаются к анализу роли вооруженных сил, которые занимались на Востоке Второй Речи Посполитой утверждением польской национальной идеи.

Российский историк, кандидат исторических наук Ю.А. Борисёнок²⁸, обстоятельно изучивший особенности национальной политики правительств межвоенной Польши в отношении белорусов, приходит к тому выводу, что режим санации, реализуя разнообразные мероприятия по их ассимиляции, широко опирался, как на административный аппарат восточных воеводств, так и на силовые министерства страны, включая армию и полицию.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН Д.А. Короткова разрабатывает проблематику этнополитических процессов, происходивших

страницах «Газеты польской» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (99). С. 209–216; Он же. Общественно-политический резонанс заключения в Брестской военной тюрьме деятелей польской оппозиции в 1930 г // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 53–59; Он же. О пребывании в военной тюрьме в Бресте деятелей польской оппозиции в 1930 г // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (105). С. 201–209; Он же. Региональные различия влияния основных польских политических Сил в период режима санации как следствие разделов Польши // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: сборник научных статей. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. С. 63–69; Он же. Борьба лагеря санации за принятие Апрельской конституции 1935 г. в Польше // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 75–83; Он же. Брестский процесс над деятелями оппозиции в 1931–1932 гг. в Польше // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 68–77; Он же. Восточные земли Польши и их население в программных документах основных польских политических лагерей (1926–1939 годы) // Феномен границ в истории и исторической памяти: материалы международной научной конференции, Ставрополь, 14–17 октября 2021 года / Северо-Кавказский федеральный университет; Институт славяноведения РАН; Комиссия историков России и Словакии; Российское историческое общество; Фонд «История Отечества». Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. С. 194–205.

²⁸ Борисёнок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 351 с; Он же. Белорусский крестьянин в вихре модернизации. Виталистическая культура первых десятилетий XX века на фоне социальных перемен // Родина. 2014. № 6. С. 120–122; Он же. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 55–65; Он же. Белорусские земли между Польшей и Россией – от разделов Речи Посполитой до окончания Второй мировой войны (1772–1945) // Новая и Новейшая история. 2015. № 5. С. 148–159; Он же. Влияние событий Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 г. на идентичность населения Белорусских земель // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2017. № 2. С. 34–39; Он же. «Белорусскую политику пусть черти подберут»: отказ Ю. Пилсудского от практической реализации федеративной концепции в 1920 году // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2019. № 5. С. 58–72.

на белорусских территориях в конце XIX – первой половине XX в., которые затрагивали не только представителей белорусской идентичности, но и лиц польской, русской и еврейской национальности. В трудах Д.А. Коротковой с опорой на архивные материалы, освещаются вопросы, связанные, как с формированием восточного пограничья межвоенной Польши, так и с деятельностью тех польских властных и военных институтов, которые были призваны утвердить польскую национальную идею среди коренного населения белорусских земель, к числу которых относились не только чиновники, католические священнослужители, осадники и сотрудники «Стражи кресов», но и польские военнослужащие, которые были призваны в первой половине 20-х гг. XX в. символически закрепить восточные территории за Польшей²⁹.

Доктор исторических наук К.В. Шевченко, освещая повседневную жизнь белорусов, которые оказались «заложниками» буржуазно-демократической власти в межвоенной Польше, делает акцент на роль силовых структур Второй Речи Посполитой, которые в «белорусских» воеводствах помогали польским властям насаждать польскую национальную идею³⁰. Данным автором используется успешно апробированный на

²⁹ Короткова Д.А. Белорусский вопрос на советско-литовских переговорах 1920 года // Историко-слависты МГУ: сборник статей / Институт славяноведения РАН. Том Книга 8. Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 504–512; Она же. Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 году // Славяноведение. 2012. №3. С.51–64; Она же. Белорусский вопрос на советско-польских прелиминарных переговорах в Риге // Историко-слависты МГУ / Кафедра истории южных и западных славян МГУ. Том 9. М.: Издательство Московского государственного университета, 2013. С. 173–189; Она же. За автономию, но в составе Польши. Польские организации Белоруссии на Рижской мирной конференции 1920 года // Родина. 2015. № 1. С. 68–69; Она же. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 252с.; Она же. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 222 с.

³⁰ Шевченко К. «Нас считают то москалями, то большевиками...». Пресса Западной Беларуси о положении белорусов в возрожденной Польше // Родина. 2012. № 7. С. 120–123; Он же. Белорусское национальное меньшинство второй Речи Посполитой как объект этнокультурных экспериментов Варшавы в 1919–1939 гг. // Евразийское обозрение – Eurasian Review. Национализм и идентичности в Евразии. Том Выпуск 1. Прага: Medium Orient, 2014. С. 66–88; Он же. Русский мир в борьбе за выживание: западнобелорусские земли в составе Польши в 1919–1939 гг. // Университетский вестник. 2016. № 1 (17). С. 91–111; Он же. «Хитер наш полешук!». Русская пресса белорусского Полесья в составе межвоенной Польши как индикатор этнической идентичности // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. Т. 12. С. 101–113; Он же. «Картина варварства и глупости»: белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг. // Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала: Сборник статей. М.: Кучково поле, 2019. С. 53–67; Он же. Положение белорусского национального меньшинства Второй Речи Посполитой в начале 1920-х годов в освещении западнобелорусской прессы // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: сборник статей. Материалы международной научной конференции, Новозыбков, 28 марта 2020 года. Брянск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Аверс», 2020. С. 194–202; Он же. В ожидании

материале национального самосознания оказавшихся в межвоенный период под властью Чехословакии подкарпатских русин термин «этнокультурной инженерии», который, как и применительно к белорусскому национальному меньшинству, имеет своим содержанием усилия польских властей, направленные на насильственную трансформацию социокультурной, включая религиозную, стороны его жизнедеятельности³¹

Современная белорусская историческая наука изобилует теми специалистами, которые активно занимаются сегодня научными исследованиями, посвященными проблематике восточного пограничья Второй Республики, так как эта географическая область оказалась в совершенно иных общественно-экономических и политических условиях, которые приходилось преодолевать советской власти после окончания Второй мировой войны.

Историческая наука в Республике Беларусь в 90-е гг. XX в. значительно отличалась от нынешней. Это объясняется ошибочным политическим развитием, когда на протяжении десяти лет ряд белорусских исследователей, занимаясь фальсификацией исторического прошлого своей страны, выпускал научные труды, содержание которых было направлено на подрыв культурно-духовного единства двух восточнославянских народов – белорусов и русских. Так, доктор исторических наук З.В. Шибeko, являвшийся специалистом по истории белорусских городов второй половины XIX – начала XX в., опубликовал в 2003 году «Очерк истории Беларуси»³², в котором, опираясь исключительно на работы так называемой «демократической белорусской историографии», осветил исторический путь развития белорусской нации с 1795 по 2002 годы. В данной работе было показано, что исторический путь, а,

освобождения: положение белорусов во Второй Речи Посполитой к сентябрю 1939 года (по архивным материалам) // *Гісторыя і грамадазнаўства*. 2021. № 5. С. 40–48; Он же. «Под небом Полесья»: из истории общественной мысли белорусского Полесья в 1930-е годы // *Белорусский исторический обзор*. 2022. № 1 (6). С. 66–86; Он же. Белорусское Полесье как объект этнокультурной инженерии Польши в 1930-е гг.: медийные аспекты (на основе материалов Государственного архива Брестской области) // *Русин*. 2022. № 70. С. 164–180.

³¹ Шевченко К.В. Этнокультурная инженерия по-варшавски: белорусское и украинское национальные меньшинства Второй Речи Посполитой в 1930-е гг // *Труды института постсоветских и межрегиональных исследований*. 2023. № 6. С.161–175.

³² Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. 257 с.

следовательно, и историческая наука Белоруссии, должны строиться независимо от историографии дореволюционной и послереволюционной России. Автор подчеркивал также необходимость современным белорусским историкам проявлять критическое отношение к тем зарубежным работам польских, литовских и украинских исследователей, которые выражали в них свое пренебрежение к национальному развитию белорусской нации. По этой причине в «Очерке истории Беларуси» содержалась мрачная картина национального угнетения белорусов, как во времена царизма, так и в течение советского периода истории. Свой анализ положения Западной Белоруссии в составе Второй Речи Посполитой автор начал с того спорного утверждения, что советская историческая наука «окрасила этот период нашей истории исключительно в черный цвет». Этим Шибeko стремился указать на утраченный исторический шанс создать в 1918–1920 гг. независимое национально-демократическое государство – БНР, но этому не суждено было сбыться по той причине, как считает белорусский историк, что та часть белорусской нации, являвшаяся сердцем национально-освободительной борьбы, оказалась в межвоенное двадцатилетие «между молотом и наковальней», воплощениями которых были – Варшава и Москва. В то же время З.В. Шибeko справедливо обращал внимание на последовательную политику польских властей, направленную на уничтожение национального самосознания белорусской нации в восточных воеводствах страны путем закрытия православных храмов, белорусских школ, введения запрета на употребление белорусского языка и издание белорусской печатной продукции, а также подчеркивал отсутствие доступа у талантливой белорусской молодежи к обучению в польских университетах, а массовое засилье колонистов польской национальности на территории восточных воеводств, являвшихся в первой половине 20-х гг. XX в. добровольными помощниками военно-полицейского террора, привело к усилению притеснений коренных жителей северо-востока Польши на национально-религиозной почве.

Но если белорусское партизанское движение, пользовавшееся поддержкой со стороны Литвы и Германии, изображается в исследовании З.В. Шибeko как окруженное героическим ореолом, так как БНР утратила, по его мнению, возможность образовать для белорусов подлинное демократическое государство, то партизанская борьба, которая велась при опоре на БССР и РСФСР, оценивается белорусским исследователем как варварская, поскольку в результате устраивавшихся коммунистами в темное время суток террористических актов якобы погибли «сотни людей». Белорусский историк усматривает главную причину поражения большевистской подпольной борьбы в середине 20-х гг. XX в. не в успешности контрпартизанских действий польского Генштаба, а в отсутствии поддержки социалистических идей у основной массы белорусов. Дальнейшая национально-освободительная борьба белорусских демократов в восточных воеводствах Польши, как указывается в «Очерке», стала невозможной, приобретя трагический характер, поскольку со второй половины 20-х гг. XX в. на белорусов обрушались репрессии, как со стороны польских властей (ликвидация оппозиционных партий и общественно-культурных организаций, проведение мероприятий по ассимиляции и создание тюремной системы для содержания политических заключенных), так и со стороны сталинского режима (ропуск КПЗБ и арест ее руководителей, а также уничтожение белорусской интеллигенции).

Но большинство белорусских исследователей, решительно отвергнув такую одиозную историческую концепцию, сосредоточились на создании более объективной картины межкультурных и межнациональных взаимоотношений белорусского народа с поляками во времена Второй Речи Посполитой.

Так, доктор исторических наук В.И. Кривуть, освещая деятельность в указанный выше исторический период в Западной Белоруссии различных

молодежных групп, организаций и движений³³, особо выделяет причины покровительства молодежной политике со стороны польских властей,

³³ Кривуць В.І. Уздел Войска Польскага ў рэалізацыі ўрадавай маладзёжнай палітыкі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 30-я гг. XX ст. // Весці БДПУ. Серыя 2. 2004. № 2. С. 35–38; Он же. Дзейнасць студэнцкай арганізацыі «Братняя Дапамога» Віленскага ўніверсітэта імя С. Баторыя ў 30-я гг. XX ст. // Весці БДПУ. Серыя 2. 2004. № 3. С. 13–15; Он же. Союз работы для Государства – Легион Молодых на территории Западной Беларуси (1930–1938 гг.) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 24. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2008. С. 128–131; Он же. Молодёжные организации на территории Западной Беларуси (1929–1939 гг.). Минск: Белорусская наука, 2008. 166 с.; Он же. Сельскагаспадарчая падрыхтоўка моладзі Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гг. // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2009. № 3. С. 77–82; Он же. Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси (1926–1939). Минск: Белорусская наука, 2009. 254 с.; Он же. Маладзёжная палітыка польскіх улад на тэрыторыі Навагрудскага ваяводства ў 1920–1930-я гг. // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2010. № 4 С. 59–65; Он же. Пад шыльдай «дзяржаўнага выхавання»: рэалізацыя ўрадавых выхаваўчых канцэпцый на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1926–1939). Баранавічы: РВА БарДУ. 2010. 196 с.; Он же. Меропрыятыя властей II Речи Посполитой в сфере военной подготовки молодого поколения // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. 2011. № 1. С. 37–43; Он же. Полесский воеводский союз сельской молодежи и реализация правительственной молодежной политики (1920–1930-е гг.) // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2012. № 1. С. 3–9; Он же. Дзейнасць афіцыйных польскіх арганізацый школьнай моладзі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1927–1939 гг.) // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2012. № 3. С. 61–66; Он же. Саюз польскага харцэрства і яго праца сярод моладзі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 27. 2012. С. 166–169; Он же. Барацьба за маладое пакаленне Заходняй Беларусі і праўрадавы маладзёжны рух (1926–1939 гг.). Баранавічы: БарДУ, 2013. 273 с.; Он же. Католические молодежные союзы и правительственная молодежная политика на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2013. № 1. С. 16–24; Он же. Основные направления молодежной политики польских властей в межвоенный период // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2013. № 9. С. 130–138; Он же. Участие силовых структур II РП в реализации концепции «государственного воспитания» // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. 2013. № 2. С. 18–24; Он же. Польские власти и создание проправительственного молодежного движения на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2014. № 1. С. 13–21; Он же. Деятельность проправительственных молодежных союзов на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2014. № 1. С. 99–106; Он же. «Санацыйная» маладзёжная палітыка і яе эвалюцыя ў Заходняй Беларусі // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2014. № 3. С. 44–49; Он же. Культ асобы Ю. Пілсудскага як элемент дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гісторыя, філасофія, філалогія. 2014. № 2. С. 16–21; Он же. Арганізацыя працуючай моладзі і барацьба з маладзёжным беспрацоўем на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2015. № 1. С. 96–101; Он же. Польскі нацыяналістычны маладзёжны рух у Вільні (1921–1939 гг.) // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2015. № 4. С. 25–29; Он же. Ваенная падрыхтоўка школьнай моладзі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гісторыя, філасофія, філалогія. 2016. № 1. С. 21–24; Он же. Конкурсная система сельскагаспадарчай падрыхтоўкі моладзі Западной Беларуси в межвоенный период // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2016. № 4. С. 19–23; Он же. Палітыка польскіх улад па ваеннай падрыхтоўцы моладзі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2017. № 1. С. 49–54; Он же. Участие Корпуса охраны пограничья в реализации официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в 1920–1930-е гг. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2017. № 1. С. 6–12; Он же. Культурно-массовые мероприятия официальных молодежных союзов на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2020. № 2. С. 6–13; Он же. Акцыя сельскагаспадарчай падрыхтоўкі на тэрыторыі Полесскага воеводства в межвоенный период // Сельское хозяйство Беларуси сквозь призму научных исследований (XIX – начало XXI в.): Доклады Международной научной конференции, Минск, 23 сентября 2021 года. Минск: УП «ИВЦ Минфина», 2021. С. 163–171; Он же. Гарнизон «Барановічы» і рэалізацыя афіцыйнай молодежной политики в межвоенный период //

которые стремились с помощью учительских кадров в военной униформе утвердить польскую национальную идею среди подрастающего поколения белорусов путем его интенсивной физической и спортивной подготовки, решая тем самым проблему комплектования вооруженных сил за счет призывников, которые проживали в северо-восточной части Второй Республики.

В 2006 г. вышел крупный научный труд белорусского историка, сотрудника Национальной академии наук Беларуси, а впоследствии преподавателя кафедры межкультурных исследований Центральной и Восточной Европы Варшавского университета Ю.В. Грибовского «Белорусы в польских регулярных воинских формированиях в 1918–1945 гг.»³⁴, переведенный также на польский язык³⁵. В данной монографии на основе документов из архивов Польши, Белоруссии и Литвы рассматривается политика польских властей по отношению к гражданам Второй Речи Посполитой, которые принадлежали к белорусской национальности. Основной вывод автора сводился к следующему: польское военное командование в межвоенный период не только преследовало цель обучить белорусских рекрутов военному делу в западно-центральных воеводствах страны, но и стремилось приобщить их к польской духовной культуре, т. е. новобранцы белорусской национальности в рядах вооруженных сил Второй Республики становились объектом политики полонизации. Завершив действительную военную службу, белорусские резервисты получали возможность продолжить свою военную карьеру в качестве унтер-офицеров польской армии, более того, польское командование выделяло для представителей белорусской национальности специальные квоты, т. е.

Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. 2021. № 1–2 (9–10). С. 45–49; Он же. Католическое молодежное движение и польские власти в западной Белоруссии (межвоенный период) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 87–114.

³⁴ Грыбоўскі Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фарміраваннях 1918–1945 гадоў. Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг, 2006. 832 с.

³⁵ Grzybowski J. Białorusini w polskich regularnych formacjach wojskowych w latach 1918–1945. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 587 s; Grzybowski J. Belarussen in den polnischen Streitkräften in Friedenszeiten (1921–1939) // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2013. Bd. 62 Nr. 2. Nationalisierung und Pragmatismus. Staatliche Institutionen und Minderheiten in Polen 1918–1939. S. 233–253.

политика полонизации и попечительства со стороны высшего командного состава являлась, по мнению Ю.В. Грибовского, абсолютным благом для польских граждан белорусской идентичности, которые получали тем самым возможность повысить свой культурный и образовательный уровень, а также приобрести достойный заработок для своей семьи с помощью получения унтер-офицерского звания.

Современный белорусских историк, доктор исторических А.Н. Вабищевич не только провел глубокий анализ культурного развития той части белорусской нации, которая перешла в межвоенный период под управление Польши, но и рассмотрел роль военно-полицейского аппарата, который способствовал воплощению политики полонизации на территориях восточных воеводств. Реализация политики полонизации, – подчеркивает автор, – проходила под националистическим лозунгом – «Польша для поляков». Польское правительство в 1930-е гг., согласно выводам белорусского исследователя, возлагало большие надежды в осуществлении ассимиляционных преобразований на органы местного самоуправления, а также на служащих военных округов восточных воеводств. Исследователю удалось убедительно доказать, что национальное самосознание белорусов межвоенной Польши удалось «успешно» ликвидировать в Полесском воеводстве, где возглавлявший его В. Костек-Бернацкий сумел мобилизовать все структуры местной власти, включая полицию и армию, для устранения всех чуждых Варшаве национально-культурных элементов, проживавших в Полесье. А.М. Вабищевич провел также детальный анализ национальной ситуации в других «белорусских» воеводствах северо-востока Второй Республики, в систему управления которых в 30-е гг. XX в. входили польские высокопоставленные военные³⁶.

³⁶ Вабищевич А.М. Литовское культурно-просветительское движение на белорусско-литовском пограничье в 1920–1939 гг. в оценках местной польской администрации // *Lietuvos istorijos studijos*. 19 tomas. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2007. Р. 67–79; Он же. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): манаграфія. Брэст: Выдавецтва БрДУ, 2008. 319 с.; Он же. Проблематика римско-католической церкви в контексте положения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // *Проблемы исторической регионалистики: сб. материалов «круглого стола», 23 мая 2008 г.* / Чувацкий гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2009. Вып. III. С. 17–26; Он же. Паміж паланізацыяй і асіміляцыяй. Этнакультурная

Особого внимания заслуживает вышедшее в 2017 г. исследование белорусского историка В. Зинькевича, в котором освещается история белорусской нации с древнейших времен и до 1991 г. Данный труд представляет собой современное научно-популярное исследование, в основе которого лежит полный отказ от националистических традиций историографии Белоруссии, ставшими заметными после распада СССР. Раскрывая особенности положения восточных воеводств в составе Польши, автор подчеркивает единство исторического развития белорусов и русских, справедливо отмечая, что статья VII Рижского мирного договора 1921 г. не выполнялась польской стороной на протяжении всего межвоенного периода. Более того, польское правительство, провозгласившее курс на ликвидацию национального самосознания белорусского элемента, не стремилось с 1920 г., когда успех в военной кампании был на стороне армии Ю. Пилсудского, придерживаться осторожной национальной политики в отношении жителей восточных воеводств, сделав ставку на замещение ключевых должностей административного аппарата представителями именно польской национальности. Это имело отношение в полной мере к институту вооруженных сил, так как армейские формирования должны были не только защищать восточные рубежи Второй Республики от двух главных внешних угроз – СССР и Литвы, но и оказывать непосредственную помощь местным властям при проведении политики полонизации и экономической колонизации, так как по замыслам польских властей на территории Западной

ситуацыя ў Заходняй Беларусі ў другой палове 1930-х гадоў // Беларуская думка. 2009. № 7. С. 66–71; Он же. Культура и просвещение татар–мусульман в западнобелорусском регионе (20–30-е гг. XX в.) // Проблема исторической регионалистики: сб. науч. ст. Вып. 1 / Чувацкий гос. пед. ун.–т. им. И.Я. Яковлева; отв. ред. Г.И. Тафаев. – Чебоксары, 2009. С. 12–18; Он же. Этнокультурное положение и этнополитические отношения на западнобелорусских землях накануне сентября 1939 года // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 7–25; Он же. Этнокультурные взаимоотношения на западнобелорусских землях в 1921–1939 гг. // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М.: Институт славяноведения, 2011. С. 293–310; Он же. Старообрядцы как этноконфессиональное меньшинство в Польше (1918–1939 гг.) // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 157–171; Он же. Взаимоотношения славянского населения в национально-культурной жизни в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2016. Т. 1. № 1 (9). С. 17–21; Он же. Западное Полесье в 1921–1939 гг.: воеводские и поветовые органы управления и самоуправления // Беларусь и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: сб. материалов научн.–практ. конф., Брест, 29 марта 2017 г. / Брест. гос. ун.–т. им. А.С. Пушкина; редкол.: Л.М. Калилец, Н.В. Самосюк. Брест: БрГУ, 2017. С. 37–43.

Белоруссии большинство жителей должны были составлять именно поляки, а белорусам было уготовано превратиться в ничтожную статистическую единицу³⁷.

Белорусский исследователь, кандидат исторических наук А.Л. Даркович, предпринявший изучение политических, социально-экономических и культурных аспектов городской жизни в северо-восточной части межвоенной Польши³⁸, обоснованно обращает внимание на существенную роль в реализации политики полонизации не только административного аппарата «белорусских» воеводств, но и формирований польских вооруженных сил, сосредоточивших в своих руках контроль за важнейшими инфраструктурными объектами.

В 2016 г. кандидатом исторических наук А.Г. Цымбал была опубликована монография, посвященная анализу тяжелых экономических и политических условий функционирования Православной церкви в межвоенной Польше³⁹. В данном труде белорусский историк не только произвел скрупулезный подсчет многочисленных статистических данных, касающихся численности, как адептов православного вероисповедания в Западной Белоруссии, так и сторонников других христианских церквей, но и показал процесс осуществления на практике политики ревиндикации, в реализации которой принимали активное участие силовые структуры Второй Республики.

³⁷ Зинькевич В. «Несвядомая» история Белой Руси. М.: Книжный мир, 2017. 426 с.

³⁸ Даркович А.Л. Западнобелорусские земли в политике польского государства в 1919–1926 годах (На примере городского самоуправления белорусского Полесья) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 55–67; Он же. Поддержание санитарии и благоустройство в городах на западнобелорусских землях (1919–1939 гг.) // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2017. Т. 1, № 1. С. 72–89; Он же. Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. 310 с; Он же. Городское самоуправление в Западной Беларуси во второй половине 1920-х гг.: национальный состав и межнациональные взаимоотношения // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2021. Т. 13, № 2. С. 13–21; Он же. Городское самоуправление в Западной Беларуси в 1930-е гг. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2022. Т. 14, № 2. С. 21–30.

³⁹ Цымбал А.Г. *Праваслаўная царква ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)*. Мінск: МДЛУ, 2016. 126 с. Еще в 2009 г. данный белорусский исследователь успешно защитил по этой теме диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Белорусская исследовательница, кандидат культурологии Н.В. Самосюк сосредоточила также свое внимание на истории функционирования Православной церкви в межвоенной Польше⁴⁰. Суть выводов автора сводится к тому, что на территории Западной Белоруссии имелся значительный процент населения, продолжавший причислять себя к православному вероисповеданию, и, несмотря на политику ревиндикации, осуществлявшейся польскими властями путем закрытия православных церквей и храмов, лицам белорусской национальности удавалось сохранить свое национальное самосознание. Особенно острый характер такая «религиозная борьба», – констатирует белорусский автор, – принимала со стороны лиц русской национальности, которые, проживая совместно с белорусами на северо-востоке Второй Речи Посполитой, стремились всячески сохранить многовековые духовные традиции своей национальной культуры.

Белорусский исследователь, кандидат исторических наук А.А. Каплиев провел сравнительный анализ функционирования медицинской службы в БССР и в Западной Белорусии, указывая, что система здравоохранения, создававшаяся польскими властями на территории «белорусских» воеводств Второй Речи Посполитой, оставалась недоступной для большинства сельского населения. А.А. Каплиев выделил следующие причины ее

⁴⁰ Самосюк Н.В. Благотворительная деятельность Православной Церкви на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 51–70; Она же. Изменение этнонациональной идентичности в контексте деятельности Православной церкви в Западной Беларуси в межвоенный период // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (22). С. 26–32; Она же. Просветительские традиции православной церкви в культуре Западной Беларуси, 1921–1939 годы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2014. № 15. С. 104–107; Она же. Развитие культурной идентичности православного населения Западной Беларуси в межвоенный период // Искусство и культура. 2015. № 4 (20). С. 96–102; Она же. Особенности воспитания в среде русской общественности в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения: Сборник научных статей, Витебск, 25 октября 2018 года / Под научной редакцией А.П. Орловой. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2018. С. 169–172; Она же. Механизм размывания белорусской культурной идентичности в межвоенный период (на примере образования) // Культура Беларуси: реалии современности: VII Международная научно-практическая конференция, посвященная Году малой родины в Республике Беларусь: сборник научных статей, Минск, 04 октября 2018 года. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2018. С. 212–217; Она же. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Брест: БрГУ имени А.С. Пушкина, 2020. 210 с.; Она же. Православные праздники в культуре Западной Беларуси в межвоенный период // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (45). С. 26–32.

неэффективности: 1) географические и природно-климатические условия север-востока Польши; 2) значительная экономическая и инфраструктурная отсталость белорусских земель от западно-центральных воеводств страны; 3) незначительное выделение бюджетных средств, размер которых не мог кардинально решить проблемы здравоохранения. Вместе с тем белорусский исследователь, подчеркивая, что в таких условиях оказывать медицинскую помощь представителям национальных меньшинств в Западной Белоруссии приходилось находившимся при каждой воинской части в восточных воеводствах страны польским военврачам, положительно оценивает действия военного медицинского персонала, который эффективно боролся, как с заболеваниями отдельных польских граждан белорусской национальности, так и успешно справлялся со вспышками эпидемий инфекционных заболеваний⁴¹. Вместе с тем не следует идеализировать военврачей польской армии, среди которых, как полагает белорусский исследователь А.С. Замойский, имелось немало сторонников евгеники, пропагандировавших селективное оказание медицинской помощи местному населению⁴².

Кандидат исторических наук А.С. Горный обратился к изучению процесса полонизации, который осуществлялся в отношении местного

⁴¹ Каплиев А.А. Исторические условия институционализации скорой медицинской помощи на территории Северо-Западного края и Советской Белоруссии в первой четверти XX столетия // *Vēsture: avoti un cilvēki*. XXI. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saulē», 2018. Lpp. 189–201; Он же. Развіццё службы хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1919–1939 гады) // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2018. № 4. С. 32–42; Он же. Роля таварыства Чырвонага Крыжа ў станаўленні інстытутаў хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1919–1939 гады) // *Весці БДПУ*. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2018. № 2. С. 56–61; Он же. Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.). Минск: Беларуская навука, 2019. 330 с.; Он же. Асаблівасці аховы здароўя Заходняй Беларусі ў складзе Другой Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2020. № 8. С. 29–37; Он же. Медыцынскі перыядычны друк на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XX стагоддзя // *Беларуская думка*. 2020. № 9. С. 66–74; Он же. Медицинское обеспечение населения «Восточных кресов» Второй Речи Посполитой как отражение социальной политики польских властей в Западной Беларуси и Западной Украине (1921–1939 гг.) // *Внутрішні та зовнішні складові формування зовнішньої політики країн пострадянського простору: збірник наукових праць / за заг. ред. А.Г. Булавінського / ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України»*. К.: Державна установа «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2021. С. 29–42; Он же. Зараджэнне і развіццё страхавой медыцыны ў Беларусі (XIX – першая палова XX стагоддзя) // *Беларуская думка*. 2022. № 10. С. 75–83; Он же. Медицинский факультет университета Стефана Батория в Вильно как центр подготовки врачебных кадров для Западной Беларуси (1919–1939 гг.) // *Вітебск: ВГУ имени ПМ Машерова*. 2022. С. 79–81; Он же. Сравнительный анализ обеспечения медицинским персоналом городов и сельской местности в БССР и Западной Беларуси (1919–1939 гг.) // *XVII Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*, Витебск, 20 октября 2023 г.: в 2 т. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. Т. 2. С. 320–323.

⁴² Замойский А.С. Евгеника в межвоенной Польше и ее северо-восточных воеводствах // *Российско-польский исторический альманах*. Выпуск VI. Ставрополь – Волгоград: Изд – во СГУ, 2012. С. 38–46.

населения «белорусских» воеводств Второй Речи Посполитой, как с помощью местного административного аппарата, так и с привлечением полонофильских организаций и движений, активисты которых использовали технические новшества того времени (главным образом радио) с целью привить белорусам польскую культуру. Если сторонники польской государственности получали разрешение на проведение своих культурно-массовых и просветительских мероприятий, то представители антипольских групп и партий подвергались суровым репрессиям, которые достигли своего пика в 30-е гг. XX в.⁴³

Белорусская историческая наука в настоящее время сохраняет заслуживающую уважения практику выпуска многотомных научных исследований по различным проблемам национального прошлого, и для этой цели привлекаются многие белорусские историки, которые в процессе раскрытия конкретных этапов и положений исторического прошлого белорусского народа гармонично дополняют друг друга, что позволяет составить объективную научную картину.

Так, еще в 1995 г. авторским коллективом белорусских исследователей была выпущена вторая книга «Очерков истории Беларуси»⁴⁴, над которой работали следующие профессиональные историки – М.П. Костюк (доктор исторических наук), И.М. Игнатенко (доктор исторических наук), В.И. Вышинский (кандидат исторических наук), В.А. Полуян (доктор исторических наук), Л.М. Лыч (доктор исторических наук), В.Н. Михнюк

⁴³ Горный А.С. Белорусские полонофильские организации в общественно-политической и культурной жизни Западной Беларуси (1921–1937 гг.): историография и источники // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 30–38; He is. Belarusian Polonophiles and Polish authorities in Western Belarus of the interwar period: the financial aspect of the interaction // Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University. 2015. No. 1 (88). P. 11–16; Он же. Белорусские национально-демократические и полонофильские организации в межвоенной Польше // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 107–126; He is. Legal forms of activity in the Belarusian national movement in interwar Western Belarus // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: Сборник научных статей по материалам конференции, Пинск, 25 февраля 2022 года / Под редакцией Р. Гагуа. Редкол.: В.И. Дунай [и др.]. Vol. Выпуск 6. Пинск: Полесский государственный университет, 2022. P. 202–206; Он же. Радио и национальная идентичность в межвоенный период: опыт Западной Беларуси // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года. Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2023. С. 498–502.

⁴⁴ Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. Мінск: Беларусь, 1995. 560 с.

(доктор исторических наук), А.М. Литвин (доктор исторических наук), Я.С. Павлов (доктор исторических наук), А.П. Врублевский (кандидат исторических наук), В.И. Новицкий (доктор исторических наук), Г.Г. Сергеевна (кандидат исторических наук), И.Я. Марченко (доктор исторических наук) и др. В данной части белорусские ученые с помощью анализа новых документов, которые им удалось обнаружить в национальных архивах, предприняли анализ развития белорусского народа от 1917 г. и до крушения СССР. В 11 разделе данного труда, составлением которого занимался В.А. Полуян, было представлено всестороннее освещение той части белорусского народа, который в межвоенный период пребывал в составе Второй Республики. Предметом изучения стали не только условия социально-экономической жизни белорусских крестьян и горожан, но и роль польских осадников и военнослужащих регулярной армии, выступавших помощниками колонизаторов, которые опирались на военную мощь в своем стремлении утвердить польское экономическое, духовное и культурное могущество на северо-востоке страны.

Развитие исторической науки Беларуси продолжилось выходом в 2006 г. пятого тома «Истории Беларуси»⁴⁵, над которым работал также целый авторский коллектив в лице следующих белорусских профессиональных историков – А.Н. Вабищевич (доктор исторических наук), Н.В. Василевская (кандидат исторических наук), И.М. Игнатенко (доктор исторических наук), М.П. Костюк (доктор исторических наук), В.И. Кузьменко (доктор исторических наук), А.М. Литвин (доктор исторических наук), Л.М. Лыч (доктор исторических наук), В.И. Новицкий (доктор исторических наук), В.А. Полуян (доктор исторических наук), А.В. Пашкевич (кандидат исторических наук), И.Н. Романов (кандидат исторических наук), А.Н.Сорокин (доктор исторических наук), В.Е. Снапковский (доктор исторических наук), С.А. Третьяк (кандидат исторических наук) и С.Н. Хомич (кандидат исторических

⁴⁵ Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. Мінск: Экаперспектыва, 2006. 613 с.

наук). Данные исследователи проанализировали исторический путь белорусского народа в 1917–1945 гг., выполнив тем самым тяжелейшую задачу, а именно: они смогли показать те международные, социально-экономические, политические и культурные условия, в которых белорусский народ пребывал в рамках двух государств – СССР и Второй Речи Посполитой. В четвертом разделе «Истории Беларуси» А.Н. Вабищевич и В.А. Полуян всестороннее раскрыли суть политики полонизации в отношении местного населения Западной Белоруссии, приходя к выводу, что она преследовала не только социально-экономические цели, но и призвана была утвердить духовно-культурные и религиозные основы польской нации при помощи опоры на силовые структуры; использование последних объяснялось белорусскими учеными тем, что польская власть в восточных воеводствах встречала вооруженный отпор со стороны местных граждан непольской национальности, которые стремились отстоять свою самобытность, поэтому 20–30-е гг. XX в. государственное руководство Польши широко прибегало к использованию военно-полицейской силы на северо-востоке страны.

В 2014 году в двух томах вышла крупная работа белорусских исследователей – «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.»⁴⁶. Главным редактором издания выступил доктор исторических наук А.А. Коваленя, в подготовке которого принимали участие также следующие историки – В.В. Данилович (кандидат исторических работ), М.Г. Жилинский (кандидат исторических наук), М.П. Костюк (доктор исторических наук), В.Л. Лакиза (кандидат исторических наук), А.М. Литвин (доктор исторических наук), Н.В. Смехович (доктор исторических наук), А.П. Соловьянов (кандидат исторических наук) и С.А. Третьяк (кандидат исторических наук). Авторами данного труда, помимо перечисленных выше историков, являются следующие белорусские специалисты – О.Н. Боровская (кандидат

⁴⁶ Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 1. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т. истории / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2014. 594 с.

исторических наук), А.Н. Вабищевич (доктор исторических наук), И.А. Валаханович (кандидат исторических наук), А.Ф. Великий (кандидат исторических наук), А.С. Горный (кандидат исторических наук), В.В. Зданович (доктор исторических наук), В.И. Кривуть (доктор исторических наук), А.Л. Радзюк (кандидат исторических наук), К.С. Разуванова (кандидат исторических наук), А.А. Савич (кандидат исторических наук), В.Е. Снапковский (доктор исторических наук), А.Г. Цымбал (кандидат исторических наук) и Э.С. Ярмусик (доктор исторических наук). Данный авторский коллектив белорусских историков сумел осветить в первой книге процесс утверждения польской национальной идеи среди местного населения «белорусских» воеводств межвоенной Польши, увенчавшийся успехом для ее государственного руководства, так как реализация политики полонизации поручалась не только органам местного самоуправления, но и военнослужащим действующей польской армии, офицеры которой содействовали в устранении неудобных правительству элементов, причем особенно наглядно такая репрессивная политика проявилась в годы режима санации.

В 2019 г. вышел третий том «Истории белорусской государственности»⁴⁷, в котором раскрываются различные аспекты и этапы развития белорусской нации в условиях глобальных международных и геополитических трансформаций, которые происходили в 1917–1939 гг. Данный труд был подготовлен профессиональным авторским коллективом белорусских историков, а ответственными редакторами третьего тома выступили – В.Г. Мазец (кандидат исторических наук), Н.В. Смехович (доктор исторических наук) и С.А. Третьяк (кандидат исторических наук), а главным редактором всех пяти томов является А.А. Коваленя (доктор исторических наук). В 4 главе имеется отдельный параграф (4.6.), который раскрывает национальные, культурные, общественные и политические

⁴⁷ История белорусской государственности: в 5 томах / редакционная коллегия: А.А. Коваленя (главный редактор) и др.]; отв. ред. В.Г. Мазец, Н.В. Смехович, С.А. Третьяк; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. Минск: Беларуская навука, 2019. Том 3. Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). 640 с.

условия нахождения представителей белорусской нации в составе межвоенной Польши. Над второй частью трудились следующие белорусские историки – В.В. Данилович (кандидат исторических наук), В.И. Кривуть (кандидат исторических наук), А.С. Горный (кандидат исторических наук). Белорусские исследователи указывают при анализе политики полонизации на те инструменты, с помощью которых она воплощалась в жизнь. Одним из них выступали вооруженные силы Польши, дислоцировавшиеся на белорусской земле с 1919 г., и действия польских военнослужащих были направлены на уничтожение национального самосознания белорусов, которые обязаны были во Второй Речи Посполитой подчиняться исключительно польскому политическому, экономическому, религиозному и культурному диктату.

Таким образом, представители исторической школы Республики Беларусь ведут в настоящее время научные исследования, которые посвящены положению белорусского народа в составе межвоенной Польши, раскрывая своих работах различные стороны взаимоотношений поляков и белорусов в рамках единого государства, это касается, в том числе и роли вооруженных сил, на которые возлагалась задача утверждения польской национальной идеи в Западной Белоруссии.

В польской исторической науке рассматриваемая в диссертации тема имеет сложную судьбу. Подготовленные военными историками межвоенного времени «научные» труды, посвященные несению пограничной службы на восточных рубежах Польши, отличаясь апологетическим тоном и антисоветской направленностью, отражали военную природу режима санации, исключавшего всякий вступающий в противоречие с его идеологией критический подход⁴⁸. Подавляющее их большинство представляло собой брошюры и статьи, предназначенные для специалистов в области военного

⁴⁸ Maruszewski A. Ochrona granic w dawnej Polsce i dzisiaj. Warszawa: Druk. Naukowa, 1936. 103 s.

дела⁴⁹. Линия на восхваление подвигов польских пограничников, характерная для довоенной польской исторической науки, была продолжена после окончания Второй мировой войны культивировавшим антикоммунизм по причине установления «народной» власти в Польше эмигрантским направлением историографии, которая была представлена главным образом сотрудниками «Польского Института и Музея Сикорского», созданного в 1945 г. Лондоне в честь трагически погибшего в 1943 г. польского генерала и премьер-министра правительства Польши в изгнании⁵⁰. Включение «народной» Польши в «восточный блок» под эгидой СССР существенно затрудняло в условиях начавшейся «холодной войны» всякое упоминание в национальной историографии о деятельности тех звеньев полицейского и военного аппарата, которые занимались ведением подрывной работы против СССР, подавлением коммунистического движения внутри страны и освободительной борьбы национальных меньшинств⁵¹. Вместе с тем это не означает вовсе, что проблематика, связанная с функционированием в межвоенный период на восточных рубежах Польши пограничных войск, была полностью выведена за рамки исследований⁵². Последние все же велись, предназначаясь, правда, исключительно для служебного пользования, а стать достоянием научной общественности они смогли только после падения социалистического строя в Польше в конце 80-х гг. XX в⁵³.

Среди научных исследований польских историков, выполненных в русле традиционной военно-политической истории, следует выделить совместную работу М. Яблоневского и Е. Прочвича, посвященную проблемам создания разведывательной службы Корпуса Охраны Пограничья,

⁴⁹ Nalepa T. Kawaleria Korpusu Ochrony Pogranicza // „Przegląd Kawaleryjski”. 1933. № 4–5. S. 254–259; Pluta-Czachowski K. Piechota Korpusu Ochrony Pogranicza // Księga Chwały Piechoty. Warszawa: Departament Piechoty MSWojsk. 1937/1938. S. 381–395.

⁵⁰ Gonddek L. Zbiory Instytutu Polskiego i Muzeum im. generała Władysława Sikorskiego w Londynie // Kwartalnik Historyczny. 1977, 84, № 3. S. 783–790.

⁵¹ См.: Dominiczak H. Granica wschodnia Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1919–1939. Warszawa: PWN, 1992. 287 s.

⁵² Biernat F. Rola Korpusu Ochrony Pogranicza w ochronie polskiej granicy wschodniej i wojnie obronnej 1939 roku // Szkice z dziejów wojskowych Polski w latach 1918–1939/ pod red. Benona Miśkiewicza, Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1979. S. 51–102.

⁵³ Dominiczak H. Granica wschodnia Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1919–1939. Warszawa: PWN, 1992. 287 s.

его внутренней организации и особенностям дислокации подразделений на советско-польской границе⁵⁴. Деятельности польской военной разведки против СССР в межвоенный период, включая находившуюся в ее составе разведслужбу Корпуса, посвящена работа А. Пеплонского⁵⁵.

Соотнося существующие в польской историографии научные труды по истории пограничных войск с предметом диссертационной работы, следует констатировать, что с момента выхода Польши из «социалистического лагеря» научный интерес польских историков к проблематике нахождения восточных кресел в составе Второй республики существенно возрос, продолжая усиливаться с каждым годом. Это обусловлено необходимостью возвращения к опыту национальной политики полонизации, которую в 20–30-е гг. XX в. реализовала Варшава в отношении белорусского населения. Поскольку сегодня в границах Подляского воеводства современной Польши проживает значительная часть польских граждан, которая относит себя к белорусской идентичности, ее государственному руководству необходимо заниматься поиском правильных путей межкультурного взаимодействия, а этого возможно добиться только путем тщательного анализа исторического прошлого, и такого рода работа осуществляется рядом современных польских исследователей.

Данный процесс начался в 90-х гг. XX в., когда в 1992 г. вышла монография польского историка Ф. Кусяка⁵⁶, раскрывающая социокультурные аспекты службы и жизни польских офицеров в 20–30-е гг. XX в. Особый интерес представляют те главы данного труда, в которых рассказывается о прохождении офицерами военной службы в восточных воеводствах Польши. Ф. Кусяк, на основе проведенного им анализа личных дел польских офицеров, пришел к выводу, что социальная, национальная, экономическая и природная среда восточного пограничья воспринималась подавляющим их

⁵⁴ Jabłonowski M., Prochwiez J. R. Wywiad Korpusu Ochrony Pogranicza 1924–1939. Warszawa: ASPRA-JR, 2004. 326 s.

⁵⁵ Peplowski A. Wywiad polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa: Bellona, 1996. 392 s.

⁵⁶ Kusiak F. Życie codzienne oficerów Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992. 229 s.

большинством совершенно неприемлемой для нормального «цивилизованного» проживания, поскольку «восточные окраины» Польши являлись для них настолько дикими и отсталыми, что польские офицеры воздерживались порой от вступления в контакт с местными жителями. По этой причине, по мнению автора, офицеры, как правило, воспринимали свою отправку в далекие восточные районы в качестве наказания и ссылки, и большее раздражение у них вызывало то, что коренное население восточных областей следовало не только постоянно оберегать от внешних и внутренних врагов, но и просвещать путем организации и проведения, различных по своему содержанию образовательных акций и культурно-массовых мероприятий. Поэтому большинство офицеров, которые оказались в восточных воеводствах Второй Республики, располагая свободными деньгами вследствие достаточно высокого установленного им жалования, предавались различным порокам.

Но жизнь польских офицеров во Второй Речи Посполитой состояла не только из несения службы и увеселений, как это доказали польские-правоведы Б. Банашек и Г. Кулка, поскольку действовавший на территории всей страны так называемый «кодекс офицерской чести», позволял польским офицерам защищать свою честь и достоинство, как от посягательств своих боевых товарищей, так и гражданских лиц, и это было призвано только усилить процесс полонизации жителей «белорусских» воеводств, поскольку фигура польского офицера объявлялась неприкосновенной и подлежала защите не только с помощью уголовного кодекса, но и на основе внутренних законов польской армии⁵⁷.

В 1995 г. в демократической Польше вышла монография – «История Польши с древнейших времен до наших дней», авторами которой являлись

⁵⁷ Banaszak B., Kulka G. Obrona oficerskiego honoru czy zwykłe zabójstwo? Kontrowersje i dyskusja wokół wybranych orzeczeń wojskowego sądownictwa w II Rzeczypospolitej (do 1926 r.) // Zagadnienia prawa konstytucyjnego. Polskie i zagraniczne rozwiązania ustrojowe. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Dariuszowi Góreckiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. S. 19–32.

три польских исследователя – А. Дыбковский, М. Жарын и Я. Жарын⁵⁸. Их совместное исследование охватывало существенный временной отрезок: с эпохи раннего Средневековья и до начала 1990-х гг. Данный общий труд остается актуальным и в настоящее время, особенно для молодых историков, которые получают возможность познакомиться с историческим прошлым польского народа, так как существенный плюс данного исследования заключается в том, что оно снабжено многочисленными цветными картами, иллюстрациями, фотоснимками и полезными диаграммами. Все эти материалы призваны обеспечить наглядность многих социально-экономических, политических, культурных и внешних тенденций развития польской нации на протяжении её тысячелетней истории. Но польские историки осветили исторический путь своего народа, учитывая достижения исключительно своей «демократической историографии», тем самым их исследование призвано было проследить главные вехи многовековой борьбы поляков с их исконными внешними врагами – немцами и русскими. Данный факт с первых страниц указанного труда указывает не только на многовековые завоевательные тенденции русского и немецкого народов, но и на достаточное пренебрежение к их духовно-культурным ценностям, которые, по мнению польских «демократических» историков, значительно уступают польским. Интересующая нас глава «Вторая Речь Посполитая» была написана Я. Жарыном, который, манипулируя удобными историческими фактами, стремился выразить свое полное отвращение к советскому государству. Автор как раз и превозносил польскую нацию в межвоенное двадцатилетие как главнейший фактор защиты всего западноевропейского мира от агрессивной политики большевиков, а также от завоевательных устремлений немецкой нации. Так, например, советско-польская война 1919–1920 гг. рассматривалась автором как освободительный поход польской нации на Восток с целью избавить жителей Украины, Виленщины и Белоруссии, как

⁵⁸ История Польши с древнейших времен до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын; под ред. А. Сухени-Грабовский и Э. Цезары Круля. Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. 380 с.

от «белой угрозы», исходившей от царских генералов, которые стремились восстановить рухнувшую Российскую империю в границах 1914 г., так и от «красной заразы», финальной целью которой была, по убеждению Я. Жарына, победа «всемирной пролетарской революции». Польский исследователь не случайно подробно останавливался на «спасательных» операциях польской армии против Советской России, так как этот военный конфликт, как подчеркивал Я. Жарын, способствовал восстановлению чести и справедливости восточной границы польской нации, которая была потеряна в XVIII столетии в результате «хищнической природы» Московии. Поэтому для «демократических» историков Польши было важно обелить и оправдать присоединение восточных территорий к Второй Республике. Они, по верному замечанию исследователя, являлись в экономическом плане отсталыми, но причину такой дифференциации между Западом и Востоком автор объясняет в первую очередь тем, что большая часть их территории принадлежала ранее царской России, которая якобы своей непродуманной внутренней политикой привела к экономическому разорению и опустению данных районов, а уже затем исследователь указывал на колониционную политику правящих кругов Польши, которые выкачивали природные ресурсы с последующей продажей их на внешнем западноевропейском рынке. Также правящие круги, как справедливо указывал автор, стремились утвердить в восточных районах Второй Речи Посполитой свою «польскую национальную стихию» с помощью тотального ополячивания славянских меньшинств, т. е. польским правительством осуществлялась так называемая политика полонизации. Данный процесс насаждения Варшавой своего экономического и культурного доминирования начался уже в первой половине 20-х гг. XX в., что и привело к возникновению мощного партизанского движения, которое поддерживалось не только советскими республиками, но и националистическими формированиями. Поэтому для пресечения дальнейших «беззаконных бандитских нападений» польскими властями было одобрено создание Корпуса Охраны Пограничья (КОП), который должен был

выступить в качестве военного заслона и внутреннего карательного органа по подавлению национальных свобод в форме культурных и территориальных автономий. И если в интерпретации указанного автора революционно-национальная борьба в максимальной степени была свойственна лишь украинскому национальному меньшинству, обладавшему, по мнению историка, гораздо большими «возможностями для экономического и культурно-политического развития, а тем самым и сохранения своей национальной самобытности», то белорусы такой энергией борьбы не обладали вовсе из-за нищеты, поголовной неграмотности и фактического отсутствия лидеров из среды интеллигенции, а также мощных политических партий. Но автор совершенно воздержался от анализа направленной на уничтожение и передачу православных храмов католической церкви политики ревиндикации, являвшейся неотъемлемой частью курса на полонизацию, который проводился также с помощью польских военнослужащих. Национальные меньшинства в межвоенное двадцатилетие, по версии Я. Жарына, совершенно не испытывали никаких притеснений и ущемлений в религиозной сфере, что являлось совершенно неверным с исторической точки зрения, но им в то же время особенно были подчеркнуты религиозные гонения на тех польских католиков, которые с 1921 г. проживали в западных республиках СССР.

В 2003 г. вышла монография – «Военные поселения в Пограничье, 1920–1945 гг.», автором которой являлась английская исследовательница польского происхождения Я. Стобняк-Смогожевская⁵⁹. В ней освещены различные аспекты жизнедеятельности польских поселенцев – осадников, которые занимались в восточном пограничье решением «цивилизаторских задач» по приобщению лиц непольской идентичности к основам польской культуры. Данная деятельность представителей польской власти, по мнению Я. Стобняк-Смогожевской, носила исключительно гуманитарный и

⁵⁹ Stobniak-Smogorzewska J. Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945. Warszawa: Seria Wschodnia, 2003. 417 s.

цивилизаторский характер, так как осадники при помощи регулярных воинских частей обучали, снабжали одеждой и продовольствием местных жителей, не отказываясь от оказания помощи даже в кризисные периоды, и жертвуя нередко здоровьем своих детей, которые недополучали порой необходимое им питание. Значительной являлась также роль колонистов, по мнению Я. Стобняк-Смогожевской, в открытии сельских и городских школ, что также осуществлялось нередко за счет их собственных денежных пожертвований.

Признание за польскими колонистами прогрессивной роли в деле «приобщения к цивилизации» белорусов характерно также для монографии другого польского исследователя И.П. Мая, которая вышла в 2007 г. под названием – «Деятельность Восточного института в Варшаве 1926–1939 гг.»⁶⁰. Польский ученый сумел не только изучить историю создания и структуру данного общественно-научного учреждения, члены которого занимались поиском и анализом разнообразных материальных и письменных источников по истории тех коренных народов, которые проживали в восточных воеводствах, но и раскрыть особенности политики полонизации в годы «санации», когда военно-политическое руководство Польши активно использовало для приобщения представителей национальных меньшинств к польской культуре регулярные воинские формирования в лице военнослужащих КОП. Деятельность польских солдат была направлена также на решение созидательных задач, связанных с повышением уровня экономического развития восточных областей Второй Республики.

Роль печатной пропаганды в вооруженных силах Второй Речи Посполитой проследил польский исследователь Р. Томашевский⁶¹, который убедительно показал, что военное министерство межвоенной Польши уделяло особое внимание выпуску военных журналов и газет, ознакомление с которыми должно было повысить образовательный уровень военнослужащих

⁶⁰ May I.P. Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 336 s.

⁶¹ Tomaszewski R. Problematyka wychowania w czasopiśmie wojskowych II Rzeczypospolitej // Czasopiśmiennictwo okresu Drugiej Rzeczypospolitej jako źródło do historii edukacji. 2010. S. 165–175.

и привить им польскую национальную идею, которую в дальнейшем они должны были передавать мирным гражданам. В исследовании сделан вывод, что такого рода пропаганда доходила до польских граждан не только в моменты возвращения демобилизованных в родные места, но и в процессе непосредственного общения польских военнослужащих с местным населением, например, во время совершения ими патрульных обходов или во время сезонных военных учений.

Польский исследователь Е. Рыхлик⁶² приводил доводы, согласно которым правительство возрожденной Польши строго придерживалось тех международных обязательств, которые были зафиксированы в текстах «Малого Версальского договора 1919 г.» и Рижского мира 1921 г., ссылаясь на практику установления попечительства Варшавы над теми общественными, культурными и просветительскими организациями, которые создавались за счет средств государственного бюджета, т. е., по мнению Е. Рыхлика, государственное руководство Польши не ставило своей целью подавление и искоренение национального самосознания белорусского этнического меньшинства, полагаясь на «административный ресурс» и поддержку силовых структур, а, напротив, стремилось привлечь все имевшиеся в его распоряжении средства для повышения культурного, религиозного и образовательного уровня представителей непольской идентичности, которые проживали на восточных окраинах Второй Речи Посполитой.

Польский исследователь В. Слешинский⁶³ указывал на положительные последствия присутствия вооруженных сил на северо-востоке Второй Республики, так как польские военнослужащие, по его мнению, обеспечивали не только защиту «белорусских» воеводств от военного вторжения со стороны советских республик, но и поддерживали общественный порядок,

⁶² Rychlik J. Realizacja praw mniejszości białoruskiej w Polsce i mniejszości polskiej na Białorusi // *Dziedzictwo pogranicza. Realizacja praw mniejszości polskiej na Litwie Białorusi Ukrainie i w Czechach oraz mniejszości białoruskiej, litewskiej, ukraińskiej i czeskiej w Polsce*. 2013. S. 113–140.

⁶³ Śleszyński W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 400 s; On jest. Pogranicze polsko-białoruskie – obszar zgody czy konfliktu // *Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą*. T. 2. 2013. S. 257–268; On jest. Województwo poleskie. Kraków: Avalon, 2014. 335 s.

производя аресты тех лиц, которые стремились поднять революционное восстание с целью присоединить бывшие западные области Российской империи к Советской России. Усилия польских военных властей, по мнению историка, пользовались полной поддержкой со стороны подавляющего числа местного населения, которое осознанно стремилось стать частью польской культуры.

П. Домбровский, являвшийся научным сотрудником Центральной военной библиотеки им. маршала Ю. Пилсудского, проанализировал процесс обучения польских военнослужащих в межвоенный период, а также выявил образовательную роль военных библиотек. Такое повышенное внимание военного командования к задаче просвещения военнослужащих, преследовало, по мнению польского ученого, две цели: во-первых, сформировать из рекрутов воспитанных и образованных личностей, во-вторых, в дальнейшем использовать таких военнослужащих для организации просветительских и культурно-массовых мероприятий среди гражданских лиц для того, чтобы укрепить польское влияние в тех областях Второй Речи Посполитой, где количество лиц непольской национальности превалировало над представителями той национальности, которая и являлась основой всего Польского государства⁶⁴.

Восточное пограничье возрожденной Польши, по мнению польского исследователя Р. Каспршицкого⁶⁵, являлось спасительным оплотом для тех военнослужащих Красной армии, которые, не сумев примириться с победой советской власти, решили самовольно перебраться в Польшу. В межвоенный период, по подсчетам Р. Каспршицкого, более 1 000 красноармейцам удалось устроить свою жизнь и реализовать свои способности в военном деле, неся службу уже в рядах польской армии.

⁶⁴ Dobrowolski P. Działalność edukacyjno-wychowawcza polskich bibliotek wojskowych w II Rzeczypospolitej, Centralna Biblioteka Wojskowa im. Marszałka Józefa Piłsudskiego, Warszawa, 2017. 205 s; On jest. Świetlice żołnierskie – rola i zadania w systemie wychowawczym żołnierzy (1918–1939) // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica. 2018. Nr. 101. S. 147–157.

⁶⁵ Kasprzycki R. Ucieczki do Polski żołnierzy z krajów sąsiednich w latach 1920–1939 // Przegląd Nauk Historycznych. 2017. T. 16. № 1. S. 217–256.

Польский исследователь, научный сотрудник Варминско-Мазурского университета в Ольштыне Г. Лах детально раскрыла особенности несения службы КОП, военнослужащие которого в восточных воеводствах обеспечивали не только охрану восточной границы, протяженность которой составляла около 2 тыс. км., но и выполняли социально-образовательные и гуманитарные задачи. Так, Г. Лах отмечает, что польские пограничники являлись проводниками «цивилизаторской миссии» в отношении представителей непольской национальности, которые на протяжении двух столетий находились под оккупацией московских царей, и в течение этого времени белорусы, литовцы и украинцы лишились своего национального самосознания, став жертвами политики русификации. Поэтому пребывание в 20–30-е гг. XX в. польских войск в восточных воеводствах являлось абсолютным благом для местного населения, которое получило возможность при содействии польской армии вернуться к своим историческим и культурным истокам⁶⁶.

Польский историк белорусского происхождения А.В. Миронович⁶⁷ затронул проблематику положения православного населения и церковных иерархов в условиях межвоенной Польши, приходя к тому выводу, что, с одной стороны, произошло освобождение польской церковной структуры от диктата Московского патриархата, но с другой стороны – польские власти проводили политику ревиндикации, осуществление которой происходило на практике не только с помощью чиновничьего аппарата, но и с опорой на силовые структуры, что вызывало сопротивление и недовольство православного населения на всей территории восточного пограничья, которое

⁶⁶ Łach H. Działalność oświatowo-wychowawcza i kulturalna KOP w latach 1924–1939. Olsztyn, 2011. 225 s.; Ona jest. Praca społeczna jako obowiązek służbowy żołnierzy w garnizonach Korpusu Ochrony Pogranicza // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica. 2018. Nr. 102. S. 89–102.

⁶⁷ Mironowicz A. Specyfika pogranicza polsko-białoruskiego // Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą. 2013. T. 2. S. 249–256; On jest. The Destruction and Transfer of Orthodox church Property in Poland, 1919–1939 // Polish Political Science Yearbook. 2014. Vol. XLIII. S. 405–420; On jest. Church unions and their consequences in Poland // Elpis. 2014. № 16. S. 159–168; On jest. Cerkiew prawosławna w II Rzeczypospolitej // Elpis. 2018. No. 20. P. 85–109; Он же. Православное образование в Польше в межвоенный период // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. № 41. С. 74–92; Он же. Церковные унии в Беларуси, Литве, Украине и Польше и их последствия. Белосток: Кафедра истории Центральной и Восточной Европы Белостокского университета, 2021. 116 с.

в 20–30-е гг. XX в. являлось уникальным социально-культурным регионом во всей Польше.

Современные польские исследователи К. Конрад и О. Охир сумели на основе статистических материалов проследить профессиональную деятельность польских осадников, которые на территории восточных воеводств межвоенной Польши занимались развитием экономики всего региона, а также на основе архивных данных им удалось воспроизвести повседневную жизнь польских колонистов, которые совместно с представителями польской бюрократии и военных участвовали в повышении образовательного и культурного уровня местного населения, которое до 1919 г. в массе своей являлось неграмотным и необразованным⁶⁸.

Доктор гуманитарных наук, научный сотрудник кафедры политической мысли Люблинского университета Марии Кюри-Склодовской Э. Кирвиел⁶⁹ справедливо отмечает, что территория восточного пограничья Второй Республики, к которой относились и западнобелорусские земли, находилась в состоянии постоянного экономического кризиса не только из-за катастрофических последствий Первой мировой и советско-польской войн, но и ввиду суровых природно-климатических и географических условий. Данные факторы, согласно выводам польского исследователя, не могли благоприятно сказаться на жизнедеятельности местного населения, к которому относились не только прибывавшие польские колонисты, чиновники и военные, но и лица восточнославянской идентичности. Значительное ухудшение социально-экономической ситуации произошло в

⁶⁸ Konrad K.K., Ohir O. Społeczne znaczenie osadnictwa wojskowego na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej // Nowa polityka wschodnia. 2020. Nr. 1 (24). S. 154–176.

⁶⁹ Kirwiel E. Cechy charakterystyczne obszaru Kresów Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej okresu międzywojennego // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio K, Politologia*. 2006. Vol. XIII. S. 93–105; *Ona jest. Kresy Północno-Wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1918–1939*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. 219 s.; *Ona jest. Gospodarka Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej uwarunkowania rozwoju, reformy ekonomiczne* // *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku*. 2012. T. X. S. 181–193; *Ona jest. Społeczeństwo Kresów Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej okresu międzywojennego* // *Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą*. 2013. T. 2. S. 179–197; *Ona jest. Życie polityczne mniejszości żydowskiej na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej w okresie międzywojennym. Zarys problematyki* // *Wschód Europy: studia humanistyczno-społeczne*. 2017. Vol. 3. No 1. S. 121–136; *Ona jest. Socio-economic backwardness in the rural areas of the North-Eastern Borderlands of the Second Republic of Poland* // *Wschód Europy: studia humanistyczno-społeczne*. 2019. Vol. 5. No 2. S. 69–85.

годы «Великой депрессии», которая в начале 30-х гг. XX в., оказала пагубное воздействие на всю экономику Второй Речи Посполитой и все меры польского правительства, принимаемые в 20–30-е гг. XX в. с целью поддержки, как фермерских хозяйств, так и создания индустриальной базы в восточных воеводствах возрожденной Польши, не давали ощутимых результатов на практике.

Польский историк В. Ярно⁷⁰ считает деятельность польских вооруженных сил важным фактором улучшения экономического, образовательного и культурного положения в тех воеводствах, где дислоцировались воинские части. Для местного населения они, безусловно исполняя свои должностные функции, становились спасительным средством во время природных катаклизмов и обеспечивали защиту от нападений незаконных вооруженных формирований.

В статье польского исследователя М. Стефанского раскрывается влияние военнослужащих КОП на повседневную жизнь непольского элемента, при этом, исследователь подробно проанализировал программу, как просветительских, так и культурно-массовых мероприятий польских военнослужащих, к компетенции которых относилось осуществление политики полонизации белорусского национального меньшинства в восточных воеводствах⁷¹.

Польская национальная политика в годы режима санации стремилась, по мнению современного польского исследователя-правоведа М. Галедека, ускорить процесс интеграции населения восточных воеводств в единую

⁷⁰ Jarno W. Miejski Komitet Wychowania Fizycznego i Przystosowania Wojskowego w Tomaszowie Mazowieckim w latach Drugiej Rzeczypospolitej // *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*. 2016. S. 117–133; On jest. Służba samochodowa Wojska Polskiego w latach trzydziestych XX wieku // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica*. 2017. No. 99. S. 229–258; On jest. Życie codzienne w garnizonie kaliskim w latach 1921–1939. // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica*. 2018. No. 102. S. 115–133; On jest. Wojsko Polskie w życiu gospodarczym Łodzi w latach II Rzeczypospolitej // *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*. 2019. No. 20. S. 89–102; On jest. Garnizon Wojska Polskiego w Tomaszowie Mazowieckim w latach 1918–1939. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2019. 243 s.; On jest. Dywizjony artylerii ciężkiej jako element wzmocnienia siły ogniowej polskiej dywizji piechoty w końcu lat trzydziestych XX wieku // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia historica*. 2023. No. 114. S. 169–185.

⁷¹ Stefański M. Uroczystości państwowe, wojskowe i religijne w Korpusie Ochrony Pogranicza na przykładzie 16 Batalionu «Sienkiewiczze» w latach 1927–1932 // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica*. 2018. No. 102. S. 157–168.

семью польской нации, но так как имелись враждебные политическому режиму Ю. Пилсудского элементы среди лиц восточнославянской идентичности, то на силовые структуры, включая военнослужащих, возлагалась задача их своевременного устранения во имя процветания всей нации и польской государственности⁷².

Но польская национальная политика на восточных окраинах Второй Речи Посполитой в годы режима санации могла приобретать, по мнению германского историка К. Хеншеля и чешского исследователя С. Стаха⁷³, и более мягкие формы, поскольку политическое руководство Польши не стремилось в условиях враждебного окружения в 30-е гг. XX в. обострять социальную ситуацию в том регионе, который должен был выступить в ближайшем будущем в качестве главного театра военных действий.

Заслуживает внимания также работа французского историка С. Дюллен, в которой советская довоенная эпоха рассматривается с позиций новаторского научного направления – «воображаемой географии» в качестве истории границ и приграничных территорий⁷⁴. Объектом компаративного анализа стало также становление в 20-х XX в. службы охраны границы в соседней с Советской Россией Польше. Автор обращает внимание на схожесть в организации их пограничных войск, практику заимствования ими друг у друга многих методик несения службы, отмечая, что польские, как и советские «стражи границы», были обременены не только выполнением своего служебного долга, но и возлагавшейся на них обязанностью аккультурации и просвещения местного населения⁷⁵. Вместе с тем, имелось, по мнению С. Дюллен, одно важное различие, касавшееся политической

⁷² Gałędek M. Rozporządzenie Prezydenta RP z 19 stycznia 1928 r. o organizacji i zakresie działania władz administracji ogólnej–przełom w budowie ustroju administracyjnego państwa polskiego doby międzywojennej. // *Zeszyty Prawnicze*. 2011. Nr. 11.3. S. 95–123; On jest. Polish authorities and the orthodox church in the interwar period // *Journal of Law*. 2012. S. 76–81; On jest. Administracja państwowa w konstytucji kwietniowej // *Imponderabilia*. Biuletyn Piłsudczykowski. 2012. Nr. 4. S. 233–254.

⁷³Henschel C., Stach S. Einleitung: Nationalisierung und Pragmatismus. Staatliche Institutionen und Minderheiten in Polen 1918–1939 // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2013. Bd. 62 Nr. 2. Nationalisierung und Pragmatismus. Staatliche Institutionen und Minderheiten in Polen 1918–1939. S. 164–186.

⁷⁴ Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики, 1920-1940-е [пер. с фр. Э. Кустовой]. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 416 с.

⁷⁵ Там же. С. 23–24.

подготовки: ее основу у польских пограничников составлял национальный героический эпос, включавший важнейшие этапы и события борьбы за независимость, тогда как политпросвещение советских «визави» имело своим источником исключительно марксистскую теорию классовой борьбы⁷⁶. К числу других существенных отличий автор относит статус пограничной службы в обоих государствах, отмечая, что польские офицеры, отслужив на границе полагавшийся им по «кодексу чести» срок, и прилично заработав за счет выплачивавшегося им повышенного жалования за несение службы, связанной с риском для жизни, не стремились к тому, чтобы провести на восточных рубежах остаток своей карьеры. А у советских пограничников-офицеров наблюдалась, наоборот, тенденция к профессионализации, которая, опираясь на мощную институциональную базу, и скорее на моральные с учетом того почета, которым был окружен защитник границы в довоенном советском обществе, нежели материальные факторы стимулирования, превращала службу на границе в дело всей оставшейся жизни⁷⁷

Из проведенного анализа можно заключить следующее: на различных этапах развития исторической науки СССР, России, Республики Беларусь, Польши и других западноевропейских государств диссертационная тема, не оставаясь полностью за рамками внимания исследователей, получила в силу не зависящих от самих историков обстоятельств однобокое и фрагментарное освещение. Восполнить имеющиеся в изучении ее пробелы и дать комплексную картину участия пограничных войск Польши в процессе экономической и духовно-культурной ассимиляции белорусского населения накануне и во время нахождения у власти режима санации и призвано настоящее исследование.

Объектом исследования диссертации является белорусское национальное меньшинство, проживавшее на северо-востоке Второй Речи Посполитой. Согласно переписи населения 1921 г., результаты которой были

⁷⁶ Там же. С. 33.

⁷⁷ Там же. С. 33–34.

грубо сфальсифицированы польскими властями, белорусы насчитывали 1 млн. 480 тыс. человек⁷⁸. Среди других национальных меньшинств Польши они превышали по численности немцев⁷⁹ (1млн. 59 тыс.), но уступали украинцам, насчитывавшим 4 млн. 319 тыс. человек⁸⁰. Результаты переписи 1931 г. подвергшиеся, как и итоги предыдущей, неприкрытой фальсификации в интересах польской правящей верхушки, определяли численность белорусов в 1 млн. 500 тыс. человек. Но указанная цифра включала в себя так называемых «местных» («тутейших») – лиц, не обладавших сформированным национальным сознанием, и проживавших на пограничной с Волынью территории Южного Полесья⁸¹.

При анализе национальной ситуации, а также проводившихся командованием пограничных войск мероприятий в рамках политики полонизации в захваченном в 1920 г. Польшей у Литвы Виленском крае⁸² рассматривается по касательной также положение литовского национального меньшинства, подвергавшегося в рассматриваемый период, как и белорусское, насильственной полонизации. Численность литовцев на территории Виленского, Новогрудского и Белостокского воеводств составляла по данным 1921 г. 76 тыс. человек⁸³.

Предметом исследования служит комплекс проводившихся командованием пограничных войск Польши в координации с другими государственными органами мероприятий, имевших своей целью утверждение среди белорусов польской национальной идеи.

⁷⁸ Drozdowski M. M. The National Minorities in Poland in 1918–1939 // *Acta Poloniae Historica*. Т. 22. 1970. P. 240.

⁷⁹ *Ibid.* P. 244.

⁸⁰ *Ibid.* P. 236. Перепись населения 1921 г. проводилась на основе субъективного критерия национальной самоидентификации, тогда как перепись 1931 г. исходила из используемого тем или иным лицом языка национального общения.

⁸¹ *Ibid.* P. 240.

⁸² Провозглашенная осенью 1920 г. в г. Вильно в результате так называемого «мятежа» польских войск под командованием генерала Л. Желиговского Республика Срединная Литва в феврале 1922 г. «добровольно» вошла в состав Польского государства. См.: Balkelis T. A Dirty War: The armed Polish-Lithuanian Conflict and its Impact on Nation-Making in Lithuania, 1919–23 // *Acta Poloniae Historica*. 2020. Vol.121. P. 248–250; Pagel J. Der polnische-litauische Streit um Wilna und die Haltung der Sowjetunion 1918–1938 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1992. Bd. 40. H. 1. S. 41–75

⁸³ Drozdowski M.M. *Op. cit.* P. 243.

Цель исследования – изучение деятельности пограничных войск Второй Республики, направленной на осуществление политики полонизации проживавшего на территории восточных воеводств белорусского национального меньшинства накануне и в годы режима санации.

Исходя из поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские **задачи**:

- выяснить объем и содержание обязательств Польши по соблюдению прав национальных меньшинств, закрепленных международными договорами, подписанными, как с представителями держав Антанты («Малый Версальский договор» от 28 июня 1919 г.), так и с молодыми советскими республиками – РСФСР и УССР («Рижский мирный договор» от 18 марта 1921 г.);

- выявить влияние идеологии режима санации на формы, содержание и методы политики полонизации, проводившейся во второй половине 20-30-х гг. XX в. государственным руководством Польши в отношении белорусского национального меньшинства путем сопоставительного анализа статей двух основных законов Второй Республики (Конституций 1921 г. и 1935 г.);

- раскрыть структуру, особенности, основные направления и итоги несения воинской службы унтер-офицерским и рядовым составом пограничных войск на территории «белорусских» воеводств, а также процесс морально-политической подготовки личного состава;

- выяснить характер взаимоотношений между польскими пограничниками и белорусским населением во время ежегодных военных учений на территории восточных воеводств; причины и практиковавшиеся пограничными войсками формы обучения военному делу молодежи и женского населения «белорусских» воеводств;

- рассмотреть цели и содержание «цивилизаторской миссии польской армии» в важнейших сферах жизнеобеспечения белорусского населения;

- установить степень влияния культа Ю. Пилсудского и конфликтовавших друг с другом официальной и неофициальной

праздничных культур на процесс формирования военными пограничных войск Польши «общегосударственного» польского патриотизма белорусского населения;

- выяснить цель, содержание и итоги экономического просвещения белорусского населения восточных воеводств, осуществлявшегося силами польских военных;

- рассмотреть участие военнослужащих пограничных войск в военно-патриотическом воспитании молодежи, в работе по ликвидации неграмотности у взрослых, в оказании «шефской помощи» польским учебным заведениям и во внедрении польской национальной идеи в систему школьного образования «белорусских» воеводств;

- проследить процесс культурно-языковой ассимиляции белорусского национального меньшинства вместе с сопутствовавшими ему формами, методами и результатами;

- рассмотреть деятельность дислоцированных в восточных воеводствах Польши пограничных войск в контексте религиозной ситуации и борьбы с атеистической пропагандой.

Хронологические рамки исследования включают межвоенное двадцатилетие самостоятельного существования Второй Республики: с 1921 по 1939 г. Нижняя временная граница связана с подписанием Рижского мирного договора в 1921 г., по условиям которого Вторая Речь Посполитая получила восточные территории. Официальное вхождение Виленщины в состав Польского государства произошло в феврале 1922 г. Верхняя временная граница ознаменовала начало Второй Мировой войны и временную ликвидацию польской государственности.

Географические рамки исследования охватывают территорию Польши в границах 1921 г., в составе которой находились отошедшие к ней по условиям Рижского мирного договора 1921 г. Белостокское, Новогрудское и Полесское воеводства, являвшиеся частью так называемых восточных кресов. В советской историографии за ними закрепилось название «Западная

Белоруссия», которое превалирует и в современной российской исторической науке. В перечисленных воеводствах согласно официальной статистике 1938 г., продолжавшей искажаться в угоду Варшаве, белорусы численно уступали полякам, за исключением Полесского, где они составляли 62,6% населения⁸⁴. Что касается Виленского воеводства, образованного на месте захваченных в 1920 г. Польшей у Литвы территорий, то в его национальном составе доля белорусов была равна 22,7%, поляков – 59,7%, а литовцев насчитывалось 5,5%⁸⁵. Географическая совокупность указанных территорий⁸⁶ получила в официальных польских документах межвоенного периода обозначение «восточные воеводства» («Województwa wschodnie»). Такой термин применяется и в современной польской историографии к тем восточным окраинам Второй Речи Посполитой, которые отошли к Польше как по условиям Рижского мирного договора 1921 г., так и по итогам польско-литовского конфликта 1920 г.

Употребляемые в диссертации термины и словосочетания «восточные воеводства», «восточные окраины», «восточные области», «восточные территории», «восточное пограничье», «северо-восток Польши» являются синонимами, а термин «"белорусские" воеводства» совпадает с районами размещения белорусского населения в границах четырех указанных выше административно-территориальных единиц.

Методология и методы исследования. Материал диссертации опирается на ряд ведущих методологических положений, предусматривающих рассмотрение выбранной темы в исторической динамике и в «системе координат» изучаемой эпохи (метод историзма) на

⁸⁴ Ким И.К. Восточные земли Польши и их население в программных документах основных польских политических лагерей (1926–1939 годы) // Феномен границ в истории и исторической памяти: материалы международной научной конференции, Ставрополь, 14–17 октября 2021 года / Северо-Кавказский федеральный университет; Институт славяноведения РАН; Комиссия историков России и Словакии; Российское историческое общество; Фонд «История Отечества». Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. С. 195.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ В Приложении № 2 они обозначены, соответственно, цифрами 5, 6, 7 и 8, что позволяет сделать точную географическую привязку употребляемого в диссертации понятия «северо-восток Польши». Помимо указанных административно-территориальных единиц (за исключением Виленщины) территория восточных кресов включала также фигурирующие в приложении № 2 под цифрами 9,14,15,16 Вольнское, Львовское, Станиславовское и Тернопольское воеводства с преимущественно украинским населением.

основе принципа научной объективности, предполагающего непредвзятый анализ неоднозначной в общественно-политическом отношении диссертационной темы. Методология диссертации включает в себя следующие концепции и подходы:

1. Диссертационное исследование базируется на концепции фронта (границы), активно разрабатываемой сегодня в отечественной исторической науке. Диссертант исходил из того, что установленная Рижским мирным договором 1921 г. государственная граница между Польшей и советскими республиками не привела, особенно в 1920-е гг., когда шел процесс ее технического обустройства, к резкому прекращению контактов между двумя частями искусственно разделенного белорусского народа. Свидетельством тому были процветавшая контрабандная торговля, случаи массового ухода в СССР находившегося под властью Польши белорусского населения, продолжавшаяся до середины 20-х гг. XX в. практика забрасывания из СССР на оккупированные Польшей территории диверсионно-разведывательных отрядов, члены которых вели враждебную Варшаве пропаганду и могли положиться на поддержку населения. Наконец, сознание направленных для прохождения службы на границе польских военных было отягощено «ориенталистскими»⁸⁷ предрассудками в отношении передававшегося в их ведение местного населения, которое воспринималось как невежественное, не соблюдавшее правила личной гигиены, нищее и нуждавшееся в постоянной опеке над собой со стороны народа, находившегося на более высокой стадии цивилизационного развития. О достигнутых в этом отношении успехах польских пограничников рассказывалось в колониальном духе во время проводившихся в центральной и западной частях страны выставках. Тем не менее поляки вынуждены были в целях профессионального выполнения своих должностных обязанностей изучать язык и этнокультурные особенности населения приграничья. Применительно

⁸⁷ Ткаченко Д.С. Фронтирный ориентализм в описаниях Д.А. Милютиним Северного Кавказа в 40-е гг. XIX в // Journal of Frontier Studies. 2023. № 4. Р. 49–71.

к теме диссертационной работы речь идет также не только о существовании непроницаемого материального барьера, отделявшего Польшу от СССР, но и о некой воображаемой культурно-политической линии, служившей четким водоразделом между двумя враждебными друг другу социальными мирами.

2. Свою эффективность при работе над темой диссертации показали также теоретические подходы советских и российских исследователей к изучению проблематики национального самосознания в Центральной и Восточной Европе XVIII – XIX вв. Это относится, в частности, к понятию «этнического стереотипа», благодаря которому удалось проследить особенности взаимного восприятия поляков и белорусов на протяжении всего межвоенного периода. Заслуживает пристального внимания также тот факт, что белорусский народ, оказавшийся под властью Польши, не располагал многочисленной прослойкой интеллигенции и образованных людей в целом, представляя собой типичный пример крестьянской нации, не обладавшей полной этносоциальной структурой.

3. Центральным при изучении свойственных режиму санации политических практик, связанных с попыткой переноса на польскую почву элементов фашистских систем, (что, по мнению польских историков, все же не дает основания рассматривать диктаторский режим санации в качестве «завершенной» и полноценной фашистской системы⁸⁸) с оказанием закулисного влияния на ход избирательного процесса, кадровую, экономическую, внешнюю и национальную политику, выступает понятие «политического режима», не тождественного по своему внутреннему содержанию форме государственного устройства. В связи с этим заслуживает особого внимания толкование содержания указанного выше термина, принадлежащее видному советскому исследователю итальянского фашизма Б.Р. Лопухову: «Политический режим определяется как система методов осуществления государственной власти, характеризующих состояние

⁸⁸ Чугаев В.П. Движение за народный фронт в Польше // Вопросы истории. 1977. № 3. С. 54; Лопатина Е.Б. Фашизм или авторитаризм: историографические дискуссии о режиме «санации» в Польше // Фашизм, неофашизм и их преступная практика. Сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой / Отв. ред. А.А. Богдашкин. М.: Изд-во «Весь мир», 2021. С. 324–327.

демократических прав и свобод, отношение органов государственной власти к правовым основам их деятельности. Политический режим определяется и как “внутренняя форма государства”, охватывающая две его стороны: “механизм государства (внутренняя структура власти, связь элементов власти в данной государственной системе) и функции государства (методы и формы осуществления функций данной государственной власти)”⁸⁹.

4. Одного лишь исследования диссертационной темы в рамках политической истории, методы которой продемонстрировали свою эффективность при изучении природы и идеологии режима санации, оказалось недостаточно, чтобы проникнуться мыслями и тревогами белорусского населения, оказавшегося под властью Польши перед трудным выбором: сохранить свою национально-культурную идентичность, в основе которой лежала тесная связь с Россией, или, поддавшись влиянию полонизаторской пропаганды, подвергнуться ассимиляции, превратившись в конечном итоге в лиц, разделявших духовно-культурные ценности польской нации. В этой связи обнаружил свою плодотворность провозглашенный представителями французской исторической школы «Анналов» поворот к изучению человека, обусловивший междисциплинарный характер диссертационного исследования. Он нашел свое выражение в заимствовании методов из ряда других социальных и гуманитарных наук – педагогики, включая дидактику, социальной психологии, филологии, социологии и культурологии, а также медицины, благодаря которым удалось воссоздать социальный в широком смысле этого слова контекст изучаемой эпохи. Все они позволяют детально реконструировать картину того «неравного боя», который развернулся во второй половине 20-30-х гг. XX в., на территории восточных воеводств Польши, где опиравшаяся на достижения научно-технического прогресса польская «цивилизация», объявившая о своей принадлежности к Западу, стремилась подмять под себя тяготевшую к России по своему духу и внутреннему содержанию преимущественно крестьянскую

⁸⁹ Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977. С.3.

белорусскую культуру. Делегирование соответствующих полномочий специальному отряду вооруженных сил, которым являлись польские пограничники, приводило к формированию в сознании коренных жителей «белорусских» воеводств образа врага, переносившегося на каждого представителя польской нации. Именно западнобелорусская земля в 20–30-е гг. XX в. являлась ярким примером национально-культурного противоборства по формуле «свой-чужой». В этой связи было полезным обращение к инструментарию военной антропологии⁹⁰, сделавшим возможным реконструирование психологии и внутреннего мира рядовых солдат КОП, которым была поручена «высокая» миссия приобщения белорусов к материальным и духовным достижениям польской нации.

5. Ценными стали также наработки отечественных исследователей в области изучения исторической памяти⁹¹ и праздничной культуры⁹², которые позволили воссоздать методику формирования и использования в публичном пространстве прижизненного и посмертного культа «Отца-основателя» Польского государства – Ю. Пилсудского и принявшую широкий размах практику манипулирования официальными польскими властями в собственных политических интересах годовщинами важнейших памятных исторических дат, толкование которых не всегда совпадало с теми представлениями, которые укоренились в сознании белорусского национального меньшинства.

В диссертационном исследовании нашли успешное применение следующие общие методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и историко-статистический. Благодаря первому удалось проследить зарождение и эволюцию международной системы защиты прав

⁹⁰ Сенявская Е.С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 8. С. 46–54.

⁹¹ Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Под ред. Е.П. Серапионовой. М.; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 8–16; Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.

⁹² См. статьи тематического номера журнала «Центральноевропейские исследования»: День в календаре: праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв: сборник статей / главный редактор: О.В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения РАН; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 303 с.

национальных меньшинств после окончания Первой мировой войны, а также выявить изменения, произошедшие во второй половине 20 –х гг. XX в. в национальной политике Польского государства. Использование историко-сравнительного метода позволило выяснить влияние идеологии «санации» на формы, содержание и методы национальной политики путем сопоставления объема национальных прав и свобод, закрепленных в Конституциях Польши 1921 и 1935 гг. Историко-системный метод потребовал, с одной стороны, рассмотрения пограничных войск Польши как неотъемлемой части вооруженных сил через призму присущих им задач, с другой – всестороннего анализа участия их в тесной координации с органами государственного управления в осуществлении целого комплекса мероприятий, направленных на полонизацию белорусского национального меньшинства. Обращение к историко-статистическому методу помогло осветить количественную сторону изученных нами процессов и явлений, связанных с особенностями несения пограничной службы военнослужащими КОП и участием их в осуществлении политики полонизации.

При работе над диссертацией использовался также относящийся к категории специальных метод историко-географического районирования⁹³, позволивший упорядочить территорию восточных воеводств с точки зрения следующих критериев: суровых природно-климатических условий, существенно отличавшихся от ситуации в западно-центральных воеводствах. Прибывавшие с их территории польские осадники и военные вынуждены были учитывать природно-климатический фактор при планировании своей хозяйственной деятельности и несении пограничной службы; особенностей административно-территориального деления восточных воеводств (повят, гмина, населенный пункт), не совпадавшего в отношении школьных округов с устройством западно-центральных провинций; экономического значения восточных воеводств, которые продолжали рассматриваться Варшавой в

⁹³ Исаченко А.Г. Принципы историко-географического районирования (на примере Северо-Запада Европейской России) // Известия Русского Географического Общества. 2013. Вып. 1. С. 3–20.

качестве главного сырьевого придатка, что неизбежно влекло за собой обнищание широких масс крестьянства; пестрого национально-религиозного состава населения, в котором преобладал исповедовавший православие непольский элемент, требовавший, по мнению представителей силовых структур Второй Республики, из-за широкого вовлечения его в антиправительственную деятельность постоянного надзора и вмешательства с целью окончательной ликвидации его чуждой полякам духовно-культурной самобытности.

Указанные методологические принципы и методы диссертационного исследования позволили нам всесторонне проанализировать роль Корпуса Охраны Пограничья, осуществлявшего на территории «белорусских» воеводств политику полонизации, основы которой вырабатывались накануне и в годы режима санации, как государственным, так и военным руководством Второй Республики.

Источниковой базой исследования является обширный комплекс неопубликованных и опубликованных документов.

Первая группа документов представлена архивными материалами, которые хранятся в Российском государственном военном архиве (РГВА). Были изучены материалы тех фондов, которые относятся к так называемым «трофейным польским документам». Они позволили выявить роль польских военнослужащих в ликвидации национального самосознания белорусского населения северо-востока Польши. Были привлечены документы из следующих фондов РГВА:

1) Ф. 308к., материалы которого раскрывают особенности работы II отдела Генерального штаба Польши по привлечению вооруженных сил на территории восточных воеводств к проведению политики полонизации в отношении лиц белорусской идентичности;

2) Ф. 354 к., материалы которого отражают контрразведывательную работу на той территории, где была дислоцирована польская армия. Несмотря на то, что документы данного фонда относятся к обстоятельствам

деятельности Тарнопольского воеводства, подобные методы работы применялись также и на территории тех военных округов, которые располагались на северо-востоке Второй Речи Посполитой.

В составе опубликованных источников особое место принадлежит хранящимся в фондах Национальной библиотеки Польши следующим документам:

1) «Бюллетень образования и пропаганды Корпуса Охраны Пограничья» (*Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*)⁹⁴, который выпускался ежемесячно и раскрывал методы проведения политики полонизации среди гражданского населения с помощью военнослужащих данного воинского формирования. Стоит отметить, что указанный источник, согласно выводу польской исследовательницы Г. Лах⁹⁵, не используется (по состоянию на 2014 год) в исторических исследованиях в достаточной мере в качестве важного документа, который может помочь пролить свет на особенности политики полонизации в восточных воеводствах. Но именно данный исторический источник, предназначенный для служебного пользования, способен предоставить в распоряжение исследователей широкую информацию о той «цивилизационной» роли, которую выполняли не только офицеры и унтер-офицеры КОП, но и рядовые военнослужащие. Ценность данного источника для нашего исследования определяется содержащимися в нем мемуарными свидетельствами польских пограничников, а также адресовавшимся военнослужащим практическими рекомендациями, которые были призваны помочь наладить коммуникацию с лицами белорусской национальности, как с помощью силовых действий, так и за счет применения инструментов «мягкой силы».

2) отчеты о жизни национальных меньшинств, составленные Министерством внутренних дел Второй Республики по завершению каждого

⁹⁴ *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936-1939. Всего использовано 23 выпуска данного информационного бюллетеня.

⁹⁵ См.: Łach H. «*Biuletyn oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*» jako źródło badań działalności propagandowej i oświatowej żołnierzy formacji granicznej na Kresach Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej // *Obszary zgody czy konfliktu? Kresy Północno-Wschodnie II Rzeczypospolitej/ Pod red. Wojciecha Śleszyńskiego i Anny Włodarczyk*. Białystok-Kraków, 2014. S. 167–179.

квартила⁹⁶, которые позволили нам выявить не только национальное положение коренного населения северо-востока страны, но и показать роль и значение польских военнослужащих в утверждении польской национальной идеи. Данная группа документов составлялась в специальном Отделе по делам национальностей, который входил в структуру МВД Польши. Квартальные отчеты, после их составления, поступали из Отдела национальностей на стол главе силового Министерства, который держал на контроле не только общую политическую ситуацию в стране, но и отвечал за своевременное выявление и пресечение различных проявлений недовольства гражданского населения в национальных окраинах Польши, включая и «белорусские» воеводства. Такие регулярные донесения позволяли Министерству осуществлять активное сотрудничество с командованием КОП для того, чтобы совместными усилиями успешно противодействовать национальным устремлениям тех народов, которые оказались под прицелом политики полонизации. «Отчеты о жизни национальных меньшинств» имели определенную степень секретности, так как они не покидали стены Министерств внутренних и военных дел.

Изучение ежегодных служебных журналов КОП⁹⁷ сделало возможным рассмотреть конкретные методы участия польского командования в организации и в проведении политики полонизации в отношении белорусского населения возрожденной Польши, которое в 20–30-е гг. XX в. проживало на северо-востоке страны. Ценность данного источника заключается в том, что он включает в себя статистические данные, фотографии и другие иллюстративные материалы, позволяющие исследователям выявить не только численность и состав военнослужащих КОП, дислоцированных в отдельных местностях восточных воеводств, но и

⁹⁶ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1928–1931. Всего изучено 10 отчетов, составленных в 1929–1932 гг.

⁹⁷ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej: 1924–1925. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1925; Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej: 1926–1927. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1927; Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej: 1924–1929. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1929.

составить определенное представление о материальном положении гражданского населения восточных окраин, которое, согласно правительственной пропаганде, улучшалось с каждым годом благодаря активному вмешательству польских пограничников в экономическую и градостроительную ситуацию. Для информирования военнослужащих КОП о событиях на службе, в стране и за ее пределами выпускалось также специальное дополнение⁹⁸, представлявшее собой иллюстрированное периодическое издание. Оно дает информацию о трудовых буднях польских пограничников и условиях их повседневной жизни.

Был также привлечен в качестве источника «Бюллетень Центрального Комитета по делам сельской молодежи» («Biuletyn Centralnego Komitetu do Spraw Młodzieży Wiejskiej przy Związku Izb i Organizacyj Rolniczych R.P.»), издававшийся, начиная с 1932 г., при содействии «Союза палат и сельскохозяйственных организаций». Его материалы позволяют воссоздать характер взаимодействия между молодежными организациями Польши и Корпусом в процессе идеологической и военно-патриотической подготовки подрастающего поколения, а также выяснить содержание и методы экономического просвещения⁹⁹.

Изучение культурно-просветительской деятельности польских пограничников среди белорусского населения потребовало привлечения официальных отчетов Института Народных театров («Instytut Teatrów Ludowych»), в которых сообщалось о возникавших на этом пути кадровых и материальных проблемах¹⁰⁰.

⁹⁸ Na strażnicy i w domu. Ciekawe i pożyteczne wiadomości dla żołnierza K.O.P. oraz jego rodziny/ Pod redakcją Franciszka Jamka-Koperskiego. Warszawa 1935.

⁹⁹ Biuletyn Centralnego Komitetu do Spraw Młodzieży Wiejskiej przy Związku Izb i Organizacyj Rolniczych R.P. Nr 1 (jesień). Warszawa: Centralny Komitet do Spraw Młodzieży Wiejskiej przy Związku Izb i Organizacyj Rolniczych R.P. 1934. S. 1–20.

¹⁰⁰ Sprawozdanie z Działalności – Instytut Teatrów Ludowych. R. 1 (22 kwietnia 1929/31 grudnia 1931). Warszawa. 1932; Sprawozdanie z Działalności – Instytut Teatrów Ludowych. R. 2 (1 stycznia 1932/31 grudnia 1933). Warszawa. 1934.

В процессе работы над диссертацией были привлечены также публикации архивных документов, подготовленных советскими¹⁰¹, российскими исследователями¹⁰², а также историками современной Республики Беларусь¹⁰³. В них помещены документы, которые раскрывают отношение польской центральной власти к решению социальных и национальных проблем, с которыми столкнулась польская администрация в восточном пограничье в процессе проведения политики полонизации, а также характеризуют проблему налаживания взаимодействия Корпуса с проправительственным «Союзом стрелцов». Методы осуществления польской национальной идеи среди белорусского национального меньшинства в межвоенный период проходили серьезную трансформацию, а именно: если в 1921–1926 гг. политическое руководство Второй Речи Посполитой в своей законотворческой деятельности стремилось принимать такие постановления, которые защищали права коренного населения «белорусских» воеводств в различных сферах их жизнедеятельности, касавшиеся образования, культуры и экономических свобод, то с 1926 г., т. е. после так называемого майского переворота, национальная политика осуществлялась преимущественно теми лицами, которые представляли силовые структуры, к ним относились не только жандармы, но и военнослужащие, и такой внутривластный курс являлся выражением самой сущности режима санации, поскольку в высших эшелонах власти усиливалось присутствие высокопоставленных военных, именуемых «пилсудчиками», которые на протяжении 30-х гг. XX в. совмещали в своих

¹⁰¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений / отв. Ред. И.А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская. Т. 3.: 1920, апрель – 1921, март. М.: Наука, 1965.

¹⁰² Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги: документы из личного архива И. В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933-1939 гг.). М.: Международные отношения, 2017. 592 с

¹⁰³ Польша - Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов/сост.: А.Н. Вабишевич [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2012. 423 с. Сборник содержит делопроизводственные документы польской гражданской администрации, военного командования, парламентские запросы депутатов белорусских политических партий, материалы агитации и пропаганды, мемуарные свидетельства участников национально-освободительной борьбы белорусского народа.

руках военную службу с государственной¹⁰⁴. Такая система управления насаждалась и на окраинах Второй Польской Республики, когда воеводское управление перешло в компетенцию не польских чиновников, а командующих военными округами.

Также при работе над диссертацией были использованы акты государственного законодательства. Они включают Конституции Польши 1921 и 1935 г.¹⁰⁵, а также утвержденный 21 июля 1919 г. польским парламентом закон «Об обязательном обучении в польской армии»¹⁰⁶. Если в статьях Конституции 1921 г. нами были выявлены те положения, которые предоставляли белорусскому национальному меньшинству возможность сохранять и развивать свою культуру и религию, то установления Конституции 1935 г. отменяли подобные демократические завоевания, так как страна перешла на рельсы милитаризации всего общества, в котором интенсивно шел поиск «антинародных элементов». Закон от 21 июля 1919 г. предусматривал обязательное обучение польскому языку всех военнослужащих, не посещавших школу и владевших в недостаточной степени его устными и письменными навыками.

Важное место в источниковой базе диссертации занимают материалы социально-экономической статистики. Речь идет о так называемом «Малом статистическом ежегоднике» («Maly Rocznik Statystyczny»), выпуски которого составлялись ежегодно Центральным статистическим управлением (Główny Urząd Statystyczny) Второй Речи Посполитой для того, чтобы показать населению возрожденной Польши не только успехи в социально-экономическом развитии на фоне других государств межвоенной Европы, но и дать общие представления о вооруженных силах страны, которые способны были отразить военную угрозу, как с Запада, так и с Востока. Ежегодная

¹⁰⁴ Зыков Н.П. Особенности польского режима санации 1926–1939 гг.: политический аспект // Аллея науки. 2017. Т. 3. № 10. С. 29–30.

¹⁰⁵ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 17 marca 1921 r. wraz z uzupełnieniami z 1926 roku. Warszawa, 1933; Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935. Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1936.

¹⁰⁶ Ustawa o przymusowym nauczaniu w wojsku polskiem. Z dnia 21 lipca 1919 r. [Electronic resource]. URL: [https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/przymusowe-nauczanie-w-wojsku-polskiem-16873464?unitId=art\(5\)](https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/przymusowe-nauczanie-w-wojsku-polskiem-16873464?unitId=art(5)) (дата обращения: 14.05.2022).

публикация данного статистического сборника объяснялась стремительно менявшейся международной экономической и политической ситуацией, поэтому исследователям рационально использовать статистические данные, вышедшие в свет в 1939 г. накануне исчезновения Польского государства с политической карты Европы¹⁰⁷.

Советская статистика 20–30-х гг. XX в. не отставала по качеству составления количественных данных о социально-экономическом положении населения и инфраструктуре северо-востока Второй Республики от польских специалистов в этой области. Так, в 1939 г. в Советском Союзе вышел подобный статистический справочник, содержание которого давало четкое представление не только о численности населения Западной Белоруссии, но и о состоянии торговли, образования, медицины, железнодорожной сети и сельского хозяйства¹⁰⁸.

Мемуары выдающегося советского разведчика, Героя Советского Союза и одного из организаторов партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной Войны – С.А. Ваупшасова¹⁰⁹ помогли верифицировать содержащуюся в ежегодных служебных журналах КОП второй половины 20-гг. XX века информацию о совершавшихся на территории Западной Белоруссии партизанских рейдах, участником которых был сам автор.

Для воссоздания религиозной ситуации в восточных воеводствах в межвоенный период, включая положение различных христианских сект, были привлечены также в качестве источников предостережения официальной католической церкви для верующих¹¹⁰ и «исследовательские» труды

¹⁰⁷ Mały Rocznik Statystyczny. Główny Urząd Statystyczny (GUS). Warszawa: Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1939. Roc. X. 424 s.

¹⁰⁸ Западная Белоруссия (статистический справочник) / Государственная плановая комиссия при СНК БССР, Управление народнохозяйственного учета БССР. Минск: издание Госплана при СНК БССР и УНХУ БССР, 1939.

¹⁰⁹ Ваупшасов С.А. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. М.: Политиздат, 1971. 464 с.

¹¹⁰ Strzeż się «badaczy Pisma Świętego». № 3. Łuck: Kuria Biskupia, 1928.

современников, рассматривавших религиозные проблемы через призму господствующего вероисповедания – католицизма¹¹¹.

Материалы советской политической публицистики тенденциозно отражали развитие ситуации в Польше в сфере национального вопроса¹¹², впрочем, недалеко ушла от нее и польская, безапелляционно обвинявшая в межвоенный период действовавший под эгидой СССР Коминтерн в стремлении подтолкнуть общество Второй Республики к коммунистической революции¹¹³.

Научная новизна исследования. Впервые в отечественной исторической науке предпринята попытка комплексного анализа деятельности пограничных войск Польши, которые, неся во второй половине 20–30-е гг. XX в. охрану восточных рубежей страны, активно участвовали в осуществлении полонизации белорусского населения с помощью разнообразных методов, среди которых важное место отводилось не только административному нажиму и репрессиям, но и использованию инструментов «мягкой силы». Основные элементы научной новизны состоят в следующем:

1. Введен в научный оборот обширный источниковый материал, отражающий особенности пропагандистко-просветительской работы пограничных войск Польши, как среди военнослужащих, так и гражданского населения «белорусской части» восточных воеводств с целью его полонизации.

2. Раскрыта пропагандистская подоплека «цивилизаторской миссии» польской армии в восточных воеводствах, не исключавшая, правда, реального улучшения условий повседневной жизни белорусского национального меньшинства за счет возведения инфраструктурных и социально-значимых объектов, участия польских военных в ликвидации последствий природно-

¹¹¹ Grelewski S. *Baptyści i adwentyści: wykład*. Poznań: Wyd. Zjednocz. Młodzieży Polskiej, 1934. 4 s; Grelewski S. *Sekty religijne w Polsce współczesnej*. Sandomierz: nakł. i dr. Diecezjalny Zakł. Graf. 1937. 356 s; Grelewski S. *Wyznania protestanckie i sekty religijne w Polsce współczesnej*. Lublin, Sandomierz: nakł. i dr. Diecezjalny Zakł. Graf. Druk., 1937. 830 s.

¹¹² Рафаил Р.А. *Куда ведет Польшу Пилсудский*. Ленинград: Прибой, 1928. 55 с.

¹¹³ Słoński I. *Agentura Kominternu w Polsce*. Warszawa. 1937. 56 s.

стихийных бедствий и оказания квалифицированной медицинской помощи местному населению.

3. Выявлены институциональные роль и значение инструментов «политики памяти», связанных с эксплуатацией правящими кругами Польши при активном участии польских пограничников фигуры «отца-основателя» Польского государства – Ю. Пилсудского и календаря исторических памятных дат в интересах осуществления курса на полонизацию белорусского национального меньшинства.

4. Проанализировано влияние, которое оказывалось военными пограничных войск с целью полонизации белорусского населения в несвойственных функциональному назначению вооруженных сил сферах экономики, образования, культуры и религии.

4.1. Рассмотрена экономическая составляющая политики полонизации, важное место в которой отводилось призванной закамouflировать истинные причины бедственного экономического положения сельского населения белорусской национальности просветительской деятельностью польских пограничников, опиравшейся на содействие прошедших военную службу резервистов из числа сельского населения.

4.2. Выявлен полонизаторский подтекст процесса ликвидации неграмотности взрослого населения, имевший своей целью перехват инициативы у белорусских культурно-просветительских организаций; проанализирована практика обучения молодежи основам военного дела и польского гражданского сознания за счет использования инструмента «мягкой силы»; выявлена пропагандистская подоплека оказания польскими военными материальной, физической и медицинской помощи белорусским учебным заведениям и пострадавшим от последствий эпидемий и голода школьникам; рассмотрено оказание военными «шефской помощи» польским школам, которая была направлена на приобщение посещавших их белорусских учащихся к основам польской духовной культуры; прослежена

попытка перевода внеклассной работы и системы воспитания в учреждениях дошкольного образования на рельсы польского национализма.

4.3. Установлено, что практика ознакомления белорусов с произведениями польской художественной литературы и искусства, осуществлявшаяся благодаря деятельности военных библиотек и театров, являлась важной политической школой, позволявшей навязать с помощью инструмента «мягкой силы» чуждые им духовно-культурные идеалы.

5. Показано, что католическое вероисповедание призывавшихся из западно-центральных воеводств для несения пограничной службы «на креслах» поляков служило важнейшим фактором, позволявшим властям Второй Республики рассчитывать на успех политики ревиндикации, ущемлявшей интересы православной церкви, а также бескомпромиссной борьбы польского правительства с постепенно проникавшими в «белорусские» воеводства униатами и враждебными государству христианскими сектами. Пограничные войска служили также важным средством борьбы с атеистической пропагандой среди местного населения.

6. Раскрыто содержание совокупности коммуникативных методик, применявшихся военными КОП в рамках политики полонизации белорусского населения северо-востока Второй Республики.

Теоретическая и прикладная значимость диссертационной работы состоит в том, что его выводы позволяют существенно дополнить эмпирическую базу изучения проблем белорусского национального самосознания и национального строительства на территории межвоенной Польши путем скрупулезного анализа институциональной роли пограничных войск в проведении политики полонизации. Положения и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории Белоруссии и Польши, спецкурсов по истории формирования национального самосознания народов Восточной Европы первой половины XX в., а также учебных пособий по истории вооруженных сил Польши.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Апрельская» конституция 1935 г., провозгласившая идеологию «обоюдного согласия» и лояльности всех польских граждан по отношению к верховной власти, закрепила особое положение в ней армии, наделив ее широкими полонизаторскими функциями по отношению к национальным меньшинствам.

2. Реализация центральной властью обширной программы экономической колонизации восточных воеводств после урегулирования в 1921 г. польско-советского конфликта, вызвавшая подпитываемую извне открытую партизанскую войну белорусского народа с польскими властями и колонистами, обусловила создание в 1924 г. специального воинского формирования – Корпуса Охраны Пограничья (КОП), на военнослужащих которого возлагалась также задача полонизации местного населения.

3. «Цивилизаторская миссия польской армии» в восточных воеводствах, которая была продиктована в первую очередь интересами самих вооруженных сил и немногочисленной прослойки осевших «на креслах» поляков, заслуживает все же признания и по отношению к белорусскому национальному меньшинству.

4. Культ Ю. Пилсудского, исключавший всякое упоминание о социалистическом прошлом польского лидера, и официальная праздничная культура, насаждавшиеся среди белорусского населения восточных воеводств при активном участии пограничных войск Польши, не сумели в силу ряда объективных причин решить возлагавшейся на них задачи полонизации.

5. Практика экономического (кооперативного, агротехнического и животноводческого) просвещения белорусского населения восточных воеводств, опиравшаяся на содействие польским пограничникам отслуживших в армии крестьян, преследовала цель не только поднять уровень его материального благосостояния, но и исключить тем самым всякую конкуренцию между поляками и представителями коренного населения в наиболее перспективных и прибыльных отраслях народного хозяйства, а также ослабить усиливавшийся год от года из-за медленного хода

аграрной реформы 1923–1939 гг. нажим малоземельных и безземельных крестьян на латифундистские хозяйства польских помещиков и осадников.

6. Важное место в военно-патриотическом воспитании белорусской молодежи отводилось стратегии «мягкой силы», которая предусматривала организацию польскими пограничниками показательных экскурсий с участием подшефных школьников по местам боевой славы и воинским захоронениям советско-польской войны, посещение польских учреждений культуры и музеев, а также достигших крупных успехов промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

7. Главная задача при оказании военными КОП разнообразной «шефской помощи» открывавшимся в восточных воеводствах польским школам сводилась к переубеждению белорусских родителей, не разрешавшим в своей основной массе посещение их своим детям. Существенными были также внимание и финансовая поддержка со стороны польских военных, которые оказывались проведению внеклассных мероприятий и работе дошкольных учреждений.

8. Все попытки духовно-культурной ассимиляции белорусов с помощью налаживания работы библиотек и военных театров перечеркивались сохранявшейся у них острой социально-классовой ненавистью по отношению к польским помещикам и осадникам. Белорусское сельское население смогло привлечь лишь внешняя, бывшая для него в диковинку из-за недоступности достижений материально-технического прогресса (фотопроекторная аппаратура, кинематограф, радио) форма обрушившегося на него потока полонофильской и антисоветской (русофобской) пропаганды, так и не сумевшей окончательно разорвать его незримую духовную связь с многогранной и многонациональной российской культурой.

9. Военнослужащие пограничных войск, являясь одной из сторон треугольника «учитель - военный - священник», призванного вовлечь в орбиту полонизации белорусское население, стояли на страже интересов

государственной религии Польши – католицизма, ведя борьбу с сектантами и атеистической пропагандой.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы докладывались на 4 конференциях, 2 из которых имеют статус международных, а 2 – всероссийских с международным участием. По материалам диссертации опубликованы 7 научных статей, 3 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертационного исследования соответствует поставленным задачам: диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложений.

Глава 1. Институционализация международно-правового механизма защиты прав национальных меньшинств во внутреннем законодательстве Польши в начале 1920-х гг. и ее влияние на политику в национальном вопросе.

1.1 Закрепление прав национальных меньшинств Польши в международных и двусторонних межгосударственных договорах

Первая Мировая война привела к образованию на политической карте Восточной Европы Польского государства – Второй Республики (Второй Речи Посполитой), национальные лидеры которой в лице Ю. Пилсудского и Р. Дмовского боролись, как с оружием в руках, так и дипломатическими методами за возможность восстановления национального суверенитета, что и произошло 11 ноября 1918 г. благодаря крушению трех европейских империй – Российской, Австро-Венгерской и Германской. И если день независимости польской нации удалось закрепить в сознании польских патриотов со всей торжественностью, то вопрос о территориальных границах возрожденной Польши польским государственным деятелям предстояло только разрешить.

Реализация плана, направленного на максимально возможное в тех условиях территориальное расширение Второй Речи Посполитой, отвечала многовековому националистическому польскому лозунгу – «Polska od morza do morza» («Польша от моря до моря») ¹¹⁴ (См.: Приложение № 1), и борьба за выход к Балтийскому и Черному морям усилилась в условиях начавшей в январе 1919 г. свою работу Парижской мирной конференции, на которой выработывались принципы будущего мироустройства. Новая система

¹¹⁴ См.: Курганский А.А. Игнаций Падеревский о границах и внешнеполитической ориентации независимой Польши (1914–1921) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 60–71.

международных отношений призвана была закрепить границы новообразованных государств в Центрально-Восточном регионе Европы¹¹⁵.

На данной конференции польская делегация была представлена И. Падеревским и Р. Дмовским. Если первый являлся на тот момент премьер-министром возрожденной Польши, то второй возглавлял так называемый «Польский национальный комитет» (ПНК), который существовал с 1914 г. Представителям Польши предстояло на Парижской мирной конференции добиться от стран Антанты заключения таких письменных соглашений, которые позволили бы польской нации выйти на границы дораздельной Речи Посполитой 1772 г¹¹⁶.

Достижение поставленных польской дипломатией амбициозных целей осложнялось столкновением интересов ведущих стран Запада, грозившим срывом работы конференции, когда, например глава итальянской делегации премьер-министр В. Орландо, не сумев добиться установления выгодных для Италии границ, решил покинуть общий зал заседаний. Что касается поддержки территориальных требований Польши, то Великобритания в лице премьер-министра Д. Ллойд Джорджа стремилась не допустить усиления Франции за счет ослабления Польши, которая выступала главным союзником Парижа¹¹⁷; такая позиция Лондона исходила из его традиционного внешнеполитического курса, согласно которому на европейском континенте должен был сохраняться баланс сил, и ни одна из стран не должна была

¹¹⁵ Зубачевский В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 84 – 94.

¹¹⁶ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 476; О личностной роли Ю. Пилсудского и Р. Дмовского на Парижской мирной конференции См.: Волос М. Польская дипломатия в время Парижской конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): материалы Международ. научной конференции 11–12 ноября 2008 г. / Федеральное агентство по образованию; Администрация Тамбовской области; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; Институт всеобщей истории РАН; Ассоциация историков Первой мировой войны; Дом-музей Г.В. Чичерина. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. С. 95–101.

¹¹⁷ Прокопов А.Ю. Британское общество и Парижская мирная Конференция // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 86.

занимать место лидера, а такое положение после победы над Германией переходило именно к Франции¹¹⁸.

Польская делегация, которая присутствовала на Парижской мирной конференции, не имела четких представлений о характере решений, вырабатывавшихся представителями так называемого «Совета Четырех», в состав которого входили премьер-министр Франции Ж. Клемансо, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, президент США В. Вильсон, премьер-министр Италии В. Орландо¹¹⁹.

Это объяснялось тем, что польская делегация была представлена в качестве той «малой страны», которая наряду с другими новообразованными государствами была вынуждена подчиняться тем требованиям, которые вырабатывал Верховный Совет, состоявший из представителей великих держав. Ситуация доходила до такого абсурда, что поляки не знали, что в текст окончательного мирного договора с Германией будет включена статья 93 третьей части VIII Отдела Версальского договора, которая обязывала польское правительство законодательно обеспечить все условия для

¹¹⁸ Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): материалы Международ. научной конференции 11–12 ноября 2008 г. / Федеральное агентство по образованию; Администрация Тамбовской области; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; Институт всеобщей истории РАН; Ассоциация историков Первой мировой войны; Дом-музей Г.В. Чичерина. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. С. 91–92.

¹¹⁹ Одну из ключевых ролей в формировании Версальской системы международных отношений сыграл президент США В. Вильсон, который еще 8 января 1918 г. представил свою программу послевоенного мироустройства, получившую название «14 пунктов». В ней, в частности, содержалось не только требование о восстановлении независимости Польши с передачей ей этнически «неоспоримых» территорий, но и о предоставлении ей выхода к Балтийскому морю, что фактически ставило под удар права немецкого населения. См.: Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 121; Он же. Вудро Вильсон и его концепция мироустройства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 2 (422). С. 68–80; Он же. Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4–1. С. 30–38; Он же. США на Парижской мирной конференции: вильсоновская концепция Лиги Наций и ее реализация // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): материалы Международ. научной конференции 11–12 ноября 2008 г. / Федеральное агентство по образованию; Администрация Тамбовской области; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; Институт всеобщей истории РАН; Ассоциация историков Первой мировой войны; Дом-музей Г.В. Чичерина. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. С. 102–111; Матвеев Г.Ф. Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Великой войны // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1 (15). С. 178–180.

сохранения немецким населением Второй Речи Посполитой своей идентичности и возможности свободно развивать свой язык и культуру¹²⁰.

Одновременно с «Версальским мирным договором», который был подписан с Германией, в тот же день, 28 июня 1919 г. Польша заключила так называемый «Договор о меньшинствах»¹²¹ с представителями США, Великобритании, Франции, Италии, Японии, а также британских доминионов - Канады Австралии и Южно-Африканского Союза. Во вступительной части данного договора было зафиксировано, что польская нация имела право на возрождение своего государства, которое было по несправедливости уничтожено во второй половине XVIII в., а также польский народ получил возможность восстановить свой государственный суверенитет с учетом того, что российское правительство еще 30 марта 1917 г. согласилось с провозглашением независимости Польского государства, что в конечном итоге предоставляло его народу возможность возродить свою государственность.

Но во вступительной части договора было сделано уточнение, что в состав возрожденной Польши отходили только те части бывшей Российской империи, которые были заселены преимущественно представителями польской национальности, а также устанавливалось, что на основе того же принципа Второй Республике передавались земли и бывшей Германской империи. Из этого следовало, что не являвшееся этнически польским население данных территорий, которые переходили под юрисдикцию Польского государства, должно было получить международные гарантии защиты своих национальных и культурных прав¹²².

«Договор о национальных меньшинствах» состоял из двух глав, первая из которых включала статьи, закреплявшая права этнических, религиозных и языковых меньшинств, а вторая глава содержала статьи, которые определяли

¹²⁰ Kierski K. Ochrona praw mniejszości w Polsce. Poznań, 1933. S. 22.

¹²¹ Свои подписи поставили премьер-министр Второй Речи Посполитой И. Падеревский, который к тому же являлся и министром иностранных дел, и председатель Польского национального комитета Р. Дмовский.

¹²² Kierski K. Op. cit. S. 87.

дипломатические, экономические и торговые сношения¹²³. Но, как справедливо отмечает российский историк С. В. Кретинин, «показательно, что в договоре особо были прописаны права немецкого и еврейского меньшинств, но прямо ничего не говорилось об украинском и белорусском, хотя именно эти национальности составили в итоге большинство среди национальных меньшинств страны»¹²⁴. Как видим, краеугольным камнем Договора стал вопрос о защите прав тех национальностей, которые вошли в состав Второй Речи Посполитой, поэтому необходимо обратиться к анализу конкретных статей I главы данного договора¹²⁵.

Так, 1-я статья устанавливала, что польское правительство обязуется в своей политической деятельности не принимать никаких законодательных актов, постановлений и указов, которые нарушали бы целостность и отдельные положения всей I главы данного договора¹²⁶. Данная статья была призвана обязать все государственное руководство Польши, независимо от дальнейших изменений в его партийно-политическом составе в результате парламентских выборов, как это уже имело место в начале 1919 г., неукоснительно соблюдать данное международное соглашение. Это обязательство было зафиксировано и в 12-й статье, которая являлась заключительной; в ней, в частности, содержалось положение, что данный договор является документом международного значения, и он будет воплощаться в жизнь под пристальным контролем Лиги Наций, и его положения могут быть изменены только в том случае, если большинство членов Совета Лиги Наций дадут на это свое согласие¹²⁷.

¹²³ II глава раскрывала такие детали, которые касались назначений дипломатических и консульских представителей, предоставления таможенных привилегий в торговых отношениях, была провозглашена также свобода сообщений и транспорта, и данный раздел договора обязывал польское правительство присоединиться к международным телеграфным, железнодорожным и санитарным конвенциям.

¹²⁴ Кретинин С.В. Немцы в Польше. 1918–1939 гг.: монография / Науч. ред. А.Г. Айрапетов; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 25.

¹²⁵ За рамками данного анализа остались статьи 10–11 данного договора, которые посвящены сохранению политических, образовательных, религиозных и гражданских прав еврейского населения Второй Польской республики.

¹²⁶ Kierski K. Op. cit. S. 89.

¹²⁷ Ibid. S. 93.

2-я статья возлагала обязанность на польское правительство сохранять свободу и жизнь всем гражданам Второй Республики независимо от места их рождения, национальности, расы, языка и религиозной принадлежности, и в данной статье закреплялось, что государственное руководство Польши не будет чинить никаких препятствий тем религиозным течениям, которые придерживались, как публично, так и тайно своих убеждений, и разрешалось налагать карательные санкции только в том случае, если данные религиозные учения наносили вред «общественному порядку и добрым нравам»¹²⁸. Последнее означало, что правительству разрешалось издавать отдельные постановления, которые запрещали деятельность таких конфессий и религиозных групп, которые представляли опасность для государства и территориальной целостности страны, но это не касалось католической церкви, а было адресовано в первую очередь протестантам, позиции которых были сильны в бывших немецких землях, а также тем православным, которые изъявили желание приобрести польское гражданство.

7-я статья данного договора содержала положение о том, что все граждане Польши равны перед законом, и имели равные возможности пользоваться гражданскими и политическими правами. Это касалось, в том числе и обеспечения равного доступа к занятию государственных должностей всех уровней, и обеспечивало возможность приобретать профессию в любой отрасли. Данная статья гарантировала свободное использование в Польском государстве любого языка, который разрешалось употреблять не только в повседневном общении, но и в религиозной сфере, а также в печатных изданиях, которые были рассчитаны на специализированную публику. Несмотря на то, что польский язык являлся государственным, представители национальных меньшинств Второй Речи Посполитой получали право пользоваться льготами, предоставлявшими им

¹²⁸ Kierski K. Op. cit. S. 89.

возможность изъясняться в судебных учреждениях на своем родном языке, как в письменной, так и в устной форме¹²⁹.

Статья 8-я предоставляла национальным меньшинствам возможность создавать, открывать и контролировать за свой собственный счет различные общественные, благотворительные и религиозные учреждения, к которым относились фонды, церкви, школы и другие образовательные организации¹³⁰. Следующая Статья 9-я детально зафиксировала обязанность властей Польши открывать национальные школы для лиц польской идентичности в тех городских и сельских районах, где местное население в большей степени было представлено национальным меньшинством, и в этом случае открытие национальных школ, преподавание в которых должно было вестись на родном для учеников языке, являлось строго обязательным для польских властей. Статья 9-я обязывала также правительство Польши составлять государственный и муниципальный бюджет таким образом, чтобы имеющиеся природные блага и денежные средства распределялись равномерно между лицами польской идентичности и теми, кто относился к категории национальных меньшинств, что было призвано устранить национальную, расовую и социальную дискриминацию¹³¹.

В Договоре содержались и такие статьи, которые предоставляли возможность свободного выбора гражданства. Так, статья 3-я гарантировала право всем лицам, которые находились в составе возрожденной Польши самостоятельно определять гражданство той страны, в которую они пожелают отправиться на постоянное местожительство¹³². Данное положение было закреплено по той причине, что в составе возрожденной Польши оказались бывшие подданные Германской, Австро-Венгерской и Российской империй, которым предстояло теперь сделать самостоятельный выбор по определению своей государственной принадлежности, также им разрешалось не только забрать с собой свое движимое имущество, которое при

¹²⁹ Kierski K. Op. cit. S. 91.

¹³⁰ Ibid. S. 91–92.

¹³¹ Ibid. S. 92.

¹³² Ibid. S. 90.

пересечении границы не облагалось таможенными пошлинами, но и сохранить за собой недвижимое имущество в самой Польше. Статьи 4, 5 и 6—я отдельно устанавливали, что лица непольской национальности, предки и родители которых родились на территории бывших Центрально-Восточных империй, имели полное право обратиться в органы власти с соответствующим заявлением о своем отказе от польского гражданства¹³³, т. е. право выбора гражданства предоставлялось непосредственно заинтересованным лицам, а не находилось в компетенции государственных органов Второй Речи Посполитой и формально не зависело от политической воли ее руководителей. Правда, в начале 1920 г. власти возрожденной Польши утвердили специальный закон о польском гражданстве, в котором главным условием его получения объявлялся принцип постоянного местожительства, что значительно сокращало круг лиц, которые желали стать гражданами Второй Речи Посполитой¹³⁴.

Статьи Договора были успешно ратифицированы польской стороной уже 31 июля 1919 г., и свои подписи в ратификационных грамотах поставили И. Падеревский и Ю. Пилсудский; последний был тогда в должности «Начальника польского государства», и его подпись следовала первой, что говорило о политической зависимости премьер-министра от Ю. Пилсудского.

Как видим, государственное руководство Польши приняло условия «Договора о национальных меньшинствах» и обязывалось строго следовать его положениям в своей законотворческой деятельности. Но данный договор был заключен Польшей не с каждой страной в отдельности, которые входили тогда в «Совет Четырех», к которой относились и их доминионы, а со всеми сразу, потому что в тексте договора были указаны только две стороны — Польша и «Великие союзные и объединившиеся державы». Такой подход обязывал в будущем великие державы в рамках деятельности Лиги Наций (за исключением США, которые не стали членом этой международной

¹³³ Kierski K. Op. cit. S. 90–91.

¹³⁴ Симонова Т.М. Русские в Польской Республике и Лига Наций (1919–1939 гг.) // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 203.

организации) обеспечивать и защищать права национальных меньшинств, которые являлись польскими гражданами.

Также существенным территориальным вопросом для возрожденной Польши, который обсуждался на Парижской мирной конференции, было создание белорусскими националистами БНР, лидеры которой в лице А. Луцкевича, В. Ластовского и Я. Середы, смогли лишь отправить для участия в ней делегацию, которая потерпела полный дипломатический крах не только из-за проявленной ей пассивности в отстаивании своих политических интересов перед странами Антанты, но и в силу кардинально изменившейся на тот момент международной ситуации, характеризовавшейся победоносным для Польши ходом войны с Советской Россией, что не могло привести к поддержке националистических устремлений белорусов ни со стороны Варшавы, ни со стороны Москвы¹³⁵.

Так, «Договор о национальных меньшинствах» от 28 июня 1919 г. обязывал Польшу обеспечивать национально-духовное и культурное развитие всем своим гражданам, которые являлись лицами непольской идентичности, это касалось и тех лиц бывших западных губерний Российской империи, которые изъявили желание стать гражданами Второй Республики, и которые по своему мировоззрению продолжали оставаться представителями восточнославянской ветви¹³⁶. Но данные международные обязательства не имели своего практического воплощения, так как еще весной 1919 г. польская сторона открыла военные действия в отношении молодых советских республик, и к началу 1920 г. армии Ю. Пилсудского удалось занять всю ту территорию, на которой проживали белорусы, включая и город Минск.

¹³⁵ Михалюк Д. Попытки добиться признания независимости БНР в период Парижской конференции // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 203. С. 176–178; Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. Москва: Центрполиграф, 2019. С. 117–120; Мезга Н.Н. Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. и перспективы белорусской государственности // Метаморфозы истории. 2022. № 23. URL: <https://history-metamorph.ru/s0020219-0-1/> (дата обращения: 20.10.2021).

¹³⁶ Польское политическое руководство первоначально выступало против подобных обязательств, так как рассматривало это как грубое вмешательство в свои внутренние дела, но продемонстрировавшие недюженное дипломатическое мастерство лидеры стран Антанты смогли убедить в конечном счете польскую сторону подписать положения об охране прав национальных меньшинств. См.: Прибылов В.И. Создание Лиги Наций и Польша // Славяноведение. 1979. № 5. С. 22–24.

Военная конфронтация между Варшавой и Москвой завершилась окончательно 18 марта 1921 г. с заключением так называемого Рижского мирного договора, положения которого были призваны не только решить судьбу белорусской земли и ее жителей, но и определить принципы будущего национального сосуществования восточнославянских народов (русских, белорусов и украинцев) с поляками.

18 марта 1921 г. в столице независимой Латвийской Республики – Риге, был подписан мирный договор между возрожденной Польшей, с одной стороны, РСФСР и УССР – с другой. В его преамбуле прямо заявлялось, что обе стороны были рады констатировать окончание военного противостояния, которое было лишь приостановлено, но не исключено текстом Прелиминарного мира от 12 октября 1920 г., и выражали надежду на то, что текст данного мирного соглашения будет окончательным, прочным, почетным и основанным на взаимном соглашении всех сторон¹³⁷, т. е. во вступительной части мирного договора представители заинтересованных сторон выразили уверенность своих правительств в том, что с 18 марта 1921 г. польско-советские отношения смогут выйти на совершенно новый уровень, и в будущем это не приведет к новой военной конфронтации, а также будут созданы благоприятные условия для налаживания полноценных дипломатических и торгово-экономических связей между всеми подписавшими его государствами. Это касалось также и Белорусской Советской республики, которая, как и ранее, делегировала свои полномочия правительству РСФСР¹³⁸.

¹³⁷ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Документы и материалы по истории советско-польских отношений / отв. Ред. И.А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская. Т. 3.: 1920, апрель – 1921, март. М.: Наука, 1965. С. 520.

¹³⁸ Делегирование Советской Социалистической Республикой Белоруссией (ССРБ) своих дипломатических полномочий на конференции в Риге РСФСР означало крупную победу советской дипломатии, поскольку государственное руководство Второй Речи Посполитой признавало тем самым существование советской власти в Белоруссии. См.: Goclon J. Polsko-radziecki traktat pokojowy zawarty w Rydze w 1921 r. (aspekty polityczno-narodowościowe). Przegląd Nauk Historycznych. 2009. V. 8. Nr. 1. S. 112; Бароўская В.М. Пытанне ўдзелу беларускіх прадстаўнікоў у працы Рыжскай мірнай канферэнцыі (верасень 1920 г. – сакавік 1921 г.) // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. у лёсах народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 26 сак. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2022. С. 29–30.

Так, статья III окончательно гарантировала суверенитет БССР и УССР, но так называемые территории Западной Белоруссии и Западной Украины передавались Второй Республике, что означало юридическое признание польского суверенитета над их восточнославянским населением. Также данная статья Рижского мира оговаривала самостоятельность польско-литовских территориальных проблем, не допуская какого-либо вмешательства со стороны советских республик¹³⁹. Это подтверждалось и положением статьи XXIII Рижского мира, которая закрепляла суверенитет Польского государства над новыми территориями восточных воеводств¹⁴⁰.

Статья V предусматривала взаимное уважение государственного суверенитета всех участников Рижского мира: отказ от прямого и тайного вмешательства во внутренние дела путем «агитации, пропаганды и всякого рода интервенций, либо их поддержки»¹⁴¹. Эта статья носила взаимовыгодный характер, так как советские правительства России, Украины и Белоруссии получили юридические гарантии защиты своей территориальной и государственной независимости от нападений так называемых «белогвардейцев», которые получали ранее полную военную и материальную поддержку со стороны правящих кругов Польши¹⁴², не говоря уже о предоставленных им поляками своей этнической территории и Виленского края.

Но и в свою очередь для Польши положения этой статьи виделись гарантом спасения от «большевистской угрозы», которая к тому времени приняла четкие организационные формы в лице Коммунистического Интернационала (Коминтерна), центральный орган которого поддерживал

¹³⁹ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 524. О месте Литвы во внешней политике Польши и Советской России (СССР) в первой половине 20-х гг. XX в. См.: Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918-1926 годах. М.: Аспект Пресс, 2016. 171 с.

¹⁴⁰ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 539.

¹⁴¹ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 525.

¹⁴² Симонова Т.М., Глушковский П. История русской эмиграции в Польше в 1919 – 1939 гг.: новые источники и современная историография проблемы // Вестник РУДН. Серия «История России». 2018. Т. 17. № 1. С. 60–61.

прокоммунистические партии, движения и организации в европейских странах.

Статья IV была призвана разрешить многовековое противостояние восточных славян (русских, украинцев и белорусов) с польской ветвью западного славянства, так как обе стороны отказывались принимать во внимание те спорные моменты, которые не были разрешены в период существования Российской империи, а точнее с периода «Трех европейских разделов» конца XVIII в¹⁴³. Но, это не означало восстановления культурно-духовной исторической справедливости, нашедшей отражение в статье XI Рижского договора, по условиям которой советские республики обязывались возвратить Второй Речи Посполитой все предметы художественно-культурного наследия польской нации, которые вывозились вплоть до 9 ноября 1918 г. не только по распоряжениям правительств Российской империи, начиная с 1772 г., т. е. с момента первого раздела Речи Посполитой, но и по приказам физических и юридических лиц. Не подлежали возврату только те предметы культуры и искусства, которые перешли в распоряжение советских республик в период советско-польской войны 1919–1920 гг. Для осуществления поставленной цели была образована специальная смешанная комиссия с резиденцией в Москве, в состав которой входили по три представителя от каждой стороны. Такой выбор места работы смешанной комиссии объяснялся тем, что именно в столице РСФСР легче было вести поиск предметов художественно-культурного наследия польской нации, составлять описи и выдавать справки, которые имели прямое отношение к утраченным культурным ценностям.

К предметам польского национального достояния относились библиотечные, археологические и архивные хранилища, а также отдельные произведения искусства, предметы древности, и частные коллекции, которые имели историческую, национальную, археологическую, художественную и

¹⁴³ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 524.

научную ценность. Также достоянием польской нации считались и военные предметы – национальные знамена, штандарты, орудия, личное оружие, полковые регалии и многие другие. Но если перечисленные выше предметы польского исторического наследия были вывезены в период 1772–1918 гг. с территорий БССР и УССР, то такие предметы не подлежали возврату, так как они считались неотъемлемой частью культурного достояния белорусов и украинцев, как и то, что было в свое время вывезено их владельцами на территорию РСФСР по личному согласию и законным путем¹⁴⁴.

Статья VI Рижского мира призвана была реализовать право всех лиц, достигших 18-го возраста, на оптацию польского или советского гражданства. Оптированными лицами считались также граждане, которые находились под следствием, судом или в местах заключения. Так, о праве стать гражданином Второй Республики могли заявить те проживавшие на территории УССР и РСФСР представители польской нации, которым на 18 марта 1921 г. исполнилось 18 лет, но при условии, если они являлись потомками участников борьбы за независимость Польши в период 1830–1865 гг. или потомками тех, кто проживал на территории Царства Польского, входившего до 1915 г. в состав Российской империи. При таких условиях лица польской национальности, или те, кто ассоциировал себя с польской идентичностью, имели право получить гражданство Польши. Приобрести советское гражданство имели возможность те лица, которые проживали в границах Второй Республики, это, в частности, касалось и тех, кто ранее являлись подданными Российской империи. Сам процесс оптации происходил с помощью специально заполненного заявления, которое можно было подать в учреждениях, представлявших то государство, на гражданство которого лицо претендовало. Затем данное заявление поступало в Министерство (Наркомат) иностранных дел для его рассмотрения в течение одного месяца, и после истечения указанного срока следовало решение о

¹⁴⁴ Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.) М.: Наука, 1969. С. 199–200.

предоставлении права оптации или отказе в нем. Важно также отметить, что вся процедура оптации была для заинтересованных лиц безвозмездной, т. е. оптация не облагалась никакими денежными сборами, а также гражданин имел право вывезти с собой свое имущество¹⁴⁵.

Заслуживает внимания тот факт, что 3-й пункт статьи VI предоставлял всем лицам, которые к моменту подписания Рижского мирного договора находились по разным обстоятельствам за пределами стран-подписантов, полную гарантию их прав на получение польского или советского гражданства.

Более важным являлся 4-й пункт статьи VI, который регулировал процесс выбора гражданства представителями целых семейств: если с оптацией главы семьи, т. е. мужа, выражала несогласие его супруга, то женщина получала полное право самостоятельного выбора, который автоматически переходил к ее несовершеннолетним детям. Также 4-й пункт предоставлял сиротам право на оптацию, но только при условии достижения ими совершеннолетия. А если лицо было недееспособным (по медицинским показаниям), то юридические его представители, которыми выступали его ближайшие родственники, сами определяли за него гражданство¹⁴⁶. Данный пункт являлся «революционным» для своего времени, так как обе стороны, подписавшие 18 марта 1921 г. мирный договор в Риге, не стали выводить женщин и лиц с ограниченными возможностями за пределы правового поля.

Статья VII Рижского мира гарантировала культурно-духовную автономию и национальное развитие белорусам, украинцам и русским, которые оставались в границах Польши, а также это касалось тех представителей польской национальности, которые приняли решение

¹⁴⁵ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 526–527.

¹⁴⁶ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 526.

остаться на территории советских республик России, Украины и Белоруссии¹⁴⁷.

Все представители данных национальностей получали возможность сохранять и развивать свою культуру, язык и религию. Такое развитие должно было происходить на основе внутреннего законодательства стран-подписантов, что означало издание таких актов и постановлений, которые по своему внутреннему содержанию не препятствовали открытию национальных школ, просветительских кружков, организаций и библиотек, а также зданий религиозного предназначения – церквей и храмов. Религиозные сооружения получали также от правительств двух сторон право на приобретение своего личного движимого и недвижимого имущества. Все это должно было осуществляться в рамках закона, т. е. никакие государственные органы не могли вмешиваться во внутренние дела образовательных, просветительских и религиозных организаций и объединений, если их деятельность не нарушала внутреннее законодательство этих стран, но и само это законодательство должно было способствовать сохранению и развитию национальной идентичности белорусов, русских, украинцев, проживавших в возрожденной Польше, а также поляков, оставшихся в советских республиках.

Статья VIII закрепляла отказ от выплаты всякой контрибуции, т. е. обе стороны воздерживались от взыскания друг с друга денежных средств, израсходованных во время советско-польской войны 1919–1920 гг.¹⁴⁸. Данная статья носила взаимовыгодный характер, так как в случае согласия одной из сторон на осуществление таких выплат, незамедлительно последовали бы требования по компенсации всех тех убытков, которые имели место в результате причинения материального ущерба юридическим и физическим лицам.

¹⁴⁷ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 527–528.

¹⁴⁸ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 528.

Статья IX Рижского мира призвана была окончательно урегулировать сложный репатриационный процесс, о котором указывалось в Статье VII Прелиминарного договора от 12 октября 1920 г и в «Дополнительном протоколе» от 24 февраля 1921 г. Это было важной предпосылкой для возвращения на Родину тысяч лиц с обеих сторон, которые оказались в качестве военнопленных¹⁴⁹, эмигрантов, беженцев, заложников и интернированных. Также данная статья возлагала обязательства на страны-подписанты компенсировать каждые три месяца те расходы, которые понесла противоположная сторона за все время содержания репатрируемых, а определение такой суммы возлагалось на смешанные комиссии российско-украинско-польской делегаций. Более того, обе стороны брали на себя обязанность осуществлять уход за могилами, как гражданских лиц, так и военнопленных, а также тех солдат и офицеров, которые погибли (независимо от их званий и должностей) во время советско-польской войны. Это означало также, что правительства Польши и советских республик должны были препятствовать забвению памяти погибших с обеих сторон, а в случае необходимости предпринимать все возможное, если противоположная сторона выступит с предложением установки памятников на могилах или попросит провести эксгумацию с целью доставки останков на Родину¹⁵⁰.

Статья X гарантировала полную амнистию всем лицам, которые участвовали в действиях, направленных на подрыв государственного строя, или безопасности противоположной стороны. Такая амнистия распространялась и на граждан, которые решили выбрать процесс оптации или репатриации. Амнистия распространялась и на всех лиц, которые находились к моменту подписания договора под следствием, судом и в местах заключения. Если в отношении заключенных, деяния которых носили

¹⁴⁹ Проблематике советских военнопленных в Польше посвящены документальные публикации и многочисленная исследовательская литература: См.: Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. документов и материалов. Москва-Санкт-Петербург: Летний сад, 2004; Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг // Новая и новейшая история. 1995. № 3; Симонова Т. Поле белых крестов. Русские военнопленные в польском плену // Родина. № 4; Матвеев Г.Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны // Вопросы истории. 2001. № 9;

¹⁵⁰ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же.

уголовный характер, одна из сторон имела право отказать в амнистии, то в этом случае противоположная сторона могла заявить о своем желании принять данное лицо, которое без промедления должно было выдаваться противоположной стороне со всеми судебными бумагами и заключениями, но и в этом случае данные лица, как правило, получали свободу, но уже у себя на Родине¹⁵¹.

Статья XII Рижского мира определяла также путь установления взаимного доверия между обеими сторонами, так как советская власть передавала польской стороне все имущество Российской империи, которое имелось на территории Царства Польского, включая «имущественные права бывшего царя и членов бывшего царствовавшего дома, наконец, всякого рода имущество и имущественные права, пожалованные бывшими царями»¹⁵².

Статья XIII декларировала, что участие Царства Польского в экономической жизни Российской империи было значительным и игнорировать данный факт не представлялось возможным. В связи с этим советские республики обязывались выплатить возрожденной Польше 30 млн. золотых рублей в годичный срок с момента ратификации Рижского договора¹⁵³.

Процесс начала реэвакуации железнодорожного и речного имущества из Советских республик в Польшу разъяснялся в статьях XIV–XV Рижского мира. Реэвакуация являлась также сложным вопросом в двухсторонних польско-советских отношениях, поскольку с началом Первой мировой войны и до 1 октября 1915 г. (момента отхода регулярных частей русской армии с территории Царства Польского вглубь Российской империи) было эвакуировано большое количество железнодорожного состава, судов, и много другого транспортного имущества. Поэтому правительство советских республик было обязано заняться отысканием и возвращением Польше

¹⁵¹ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 528–529.

¹⁵² 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 532.

¹⁵³ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 533.

вывезенного с ее территории транспортного имущества, а если данное имущество на территории советских республик пропало или было уничтожено, то правительство РСФСР обязано было компенсировать польской стороне его стоимость в золотых рублях. Но если имущество, которое должно было быть передано возрожденной Польше, в Советской России находилось не в руках правительственных и иных государственных органов, а было в собственности третьих лиц, то советское руководство обещало это имущество изъять и передать его польским властям. Для осуществления процесса реэвакуации создавалась также специальная совместная смешанная комиссия, в состав которой входили по 5 представителей от каждой стороны.

Что касается вопроса, связанного с национальным положением литовцев в Виленском крае, то в статье III Рижского мира указывалось, что польско-литовские отношения выходят за территориальные и межнациональные рамки польско-советских отношений, так как польско-литовские взаимоотношения являлись внутренним делом двух независимых государств, а вмешательство коммунистического руководства советских республик в суверенные дела отдельных стран провозглашалось в корне неприемлемым для советской власти¹⁵⁴. Но это не означало, что польская власть получала право нарушать национальные и культурные права тех лиц, которые проживали на территории Виленского воеводства, так как значительная часть его жителей относилась к белорусской идентичности, оставаясь при этом польскими подданными, защита прав которых, в этом случае, гарантировалась Рижским договором.

Рижский мирный договор был составлен на русском, украинском и польском языках и подлежал обязательной ратификации обеими сторонами в течение 30 дней со дня его подписания. После чего представители российско-украинско-польской делегаций должны были обменяться ратификационными

¹⁵⁴ 1921 г., март 18, Рига. – Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой // Там же. С. 524.

граммотами в Минске в течение 45 дней со дня подписания мира, что в итоге и произошло: ВЦИК произвел ратификацию Рижского мирного договора 14 апреля, а 16 апреля данную процедуру осуществил парламент Польши.

Таким образом, положения Рижского мира закрепляли территориальный раздел белорусского, украинского и литовского народов, которые оказались в противоположных общественно-политических системах¹⁵⁵ с разными стартовыми условиями для развития национальной культуры. Три нации оставались разделенными в течение почти двух десятилетий, а их политическое, культурное и экономическое положение определялось отныне той национальной политикой, которая вырабатывалась в высших эшелонах власти Польши. «Уродливое детище Версальского договора», как справедливо называл Польшу В.И. Ленин, стремилось удержать под своей властью значительное количество национальных меньшинств, которые составляли в восточных областях абсолютное большинство: 7,5 млн. украинцев, белорусов, евреев и всего лишь 1.5 млн. поляков¹⁵⁶.

1.2 Национальная политика накануне и в годы режима санации в свете положений Конституций 1921 и 1935 гг. о правах и обязанностях граждан Польши.

В межвоенной Польше общество успело пройти в своем развитии через два различных по своему содержанию и установкам политических периода, первый из которых являлся «парламентским», его хронологические рамки определялись 1921–1926 гг., а второй – «санационным», начавшимся в мае 1926 г. после совершения государственного переворота, во главе которого стоял национальный герой польской нации – Ю. Пилсудский. Второй период оказался более продолжительным, завершившись вместе с постигшей Польшу «сентябрьской катастрофой» 1939 г.

¹⁵⁵ Не относиться к литовцам, остававшимся, как в Литве, так и на территории Виленского края в условиях буржуазного государства.

¹⁵⁶ Кретинин С.В. Указ. Соч. С. 36.

Если в «эру парламентаризма» внутривластная жизнь Польши определялась теми законопроектами, которые принимались двухпалатным парламентом (Сеймом и Сенатом), гарантировавшим весь объем закрепленных в европейском законодательстве того времени политических, экономических, культурных и духовных свобод своим гражданам, то в во время существования «режима санации» Вторая Республика встала на путь милитаризации всех сфер жизнедеятельности польских граждан, когда потребности отдельных индивидов, групп и объединений отходили на второй план, а во главу угла были поставлены интересы всего Польского государства, военно-политическое руководство которого стремилось проводить национальную политику, способную, по его мнению, привести страну к всеобщему благосостоянию и величию.

Ключевыми документами, которые обусловили подобные колебания в политической жизни Второй Речи Посполитой в 20–30-е гг. XX в, являлись два основных закона – Конституции. Первая Конституция была провозглашена в 1921 г., когда страна встала на путь мирного развития после завершения советско-польской войны 1919–1920 гг., а вторая Конституция была принята в 1935 г., главным проводником которой являлся уже на тот момент тяжело больной Ю. Пилсудский, который с 1934 г. ускоренно готовился к военному противостоянию с СССР, будучи твердо уверенным в том, что так называемый «извечный враг польской нации» обязательно нападет на возрожденную Польшу с Востока¹⁵⁷.

Чтобы понять те политические условия, в которых проживали представители национальных меньшинств на северо-востоке Польши

¹⁵⁷ Благоприятным моментом в советско-польских отношениях в межвоенный период являлось только трехлетие 1933–1935 гг., после чего взаимоотношения между Варшавой и Москвой стали приобретать напряженный характер. См.: Грегорович С. Польша между Германией и Россией в европейской политической системе межвоенного периода // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 235. Но вместо того, чтобы воспользоваться открывшейся после установления нацистской диктатуры в Германии возможностью нормализации двусторонних отношений, Варшава согласно документально подтвержденному выводу российского историка С.В. Морозова вела в 1934 – весной 1935 гг. совместно с нацистской Германией и милитаристской Японией подготовку к нападению на СССР. См.: Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 140–142.

необходимо сопоставить положения этих двух Конституций, особенно те из них, которые устанавливали объем прав и обязанностей всех лиц, которые являлись польскими гражданами. Необходимо также составить исчерпывающее представление о сущности политического строя Второй Речи Посполитой, так как это позволит нам в дальнейшем определить суть проводившейся ее правящими кругами политики полонизации.

Так, 17 марта 1921 г., накануне заключения Рижского мирного договора независимая Вторая Республика приняла свою долгожданную Конституцию, положения которой определили внутривнутриполитическое развитие страны в течение последующих четырнадцати лет. Прежде чем приступить к рассмотрению ее основных положений следует отметить, что «Мартовская» конституция 1921 г. являлась на тот момент самым демократическим документом во всей Европе¹⁵⁸, достаточно отметить, что согласно ее двум статьям I раздела вся верховная власть в стране принадлежала исключительно польскому народу, который делегировал свои законодательные функции двухпалатному парламенту – Сейму (нижняя палата) и Сенату (верхняя палата)¹⁵⁹; при этом, согласно статьям 11–12 II главы конституции парламентские выборы в Польше объявлялись всеобщими, тайными, прямыми, равными и пропорциональными, а право голоса принадлежало каждому гражданину независимо от его половой, религиозной и национальной принадлежности¹⁶⁰, единственным ограничением являлся только возрастной ценз, так как правом голоса мог воспользоваться только тот гражданин, который достиг возраста 21 года¹⁶¹, и

¹⁵⁸ Воронков В.И. ПСЛ-«Вызволене» и польская конституция 1921 г. // Славяноведение. 1978. № 6. С. 89; Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. С. 135.

¹⁵⁹ Ustawa Konstytucyjna Rzeczypospolitej Polskiej: uchwalona przez Sejm Ustawodawczy w dniu 17 marca 1921 roku. Warszawa: Księgarnia i Skład Nut Perzyński, Niklewicz i Sp., 1921. S. 5.

¹⁶⁰ Ibid. S. 7.

¹⁶¹ Депутатом Сейма, согласно статье 13 II главы конституции 1921 г., мог стать каждый гражданин Второй Речи Посполитой, возраст которого составлял не менее 25 лет, что касается выборов в Сенат, то, согласно статье 36 II главы конституции, избранным в верхнюю палату парламента мог стать каждый гражданин Второй Республики, которому исполнилось 30 лет, а также при условии, что в день выборов кандидат в данном избирательном округе прожил не менее одного года, но это не касалось тех граждан, которые были вынуждены из-за работы покинуть свое местожительство, и это положение являлось важным фактом для тех польских землевладельцев (колонистов), которые прибывали в восточные воеводства из западно-центральных областей Польши с целью укрепления власти института осадничества.

избирательного права были лишены те лица, которые в момент выборов находились на действительной военной службе, т. е. это касалось тех польских граждан, которые были призваны в армию согласно всеобщей воинской повинности, в то время как за унтер-офицерами и офицерами, служившими в вооруженных силах, избирательное право было сохранено.

Статья 5 II главы конституции предусматривала, что только сейм обладал правом устанавливать численность польской армии и ежегодно давать разрешение на призыв в ее ряды новобранцев, т. е. от самих парламентариев зависело, когда начнется призывная кампания, и какое количество рекрутов необходимо было призвать на военную службу, поэтому депутаты были формально ограждены от влияния на них со стороны польских военных и соответствующих силовых министерств¹⁶².

Раздел V «Мартовской» конституции 1921 г. был посвящен общим обязанностям и правам, которыми должны были обладать все граждане Второй Республики, и первой их обязанностью являлось засвидетельствование верности Польскому государству (статья 89 V раздела)¹⁶³; вторая обязанность заключалась в соблюдении гражданами страны всех положений, как конституции, так и других законов и распоряжений польского правительства, деятельность которого находилась под контролем народных представителей (статья 90 V раздела)¹⁶⁴; третьей важной обязанностью польских граждан являлось несение военной службы (статья 91 V раздела)¹⁶⁵. Все граждане Польши находились под единой правовой защитой независимо от своей национальности, языка, расы, вероисповедания и социально-имущественного статуса (статья 95 V раздела)¹⁶⁶, также верховный закон страны не признавал никаких родовых и сословных привилегий, равно как никаких гербов, и иных титулов, что

¹⁶² Ustawa Konstytucyjna Rzeczypospolitej Polskiej: uchwalona przez Sejm Ustawodawczy w dniu 17 marca 1921 roku... S. 6.

¹⁶³ Ibid. S. 22.

¹⁶⁴ Ibid. S. 23.

¹⁶⁵ Ibid.

¹⁶⁶ Ibid.

свидетельствовало об установлении равенства всех польских граждан перед законом (статья 96 V раздела)¹⁶⁷.

Конституция 1921 г. защищала всех польских граждан не только от произвольного преследования со стороны властей (статья 97 V раздела)¹⁶⁸, но и запрещала применять в отношении задержанных, арестованных и подсудимых физическое насилие и все то, что было связано с истязаниями (статья 98 V раздел)¹⁶⁹. Конституция вводила принцип неприкосновенности личного движимого и недвижимого имущества всех польских граждан, исключение допускалось лишь по решению судебной инстанции, когда требовалось произвести обыск или конфискацию (статья 100 V раздела)¹⁷⁰.

Польское правительство обязано было, согласно Конституции 1921 г., удовлетворять культурные, нравственные и религиозные потребности всех граждан Польши, независимо от того в какой сфере они осуществляли свою профессионально-трудовую деятельность или же они были обязаны находиться в таких условиях, которые не позволяли им самостоятельно делать выбор в своем личном развитии, это касалось и рядовых военнослужащих, которые пребывали либо в казарменных комнатах, либо в военных госпиталях, либо в полевых условиях во время учений в военное и в мирное время (статья 102 V раздела)¹⁷¹.

Статья 104 V раздела Конституции 1921 г. провозглашала полное право всех граждан Польши свободно выражать свои убеждения, не опасаясь нарушить этим верховный закон страны¹⁷². Согласно статье 108 этого же раздела¹⁷³, гражданам дозволялось свободно выражать свое мнение на народных собраниях, а также путем создания коалиций, обществ и союзов, и

¹⁶⁷ Ustawa Konstytucyjna Rzeczypospolitej Polskiej: uchwalona przez Sejm Ustawodawczy w dniu 17 marca 1921 roku... S. 23.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ Ibid.

¹⁷⁰ Ibid. S. 25.

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² Ibid. S. 26.

¹⁷³ Ibid.

соблюдение принципа свободомыслия закреплялось в статье 106 того же раздела, равно как и тайны переписки между всеми гражданами¹⁷⁴.

Статья 105 V раздела обеспечивала в Польше полную свободу печати, т. е. запрещалось вводить цензуру и другие ограничения на свободу распространения информации в печатных произведениях. Эта же статья запрещала мешать распространению газет и журналов, которые легально издавались на территории Второй Республики¹⁷⁵.

Правовой статус всех национальных меньшинств закреплялся в статьях 109-111 V раздела Конституции 1921 г.¹⁷⁶, в которых перечислялись следующие предоставлявшиеся им права: во-первых, каждый польский гражданин имел полное право сохранять свою национальность, свободно говорить на том языке, который считал родным и придерживаться своих национально-культурных особенностей; во-вторых, все национальные меньшинства Второй Республики имели право создавать и открывать за свой счет собственные образовательные и воспитательные учреждения, в которых разрешалось вести преподавание на своем родном языке и удовлетворять те религиозные потребности, которые были характерны для этой национальности. Данное положение подкреплялось статьей 117 того же раздела, в которой прописывалось, что каждый гражданин Польши, обладавший педагогической специальностью, имел право открывать соответствующие просветительские организации независимо от своей этнокультурной принадлежности, но при условии, что в таких учреждениях будет обеспечена техническая и моральная безопасность учащихся и педагогического состава, а само руководство этой организации будет проявлять в отношении законного правительства лояльную позицию¹⁷⁷; в-третьих, национальные меньшинства имели право свободно исповедовать свою религию, как публично, так и в частном порядке.

¹⁷⁴ Ustawa Konstytucyjna Rzeczypospolitej Polskiej: uchwalona przez Sejm Ustawodawczy w dniu 17 marca 1921 roku... S. 26.

¹⁷⁵ Ibid.

¹⁷⁶ Ibid. S. 27.

¹⁷⁷ Ibid. S. 28.

Правда, следует отметить, что религиозная принадлежность польского гражданина не должна была вступать в противоречие с его остальными обязанностями, т. е. если религия удерживала такого польского гражданина от выполнения им общественных предписаний и других его гражданских обязанностей, предусмотренных основным законом страны, то в этом случае религиозная составляющая нарушала положения конституции 1921 г. (статья 112 V раздела), но, несмотря на это, все польские граждане обладали правом свободы совести¹⁷⁸, а религиозным организациям разрешалось приобретать необходимое движимое и недвижимое имущество, что касалось также свободного распоряжения своими финансовыми вкладами и фондами (статья 113 V раздел)¹⁷⁹. Но, несмотря на предоставленную польским гражданам возможность выбора религиозных верований, в Конституции 1921 г. имелась специальная 114 статья V раздела, в которой указывалось, что главенствующее место среди других вероисповеданий принадлежало только римско-католической религии¹⁸⁰. Закрепление исключительного положения католицизма объяснялось тем, что большинство граждан Польши придерживалось именно западной ветви христианства. Данная 114 статья отдельно фиксировала, что взаимоотношения между государством и католической церковью должно было определяться исключительно содержанием Конкордатов, которые разрешалось заключать и подписывать с главой католической церкви, а их положения вступали в силу в пределах Польши только после их ратификации депутатами Сейма; а взаимоотношения между польской властью и другими религиями в стране должно было проходить без посредничества извне, но путем особых внутренних законов Польши (статья 115 V раздел)¹⁸¹.

¹⁷⁸ Статья 116 V Раздела предоставляла право исповедовать гражданам не только традиционные религиозные конфессии, которые существовали на протяжении многих веков в тех землях, которые были включены в состав Второй Речи Посполитой, но и ее положения разрешали формировать новые религиозные учения, но только при условии, что их деятельность не будет нарушать конституционный строй страны.

¹⁷⁹ Ustawa Konstytucyjna Rzeczy pospolitej Polskiej; uchwalona przez Sejm Ustawodawczy w dniu 17 marca 1921 roku... S. 28.

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ Ibid.

Что касается фигуры польского президента, то, согласно «Мартовской» конституции 1921 г. он не обладал такими широкими полномочиями, которые позволили бы ему повлиять на решения Сейма и Сената. Согласно статье 46 III раздела конституции президент Второй Республики являлся в мирное время только Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны, но данные полномочия утрачивали свою силу при наступлении военного времени, так как в случае возникновения войны президент Польши назначал Верховным главнокомандующим ту кандидатуру, которую выдвигал Совет министров¹⁸², а сам Совет министров получал список лиц, который подавался от главы военного министерства¹⁸³, но сам президент Второй Республики мог объявлять войну и заключать мир только при условии предварительного согласия всех депутатов Сейма (статья 50 III Раздела)¹⁸⁴.

Проведенный анализ законодательных установлений показывает, что «парламентский» период в истории Польши являлся по своему содержанию демократическим, так как главным политическим институтом выступал двухпалатный парламент, выражавший интересы всего польского общества, и это не позволяло узурпировать власть в стране, как со стороны главы польского правительства, так и военного руководства польской армии. Также в 1921–1926 гг. верховный закон страны предоставил равные политические права и возможность сохранять и развивать свою национальную и культурно-духовную самобытность всем гражданам, а в случае их нарушения предусматривалась возможность защиты их в судебном порядке.

Из положений Конституции 1921 г. следовало, что польская национальная идея базировалась на многонациональном и поликонфессиональном составе Второй Республики, граждане которой получили возможность сохранять свою историческую и культурную идентичность. Во время «парламентской эры» принимались необходимые

¹⁸² Совет министров страны состоял из председателя и глав всех отраслевых министерств. Права и обязанности членов Совета министров прописаны в Конституции 1921 г. в 55–63 статьях III Раздела.

¹⁸³ Ustawa Konstytucyjna Rzeczypospolitej Polskiej; uchwalona przez Sejm Ustawodawczy w dniu 17 marca 1921 roku... S. 15.

¹⁸⁴ Ibid. S. 15–16.

законы, которые отстаивали интересы национальных меньшинств, при этом достаточно указать на то, что 9 июля 1924 г. Сейм утвердил так называемый «Закон о языках», положения которого предоставляли право представителям непольской национальности в гминах восточных воеводств, где преобладало белорусское, литовское и украинское население, вести преподавание в школьных учреждениях на его родном языке¹⁸⁵.

Данный законопроект был призван продемонстрировать, как внутренним оппозиционным политическим силам, так и международным органам в лице Лиги Наций, что польское правительство неукоснительно придерживается всех своих внешних и внутренних обязательств по сохранению прав тех народов, которые относились к категории национальных меньшинств. Правда, данный закон не выполнялся в действительности, так как процедура открытия национальных школ позволяла силовым структурам оказывать физическое и моральное давление на родителей, которые приняли решение отправить своих детей обучаться в тех школах, в которых преподавание велось на родном языке.

На практике это происходило следующим образом: если в сельской гмине восточных воеводств создавалась инициативная группа родителей, которые собирали подписи, позволявшие открыть национальную школу, то местные власти вызывали жандармов и военнослужащих для того, чтобы провести «разъяснительную беседу» с ними и, путем оказания на них давления, убедить в ошибочности принятого им решения. В том случае, когда попытка словесного убеждения не возымела своего действия, в ход пускались меры физического воздействия, приводившие к жестокому избиению родителей, несогласившихся с доводами полицейских и военных. Если и подобного «убеждения» родителей оказывалось недостаточно, то такие лица

¹⁸⁵ Даркович А.Л. Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 112–113.

подлежали аресту, за которым, как правило, следовало предъявление обвинения в шпионаже в пользу СССР¹⁸⁶.

Переходя к анализу «Апрельской» конституции 1935 г. следует указать на то, что так называемый майский переворот Ю. Пилсудского преподносился обществу в качестве спасительной миссии для всей польской нации, которая, по его убеждению, настолько погрязла в экономическом и политическом хаосе, что все это могло привести к новому разделу Польши, после которого польский народ не сможет уже обрести свободу. Если в 1926 г. удалось сохранить государственный суверенитет Польши, то его необходимо было поддерживать в дальнейшем, чтобы вновь не оказаться на краю государственной пропасти, поэтому Ю. Пилсудским и была провозглашена политика «очищения» – санации, направленная в национальном вопросе на окончательное утверждение польского господства во всех частях страны путем уничтожения внутренних враждебных польской нации элементов, борьба с которыми должна была приобрести беспощадный характер¹⁸⁷. С целью узаконивания новых реалий, пришедших на смену периоду «парламентаризма»¹⁸⁸, 24 апреля 1935 г. вступила в силу Конституция, вошедшая в историю под названием «Апрельской», и определявшая внутриполитический и идеологический курс страны вплоть до начала 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны¹⁸⁹. Что касается оценки характера закреплявшейся ею политической системы, то в советской исторической науке указывалось на профашистское по своему духу содержание

¹⁸⁶ Обращения депутатов Белорусского посольского клуба к Председателю Совета Министров Польской Республики о закрытии белорусских начальных школ. 4 декабря 1924 г. // Польша–Беларусь (1921–1953): сборник документов и материалов / сост. И.А. Валаханович, В.В. Данилович, А.Н. Вабищевич; ред. А.В. Волченко [и др.]. – Минск: Белорусская наука, 2012. С. 65–66; Обращение депутатов Белорусского посольского клуба к Министру по делам религий и народного образования о невыполнении закона о языках. 20 января 1925 г. // Там же. С. 67–68.

¹⁸⁷ Багинский Э.С. Политические концепция санации и польская конституция 1935 года // Славяноведение. 1978. № 1. С. 67–68, 71.

¹⁸⁸ Багинский Э.С. Санация и конституционный вопрос в Польше (1926–1929) // Славяноведение. 1977. № 3. С. 16, 19.

¹⁸⁹ Матвеев Г.Ф. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3 (26). С. 50–51.

Конституции, которое вело к установлению тоталитарной системы¹⁹⁰. В современной российской историографии, напротив, подчеркивается закрепление Конституцией 1935 г. авторитарной формы правления, лишившей легальную оппозицию возможности заменить демократическим путем эту систему другой¹⁹¹.

Так, уже 1 статья, включавшая четыре пункта, напоминала всем польским гражданам об их священной и главной обязанности не только увеличивать силу Второй Республики, но и приумножать ее богатства, а также помнить, что возрождение Польши произошло благодаря той высокой жертве, которую принесли лучшие сыны польского народа, и за исполнение этой обязанности каждый гражданин Второй Речи Посполитой нес ответственность перед своими потомками своей «честью и своим именем»¹⁹². Такого рода историческая память обязана была передаваться из поколения в поколение польской нации, это было необходимо, так как идеология и национальная политика межвоенной Польши строилась на героической многовековой борьбе поляков за свою свободу и независимость. Закрепление данного положения в преамбуле Конституции 1935 г. указывало на ключевую роль государства в жизни всего польского общества, что и подтверждалось в 4-й статье, во втором пункте которой указывалось, что именно государство ради блага всей страны обязано обеспечивать своим гражданам свободу, но при условии, что само государство определяет границы этой свободы и пределы ее развития¹⁹³. Это означало, что в руках государства сосредотачивались все рычаги власти, которая должна была использоваться в интересах правящего класса, а само общество Второй Речи Посполитой,

¹⁹⁰ Носкова А.Ф. Формирование двух лагерей в польском движении Сопротивления // Вопросы истории. 1988. № 8. С. 26.

¹⁹¹ Костюшко И.И. От парламентской системы к авторитарной (Конституции Польши 1921 и 1935 годов) // Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Сборник статей / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 30.

¹⁹² Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935. Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1936. S. 1.

¹⁹³ Ibid.

согласно 6-й статье, обязано было оставаться лояльным по отношению к государству и свято выполнять возложенные на него им обязанности¹⁹⁴.

В «Апрельской» конституции содержались статьи, закреплявшие свободу совести, слова и объединений, а также предоставлявшие польским гражданам возможность развивать свои личные способности и отстаивать в стране индивидуальные ценности (5-я статья)¹⁹⁵. Все граждане Второй Республики объявлялись равными перед единым законом независимо от своего происхождения, половой и религиозной принадлежности (7-я статья)¹⁹⁶.

Как видим, национальность польского гражданина, также как и его собственное мировоззрение, не являлись по Конституции 1935 г. основанием для введения каких-либо ограничений в его правах, правда, свобода польских граждан заканчивалась тогда, когда их деятельность соприкасалась с принципом «блага государства» (5-я статья). Последнее положение закрепляло неприкосновенность военно-политического руководства режима санации, предоставляя ему полное право влиять на развитие польского общества во всех сферах гражданской жизни. Но, по мнению «пилсудчиков», интересы которых и отстаивались в данной Конституции, если польский гражданин подвергал критике существующий государственный строй или осуществлял действия, направленные на его подрыв, то такое лицо объявлялось «внутренним врагом», так как оно своей деятельностью препятствовало осуществлению государственной миссии по объединению всех жителей Второй Речи Посполитой в единое общество, которое своим трудом стремилось к общему благосостоянию (9 статья). Если такое лицо не осознавало вред, причиняемый государству подобной деятельностью, то по отношению к нему разрешалось применять карательные санкции (10 –я статья)¹⁹⁷. Правда, согласно 64–71 статьям Конституции, определявшим устройство системы правосудия Польши, каждый ее граждан имел право

¹⁹⁴ Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935... S. 2.

¹⁹⁵ Ibid.

¹⁹⁶ Ibid.

¹⁹⁷ Ibid.

обратиться свободно в суд, если произошло ущемление его прав, связанное с нарушением его личной свободы, неприкосновенности жилища и тайны переписки, а также положения данных статей защищали всех польских граждан от полицейского и военного произвола: лицо, которое было задержано силовыми органами без выдачи разрешения на то судебной инстанции, подлежало через 48 часов освобождению из заключения; если в Конституции 1921 г. было четко закреплено, что к задержанным и подозреваемым в совершении преступлений лицам запрещалось применять физическое и моральное воздействие со стороны сотрудников силовых структур, то в «Апрельской» конституции об этом уже не упоминалось, поскольку страна находилась в условиях милитаризации всего общества, когда необходимо было использовать все имеющиеся методы по выявлению врагов польской государственности.

Что касается политической системы, то согласно «Апрельской» конституции на вершине власти находился теперь не двухпалатный парламент, который продолжал осуществлять свои функции, правда, в основном в сфере вотирования государственного бюджета, а именно президент, который сосредотачивал в своих руках неограниченные полномочия. Так, в Конституции 1935 г. были прописаны полномочия президента Польши (2–3 и 11–24 статьи), гласившие, что главой Второй Речи Посполитой являлся избравшийся сроком на семь лет президент (20 –я статья)¹⁹⁸, которому были подотчетны правительство, двухпалатный парламент (Сейм и Сенат), вооруженные силы и суды¹⁹⁹. Передача полномочий перечисленных выше государственных органов в ведение польского президента лишь подчеркивала его единую и неделимую государственную власть в стране, поскольку именно президент обладал правом по своему собственному усмотрению назначать премьер-министра и формировать на основе того же принципа министерства; президент мог

¹⁹⁸ Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935... S. 6.

¹⁹⁹ Ibid. S. 1.

самостоятельно распускать и созывать двухпалатный парламент. Президент представлял также государство во внешних делах, обладая полномочиями ратификации международных договоров и соглашений, подписанных с другими государствами; ему принадлежало право объявления войны и заключения мира (12-я статья). Необходимо также отметить, что в случае возникновения войны президент Польши назначал своего преемника (13 –я статья), т. е. он не принимал на себя руководство страной в ходе военных конфликтов, а предоставлял эти полномочия тому лицу, которое обязано было руководить военными действиями и обеспечивать жизнь в тылу. Но это не означало, что польский президент зависел каким-то образом от Министерства военных дел, поскольку согласно 13-й статье, только он назначал и освобождал от должности, как главнокомандующего, так и генерального инспектора вооруженных сил, а также назначал судей государственного трибунала²⁰⁰, к участию в работе которого могли быть привлечены члены польского правительства по личному запросу президента, а первый председатель Верховного суда также полностью подчинялся польскому президенту. Он, согласно 69-й статье, обладал также правом амнистии, т. е. с помощью издания специального законодательного акта президент обладал полномочиями помилования осужденного лица, либо смягчения ему наказания, либо полной отмены вступившего в силу в отношении него судебного приговора²⁰¹.

Можно констатировать, что президент Второй Республики обладал значительными государственным полномочиями, которые определяли внутривластическую жизнь польского общества²⁰², включая и вооруженные

²⁰⁰ Государственный трибунал был призван заниматься рассмотрением и вынесением судебных решений по делам министров, сенаторов и депутатов, которые были заподозрены в нарушении Конституции (71-я статья). Главой государственного трибунала являлся первый председатель Верховного суда, который назначался президентом.

²⁰¹ Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935... S. 23.

²⁰² Президент Польши, согласно статье 55-й конституции 1935 г. имел в своей законотворческой деятельности только семь ограничений: 1) не имел права вносить изменения в Конституцию (президент обладал лишь правом вносить инициативу по ее изменению); 2) изменять систему выборов в Сейм и в Сенат; 3) вносить изменения в утвержденный парламентом государственный бюджет; 4) вводить налоги и устанавливать монополии по собственной инициативе; 5) вносить изменения в денежную систему страны; 6) заниматься получением государственных займов; 7) продавать государственное недвижимое имущество,

силы страны. Значение польской армии раскрывалось в «Апрельской» конституции 1935 г. в трех статьях, в которых прослеживалась ключевая роль президента страны, перед которым несло прямую ответственность военное командование Польши. Так, 61-я статья устанавливала, что польская армия была призвана охранять суверенные права и безопасность всей Польши, а также польские граждане обязаны были проходить военную службу в мирное время и защищать государство в чрезвычайных ситуациях, к числу которых относилась война. Именно польский президент, согласно положениям 62-й статьи, ежегодно определял количество призывников путем опубликования соответствующего законодательного акта, который подписывал лично без каких-либо консультаций. Именно президент Второй Республики определял своей законотворческой деятельностью организацию высшей военной власти, но в военное время вооруженными силами всей страны распоряжался не президент, а назначавшийся им Верховный главнокомандующий (63-я статья)²⁰³.

Существенные изменения произошли и в избирательной системе, а именно: граждане, получившие право участвовать в выборах, теперь были разделены на две категории. Первая категория была представлена обычными гражданами, а вторая – «лучшими сынами». Также повышался возрастной ценз, как для избирателей, так и для кандидатов в депутаты и в сенаторы²⁰⁴.

Сопоставление текстов двух конституций Польши 1921 и 1935 гг., позволило установить, что в 1921–1926 гг., когда руководство страной осуществлялось от имени польского народа посредством избрания двухпалатного парламента, национальная политика страны приобретала видимость демократического режима, позволявшего, пусть и на бумаге, полноценно охранять и защищать права национальных меньшинств, которые проживали и на территориях восточных окраин, включая и жителей

стоимость которого превышала 100 тыс. злотых. Это не означает, что власть президента по конституции 1935 г. не являлась по своей природе авторитарной. См.: Ким И.К. Борьба лагеря санации за принятие Апрельской конституции 1935 г. в Польше // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 75–83.

²⁰³ Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935... S. 21.

²⁰⁴ Польша в XX веке... С. 212–213.

«белорусских» воеводств. Но в период режима санации национальная политика, нашедшая отражение в положениях Конституции 1935 г., полностью трансформировалась, так как в ее статьях ключевое место отводилось направляющей роли государства²⁰⁵, граничевшей с фашистским тоталитаризмом, которая и определяла жизнь всех польских граждан, и необходимость защиты его интересов неизбежно приводила к ущемлению прав тех народов, которые не являлись частью польского нации.

Национальная политика польского парламента в первой половине 20-х гг. XX в. определялась теми установками, которые принадлежали Первому Маршалу страны Ю. Пилсудскому²⁰⁶. Еще в 1919 г. создатель возрожденной Польши видел основную задачу поляков на ее восточных окраинах в утверждении элементов всепольскости, так как национальное меньшинство восточных кресов было пронизано прорусскими симпатиями, которые сохранились еще со времен XVIII в.²⁰⁷, следовательно, необходимо было очистить национальное самосознание белорусов, литовцев и украинцев путем утверждения в их умах исключительно культурно-духовных идеалов польской нации. Достичь решения этой задачи представлялось возможным, по убеждению Ю. Пилсудского, только с помощью закрепления руководящей роли поляков, которые не только установили бы политический и гражданский контроль за местным многомиллионным восточнославянским населением с помощью административно-бюрократического аппарата и концентрации в руках поляков большей части землевладения, но и создали бы на восточном пограничье мощные военные формирования, целью которых являлась бы

²⁰⁵ Ким И.К. Проблема пересмотра конституции в польском Сейме 1928–1930 годов // Российско-польский исторический альманах. Том VII. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. С. 210; Он же. Государство, общество, личность в программных документах польских политических сил в период режима санации в Польше // Грани познания. 2014. № 4 (31). С. 155.

²⁰⁶ Савченко Д.Е. Реализация восточного вектора внешней политики Ю. Пилсудского на территории Беларуси в рамках начального периода польско-советской войны 1919–1920 годов // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2019. № 5. С. 76.

²⁰⁷ Борисенок Ю.А. Белорусские земли между Польшей и Россией – от разделов Речи Посполитой до окончания Второй мировой войны (1772–1945 годы) // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 151; Он же. Влияние событий Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 г. на идентичность населения Белорусских земель // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2017. № 2. С. 39; Шевченко К. «Нас считают то москалями, то большевиками...». Пресса Западной Беларуси о положении белорусов в возрожденной Польше // Родина. 2012. № 7. С. 121.

функция защиты страны, как от военного вторжения со стороны России, независимо от существовавшего в ней политического строя, так и недопущения воинскими частями внутренних, антиправительственных по форме, но антипольских по содержанию, народных волнений, угроза которых неминуемо грозила перерасти в революцию²⁰⁸.

Поэтому в своей речи, произнесенной 13 сентября 1919 г. в Сувалках, Ю. Пилсудский подчеркивал, что европейский мир вот-вот настанет, но за ним последует непрерывная борьба внутри каждого новообразованного государства, которая будет вестись за национально-культурную идентичность входивших ранее в состав рухнувших империй народов. В этой связи для Второй Республики будет самым тяжелым бременем включить в свой состав восточные территории, так как на Варшаву «ложится тяжелейшая обязанность представлять культуру всей нации»²⁰⁹. В другой своей речи, которая была произнесена Ю. Пилсудским уже в 1920 г. в Ровно, речь шла также о восточном пограничье, в котором этнонациональный элемент будет представлять в будущем для поляков серьезную опасность, поскольку непосредственное соседство с Россией позволит коммунистическому руководству осуществлять мощное воздействие на белорусов, украинцев и литовцев, которые имели уже опыт совместного проживания с русскими в рамках бывшей Российской империи. По этой причине государственному и военному руководству Польши необходимо было вырабатывать, как указывал Ю. Пилсудский, такую политику в отношении национальных меньшинств Востока, которая будет честной и справедливой во всей Европе²¹⁰. Но подобная политика означала на деле сосредоточение всех рычагов власти на восточных кресах в руках поляков. Таким образом, был дан «зеленый свет» на проведение тотальной чистки всех руководящих, административных и культурно-образовательных институтов и учреждений от лиц

²⁰⁸ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 308к. Оп. 10. Д. 248. Л. 14–15.

²⁰⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936. S. 7.

²¹⁰ Ibid.

восточнославянского происхождения и замену их представителями польской идентичности.

С момента установления в Польше режима санации в правительственных коридорах власти стала вызревать идея создания такого прочного идеологического механизма государственного контроля, который позволил бы в течение двух-трех недель провести мобилизацию всех военнообязанных граждан в военное время, причем достичь выполнения этой цели планировалось не только за счет компетентной работы призывных пунктов, но и осознанной ставки на сознательность польских граждан, которые по зову своего сердца в момент войны смогут добровольно, без какого-либо устного или письменного оповещения добросовестно выполнить свой гражданский долг. Представление о необходимости всех граждан Второй Республики в случае военной угрозы добровольно встать на защиту своего отечества следовало внедрять в сознание народных масс путем регулярной и наглядной агитации, которая преследовала следующие задачи: во-первых, привить гражданам готовность к самопожертвованию, которое смогло бы не только спасти Польшу от уничтожения, но и привести польской народ к триумфальной победе, как это было в великие времена I Речи Посполитой; во-вторых, героическая борьба гражданского населения должна была основываться на уважении и безграничной любви к тем морально-политическим идеалам, которые были выработаны лично Ю. Пилсудским, что означало преклонение перед польской государственностью; в-третьих, гражданское сознание должно было руководствоваться собственными силами, которые смогут в непростые времена выявить таких лиц, которые будут представлять потенциальную угрозу для всего польского общества, т. е. речь шла о выявлении вражеских элементов, находившихся в оппозиции к режиму санации. Но так как в первое десятилетие независимого существования Польши ее правящим кругам не удалось сформировать в обществе мощнейший «кулак», способный как в мирное, так и в военное время выявить и уничтожить «врагов народа», то был сделан вывод о

необходимости пустить в ход не только репрессивные действия силовых структур страны, но и задействовать такие достижения общественных наук, которые способны были в сложной социальной пирамиде Польши закрепить государственный тезис о единой стране, которая ежедневно находилась под прицелом внутренних и внешних врагов.

Особый акцент при этом делался на инструменты социологии, методы которой помогли бы, эксплуатируя патриотические эмоции малообразованных и неграмотных масс, пробудить в их сердцах обманчивое впечатление полной оправданности принимаемых в интересах правящих кругов репрессивных мер. По этой причине на протяжении 30-х гг. XX в. в межвоенной Польше велась усиленная пропагандистская кампания среди гражданского населения под броским лозунгом – «Нацию под ружье», который был призван консолидировать все население Второй Республики, включая жителей восточных воеводств, чтобы, как отмечалось в информационных сообщениях военной прессы, все польское общество независимо от социальной, национально-религиозной, возрастной и половой принадлежности встало на защиту той Родины, которая смогла в 1918–1921 гг. добиться не только политической и территориальной реинкарнации, но и отстоять свою многовековую свободу. «Война будущего – это война, – указывалось в 1938 г. на страницах польской военной печати, – в которой примет участие весь народ: и разведчики, и стрелки, молодежь и солдаты действительной службы, резервисты и даже женщины. Поэтому на все эти категории людей и все социальные группы необходимо воздействовать таким образом, чтобы подготовить их должным образом к успешному выполнению стоящих перед ними задач... война есть общая борьба за существование государства, это не только дело армии, но и дело всей нации, и долг каждого гражданина государства»²¹¹; это означало, что гражданские лица Второй Республики должны были быть морально готовыми к предстоящей

²¹¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1938. S. 244.

«тотальной войне», четко осознавая, что военное вторжение с Востока является лишь вопросом времени. Гражданам Польши необходимо также было отдавать себе отчет в том, что будущее польской государственности и их собственная жизнь будет зависеть не только от слаженных действий польской армии, но и от них самих, поэтому гражданское население необходимо было обучить основам военной подготовки для того, чтобы они смогли обеспечить нормальную работу тыла, а также, в случае возникновения критической ситуации на фронте, бить врага на своей территории, как партизанскими методами, так и путем превращения своих населенных пунктов в такие укрепленные районы, которые смогли бы остановить продвижение врага вглубь страны и отбросить его на свою территорию.

Для реализации такой задачи новому политическому режиму необходимо было вносить существенные изменения в национальную политику. Политика режима санации в национальном вопросе была направлена на принудительное воспитание и просвещение не только представителей польской идентичности, но и всех национальных меньшинств, которые проживали на территории восточных воеводств в верноподданническом духе.

Данная политика проводилась в рамках идеологической программы, лозунгом которой выступали четко сформулированные Первым Маршалом Польши тезисы: «Правда – Справедливость – Честь – Труд»²¹². Данный лозунг был призван утвердить в сознании граждан Польши единый «санационный» закон, целью которого являлось искоренение социальных и национальных конфликтов внутри страны путем устрашения, а при необходимости и применения насилия, подчинив всех граждан государства единым социальным и политическим целям, создав таким путем послушную массу для военно-политической элиты, которая со времени «майского переворота» 1926 г. пополнялась с каждым годом все в большей мере из числа «пилсудчиков». Для достижения данной цели необходимо было поставить все

²¹² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 16.

материальные, интеллектуальные и творческие силы страны на службу тем задачам, которые были выдвинуты Ю. Пилсудским, и должны были беспрекословно выполняться всем польским обществом, а если возникало даже словесное недовольство, то таких лиц следовало относить к паразитическому классу, который своей наглядной критикой и тайной подрывной работой приносил лишь вред Родине. Такого рода граждане являлись для Ю. Пилсудского «безбилетниками» в государственном и гражданском аппарате Польши, и их, по его мнению, невозможно было перевоспитать и привить им патриотизм и самопожертвование во имя Великой Польши, следовательно, участь и судьба подобных «врагов польского народа» должна была определяться на судебном заседании с последующим их заключением в концентрационные лагеря.

Для Ю. Пилсудского опорой в проведении такой национальной политики служил военно-силовой аппарат, основной задачей которого являлось проявление беспощадности к врагу во имя национальных идеалов страны и ее спасения в случае возникновения критической угрозы ее безопасности. Все подобные действия сводились к следующему лозунгу, который постоянно транслировался в проправительственной печати: «Борьба наш девиз. Родина – наш ответ»²¹³. Это означало, что вооруженная борьба была направлена на ликвидацию внутренних и внешних врагов польской государственности, в результате чего «Родина» должна была добиться процветания, освободившись от чуждых для поляков элементов. Идея служения Родине, культивировавшаяся в вооруженных силах, должна была быть донесена после истечения срока службы военными и зачисления их в запас до всех граждан Польши независимо от их возрастной, половой, национальной или религиозной принадлежности.

В этой связи делался акцент на обработку именно подрастающего поколения, сердца которого было легче зажечь патриотической искрой

²¹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936. S. 29.

польской национальной идеи, особенно в восточных воеводствах, территория которых выступала главным барьером на пути в Западную Европу так называемой «коммунистической угрозы», но если размещение военных формирований на восточных пограничных рубежах не вызывало особенных трудностей у военно-политического руководства, то идеологическую кампанию среди молодежи следовало усилить, а достичь этого планировалось сначала путем изменения программ воспитания и образования, формулировки которых должны были теперь содержать обязательные положения «санационной» политики Ю. Пилсудского, заключающиеся в воспитании особой личности, интересы которой не должны были превалировать над общественными потребностями, а служить целям формирования любви и преданности тому правящему классу, который стоял у власти в Польском государстве. В частности, подчеркивалось, что данные кадры должны были руководствоваться задачами «санационной» политики, но при этом ими должны были приниматься такие самостоятельные решения, которые исходили из особенностей той местности Польши, где осуществлялась управление. Они несли полную ответственность за выбор методов регионального управления, т. е. это означало, что в документах государственных органов не выдвигалось требования слепого подчинения указам польского правительства, а их содержание предписывало чиновникам изыскивать такие пути административного нажима, которые бы не нарушали национальных особенностей польских окраин²¹⁴. Это, в свою очередь, служило для «режима санации» важнейшим критерием отбора лучших администраторов, так как сторонники Ю. Пилсудского должны были присутствовать на всех уровнях административно-бюрократического аппарата и в дальнейшем заменить тех управленцев, которые выдвинулись на занимаемые ими должности в период хаотического политического кризиса «парламентской» эпохи Второй Республики; данная кадровая перестановка касалась именно восточных окраин страны, поскольку проблему наличия

²¹⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 17–19.

сторонников Первого Маршала в центре удалось успешно решить в считанные месяцы, в то время как административная власть на местах, например, в восточных воеводствах, находилась в руках сторонников национальных демократов, которые, не стремясь проводить в 1921–1926 гг. прогрессивные социально-экономические преобразования, славились своим беззаконием и пренебрежением прав местного национального меньшинства. При этом они были сторонниками доктрины демократического управления, которая позволяла им оставаться у власти с сохранением широких полномочий, получение которых не зависело от санкций Варшавы. Поэтому государственная машина, снабженная подобной идеологической установкой, обязана была не только регулировать трудовые и гражданские отношения в каждом коллективе Второй Республики, но и периодически допускать вмешательство в личную жизнь граждан в интересах национальной безопасности, чтобы сохранить территориальную целостность и избежать повторения тех трагических событий, когда в 1920 г. возрожденная Польша могла лишиться своего территориального и, что самое главное, духовного суверенитета.

Следует отметить, что кадровые перестановки, которые производились в органах власти по инициативе Ю. Пилсудского, как в центре, так и на местах, имели для национального меньшинства в большей степени негативные последствия, например, 14 апреля 1929 г. Ю. Пилсудский назначил нового председателя польского правительства, которым стал Казимеж Свигальский. Это решение вызвало у представителей национальных меньшинств нескрываемое недовольство, так как заявления К. Свигальского касались ограничений их национально-культурных прав. Правда, акции протеста не носили массового характера, но являлись наглядным проявлением внешнего недовольства теми изменениями, которые происходили в высших эшелонах власти²¹⁵. Свою должность Свигальский

²¹⁵ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień). Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1930. S. 3.

вынужден был оставить уже 7 декабря того же года, пробыв в ней чуть более полугода, но его уход в отставку не был вызван волной протестов национальных меньшинств, права которых К. Свистальский планировал ограничить.

Нараставшим народным недовольством стремились в годы режима санации воспользоваться различные политические силы, которые, как легально, так и нелегально осуществляли свою деятельность на территории восточных воеводств. Борьба против режима Ю. Пилсудского обострилась на Востоке Польши в годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., который охватил все страны тогдашнего капиталистического мира, и его последствия повлияли на судьбы миллионов людей не только в США и Германии, но и на экономическую жизнь Второй Республики²¹⁶, правда, «санационное» правительство стремилось использовать кризис перепроизводства в своих политических интересах с целью полонизации национальных меньшинств страны, включая и представителей восточнославянского населения, которые проживали на территории восточных воеводств: в отчетах министерства внутренних дел Польши подчеркивалось, что резкое ухудшение условий повседневной жизни многомиллионной массы крестьян непольской идентичности будет способствовать проведению таких экономических реформ и осуществлению гуманитарных миссий, которые вызовут у граждан непольской национальности абсолютную уверенность в том, что политическое руководство страны не бросит их на произвол судьбы в такие тяжелые времена, и, более того, предполагалось, что такую помощь от правительства примет все население независимо от своего социального и, что самое главное, политического статуса, так как правящие круги Польши были твердо убеждены в следующем: когда речь заходит о жизни и смерти в буквальном смысле, то даже коммунисты готовы будут принять ту помощь, которую

²¹⁶ См.: Полуян И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. / Под ред. М.Г. Костюка, Минск.: Навука і тэхніка, 1991; Краткая история Польши / Отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Наука, 1993. С. 282.; История Польши с древнейших времен до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын; под ред. А. Сухени-Грабовский и Э. Цезары Круля. Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. С. 248–249.

предложит ненавистная им буржуазная власть²¹⁷. Но заверения в сплоченности позиции национального меньшинства в восточных воеводствах оказались лишь предположением, поскольку в северо-восточной части Польши на протяжении всего периода «Великой депрессии» активно действовали белорусские коммунисты, которые только в течение октября, ноября и декабря 1931 г. сумели провести на территории одного только Новогрудского воеводства более 100 диверсионных операций против местной польской власти, т. е. им удалось организовать поджоги тех принадлежавших польским осадникам хозяйственных построек, которые находились под защитой пограничных воинских формирований; и подобная деятельность белорусских коммунистов не ограничивалась только примененной ими тактикой уничтожения частной собственности польских помещиков и хозяйственных военных построек, но и была направлена на проведение активной работы с местным крестьянским населением, которая, давала не меньшие положительные результаты. Так, летом 1931 г. в десятках селах того же Новогрудского воеводства коммунистам удалось убедить местное население саботировать проведение сельскохозяйственных работ на тех угодьях, которые принадлежали польским помещикам и военным, в результате чего посев и уборка урожая в Новогрудском воеводстве были полностью сорваны, что вскоре ударило не только по экономическому доходу осадников, но и по рациону питания польских солдат; такая подрывная деятельность левых политических партий и организаций приводила еще и к тому, что сотни молодых людей, проживавших на северо-востоке Польши, покидали родные села и пытались с помощью левых активистов незаконно пересечь границу с СССР²¹⁸, так как экономический кризис вынуждал молодежь северо-востока страны совершать незаконные переходы польско-советской границы с надеждой обрести лучшее будущее именно в СССР, и массовое бегство белорусов было зафиксировано в августе 1931 г., когда

²¹⁷ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, IV kwartał. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1932. S. 3.

²¹⁸ Ibid. S. 8, 49.

количество бежавших с территории Виленского воеводства превысило за один месяц более 800 человек²¹⁹. Данный факт только подчеркивал ухудшение экономического положения восточнославянской крестьянской массы.

Это приводило в свою очередь к усилению степени слаженности работы всех силовых структур на территории восточных воеводств, которая призвана была пресечь все попытки нелегального перехода границы с СССР и Литвой. Причем относилось это не только к тем ситуациям, когда крестьянское население Польши устремлялось на Восток за «лучшей жизнью», но и к тем многочисленным случаям, когда ее восточное пограничье превращалось в арену шпионажа, диверсий, агитации и контрабанды. Поскольку местное национальное меньшинство испытывало открытое недовольство той политикой, которую проводил режим санации, то, неудивительно, что засланные извне разведчики и диверсанты могли рассчитывать на сочувствие, понимание и поддержку местного населения, с которым они говорили на родном для них языке, понимая всю сложность их социального, экономического и культурного положения.

По этой причине правительство в начале 30-х гг. XX в. приняло решение активизировать работу силовых структур по выявлению внутренних врагов, к которым следовало относить и всех лиц, которые могли оказать им материальную и моральную помощь²²⁰. Превентивные действия польских солдат и полицейских пользовались всесторонней поддержкой органов местной власти, которые без дополнительных бюрократических проволочек содействовали выявлению тех лиц, которые считались неблагонадежными и опасными; в таком случае силовые министерства не находились в подчинении у органов государственно-гражданской власти, а наоборот, они могли использовать административные возможности управленческого аппарата в своих целях, что только усиливало их положение.

²¹⁹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, III kwartał. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1931. S. 46.

²²⁰ РГВА. Ф. 354к. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–5.

Об отсутствии необходимой в условиях острого социально-экономического кризиса государственной поддержки свидетельствовало воззвание съезда БХД, который состоялся 13 декабря 1931 г. Делегатами съезда подчеркивалось, что польская экономическая колонизация в «белорусских» воеводствах усилилась ввиду увеличения размера и так непомерного количества налогов, что только приводило к обнищанию сельского населения, и для спасения белорусского народа лидеры БХД предлагали окончательно создать единый союз с теми белорусскими гражданами Второй Республики, которые исповедовали христианство православного толка, так как данное объединение поможет решить повседневные трудности всех мирян, и позволит освободиться в будущем из-под власти, как Варшавы, так и Москвы²²¹.

Экономический кризис вынуждал тех белорусов, которые в условиях «депрессии» вели настоящую борьбу за выживание своих семей, прибегать, как к скрытым, так и к открытым формам проявления недовольства политикой польской власти, в бездействии которой виделись им причины своего сложного материального положения. Утратив всякую жизненную перспективу, безземельные крестьяне восточных воеводств, стремились не только активно участвовать в уличных демонстрациях и в забастовках фабричных рабочих²²², но и стали все более склоняться к совершению диверсионных актов, например, весной-летом 1931 г. на территории только одного Виленского края установленная группа лиц литовской и белорусской национальности подготовила взрыв на железнодорожной станции Подбродье, в результате чего пострадали и невинные люди, и соответствующая инфраструктура, так как по железной дороге в западно-центральные воеводства Польши вывозилась сельскохозяйственная продукция, которую,

²²¹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, IV kwartał... 1932. S. 47–48.

²²² В отчетах силовых структур за весь период экономического кризиса особенно отмечалось, что в состоянии простоя оказывались, как правило, те фабрики и заводы северо-востока Второй Республики, которые находились на территории Виленского воеводства, следовательно, высоким оставался уровень осознания своего бедственного социально-экономического положения у литовцев и белорусов этой области.

как считали «народные мстители», следовало оставить на северо-востоке для пропитания местного населения, которое тяжело страдало от недоедания²²³.

В годы «Великой депрессии» участились в «белорусских» воеводствах также вооруженные нападения на польских жандармов, которые совершались представителями национальных меньшинств, поскольку их было значительно легче выследить в тех местах, где протекала повседневная жизнь, в то время, когда организация терактов в отношении польских военных являлась куда более сложным предприятием. Офицеры и унтер-офицеры чаще всего находились в городских условиях, проводя свободное время в компаниях сослуживцев, и шансы в случае совершения их убийства благополучно уйти от преследования, были для партизан минимальными²²⁴.

Но белорусское национальное движение левой ориентации, куда входили не только члены КПЗБ, но и бывшие активисты БКРГ, использовало в своих политических целях любые социальные потрясения, возникавшие среди белорусского населения, особенно это касалось крестьянской среды, где позиции левых партий и групп с каждым годом все больше укреплялись. Так, летом 1929 г. белорусские коммунисты смогли побудить крестьян на территории Виленского края к открытым волнениям из-за невозможности большей части населения вести личное хозяйство, так как земля находилась в руках польских колонистов, которые не желали ей делиться²²⁵. Но так как насущной проблемой крестьянской массы всех восточных воеводств Польши являлись неурожаи, возникавшие, как из-за суровых климатических условий, так и по причине истощения почв, что периодически приводило к вспышкам голода в целых деревнях, то деятели белорусского левого движения приняли решение создать весной 1929 г. в г. Вильно единую народную организацию под следующим названием – «Главный комитет помощи народам белорусских земель в Польше, пострадавшим от неурожая», членами которого могли стать

²²³ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, II kwartał. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1931. S. 53.

²²⁴ Ibidem.

²²⁵ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (kwiec./czerw.). Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1929. S. 11–12.

все желающие²²⁶, но при условии, что ими будут регулярно вноситься денежные пожертвования любого размера. Они поступали в кассу Главного комитета, который занимался распределением пожертвованных денежных сумм не только среди белорусских крестьян восточных воеводств; они нередко доходили и до украинских крестьян, бедственное положение которых вызывало также сочувствие со стороны белорусов. Данная организация не только занималась оказанием гуманитарной помощи пострадавшим от неурожая, сумев спасти не одну сотню крестьянских душ, привезя им хлеб, закупленный на собранные пожертвования, но и пыталась воспользоваться удобным моментом для публичного разоблачения, как хищнической сути экономической политики польского правительства, так и обличения его произвола в национальном вопросе. В одном из ее воззваний к белорусскому населению Польши прямо указывалось, что белорусы на своей шее и плечах ощутили гнет польских панов, которые содрали с них не одну живую шкуру для того, чтобы восстановить свои родовые имена и экономическое господство, которые были разрушены и утеряны в результате многочисленных войн, поэтому польские помещики проводили в отношении восточнославянского населения незаконные обыски, аресты, а также применяли методы административного давления и военного террора. Если облавы и реквизиции проводились поляками с целью экономической наживы, то репрессивные действия, осуществляемые не только полицейскими, но и солдатами, были призваны держать в повиновении население «белорусских» воеводств, чтобы у него не возникало и мысли подняться на борьбу за свое освобождение. К тому же активисты Комитета во время оказания продовольственной помощи занимались проведением среди крестьянского населения своего рода социологических опросов, анкеты которых состояли из 16–19 пунктов, и призваны были раскрыть подлинное отношение местного населения к политике гражданских и военных властей. Например, крестьянам

²²⁶ Главными участниками данного Комитета являлись бывшие члены БКРГ, которая была разогнана польскими властями из-за ее усилившегося влияния в 1927 г. См.: Польша в XX веке... С. 176–177.

могли адресоваться следующие вопросы: как местная администрация использует полицейских и военных в отношении граждан, т. е. применяют ли польские власти меры физического воздействия, или же органы власти на местах ведут себя высокомерно и пренебрежительно по отношению к ним, или же польские чиновники в своей работе организуют беседы на равном с ними уровне. Белорусским крестьянам могли задаваться многие другие вопросы, целью которых, как уже отмечалось выше, являлось выяснение подлинного отношения местного населения к представителям Польского государства²²⁷. Все это позволило выявить устройство репрессивного механизма, который использовался польским правительством в отношении обычных граждан, повседневная жизнь которых в восточном пограничье оставалась во многом аполитичной.

Реагируя на проведение подобных социологических опросов, власти распорядились усилить работу государственных образовательных и просветительских учреждений, деятельность которых была призвана способствовать утверждению политики полонизации. Так, в Варшаве с 1921 г действовал Институт исследований национальных вопросов (Instytutu Badań Spraw Narodowościowych), который занимался изучением национально-культурного развития не только польского народа, но и всех этносов, которые на протяжении многих веков соседствовали с ним в границах единой государственности. С этой целью сотрудниками Института проводился сбор данных статистики, демографии, этнографии, археологии, народного хозяйства, социологии; результаты таких научных изысканий Института публиковались в ежеквартальном журнале – «Sprawy Narodowościowe», на страницах которого читатели могли ознакомиться с жизнью разнообразных этнических групп, как в прошлом, так и в настоящем. Данное научное учреждение осуществляло также преподавательскую и просветительскую деятельность, так как его научные кадры не только трудились в польских университетах, но и проводили публичные лекции, на которые приглашались

²²⁷ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (kwiec./czerw.)... 1929. S. 13–14.

все заинтересованные лица, желавшие узнать о национальных особенностях поляков в европейской семье народов и получить информацию о политической линии польского правительства в национальном вопросе²²⁸. Просветительские мероприятия Института исследований национальных вопросов касались непосредственно коренного населения восточных воеводств, среди которого необходимо было утвердить польскую национальную идею путем обучения методике ее пропаганды лиц, которые выполняли образовательные задачи, а также представителей чиновничьего аппарата и силовых структур.

На помощь Институту в его просветительской деятельности пришла также Польская академия искусств и наук, располагавшаяся в межвоенный период в г. Краков. Ее сотрудники занимались сбором различных документальных, археологических и устных материалов для этнографического изучения тех наций, которые проживали на окраинах Второй Республики и являлись представителями национальных меньшинств. В задачу сотрудников Польской академии входил анализ материалов, касавшихся тех культурно-творческих мероприятий, которые организовывались польской властью в национальных районах²²⁹.

Так, Польская академия искусств и наук внесла значительный вклад не только в выявление тех письменных и вещественных артефактов, на основе которых реконструировалась жизнь восточнославянского национального меньшинства, но и способствовала активному использованию своих наработок в различных сферах польской национальной политики. Например, деятели Польской академии предоставляли такие ценные сведения, которые использовались политическими активистами в театрализованных постановках, которые призваны были показать местному населению историю не только польской нации, но и тех этносов, которые являлись гражданами

²²⁸ См.: Grott O. Instytut Badań Spraw Narodowościowych w Warszawie jako modelowy przykład polskiej instytucji badawczej zajmującej się kwestiami narodowościowymi // *Odmiany współczesnej nauki o polityce*. 2014. S. 15–27.

²²⁹ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 2. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936. S. 33.

Второй Речи Посполитой, вызывая у них чувства эстетического наслаждения и сопричастности. Благодаря инициативам двух указанных научно-исследовательских учреждений именно в 30-е гг. XX в. удалось провести полномасштабную работу по выявлению национальных и культурных особенностей у тех народов, которые проживали на Востоке и подготовленные ими материалы предназначались непосредственно для администрации восточных воеводств.

Существенное ужесточение политики по отношению к национальным меньшинствам, нарушавшее международные обязательства Польши, произошло во второй половине июня 1934 г., когда (после убийства украинскими националистами министра внутренних дел Б. Перацкого) президентом Польши И. Мосьцицким было издано совместно с правительством распоряжение, которое вводило практику превентивного трехмесячного заключения в концентрационный лагерь, которое при необходимости могло быть продлено на такой же срок. Через нечеловеческие муки в функционировавшем на территории Полесского воеводства вплоть до прихода в сентябре 1939 г. Красной армии лагере в Березе-Картузской прошли тысячи политзаключенных²³⁰.

«Санационный» режим, действуя заодно с нацистской Германией, с которой его связывала подписанная в конце января 1934 г. «Декларация о неприменении силы», безуспешно стремился весной того же года помешать осуществлению выдвинутого СССР принципа коллективной безопасности, категорически возражая против активно зондировавшегося в дипломатических кругах при содействии Франции приема СССР в Лигу Наций. Преследуя эту цель, 10 апреля 1934 г. Польша потребовала в Лиге Наций распространить обязательства по защите прав национальных меньшинств, которые прежде касались лишь стран Центральной и Восточной

²³⁰ Предисловие // Польша - Беларусь (1921-1953): сб. документов и материалов/сост.: А. Н. Вабищевич [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2012. С. 16–17; Ким И.К. О пребывании в военной тюрьме в Бресте деятелей польской оппозиции в 1930 г // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (105). С. 201–202; Он же. Общественно-политический резонанс заключения в Брестской военной тюрьме деятелей польской оппозиции в 1930 г // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 58.

Европы, на западные державы, что не получило у них поддержки. Польская дипломатия не скрывала, что ее опасения, связанные с вступлением СССР в Лигу Наций, были вызваны открывавшейся благодаря этому прекрасной возможностью использовать ее трибуну для вмешательства во внутренние дела Польши путем обсуждения положения белорусского и украинского населения²³¹. Продолжая отстаивать требование генерализации международных договоров о защите прав национальных меньшинств, 13 сентября 1934 г. министр иностранных дел Польши Ю.Бек, заявил во время Ассамблеи Лиги Наций об отказе Варшавы от всех взятых ранее обязательств до вступления в силу всеобщей системы защиты прав национальных меньшинств²³².

Это, в свою очередь, не преминуло отразиться на внутренней политике, когда окончательно избавившись от международного надзора, польское правительство стало все больше отводить военным роль одного из главных проводников политики полонизации в восточных воеводствах. Их главами становились в 30-е гг. XX в., как правило, польские генералы, которые концентрировали в своих руках не только полномочия военного, но и государственного управления. В обязанность таких новых управленцев входило воплощение в жизнь на местах правительственных директив, издаваемых Варшавой. В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что польскими генералами практиковалось также коллегиальное обсуждение проблем национальной политики в кругу представителей высшей гражданской администрации и высокопоставленных военных, наделенных властными полномочиями. Так, 24 апреля 1937 г. в г. Гродно состоялась специальная конференция под названием «Активизация польского элемента», цель которой заключалась в том, чтобы усилить полонизаторский курс в северо-восточной части Второй Речи Посполитой. На конференции присутствовали представители двух основных групп, которые определяли

²³¹ Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1977. С. 193–194.

²³² Там же. С. 220.

уклад экономической, политической, культурной и духовной жизни коренного населения «белорусских» воеводств, а именно: были представлены, с одной стороны, главы всех четырех воеводств²³³, а с другой стороны – командующие КОП²³⁴. Особое положение в этой группе занимал глава Белостокского воеводства – С. Киртиклис²³⁵, поскольку помимо исполнения своих непосредственных обязанностей, связанных с воеводским управлением, он являлся командующим Корпуса № 9, который дислоцировался в Белостоке, т. е. именно фигура С. Киртиклиса являлась ключевой, так как он был призван продемонстрировать всем присутствующим, что упрочения польского присутствия в северо-восточной части Польши возможно было добиться только при условии умелой координации усилий чиновничества и военного командования. Эта позиция отражала сущность режима санации, так как истинной свободы и независимости возрожденная Польша могла добиться лишь тогда, когда все польское общество, включая и представителей национальных меньшинств, будет окружено опекой, как политиков, так и военных.

Причина созыва данной конференции была озвучена бригадным генералом Ю. Клеебергом, который, получив право первого слова, заявил, что национальная ситуация в северо-восточной части Второй Речи Посполитой требует к себе особого внимания военного командования на местах, так как национальная политика терпела крах именно из-за возникновения так

²³³ Воеводское управление северо-востока Польши было представлено следующими лицами – А. Корвин-Соколовский (в 1935–1939 гг. возглавлял Новогрудское воеводство), Е. де Трамекурт (занимал должность главы Полесского воеводства с 17 февраля по 7 сентября 1937 г.), Л. Ботянский (возглавлял Виленское воеводство в 1935–1939 гг.).

²³⁴ От военной группы были представлены два бригадных генерала – Ч. Ярнушкевич (в 1935–1939 гг. являлся командующим Брестского округа №9) и Ю. Клееберг (в 1937–1939 гг. осуществлял командование Подольской кавалерийской бригадой).

²³⁵ Стефан Киртиклис был тем государственным деятелем в межвоенной Польше, который удачно соединял в себе способности насаждать польскую национальную идею в отдаленных районах страны, оставаясь при этом, настоящим военным командиром. Его политическая карьера началась в «парламентский период», когда Киртиклис сначала стал командующим 3-й Гродненской жандармерии, прослужив на данной должности три года (с 1924 по 1927 г.), а затем был переведен на службу в Корпус Охраны Пограничья, в рядах которого ему удалось сделать успешную карьеру, поскольку в поощрение за успехи на службе он возглавил вскоре отдел безопасности Виленского воеводского управления, а в первой половине 30-х гг. XX в. Киртиклис занимал должности главы Лодзинского и Поморского воеводств. С 17 июля 1936 г. по 9 сентября 1937 г. Киртиклис занимал должность главы Белостокского воеводства, после чего ушел в отставку. См.: *Kto był kim w Drugiej Rzeczypospolitej* (redakcja naukowa Jacek M. Majchrowski przy współpracy Grzegorza Mazura i Kamila Stepana). Warszawa: Polska Oficyna Wydawn. 1994. S. 169.

называемого «белорусского вопроса», который наряду с общей неблагоприятной экономической ситуацией порождал значительные проблемы для польской власти, поэтому данная конференция, по словам Ю. Клееберга, была призвана выработать надежные методы, которые будут способствовать упрочению польского элемента в «белорусских» воеводствах²³⁶. Суть его выступления сводилась к тому, что политика полонизации должна была осуществляться в тесном взаимодействии с командованием польской армии. Ему вторил следующий выступавший – бригадный генерал Ч. Ярнушкевич, который заявил, что северо-восток Польши, несмотря на то, что большая часть проживавшего там населения относилась к белорусской национальности, на протяжении столетий являлся неотъемлемой частью польской нации, потому что польский воин, по словам бригадного генерала, не раз проливал свою кровь и приносил себя в жертву в войнах за данную территорию, и было бы ошибкой, идя навстречу белорусам, отдать эти воеводства, добытые в ноябре 1918 г. потом и кровью польского народа, извечному врагу поляков – Московии. А чтобы этого не допустить Ч. Ярнушкевич предлагал с помощью офицеров и унтер-офицеров организовать воспитание подрастающего поколения исключительно в духе польской культуры, пресекая все другие культурные альтернативы, которые способны были отдалить представителей белорусской национальности от польского менталитета. С этой целью, по мнению докладчика, требовалось, опираясь на мощный управленческий аппарат, не только способствовать массовому открытию польских национальных школ и католических костелов, но и всячески укреплять институт осадничества за счет ежегодного привлечения из западно-центральных воеводств страны польских предпринимателей, располагавших денежным капиталом, так как укрепление поляков на селе, по мнению Ч. Ярнушкевича, являлось необходимой предпосылкой для насаждения польской национальной идеи среди

²³⁶ Из материалов конференции «Активизация польского элемента в северо-западных землях Польской Республики». 24 апреля 1937 г. // Польша–Беларусь (1921–1953): сборник документов и материалов... С. 157.

многомиллионной крестьянской массы. Опорой в осуществлении этой политики должны были служить польские военнослужащие, прошедшие обучение на специальных курсах политической подготовки²³⁷.

С необходимостью укрепления руководящей и направляющей роли польской армии в экономической жизни белорусских крестьян выразил полное согласие глава Полесского воеводства Е. де Траммекурт, который получил право третьим высказать свое мнение по поводу методики осуществления польской национальной политики на северо-востоке Польши. Его выступление было уникальным, поскольку он предложил создать на территории «белорусских» воеводств особую систему, которая, при помощи активного участия польских военнослужащих, обеспечивала бы постоянное попечительство и контроль за местным населением. К моменту выступления на конференции мероприятия в данной области осуществлялись уже по указанию Е. де Траммекурта на территории Полесского воеводства. Так, вся деревня Особовичи, расположенная в пределах Пинского повята (гмина Лемешивичи), население которой относило себя к белорусской национальности, находилась на попечении 22-го пехотного полка, командование которого занималось возведением социально значимых объектов, включая школу, а также организацией просветительских и культурно-массовых мероприятий. Как видим, польские военнослужащие создавали под командованием унтер-офицеров и офицеров материальные и духовные предпосылки, необходимые для развития данного населенного пункта по пути технического и культурного прогресса.

Более того, Полесский воевода Е. де Траммекурт предлагал не только поставить данный процесс военного попечительства на регулярную основу на всей территории северо-востока Польши, но и привлекать к градостроительной и образовательной деятельности бывших военнослужащих восточнославянского происхождения, которые,

²³⁷ Из материалов конференции «Активизация польского элемента в северо-западных землях Польской Республики». 24 апреля 1937 г. // Польша–Беларусь (1921–1953): сборник документов и материалов... С. 158.

демобиализовавшись после окончания службы в западно-центральных областях страны, возвращались в родные места восточных воеводств. Отслуживших следовало привлекать к проведению различных мероприятий, чтобы, во-первых, вести профилактику аморального образа жизни в обществе, во-вторых, продемонстрировать местному населению, что представитель национального меньшинства, отслужив в рядах вооруженных сил Польши, становился пламенным сторонником польской государственности, которая носила исключительно прогрессивный характер²³⁸.

Полное согласие с предложением главы Полесского воеводства выразил его коллега из Белостока С. Киртиклис, утверждавший, что за все время существования независимой Польши лучшими административными и хозяйственными работниками являлись именно представители польской армии, имея своим главным наставником – Ю. Пилсудского, который перед уходом из жизни завещал военным горячо любить свою отчизну и не жалеть жизни для ее защиты. По этой причине Киртиклис был убежден, что вооруженные силы Польши должны были стать главным проводником воплощения польской национальной политики на территории «белорусских» воеводств, которые при взаимодействии с представителями чиновничества смогут искоренить духовные и материальные элементы белорусской национальности путем насаждения польского национализма.

С. Киртиклис, как и остальные участники Гродненской конференции, стремились уподобить содержание политики колонизации «социальному треугольнику», в основании которого находились польский учитель и католический священник, а на вершине – польский военнослужащий, и именно данная социальная триада обязана была обеспечить ее успех²³⁹. Несмотря на то, что по окончании данной конференции ее участниками не было утверждено целостной методики по воплощению в «белорусских»

²³⁸ Из материалов конференции «Активизация польского элемента в северо-западных землях Польской Республики». 24 апреля 1937 г. // Польша–Беларусь (1921–1953): сборник документов и материалов... С. 159.

²³⁹ Там же. С. 160.

воеводствах политики полонизации, состоявшееся в Гродно мероприятие имело серьезное значение, поскольку на нем были продемонстрированы те или иные подходы польских государственных лиц и военных, которые на вверенной им территории привлекали вооруженные силы для проведения ассимиляции белорусского национального меньшинства, внося предложения по унификации данного процесса, становившимся обязательным для всех «белорусских» воеводств. Такой подход к утверждению польской национальной идеи исходил из сущности режима санации, положения которой, даже после смерти «отца-основателя» – Ю. Пилсудского, утверждали социально-экономическое и духовно-культурное доминирование польской нации над всеми теми народами, которые не принадлежали к польской идентичности.

Работа военных администраторов на восточных окраинах Польши велась, в том числе, на основе сведений, собиравшихся специальными разведывательными органами, которые занимались выявлением действовавших на их территории враждебных элементов. Так, в 1933 г. в служебной переписке КОП было зафиксировано, что на вверенной ему территории необходимо было усилить работу по розыску представителей тех политических групп и организаций, которые вели подрывную деятельность изнутри Польского государства, путем разъяснительных бесед среди крестьянского населения, которое в условиях экономического кризиса легко могло быть завербовано с целью шпионажа. Чтобы не допустить распространения подобной пропаганды среди представителей национальных меньшинств следовало активизировать работу, как польской жандармерии, так и военнослужащих²⁴⁰.

В годы режима санации усилилась тенденция к организации для местного населения восточных воеводств просветительских и сельскохозяйственных лекций-бесед, которые проводились силами польских военнослужащих из числа унтер-офицеров; данные образовательные акции

²⁴⁰ РГВА. Ф. 354к. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–2 об.

были призваны помочь коренному населению Востока страны избавиться от «оков неграмотности», а также наладить ведение своего подсобного хозяйства, чтобы результаты сельскохозяйственного труда смогли не только удовлетворить потребности членов крестьянской семьи, но и способствовать поставкам сельскохозяйственной продукции на внутренний рынок для получения материального вознаграждения. Но инициированные польскими властями мероприятия такого рода, которые были призваны улучшить жизнь обычных людей на селе, оставались исключительно на бумаге, так как основная масса крестьян не могла позволить себе улучшить свое индивидуальное питание и жилищные условия, а также крестьяне не имели возможности пользоваться достижениями современной агротехники, или не располагали возможностями отправить своих детей учиться в польские школы и в университеты.

Во второй половине 30-х гг. XX в. «пилсудчики» предпринимали попытки проведения ускоренными темпами среди местного населения таких мероприятий, которые позволили бы подготовить его к боевым действиям против СССР в будущем, поскольку международная ситуация все отчетливее характеризовалась сползанием Европы к новой войне, в эпицентре которой обязательно должна была оказаться Польша²⁴¹. Об этом красноречиво сообщалось в польских периодических изданиях, особенно в тех журналах и бюллетенях, которые были адресованы военнослужащим польской армии, например, в одном из таких изданий указывалось, что трагедия польского народа состояла в том, что он был расположен между двумя главными европейскими империалистами – СССР и «Третьим Рейхом», которые, вынашивая свои агрессивные планы, стремились разделить Европу на сферы своего влияния, но для достижения подобных целей Москва и Берлин, по мнению работников польской пропаганды, должны были сначала

²⁴¹ 28 апреля 1939 г. А. Гитлер направил меморандум польской стороне о том, чтобы она предоставила Берлину возможность строительства шоссейной дороги, которая бы проходила через так называемый Польский коридор и соединила бы континентальную Германию с ее восточной провинцией – Восточной Пруссией с центром в Кенигсберге, на что Варшава ответила полным отказом, который и привел к денонсации немецко-польской декларации о неприменении силы, которая была подписана в Берлине 26 января 1934 г. См.: Польша в XX веке... С. 241.

ликвидировать независимость Польши, земли которой находились уже ранее под многовековой оккупацией России и Германии, и именно это могло спровоцировать начало новой европейской войны. В связи с этим политработники польской армии настаивали в 1939 г. на формировании новой концепции национальной политики в стране, первая часть которой касалась восточного пограничья, так как западно-центральные воеводства Польши были ограждены от вторжения нацистской Германии надежными, как казалось польским политикам, дипломатическими заверениями со стороны Франции и Великобритании²⁴², армии которых предполагалось выставить на Западном фронте, в то время как восточная граница с СССР должна была защищаться силами польских вооруженных формирований, поэтому необходимо было не только усилить военное присутствие в восточных областях, но и подготовить местное население к предстоящим боевым действиям, которое смогло бы способствовать военной победе польского оружия, а для этого офицерам и унтер-офицерам предписывалось активизировать просветительскую работу с гражданскими лицами, особенно теми, кто проживал в сельской местности.

Проводившиеся с ними разъяснительные беседы преследовали три ключевые цели: во-первых, сознание коренного населения восточных воеводств следовало воспитать в духе доверия к деятельности тех личностей, которые находились во главе Польского государства; во-вторых, жителей восточного пограничья необходимо было постоянно убеждать в наличии военной угрозы со стороны СССР, большевистские руководители которого якобы готовили целенаправленное вторжение для повторного порабощения не только поляков, но и других наций, которые в царские времена уже испытывали подобные гонения; в-третьих, многомиллионную массу крестьянского населения восточных окраин Польши следовало обучить

²⁴² Выступая 31 марта 1939 г. в Палате общин, премьер-министр Н. Чемберлен напрямую заявил о предоставлении Польше гарантий безопасности, по которым, в случае нападения какой-либо стороны на Польшу, Лондон незамедлительно придет польскому народу на помощь, а 6 апреля 1939 г. по итогам состоявшейся с ним встречи министра иностранных дел Польши Ю. Бека было принято совместное коммюнике, содержащее взаимные обязательства обеих сторон оказать друг другу всю имеющуюся военную и экономическую помощь в случае возникновения прямой или косвенной угрозы. См.: Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 195.

элементарным основам военной подготовки, которые могли пригодиться ей при переходе к партизанским методам ведения военных действий в случае вторжения Красной армии²⁴³. Подобные мероприятия среди местных жителей восточных воеводств не ограничивались лишь беседами на тему военной тактики, которая будет применяться польским правительством в случае начала войны, так как целенаправленно ставилась задача ознакомить представителей национальных меньшинств с теми мероприятиями, которые предпринимало правительство для того, чтобы исключить у них в случае начала военных действий чувство, что они брошены варшавским кабинетом на произвол судьбы. Так, 30 марта 1939 г. министерство военных дел приняло новый закон о военном времени – «Zasiłki dla rodzin osób pełniących służbę wojskową»²⁴⁴, при наступлении которого члены семей мобилизованных, получали право обращаться с заявлениями в правление гмины, которое в двухнедельный срок обязано было принять решение о предоставлении им денежного пособия.

Следует отметить, что размер такого пособия зависел от количества жителей в населенном пункте, например, если в семье было трое членов, которые проживали в городе с населением более 25 тыс. человек, то выдававшееся им пособие составляло 1 злотый и 30 грошей, а если такая семья проживала в сельской местности, население которой составляло до 5 тыс., то выдававшаяся на руки сумма была равна 80 грошам, увеличиваясь до 1 злотого только в том случае, если семья мобилизованного проживала в поселке, где население доходило до 25 тыс., следовательно, можно заключить, что при условии малочисленности членов семьи и проживании ее в малонаселенном пункте размер выплачивавшегося ей денежного пособия был небольшим²⁴⁵.

Подобные законы помещались не только на страницах проправительственных печатных изданий, но и доводились до сведения

²⁴³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1939. S. 70.

²⁴⁴ Ibid. S. 155.

²⁴⁵ Ibid. S. 155–156.

польских граждан как раз путем просветительских бесед, которые проводились военнослужащими польской армии. Но указанный процесс подготовки представителей национальных меньшинств на Востоке страны к предстоящим боевым действиям в Европе имел успех только среди тех граждан, которые являлись членами пропольских (полонофильских) культурно-образовательных групп и политических организаций. К примеру, 2 апреля 1939 г. в литовской деревне Йоче, расположенной на территории Виленского воеводства на польско-литовской границе, прошло собрание сельской молодежи. Текст принятой по его окончании резолюции был направлен «личным гонцом» в Варшаву для вручения маршалу Э. Рыдз-Смиглы. В нем молодые жители деревни не только выражали свою преданность «режиму санации», но и с полной уверенностью заявляли, что они готовы в случае вторжения врага вступить в смертельный бой с целью защиты своей территории, которая находилась под покровительством польского «одноглавого орла» и «бело-алого знамени»²⁴⁶.

Мы видим, что с установлением режима санации польское общество под руководством центральной власти активно готовилось к предстоящей войне, которая должна была затронуть всех граждан Второй Речи Посполитой. Чтобы подготовиться к ней военно-политическое руководство пыталось осуществлять целенаправленное вмешательство во все сферы жизни, а также использовать кризисные явления в экономике в своих политических целях. Такая работа возлагалась на новых управленцев из числа высокопоставленных военных, которые, призваны были утвердить в восточных воеводствах польское господство не только в пределах своих военных округов, но и в остальных местечках северо-востока страны.

²⁴⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1939. S. 52.

ГЛАВА 2. КОРПУС ОХРАНЫ ПОГРАНИЧЬЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ

2.1 Формирование Корпуса Охраны Пограничья и его основные функции

В сентябре 1924 г. было принято решение создать на всем протяжении восточной границы специальное воинское формирование – Корпус Охраны Пограничья (КОП). Он был образован по распоряжению тогдашнего министра внутренних дел Зигмунта Хюбнера и министра военных дел Владислава Сикорского²⁴⁷, а командование данным подразделением в течение четырех с половиной лет осуществлял генерал-майор Хенрик Минкевич-Одровонжа, после чего вышел в отставку. Его главным заместителем являлся бригадный генерал Юзеф Токаржевский, в обязанности которого входили, прежде всего, инспекционные поездки по всем подразделениям КОП. Принципы деятельности Корпуса были разработаны польским Генеральным штабом: первоочередной задачей составлявших его воинских формирований являлось несение круглосуточной охраны всей восточной пограничной территории, так как, по экспертным оценкам, для территориальной целостности Польши продолжала исходить прямая угроза со стороны советских республик в форме деятельности многочисленных партизанских отрядов, которые активизировались в первой половине 20-х гг. XX в. на всей территории восточных воеводств²⁴⁸. Для обеспечения такой безопасности все пространство восточного пограничья было разделено на три равных части, которые соответствовали административным границам восточных воеводств, и ширина данных линий составляла в среднем 30 км. вглубь, образуя таким

²⁴⁷ О жизни и деятельности В. Сикорского, являвшегося непримиримым соперником Ю. Пилсудского см.: Парсаданова В.С. Владислав Сикорский // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 48–71.

²⁴⁸ Бортник Л.В. Причины и предпосылки создания Польского Корпуса охраны пограничья // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3–1. С. 86; Zawadzki P. Raisons de la création et de l'évolution des formations frontalières polonaises dans l'entre-deux-guerres // Miscellanea Historico-Iuridica, T. 20. Z. 2. 2021. S. 209–210.

образом защитный пояс всех военных батальонов Корпуса, который подразделялся на боевые секции, количество которых, в свою очередь, варьировалось в зависимости от конкретной местности, при этом батальонные секции делились на ротные. В данном защитном поясе в первое десятилетие существования КОП были размещены исключительно пехотные воинские части, которые в случае военного вторжения на всем протяжении польско-советской границы, длина которой составляла около 1 500 км., были обязаны в кратчайший срок вытеснить врага на его собственную территорию, не дав армии противника закрепиться в населенных пунктах восточного пограничья.

Необходимость молниеносных действий подразделений Корпуса объяснялась именно их тактическим положением, т. е. батальоны располагались на границах всех восточных воеводств, в распоряжение которых помимо стрелков планировалось постепенно вводить современные воинские элементы, к которым относились не только новое западноевропейское вооружение и техника, но и средства связи, и даже целые ветеринарно-санитарные и инженерно-саперные подразделения.

Тогда же было принято решение, что офицерский состав Корпуса обязан был не только пресекать диверсионные вылазки со стороны СССР, Латвии и Литвы, но и осуществлять тесное взаимодействие, как с органами местной административной власти на местах, так и с командованием остальных силовых структур, прежде всего, с государственной полицией для того, чтобы помочь в реализации политики полонизации среди местного восточнославянского населения. По этой причине высший офицерский состав КОП имел прямой доступ к главам воеводств, так как это обосновывалось необходимостью защиты государственной и общественной безопасности всего восточного пространства страны. Для упрочения контактов с управленческим аппаратом на Востоке Польши были созданы так называемые «одноразовые» батальонные подразделения Корпуса, укомплектованные в основном резервистами. Их командование обладало

полномочиями вступать в непосредственный контакт с представителями местных органов власти, и также они были обязаны нести суточное патрулирование всей восточной территории. Помимо непрерывного несения патрульной службы военнослужащие Корпуса обязаны были контролировать перемещение через пропускные пункты товарных грузов и обычных пассажиров, поскольку необходимо было пресекать переброску контрабанды не только через Пинские болота и Полесские леса, но и железнодорожным транспортом. На военнослужащих Корпуса, занимавшихся выявлением нарушений в торговле теми или иными товарами, возлагались фактически функции таможенного органа. Особое значение придавалось задержанию тех лиц, которые, по данным генштаба, направлялись по заданию ОГПУ в Польшу с фальшивыми документами для налаживания подпольной борьбы и совершения диверсий.

Уже к 1 ноября 1924 г. воинские формирования несли службу на самых уязвимых участках восточных воеводств, которые генштаб Польши считал более всего недостаточно защищенными. Это касалось Виленского края, Новогрудского воеводства, а также Волыни. Согласно принципам практического функционирования КОП, утвержденным генштабом, в течение первого года службы солдаты Корпуса не просто несли постоянное боевое дежурство на границах с СССР, Литвой и Латвией, но и занимались обустройством в уязвимых пограничных областях пунктов слежения и засад, а также осуществляли контроль в тыловых районах за коренным населением. В случае подозрительных действий граждан военнослужащие КОП были правомочны производить проверку документов таких лиц без уведомления местных административных и судебных органов.

Подобная работа возлагалась исключительно на пехотинцев польской армии, в то время как кавалерия могла использоваться для организации преследования или же в момент, когда необходимо было совершать многокилометровые марш-броски; последнее касалось первых трех лет существования КОП, так как потребовалось немало времени для того, чтобы

создать на многокилометровой восточной границе непрерывную сеть постов и заграждений²⁴⁹.

Пополнение Корпуса осуществлялось с помощью ежегодного набора рекрутов, но до конца существования Второй Республики действовала система регулярной ротации офицерских кадров в восточном пограничье, т. е. существовало негласное воинское правило, согласно которому все пехотные и кавалерийские офицеры польской армии были обязаны проходить службу в восточной пограничной полосе для того, чтобы не только набраться практического и теоретического опыта в сложных природно-климатических и рельефных условиях Востока страны на случай вторжения Красной армии, но и своим личным присутствием осознать значимость включения в состав государства восточных воеводств, за которые тысячи поляков отдали свои жизни в борьбе с большевистской Россией, и это являлось своеобразным духовным этапом в жизни каждого кадрового польского офицера. Правда, в подавляющем большинстве случаев направление офицеров на службу в восточные воеводства воспринималось последними как проявление по отношению к ним немилости со стороны командования, которое решило отправить таким способом своих подопечных в ссылку²⁵⁰.

Костяком польских вооруженных сил на территории восточных воеводств являлись эскадроны, которые состояли из польских уланов, тех самых воинов, которые славились своим мастерством во всей Европе четыре столетия назад. Важная роль в функционировании эскадронов принадлежала унтер-офицерам, имевшим за своими плечами основательную воинскую подготовку. Эскадроны выполняли в восточном пограничье функции дневного и ночного патрулирования, особенно в первое время присутствие таких эскадронов в бездорожной местности восточных кресов служило значимым фактором обеспечения внутренней и внешней безопасности, так как им приходилось нести длительные дежурства, передвигаясь на больших

²⁴⁹ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej: 1924–1925. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1925. S. 2–4.

²⁵⁰ Kusiak F. Życie codzienne oficerów Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992. S. 130, 131, 262.

расстояниях, составлявших, как правило, не менее 30 км. Появление польских кавалеристов в сельских населенных пунктах призвано было продемонстрировать восточнославянскому населению факт государственного присутствия именно польской власти, поскольку во время своего появления перед крестьянами польские уланы обязательно имели при себе государственные символы в виде двуцветных бело-красных флагов, а также командир патруля имел право вступать в словесный контакт с жителями, разясняя им при этом, что польские солдаты пришли сюда оберегать их личный покой и имущество. На практике высокая степень эффективности действий польских улан проявлялась при задержании «красных партизан», а также во время подавления антиправительственных выступлений, так как кавалеристы, имели в первых двух случаях значительное преимущество в своей маневренности и в скорости, а в моменты подавления несанкционированных митингов и собраний кавалерийские эскадроны своим прибытием могли не просто обратить толпу демонстрантов в бегство, но и были способны перекрыть все главные выходы из того населенного сельского или городского пункта, в котором проводились незаконные акции протеста, и такие операции проводились с целью предотвратить возможность скрыться зачинщикам подобных волнений. Более того, кавалерия помогала полиции и пехотным частям обезвреживать белорусских подпольщиков, которым удалось забаррикадироваться в деревянных помещениях. Так, 17 ноября 1924 г. только один польский кавалерист смог принудить к капитуляции малочисленную группу партизан, члены которой, отстреливаясь, засели в деревянном сарае. Польский улан сумел, следуя терминологии документа, «ворваться на своей лошади в их логово и вынудить их, действуя острозаточенной саблей, сложить оружие и сдаться живыми»²⁵¹. В дальнейшем такие эскадроны состояли из профессиональных военных, которые сначала проходили обучение в главном полку, а затем продолжали

²⁵¹ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 5–6.

его, служа в местном эскадроне. Программа военной подготовки уланов включала не только обучение навыкам верховой езды, но и умению обращаться с саблей и пикой, так как улан должен был обладать следующими умениями: во-первых, профессионально передвигаться верхом на лошади, во-вторых, быть умелым фехтовальщиком и копейщиком, и, в-третьих, обладать такой физической силой, которая позволит ему быть достаточно сильным и выносливым; что касается стрелковой подготовки уланов, то она активно проводилась, но не с такой степенью интенсивности, как это было при обучении обращению с холодным оружием. Считалось, что польский кавалерист должен был выполнять боевые задачи именно при помощи сабли или пики, но следует отметить, что, несмотря на интенсивную подготовку польские уланы получали дополнительное питание и им предоставлялось больше времени для личного отдыха и досуга, к тому же служба в кавалерии обладала более высоким социальным престижем в польском обществе²⁵².

Заслуживает упоминания и тот факт, что лошади для польских улан привозились в восточное пограничье из западных-центральных воеводств страны (Познани, Померании и Гданьска) железнодорожным транспортом и их перевозка занимала более десяти дней, но такая порода лошадей не была пригодна для перевозки грузов и долгого передвижения по ухабистым дорогам во время несения боевых дежурств, поскольку, несмотря на их телосложение (155 см. в высоту) они не переносили, как это было установлено ветеринарами, климатических условий восточных кресов. К тому же, следует отметить, что ветеринарная помощь не была в первое десятилетие налажена должным образом в восточных областях страны, что приводило к массовой гибели «западных лошадей», которые умирали от чесотки, столбняка и заражения пищеварительного тракта. По этой причине военное командование стало изыскивать подходящих для этих целей лошадей, и выбор со временем пал на так называемую «белорусскую»

²⁵² Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej: 1926–1927. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1927. S. 26.

породу, местом разведения которой являлся город Барановичи, так как эти «белорусские» лошади являлись по своему телосложению более компактными, а по физическим характеристикам выносливыми и крепкими и могли перевозить строительные материалы и вооружение, а также способны были преодолевать многокилометровые расстояния, поэтому к концу 20-х гг. XX в. польские уланы на просторах восточного пограничья передвигались уже на такой породе лошадей²⁵³.

Помимо лошадей военнослужащие КОП в межвоенный период привлекали для выполнения своих профессиональных обязанностей и других животных, которые были способны укрепить обороноспособность страны. Речь идет о служебных собаках и о голубях, которые приносили немалую пользу в борьбе с контрабандистами и революционерами. Так, дрессировка служебных собак была организована в воинских подразделениях польской армии на основе особой системы, которая отличалась от имевшихся тогда во Франции и Германии, а именно: поводырем собаки являлся не один военнослужащий, как это было в западноевропейских странах, а все солдаты, которые выходили с четвероногим товарищем в патрулирование. Служебная собака должна была уметь исполнять команды каждого караульного и патрульного. Это делалось, следуя языку документа, для повышения эффективности действий патруля во время задержания, «контрабандистов, диверсантов, бандитов и других преступных элементов»²⁵⁴. Служебные собаки использовались в восточном пограничье не только для несения охранной службы и выявления «схронов» с оружием, но и применялись также в качестве связных, так как в случае технических неполадок или вражеских диверсий собаки могли служить быстрым средством передачи важных сообщений между воинскими подразделениями, частями и административными учреждениями, и с этой целью военнослужащие

²⁵³ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 18–19.

²⁵⁴ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 30.

тренировали также «почтовых голубей»²⁵⁵. Поэтому к концу 20-х гг. XX в. военным командованием страны было принято следующее важное стратегическое решение, повлиявшее на мобильность и боеспособность КОП: на территории воинских частей создавались особые пункты, в которых проводилось обучение не только служебных собак, которые, по мнению командования, были неоценимыми помощниками солдат во время розыска и задержания диверсантов, бандитов и контрабандистов, но и голубей, которые выполняли функции по доставке бумажных писем²⁵⁶.

Воинские части Корпуса имели в своем распоряжении и целые хозяйственно-экономические угодья, предназначавшиеся для ведения сельскохозяйственной и животноводческой деятельности, что не только обеспечивало бесперебойное снабжение продовольствием военнослужащих и их помощников-животных, но и служило «подушкой безопасности» для тех гражданских лиц, которые в случае наступления голода могли получить продовольствие на военных складах, и, как правило, подобные хозяйственные угодья на территории польских воинских частей могли располагаться в нескольких местах: возле казарменных зданий и на той территории, где находился вблизи водный источник. Расположение рядом с казармами таких хозяйств было удобным, так как военнослужащие всегда имели возможность наблюдать результаты своего сельскохозяйственного труда и благодаря этому проходили через трудовое воспитание, а если угодья размещались возле источника воды, например, вблизи водохранилища, то это значительно облегчало процедуру полива, особенно это касалось овощных культур, которые поливались прохладной водой под корень ранним утром и поздним вечером, когда летнее солнце скрывалось за горизонтом. На территории воинских частей КОП, которые базировались на северо-востоке Польши, солдаты и унтер-офицеры выращивали следующие виды овощных культур – огурцы, свеклу, морковь, капусту, сою, лук, горох и картофель. Данные

²⁵⁵ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej: 1924–1929. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1929. S. 34.

²⁵⁶ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 14.

культуры были приспособлены к климатическим условиям «белорусских» воеводств, что и гарантировало успешность их выращивания. Помимо целенаправленно организовывавшихся фермерских хозяйств на территории воинских частей были единичные, но запоминающиеся случаи, когда польские офицеры стремились проявить собственную коммерческую инициативу, беря в аренду у частного лица (в соседней с частью деревни) небольшой земельный участок, на котором офицер-арендатор возделывал, например, овощные корнеплоды и ягодные саженцы, приобретенные за свой счет, и уже в процессе сбора урожая польский офицер мог раздавать бесплатно или за небольшую денежную плату малоземельным крестьянам семена своих плодовых сортов, в результате чего повышалось экономическое благосостояние отдельных крестьянских дворов, которые были способны не только прокормить свою семью, но и поставлять овощи, фрукты и ягоды на местный рынок для продажи, и это также отвечало задачам КОП по утверждению среди гражданского населения политики полонизации²⁵⁷.

Вместе с тем следует также отметить, что, несмотря на создание этого специального воинского подразделения, а также широкой сети вспомогательных служб, деятельность Корпуса в первые четыре месяца его существования была неэффективной, так как польские военнослужащие, не пройдя дополнительного обучения, направлялись сразу на пограничную восточную территорию; протяженность польско-литовской границы составляла 485 км²⁵⁸, польско-латвийской – около 103 км., а советско-польской – 1 500 км., (см.: Приложение № 2) т. е. в общей сложности польские военнослужащие охраняли границу протяженностью чуть более 2

²⁵⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1937. S. 29.

²⁵⁸ Под давлением комиссии Лиги Наций противоборствующие стороны были принуждены в конце 1920 г. к прекращению боевых действий и установлению статус-кво на основе линии продвижения польских войск с созданием нейтральной зоны. По этой причине польско-литовская граница, не являясь ею в международно-правовом смысле, выступала в качестве демаркационной линии, закрепившей в одностороннем порядке аннексию Польшей Виленского края. См.: Balkelis T. A Dirty War: The armed Polish-Lithuanian Conflict and its Impact on Nation-Making in Lithuania, 1919–23 // Acta Poloniae Historica. 2020. Vol.121. P. 252.

тыс. км.²⁵⁹, что не гарантировало скорого избавления восточных окраин от вражеских элементов. Так, в ночь с 18 на 19 июля 1924 г. на небольшой населенный пункт Вишнево, находившийся в 70 км от советской границы, было совершенно молниеносное нападение партизанского отряда численностью около 30 человек, которые, как выяснилось в ходе расследования, пытались разгромить местный гарнизон и совершить убийство коменданта Воложинской полиции. Судя по мемуарным свидетельствам С.А. Ваупшасова, руководившего этой дерзкой операцией, главным мотивом действий партизан была месть за убитых и замученных в польских застенках боевых товарищей²⁶⁰. Новым с точки зрения польской историографии является базирующееся на материалах расследования предположение об участии в нападении на Вишнево бывших солдат корпуса белогвардейского генерала С. Булак-Балаховича, оставшихся без средств существования на территории Польши после его расформирования²⁶¹.

Крупнейшей диверсионной акцией «красных партизан» стала Столбцовская операция, которая была осуществлена в ночь с 3 на 4 августа 1924 г. Первая половина 1924 года прошла на польско-советской границе под знаком непрекращающихся нападений и диверсий с советской стороны, объяснение чему польский историк А. Очал видит в стремлении удержать таким путем польские власти от соблазна военной интервенции в соседнюю Германию, где затухали волны «мировой революции», поднятые «немецким октябрём 1923 г.»²⁶². Целью Столбцовской операции являлось освобождение из тюрьмы руководящих работников ЦК КПЗБ И. К. Логиновича (Павла

²⁵⁹ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 8.

²⁶⁰ Ваупшасов С.А. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. М.: Политиздат, 1971. С. 107. Но осуществить справедливое возмездие с помощью военной хитрости партизанам так и не удалось, после чего завязался бой. Покинувшие Вишнево партизаны, узнав от местных жителей о преследовании их комендантом Воложинской полиции подполковником В. Лопатинским, решили устроить засаду. В результате каратели вынуждены были отступить, понеся большие потери, среди которых был и комендант Воложинской полиции. См.: Там же. С. 109-110.

²⁶¹ Ochał A. Napad na Wiszniew (19 VII 1924 r.) // Dzieje Najnowsze. 2014. Rocznik XLVI. № 1. S. 54.

²⁶² Ibid. S. 50. О попытке Коминтерна дестабилизировать осенью 1923 г. внутривосточную ситуацию в Германии см.: Макаренко П. В. "Немецкий Октябрь" 1923 г. и советская внешняя политика // Вопросы истории. 2012. №3. Воронежский историк пришел к выводу, что крах попыток Коминтерна инспирировать революцию в Германии привел к установлению равновесия между противоположными линиями советской внешней политики: реальной и революционной. См.: Там же. С. 51.

Корчика) и С. А. Мертенса (Стефана Скульского), а также других содержащихся в ней подпольщиков²⁶³. В нападении на крупный населенный пункт – Столбцы (называвшийся в рассматриваемое время Столпце) участвовало, по сильно преувеличенным польским данным около 150 вооруженных лиц²⁶⁴. О высокой степени профессионализма диверсантов, свидетельствовал, по мнению польской стороны, факт проникновения их в город с четырех сторон, соответствовавших четырем сторонам света. Партизанам пришлось вступить в бой не только с полицией, охранявшей важнейшие городские объекты, но и с прибывшим с места своей дислокации в пригороде Ново-Свержень подкреплением 26-й уланского полка²⁶⁵. В результате проведенного польской стороной расследствия было установлено, что помимо винтовок, револьверов и гранат нападавшие имели на вооружении четыре пулемета. Военнослужащим польской армии удалось задержать несколько раненных партизан²⁶⁶, которые во время допроса дали показания, что они в течение полугода якобы проходили военную подготовку на территории БССР под руководством офицеров Красной армии²⁶⁷.

Следующий крупный случай нападения партизан был зафиксирован 24 сентября 1924 г. на железной дороге Лунинецкого повята Полесского

²⁶³ Ваупшасов С.А. Указ. Соч. С. 112.

²⁶⁴ По информации С.А. Ваупшасова для участия в операции было отобрано 58 человек, которые были разделены примерно на три равные части. См.: Там же. С.112.

²⁶⁵ Ваупшасов С.А. Указ. Соч. С. 114.

²⁶⁶ По сведениям С.А. Ваупшасова, в польский плен попал тяжелораненый Петр Иода, приговоренный военным судом к смертной казни. В итоге она была заменена на пожизненное заключение. Петр Иода вышел на свободу после вступления осенью 1939 г. Красной армии в Западную Белоруссию. Автор воспоминаний повстречал его в 1957 г., во время своей поездки по местам боевой славы. О других попавших в плен к полякам участниках операции автор не упоминал. См.: Там же. С. 114–115.

²⁶⁷ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 41, 42. НКВД СССР 5 сентября 1924 г. выступил с опровержением причастности СССР к подготовке нападения на город Столбцы (опубликованным в газете «Известия» 9 сентября 1924 г.), о чем был уведомлен Поверенный в делах Польши в СССР К. Вышинский. Передав польским властям одного задержанного советскими пограничниками нарушителя границы, и заверив польскую сторону в своевременном принятии всех мер по задержанию перешедших государственную границу СССР с территории Польши неизвестных лиц, представитель СССР В. Копп обращал внимание на превратившийся в систему переход границы членами терроризировавших советское население белогвардейских банд, курировавшихся II отделом Генерального штаба Польши. См.: Нота члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Поверенному в Делах Польши в СССР К. Вышинскому. 5 сентября 1924 г. // Документы внешней политики СССР. Т. VII. 1 января-31 декабря 1924 г. М.: Госполитиздат, 1963. С. 442–443.

воеводства, во время которого диверсионная группа совершила нападение на поезд, в котором на тот момент находился ряд высокопоставленных лиц – Станислав Довнарлович, являвшийся тогда воеводой Полесья, епископ Зигмунд Лозинский, а также начальник окружной жандармерии Винцент Двовский и одиннадцать рядовых полицейских. Партизанам удалось остановить поезд и проникнуть в вагоны, в помещении которых завязалась перестрелка, в ходе которой тяжело был ранен начальник окружной полиции, после чего нападающим удалось благополучно скрыться в Полесских лесах²⁶⁸. Интересно отметить, что после этого нападения Полесский воевода С. Довнарлович был вынужден уйти в отставку, поскольку по официальной версии он не смог справиться с ликвидацией диверсионных и бандитских групп на вверенной ему территории, а по сведениям мемуариста С.А. Ваупшасова свое прошение об отставке, переданное по телеграфу, С. Довнарлович подал под давлением захвативших его «красных партизан» под командованием К.П. Орловского (впоследствии Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда)²⁶⁹.

Действия КОП на польско-советской границе смогли принести ощутимые результаты только к концу 1924 г., о чем свидетельствуют следующие данные статистики: с осени 1924 г. по 1 октября 1925 г. военнослужащие Корпуса смогли задержать 4 323 человека, которые незаконным путем пытались проникнуть в Польшу с территории СССР, а также сумели не допустить бегство 1 064 человек с территории Второй Республики в СССР; и помимо этого в указанный период солдатами КОП был задержан 151 человек, которые пытались пересечь польско-советскую границу с помощью денежных взяток. За один только год было зафиксировано около 219 случаев, когда со стороны советских республик производились выстрелы из огнестрельного оружия в сторону Польши; также было зафиксировано 89 случаев в восточном пограничье, когда небольшие

²⁶⁸ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 41.

²⁶⁹ Ваупшасов С.А. Указ. Соч. С. 118.

бандформирования осуществляли свои диверсии, в результате чего польским пограничникам удалось ликвидировать около 30 диверсантов, но имелись и людские потери со стороны Корпуса: за указанный год было ранено более 40 польских солдат. Помимо контроля за пограничной зоной, КОП содействовал также поддержанию правопорядка на территории восточных воеводств: военными Корпуса были успешно пресечены 20 грабежей, и действия многочисленных диверсионных формирований, которые 76 раз пытались безуспешно осуществить акты саботажа и диверсии. На месте преступления были схвачены 85 нарушителей, а в результате проведенных розыскных мероприятий задержаны 79 лиц; количество ликвидированных диверсантов составило за один год 22 человека; потери среди гражданских от рук диверсантов составило 12 человек убитыми и 24 ранеными, что касается потерь со стороны польских военнослужащих, то их количество составляло только 18 человек²⁷⁰, из них на польско-советской границе было убито семь военнослужащих, среди которых было 6 рядовых и 1 унтер-офицер; а ранено было 11 человек, из которых 9 были рядовыми, а двое – унтер-офицерами²⁷¹.

Конечно, приведенные статистические данные не могут в полной мере пролить свет на ситуацию, которая имела место в восточном пограничье с осени 1924 г. по 1 октября 1925 г., так как, среди тех лиц, которые задерживались пограничниками были не только диверсанты и шпионы, но и достаточно большое количество тех, кто стремились найти в Польше или в СССР политическое убежище, или пытались провезти контрабанду с целью личной наживы. К этой категории можно отнести и агитаторов, которые проникали в Польшу с целью распространения коммунистической литературы и листовок, но не имели при себе контрабандных товаров и огнестрельного оружия. Количество убитых и раненых нарушителей говорит о том, что пограничники получали право свободно распоряжаться огнестрельным оружием в целях не только защиты внешних рубежей страны,

²⁷⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 8–9.

²⁷¹ Ibid. S. 33–34.

но и самозащиты, что и было прописано в правилах применения оружия, которые требовали проявления беспощадности по отношению к противникам Польского государства.

Похожая количественная тенденция наблюдалась в восточном пограничье и в следующем году: с 1 ноября 1926 г. по 1 ноября 1927 г. на всем протяжении Восточной пограничной полосы за незаконный переход польско-советской, польско-литовской и польско-латвийской границы было задержано 10 172 человека, которые пытались проникнуть в Польшу; из них 9 509 прибыло из СССР, 610 – из Литвы, и 53 – из Латвии; из Польши бежали в перечисленные страны за один год 1 022 человека, из них 745 направлялись в сторону СССР, 254 в Литву, и 23 в Латвию. Польские погранвойска задержали также на восточной границе за указанный год 1 120 человек, которые были вынуждены искать убежища в Польше из-за политических и культурных притеснений на своей Родине, а именно: из СССР бежало 535 человек, из Литвы – 568, а из Латвии – 17; а за незаконное нахождение в восточной пограничной полосе польскими пограничниками были задержаны 1 062 нарушителя. Военнослужащим польской армии в 1926–1927 гг. удалось обезвредить в польско-советской пограничной полосе целый ряд диверсионных групп (всего было зафиксировано 10 таких формирований), правда, польским пограничникам не удалось задержать всех преступников, так как, по меньшей мере, диверсантам в количестве семи человек удалось скрыться от преследования. Было зарегистрировано также 23 случая стрельбы из огнестрельного оружия, которая велась с территории советских республик и Литвы, 19 выстрелов было совершено, как установили пограничники, с территории СССР, а 4 – с территории Литвы, со стороны Латвии за указанный год не было совершено подобных пограничных инцидентов, а что касается потерь, то на всем восточном пограничье было убито 2 человека, которые во время незаконного перехода границы отказались остановиться после сделанных польскими военнослужащими трех предупредительных выстрелов, а количество раненых солдатами КОП

нарушителей составило 34 человека. Главным образом, шла речь о лицах, которые входили в состав диверсионных групп, и, оказав вооруженное сопротивление польским пограничникам, отказались сдаться после предупредительных выстрелов.

В указанный год с территории Польши в Латвию и Литву во время летне-осенних сельскохозяйственных работ бежали 97 517 человек, и из них 95 946 направились в Литву, а 1 571 – в Латвию; а на территорию Польши в это же время прибыло из Латвии и Литвы – 65 343, из них 63 555 бежали из Литвы, а 1 788 – из Латвии. Но и в тыловых районах восточных воеводств в 1926–1927 гг. также было неспокойно, так как помимо диверсионных групп действовали различные антиправительственные организации и партизанские формирования, которые устраивали акты саботажа и вели революционную пропаганду среди коренного населения. Так, было зафиксировано семь случаев пресечения деятельности подобных антиправительственных групп, которые своими набегами разоряли хозяйства польских осадников, а также в семи случаях имел место саботаж на объектах средств связи. Количество мирных граждан, пострадавших в результате перестрелок, составило 8 человек, трое из которых были убиты, а пять оказались ранеными, а количество погибших от рук польских военнослужащих диверсантов, революционеров и бандитов составило шесть человек, раненых – всего один, но удалось взять живыми и допросить – одиннадцать.

Следует отметить, что польскими солдатами во время проведения операций по задержанию подозрительных лиц во внутренних районах восточных воеводств было схвачено десять человек, которые подозревались в причастности к деятельности незаконных вооруженных формирований.

Военнослужащие польской армии оказывали также в 1926–1927 гг. на территории восточных кресов помощь местному населению во время тушения пожаров и ликвидации последствий стихийных бедствий. Так, за один год было зафиксировано 116 таких случаев, когда польские солдаты

помогали тушить пожары и ликвидировать последствия наводнений и снежных заносов²⁷².

В период с 1 сентября 1926 по 1 ноября 1927 г. на территории восточных воеводств было убито 73 польских военнослужащих, которые, как несли службу по охране приграничной восточной полосы, так и обеспечивали внутренний правопорядок среди местного населения. Погибшим числился всего один офицер в звании капитана, который был убит 15 сентября 1926 г. поблизости от Клецка (Новогрудское воеводство), 47 являлись рядовыми, трое их которых были старшими, потери среди унтер-офицерского состава составили 21 человек, среди кавалерийских эскадронов количество погибших составило 4 улана. Следует отметить, что на территории «белорусских» воеводств из 73 военнослужащих погибло 30 человек, из них один офицер, восемнадцать рядовых солдат и одиннадцать унтер-офицеров²⁷³.

На польско-советской границе за период 1928–1929 гг. польскими военнослужащими было задержано при попытке незаконного перехода границы 507 лиц, а также было успешно арестовано 289 человек, которые следовали вглубь территории восточного пограничья с целью нелегально покинуть Польшу, и за один только этот период было проведено тщательное обследование всей примыкающей к польско-советской границе территории, в результате чего пограничники задержали 774 человека, которые укрывались в запрещенной зоне; польские пограничники вынуждены были также обеспечить прием на территории восточных воеводств Польши 353 советских граждан, которых, как утверждалось в проправительственной печати, советская власть насильно выгнала в Польшу, так как они представляли в СССР чуждый и опасный для всего советского общества классовый элемент. Также за один год польскими военнослужащими были установлены в восточном пограничье 3 диверсионные группы, но удалось обезвредить только две такие группировки, в то время как одной группе из пять человек

²⁷² Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 13.

²⁷³ Ibid. S. 58–59.

удалось благополучно скрыться от преследования. Количество задержанных контрабандистов за указанный год составило 40 человек. Польскими пограничниками за 1928–1929 гг. был зафиксирован 31 случай обстрела польской территории со стороны СССР, и была установлена одна попытка вооруженного вторжения диверсионной группы на польскую территорию. Что касается вопроса о потерях и раненых, то в 1928–1929 гг. на польско-советской границе со стороны диверсантов, а также лиц, которые занимались контрабандной торговлей, убито было 4 человека, а количество раненых составило 18, но это были те лица, которые во время нелегального пересечения границы либо отказывались остановиться и следовать дальнейшим указаниям польских пограничников, либо оказали вооруженное сопротивление, в результате чего и получили ранения, но в итоге все же были задержаны.

Позитивные последствия работы польских военнослужащих в 1928–1929 гг. зримо проявились и во внутренних областях восточных воеводств. Так, на всей территории Востока, которая соприкасалась с БССР и УССР, диверсантами и антиправительственными элементами было совершено три грабежа и семнадцать установленных фактов саботажа (диверсанты вывели из строя государственные линии связи), но в результате действий польских солдат удалось задержать 116 внутренних и внешних шпионов, и арестовать 12 диверсантов, которые устраивали и планировали в дальнейшем продолжить свои разорительные набеги на имущество и собственность польских латифундистов-осадников²⁷⁴.

На границе с Литвой польским погранвойскам удалось задержать 176 человек, которые пытались незаконным образом покинуть территорию Польши, польскими солдатами было арестовано на территории пограничной зоны с Литвой 98 лиц, а 252 человека являлись по своей национальности поляками и были вынуждены бежать в Польшу из-за притеснений их властями Литвы. Польскими военнослужащими было выявлено на польско-

²⁷⁴ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 15.

литовском пограничье две диверсионные группы, и шести диверсантам удалось в итоге благополучно уйти от погони, но было также ликвидировано 19 контрабандистских групп, в результате чего было арестовано 154 человека, которые занимались нелегальной торговлей. Со стороны Литвы было зафиксировано 7 выстрелов из огнестрельного оружия, сделанных в сторону Польши, а количество актов саботажа, устроенных литовскими агентами, составляло 11, правда, польским пограничникам удалось обезвредить только 7 из 20 предполагаемых шпионов. Потери со стороны бандитов, диверсантов и обычных граждан, которые стремились незаконным путем перейти польско-литовскую границу, составили 3 убитых и 8 раненых²⁷⁵.

Следует отметить, что литовские диверсанты пользовались поддержкой среди местного населения Виленского края, о чем говорили конкретные факты, которые фиксировались силовыми структурами Польши. Например, 30 мая 1929 г. поблизости от населенного пункта Сейны Сувальского повята военнослужащие КОП вступили в перестрелку с диверсионной группой в составе 7 человек, в ходе которой двое из них были ранены. Их удалось задержать, а остальные смогли вовремя скрыться. У задержанных были изъяты фальшивые документы, так как экспертиза показала, что в них была проставлена поддельная печать старосты Свенцянского повята Виленского воеводства. В ходе личного допроса было также установлено, что члены этого бандформирования состояли исключительно из лиц литовской национальности, половина из которых незаконно прибыла через польскую границу из Литвы с целью проведения диверсионных операций на территории Польши, и то, что большей части диверсантов удалось ускользнуть от рук польских пограничников говорило о том, что среди местного литовского населения нашлись те, кто решил укрыть нарушителей границы, видимо, укрыватели руководствовались чувством сострадания к диверсантам, которые были с ними одной национальности.

²⁷⁵ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 15.

Но нарушение государственной границы со стороны Литвы происходило и в последующие дни, так, 3 июня того же года в литовское село Дубюле Виленского-Троцкого повята незаконно проникли два литовских диверсанта, которые активно вели среди местного крестьянского населения агитацию против польского правительства, и когда один из местных жителей, которого звали Апанас Русаков, попытался возразить литовским диверсантам, то его сначала публично избили, а затем, как утверждалось в донесениях, увели за собой на территорию Литвы, и такое обращение литовских диверсантов с А. Русаковым не встречало открытых протестов и возмущения со стороны жителей села Дубюле, поскольку крестьяне литовской национальности были охвачены ненавистью по отношению к польской власти²⁷⁶.

На польско-латвийской пограничной полосе ситуация обстояла намного легче, что объяснялось малой протяженностью, как самой границы, так и отсутствием антагонистических международных противоречий между Варшавой и Ригой. Это нашло свое проявление в том, что в 1928–1929 гг. польскими пограничниками не было арестовано ни одного латвийского шпиона на северо-востоке Польши; но количество незаконно пересекших здесь границу лиц, задержанных польскими пограничниками, составило 97 человек, а их число в пограничной полосе с Латвией – пятнадцать. Количество контрабандистов, задержанных польскими военными, насчитывало 63 человека. Был организован только один акт саботажа, но и он был совершен руками не латвийских агентов, а внутренними элементами, которые имели польское гражданство, и которые боролись радикальными методами с Польским государством. В связи с данным происшествием было задержано 14 человек²⁷⁷.

Что касается погибших, то в 1928–1929 гг. их количество среди польских военнослужащих на всем восточном пограничье составляло 82

²⁷⁶ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (kwiec./czerw.)... S. 20.

²⁷⁷ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 15.

человека, из которых 7 были уланы, а остальные 75 – пехотинцы, что касается точного географического места их гибели, то на северо-востоке Польши отдали свои жизни 41 военнослужащий, из которых 5 являлись уланами, 26 рядовыми. Также среди них были один капитан, три капрала и 6 сержантов, т. е. 50% погибших несли воинскую службу на территории «белорусских» воеводств²⁷⁸.

В 1928–1929 гг. с территории северо-востока Второй Речи Посполитой во время летне-весенних полевых работ бежали 106 437 человек, которые нелегальным путем пересекли польско-литовскую границу, но также с территории Литвы в Польшу таким же нелегальным путем прибыло 62 118 лиц. Что касается аналогичной ситуации на польско-латвийской границе, то с польской территории бежали в Латвию во время полевых работ 6 тыс. человек, а в Польшу прибыли из Латвии 5 385²⁷⁹.

Серьезные изменения в положении на восточной приграничной полосе произошли в следующем году, когда ситуация на польско-советской границе значительно усложнилась. В течение 1930 г. с территории БССР в Польшу прибыло около 1 000 советских граждан, которые покинули СССР из-за тяжелых последствий сталинской коллективизации. Речь шла главным образом о зажиточных людях, поскольку об этом говорит не только их несогласие с политикой советской власти, но и наличие многочисленных принадлежавших им личных вещей, с которыми они не пожелали расстаться при переезде из социалистической в буржуазную страну²⁸⁰.

Если действия партизанских и диверсионных групп в восточном пограничье объяснялись во многом той несправедливой национальной политикой в отношении коренного населения, которое было представлено на территории восточных воеводств белорусами, литовцами, украинцами и русскими, то функционирование и процветание контрабандной торговли, с которой были призваны бороться военнослужащие КОП, вытекали из

²⁷⁸ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 80–81.

²⁷⁹ Ibid. S. 15.

²⁸⁰ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, IV kwartał. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1931. S. 8.

экономических реформ польского правительства: контрабандисты стали промышленлять в восточных воеводствах вследствие ужесточения польского таможенного законодательства, протекционистские пошлины которого были призваны защитить национальный рынок от ввозившейся с территории соседних стран промышленной и сельскохозяйственной продукции²⁸¹. Такие меры были призваны увеличить экономическое благосостояние Второй Речи Посполитой путем регулирования торгового баланса, но правительство не учитывало главный факт, который заключался в том, что польские земли, которые до 1918 г. входили в состав трех рухнувших европейских империй, были крайне зависимы от торговли с Петербургом, Берлином и Веной²⁸², тогда как внешнеполитический курс Польского государства преследовал цель расширить торгово-экономические контакты со странами Западной Европы, прежде всего, с Францией, что и привело к разрыву налаженных экономических связей с Центрально-Восточными регионом.

С целью своего личного обогащения предприимчивые люди с польским гражданством стремились вернуть на внутренний рынок иностранные товары, которые закупались ими за рубежом и нелегально перевозились через восточную границу. Контрабандисты активно переправляли товары и продукты из Литвы, Латвии и СССР, среди которых преобладали табак, спиртные напитки, лекарственные препараты, необработанные шкуры, а также рыба и икра²⁸³. Следует указать на тот факт, что в категорию контрабандных лекарственных препаратов включались также сильнодействующие наркотики – морфий и кокаин, которые находили в Польше своих подпольных покупателей. Главными центрами контрабандной торговли на северо-востоке Польши являлись городские местности Вильно и Гродно. Но польская территория служила также перевалочным пунктом для

²⁸¹ Krzywicki W. Dzieje polityki celnej: zarys historyczny ustawodawstwa celnego ze specjalnem uwzględnieniem ceł zbożowych. Warszawa: Zw. Polskich Organizacyj Rolniczych, 1925. S. 176–177.

²⁸² Польша в XX веке... С. 228.

²⁸³ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicęobjęciastłżby na granicach Rzeczy pospolitej... 1929. S. 38.

контрабандных товаров, которые направлялись из буржуазных стран Западного мира в Советский Союз²⁸⁴.

Для укрепления обороноспособности, а также национальной и экономической стабильности восточного пограничья в период «санации» было принято решение о создании на территории восточных воеводств различных молодежных военных отрядов, участники которых должны были обучаться военному искусству при помощи инструкторов КОП. Пополнение таких воинских организаций происходило не только за счет лиц мужского, но и женского пола. Так, уже в начале 30-х гг. XX в. в рядах КОП действовали женские стрелковые подразделения, которые, базируясь в восточном пограничье, проходили на регулярной основе курсы по повышению своих стрелковых умений и общих военных навыков. Подобные курсы организовывались в полевых условиях тренировочных лагерей. Удобным для этих целей местом в межвоенной Польше являлся белорусский Рацкий Бор, представлявший собой идеальный лесной массив для проведения военных учений и краткосрочных занятий.

Обычно программа курса для женщин-стрелков являлась многомесячной и состояла из разнообразных теоретических и практических мероприятий, каждый блок из которых проходил в разных географических местностях. Обучение на подобных курсах, которые проводились чаще всего в Вильно в весенние месяцы, начиналось с теоретических занятий. Их тематикой являлись не только вопросы, связанные с военной подготовкой, но и с проблемами гражданского воспитания. На занятиях будущим женщинам-стрелкам стремились привить убежденность в необходимости выполнения ими священного долга по сохранению целостности и независимости Польши. По окончании теоретических занятий их разделяли на группы, каждая из которых в течение летнего периода занималась оттачиванием практических и

²⁸⁴ См.: Нашчынец К. Заходні фарпост савецкай дзяржавы: невядомыя факты з гісторыі Негарэлаўскай мытні // Таможенное дело и ВЭД: сборник докладов участников СНИЛ «Теория и практика таможенного дела и внешнеэкономической деятельности». Вып. 1. Минск: БГУ, 2013. С. 249–261.

боевых навыков в военных лагерях, районы расположения которых существенно отличались по своим природно-климатическим условиям.

Так, отряды женщин-стрелков размещались в окрестностях следующих «белорусских» воеводств – Рацкий Бор, Виленский край, Поречье, Столбцы, Брест и Беловежская пуца. В процессе своего обучения женщины получали не только навыки обращения со стрелковым оружием, но и развивали физическую выносливость, а также обучались минно-взрывному делу. Во второй половине 1930-х гг. привлечение женщин для прохождения данных стрелковых курсов в пограничной восточной полосе с каждым годом только увеличивалось, например, в 1935 г. прошли обучение 379 женщин, а в 1936 г. – 413, т. е. уже на 34 человека больше чем в предыдущем году²⁸⁵.

С целью демонстрации успехов в деятельности КОП в различных польских городах западно-центральных воеводств регулярно проводились специальные выставки, на которых представлялись исключительно значимые для всего польского общества итоги работы военнослужащих КОП на восточных окраинах государства. Так, осенью 1928 г. в Познани в честь десятилетия независимости Польши прошла универсальная выставка, посвященная успехам польской нации, которые были достигнуты за такой короткий срок в трудовой и экономической деятельности. Также в выставочных павильонах были представлены условия работы польских пограничников на всем протяжении восточной границы. Это делалось с тем целенаправленным расчетом, чтобы продемонстрировать посетителям выставки, что в составе Польши имелись такие далекие территории, на которых население жило совершенно иначе, более того, жившие там люди, по мнению организаторов, являлись отсталыми, а с приходом туда польских солдат жизнь обычного гражданина стала безопасной, потому что были ликвидированы промышлявшие там «бандиты» и круглосуточно пресекалась деятельность заграничных диверсионных групп.

²⁸⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 27–28.

Рассказывалось также о том, что благосостояние всего восточного региона Польши было создано руками польских солдат, о чем свидетельствовали многочисленные фотографии, таблицы и графики, передававшие благостную картину процветания деревень и городов восточных воеводств. Приводились впечатляющие данные о количестве возведенных учреждений медицинского, образовательного, культурного и просветительского назначения, о километрах уже проложенной дорожной сети, о задержании преступников, а также о пресечении деятельности тех незаконных формирований, которые действовали, как на всей восточной границе, так и в населенных пунктах восточных воеводств²⁸⁶.

Все это призвано было внушить посетителям Познанской выставки идею о цивилизаторско-просветительской миссии, как польского чиновника, так и солдата, так как последний отвечал не только за сохранение территориальной целостности Второй Речи Посполитой, но и за благополучие каждого польского гражданина, даже если этот гражданин был иной национальности, придерживался противоположного вероисповедания, и говорил на другом, пусть и близкородственном польскому языке.

В 1934 г. по случаю десятилетия образования КОП была организована другая передвижная выставка, проходившая в крупных городах центральных воеводств страны, и на которой была представлена информация, как о представителях высшего командного состава этого воинского формирования, так и о наиболее значимых событиях, которые непосредственно были связаны с его деятельностью, прежде всего, это касалось защиты восточной пограничной полосы Польши от вторжения СССР. Но в дальнейшем подобные выставки стали ежегодными, а польские офицеры знакомили в качестве экскурсоводов их посетителей, не только с достижениями в военной сфере, но и с результатами социально-воспитательной и гуманитарной деятельности КОП. Уровень организации выставок был довольно высоким: посетители имели возможность наблюдать на выставочных стендах уже не

²⁸⁶ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 11.

только таблицы и графики, которые демонстрировали приблизительные количественные данные о результатах нахождения на Востоке солдат Корпуса, но и разнообразные фотографии, сделанные самими военнослужащими на фоне живописной природы. В фотообъектив попадали также те жители Польши, которые относились к национальным меньшинствам – белорусы, украинцы и литовцы; оборудовались и специальные информационные доски, на которых прикреплялись газетные вырезки, сообщавшие о задержании польскими пограничниками диверсантов и контрабандистов; доводились до сведения посетителей выставок также высказывания высокопоставленных военных и государственных деятелей Польши, которые прославляли тяжелый труд военнослужащих КОП. Но подобные выставки организовывались не только с целью демонстрации достижений военной техники и стрелкового вооружения, а также личных умений и мощи военнослужащих КОП, но и для того, чтобы всем желающим польским гражданам продемонстрировать ту просветительно-культурную и цивилизаторскую работу, которую проводил Корпус на восточных окраинах страны, улучшая тем самым условия материальной и духовной жизни восточнославянского национального меньшинства Второй Речи Посполитой, представители которого находились в постоянной опасности из-за близкого соседства с коварными врагами.

Следует отметить, что количество посещавших выставки, которые устраивались в честь деятельности КОП было внушительным, например, только в течение двух недель подобную выставку в Варшаве в 1934 г. посетило более 10 тыс. человек²⁸⁷. Главным показателем их успешности являлась заинтересованность посетителей ознакомиться с жизнью местного населения восточных воеводств, представители которого были в глазах этнических поляков в географическом отношении отдаленными, а в культурно-историческом плане – темными и дикими; поэтому любопытному

²⁸⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936. S. 1.

польскому населению Варшавы и ее пригорода было интересно посмотреть не только на внешность своих сограждан, но и окунуться в их повседневный образ жизни, который, как подчеркивалось в выставочных информационных павильонах, до прихода в восточные воеводства польских солдат, осадников и просветителей, являлся варварским. Но посетители убеждались на подобных выставках и в том, что условия жизни на восточной территории улучшались с каждым годом не только в плане внешней и внутренней безопасности, но и путем поднятия культурно-образовательного уровня, проживавшего там испокон веков населения. Последний процесс преподносился на выставочных мероприятиях в качестве достижений, создававшихся руками всех военнослужащих КОП. Это касалось офицеров и унтер-офицеров, которые совместно со своими солдатами не только постоянно приходили на помощь восточнославянскому населению в его борьбе с последствиями природно-стихийных бедствий, но и обучали их культурно-духовным основам европейской цивилизации путем приобщения к католическому вероисповеданию, а также возводили социально значимые объекты, которыми являлись школы, дома культуры, театры и поликлиники, также особенно подчеркивалось, что образовательно-просветительские мероприятия были направлены, как на ликвидацию неграмотности местного населения, так и на повышение общенациональной сплоченности польского общества²⁸⁸.

Такого рода информация должна была не просто познакомить посетителей выставок с результатами и методами работы Корпуса, но и пропагандировать яркие примеры военнослужащих КОП, которые беззаветно служили своей Родине и гражданам; последние жили на Востоке мирно и благополучно благодаря круглосуточному несению охраны всей восточной границы. Данная пропаганда адресовалась особенно молодым посетителям, которые не пошли еще в школу, но уже были готовы записаться в ряды Корпуса, так как они проникались героизмом солдат-пограничников,

²⁸⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 3–4.

загорались желанием пойти добровольцами в польскую армию по достижении соответствующего призывного возраста.

Благодаря высокому качеству экспонатов выставки и умелой работе экскурсоводов поднимался морально-психологический настрой и взрослого населения, так как сердца польских граждан могли не тревожиться за безопасность своей страны, потому что знали, что лучшие сыны польской нации стояли на страже государственных границ и оберегали не только их сон, но и счастливое спокойствие их детей, и что в случае опасности солдаты Корпуса будут стоять насмерть и не позволят вражеским силам осквернить священную польскую землю.

Помимо централизованно проводившихся выставок по случаю образования КОП, в восточных областях Второй Речи Посполитой просветительские и культурно-массовые мероприятия устраивались также на местах. Так, в воскресенье 14 октября 1936 г. состоялись ежегодные торжественные мероприятия по случаю очередной годовщины образования КОП на восточных рубежах Польши. Данный праздник касался не только воинских подразделений КОП, но и всех органов государственной власти, а также и местного населения. Это объяснялось тем, что должностные функции солдат Корпуса заключались не только в несении пограничной службы, но и в их активной общественно-просветительской и культурной деятельности. О существовании такой священной обязанности по внедрению ценностей польской цивилизации в умы и сердца коренного населения северо-востока Второй Республики как раз напоминалось военнослужащим КОП каждой осенью, когда командиры накануне праздника устраивали для своих солдат своеобразные товарищеские беседы, которые проходили в вечернее время у большого костра, причем разговоры с подчиненными велись не в атмосфере жесткой служебной субординации, а в более мягкой и дружеской обстановке, которая в обычные дни службы являлась редкостью.

Тесное общение командиров и подчиненных сопровождалось совместным исполнением военных музыкальных произведений, например,

популярной являлась песня под названием «Мы на страже», слова которой подчеркивали священную миссию солдат КОП по охране восточных рубежей своей страны, независимость которой была завоевана такой дорогой ценой. После музыкальных пауз командиры обращали внимание своих подчиненных к предстоящему празднику, сопричастность к которому должно было ощутить и гражданское население: солдаты Корпуса запоминали план предстоящих культурно-массовых и спортивных мероприятий, призванных сплотить и укрепить связи между гражданскими лицами и польскими военными; такие торжества включали в себя, например, любительские театральные представления, организованные унтер-офицерами и рядовыми солдатами, или шахматные турниры, а также концерты военных оркестров и спортивные состязания, и подобные мероприятия были бесплатными для всего гражданского населения.

Воскресный день 14 октября 1936 г. начался для крестьянского населения, которое исповедовало христианство, с похода в католический или в православный храм, и эту ситуацию также умело использовало польское военное руководство, которое вместе с подчиненными решило посетить религиозную службу в костеле, в конце которой оно выступило с торжественной речью. Ее слова были обращены в основном к прихожанам, так как им нужно было при содействии церковнослужителей донести идею о святой обязанности защиты восточных территорий от врагов польского народа, но достижение такой цели возможно было только при условии консолидации армии и гражданского населения, поэтому последние приглашались принять участие в различных мероприятиях и фестивалях, которые проходили по случаю образования КОП.

После окончания церковной службы и выступлений офицеров гражданские лица могли стать зрителями на военных парадах, которые сопровождались исполнением военным оркестром национальных польских песен. Во время парада военнослужащими КОП произносились также речи, адресованные не только солдатам, но и обычным гражданам восточных

воеводств. Например, по случаю двенадцатой годовщины образования Корпуса были произнесены торжественные речи, и, несмотря на их многочисленность всех их связывала одна главная мысль, которая должна была подчеркнуть факт существования двух различных социально-культурных и политических миров, граница которых проходила как раз через восточное пограничье. В выступлениях подчеркивалось следующее: безопасность этих земель была достигнута в первой половине 20-х гг. XX в. благодаря польскому солдату, а также внутреннему пониманию самого коренного населения, которое выразило свою полную поддержку устремлениям Польского государства в обеспечении стабильности и процветании всех восточных воеводств возрожденной Польши. Особенно эмоциональными являлись слова об единстве общей Родины, которая сплотила вокруг себя людей разных национальностей и культур, поэтому гражданские лица должны были сделать вывод о том, что защита единой страны являлась не только обязанностью тех, кто носил военную униформу, но и каждого жителя Второй Речи Посполитой. Также и военнослужащие КОП обязаны были держать крепко в своей памяти образы тех солдат-героев, которые в первые годы существования Польши возводили пояс безопасности на границе того государства, которое якобы в 1920 г. пожелало лишить польскую нацию независимости и свободы. В связи с этим, польским военнослужащим следовало гордиться своей службой на Востоке страны, осознавая, что эти земли были возвращены польскому народу ценой огромных жертв и страданий²⁸⁹.

Достижения во многих областях жизни, о которых сообщалось во время проведения многочисленных выставок и ежегодных торжеств, имели реальное подтверждение. Военнослужащие КОП действительно возводили различные сооружения за пределами своих частей, что финансировалось не только из государственного бюджета, но и за счет средств самого Корпуса, из так называемого Социального фонда, в который на протяжении второй

²⁸⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... S. 49–56.

половины 30-х гг. XX в. продолжали поступать значительные средства. Так, в течение 1936 г. Социальный фонд Корпуса выделил 32 тыс. злотых на проведение в восточных воеводствах мероприятий в рамках политики полонизации, которые касались возведения новых школ, преподавания в которых велось исключительно на польском языке, а также строительства новых католических приходов. Обращалось особое внимание на организацию таких мероприятий для подрастающего поколения, которые своим содержанием должны были способствовать культурно-физическому воспитанию молодых девушек и юношей; последним предстояло со дня на день оказаться в категории призывников, поэтому их участие в спортивных состязаниях являлось строго обязательным²⁹⁰.

Социальный фонд КОП выделил только за первый квартал 1937 г. 8 тыс. злотых на ремонт и строительство различных социально-значимых учреждений – новых костелов и школ. Придавалось также большое значение обустройству солдатского быта путем создания общих комнат отдыха в местах дислоцирования воинских частей, а также возведения в сельских населенных пунктах домов культуры, двери которых были открыты не только для гражданских лиц, но и для польских военнослужащих²⁹¹, а всего за 1937 г. Социальным фондом КОП было выделено 30 тыс. злотых, которые были направлены на возведение в восточных воеводствах одиннадцати польских начальных школ, десяти сельских домов культуры, а также было построено на эти средства 37 жилых домов, которые, правда, были рассчитаны на вселение в них не коренных жителей, а представителей местных польских властей²⁹².

Следует отметить, что данные культурно-массовые и образовательные учреждения действительно возводились руками польских пограничников, которые получали за свой труд небольшое денежное вознаграждение, что

²⁹⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1937. S. 48.

²⁹¹ Ibidem.

²⁹² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1937. S. 13.

являлось дополнительным источником дохода. Белорусские крестьяне могли также воспользоваться такой возможностью для улучшения финансового положения своих семей. Хотя работа таких наемных рабочих сводилась главным образом к переноске строительных материалов, но уже этот факт был широко распропагандирован польской властью, представители которой заявляли, что вооруженные силы Второй Республики не только ежегодно улучшают бытовую, социальную и культурную жизнь обычных граждан, но и предоставляют возможность заработать тем лицам, которые не имели надежных источников дохода.

В пропаганде могли использоваться также конкретные примеры того, как военнослужащие Корпуса своим непосильным трудом способствовали изменению облика целых населенных пунктов, жизнь в которых якобы становилась для обычных граждан по-настоящему райской. В этом отношении показателен пример небольшой литовской деревни под названием Йоче, которая была расположена в Трокском повете на территории Виленского воеводства поблизости от польско-литовской границы. Данный населенный пункт изображался на всевозможных передвижных выставках местом, которое ежемесячно подвергалось активному экономическому попечительству со стороны КОП, военнослужащие которого способствовали внедрению в сельское хозяйство таких культур, как томаты и цветная капуста. Это касалось также птицеводства и животноводства.

Местные литовские активисты из крестьянской среды, которые выражали свои симпатии Польскому государству, получали возможность не только принимать участие в собраниях на сельском уровне, но и регулярно участвовать в работе различных проправительственных конференций, которые были призваны засвидетельствовать полную удовлетворенность национальных меньшинств польским правлением. Во время работы таких конференций обращалось особое внимание на то, что литовцы, по их собственным заверениям, были счастливы находиться именно на территории Второй Республики, а не под властью соседней Литвы и СССР, так как в

обоих государствах, по их мнению, происходило не только духовное обнищание обычных крестьян, но и они подвергались экономической эксплуатации Москвы и Каунаса²⁹³.

Другим примером успешной градостроительной деятельности военнослужащих Корпуса служил небольшой расположенный в Полесье город Микашевичи, в котором проживали около 3 тыс. человек. Он был широко известен за пределами восточных воеводств благодаря своей фанерной фабрике²⁹⁴, которая обеспечивала работой сотни человек. Правда, занятые на ней квалифицированные рабочие являлись по своему происхождению не белорусами, а поляками, к тому же состоятельный городской слой в Микашевичах также был представлен ими.

Но городской облик в межвоенный период претерпевал значительные изменения из-за возрастания культурно-досугового спроса поляков-управленцев, например, осенью 1934 г. было принято решение построить в Микашевичах народно-культурный дом, архитектурное оформление которого должно было быть эстетически элегантным, так как данное строение было призвано ознаменовать 10-й юбилей существования КОП в восточных областях страны. Строительство народно-культурного дома было успешно завершено в течение всего одного года, а сумма общих расходов, составившая 50 тыс. злотых, являлась неимоверно высокой. Само же сооружение было выполнено исключительно из дерева и его объемный центральный зал мог вместить в себя до 500 человек, из которых 350 могли свободно расположиться на мягких креслах; также в строительстве этого «культурного дома-отдыха» принимали участие и обычные граждане, которые нуждались в средствах из-за отсутствия у них постоянной работы²⁹⁵.

На выставках и ежегодных юбилеях КОП польские офицеры и унтер-офицеры показывали и такие материалы, которые призваны были

²⁹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1939. S. 50–51.

²⁹⁴ Лесные богатства восточных воеводств подталкивали поляков к открытию подобных предприятий с целью выкачивания и переработки древесины для последующей ее продажи на внешнем рынке. См.: Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 1. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 280.

²⁹⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 28–29.

продемонстрировать успехи, достигнутые в области социальной и воспитательной работы среди местного населения. Например, в одной из деревень Полесья, название которой не указывалось на информационных стендах, широко велось просветительское воздействие на неграмотное и абсолютно забитое в духовном плане население²⁹⁶, которое в 1931–1937 гг. осуществлялось при помощи военнослужащих КОП. Так, сообщалось, что польские офицеры и унтер-офицеры в течение четырех лет вместе с рядовым составом регулярно проводили просветительские, спортивные и культурно-массовые мероприятия, участвуя в которых крестьяне получали не только определенный набор знаний и внутренних положительных эмоций, но и призовые подарки. Если гражданское лицо побеждало в спортивном забеге, попадая в тройку призеров, то оно могло получить сельскохозяйственный инвентарь или же семена овощей, а если проходил конкурс на «чистую избу», то победителям вручались моющие средства, а также чистые полотенца, тряпки и т.п.²⁹⁷.

Важной просветительской задачей являлось также привитие населению этой полесской деревни передовой культуры земледелия, и достигалось это не только путем бесед, но и оказанием практической помощи в создании огородных участков: унтер-офицеры руководили работой своих подчиненных в крестьянских хозяйствах для того, чтобы они, очищая землю от песка и глины, достигали таким путем плодородного слоя, а затем проводили демонстрационные уроки по посадке овощей и уходу за ними.

Что касается сферы народного образования, то военнослужащие не только возвели своими руками начальную польскую школу и дом культуры в неназванной Полесской деревне, но и проводили в них еженедельные беседы,

²⁹⁶ Население Полесья продолжало и во второй половине 30-х гг. XX в. считаться в основной своей массе примитивным, особенно его крестьянская часть, например, жители Полесской деревни, которая была представлена на выставке КОП, были настолько необразованными, что не имели якобы никаких представлений о существовании грузового транспорта, железных дорог, поездов и других транспортных средств и технических устройств. См.: *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 9–10... 1937. S. 1.

²⁹⁷ Проводился в этой деревне и конкурс на «чистого ребенка», который провалился по причине, как считали польские военнослужащие, абсолютной бедности сельского населения, которое не имело достаточно финансовых средств, чтобы регулярно покупать средства личной гигиены для малышей, а также образ крестьянской жизни Полесья приводил к высокой заболеваемости детского организма. См.: *Ibidem*. S. 3.

во время которых крестьян информировали о событиях зарубежом. Жители этой деревни приобщались к польской национальной культуре, присутствуя на концертных мероприятиях, во время которых военным оркестром исполнялись польские музыкальные произведения. Рядовые Корпуса под руководством своих командиров устраивали для крестьян такие театрализованные представления, исторические сюжеты которых были призваны воспитать в них настоящих польских патриотов²⁹⁸. Несмотря на то, что наименование полесской деревни тщательно скрывалось, результаты просветительской, культурной и образовательной работы польских военнослужащих имели под собой реальную основу, о которой сообщалось на выставке в форме графиков с данными статистики и фотографий.

В заключение следует отметить, что военнослужащие КОП помимо выполнения своих каждодневных обязанностей умело использовали непростые природно-климатические условия для отдыха, а также для укрепления своего собственного здоровья, например, офицерский состав КОП в теплое летнее время занимался игрой в большой теннис, совершал речные прогулки на веслах, дышал свежим лесным воздухом в вечернее время во время верховой езды или во время охоты. В зимнее время года играли в хоккей на льду или просто получали внутреннее удовлетворение от неторопливых коньковых пробежек, а что касается рядовых и унтер-офицеров, то они, как правило, играли в более распространенные игры – волейбол, футбол, баскетбол, а также совершали лыжные пробежки; были случаи, когда и офицеры и подчиненные им рядовые и унтер-офицеры участвовали в велосипедных пробегах, но данный вид спорта не пользовался еще широкой популярностью на территории восточных воеводств Польши²⁹⁹.

Интересно отметить, что лыжи являлись не только важным элементом спортивной подготовки военнослужащих восточного пограничья, но и выступали в зимнее время года главной составляющей военного снаряжения.

²⁹⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1937. S. 3–4.

²⁹⁹ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 21.

По снежным сугробам, которые образовывались, как на пограничной полосе, так и на связывавших населенные пункты дорогах, патрули могли передвигаться только на лыжах, обеспечивавшим мобильность и маневренность военнослужащих. Например, в зимний период невозможно было без лыж преодолеть замерзшие болота Полесья и холмистый рельеф Виленского края. О факте их значимости говорят следующие количественные данные: в период 1924–1925 гг. количество лыжных пар в воинских частях Востока страны составляло 694, в период 1927–1928 гг. оно увеличилось до 1 067 пар, а в 1929–1930 гг. лыжных пар насчитывалось уже 3 870³⁰⁰.

Признаком хорошего тона являлось для офицеров обладание собственными лыжами, которые использовались ими не только во время тренировочных полевых походов, маневров и во время боевых заданий, но и с целью проведения своего личного досуга³⁰¹.

2.2 Унтер-офицерские кадры как проводник политики полонизации

Большое внимание в частях польской армии, дислоцированных на Востоке, уделялось подготовке унтер-офицерского состава. Это отражало тогдашние реалии, во-первых, именно унтер-офицерский состав выполнял на практике ключевые задачи по реализации политики полонизации, как в армии, так и в гражданской среде; во-вторых, на воинскую службу командованию необходимо было ежегодно призывать молодое поколение поляков, которые получили школьное образование и прошли процесс социализации непосредственно в возрожденной Польше, в то время как старый унтер-офицерский состав, прошедший через горнило Великой войны 1914–1918 гг. и через череду военных столкновений с внешним и с внутренним врагом в 1918–1925 гг., не мог в силу своего возраста и устаревших профессиональных навыков соответствовать характеру возлагавшихся на него новых задач.

³⁰⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 30–32.

³⁰¹ Ibidem.

В сухопутной польской армии межвоенного периода именно унтер-офицеры являлись связующим звеном, определявшим единство и сплоченность рядового состава с командным, и роль унтер-офицеров была настолько велика, что без их профессионализма и энергичности польская армия оказалась бы в мирное время и в условиях боевых действий небоеспособной, что грозило существованию всей страны. Унтер-офицером можно было стать только в случае окончания гражданским лицом начальной школы и завершения действительной военной службы. Именно отвечавших обоим критериям будущих унтер-офицеров зачисляли для прохождения обучения на различные специализированные курсы³⁰².

С этой целью в межвоенный период военно-политическое руководство Польши стремилось влить в армию новую, более молодую унтер-офицерскую «кровь». Планировалось не только усилить работу воинских частей, в которых велась подготовка будущих унтер-офицеров, но и ежегодно проводить для уже действовавших унтер-офицеров специализированные курсы, на которых их знания и умения постоянно обновлялись и расширялись бы в зависимости от изменений в организации военного дела. Тем самым налаживание работы подобных курсов должно было способствовать оформлению повышения квалификации для унтер-офицерских кадров в отдельную ветвь военного образования, что помогло бы скорейшему продвижению по служебной лестнице тех отличившихся, которые своей работой приносили пользу воинской части, где унтер-офицер проходил воинскую службу, поскольку от боеготовности каждой отдельной воинской части зачастую зависела судьба всей страны. Поэтому подобная подготовка и переподготовка унтер-офицерских кадров, которые проходили службу в сухопутных войсках, включала в себя программу, которая касалась не только теоретических лекций-бесед, но и практических занятий, на которых лекторами и инструкторами выступали, как правило, кадровые офицеры тех воинских частей, где унтер-офицеры и проходили свою службу. Так, унтер-

³⁰² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 16.

офицеры знакомились в классных комнатах с современными условиями военной подготовки, например, инструкторы объясняли унтер-офицерам современные методики патриотического и морального воспитания рядовых, а затем следовали теоретические занятия по общеобразовательной подготовке, на которых унтер-офицерам разъяснялись особенности политической и социально-экономической ситуации в стране и геополитические проблемы, с которыми сталкивалась Польша в Европе.

Таким образом, на данных занятиях унтер-офицеры могли повышать свой интеллектуальный и культурный уровень, и если их интеллект насыщался знаниями из области политики и истории, то их культурно-духовный уровень повышался с помощью чтения произведений художественной литературы и публицистики, список которых предоставлялся офицерами в качестве обязательного к прочтению и анализу, а также унтер-офицерам рекомендовалось выписывать те проправительственные газеты и журналы, на страницах которых они должны были познакомиться с актуальной информацией о событиях внутривосточной и международной жизни. Освоив весь предлагавшийся им учебный материал, унтер-офицеры становились де-факто политическими работниками, которым поручалось ведение пропаганды среди своих подчиненных.

Последней частью курса по повышению квалификации являлась теоретическая и практическая подготовка, во время которой приобретенные умения и навыки позволяли унтер-офицерам проводить социально-воспитательную и просветительскую работу, направленную на утверждение польской идентичности уже среди гражданского населения непольской национальности, что призвано было облегчить проведение политики полонизации. Как видим, унтер-офицеры, получив базовые знания по истории становления польской государственности, обязаны были быть активными организаторами, а также участниками различных государственных, национальных и общественных праздников, во время которых им следовало пропагандировать европейскую культуру польской

нации, которая в условиях возрожденной Польши несла прогресс и благополучие всем гражданам страны, в том числе представителям национальных меньшинств³⁰³.

Унтер-офицеры во время контактов с гражданским населением должны были рассказывать в деликатной, дружеской и доступной форме об успехах польской нации, которая взяла на себя священную обязанность защищать всех граждан страны независимо от их национальной и религиозной принадлежности, как от внутренних, так и от внешних врагов, которые только и мечтали о том, чтобы провести «Четвертый раздел» Польши.

Также на курсах повышения квалификации будущим политработникам польской армии детально раскрывалась информация о тонкостях педагогической деятельности, в частности подчеркивалось, что культурно-массовая и просветительская работа с рядовым составом и с гражданским населением требовала от унтер-офицеров прочных теоретических знаний, так как они должны были ясно представлять себе объект и субъект познания, что означало использование всех имеющихся у них умственных и физических сил для изучения той среды, в которой будущим политическим инструкторам польской армии предстояло непосредственно работать³⁰⁴.

В 30-е гг. XX в. вопрос о переподготовке унтер-офицеров польской армии стал разрешаться в лучшую для государства сторону, поскольку военное командование приняло решение открыть в восточных воеводствах крупные центры подготовки политработников, состав которых должен был формироваться именно из унтер-офицеров. Это объяснялось тем, что необходимо было улучшить работу унтер-офицерских кадров с помощью таких отдельных институтов, в которых обучающиеся получали бы актуальные знания по вопросам образования и воспитания, т. е. преследовалась цель сформировать из унтер-офицеров таких политработников, которые по прибытии в воинские части смогли бы

³⁰³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 20.

³⁰⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 20.

целенаправленно внедрять программу социально-культурной работы, которая разрабатывалась в высших эшелонах власти, и положения которой были адресованы не только рядовым, но и гражданскому населению.

Первоначально такой центр подготовки политработников был открыт в 1933 г. в Варшаве. Им стал Институт подготовки инструкторов, выпускники которого целенаправленно обучались не только методике патриотического и политического воспитания рядового состава, но и получали умения и навыки организации социально-просветительских мероприятий той же тематики, но уже среди гражданского населения³⁰⁵. Подготовка данных специалистов считалась менее обременительным в финансовом отношении делом, а ее результативность была высокой, так как такими инструкторами являлись в большей степени молодые люди, чьи профессиональные интересы стояли выше их денежных пожеланий, а это означало, что такие специалисты могли трудиться с полной самоотдачей, не требуя при этом завышенной оплаты³⁰⁶.

Их высокое положение в воинской иерархии было обусловлено тем, что по линии политической работы они подчинялись непосредственно командиру своего батальона, минуя, таким образом, звено младшего и среднего офицерского состава, но и фронт их работы был довольно обширным, включая в себя не только организацию воспитательных и просветительских мероприятий, предназначавшихся для военнослужащих и местного населения, но и предполагал процесс постоянного самообразования, так как данные инструкторы обязаны были постоянно пополнять свой интеллектуальный багаж такими знаниями из области общественно-политических и экономических наук, которые позволили бы им правильно оценивать социальную среду. Владение навыками подобного анализа было необходимо в первую очередь политическим инструкторам, служившим на восточных окраинах, где зачастую политика полонизации в 20-е гг. XX в.

³⁰⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936. S. 20–23.

³⁰⁶ Денежное жалование их равнялось зарплате обычного взводного. См.: Ochał A. Dodatek graniczny i dodatki służbowe do uposażenia żołnierzy Korpusu Ochrony Pogranicza (1924–1939) // Przegląd Historyczno-Wojskowy 2021/2. S. 137–138.

осуществлялась представителями польской армии с помощью неприкрытого террора. Командный состав армии требовал от своих подчиненных широкого использования методов запугивания, устрашения, физического и морального унижения представителей национальных меньшинств, в то время как в 30-е гг. XX в. от них стало уже ожидать проявление уважительного и осторожного отношения к тем гражданам, которые не принадлежали к польской идентичности, так как необходимо было вызвать у белорусов, украинцев, литовцев и русских чувство доверия с целью ослабления их собственного национального самосознания.

Институт инструкторов и создавался в 1933 г. с целью формирования таких профессиональных кадров в польской армии, которые смогли бы умелыми действиями безболезненно внедрить польскую национальную идею в сознание многомиллионной крестьянской массы восточного пограничья. Разумеется, подобная политика «мягкой силы» не касалась тех элементов, которые находились в непримиримой оппозиции к режиму санации или являлись его заклятыми врагами, которых следовало либо истреблять, либо подвергать моральным и физическим истязаниям в пенитенциарной системе, которая сложилась в Польше уже к 1935 г.

Правда, данному Институту не удалось подготовить достаточное количество политработников в масштабе всей страны, в связи с этим к середине 30-х гг. XX в. военное командование Польши сделало ставку на открытие подобных образовательных учреждений непосредственно на местах. Первый центр-филиал по подготовке кадров политработников был открыт в 1934 г. в г. Вильно³⁰⁷, но зачисление на курсы политических инструкторов было связано с рядом трудностей, поскольку поступающий обязан был не только проходить службу в рядах польской армии, но и обладать достаточным уровнем социально-гуманитарных знаний и практическими навыками работы в коллективах. В связи с этим,

³⁰⁷ Первый выпуск Виленского курса инструкторов насчитывал около 60 человек. См.: *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1... 1936. S. 10–11.

предпочтение отдавалось тем унтер-офицерам, которые хорошо представляли себе работу сложного коллектива, т. е. унтер-офицер обязан был иметь за плечами не только семь лет обучения в школе, но и обладать качествами лидера³⁰⁸. Но и сам процесс обучения был довольно сложным, так как в первые полгода слушателям велось преподавание так называемого «вводного курса», в рамках которого не только происходила проверка уровня географических и исторических знаний о восточнопольском регионе, но и моделировались те или иные ситуации коммуникации военнослужащих с местным населением, с которыми унтер-офицеры обязательно должны были столкнуться в своей практической деятельности.

Подобная работа была сложной, но достаточно результативной, так как в качестве преподавателей выступали только те польские офицеры, которые имели за своими плечами богатый опыт службы на восточной границе. На занятиях происходил таким путем прямой обмен практическими знаниями. Затем обучающиеся выступали в полуторамесячный полевой поход по территории восточного пограничья³⁰⁹, где курсанты могли уже непосредственно познакомиться с суровыми природными условиями и приобрести первый опыт личных контактов с местным населением. После первого пребывания в полевых условиях обучаемые возвращались обратно в г. Вильно, где велась дальнейшая работа по закреплению полученных ими знаний на практике, а уже осенью, после летних каникул, каждый обучающийся сдавал экзамен в форме подготовки письменной работы на следующую тему – «Описание социально-образовательных отношений в избранной гмине пограничья за последние пять лет»; о результатах данной письменной работы сообщалось весной. Интересно отметить, что данная тема письменной работы была по своему содержанию непростой, так как курсанты должны были освоить за пять лет методику воспитательной работы не только в отношении военнослужащих, которые проходили воинскую

³⁰⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 15.

³⁰⁹ Данная практика проходила весной. См.: Ibidem.

службу в конкретной местности Востока Польши, но и овладеть формами и методами контактов военнослужащих с местным населением. В начале осени курсанты направлялись на специализированный тренировочный курс в самом г. Вильно.

По своей форме он представлял собой своеобразный конгресс, на котором будущие политические инструкторы выступали в роли спикеров под руководством своих офицеров-преподавателей. Проведение данного конгресса планировалось за три месяца до его начала: еще в начале лета курсанты получали список тех тем, с которыми им предстояло ознакомиться. Они должны были подобрать и изучить соответствующую литературу, и составить конспектные записи, и только после выполнения указанных условий, они приступали к написанию письменной работы, для которого им отводилось два месяца. По их истечении проводилась проверка работы теми офицерами, которые проходили службу на территории восточных воеводств, а авторы лучших работ получали разрешение представить свои доклады на таком своеобразном осеннем конгрессе³¹⁰. Но темы докладов не были одинаковыми, а делились на три крупных тематических блока, каждый из которых представлял собой конкретный раздел предстоящего осеннего конгресса. Так, первый раздел касался следующей темы – «Обучение среди солдат», и будущие политические инструкторы должны были раскрыть основы воспитательной работы среди рядовых, которые в условиях восточного пограничья получали от своих унтер-офицеров исторические и культурно-духовные знания, становясь таким путем просвещенными личностями, которые способны были не только защитить свою страну от вторжения внешнего врага, но и с книгой в руках нести «луч просвещения» тем «необразованным массам», которые якобы прозябали в многовековой тьме на севере-востоке Польши.

Вторая часть конгресса должна была включать в себя такие доклады, которые раскрывали особенности «социально-воспитательной работы среди

³¹⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 7–9.

населения приграничья». В докладах следовало сосредоточиться на социально-экономических условиях населения восточных воеводств, их культурном и образовательном уровне, а также отразить степень участия самих военнослужащих польской армии в несении цивилизации и прогресса жителям «белорусских» воеводств.

Третий раздел конгресса касался общих вопросов ведения пропаганды в восточном пограничье, и докладчики должны были привести аргументы в пользу положительной роли, распространявшейся военнослужащими среди коренных жителей восточного пограничья проправительственной литературы и периодических изданий для проведения политики полонизации³¹¹.

Можно констатировать, что подготовка кадров политработников была налажена на высоком профессиональном уровне, поскольку будущие политические инструкторы проходили специализированное обучение не только в г. Вильно в школьных классах под руководством мудрых наставников, но и непосредственно совершали практические выезды в районы дислоцирования воинских батальонов, на территории которых обучающиеся знакомились не только с нехитрым солдатским бытом и сторожевыми укреплениями, но и соприкасались на практике с местным населением, что должно было после завершения обучения облегчить ведение ими культурно-воспитательной работы по полонизации местного населения.

Наряду с деятельностью таких образовательных центров в 30-е гг. XX в. на местах продолжали также проводиться дополнительные курсы по повышению квалификации унтер-офицеров с целью закрепления и пополнения их теоретических знаний с помощью применения новых методических материалов, так как это отвечало задачам по поддержанию профессиональной пригодности и улучшения служебных качеств унтер-офицерского состава, например, 18 июня 1935 г. в городе Вилейки Виленского воеводства были организованы спецкурсы переподготовки политработников польской армии, для участия в которых прибыли

³¹¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 9–10.

соответствующие унтер-офицеры из ближайших воинских частей. Основной обсуждавшейся на них темой являлись новые правила привлечения к просветительской работе рядового состава во время полевых походов, а также во время работы этих спецкурсов в распоряжение унтер-офицеров были предоставлены обновленные пропагандистские брошюры и бюллетени, раскрывавшие методику приобщения местного населения польской идентичности к духовно-культурным основам польской нации с помощью проведения разнообразных игровых и просветительских мероприятий³¹².

Программа обучения польских унтер-офицеров включала в себя также владение иностранными языками, которые следовало изучать в зависимости от той территории, на которой им предстояло выполнять свои военные и просветительские задачи. Так, на территории восточных воеводств унтер-офицеры изучали главным образом русский и литовский языки. Если владение русским языком не являлось столь серьезной проблемой из-за давних исторических и культурных связей между поляками и русскими, то литовский язык являлся для унтер-офицеров полностью неизвестным, поэтому в межвоенный период «на креслах» открывались образовательные курсы для изучения литовского языка, например, на польской-литовской границе в Ново-Свенцянах, являвшихся базой дислокации КОП, в 1936 г. был запущен такой пробный курс по обучению унтер-офицеров литовскому языку, преподавание которого велось владевшими им офицерами, которые были откомандированы военным командованием специально для этой цели из других воинских частей³¹³. Острая необходимость в изучении литовского языка была обусловлена дислокацией польских военнослужащих в непосредственной близости с Литвой, которая для тогдашнего военно-политического руководства Польши являлась враждебным государством, поэтому военнослужащие КОП были обязаны не только нести службу по охране границы и таким способом демонстрировать своему соседу

³¹² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5...1936. S. 30.

³¹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 28.

неприступность всей северо-восточной пограничной полосы, но и пресекать всевозможные провокации, а также задерживать шпионов и диверсантов. Последнее имело ключевое значение для освоения унтер-офицерами литовского языка: когда происходило задержание пограничниками нарушителя границы, то его нужно было допросить на месте и составить соответствующий протокол допроса, а затем эта отчетная документация направлялась в Варшаву. Поэтому лица, которые занимали командные должности в Ново-Свенцянах, обязаны были иметь базовые, пусть и «грубые», знания языка того противника, который стремился вернуть себе Виленский край³¹⁴.

Процесс обучения литовскому языку проходил на достаточно профессиональном уровне благодаря применению передовой методики: обучавшиеся ему унтер-офицеры не только записывали лексические и грамматические нормы литовского языка в своих учебных тетрадях, но и обзаводились отдельными конспектами, которые были предназначены для пополнения своего словарного запаса. Курсанты знакомились во время занятий, а также в свободное от учебы время, сначала с литовскими словами и выражениями, а уже затем вписывали их своей рукой в тетрадные словари³¹⁵. Данная методика обучения иностранному языку, помогая пополнению словарного запаса, способствовала тому, что процесс дальнейшего обучения проходил уже в более доступной и облегченной форме.

Но унтер-офицерам, которые являлись социальными и воспитательными работниками среди гражданского населения в восточных воеводствах, следовало также регулярно поддерживать и повышать свой

³¹⁴ Владение литовским языком было полезно и для чтения соответствующих газет, журналов, а также различных объявлений и воззваний, которые добывались в пограничной польско-литовской полосе. Ознакомление военнослужащих Корпуса с полученными таким путем материалами способствовало проведению анализа той ситуации, которая складывалась в соседней стране; это был один из распространенных в мирное время методов добывания информации о предполагаемом противнике. См.: *Wiuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 3... 1936. S. 28.

³¹⁵ Форма заполнения данных словарей литовскими словами и выражениями соответствовала тем стандартам, которые практикуются до сих пор при изучении иностранных языков: сначала записывалось литовское слово или выражение, затем напротив этого слова давался его перевод на польский язык, а сверху указывалась транскрипция. См.: *Ibidem*.

уровень экономических знаний. Такие курсы повышения квалификации проводились, как правило, в экономически развитых областях страны – западно-центральных воеводствах, так как именно в таких регионах применение технических новшеств и передовой методики возделывания плодородной земли давали качественный урожай, в то время как Восток Польши был практически лишен возможности повсеместного использования в мелких крестьянских хозяйствах аграрных новаций.

Поэтому сельская местность северо-востока страны с белорусским населением должна была при содействии военных активистов всячески равняться на экономические показатели польской деревни и стремиться в конечном итоге к достижению уровня ее развития. Например, соответствующие унтер-офицеры, которые проходили службу в Виленском и Новогрудском воеводствах в качестве просветителей сельского населения, прослушали с 24 по 30 августа 1936 г. в польской деревне Оссове курс повышения квалификации, во время которого им рассказывалось о важности аграрного образования для всех гражданских лиц, включая не только мужчин, но и женщин, и, что самое главное, им демонстрировались последние достижения в области сельскохозяйственной техники, которая использовалась крестьянами в пределах этнографических границ Польши.

Важно также отметить, что для приезжих унтер-офицеров, которые посещали лекционные занятия и показательные экскурсии, заранее были запланированы разнообразные культурные мероприятия, которые преследовали строго определенную цель: создать из деревни Оссовы настоящее «райское место», в котором сельские жители являлись не только улыбчивыми, гостеприимными и добродушными, но и уделявшими пристальное внимание прибывшим сюда участникам этих сельскохозяйственных курсов. Так, каждый августовский вечер заканчивался ужином, который устраивался около большого костра и сопровождался

исполнением народных польских песен одетыми в национальные костюмы и платья женщинами и подростками³¹⁶.

А в обеденные часы унтер-офицеры получали возможность насладиться произведениями польской поэзии, читавшимися вслух теми же крестьянками и представителями подрастающего поколения. Поскольку лица женского пола, а также подростки, участвовавшие в указанных культурных мероприятиях, были одеты в чистые и белые одеяния традиционного польского типа, у приезжих унтер-офицеров создавалось субъективное впечатление, что они оказались в совершенно ином культурном измерении. Повседневная действительность в их родной сельской местности была диаметрально противоположной: подавляющая масса белорусских крестьян влачила нищенское существование, которое не позволяло им носить белоснежных одеяний, а также следить за чистотой своих хозяйств и распевать хором за совместной трапезой праздничные песни³¹⁷.

Следующая конференция на ту же тему состоялась 23–24 сентября того же года в г. Кременце Волынского воеводства, и выбор для ее проведения данной местности был неслучайным, так как данная деревня должна была своим внешним видом и гостеприимством жителей утвердить в сознании прибывших участников национальную формулу об историческом возрождении восточных территорий, что и удалось добиться польским властям, которые сумели создать атмосферу добродушия и агарного прогресса в Кременце, правда, лекции касались в основном только проблемы ликвидации неграмотности среди гражданского населения всей страны, а об аграрных и технологических достижениях в Волынском воеводстве не было произнесено ни единого слова³¹⁸.

Унтер-офицерам поручалась также во время прохождения курсов повышения квалификации подготовка небольшого сочинения, на страницах которого им следовало описать свое отношение к выполняемой ими миссии, а

³¹⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 53.

³¹⁷ Ibid. S. 55–56.

³¹⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 39–41.

также поделиться своими воспоминаниями. Последняя составляющая таких сочинений является крайне важной для исследователей, так как позволит увидеть события 1918–1920 гг. глазами тех людей, которые в горниле военных и революционных катаклизмов становились гражданами возрожденного Польского государства. Так, в 1936 г. один из унтер-офицеров, имя которого не было указано, уделял большое внимание в подобном сочинении своей молодости, когда разгоревшийся пожар мировой войны застал его в Варшаве еще юношей, мечтавшим поступить в университет и сделать успешную карьеру в какой-нибудь торговой компании, но его горячее сердце, которое загорелось радостью по поводу ухода русских солдат из Варшавы в 1915 г., пожелало вступить в армию Ю. Пилсудского, и, прослужив в рядах его освободительного Легиона, он стал по окончании военных действий настоящим боевым унтер-офицером, проходившим в дальнейшем службу на северо-востоке уже независимой Польши³¹⁹; из этой небольшой части воспоминаний можно сделать следующий вывод: несмотря на довоенное благополучие представители польской нации искренне возрадовались тем кровавым событиям, на жертвах которых произошло возрождение Второй Речи Посполитой.

Знакомясь с подобными сочинениями, читатели не только переносились на десятилетия назад, но и узнавали о современной ситуации в тех местах, где авторы мемуаров несли воинскую службу, например, в том же 1936 г. другой польский унтер-офицер описывал в своем небольшом эссе социально-экономическое и культурно-духовное развитие города под названием «Х», который располагался на территории Полесского воеводства, и результаты его письменных размышлений сводились к признанию прогрессивности установления польской государственности на бывших западных землях Российской империи, так как, по его мнению, прежняя царская действительность была таковой, что население Полесья в массе своей влачило жалкое и нищенское существование, а с приходом польского солдата

³¹⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 24–26.

и польского хозяйственника (осадника) весь Полесский край всего лишь за пятнадцать лет преобразился кардинальным образом в лучшую сторону, потому что именно поляки построили лишь в одном небольшом Полесском городке «Х» важные для всего местного населения следующие социально-значимые учреждения – детский сад, школу, больницу, дом культуры, общественную баню, и благодаря полякам наладилась в городе работа торговых заведений. Местным польским властям удалось также реализовать ряд крупных инфраструктурных проектов, подведя к каждому дому линии электропередач и проложив для города новые шоссейные дороги, но на этом, как видно из сочинения унтер-офицера, польская администрация Полесского городка «Х» не желала останавливаться, поскольку модернизационные процессы коснулись, как духовной жизни, так и их внешнего облика горожан, определявшимся тенденциями современной моды. Если первое означало строительство костелов, совершая молитвы, в которых на польском языке прихожане должны были обрести райское спасение в загробном мире, то второе устанавливало распространение европейской одежды взамен той старой, которая сохранилась у населения Полесья еще с царских времен³²⁰.

Разъяснительная, просветительская и культурная работа политработников, как с рядовым составом польской армии, так и с гражданским населением требовала от них не только большого багажа теоретических знаний и постоянного интеллектуального самосовершенствования, но и создавала повышенную нагрузку на их нервную систему, что приводило к нервному перенапряжению и переутомлению всего организма, которое могло привести и к серьезному заболеванию. Поэтому командование польской армии строго рекомендовало своим политработникам использовать немногие моменты отдыха с пользой для своего уставшего организма: выдавшуюся свободную минуту следовало

³²⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 28–29.

потратить на заполнение своего личного дневника³²¹, на страницах которого унтер-офицеры, отвечавшие за политпросвещение военнослужащих и гражданских лиц, раз в неделю подводили итог своей нелегкой работе и составляли ее план на предстоящую трудовую неделю. Это служило своеобразной эмоционально-психологической разгрузкой для политработников вооруженных сил Польши, так как с помощью такого способа они снимали накопившийся у них стресс и получали внутреннее удовлетворение за счет фиксации на бумаге своих мыслей, чувств и опасений, которые могли приобретать в дневниках форму раздраженности, гнева и негодования.

Но отмеченный выше процесс ведения дневников был полезен также не только для оценки эффективности личных действий политинструкторов, но и для формирования цельной и объективной картины их деятельности, фрагменты которой складывались в обстановке их взаимоотношений, как с рядовыми военнослужащими, так и с местным населением. Это помогало не допустить серьезных ошибок в культурно-массовой и просветительской работе в будущем. Политработники обязаны были быть перед собой честными на страницах своих блокнотов, а именно: им рекомендовалось указывать абсолютно все причины, которые приводили к отрицательным результатам в их нелегкой работе, даже если препятствием для ведения просветительской деятельности становилось необоснованное вмешательство их непосредственных командиров, то это также следовало указывать, не опасаясь при этом выражать на бумаге нескрываемое недовольство в отношении тех начальников, которые своим непрофессионализмом срывали выполнение программы воспитательных мероприятий.

Блокнотные записи политических инструкторов не только сопровождалась одними словесными протестами и эмоциональной неудовлетворенностью, но и включали в себя интересные приложения,

³²¹ По своей внешней форме подобные дневники представляли собой блокноты и тетради, которые были в массе своей в обложках темно-серого цвета. См.: *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 4–5... 1936. S. 21.

которые были оформлены в форме фотографий, фиксируя различные культурно-массовые мероприятия, которые проходили не только среди военнослужащих польской армии, но и в гражданской среде. Фотодокументы были призваны подчеркнуть чувство ответственности унтер-офицеров, которые с энтузиазмом выполняли поставленные перед ними задачи в восточном пограничье, связанные с полонизацией местного населения³²².

Унтер-офицеры, призывались своим командованием к ведению ежедневных блокнотных или тетрадных записей также для того, чтобы не только обогащать свои знания путем анализа на основе сделанных повседневных записей, но и передать свой теоретический и практический опыт будущему поколению молодых командиров, которые придут им на смену. Командным составом подчеркивалось, что унтер-офицеры польской армии должны были прибегать к практике составления подобных «мемуаров» особенно в восточных воеводствах, где непростые условия несения ими воинской службы определялись тем, что национальная и социальная среда была представлена чуждым для поляков элементом, который следовало не просто контролировать, но и перестраивать их национальное самосознание с помощью проведения культурно-массовых мероприятий и просветительских акций, которые и должны были открыть для восточнославянского населения польскую национальную идею.

Для достижения поставленной цели унтер-офицерам необходимо было уметь успешно вступать в контакт с представителями непольской нации, поскольку они могли закончиться не так благополучно, как это было запланировано, поэтому регулярные записи о событиях прошедшей недели службы позволяли их авторам проводить самоанализ своих действий, как выявляя слабые стороны своей личной коммуникации, так и существенно улучшая знания окружающей обстановки. К тому же следует отметить, что свои блокнотные и тетрадные записи унтер-офицерам поручалось передавать командованию, как уже было сказано, для ознакомления с ними новых

³²² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 20–21.

военных кадров, а также предполагалось после истечения определенного срока передать все рукописные работы в фонды Центральной военной библиотеки Польши для обеспечения их сохранности и изучения следующими поколениями поляков, для которых события 20–30-х гг. XX столетия будут служить олицетворением далекой истории. Как видим, данные дневниковые записи должны были послужить ценным источником по изучению истории просветительской работы польской армии среди гражданского населения на территории восточных воеводств в межвоенный период³²³.

Несмотря на принимавшиеся польским военным командованием решения по организации различных центральных и региональных профессиональных мероприятий, съездов и курсов для унтер-офицеров, проблема профессиональной пригодности последних оставалась актуальной до конца существования Второй Республики из-за постоянной необходимости ежегодного обучения унтер-офицерских кадров новым методикам, которые смогли бы приобщить, как рядовых солдат польской армии, так и гражданских лиц к духовно-культурным и историческим основам польской нации.

Работа с последними являлась наиболее проблематичной. Поэтому в поле зрения польских унтер-офицеров постоянно находились три категории мужского населения восточных кресов: первая группа включала в себя нуждавшееся в постоянном контроле за мировоззрением подрастающее поколение призывного возраста (18–21 год), с тем, чтобы его представители не превратились в тайных или явных противников польской власти; вторую группу представляли мужчины в возрасте от 21 до 30 лет, которые, пройдя в массе своей воинскую службу в западно-центральных воеводствах Второй Речи Посполитой, решили вернуться в родные места. За ними требовалось не просто осуществлять надзор, а предпринимать попытки установления с ними личных контактов, поскольку в этом возрасте они начинали устраивать свою

³²³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 1–3.

личную жизнь в поисках работы и семейного счастья. Главная опасность состояла в том, что мужчины, входившие в эту категорию, могли «уйти в криминал» или стать удобной мишенью для вербовки вражескими агентами, постоянно действовавшими внутри страны, в связи с чем польским пропагандистам предписывалось стремиться направить таких лиц на путь законности; третью группу составляли мужчины старше 30 лет, для которых семья являлась уже обыденным делом, а материальный достаток оставлял желать лучшего, что могло также побудить их к вступлению в криминальные группировки или же стать революционерами³²⁴.

Унтер-офицерам с целью усиления контроля за гражданским населением приходилось дополнительно устраиваться на работу в различные государственные и образовательные учреждения, например, 30 сентября 1936 г. указом польского президента И. Мосьцицкого был образован Государственный институт сельской культуры, который исполнял консультативные функции указанной сфере, но интересно отметить, что сотрудниками данного института являлись не только специалисты в аграрной области, но и сотрудники следующих силовых структур – полиции и армии³²⁵. Последних представляли в стенах Института унтер-офицеры, и такой штатный состав объяснялся тем, что необходимо было усилить контроль и наблюдение за деятельностью в той сфере жизни, которая протекала в сельской местности для выявления опасных и чуждых элементов, которые представляли угрозу для «режима санации».

Унтер-офицеры являлись для рядовых не только командирами, приказы и распоряжения которых требовали беспрекословного выполнения, но они выступали также воспитателями своих новобранцев: являлись для них той заменой, которая осталась на гражданской жизни в семейном очаге, а это означало, что унтер-офицеры в действительности являлись отличными боевыми воинами и товарищами для подчиненных только в том случае, если

³²⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1938. S. 203–204.

³²⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936. S. 32.

они с первых дней прибытия призывников были способны заинтересовать их в необходимости добросовестно нести воинскую службу и до конца своих дней оставаться верными тем идеалам патриотизма, которые были сформулированы Ю. Пилсудским. Данная педагогическая работа унтер-офицерского состава могла осуществляться, как путем использования методов «палочной дисциплины», основанным на достижении безусловного повиновения подчиненных вышестоящим армейским инстанциям, так и с помощью дружеских бесед, проведение которых должно было стать регулярным, а сама предлагавшаяся взамен авторитарной форма товарищеского общения должна была наполняться подходящим содержанием: поучительными историями из воинской жизни, а также искрометным солдатским юмором. Следует подчеркнуть, что обращение к подобной практике в неформальных беседах унтер-офицеров со своими подчиненными способствовало укреплению доверительных отношений между ними, что в свою очередь позволяло побудить рядовой состав к выполнению таких действий, которых невозможно было добиться лишь с помощью командного окрика.

В первую очередь шла речь о чтении, так как, если оно навязывалось военнослужащим в ходе многочасовых и утомительных лекций, то такого рода ухищрения терпели, как правило, крах, в то время, когда непринужденная беседа могла убедить польских солдат самостоятельно взять в свои руки проправительственную газету и пролистать ее новостные страницы.

Подобная тактика сулила успех при соблюдении того условия, что унтер-офицеры обладали личным авторитетом среди рядового состава, так как военнослужащие, воспринимавшие своего непосредственного командира как заботливого, любящего, пусть и строгого отца, искренне проникались идеей о необходимости ежедневного ознакомления с теми газетами и журналами, на страницах которых описывалась жизнь той страны, которую им предстояло ежесекундно защищать не только во время несения воинской

службы, но и после демобилизации, но уже в качестве обычного гражданина, который обязан будет и в мирное время своим честным трудом приумножать духовное, культурное и экономическое благосостояние государства³²⁶.

Поскольку в составе Польши имелся немалый процент национальных меньшинств, то унтер-офицерам предписывалось доносить до будущих резервистов государственно важную мысль, что польский гражданин, независимо от того, служит ли он в данный момент в армии, обязан окультуривать и приобщать к европейской цивилизации лиц непольской национальности.

К тому же, унтер-офицеры в воинских частях не только находились рядом со своим подчиненными во время их военной подготовки, но и занимались проведением с ними политзанятий в специализированных учреждениях, которые назывались «солдатскими клубами». Целью подобных занятий являлось патриотическое и культурное воспитание, в рамках которого проходившим службу в восточных воеводствах солдатам с целью повышения политической грамотности рассказывалось о невежественности и культурной отсталости их коренных жителей, преодоление которых целиком возлагалось на «цивилизаторскую миссию» польской армии. Именно поляки, по заверениям унтер-офицеров, представляли собой высокий эталон западноевропейской цивилизации. Другой важнейшей задачей польской армии объявлялась защита восточной границы от «большевистской угрозы».

В связи с возлагавшейся на унтер-офицеров обязанностью проведения таких уроков, они имели постоянный доступ к воинским библиотекам³²⁷, в которых заведовали библиотечными фондами, правда, унтер-офицеры были нагружены настолько, что они выбирали таких рядовых, которые были способны их заменить в должности библиотекаря, но в таком случае качество работы воинских библиотек значительно падало, так как рядовой солдат, выполняющий функции библиотекаря, не обладал авторитетом, что

³²⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 1–4.

³²⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 17.

приводило к многочисленным насмешкам и словесным издевательствам со стороны старших сослуживцев, которые, приходя в библиотеку, заставляли новоиспеченного «библиотекаря» заниматься поиском хранившихся на задворках библиотечного фонда книг³²⁸. Также следует отметить, что далеко не все унтер-офицеры, занимавшиеся работой в военных библиотеках, следовали во всем установленным правилам обращения, как с библиотечным фондом, так и с посетителями библиотек. Так, в первом случае в составлявшихся ими списках книг имелись пробелы, или же они формировались с грубыми ошибками, что могло привести к печальным последствиям во время выдачи литературы, например, неправильно указанный шифр или инвентарный номер приводил к выдаче совершенно другой книги.

Находясь в плохом расположении духа, «библиотекари» могли не проявлять особого желания идти на контакт с читателями, и, если пришедший за той или иной книгой военнослужащий чем-то не угодил библиотекарю, то он мог выдать посетителю совершенно не требовавшуюся ему книгу, например, «Польско-англо-немецкий морской словарь», который рядовому военнослужащему следовало досконально изучить по приказу унтер-офицера³²⁹.

Во время выдачи унтер-офицерами произведений художественной литературы своим подчиненным, отмечались и забавные случаи, которые ярко характеризовали психологию поведения молодых поляков и унтер-офицеров в армии, например, наиболее ретивые военнослужащие стремились выбирать показательно самые толстые по объему книги, чтобы таким образом произвести впечатление на своих командиров, показывая им, что они настолько страстные любители чтения, что способны осилить многотомные произведения, но в большинстве случаев такие солдаты, беря в руки увесистые тома, не отваживались прочитывать их полностью, а

³²⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1938. S. 171.

³²⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1938. S. 258.

ограничивались беглым их просмотром для того, чтобы в день проверки продемонстрировать своим унтер-офицерам поверхностные знания, что и удавалось, так как не все унтер-офицеры имели внутренние силы, чтобы ознакомиться с такими объемистыми произведениями³³⁰.

Унтер-офицеры польской армии являлись не только должностными лицами, которые обязаны были воспитать путем физических упражнений и стрелковых тренировок в рядовых тех воинов, обязанностью которых являлась борьба с внешним и внутренним врагом, но и они выступали проводниками культурно-просветительской политики, которая и являлась ядром полонизации всего непольского элемента восточных воеводств Второй Республики, тем самым унтер-офицеры приграничной территории в 20–30-е гг. XX в. были и гражданскими активистами. Но условия их работы в северо-восточной части были уникальны в том смысле, что в первое десятилетие независимого существования Второй Речи Посполитой восточное пограничье кишело многочисленными партизанскими формированиями, которые вели вооруженную борьбу против центральной власти³³¹, что не способствовало решению задач, связанных с пропагандированием идей польской истории и культуры среди местного населения, но ситуация изменилась в благополучную сторону для Варшавы с момента установления «режима санации», когда военно-политические круги не только усилили репрессивные меры в отношении национальных окраин, но и стремились внедрить польских военнослужащих в повседневную жизнь граждан под девизом их духовно-культурного и экономического процветания³³².

Решающая роль отводилась в этой тактике именно унтер-офицерам, которые имели уже опыт гражданского воспитания и просвещения среди рядового состава. Но для этого унтер-офицерам необходимо было обладать базовыми знаниями в области сельского хозяйства, так как общественная

³³⁰ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1938. S. 152–153.

³³¹ Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. Мінск.: Экаперспектыва, 2006. С. 366, 386–392.

³³² Шевченко К.В. «Картина варварства и глупости»: белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг // Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала: Сборник статей. М.: Кучково поле, 2019. С. 60.

деятельность военных, преследовавшая цель полонизации, заключалась в том, чтобы создать в глазах коренного населения «белорусских» воеводств образ дружественного и заботливого поляка, который хочет помочь всем гражданам возрожденной Польши встать на путь цивилизационного развития, а для этого требовалась «внешняя словесная игра» унтер-офицеров, которые, сталкиваясь с чуждой им социокультурной средой, стремились своими агитационными речами, беседами и лекциями внушить представителям национального меньшинства мысль о патернализме государственного руководства.

Чтобы заручиться крестьянским доверием, унтер-офицеры обязаны были иметь достаточные сельскохозяйственные знания, поскольку мелкие крестьянские хозяйства, не имея за своими плечами университетского образования, тем не менее, четко представляли себе работу аграрного сектора³³³. В дополнение к этому унтер-офицеры отвечали за поддержание в надлежащем состоянии воинских сельскохозяйственных и животноводческих «уголков», а также они были обязаны следить за состоянием садовых и фруктовых площадок; все это требовало от них, как личных усилий и определенных знаний, так и умений правильно организовать работу своих подчиненных, потому что от этого зависела жизнедеятельность всей воинской части. К тому же приходилось учитывать то важное обстоятельство, что в их распоряжение нередко организовывались экскурсии гражданских лиц, стремившихся таким путем ближе познакомиться с работой образцовых хозяйств³³⁴. Такого рода задачи, возложенные на плечи унтер-офицеров, требовали от них не только чрезмерного напряжения физических сил, но и моральной выдержки, и всего того, что было связано с проявлением творческого энтузиазма в предстоящей работе³³⁵.

Социально-воспитательная работа на территории «белорусских» воеводств проводилась целенаправленно и продуманно, так как унтер-

³³³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 54.

³³⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 9.

³³⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1939. S. 5.

офицерам польской армии необходимо было перед выездом в конкретную сельскую местность иметь четкое представление о том, кем являлись обитатели данного села или деревни, другими словами, им следовало максимально изучить объект познания, представлявший собой конкретную массу людей, и это было строго необходимо, потому что политработники, изучив общее положение предполагаемого места своей деятельности, могли подбирать такие темы, содержание которых не оскорбляло бы и не задевало чувства и эмоции того социального слоя, с которым им приходилось в будущем работать. Данный процесс, находивший свое выражение в культурно-массовых мероприятиях и в обычных беседах на открытом воздухе, или в специально выделенном для этого помещении, представлял собой непосильный труд, потому что политработникам польской армии необходимо было, как подчеркивалось в специальных методических брошюрах, усваивать огромный массив знаний и, что самое трудное, бесконфликтно принимать всех представителей национальных меньшинств восточных окраин такими, какими они были в действительности, т. е. со всеми их недостатками, которые выражались не только в скудных знаниях польского языка, культуры и истории, но и в не внушавшем симпатии внешнем их виде и образе жизни³³⁶. Все это должно было отойти на задний план и не приниматься во внимание, так как необходимо было войти в доверие к гражданским лицам, вызвав у них понимание того, что польский воин пришел к ним не с целью их покорения и унижения, а для улучшения условий их материальной и духовной жизни, поэтому унтер-офицеры должны были уметь проявлять максимальное радушие и дружелюбное расположение к местному населению³³⁷.

Ценным подспорьем для унтер-офицеров в их культурно-просветительской работе с лицами непольской национальности выступало теоретическое наследие Ю. Пилсудского, который являлся, по утверждению

³³⁶ Заслуживает внимания тот факт, что финансовое положение большей части белорусского населения определялось экономическими реформами польского правительства, которое отказывалось идти навстречу интересам крестьянско-трудовой массы. См.: Рижский мир в судьбе белорусского народа... С. 257–258.

³³⁷ *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 6–8... 1936. S. 24–26.

пропаганды, не только одним из великих военных и государственных деятелей польской нации XX в., благодаря усилиям которого каждый человек польской крови смог вновь почувствовать себя в безопасности в собственном доме, которым для него в межвоенный период являлась Вторая Республика, но и считался непревзойденным теоретиком в области педагогики межнационального общения, так как своими теоретическими рассуждениями и мыслями он якобы смог объединить разрозненную польскую нацию, как в границах огромной территории, так и в духовном плане. Последнее касалось взаимоотношений польских граждан, которые должны были находиться под постоянным контролем, осуществление которого происходило усилиями всех звеньев государственной власти, включая и военных.

Польские унтер-офицеры обязаны были участвовать в совершенствовании индивидуальных и коллективных способностей гражданских лиц, сумма которых пойдет во благо экономическому и духовному процветанию всей страны, поэтому Первый Маршал подчеркивал особую воспитательную задачу польской армии в отношении мирного населения, указывая в связи с этим следующее: «Изменить человека – это значит сделать его лучше, выше, сильнее»³³⁸. Такого рода задача по «перековке» гражданских лиц в интересах Польского государства ложилась на плечи военнослужащих.

Каждый унтер-офицер, в обязанности которого входила социально-культурная и образовательная миссия в отношении местного населения восточного пограничья, перед тем как вступить в контакт с гражданскими лицами сельской местности изучал сначала общие сведения, которые могли дать объективную картину ее социально-экономического состояния, т.е. унтер-офицер занимался предварительно выяснением численности жителей села, их этнорелигиозной принадлежности, знакомясь с историей данного населенного пункта. Особое внимание уделялось анализу его аграрной структуры (количество крупных, средних и мелких хозяйств, в том числе,

³³⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1939. S. 23.

унтер-офицер должен был установить количество тех крестьян, которые являлись безземельными). Через полицейских он получал информацию о политически неблагонадежных элементах, которые могли умело скрывать участие в антигосударственной деятельности привлечением внимания к своей экономической нужде, например, под подозрения следовало брать не тех лиц, которые, придерживаясь патриархального семейного уклада, постоянно злоупотребляли алкоголем и избивали домочадцев, а тех, кто, отправляясь на различные заработки в отдаленные местности, всячески игнорировали выгодные предложения о работе со стороны польских властей. Особого внимания заслуживали отбывшие наказание элементы, поскольку унтер-офицеры должны были установить круг тех лиц, которые вступали с ними в постоянные контакты с целью разоблачения возможной антиправительственной ячейки.

Важное значение придавалось также контролю за санитарно-гигиенической ситуацией и состоянием системы здравоохранения в том или ином населенном пункте. Унтер-офицерам надлежало, опираясь на содействие, как полицейских, так и чиновников, следить за сезонными вспышками эпидемий инфекционных заболеваний, уровнем детской и подростковой смертности, причины которой могли быть обусловлены не только антисанитарией в крестьянских жилищах и плохим питанием, но и полным отсутствием культурного досуга. Полученная информация служила важным дополнением к общему набору методов, применявшихся для проведения политики полонизации на селе. Но на этом теоретическая работа унтер-офицеров не завершалась, поскольку им следовало определить качество самой почвы, встречающейся в населенном пункте, которая на территории «белорусских» воеводств являлась разнообразной (болотистой и песчаной), и надо было еще определить тот набор сельскохозяйственных культур, которые могли бы в таких природно-климатических условиях дать обильный урожай, чтобы оградить крестьянское население от голода, а также обеспечить финансовое развитие тем фермерам, земельные владения которых

насыщали рынок продуктами питания (унтер-офицеры должны были оказывать всяческую поддержку таким хозяйствам путем предоставления рабочих рук, а также регулярно направлять доклады своему начальству, которое информировалось о наличии имеющихся проблем на селе). Унтер-офицерам следовало получать сведения о состоянии животноводческой отрасли, а также садоводства³³⁹.

Деятельность унтер-офицеров среди своих подчиненных была особенно интенсивной в летнее время, поскольку политработникам помимо проведения воспитательных мероприятий среди военнослужащих и гражданских лиц, необходимо было составлять планы и графики предстоявших осенних и зимних мероприятий в рамках культурно-массовой и просветительской работы, учитывая при том, что они значительно различались по своему содержанию в зависимости от условий военной и гражданской жизни. Это означало на практике, что унтер-офицерские кадры, готовившие своих непосредственных подчиненных к отправке в летний период на военные учения, должны были иметь четкое представление о специфических особенностях не только рядового состава, но и местного населения, обладавшего собственным социальным и этноконфессиональным обликом³⁴⁰.

Унтер-офицеры, несмотря на складывавшиеся сложные условия, были в состоянии благодаря ежегодным курсам профессиональной переподготовки выполнить свои просветительские задачи, так как они, как правило, старались использовать в большинстве случаев известный педагогический прием, который способствовал выработке внутреннего убеждения каждого военного (гражданского) встать на путь просвещения.

Амбициозность становилась важнейшим мотивом поведения военных и местных жителей благодаря личным беседам, в процессе которых унтер-

³³⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1938. S. 195–197. Речь шла об определении общего количества голов домашнего скота, условия его размещения и кормления, а также возможность его размножения. Требовалось также обращать внимание на распространенные среди животных тех заболеваний, победить которые возможно было не только при помощи ветеринаров, но и путем обучения местного населения, которое могло самостоятельно бороться с причинами их появлений.

³⁴⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 9.

офицер стимулировал у неграмотных и малограмотных самостоятельную тягу к знаниям, например, когда шла речь о необходимости выучить таблицу умножения, лектор указывал на тот факт, что если человек не будет способен потратить свое время на запоминание ряда чисел, то его повседневная жизнь превратится в настоящее бедствие, которое приведет его к нищенскому существованию, так как даже домашняя прислуга, по заверениям унтер-офицеров, должна была уметь производить в голове элементарный счет постельного белья и бытовой утвари. В итоге у рядового (местного жителя), услышавшего из уст унтер-офицера такой пессимистический прогноз, должно было вспыхнуть необратимое желание доказать всем, что он был способен запомнить таблицу умножения и произвести в уме простые вычисления³⁴¹.

Это же стремление служило главным рычагом привития военным и гражданскому населению любви к чтению, так как в этом случае унтер-офицеры произносили с наигранной эмоциональной отстраненностью следующую фразу – «каждый должен читать», целью которых являлось оказание психологического воздействия на индивида. В том случае, если все окружающие люди в отличие от него будут читать, то он, окажется в итоге внизу социальной иерархии, превратившись в объект постоянных насмешек.

Подобную педагогическую методику использовали унтер-офицеры и в процессе политпросвещения солдат и мирных граждан, являвшегося важным средством пропагандистской работы унтер-офицеров. На данных занятиях слушателям рассказывалось о всех лучших сторонах политического режима Второй Республики, стремясь воспитать таким путем в сознании граждан преданность и любовь к Польскому государству. Нежелание обучающихся тратить свое время на прослушивание подобной политинформации, было

³⁴¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 11–13.

чревато, по мнению унтер-офицеров, незнанием польского языка, истории и культуры, что вело их к духовной деградации³⁴².

Цивилизаторскую миссию польских военнослужащих в восточных воеводствах должна была видеть вся страна путем ознакомления с соответствующими статьями, воспоминаниями и дневниковыми записями унтер-офицеров, сообщавших своим читателям последние новости с мест событий. Например, 27 февраля 1937 г. один унтер-офицер, имя которого не было указано, познакомил читателей с результатами своей культурно-просветительской работы в отношении крестьянских жителей одной из деревень северо-востока Польши, название которой было опущено. В своем дневниковом отчете он отмечал с восхищением, что первоначально сельские жители представляли собой не только «дикарей» и «необразованный элемент», но даже не были ознакомлены с правилами личной гигиены, в результате чего у крестьян были постоянно грязные руки и лица, и отсутствовал вкус к одежде, которая представляла собой одни лохмотья десятилетней давности, и только с помощью еженедельных просветительских лекций, проходивших четыре раза в неделю в течение полугода, этому унтер-офицеру удалось добиться того, что стали чище не только руки крестьян, но и их разум преобразился в лучшую сторону. Это касалось, как указывал автор дневниковых записей, элементарных знаний начальной школы, например, молодые и взрослые крестьяне впервые благодаря унтер-офицеру смогли увидеть на карте то государство, в котором они жили, а также с помощью публичных занятий они научились элементарным арифметическим приемам счета и освоили в устной форме польский язык³⁴³.

Вместе с тем наблюдались случаи, когда унтер-офицеры относились к процессу просвещения военнослужащих и гражданского населения с явным пренебрежением, рассматривая подобное поручение как навязанное «сверху». Неудивительно, что результат при таком халатном отношении являлся

³⁴² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1938. S. 139.

³⁴³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1937. S. 24–25.

неудовлетворительным, поскольку учебные часы могли использоваться унтер-офицерами для отдыха от военной подготовки, поэтому их переподготовка была направлена на то, чтобы внушить им мысль, что военное обучение и гражданско-воспитательная работа имели одинаково важное значение для жизни всего государства³⁴⁴.

Следует отметить, что в своей просветительской и культурной деятельности унтер-офицерский состав в восточном пограничье уделял пристальное внимание поведению и деятельности так называемых «странных солдат» и «странных граждан», которых связывала одна общая психологическая черта – их замкнутость. Это означало, что польские унтер-офицеры были призваны прилагать дополнительные усилия для того, чтобы данные индивиды не превратились в удобную мишень для вражеской пропаганды и скрытых противников Польского государства. Унтер-офицерам следовало в целях пресечения подобных угроз, применять по отношению к «странным солдатам» и «странным гражданам» меры индивидуального воспитательного воздействия: регулярно вступать с ними в беседы на патриотические темы для того, чтобы сформировать из них сторонников польской власти. Но одними разговорами дело не ограничивалось, например, обладавших девиантным и подозрительным поведением индивидов старались привлекать, как к физическому труду, так и к участию в культурно-просветительских мероприятиях, при этом требовалось обращаться с ними максимально тактично, не усиливая тем самым их внутреннюю ненависть и раздражительность по отношению к происходящему, и таким личностям необходимо было продемонстрировать их важность и полезность для всего польского общества и государства³⁴⁵.

В заключении стоит отметить, что унтер-офицеры являлись важнейшими проводниками культурно-просветительской политики полонизации «белорусских» воеводств Польши, так как воспитательная

³⁴⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 34.

³⁴⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 15–17.

работа, выходя за пределы воинских частей, предполагала установление прямого контакта с местным населением. Если рядовой состав подчинялся должностной субординации, то гражданские лица были освобождены в повседневной жизни от военного контроля и занимались решением многочисленных житейских проблем, связанных с поиском средств к существованию для себя и своей семьи. Поэтому умственные и устойчивые психические способности тех унтер-офицеров, которые отвечали за проведение просветительско-образовательных и культурных мероприятий, должны были быть настолько теоретически и практически подготовленными, чтобы в рядовых военнослужащих воспитать истинных воинов для защиты отечества, а также сформировать из них законопослушных граждан. Такая работа касалась и гражданского населения, поскольку гражданам следовало также привить принципы долга и ответственности перед страной в условиях мирного и военного времени. Данный процесс был по содержанию очень трудным, так как политработники польской армии сталкивались с разными личностями, как среди военнослужащих, так и среди граждан, а сложность заключалась еще в том, что необходимо было выработать и применить особенную воспитательную методику, на освоение которой у унтер-офицеров уходило достаточно много служебного и личного времени, что только усложняло их профессиональную деятельность.

2.3 Повседневность, просвещение и политическое воспитание военнослужащих

Воинская служба в КОП длилась для призывников целых 24 месяца, что составляло на 6 месяцев больше, нежели в других воинских частях Войска Польского; необходимость удлиненного срока службы аргументировалась тем, что восточные воеводства продолжали рассматриваться в качестве главного театра возможной предстоящей войны, поэтому призывники должны были уделять по 8–10 часов времени обучению

не только военной теоретической подготовки, но и стрельбе³⁴⁶. Это не мешало формированию отрицательных тенденций в моральном состоянии призывников, которые чувствовали психологическую подавленность не только из-за регулярных физических нагрузок в армии, но и начинали остро осознавать выпавшую на их долю несправедливость, связанную с направлением на службу в восточное пограничье, что приносило им множество огорчений, которые могли перерасти в длительную депрессию.

Первый год пребывания военнослужащих КОП в восточных воеводствах был трудным для них в финансовом плане, так как новобранцы не располагали своим жильем, обмундированием и питанием, поскольку поставки всего необходимого не были налажены на местах, а прибытие продовольствия и промышленных товаров из западно-центральных областей Польши могло затянуться на целые месяцы. Даже офицеры не могли в первый год службы арендовать достаточное количество государственных помещений, в которых планировалось организовать временное проживание военнослужащих, по этой причине было принято решение о расквартировании военнослужащих в крестьянских жилищах³⁴⁷. В результате в осенне-зимний период 1925 г. рядовые польской армии размещались в крестьянских избах, где под воздействием алкогольных напитков вступали в половые сношения с местными женщинами, что ввиду отсутствия у военнослужащих средств контрацепции, повышало риск заражения венерическими заболеваниями. В целях предотвращения подобных заболеваний унтер-офицеры по указаниям своих начальников и батальонных врачей проводили для рядовых лекции по данной тематике, наставляя их, что польский солдат может стать целенаправленной мишенью действовавших по заданию Москвы женщин-диверсантов, которые, стремясь таким путем ослабить вооруженные силы Польши, специально будут соблазнять и склонять их к совокуплению для того, чтобы умышленно заразить их

³⁴⁶ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 17.

³⁴⁷ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 12.

венерическими заболеваниями. Поэтому военнослужащим строго запрещалось вступление в интимные связи с местными женщинами. Унтер-офицеры могли прибегать с этой целью к словесным запугиваниям, рассказывая, что женщины-шпионы могут заразить их неизлечимым заболеванием – чумой или «сибирской язвой»³⁴⁸. Во время своего пребывания в крестьянских избах, которые служили временным местом их обитания, военнослужащие польской армии были обязаны вести разговоры с их хозяевами исключительно на польском языке, что предписывалось выполнять в приказном порядке, воплощая таким путем политику полонизации в восточном пограничье³⁴⁹.

Военнослужащие КОП в первые два года службы на польско-советской границе не только несли круглосуточное дежурство на всем протяжении восточной пограничной полосы, но и занимались приемом и отправкой гражданских лиц, подлежащих перемещению на основе статей Рижского мирного договора 1921 г., гарантировавших получение советского или польского гражданства. Наделение подобной функцией польских пограничников имело для судеб обычных людей, как положительные, так и отрицательные последствия. Военнослужащие Корпуса могли проводить по своему усмотрению досмотр тех, кто прибывал в Польшу или же направлялся в СССР, отнимая у них, как личные вещи, так и их домашний скот и птицу, но в то же время польские солдаты помогали переезжавшим из СССР лицам польской идентичности перенести их движимое имущество, а также оказывали им при необходимости первую медицинскую помощь³⁵⁰.

Военнослужащие обязаны были пройти образовательные курсы по ликвидации неграмотности, особенно это касалось тех военнослужащих, которые прибывали из восточных областей в западно-центральные воеводства Польши, поскольку в массе своей они не имели возможность

³⁴⁸ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 17.

³⁴⁹ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 54.

³⁵⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 16.

закончить начальную школу, и поэтому не обладали знаниями польского языка, истории и культуры той страны, которую были призваны защищать. Но в восточном пограничье ситуация была куда более благополучной, так как новобранцы, прибывшие из западно-центральных воеводств страны, были грамотными; не имевшими начального образования числились в межвоенный период лишь 5% от всего призывного контингента³⁵¹.

Процесс обучения неграмотных солдат, с одной стороны, являлся утомительным и сложным для лиц восточнославянской идентичности, но, с другой стороны, унтер-офицеры в западно-центральных воеводствах применяли интересные методики по обучению неграмотных и малограмотных юношей. Так, рядовые польской армии приобщались к польской национальной истории не только с помощью учебных пособий, журналов и лекционных занятий, но и посредством музыки, мелодия и слова которой переносили солдат в трагическое и героическое прошлое польского народа, который в течение своего существования находился постоянно в борьбе с внешними врагами, которые желали посягнуть на целостность и независимость сначала I Речи Посполитой, а затем и Второй Республики.

К числу подобных невзгод относилась Первая мировая война, когда шла речь о восстановлении исторической справедливости и возвращении на политическую карту польской нации в форме самостоятельного и мощного государства, поэтому музыкальное наследие польской нации и самобытное творчество самих военнослужащих призвано были выступить в качестве одной из национальных заповедей польской идентичности с тем, чтобы сформировать из них бесстрашных защитников своего отечества. Военное командование выражало также уверенность, что после демобилизации солдаты вернутся на свою малую родину в восточные воеводства и обязательно донесут до своих родных, друзей и знакомых гражданскую ответственность за судьбу Второй Речи Посполитой. Такого рода просвещение планировалось осуществлять в форме исполнения

³⁵¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1938. S. 149.

демобилизированными солдатами у себя на Родине народных польских песен, которые приживутся у них в сердцах во время их воинской службы, что позитивно скажется на результатах полонизации местного населения³⁵².

Но образовательному процессу сопутствовали нелегкие условия, так как военнослужащие отдавали большую часть своих физических и моральных сил приобретению военных знаний и умений, особенно это касалось навыков обращения со стрелковым оружием. Но новобранцев необходимо было обучать также не только грамоте и премудростям военной науки, но и внутренней потребности постоянно следить за чистотой в казармах, так как большинство призывников, прибывших из сельской местности, не было приучено к ее поддержанию. Речь шла при этом не только о принуждении военнослужащих к соблюдению санитарных предписаний, необходимых для функционирования самой воинской части; гораздо важнее было обеспечить передачу таким путем практики регулярной уборки на территории воинской части и ее ближайших хозяйственных помещений окрестному крестьянскому населению. Наблюдая за работой военнослужащих, местные жители могли проникаться внутренним убеждением привести в порядок свои огороды, сады и цветники, а также увеличить площадь обрабатываемой земли, очистив ее от непроходимого бурьяна, и придав своему участку эстетическую красоту путем установки деревянных лавок и беседок.

Такая работа, играя на струнах крестьянской души, вызывала у части местных жителей нескрываемое уважение, заставляя их задуматься о необходимости следовать примеру польских военных в своих подсобных хозяйствах. Отмечались случаи, когда на территории воинских частей солдаты самостоятельно с помощью железных канатов, бочек и цемента возводили памятники тем польским воинам, которые вернули независимость стране и освободили восточные территории из-под власти России³⁵³.

³⁵² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1937. S. 3–4.

³⁵³ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 21, 56.

Белорусские призывники, которые проходили службу в западно-центральных воеводствах Польши, рассматривались командованием польской армии в качестве аморфной массы, из которой предстояло с помощью постоянной пропаганды, провозглашавшей тезис о величии польской нации, представители которой были призваны Богом на землю восточных областей, вылепить полноправных членов цивилизованного общества³⁵⁴. Армейскому командованию при помощи ежедневных часовых бесед на историко-политические темы необходимо было сформировать из новобранцев не только профессиональных солдат и защитников отечества, но и сделать их надежными союзниками польской идеологии, так как после демобилизации большинство бывших солдат возвращалось в родные места, где они должны были убеждать своих близких и соседей в прогрессивной роли поляков в восточных воеводствах, и на каких постах представители польской нации не находились бы, то это, как гласила пропаганда, являлось исключительным благом для местного населения. В связи с этим, военнослужащие подвергались массивной идеологической обработке, во время которой рекруты восточнославянского происхождения слышали от унтер-офицеров в польской армии заверения в том, что экономически процветающая Вторая Республика стала образцовым европейским государством, в то время как в СССР население становилось жертвой суровых политических репрессий со стороны коммунистов³⁵⁵.

Данное сравнение делалось намеренно, чтобы не просто очернить жизнь советских граждан, а вызвать у военнослужащих из числа белорусов и украинцев чувства отвращения и ненависти к коммунистическому строю, и тем самым это должно было уберечь белорусов и украинцев от желания вступить в революционную борьбу с польским правительством.

Призывники, получившие направление для прохождения военной службы в восточное пограничье, прибывали в расположенные там сборные

³⁵⁴ Grzybowski J. Belarussen in den polnischen Streitkräften in Friedenszeiten (1921–1939) // *Nationalisierung und Pragmatismus. Staatliche Institutionen und Minderheiten in Polen 1918–1939*. Bd. 62 Nr. 2. 2013. S. 247.

³⁵⁵ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 3–4... 1939. S. 37–42.

пункты из западно-центральных воеводств железнодорожным транспортом, после чего их распределяли по воинским частям. У их ворот новобранцев встречал военный парад, сопровождавшийся игрой военного оркестра, и после прохождения парадного марша следовала речь командира воинской части, слова которого выражали уверенность в том, что прибывшие новобранцы не просто станут настоящими защитниками возрожденной Польши, но и будут до конца своих дней гордиться тем, что именно им выпала честь оберегать покой страны на восточных рубежах, где ежедневно действовали как внешние, так и внутренние враги Польского государства; и после таких трогательных и эмоциональных призывов призывники следовали в столовую, где их ожидал вкусно приготовленный обед, правда, в дальнейшем такие обеды были редкостью, за исключением дней национальных и государственных праздников, так как в первый день прибытия на службу новобранцев необходимо было показать им, что государство и военное командование заботятся о качественном питании каждого солдата. После приема пищи призывники, распределенные по подразделениям, совершали экскурсию по территории части, во время которой им показывали казармы и подробно разъясняли действовавшие воинские уставы и правила, которые запрещалось нарушать под страхом сурового наказания, так как они должны были осознать, что армейская жизнь строилась исключительно на соблюдении субординации, которая обеспечивала поддержание обороноспособности всей страны. Во время данной экскурсии будущие военнослужащие не только внимали разъяснениям своих командиров, но и знакомились с основами будущей боевой подготовки: им не только демонстрировалось стрелковое вооружение, но и давалась возможность произвести один выстрел «боевым» патроном; с наступлением вечернего времени новобранцы отправлялись на сытный ужин, и после него их ожидало концертное мероприятие, на котором звучали и речи офицеров, и польские музыкальные произведения, ноты и слова которых должны были пробудить в рекрутах чувство тревоги за судьбу Второй Речи

Посполитой³⁵⁶. Так, молодые призывники в первый день прибытия в свои воинские части в восточном пограничье слышали от своих командиров такие речи, которые были наполнены пропагандистскими лозунгами о той высокой цели, которая выпала на них по защите восточных рубежей страны от врагов Польского государства, например, к молодым воинам польской армии могли быть обращены следующие призывы командиров: «Солдаты, через несколько дней вы отправитесь на границу, чтобы в течение года охранять добро и целостность Польской Республики. Помните, что на вас возложена тяжелая ответственность, но почетная»; «Через год вы, солдаты, будете нести бремя пограничной службы. Помните, что от каждого из вас в отдельности, как и от всех вас вместе, будет зависеть, достойно ли вы исполните свой долг»; «Солдаты! Это последний день в этих казармах. С завтрашнего дня ты будешь охранять границу. Еще раз напоминаем: отправляясь туда лучшими, вы должны помнить, что выполняете великий и почетный долг перед своей Родиной»³⁵⁷. Использовались и другие выражения, которые по своему смыслу были из года в год одинаковыми, но различными по подбору слов. С особым трепетом цитировались высказывания Ю. Пилсудского, которые подчеркивали значимость присутствия польских солдат на Востоке страны. Особой популярностью пользовались у польских офицеров два следующих изречения Первого Маршала: «Основа армии – душа простого солдата»³⁵⁸ и «Пусть каждый солдат, начиная с высшего командира и заканчивая низшим рекрутом, помнит, что от его трудовой совести и его усилий зависит, обеспечит ли он для нации то, что нация вправе ожидать от нас, солдат, – независимость и уверенность в том, чтобы по-своему устроиться на свободной Родине»³⁵⁹. Эти слова Ю. Пилсудского означали, что именно обычный солдат своим мужеством, совестью и любовью к польской земле не только вернул целой нации ее великое историческое прошлое, но и обязан

³⁵⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1938. S. 39–41.

³⁵⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1938. S. 127.

³⁵⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 30.

³⁵⁹ Ibid.S. 4.

посвятить всю свою жизнь защите ее территории, передав такую миссию молодому поколению.

Необходимость в таких ярко эмоциональных призывах со стороны командования объяснялась тем, что прибывавших для службы в восточных воеводствах призывников несмотря на разнообразие географического ландшафта западно-центральных областей Польши, объединяла одна общая польская национально-культурная идентичность, в то время как жители восточного пограничья рассматривались польскими новобранцами как элементы, которые значительно отставали от них по своему физическому и духовную развитию, поэтому новобранцев в первые дни их службы необходимо было эмоционально подбодрить, не допустив перехода их психики в состояние депрессии³⁶⁰.

Подъем польских солдат, служивших в восточном пограничье, происходил в 6:00 утра и после совершения военнослужащими туалетных процедур следовали зарядка и завтрак, а в 6:30 начиналась совместная молитва, и до 13:00 рекруты проходили занятия по военной подготовке, которая прерывалась сначала обедом, а в 13:25 солдаты вновь совершали молитву, после которой выполняли план дневных занятий, и только в вечернее время солдаты получали два часа свободного времени, но которое совпадало с ужином – с 18:15 до 20:15. Во время своего отдыха солдаты могли заняться самообразованием, как самостоятельно читая взятую из воинской библиотеки литературу, так и прослушивая просветительские радиопередачи, после чего следовала заключительная вечерняя молитва перед сном³⁶¹.

Первые полгода службы в польской армии, части которой дислоцировались в восточных воеводствах, были тяжелым испытанием для новобранцев, поскольку некоторым из них в силу своих психологических особенностей сложно было наладить контакт с сослуживцами или же,

³⁶⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1938. S. 58.

³⁶¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1938. S. 126–127.

наоборот, вследствие неодобрения ими девиантного поведения других военнослужащих они могли заслужить репутацию «белых ворон» в воинском коллективе. По этой причине именно унтер-офицеры являлись для новоиспеченных солдат их главными наставниками, так как они должны были с помощью своих умелых педагогических навыков отучить рядовых от прежнего гражданского ритма жизни и адаптировать к тем условиям, которые складывались на военной службе³⁶², а это было не просто, потому что не все унтер-офицеры выступали в качестве чутких руководителей, т. е. не все они стремились учитывать индивидуальные особенности новобранцев, прибегая нередко к практике наложения «коллективного наказания» за нарушение воинской дисциплины, совершенные конкретными лицами, и такая «круговая порука» была призвана предотвратить необдуманные поступки польских солдат, из-за которых могли пострадать их боевые товарищи.

Польские военнослужащие в восточных воеводствах не только обучались военному делу, отдавая свои силы образовательному процессу, но и привлекались к участию в различных культурно-просветительских и развлекательных мероприятиях. С этой целью сначала среди них проводились творческие конкурсы, которые были призваны выявить тех солдат, которые обладали музыкальными способностями, а также производился отбор лучших чтецов. Солдаты, игравшие на музыкальных инструментах, пополняли ряды военного оркестра, который устраивал свои выступления не только для военнослужащих, но и для местного населения, включая в свой репертуар польские национальные песни, а для победы в конкурсе чтецов необходимо было владеть в совершенстве польским языком и основами культуры речи, чтобы с помощью правильной речевой расстановки знаков препинания донести эмоциональное и фактическое содержание того материала, который зачитывался участниками такого конкурса. Материалом выступали отрывки из разнообразных произведений польской художественной литературы, журналов и газет, например, ими

³⁶² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 21–22.

могли служить следующие произведения художественной литературы и материалы периодики – «Пилсудский» В. Серошевского, «Бартек Победитель» Г. Сенкевича; а также проправительственные газеты – «Na Straży» и «Nowiny»³⁶³. Победителей в конкурсе чтецов привлекали в дальнейшем для участия в мероприятиях, предназначенных для местного населения: митингах, собраниях, праздниках, на которых они должны были доводить до него важные решения и постановления польского правительства, а также вести пропаганду духовно-культурных и исторических ценностей польской нации.

Новобранцы направлялись на сельскохозяйственные и животноводческие курсы для того, чтобы в дальнейшем, взаимодействуя с местным национальным меньшинством, выступать помощниками своих армейских командиров. Так, в мае 1936 г. в литовском городе Тракайе Виленского воеводства были проведены подобные курсы для новобранцев польской армии³⁶⁴. К тому же, такие просветительские мероприятия помогали польским военнослужащим грамотно вести то хозяйство, которое располагалось на территории воинских частей, поэтому обустройство воинских огородов, садов и животноводческих участков требовало огромных физических и умственных усилий, так как результаты подобной деятельности были важны не только для тех, кто проходил службу в этих воинских частях, но и для местного гражданского населения. Ему предстояло брать образцовый пример для налаживания работы своих личных хозяйств; также высокие показатели урожайности в хозяйствах воинских подразделений могли спасти в голодные месяцы человеческие жизни, поэтому умение выращивать различные виды сельскохозяйственных культур относилось к числу важных задач военнослужащих польской армии, служивших «на кресах». В этом случае военным командованием принимались также решения о проведении между воинскими частями сельскохозяйственных состязаний,

³⁶³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 30.

³⁶⁴ Ibid. S. 29.

которые были призваны выявить лучшее воинское хозяйство, например, в 1935–1936 гг. на территории литовского местечка Новые Свенцяны Виленского воеводства прошел такой сельскохозяйственный конкурс между солдатами КОП, которые были разделены на пять команд под следующими названиями – «А», «В», «С», «D» и «Е». Суть данного сельскохозяйственного конкурса заключалась в том, что военнослужащие КОП должны были вырастить как можно больше следующих видов овощных культур – огурцов, свеклы, моркови, капусты, сои, лука, гороха и картофеля, количество которых бочками подсчитывалось членами жюри, и победу одержала команда «В», набрав по результатам конкурса 3,5 балла, в то время как второе место было присуждено команде «Е» (3,4 балла), а третье место разделили между собой команды «А» и «С» (они получили по 3 балла), и последнее место получила команда «D», солдаты которой сумели собрать урожай, оцененный жюри только на 2,3 балла³⁶⁵. Данное состязание проводилось с той целью, чтобы не только выявить лучших хозяйственников среди военных на пограничной с Литвой территории, но и слабые стороны в организации сельскохозяйственного дела в воинских частях, чтобы в дальнейшем не допустить повторения этих ошибок не только военными, но и гражданским населением, поскольку несведущие в сельском хозяйстве польские командиры, которые не умели наладить ведение его надлежащим образом на территории своей воинской части и правильно организовать работу своих подчиненных, не способны были обеспечить также на восточных рубежах страны экономическое процветание и благополучие среди сельского населения.

Ежегодно в летний период на территории Польши проводились военные учения, сопровождавшиеся выходом польских военнослужащих в полевые условия для проверки, как своих личных способностей, так и для оттачивания навыков товарищеского взаимодействия в таких условиях, которые были приближены максимально к боевым. Но следует заметить, что

³⁶⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 33–35.

основное внимание военного командования уделялось именно территории восточных воеводств, так как театр военных действий, по замыслам польского Генерального штаба, должен был проходить в том месте, где следовало разместить такую мощную и мобильную группировку, которая смогла бы не только остановить вторжение Красной армии, но и вытеснить ее с территории Советской Белоруссии и Советской Украины, которые продолжали считаться временно занятыми коммунистами. Поэтому летние военные учения и сборы были призваны адаптировать польских солдат к природным и, что самое важное, к ландшафтным условиям восточных кресов. Но в программу полевых учений входили не только методы отработки боевого слаживания и обучения солдат правилам взаимодействия в природных условиях со стрелковым оружием, но и установка на проведение ежедневных бесед офицеров и унтер-офицеров со своими подчиненными, которые должны были внушить им необходимость ответственного отношения к своему статусу рядового, так как благодаря сознательному самопожертвованию Польских Легионов и удалось добиться восстановления исторической справедливости, как в 1918 г., так и в 1921 г. Подобные беседы на патриотическую тему проводились польскими офицерами во время военных учений и сборов среди мирного населения восточных воеводств, так как инсценировка боевых действий затрагивала не только поля, лесные массивы и болотистые участки, но и сельские населенные пункты, которые польским военнослужащим следовало научиться оборонять, а также освобождать от засевших в них частей вражеской армии, поэтому следовало не только проинформировать местное население о предстоящих маневрах, но и постараться тем самым убедить граждан, что польская армия своей грудью встанет на защиту не только восточных территорий, но и уберезет ее жителей от насилий и мародерства со стороны вторгнувшегося врага; такие патриотические заявления были призваны сплотить народ с армией, и тем самым сформировать позитивное отношение местного населения к польской власти, так как Польское государство могло существовать только в том

случае, когда армия пользовалась доверием и поддержкой того народа, который она защищала³⁶⁶.

На практике это не соответствовало действительности, оставаясь лишь на бумаге и в устных призывах к местному населению. Во время учений польские военнослужащие рассматривали в большинстве случаев крестьянскую собственность в качестве своей законной добычи, своеобразного вознаграждения за свои утренние и дневные труды. Военнослужащие, совершая в темное время суток с согласия своих унтер-офицеров незаконные набеги на ближайшие крестьянские поселения, причиняли им существенный имущественный вред. В отчетах польской жандармерии и органов местного самоуправления сообщалось о хищении солдатами съестных припасов и спиртных напитков. Обращалось также внимание на то, что население белорусских воеводств испытывало значительные психологические неудобства и финансовые потери из-за недисциплинированного поведения польских военнослужащих, которые проявлялись в уничтожении зерновых посевов, в краже овощей и фруктов с приусадебных участков, а также в прямых насильственных действиях, направленных на шантаж и вымогательство в отношении лиц непольской национальности³⁶⁷.

Отмечались также случаи, когда финансовые убытки гражданских лиц, причиненные польскими военнослужащими, возникали из-за приказов офицеров и унтер-офицеров. Так, командование подразделений, располагавшихся рядом с населенным пунктом, приказывало своим подчиненными организовать у себя в палатках удобное спальное место для сна и отдыха, и, полагаясь на свою смекалку, солдаты проникали в деревню и незамеченными похищали все то, что могло смягчить спальное «ложе» своих командиров. Доходило до того, что военнослужащие совершали кражу не только покрывал и предметов одежды, но и овса, который набивался под

³⁶⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1937. S. 1–4.

³⁶⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 6.

одеяло. Как правило, данные кражи не оставались незамеченными со стороны хозяев, поэтому в своих донесениях полицейские считали необходимым усилить контроль военного командования за действиями своих подчиненных во время полевых маневров. По этой причине за неделю до начала военных учений следовало не только оповестить жителей тех населенных пунктов, которые оказались в их зоне, но и побудить их усилить свою бдительность, следя за сохранностью своего имущества, которое могло подвергнуться разграблению³⁶⁸.

Подобная информация доводилась до сведения домовладельцев в основном с помощью государственных служащих, которыми являлись не только войты и солтысы, но и работники сферы культуры и образования – учителя (несмотря на то, что у них в летний период были каникулы, но их в данном случае вызывали на работу и, получая подобные инструкции, они обязаны были совершать обход домов, в которых проживали их учащиеся). Также это относилось к сельским библиотекарям и лицам, которые работали в домах культуры. Разумеется, подобная информация, не включая в себя номеров воинских подразделений, их численности, мест дислокации, точной даты начала военных учений и т. д., преподносилась в качестве общего оповещающего знака, согласно которому в ближайшее время прибудет польский воинский контингент, военнослужащие которого могут побеспокоить жителей из-за внутреннего желания наладить дружеские связи между армией и мирным населением, что и означало завуалированный намек на временные неудобства³⁶⁹.

Но прямые контакты между польской армией и гражданским населением во время полевых сборов и учений являлись обязательными, и

³⁶⁸ Следует уточнить, что если военнослужащие причинили материальный ущерб крестьянским хозяйствам, к которым относился, например, сельскохозяйственный инвентарь, огородные и полевые посевы, а также все имеющееся у них имущество внутри дома, и если провинившиеся незамедлительно доложили об этом своим командирам, то наказание на таких военнослужащих не налагалось, а крестьянам компенсировался по окончании военных учений весь ущерб, а если «вредители» целенаправленно причинили материальные убытки и не доложили об этом своему начальству, то тогда они считались виновными, и размер налагавшегося на них наказания зависел от общей суммы причиненного ущерба. См.: *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 5–6... 1937. S. 13.

³⁶⁹ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 5–6... 1937. S. 6, 8.

связь польской армии с народом принимала внешнюю демонстративность, отдавая дань которой польские солдаты со своими командирами входили в населенный пункт под звуки военного оркестра и парадным маршем направлялись на центральную площадь, где перед солдатами и гражданами выступали офицеры, которые в своих выступлениях подчеркивали монолитность всего польского общества. Данное мероприятие проходило по следующему неизменному сценарию: вступление польских войск в тот или иной населенный пункт сопровождалось данью торжественности не только со стороны военнослужащих, но и представителей сельской администрации. Оповещая крестьян о необходимости обязательного присутствия на данном мероприятии, местные органы власти занимались организацией торжественной встречи войск, которая предполагала вручение гражданскими лицами полевых цветов офицерам и солдатам, а также забрасывание ими военнослужащих. На подготовленных местными властями плакатах были указаны краткие, но информативные лозунги, выражавшие гордость за военнослужащих и слова благодарности, которые адресовались всей польской армии – «Добро пожаловать!», «Да здравствует польская армия!» и т. п.³⁷⁰

Прибытие польских военных отрядов в населенные пункты во время летних учений являлось важнейшей частью процесса полонизации, так как это было умело спланировано с точки зрения пропаганды с целью консолидации всего общества, на двух сторонах которого находилась, с одной стороны, государственная власть, а с другой – национальное меньшинство, которое проживало в восточном пограничье; но, несмотря на всю внешнюю торжественность парадного входа польских военнослужащих, сопровождавшегося обязательным исполнением военным оркестром государственного гимна и национальных польских песен, дальнейшее соседство военнослужащих приносило крестьянскому населению множество тревог, волнений и неприятностей. Последнее как раз и выражалось в остром

³⁷⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1937. S. 18–19.

противоречии между тем, о чем говорилось в парадной обстановке польскими офицерами и тем, что следовало в последующие дни – кражи, ограбления и насилия над крестьянами и их собственностью. Но разгул мародерства среди польских солдат влек за собой негативные последствия не только для крестьян, имуществом которых можно было поживиться, прежде всего, спиртным и съестным, но и для офицеров, опасавшихся, что их подчиненные не только совершат кражу и будут дебоширить, злоупотребив алкоголем, но и, во-первых, не вернуться обратно в полевые лагеря, во-вторых, высока была вероятность, что военнослужащие во время нахождения среди крестьян окажутся заложниками антигосударственной пропаганды, что могло вызвать распространение агитационной литературы предполагаемого противника среди всего рядового состава, а также привить этим военнослужащим ненависть в отношении польской государственной идеи, что только усилит позиции «русского шовинизма» на территории восточных воеводств Польши.

Для информирования военнослужащих о правилах поведения с местным населением польским командованием использовалась периодическая печать в форме газет³⁷¹, журналов³⁷², а также оно прибегало к выпуску агитационных листовок³⁷³. С помощью печатного слова командиры стремились разъяснить своим подчиненным правила общения их с мирными гражданами, чтобы не опозорить честь польской армии. Возможность ознакомиться с данными изданиями имели также не только солдаты, но и

³⁷¹ Во время полевых учений среди польских военнослужащих распространялась следующая газета – «*Na b'waku*», на страницах которой солдаты знакомились в юмористической форме с повседневной жизнью гражданского населения. Следует отметить, что данная газета расклеивалась на информационных щитах населенных пунктов и на стенах крестьянских изб, так как местному населению необходимо было показать то, что военное командование было знакомо с порядками и особенностями жизни жителей восточных областей Польши. См.: *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 3–4... 1938. S. 43–45.

³⁷² Популярным периодическим изданием являлся журнал «*Na manewru*», на страницах которого солдат открывал для себя не только интересные моменты, связанные с преодолением физических и моральных трудностей в полевых условиях, но приобретал навыки элементарного такта в общении с гражданскими лицами, усвоение которых могло обеспечить солдат дополнительным источником питания. См.: *Ibid.* S. 43–45.

³⁷³ Пропагандистские листовки печатались заранее и их содержание было направлено на то, чтобы солдаты во время своего отдыха, а также перерыва, в краткой форме смогли ознакомиться с методикой правильного поведения среди мирных граждан, например, на броско оформленной бумаге таких листовок разъяснялось, что входить в жилище крестьянина разрешалось только по приглашению его хозяина. См.: *Ibid.* S. 45–47.

само гражданское население, которое могло почерпнуть из газет и журналов важные моменты, связанные с улучшением своего экономического положения; в армейской периодике давались также сведения о методах лечения «народной медицины», которые могли помочь крестьянам в их борьбе с различными заболеваниями. Такого рода информация могла также доводиться до сведения жителей восточных воеводств с помощью радио и кинопроекторных аппаратов, приковывая к себе внимание большей части взрослого сельского населения и молодежи, так как двигавшееся на экране изображение, сопровождаемое звуком, вызывало искреннее любопытство у тех лиц, которые не подозревали об их существовании. Правда, не всегда новейшие достижения науки и техники можно было использовать в тех населенных пунктах, где дислоцировались воинские подразделения, так как в большинстве деревень отсутствовала электроэнергия, что не позволяло включать данные приборы и производить зарядку их аккумуляторов³⁷⁴.

Но отсутствие электричества компенсировалось путем проведения в таких населенных пунктах концертных и театральных мероприятий, на которых звучали национальные польские мелодии и ставились сценки на патриотическо-воспитательную тематику; это было призвано продемонстрировать крестьянам заботливое к ним отношение со стороны военного командования, а также вызвать в их сердцах искренние симпатии³⁷⁵. Следует отметить, что ведение пропагандистской работы во время военных учений в реальности сопровождалось множеством проблем, главной из которых являлось отсутствие лишнего транспорта для перевозки всего необходимого оборудования, к которому относились радиоприемники, фонографы, аккумуляторы и другие технические составляющие проекционных и звуковых аппаратов, с помощью которых происходила не только организация просветительских мероприятий, но и велся процесс гражданского воспитания сельского населения, и использование

³⁷⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1938. S. 47–48.

³⁷⁵ Ibid. S. 48–50, 61–62.

передвижных агитационных средств в дальнейшем так и осталось в планах пропагандистских работников, которые стремились с помощью таких передовых методов полонизировать многомиллионную крестьянскую массу восточных воеводств³⁷⁶.

В период военных учений в восточных воеводствах для перевозки, как личного состава, так оружия и другого военного имущества использовался не только военный грузовой транспорт, но и нанимались местные кучера, которые получали возможность поправить свое материальное положение за счет этих перевозок, правда, с сопровождающим персоналом, который отвечал за сохранность и целостность груза³⁷⁷. Это позволяло в свою очередь сформировать положительный образ польской армии, которая заботилась таким путем о материальном благополучии местного населения.

Данная сторона жизни польских солдат в полевых условиях была лишь небольшим фрагментом, поскольку во время маневров их участникам приходилось преодолевать все связанные с ними трудности, которые выражались в необходимости совершать многокилометровые марш-броски, когда польские солдаты во время интенсивных пробежек и отработки различных оборонительных навыков (противовоздушных, противотанковых и защите личного состава от последствий применения химического оружия) доводили свой организм до крайней степени усталости, получая при этом травмы и страдая от недостатка питьевой воды. Все это в комплексе могло ввергнуть солдат в состояние депрессии, побудив их к выражению своего внутреннего недовольства теми армейскими условиями, которые им приходилось терпеть.

Во время летних полевых походов унтер-офицеры совместно с рядовыми обязаны были вести работу, имевшую своей целью привлечение на сторону польской армии и государства местного населения, разъясняя ему в доступной форме, что польские военнослужащие являются таким же

³⁷⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1938. S. 61.

³⁷⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1937. S. 9.

трудовым людом, как и местные жители восточных областей, так как у них имелись также свои семьи, члены которых выращивали своими руками хлеб и возделывали такую же землю, поэтому крестьяне, по мнению польского командования, должны были воспринимать военнослужащих как своих детей и братьев, которых не следовало опасаться, а наоборот: встречать польских солдат со всем гостеприимством³⁷⁸.

Помимо летних полевых походов польские военнослужащие в восточном пограничье участвовали в сезонных марш-бросках, и даже зимой рядовые солдаты не освобождались от совершения многокилометровых пробежек, например, в холодные зимние месяцы белорусское озеро Дривяты, которое располагалось рядом с городом Браславом, являлось главным местом военных марш-бросков, во время которых солдаты учились не только преодолевать расстояния на лыжах через снежные преграды и препятствия, но и таким путем привыкали к суровым зимним условиям, что в дальнейшем помогало им переносить усталость и низкие температуры³⁷⁹.

На избранных польских военнослужащих, которые проходили службу в восточных воеводствах, выпадала огромная честь принять участие в таких праздничных мероприятиях, на которых присутствовал сам основатель Второй Речи Посполитой – Ю. Пилсудский. Так, Первый Маршал часто приезжал на несколько недель в литовский городок Друскининкай, расположенный в польско-литовском пограничье. Данный город был тем местом, куда отправлялись поправить свое здоровье высокопоставленные польские офицеры, так как обилие сосен в округах Друскининкай делало здешний воздух абсолютно чистым и исцеляющим. Приезд в это живописное место Первого Маршала объяснялся не только великолепной возможностью отдыха и поправки здоровья, но и проведением важной идеологической акции для литовского и белорусского населения северо-востока Польши, так как проправительственная печать сообщала с присущим ей пафосом, что Ю.

³⁷⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1938. S. 42.

³⁷⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 47.

Пилсудский предпочитал Друскининкай заграничным средиземноморским курортам, поскольку в мире не было ничего важнее и красивее польской земли, которая являлась не просто родной для всех граждан Второй Республики, но и исцеляющей все духовные и телесные болезни. Во время своего пребывания в этом литовском городке духовный лидер Польского государства обязательно принимал парад военнослужащих 23-го батальона КОП, который, дислоцируясь в окрестностях Друскининкай, обеспечивал охрану важной водной преграды – Немана (по-литовски – Нямунас)³⁸⁰. В 1927 г. Ю. Пилсудский во время своего пребывания в Друскининкае принял участие совместно с солдатами и офицерами 23-го батальона КОП в чествовании дня «Войска Польского», который отмечался ежегодно 15 августа. Во время празднеств Первый Маршал наблюдал сначала с интересом за спортивными соревнованиями военнослужащих, а затем стал почетным гостем на торжественном ужине, расположившись за одним столом с офицерами Корпуса³⁸¹.

По истечению срока службы польские военнослужащие, не изъявившие желание продолжать военную карьеру в качестве унтер-офицеров, подлежали демобилизации. Демобилизация с воинской службы, как и призыв на нее, происходили по заранее составленному плану мероприятий, который был утвержден высшим военным составом и реализовывался поэтапно с целью привить будущим резервистам гордость за время, отданное защите границы Польского государства, и за внесенный ими вклад в увеличение благосостояния и личной безопасности местного населения. Так, военнослужащим за несколько дней до увольнения в запас предписывалось собрать в казарме свои личные вещи, а также уладить все недоразумения и конфликты, возникшие, как в отношениях со своими товарищами, так и с местными жителями. Затем офицеры беседовали с будущими резервистами в классных комнатах, рассказывая им об обязанностях демобилизованных,

³⁸⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 57.

³⁸¹ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 6.

зачисленных в запас, а также будущим резервистам строго запрещалось разглашать сведения в условиях гражданской жизни о вооружении и тех приказах, которые они выполняли на границе, и уже в последнюю очередь офицеры могли услышать пожелания или жалобы в свой адрес со стороны своих подчиненных³⁸². Во время таких бесед польские офицеры разъясняли не только правила поведения в гражданской жизни, но и призывали отслуживших не забывать о своем боевом братстве, которое необходимо было регулярно поддерживать путем ежегодных встреч, во время которых демобилизованные должны были не только употреблять горячительные напитки, но и интересоваться жизнью своих товарищей по прошедшей службе, а в случае необходимости оказывать своим бывшим сослуживцам посильную помощь³⁸³.

В последний день нахождения на службе солдат сначала угощали обедом в казарменной столовой³⁸⁴, а после принятия пищи выводили на торжественное построение, где стоял караул с оружием и развевался государственный флаг, а затем следовало исполнение государственного гимна. В конце, после произнесения высокопоставленными офицерами напутственных речей, резервисты проходили парадным маршем под аккомпанемент военного оркестра³⁸⁵. Обязательно звучал не только государственный гимн Второй Речи Посполитой, но и марш «I бригады».

Разумеется, церемония увольнения военнослужащих в запас могла различаться в зависимости от дислокации их подразделений в восточном пограничье в момент издания приказа о демобилизации, поэтому план мероприятий мог измениться, если солдаты находились в карауле на

³⁸² Жалобы были различными, например, большинство их было связано с тем, что будущие резервисты не получали полностью своих личных вещей, но не имелось случаев, когда военнослужащие высказывали в лицо своим офицерам недовольство перенесенными тяготами воинской службы, даже если это был последний день пребывания их в польской армии.

³⁸³ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1–2... 1938. S. 41–42.

³⁸⁴ Среди военнослужащих была распространена практика по нанесению на свое тело татуированных рисунков, которые были призваны не просто напоминать о службе, но и служить отличительным знаком, призванным показать их статус уже в гражданской жизни, так как татуировка подчеркивала доблесть и мужество бывшего защитника границы. Но главным предметом являлся аттестат, подтверждающий окончания службы в рядах КОП. См.: *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1... 1936. S. 31; *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1–2... 1938. S. 41.

³⁸⁵ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1... 1936. S. 31–32.

сторожевой башне, или в командовании батальона, или в своей казарме. Но заключительная беседа офицеров и проведение торжественного построения были неотъемлемой частью проводов демобилизованных военнослужащих и проводились независимо от места их нахождения.

После демобилизации зачисленным в запас военнослужащим давалась целая неделя, в течение которой они могли добираться до своей малой родины, делая остановки в западно-центральных воеводствах Польши, чтобы познакомиться с их ландшафтами и культурой³⁸⁶. Вместе с тем резервисты в массе своей проводили время по пути в родные места в кругу сослуживцев за распитием спиртных напитков³⁸⁷.

Польский военнослужащий должен был служить образцом для подражания и живым примером беззаветной любви к своей Родине и после ухода со службы. Механизм поддержания у запасников в условиях гражданской жизни преданности и патриотизма по отношению к Польскому государству, как указывалось в пропагандистской литературе межвоенного времени, принадлежал авторству Ю. Пилсудского. Так, резервисты должны были не только поддерживать все замыслы тех политических деятелей, которые были приближенными Первого Маршала Польши, но и являться образцовыми семьянинами и верными товарищами, а также добросовестными работниками. Если первое означало соблюдение христианско-католических добродетелей по отношению к представителям женского пола и к своим приближенным, то последнее указывало на обладание такими персональными качествами, которые должны были быть направлены не только на достижение своего личного благополучия, но и на увеличение благосостояния всей страны. Это должно было проявляться, например, в отказе от взяточничества, от ведения «темной» (контрабандой) торговли, от нарушения любых законов, которые были приняты польским правительством, но самое главное заключалось в том, чтобы каждый

³⁸⁶ Железнодорожные билеты приобретались солдатами за счет государства, а также в дорогу им выдавался сухой паек. *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 7–8. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1937. S. 23.

³⁸⁷ *Ibid.* S. 22–23.

гражданин Второй Республики ежедневно и ежечасно осознавал то, что Вторая Речь Посполитая находилась во «враждебном окружении», в первую очередь, это касалось СССР, который якобы с момента своего появления на политической карте Европы стремился к полному уничтожению Польского государства. Подобная бдительность демобилизованных должна было проявляться и в отношении Литвы, государственное руководство которой якобы вынашивало планы захватить Виленский край, являвшийся Родиной Ю. Пилсудского.

Иное отношение на местах было к тем резервистам, которые прибывали из западно-центральных воеводств в восточные области, так как за ними устанавливался прямой контроль не только со стороны полиции, но и армии. Так, офицерский состав польской армии устанавливал прямые контакты с ними для того, чтобы держать их под своим пристальным контролем, и также по возможности привлекать к проведению политики полонизации³⁸⁸. На практике данный процесс выглядел следующим образом: унтер-офицерами, которые служили в северо-восточной части Польши проводилась разъяснительная беседа с вернувшимися в родные места солдатами, которые относили себя к белорусской национальности. Демобилизованным последовательно внушалась мысль о необходимости в повседневной жизни придерживаться высоких моральных и политических идеалов, которые резервист приобрел в польской армии, такими ценностями польской нации выступали следующие конкретные положения – абсолютная преданность стране, самоотверженный труд на благо нации и строгое соблюдение законности. Под последним понималась задача каждого резервиста, прошедшего службу в польской армии, откликаться по первому же зову представителей, как государственных, так и военно-силовых структур, что означало участие демобилизованных в пропагандистских мероприятиях среди местного населения, которое по этнокультурному признаку являлось для демобилизованного родным; на этом и строился

³⁸⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 23.

расчет руководства страны по достижению ускоренных темпов коренной перестройки национального самосознания белорусского национального меньшинства, так как солдат-резервист служил наглядным примером и проводником культурно-исторических, духовных и материальных ценностей и идеалов относившейся к исконной европейской цивилизации польской нации в далеких восточных областях.

Но польская армия не являлась идеально настроенным механизмом, который сумел бы сформировать из каждого военнослужащего идеального защитника Второй Республики, поскольку имело место массовое дезертирство со стороны тех польских солдат, которые проходили службу в восточных воеводствах, а также во время ее часто происходили несчастные случаи, результатом которых являлась гибель военнослужащего. Так, военнослужащие польской армии в восточных воеводствах совершали дезертирство из-за многих причин: во-первых, оно было распространенным явлением среди рядовых молодого возраста, которые не видели жизненной перспективы от своего дальнейшего пребывания в Польше после ухода в запас, т. е. эта категория военнослужащих стремилась связать свое будущее с СССР, считая, что именно там были созданы все необходимые для этого условия; такая практика возникла еще в начале 20-х гг. XX в., когда польские солдаты стали самовольно отправляться в молодые советские республики за «лучшей жизнью»³⁸⁹; во-вторых, молодые военнослужащие решались на совершение дезертирства из-за той «палочной» и несправедливой системы, которая существовала в польской армии, при которой рядовой солдат подвергался моральным унижениям и физическому наказанию со стороны унтер-офицеров и офицеров, и, получив психологическую травму, такие военнослужащие совершали побег в соседнюю страну, где, они, как были твердо убеждены, обретут свободу и не будут больше сталкиваться с такими унижениями, которым они подвергались в польской армии; в-третьих, дезертирство было распространенным явлением среди и тех солдат, которые

³⁸⁹ РГВА. Ф. 354к. Оп. 1. Д. 21. Л. 12–13.

совершали должностные и экономические преступления во время несения своей службы, и из-за страха перед неминуемым наказанием решались на побег за границу; в-четвертых, имелись и такие солдаты, которые попадали «на удочку» большевистской агитации, искренне считая, что существовавший в Польше общественный строй был нацелен на обогащение только определенного класса, в то время как трудовой народ не только влачил жалкое существование, но и был лишен возможности защищать свою честь и право на законодательном уровне, так как этот закон, согласно заветам В.И. Ленина, способен удовлетворять только интересы господствующего класса, каким в Польше являлась исключительно буржуазия, и под влиянием таких идей военнослужащие направлялись в СССР, где, как они ожидали, рабочие и крестьяне жили благополучно, и где царили истинная свобода и демократия³⁹⁰.

Что касается проблемы смертности в польской армии, то летальные исходы среди военнослужащих возникали не только из-за выполнения ими боевых заданий, но и из-за халатного отношения к своей жизни: военное командование было обеспокоено ежегодной гибелью рядовых военнослужащих в летний период, когда открывался купальный сезон, во время которого ежегодно погибали более 10 солдат, например, в восточном пограничье в 1925 г. утонули 11 военных, в 1926 г. – 7, а в 1927 г. – 11. Следует отметить, что такие потери пришлось не только на рядовых солдат, но и на офицеров, например, Виленская бригада КОП потеряла за три года (1924–1927 гг.) 4 военнослужащих, один из которых был офицером, а три остальных рядовыми. Литовская бригада за указанное трехлетие потеряла 8 человек (все принадлежали к рядовому составу), Полесская бригада потеряла в результате гибели на воде – 12, один из них был офицером, а остальные – рядовыми, а Новогрудская бригада лишилась 3 рядовых³⁹¹. Такие трагедии происходили, как правило, из-за неосторожности самих купающихся, и

³⁹⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 35.

³⁹¹ Ibid. S. 29.

зачастую причиной могло служить распитие перед заходом в воду спиртных напитков, в результате чего во время купания мог произойти спазм сосудов, который грозил остановкой сердца.

Культурно-воспитательная и идеологическая работа КОП сводилась к ликвидации неграмотности среди военнослужащих, которые были направлены для прохождения службы на восточной границе. С этой целью еще 21 июля 1919 г. Сейм принял законодательный акт – «Об обязательном обучении в польской армии», действовавший на протяжении двух десятилетий независимого существования Польского государства. Данный законопроект состоял из 5 статей, первая из которых гласила о следующем: «Военнослужащие, лишённые начального образования в школьном возрасте и недостаточно владеющие навыками чтения и письма по-польски, подлежат обязательному обучению в период прохождения военной службы»³⁹². Остальные четыре статьи данного закона закрепляли обязанности военного руководства Польши по обучению офицеров и унтер-офицеров, которые выступали в качестве преподавателей для военнослужащих, а также командование воинских частей брало на себя все материально-денежные расходы, которые должны были обязательно возникнуть в ходе проведения курсов ликвидации безграмотности среди рядовых солдат, например, это касалось канцелярских принадлежностей, учебной литературы, рабочих тетрадей, а также и отдельных комнат, в которых за письменными столами новобранцы должны были проходить обучение. Вместе с тем следует отметить, что статья 4-я позволяла военнослужащим, которые успешно прошли образовательные курсы, продолжить в дальнейшем службу в армии после демобилизации, но уже в качестве унтер-офицеров, или, же наоборот, а именно: если военнослужащий в конце своего обучения получал неудовлетворительные оценки знаний польской культуры, польского языка и польской истории, то он не имел возможности сделать карьеру в польской

³⁹² Ustawa o przymusowym nauczaniu w wojsku polskim. Z dnia 21 lipca 1919 r. [Electronic resource]. URL: [https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/przymusowe-nauczanie-w-wojsku-polskiem-16873464?unitId=art\(5\)](https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/przymusowe-nauczanie-w-wojsku-polskiem-16873464?unitId=art(5)) (дата обращения: 14.05.2022).

армии в звании унтер-офицера. В целом следует сделать относительно упомянутого выше закона следующий вывод: его положения обязывали проходить курсы ликвидации безграмотности всех военнослужащих, которые не были знакомы или слабо знали основы польского языка, и данный закон преследовал цель сформировать единое культурно-духовное пространство польской нации в тех областях Второй Республики, где доминировал этнонациональный состав непольской идентичности, речь шла, в том числе, и о населении восточных воеводств, что объяснялось стремлением начать политику полонизации, а для этого необходимо было сначала сделать из военнослужащих носителей польской культуры, которые и должны были нести ее в ту самую среду, где проживали представители национальных меньшинств, и польские законодатели были готовы выделять значительные денежные средства лишь бы реализовать на практике национальную политику полонизации. Поэтому обучение грамоте в польской армии преследовало не столько образовательную, сколько далеко идущую политическую цель. Находясь во время «ликбеза» в постоянном контакте с местным гражданским населением, военнослужащие должны были помогать своим офицерам и унтер-офицерам выводить его из тьмы «невежества и необразованности» на культурно-духовный свет европейской цивилизации, олицетворяемой польской нацией, другими словами: не только офицерский и унтер-офицерский состав польской армии должен был служить орудием по достижению политики полонизации, но и рядовые военнослужащие, которые своими глубокими знаниями польского языка, истории и культуры могли бы также «заражать» те крестьянские умы, которым идея всепольскости была по историческим причинам чужда и инородна.

Несмотря на то, что закон «Об обязательном обучении в польской армии» от 21 июля 1919 г. предписывал в качестве наставников для солдат офицеров и унтер-офицеров, в действительности же офицеры польской армии данную работу в большинстве случаев передавали всегда унтер-офицерам, так как кадровые военные не желали тратить свое время и силы на

обучение тех военнослужащих, среди которых были малограмотные и безграмотные, к последним относились лица, которые не умели писать и читать на том языке, который являлся языком государственного общения³⁹³. В таких ситуациях польские призывники попадали под полный контроль унтер-офицеров, так как они занимались работой со своими подчиненными не только в часы военной подготовки и в моменты наведения должного порядка на территории воинских частей, но и в тех помещениях, которые были предназначены для получения рядовыми военнослужащими базовых социально-гуманитарных знаний³⁹⁴; вопрос о выделении специальных учебных классов был решен только во второй половине 20-х гг. XX в., когда строительство воинских частей получило на Востоке Польши свое окончательное оформление, так как на их территории стали возводиться специальные здания, которые были предназначены для просветительских нужд и удовлетворения культурного досуга военнослужащих, речь идет о так называемых «солдатских домах культуры», в которых имелись отдельные помещения не только для коллективного чтения и для письменных занятий, но и целые комнаты и актовые залы, предназначенные для проведения культурно-развлекательных мероприятий и лекционных бесед. Следует упомянуть, что такая дополнительная обязанность и нагрузка для унтер-офицеров являлась обременительной, поскольку каждый урок, направленный на ликвидацию безграмотности, был строго ограничен по времени, т. е. унтер-офицеры, выполнявшие преподавательские функции, должны были уметь правильно распределять учебный материал, чтобы успеть уложиться в строго отведенные для этого академические часы, но в связи с этим и возникали главные трудности, поскольку не все военнослужащие горели желанием присутствовать на подобных уроках и впитывать передаваемые им знания. К тому же надо было учитывать особенности и тех солдат, умственные способности которых были ниже среднего уровня. Особенно

³⁹³ Dobrowolski P. Świelice żołnierskie – rola i zadania w systemie wychowawczym żołnierzy (1918–1939) // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica. 2018. Nr. 101. S. 150.

³⁹⁴ Польские унтер-офицеры перед выполнением своих культурно-просветительских обязанностей в воинских частях проходили соответствующую подготовку и переподготовку.

последняя проблема давала о себе знать тогда, когда такими военными служащими являлись представители польской нации, например белорусы или украинцы, которые не могли из-за отсутствия стимула и невысокого уровня общего образования овладеть письменными и устными навыками польского языка, который по своей грамматике являлся непростым для быстрого обучения и усвоения. В этом случае офицеры должны были давать таким «ученикам» дополнительные задания, которые отстающие солдаты выполняли самостоятельно, но уже во внеурочное время, что, конечно, не гарантировало стопроцентный успех, так как в свободное от службы время военнослужащие польской армии любой национальности стремились отдохнуть и найти такое место, чтобы не попадать лишней раз на глаза своего непосредственного командира – унтер-офицера. Процесс обучения военнослужащих во время занятий затруднялся еще и тем обстоятельством, что скопление в одной классной комнате десятков рядовых военнослужащих представляло собой значительную проблему для усвоения каждым рядовым пройденного материала, поскольку сорока пяти минут явно не хватало на то, чтобы выявить пробелы в знаниях отстающих в освоении учебной программы солдат, а их большое количество не позволяло стремившемуся уложиться в отведенное учебное время унтер-офицеру проверить уровень подготовки каждого из них³⁹⁵.

В то же время система обучения в польской армии была организована достаточно четко, и солдаты в первый день не сразу переходили к изучению польского языка, истории и культуры, поскольку сначала проводилось по специально разработанной методике обучения так называемое вводное занятие, ознакомление с которой для офицеров и унтер-офицеров было строго обязательным³⁹⁶, так как правильное следование алгоритму обучения гарантировало большой образовательный успех. По этой причине обучение

³⁹⁵ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 22.

³⁹⁶ Следует только добавить, что офицерам и унтер-офицерам следовало корректировать методику преподавания польского языка исходя из тех условий, которые создавались умственными способностями самих военнослужащих, так как обучающиеся были неоднородны не только по своему национальному и религиозному составу, но и по внутренним способностям, что и обязывало лекторов подходить индивидуально к каждому военнослужащему.

не должно было начинаться с первого урока, поскольку для рядовых солдат необходимо было провести вводное занятие, которое помогало им не только адаптироваться к окружающим их армейским условиям, но и начать процесс воспитания гражданственности в их сердцах. Вводное занятие представляло собой устную беседу, в процессе которой офицер-лектор получал информацию о местожительстве и социальном статусе обучающихся, что позволяло наглядно продемонстрировать собравшимся разнообразную и широкую географию Второй Республики, защита которой представлялась возможной только при условии единства всех граждан страны, и поэтому не случайно, что во время вводного урока особенно подчеркивалось, что Конституция возрожденной Польши гарантировала равные возможности и обязанности для всех граждан страны. Именно такое общение было призвано создать доверительную связь между унтер-офицером и солдатами, а также стимулировать складывание единого коллектива среди самих военнослужащих, так как с помощью подобных бесед они быстро познакомились друг с другом, узнавая о присущих их сослуживцам этноконфессиональных особенностях, и таким путем создавался важный для правительства образ сплоченности и единства, а подобный результат можно было достигнуть лишь путем подробного и взаимного знакомства. И только после окончания такого вводного урока рядовые военнослужащие переходили к теоретическим и практическим занятиям³⁹⁷.

Программой ликвидации неграмотности в польской армии, претерпевавшей в межвоенный период с каждым годом значительные изменения, было предусмотрено проведение в среднем около 120 занятий, первая половина из которых выпадала на осенне-зимний период, а вторая – на летний. Такое распределение объяснялось тем, что в холодные месяцы

³⁹⁷ Первой книгой для военнослужащих польской армии выступал букварь-учебник, который был разработан специально для Министерства военных дел знаменитым польским педагогом М. Фальски – «Букварь для солдат», вышедший в свет в 1925 г. Военнослужащим выдавались также непосредственно учебные пособия, важнейшим среди которых в обучении орфографии польского языка выступал учебник А. Бжезинской – «Учимся правильно писать». Имелась также учебная литература, предназначенная для тех продвинутых солдат, которые показывали положительные успехи в быстром усвоении пройденного материала, поэтому для них выпускался специальный учебник Борковской-Нельконовой и Косцельской – «Вместе».

военнослужащие не могли активно участвовать в освоении своего нелегкого воинского ремесла, которое в теплое время года проходило за пределами казарменных помещений, а также рядовые военнослужащие в зимние месяцы относительно редко выходили на контакт с гражданским населением, в то время как весной солдаты должны были принимать активное участие не только в просветительской работе среди местного населения восточных воеводств, но и участвовать в строительстве и обустройстве значимых, как для граждан, так и для военных различных инфраструктурных объектов. И поскольку главным предметом для новоиспеченных солдат являлся польский язык, то унтер-офицеры должны были применять имевшиеся на тот момент различные методики обучения, например, первые грамматические упражнения по польскому языку начинались для военнослужащих с обучения написанию своих персональных данных, к которым относились их имя и фамилия, а также местожительство, и это делалось для того, чтобы унтер-офицер смог выявить как грамотных, так и неграмотных солдат, но, несмотря на такое простое задание рядовые военнослужащие и в этом случае умудрялись допускать серьезные грамматические ошибки, которые следовало исправлять сначала унтер-офицеру, а затем и самим солдатам, когда они проводили работу над ошибками. Также в практике обучения унтер-офицерами могли применяться и другие элементарные приемы обучения грамотности, суть которых сводилась к тому, что на классной доске или в руках преподавателя находились черно-белые картинки, а также фотографии, и военнослужащие, видя данные изображения, должны были последовательно нанести на бумагу на польском языке с помощью своих письменных принадлежностей все то, что на них было изображено, а точнее то, что смогли увидеть сами солдаты, после чего военнослужащие поочередно зачитывали в слух все то, что им удалось визуальное зафиксировать³⁹⁸, и такой подход предназначался для тех, кто не обладал элементарными навыками письма и имел небольшой словарный запас, а

³⁹⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1937. S. 17–18.

эффект от таких уроков мог быть положительным, так как военнослужащим удавалось пополнять таким путем свои изначально скудные знания. Поэтому если унтер-офицер относился к своим обязанностям ответственно, следуя соответствующим методическим рекомендациям, то проводившиеся в такой увлекательной форме уроки вызвали всеобщую заинтересованность обучающихся, например, военнослужащие могли выполнять такие грамматические упражнения по польскому языку, которые по своей литературной форме могли пробудить у солдат высокие эстетические чувства по отношению к польской природе, или же сформировать в их сознании чувство гордости за польскую армию, которая на протяжении не одного столетия мужественно и героически боролась за свободу каждого польского гражданина. Подобные занятия унтер-офицерам рекомендовалось проводить в таком духе, чтобы рядовой военнослужащий мог не только научиться читать, писать и излагать свои мысли на польском языке, но, и чтобы солдат стал осознавать себя частью той европейской цивилизации, культурно-духовные достижения которой польская нация породила еще в древнейшие времена.

Также особенно подчеркивалось, что возрождение польской государственности в 1918 г было оплачено кровью обычных солдат. В этой связи на практических занятиях уделялось особое внимание проблемам социально-экономического и политического развития Второй Речи Посполитой³⁹⁹. Достижение подобного результата по овладению польским

³⁹⁹ Например, офицеры и унтер-офицеры обязаны были рассказывать о стратегическом значении выхода Второй Республики к Балтийскому морю, а также о развитии современного торгового и военно-морского флота и о том месте, где этот флот базировался, т. е. речь шла о Гдыне. Именно это портовое место должно было служить гордостью для всей польской нации. Без внимания не обходились и рассказы о польско-советской войне 1919–1920 гг., так как именно данное военное противостояние с Советской Россией, как утверждала польская пропаганда, обеспечило само существование польской нации, которая могла окончательно исчезнуть в результате «варварского нашествия» с Востока, правда, на занятиях офицеры и унтер-офицеры не указывали истинных причин и главных виновников, которые и привели к развязыванию в 1919 г. этого конфликта. Более того, офицерам и унтер-офицерам рекомендовалось в методических пособиях и учебной литературе во время проведения занятий посвящать отдельный урок разъяснению военнослужащим особенностей исторических взаимоотношений поляков и русских, но и такое разъяснение было тенденциозным и антиисторическим, так как лекторы указывали на якобы природную ненависть представителей русской нации ко всем лицам польской идентичности, приводя прочные, как казалось польским политработникам, доказательства истребления поляков «москалями» путем ссылки их в Сибирь. См.: «Na strażnicy i w domu». Warszawa. 1935. S. 9, 31, 104.

языком представлялось возможным не только путем выполнения письменных упражнений, но и благодаря широкому применению иллюстративного материала в форме карт⁴⁰⁰, картин⁴⁰¹, схем и таблиц⁴⁰², так как это гарантировало не только наглядность обучения, которая достигалась во многом за счет ярких иллюстраций, но и тому, что визуальная и слуховая память могла быть намного лучше развита у рядовых военнослужащих, нежели мышечная; последняя имела большое значение во время конспектирования и выполнения военнослужащими письменных упражнений, правда, мышечная память должна была развиваться также у солдат не только с помощью выработки навыков письма за партой, но и при выполнении заданий у доски, на которой мелом военнослужащий должен был записывать под диктовку своего преподавателя целые слова и предложения с последующим их детальным разбором⁴⁰³.

Следует отметить, что обучение польскому языку проходило с помощью изучения не только букварей и учебников, но и газет, журналов и произведений художественной литературы⁴⁰⁴. Военнослужащим польской армии, проходившим службу в восточных воеводствах, предназначались в качестве учебного материала следующие ежедневные и еженедельные журналы – «*Żołnierz Polski*», «*Wiarius*», «*Nowiny*» и «*Na straży*», в которых

⁴⁰⁰ Географические и экономические карты Второй Республики служили отличным средством пополнения словарного лексикона военнослужащих, так как они получали возможность познакомиться с помощью карт не только с городами, но и с ее водными и наземными географическими объектами, а также могли наглядно представить себе те страны, которые соседствовали с Польшей.

⁴⁰¹ Репродукции картин польских художников способствовали складыванию у солдат чувства эстетического наслаждения красотой и знакомили их с историческим прошлым польской нации. Например, главным произведением живописи на образовательных курсах служила картина польского художника Я. Матейко «Грюнвальдская битва», написанная в 1878 г.

⁴⁰² Табличные и схематические материалы были призваны не только способствовать обучению солдат правильному письму и произношению тех польских слов и словосочетаний, которые были связаны с арифметическими знаками, символами и цифрами, но и научить военнослужащих правилами устного счета, сложения, вычитания и умножения, а также познакомить их с теми мерами длины и веса, которые действовали на территории межвоенной Польши.

⁴⁰³ Письменные материалы для диктантов, которые солдаты заносили на слух в свои тетради или на классную доску, подбирались офицерами не только с помощью букварей или специальных методических брошюр, но и заимствовались из литературного наследия Г. Сенкевича. Перед началом проведения диктанта лектор обязан был в краткой форме объяснить военнослужащим ту духовно-культурную роль, которую оказал этот великий польский писатель на историческое и духовное развитие всей нации, т. е. необходимо было в краткой форме перед диктантом познакомить обучающихся с его литературным наследием.

⁴⁰⁴ *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1... 1936. S. 2.

содержалась информация не только о важных событиях в польской армии, но и внутри страны, а также за рубежом⁴⁰⁵.

В распоряжении солдат имелись и другие печатные издания, которые подбирались целенаправленно для того, чтобы раскрыть перед ними историю и культуру польской нации во всей их полноте, так как рядовой польской армии должен был не только овладеть практическими знаниями польского языка, но и ясно представлять себе культурно-исторический и духовный путь развития того государства, в котором польский солдат являлся не только гражданином, но и обладал «священным долгом» защиты польских земель от всевозможных внутренних и внешних угроз. В летний период военнослужащие Второй Республики помимо отправки на полевые военные сборы и учения занимались активно самообразованием, которое заключалось в самостоятельном чтении разнообразной художественной и учебной литературы и периодических изданий в моменты своего отдыха.

Для закрепления орфографических и грамматических знаний военнослужащие выполняли дополнительные упражнения по польскому языку за пределами классных комнат: им давались задания, которые они должны были выполнить уже в своей казарме. Обычно сущность подобных «домашних заданий» для военнослужащих состояла в закреплении пройденного материала путем написания небольших сочинений на разнообразные темы, включавших, как описание своего родного края и любимых увлечений, так выражение нескрываемой благодарности государственным деятелям Польши и признания ее достижений. Написанные сочинения сдавались на проверку унтер-офицеру, который мог отбирать самые лучшие работы военнослужащих с целью их публичного зачитывания перед остальными солдатами во время урочных занятий в качестве наглядного примера высоких патриотических чувств. Причем критериями отбора написанных солдатами сочинений служили не столько отсутствие в

⁴⁰⁵ См.: Tomaszewski R. Problematyka wychowania w czasopiśmie wojskowych II Rzeczypospolitej // Czasopiśmiennictwo okresu Drugiej Rzeczypospolitej jako źródło do historii edukacji. 2010. S. 165–175.

них серьезных грамматических и орфографических ошибок и разборчивость почерка, сколько выражение беззаветной преданности Польскому государству и его военно-политическому руководству. Обучение польскому языку велось также и во внеурочное время, которое военнослужащие могли посвящать написанию писем своим родным, а унтер-офицеры внимательно следили за тем, чтобы подчиненные выражали свои мысли, адресованные родным и близким, исключительно на польском языке⁴⁰⁶, но прежде чем военнослужащие приступали к написанию писем, унтер-офицеры обязаны были обучить сначала своих солдат правилам эпистолярного жанра, поскольку при умелом подходе унтер-офицеров написание писем могло стать увлекательным занятием, так как солдаты не только выражали все свои пережитые эмоции и чувства, но и приобретали почтовые марки, которые клеились на конверты, а также открытки, служившие дополнительным внутренним содержанием конвертов; правда, во время написания военнослужащими писем на свою «малую родину» командирами объяснялось, что солдаты должны были придерживаться двух обязательных правил, которые выражались в следующих лозунгах, постоянно находившихся перед глазами военнослужащих в классных комнатах: «Не пишите в письмах ничего об армии!» и «Письма являются военной тайной!»⁴⁰⁷. Данные предостережения были призваны защитить вооруженные силы от вражеских шпионов, которые с помощью дозволенной переписки со своими родственниками в армии могли выведывать важную информацию, касающуюся, например, численного состава и точного количества военной техники, а также графиков несения боевого дежурства и патрулирования, и проявление подобной бдительности не означало, что командный состав не доверял своим солдатам, так как они могли и не подозревать, что их родные и близкие состояли на службе у иностранных государств, занимаясь шпионажем, и в данном случае подозревался исключительно СССР,

⁴⁰⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 16.

⁴⁰⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1937. S. 11.

засланные в Польшу эмиссары которого, как утверждалось польским государственным и военным руководством, стремились расширить свою агентурную сеть, как при помощи партий и организаций коммунистического толка, так и при содействии различных гражданских групп и движений. Но, если солдатам не было кому написать письмо, то упражнение в эпистолярном жанре заменялось дополнительной подготовкой указанных выше сочинений и кратких сообщений, которые сдавались на проверку унтер-офицерам, но тематика таких дополнительных письменных работ была уже более разнообразной и вдумчивой. Это делалось для того, чтобы военнослужащие не могли использовать больше подготовленные ранее шаблоны и черновые наброски, например, солдатам предлагалось написать свои размышления на тему о «Весне в армии и весне в гражданской жизни», что означало всестороннее рассмотрение неоднозначных жизненных условий, которые имелись, как на военной службе, так и в гражданской жизни⁴⁰⁸. Солдату требовалось особо напомнить, что его непосредственной задачей являлась защита территориальной целостности Второй Республики, а задача гражданского населения заключалась в том, чтобы умело использовать весенний период для сельскохозяйственных работ, т. е. военная служба и умело налаженная жизнь гражданского населения для солдата должны были являться в равной степени значимой частью функционирования всего Польского государства, для существования которого и была нужна армия, и вспаханные крестьянами пашни. Поэтому суть таких письменных сочинений сводилась к тому, чтобы солдаты четко осознали, что исключение из польской государственной системы хотя бы одного элемента (военного или гражданского) способно было породить кризисные явления или же привести к гибели всей нации, как это уже произошло во второй половине XVIII в.

Если написанием писем военнослужащие занимались по зову своего сердца, то так называемое «командное чтение», во время которого унтер-офицеры заставляли всех солдат своего подразделения заниматься

⁴⁰⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 8.

прочтением книг с целью усвоения польского языка, было для большинства военнослужащих неприемлемым из-за утомительности такого занятия, и отсутствия всякого внутреннего рвения и вдохновенности, так как «командное чтение» растягивалось на целый час, во время которого солдаты утыкались глазами в страницы тех книг, которые выдавались унтер-офицерами, а не подбирались самими военнослужащими, к тому же присутствовавшие унтер-офицеры следили за тем, чтобы солдаты действительно пролистывали страницы выданных им книг, что вызывало у последних только чувство нескрываемого раздражения⁴⁰⁹.

Вторым важным по значимости учебным предметом для рядовых, который следовал после польского языка, являлась литература польской нации. Учебная программа по этой дисциплине призвана была не только закрепить полученные во время выполнения письменных заданий орфографические и грамматические навыки, но и познакомить военнослужащих с помощью литературных произведений с польской культурой и историей. Важнейшей составляющей последней являлась многовековая революционная борьба сынов польской нации против тех государств, которые с древнейших времен и до 1918 г. пытались лишить Польшу и ее народ всяких прав на свою независимость. Так, польских военнослужащих знакомили в обязательном порядке на уроках литературы с биографией Генрика Сенкевича и с его литературными произведениями на историческую тематику: унтер-офицеры стремились разъяснить своим подчиненным подоплеку описанных в его книгах исторических событий, а также национальные и социальные особенности тех героев и персонажей конкретных исторических эпох, о которых шло повествование, более того, унтер-офицеры обязаны были иметь при себе специализированные словари терминов, в которых детально разъяснялось значение непонятных слов, выражений и событий, встречавшихся в его книгах, так как они могли стать

⁴⁰⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 8.

причиной недопонимания военнослужащими прочитанных произведений⁴¹⁰. В помещениях казарм книги Г. Сенкевича стояли на стеллажах под броским лозунгом, который гласил, что если человек, который не соприкоснулся с творчеством Сенкевича и не поддался его литературному очарованию, не понимал исторический путь своего народа, то он не имел никаких прав называться настоящим поляком, так как такой индивид не выработал внутреннего чувства национальной гордости, и, следовательно, не имел своей отчизны. Внеклассное чтение являлось обязанностью каждого военнослужащего, но и в этом случае знакомство с польской литературой за пределами «солдатского дома культуры» могло быть увлекательным и интересным только тогда, когда унтер-офицеры обладали педагогическими знаниями и способностями, потому что они должны были так заинтересовать своих подчиненных чтением художественной литературы, чтобы они сразу же после окончания занятий пошли в библиотеку своей части для того, чтобы не просто взять нужную книгу, но и с удовольствием ее прочитать, сделав нужные для себя выводы, которые следовало заносить в свои письменные конспекты, так как солдаты после прочитанного литературного произведения готовили небольшие по объему сочинения, в которых им предстояло не только доказать факт прочтения ими рекомендованной литературы, но и продемонстрировать уровень своей грамотности, выразив свое личное мнение, чувства и размышления по поводу прочитанного⁴¹¹.

Но положительный результат от прочтения произведений художественной литературы в польской армии был редкостью, и это объяснялось не только отсутствием должных педагогических навыков у унтер-офицеров, которые произносили зачастую лишь обрывистые фразы в отношении тех книг, с которыми следовало в скором времени ознакомиться солдатам. Всякое отсутствие тяги к чтению могло быть вызвано также обыкновенной ленью самих рядовых, которые брали лишь для проформы в

⁴¹⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 23.

⁴¹¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 22.

воинской библиотеке те художественные произведения, которые им требовались, а их прочтение, останавливалось, как правило, на первых десяти страницах, так как свободные минуты своего времени было принято отводить отдыху, поскольку постоянное выполнение команд унтер-офицеров и офицеров выматывало военнослужащих до такой степени, что ночной сон и дневные перерывы для них были явно недостаточными для восстановления своих жизненных сил, и это касалось не только физического состояния польских военнослужащих, но и их морально-психологического настроения.

Но помимо многочасовых учебных занятий, дававших солдатам необходимый минимум знаний по польскому языку и литературе, военнослужащие могли заниматься под руководством своих унтер-офицеров театральными постановками, тематика которых сводилась исключительно к выражению своих патриотических чувств, а также из числа солдат формировались музыкальные оркестры и ансамбли. Военнослужащим предоставлялась также возможность соприкоснуться с кинематографом, который раскрывал перед ними историческое прошлое польской нации, ориентируя на позитивное восприятие политической и экономической системы межвоенной Польши⁴¹². Демонстрировавшиеся солдатам кинокартины отличались разнообразными жанрами, а именно: это были фильмы и познавательного, и учебного, и воспитательного, и развлекательного, и спортивного содержания.

«Солдатские дома культуры», которыми заведовали унтер-офицеры, могли самостоятельно заказывать киноленты из различных государственных и коммерческих учреждений, главным поставщиком которых являлись образовательные организации центральных воеводств, например, прокатом научных и образовательных кинофильмов в восточное пограничье занимался Институт кино при музее промышленности и сельского хозяйства, располагавшийся в Варшаве, а киноленты спортивного содержания можно

⁴¹² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 3.

было арендовать в польской студии «Z.S. Film», офис которой также находился в столице.

Другим важным предметом в учебной программе подготовки рядовых являлся иностранный язык, для обучения которому издавалась специальная литература. Изучение иностранных языков в польской армии велось на основе территориального принципа, т. е. если польские военнослужащие проходили службу в восточном пограничье, то иностранными языками в этом случае являлись русский и литовский, а если воинские части дислоцировались на Западе межвоенной Польши, то иностранными языками выступали – немецкий, французский или чешский. Поэтому солдаты в восточных воеводствах проходили интенсивные языковые курсы по освоению русского и литовского языков, а для этого издавались специальные учебные пособия, которые должны были помочь обучению военнослужащих, так, в 1928 г. в Польше для военнослужащих северо-востока страны был издан специальный учебник литовского языка, авторами которого являлись два лейтенанта польской армии – Н. Мисевич и Ю. Кушелевский⁴¹³.

Если обучение литовскому языку было непростым делом, то изучение русского значительно облегчалось не только схожестью двух славянских языков, но и тем, что в межвоенное время в Польше сохранялся значительный процент взрослого населения, которое владело русским языком еще в период существования Российской империи, что существенно содействовало его освоению молодыми поляками, как среди граждан, так и военнослужащих, преподавателями которых в гражданской и военной жизни могли выступать представители старшего поколения. Владение русским и литовским языками являлось обязательным для рядового состава, который нес службу в восточных воеводствах, поскольку, во-первых, во время патрулирования военнослужащие сталкивались с диверсантами, проникавшими на польскую территорию из СССР и Литвы, которых следовало при поимке подвергнуть допросу; во-вторых, рядовые обязаны

⁴¹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 28.

были контактировать с местным крестьянским населением, которое могло и не знать польского языка, а изъясняться только на литовском или русском, и, в-третьих, польские солдаты во время проведения карательных акций в населенных пунктах сталкивались с большим количеством листовок, составленных не на польском, а на языке национального общения той местности, где они распространялись, и для того, чтобы понять их содержание военнослужащие должны были обладать базовыми знаниями того языка, который употреблялся местным населением восточного пограничья⁴¹⁴.

Методика обучения русскому и литовскому языку в польской армии была также продуманной, например, учебные занятия по русскому языку среди военнослужащих начинались со знакомства их с алфавитом этого языка для того, чтобы польские солдаты могли уметь различать латиницу и кириллицу, и это делалось для того, чтобы у польских военнослужащих не происходила в голове путаница букв польского и русского языков, и после изучения русского алфавита шли занятия по составлению часто употребляемых слов и выражений, и одновременно с этим польские военнослужащие знакомились с прописью: в своих тетрадях, помимо записывания туда слов, солдаты строили короткие предложения на русском языке. Также обучающимся рекомендовалось читать короткие диалоги и стихотворения польских авторов, но переведенные на русский и литовский языки. Освоив элементарные речевые и письменные нормы обоих языков, военнослужащие приглашались в учебные классы и помещения казарм для общения между собой на изучаемом языке, причем темой подобных разговоров выступали повседневные жизненные проблемы, а также описание природы своего родного края и экономических достижений Польши⁴¹⁵.

⁴¹⁴ Изучение польскими военнослужащими русского языка объяснялось тем, что восточнославянские народы, проживавшие на территории восточных воеводств, имели очень близкую духовно-культурную многовековую связь, поэтому различие трех языков, – белорусского, русского и украинского не являлось языковым барьером, поэтому польские солдаты могли использовать для общения с белорусами и украинцами если не польский, то русский язык.

⁴¹⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 29.

Но процесс обучения был, с одной стороны, сложным, особенно это касалось литовского языка, но, с другой стороны, между русским и польским языками существовали родственные связи, что и облегчало процесс обучения, также огромная роль принадлежала являвшемуся носителем русского или литовского языка преподавателю, от знаний и методики преподавания которого зависел конечный результат овладения этими языками.

Важно отметить, что процесс обучения польских военнослужащих русскому языку получил название «игры в русских солдатиков»⁴¹⁶, поэтому методика преподавания русского языка являлась интересной, так как после изучения русского алфавита следовали занятия, на которых польские военнослужащие знакомились с разными по своему значению словами и выражениями, которые по своему звучанию и смысловому содержанию были близки к польским словам, или же обучение русскому языку могло вестись на основе синонимов и антонимов польского языка⁴¹⁷. И только после этого дальнейшие уроки по изучению русского языка были посвящены конкретным темам, например, польские военнослужащие обязаны были знать те русские слова и выражения, которые чаще всего употреблялись в пограничных районах с БССР и УССР, например, во время телефонных звонков, совершавшихся жителями СССР, с тем, чтобы уметь понимать содержание разговоров предполагаемого противника, делая соответствующие записи, подлежавшие в конечном итоге передаче в секретную часть II Отдела Генерального штаба Польши, который и занимался обработкой полученной таким путем информации⁴¹⁸.

Поэтому сдача экзамена по русскому языку проходила не только в привычной форме устной беседы, чтения и перевода заранее подготовленных материалов, поскольку преподаватели создавали для своих учеников такие ситуации, которые были максимально приближены к выполнению

⁴¹⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 31.

⁴¹⁷ Ibid.

⁴¹⁸ Ibid. S. 32–33.

разведывательных заданий: польский офицер или унтер-офицер, которые были носителями русского языка, составляли текст в форме телеграммы, указывая некоторые слова с помощью принятых в СССР сокращений и аббревиатур, и подобный экзамен был нацелен на выявление тех военнослужащих польской армии, которые в совершенстве смогли овладеть русским языком и которым удавалось пройти такие экзаменационные испытания⁴¹⁹.

Обучение польских военнослужащих русскому языку было необходимым не только из-за необходимости вести шпионаж на территории СССР, но также по причине массового использования этого языка местным населением восточных воеводств, как в быту, так и в своей профессиональной деятельности; отмечались даже случаи, когда местные жители, не обращая внимание на присутствие польских военнослужащих, умышленно вступали между собой в разговоры именно на русском или литовском языках для того, чтобы продемонстрировать им важность сохранения своей национально-культурной идентичности и выразить в завуалированной форме пренебрежение к государственному польскому языку⁴²⁰.

Поэтому знания русского и литовского языков обязаны были приобретать не только офицеры и унтер-офицеры польской армии, но и представители рядового состава, которые в течение своей службы регулярно сталкивались с коренным населением восточных областей, а также занимались задержанием в восточном пограничье уголовных преступников и диверсантов.

Из приведенных выше фактов, касающихся процесса просвещения и обучения рядовых военнослужащих в польской армии межвоенного периода, можно сделать два следующих положительных для Польского государства вывода: во-первых, закон об «Об образовании» от 1919 г. предоставлял

⁴¹⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 32.

⁴²⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 26.

многочисленной крестьянской массе восточных воеводств возможность добровольно влиться в ряды польской армии, где она получали необходимое начальное образование, поэтому призыв в польскую армию преподносился военно-политическим руководством страны не только в качестве того высокого доверия, которое оказывалось всем гражданам страны для защиты внутренних и внешних рубежей отечества, но и в ход была пущена широкая пропагандистская кампания, в рамках которой издавались специальные бюллетени и брошюры, информировавших призывников о дополнительных привилегиях воинской службы на благо возрожденной Польши, и такого рода льготой выступала как раз возможность получения начального образования, которое обязательно должно было пригодиться им в дальнейшей жизни после демобилизации; во-вторых, классные и внеурочные занятия в польской армии должны были навсегда остаться в памяти и в сердцах солдат независимо от их национально-религиозной принадлежности и повлечь за собой продуктивный результат не только в лексическом, орфографическом и грамматическом значении, но и в мобилизационном, так как в случае нападения врага резервисты обязаны были встать на защиту своей единственной Родины, которой, по заверениям правящих кругов, являлась для всех без исключения Вторая Речь Посполитая. В результате процесса обучения в годы армейской службы военнослужащие польской армии призваны были осознать не только свой воинский долг, но и после завершения ее оставаться в гражданской жизни теми воинами, которые в критический момент существования страны всегда придут на помощь и встанут на ее защиту⁴²¹.

Вместе с тем за указанными выше двумя положительными выводами следует отметить четыре негативных факта, которые имели место во время ликвидации безграмотности среди рядовых военнослужащих польской армии: во-первых, не все призывники, проходившие воинскую службу на территории восточных воеводств, стремились по велению сердца посещать

⁴²¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 2, 5.

учебные занятия, ища удобного случая, чтобы уклониться от них. Как правило, такие солдаты вызывались добровольцами на хозяйственные работы, так как для них было легче заниматься физическим трудом, чем развивать свои умственные способности⁴²², поэтому унтер-офицеры обязаны были не отправлять на хозяйственные и уборочные работы одних и тех же солдат, а составлять список отправляемых на них военнослужащих таким образом, чтобы все без исключения подчиненные прошли через «ликбез»; во-вторых, политработники в польской армии отмечали негативный факт, который был связан с малограмотностью или с полным отсутствием грамотности у рядовых военнослужащих, это касалось тех призывников, которые прибывали на военную службу в западно-центральные воеводства из восточных кресов, так как в большинстве своем они либо плохо знали грамматику польского языка, либо обладали только начальными речевыми навыками общения на нем, т. е. не умели должным образом писать и читать, что затрудняло процесс их обучения, так как унтер-офицеры, выступавшие в качестве главных педагогов, опирались на такие методические пособия, которые включали в себя упражнения и задания, исходя из уже имевшихся базовых знаний по польскому языку; количество академических часов, выделявшихся для проведения занятий по ликвидации неграмотности, было также недостаточным, а надежда на проявление военнослужащими самостоятельной инициативы практически отсутствовала по той причине, что рядовой польской армии предпочитал в свободное время не брать в руки книгу и тетрадь, а стремился найти более простые формы проведения своего досуга, которой являлся в большинстве случаев сон⁴²³; в-третьих, работа по просвещению рядового состава осложнялась часто тем, что сами унтер-офицеры не обладали полными знаниями, прежде всего, это касалось иностранного языка, а также они не утруждали себя регулярным чтением художественной литературы, которую чаще всего преподносили

⁴²² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1937. S. 8.

⁴²³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 15–16.

военнослужащим в той краткой форме, которая содержалась в методических брошюрах и учебных пособиях, в то время как унтер-офицерский состав в печатных изданиях изображался интеллигентной прослойкой, что означало обладание его представителями глубокими знаниями в социально-гуманитарной сфере, чего на самом деле не было: формированием солдат как интеллектуально развитых личностей должен был заниматься полуграмотный унтер-офицер⁴²⁴; в-четвертых, воинские подразделения польской армии, дислоцированные на территории «белорусских» воеводств, получали в недостаточном количестве необходимые письменные принадлежности, что затрудняло проведение урочных занятий в рамках ликвидации неграмотности среди рядового состава. Это объяснялось во многом тем, что дорожно-шоссейные линии, соединявшие западно-центральные воеводства с восточными, были недостаточно развиты в межвоенный период, поэтому доставка канцелярских принадлежностей происходила со значительной задержкой.

Но для того, чтобы национальная идеология прижилась в сознании рядовых военнослужащих, необходимо было проводить с ними конкретные просветительские мероприятия, которые касались не только освещения исторического пути польской нации, но и способствовали бы повышению их общего уровня грамотности, так как только тот солдат становился по-настоящему боеспособным в мирной и военной жизни, когда он умел и стрелять, и обладал элементарными знаниями чтения, письма и счета. Данные навыки, которые должны были формироваться в годы обучения в начальной школе, позволяли военнослужащему лучше ориентироваться и быстро производить анализ окружающей его обстановки⁴²⁵. Особенно это было необходимо во время боевых действий, когда итог военной кампании мог решиться не только на поле боя, но и в информационном поле военного времени, т. е. личный состав необходимо было защитить от влияния

⁴²⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 18–19.

⁴²⁵ Ibid. S. 4.

вражеской пропаганды также умело, как и от винтовочных и пулеметных пуль. Также это было необходимо для того, чтобы воспитать солдат в нужном политическом духе, отвечавшим интересам правящего класса страны, и для реализации данной задачи польские офицеры и унтер-офицеры обязаны были сначала досконально изучить личные дела своих подчиненных, что сопровождалось не только механическим запоминанием их фамилий, но и выяснением круга их интересов и получением представления о той социальной среде, в которой проходило воспитание призывников. Это было необходимо для того, чтобы, выяснив их политические взгляды и общественные настроения, своевременно пресечь ведение антиправительственной пропаганды среди остальных военнослужащих. Несомненно, данный персональный подход был призван воспитать послушных правящему режиму солдат, которые после демобилизации выступали бы в качестве трансляторов усвоенных на службе представлений жителям родных мест. В то же время политвоспитание являлось надежным помощником по выявлению подходящих для воинского и государственного дела солдат, правильная политическая ориентация которых могла внести надежный вклад в идеологическую культурно-массовую работу среди гражданского населения.

Унтер-офицеры, занимавшиеся политическим воспитанием и просвещением своих подчиненных, отмечали особо в своих беседах, что умение обращаться с различными видами оружия, а также использование новейших технических достижений на поле боя в форме танков, артиллерии, самолетов и флота, не могло гарантировать уверенность в полной победе над противником, так как все зависело от личной моральной подготовки рядовых, воинский дух которых должен был быть постоянно находиться на высоком уровне, а для достижения такого результата каждый военнослужащий должен был ясно представлять себе четко сформулированную цель: за что и за кого необходимо было ему самоотверженно идти в бой, даже в тех случаях, когда приходило полное осознание угрозы собственной гибели. Формированием

подобной установки в сознании своих подчиненных занимались во время своих занятий унтер-офицеры, стремясь пробудить в них на конкретных примерах, которых в истории польского народа были множество, чувства героизма и самопожертвования. Например, лекторы могли рассказывать солдатам о том, что в годы Первой мировой войны такие великие европейские державы, как Германия, Австро-Венгрия и Россия потерпели крах не потому, что военное искусство и технические достижения их армий были на низком уровне, даже наоборот, немецкая армия была по своему оснащению дальнобойными орудиями на ведущих позициях во всей Европе, или не по причине малочисленности личного состава (унтер-офицерами приводился пример многомиллионной русской армии). Все это, по утверждению пропаганды, не являлось существенными факторами военных поражений Берлина, Вены и Петрограда в Великой войне, так как их причины коренились в морально-психологическом состоянии немцев, австрийцев и русских, которые не понимали за что и за кого они сражались, в то время как малочисленные Польские Легионы под командованием Ю. Пилсудского, плохо оснащенные и не имевшие на вооружении танков, авиации и пушек, смогли добиться возрождения государственной независимости Польши только с обычной стрелковой винтовкой в руках. Причины достижения победы в войне 1914–1918 гг., за которой последовало воссоздание Польского государства, объяснялось унтер-офицерами тем, что Ю. Пилсудский смог вдохнуть в патриотически настроенных поляков уверенность в том, что они шли на борьбу за будущее своих детей, которые должны были жить в едином и независимом государстве, освященном «бело-красным» стягом. Восстановив в ноябре 1918 г. историческую справедливость, воины Второй Речи Посполитой, вдохновленные, по утверждению пропаганды, патриотическими речами своего лидера, смогли в августе 1920 г. доказать право на свою независимость разгромом «большевистских орд» у подступов к польской столице⁴²⁶.

⁴²⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 2–3.

Данный учебный материал преследовал цель сформировать в сознании военнослужащих национальную формулу, которая постоянно должна была напоминать им о недавних примерах доблести и мужества своих предков, которые, не раздумывая, клали свои жизни на алтарь общей победы. Присутствие таких ярких образов в умах и сердцах польских военнослужащих должно было в случае начала военных действий подтолкнуть их к повторению того же подвига. Политзанятия включали в себя такие темы, которые призывали военнослужащих обращать свое внимание на жизнь мирных граждан. Так, офицерский состав, командовавший воинскими подразделениями в «белорусских» воеводствах, доводил до сведения своих непосредственных подчиненных необходимость бдительно следить не только за действиями внешнего противника, который мог в любой момент устроить на пограничной восточной полосе провокацию, но и внутреннего врага, который стремился переманить на свою сторону обычных сельских граждан, остававшихся в своей основной массе невежественными. Военнослужащие, размещенные на северо-востоке Польши, обязаны были вести себя как хозяева, в руках которых находились, по заверениям командиров, судьбы сотен тысяч людей. Офицеры и унтер-офицеры, стремились убедить своих подчиненных в том, что польский военный, независимо от своего звания и должности, выступал на восточных окраинах в роли фермера и садовода, а, следовательно, местные жители являлись в этом случае бороздами и грядками, в которые следовало посадить семена польской национальной идеи, культуры и языка. Вместе с тем обильного и спелого урожая невозможно было получить в сердцах и умах жителей «белорусских» воеводств, если на грядках и в цветущих садах выросло огромное количество сорняков или заводились насекомые-вредители, которые уничтожали и поедали его, не давая провести будущую жатву; поэтому солдаты польской армии вместе со своими командирами обязаны были вырывать с корнем подобные сорняки, а вредителей

уничтожать всеми имеющимися у них средствами⁴²⁷. Такие обязательные учебные беседы с военнослужащими на политические темы были рассчитаны на два часа в неделю.

Как видим, тематика политзанятий включала в себя необъективные оценки и ложные исторические интерпретации многовекового взаимодействия поляков с русскими, например, акцент делался на так называемой политике денационализации, проводившейся в царской России, а также солдатам рассказывались о царившем уже в Советской России терроре, где диктатура большевиков широко прибегала к использованию методов запугивания и истребления оппозиции, представители которой проживали не только в национальных окраинах СССР, но и на просторах самой России, что создавало искаженную иллюзию об истреблении русскими своих же граждан, поэтому слушатели должны были убедиться в том, что крушение Российской империи не означало переход России на новый демократический путь своего развития, в то время как политическое руководство Второй Республики провозгласило истинную свободу путем принятия своей Конституции. Ведя записи лекций, польские военнослужащие знакомились на примере России с такими терминами, как «денационализация», «террор», «репрессии», «диктатура», «империализм». Последний термин подавался также военнослужащим в качестве неизменной части внешней политики, как Российской империи, так и СССР. В этом случае унтер-офицеры особо подчеркивали, что историческая миссия Москвы всегда состояла и будет состоять в порабощении европейских народов и уничтожении лучших достижений западной цивилизации, к которой относилась и польская нация. Также во время политзанятий польские военнослужащие получали от своих унтер-офицеров искаженную антропологическую информацию, которая преподносилась путем сопоставления в сознании солдат лженаучного образа обитателей восточных воеводств. Политработники внушали военнослужащим, что те граждане Второй Республики, которые на

⁴²⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 10–11.

протяжении многих веков проживали в западно-центральных областях являлись представителями так называемой «культурной Польши», а население восточного пограничья характеризовалось ими в качестве отсталого элемента, каждый из которых являлся не просто замкнутой в себе личностью, но и был в профессиональном плане инертным, необучаемым, робким и замкнутым. Выходцы же из западно-центральных воеводств «культурной Польши», например, из Силезии, рассматривались как полная их противоположность, т. е. они являлись, по мнению политработников, чистоплотными, интеллигентными, грамотными, разносторонне развитыми и трудолюбивыми; но политработники не преследовали конечной цели унижить национальное достоинство местного населения восточных воеводств, стремясь лишь воздействовать на военнослужащих методом эмоционального убеждения, побуждая их не только нести охрану государственной границы и внутреннего покоя Польши, но и прилагать свои усилия к просвещению этой «темной массы», которая во время правления русского царизма была отброшена в своем развитии на столетия назад⁴²⁸.

Во время проведения бесед с военнослужащими поднималась тема положения представителей польской нации в СССР, и, с одной стороны, унтер-офицеры верно подчеркивали, что большая часть польского населения проживала в РСФСР, БССР и УССР, численность которого в этих республиках в конце 20-х гг. XX в. составляла более 1 млн. человек⁴²⁹, но, с другой стороны, политработники явно вводили в заблуждение своих слушателей, утверждая, что поляки в СССР находилось на грани жизни и смерти, так как якобы репрессивный аппарат советского государства в лице ГПУ–ОГПУ–НКВД заносил лиц польской национальности в так называемые «черные списки», что означало их отправку сначала в особые комнаты, где их допрашивали с применением жестоких пыток, а затем направляли в тюремные казематы, где их ожидало физическое насилие и моральное

⁴²⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1938. S. 58–59.

⁴²⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 30.

унижение; также лекторы внушали военным служащим, что в СССР лица польской национальности не могли получить назначения на руководящие должности, так как этому категорически препятствовал укоренившийся с царских времен «русский шовинизм»⁴³⁰. Но данные заявления унтер-офицеров, проводившими свои занятия, строго следуя содержанию изданных методичек, не имели под собой никакого фактического основания, а лишь ограничивались устоявшимися в межвоенный период в Западной Европе стереотипами, а в действительности в советских республиках функционировали не только гражданские организации, членами которых являлись и поляки-коммунисты, но и действовали целые образовательные учреждения, в которых обучались лица польской национальности, например, таким заведением являлся Польский педагогический институт имени Ф. Дзержинского, располагавшийся в Киеве, или Польский институт пролетарской культуры, имевший свое местонахождение в столице Украинской ССР, а на территории Советской Украины и Советской Белоруссии действовали сотни национальных школ, преподавание в которых велось на польском языке, также функционировали в этих национальных республиках и десятки библиотечных учреждений, книгохранилища которых были заполнены литературой на польском языке⁴³¹.

Если польским солдатам раскрывалась атеистическая идеология партии большевиков, то такие разговоры велись с использованием все тех же общих словосочетаний, которые были призваны оказать давление на психику духовно неокрепших еще молодых людей, заявляя им, что большевистские вожди отправляли в тюрьмы всякого советского гражданина, который верил в

⁴³⁰ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 31.

⁴³¹ Стоит правда отметить, что в 20–30-е гг. XX в. представители польской нации, ровно, как и лица других национальностей, проживавшие на территории Советского Союза, все же подвергались репрессиям, что было связано с внутрисоюзной конъюнктурой в СССР. См.: Дьячков В.Л. Поляки в политических репрессиях 1918–1953 гг. в Тамбовской области // Поляки в истории российской провинции XIX–XX вв. Диалог цивилизаций: материалы международной научной конференции, 18–20 мая 2010 г., Тамбов / [ред. совет: Волос Мариуш, Канищев Валерий Владимирович (науч. ред.) и др.]. Тамбов: [б. и.], 2010. С. 288–304; Он же. Восприятие поляков и польского Советским государством и обществом в 1917–1945 гг. (тамбовский случай) // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: Материалы международной научной конференции, Москва, 15 марта 2019 года / Под редакцией С.В. Леонова, Г.В. Талиной. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 277–298.

существование Бога или же просто посещал в воскресные дни и в церковные праздники храм, и при этом умалчивалось о том, что в межвоенное десятилетие в СССР действовали католические костелы, а лица польской идентичности строили для своих семей благополучную жизнь, не сталкиваясь при этом с ущемлением их национальных прав.

Во время политзанятий польским военным служащим, которые проходили военную службу в восточных воеводствах, обильно приводились другие примеры из истории России, когда «Московия» терпела поражения на поле боя по причине деспотического отношения ее государственного руководства к собственному населению. Так, польский национализм оперировал фактами военного поражения русской (Красной) армии в череде войн 1904–1905 гг., 1914–1917 гг., и 1919–1920 гг., и главная причина этих поражений, по мнению польских унтер-офицеров, заключалась в том, что жители необъятной России никогда не ощущали себя единой нацией, так как каждый житель этой «восточной» страны сосуществовал отдельно от своих соседей, что негативно сказывалось на их боевом слаживании на полях сражений в первой трети XX столетия, поскольку вопреки значительному численному превосходству императорской и большевистской армий, Россия не смогла сначала одержать победу над островной Японией, затем проиграла немцам в Европе и была в 1920 г. разгромлена под Варшавой⁴³². Подобные аргументы, которые не соответствовали объективным причинам поражений русской и Красной армий, призваны были показать польским военным служащим, что, во-первых, мощь государства зависела от внутренней сплоченности всего населения, во-вторых, такого единства необходимо было добиваться не только во время военных действий, но и в период мирной жизни, чтобы не допустить раскола нации на отдельные враждебные и антинародные элементы, которые могут уничтожить страну изнутри, как это, по заверению политработников, и произошло с Советской Россией в 1920 г.

⁴³² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1938. S. 34–35.

В воинских частях польской армии, дислоцированных в восточных воеводствах, неотъемлемым атрибутом пропагандистской работы служили плакаты, на которых было выведено следующее изречение Ю. Пилсудского: «Основа армии – это душа простого солдата». Данный лозунг означал постоянную работу по формированию в рядовых военнослужащих таких качеств, которые способны были закалить их моральный дух. Но агитационные материалы, которые вывешивались в форме кратких сообщений на информационных стендах, а также в качестве пропагандистских плакатов, фотографий и лозунгов, должны были не только занимать строго отведенное им место, а являться регулярной темой общения в солдатской среде. После увиденного и прочитанного военнослужащие должны были самостоятельно обращаться за разъяснениями к своим непосредственным командирам, так как агитационный материал и новостная информация преследовали цель донести свой визуальный и словесный смысл до рядовых солдат, а это возможно было достичь только при условии скрупулезного изучения подобной информации, с последующим ее осмыслением путем бесед со своими боевыми товарищами и командирами⁴³³. В этом случае и унтер-офицеры должны были не только в учебных классах заниматься просветительской работой со своими подчиненными, но и вне казарменных помещений проявлять инициативу, так как плакаты, фотографии и информационные щиты привлекали внимание военнослужащих, которым было интересно не только узнать о последних событиях в стране, но и внимательно рассмотреть красочные агитационные материалы. Это и должны были уловить унтер-офицеры, которые не только пересказывали простыми словами содержание правительственных установок, а также в доступной словесной форме обрисовывали детали визуальных плакатов, но и стремились своим профессионализмом убедить подчиненных в правильности тех решений, которые принимались государственным и военным руководством страны.

⁴³³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 9–10.

Для закрепления полученных знаний на политзанятиях военнослужащие польской армии, проходившие срочную службу в восточных воеводствах, отправлялись на экскурсии по местам боевой славы, где, прежде всего, legionеры Ю. Пилсудского смогли остановить «большевистское варварство», а с момента кончины Первого Маршала в 1935 г. такие экскурсионные поездки совершались непосредственно в Вильно, где покоилось сердце «Великого отца польской нации»⁴³⁴.

Польская литература была призвана воспитать приверженность к создававшейся усилиями великих сынов польской нации духовной культуре, подвергавшейся суровым гонениям в условиях царского режима. Поэтому после восстановления независимости возникла острая необходимость познакомить военнослужащих с достижениями того литературного творчества, которое расцвело в возрожденной Польше благодаря правительственной поддержке. Помимо польских авторов рядовые приобщались к творчеству зарубежных писателей, которые, как и польские литературные таланты, стремились не только описать социальные условия за рубежом, но и пробудить эстетическое чувство красоты к самой жизни, которой необходимо было дорожить и умело пользоваться для достижения высоких нравственных идеалов.

Снабжением воинских подразделений специальной и художественной литературой занимался Отдел воинского образования, через который можно было за отдельную плату заказать ту или иную книгу, стоимость оформления заказа при этом зависела от количества заказанной литературы. В библиотечных фондах воинских частей, дислоцированных в восточных областях, имелась не только литература польских авторов⁴³⁵, но и были

⁴³⁴ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1937. S. 21–22.

⁴³⁵ К их числу относились следующие писатели – Адам Мицкевич (1798–1855), Юзеф Крашевский (1818–1887), Теодор Еж (1825–1915), Игнатий Мацеевский (1835–1901), Элиза Ожешко (1841–1910), Мария Конопницкая (1842–1910), Валерий Пшиборовский (1845–1913), Генрик Сенкевич (1846–1916), Болеслав Прус (1847–1912), Вацлав Серошевский (1858–1945), Стефан Борщевский (1862–1937), Мария Родзевич (1863–1944), Стефан Жеромский (1864–1925), Казимеж Пшерва-Тетмайер (1865–1940), Владислав Реймонт (1867–1925), Вацлав Гонсеровский (1869–1939), Анджей Струг (1871–1937), Фердинанд Оссендовский (1878–1945), Ежи Бандровски (1883–1940), Корнель Макушинский (1884–1953), Петр Чойновский (1885–1935), Юлиуш Каден-Бандровский (1885–1944), Зофья Коссак-Щуцкая (1889–1968), Ежи Коссовский (1889–

широко представлены произведения зарубежных писателей-мыслителей⁴³⁶. География последних была довольно разнообразной, и это касалось не только английских, шотландских, американских, французских и немецких, но и популярных испанских и венгерских авторов. Выдавались в воинских библиотеках также литературные произведения великих русских писателей – М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и М. Горького⁴³⁷, которые были широко известны за пределами страны. Вместе с тем стоит отметить, что русские писатели в межвоенной Польше рассматривались в качестве зарубежных авторов несмотря на то, что значительная часть этнической польской территории, включая Варшаву, входила ранее в состав Российской империи.

Книга являлась не только символом просвещения и образованности, но и выполняла важную психологическую функцию, позволяя военнослужащим преодолевать возникавшее из-за многочисленных испытаний и давления командиров состояние моральной депрессии. В этом были повинны те воинские командиры и начальники, которые не соблюдали одну из важнейших заповедей Ю. Пилсудского, призывавшего утвердить в армии принципы товарищества, как среди рядового состава, так и между солдатами и офицерами. Но на деле отсутствовала та идиллия единой армейской семьи,

1969), Фердинанд Гетель (1890–1960), Густав Морцинек (1891–1963), Мельхиор Ванькович (1892–1974), Евгений Малачевский (1895–1922), Мечислав Лепецкий (1897–1969), Галина Горска (1898–1942) и Януш Мейсснер (1901–1978).

⁴³⁶ Речь идет о творчестве Роберта Беркли (1713–1804), Альфреда де Виньи (1797–1863), Мора Йокаи (1825–1904), Жюль Верна (1828–1905), Марка Твен (1835–1910), Роберта Стивенсона (1850–1894), Пьера Лоти (1850–1923), Джозефа Конрада (1857–1924), Сельмы Лагерлеф (1858–1940), Кнута Гамсуна (1859–1952), Уильяма Локка (1863–1930), Редьярда Киплинга (1865–1936), Герберта Уэллса (1866–1946), Генриетты Маршалл (1867–1941), Джона Голсуорси (1868–1933), Зейны Грей (1872–1939), Юхан Бойер (1872–1959), Гилберта Честертон (1874–1936), Клода Фаррер (1876–1957), Джека Лондона (1876–1916), Джеймса Кервуда (1878–1927), Бернхарда Келлермана (1879–1951), Эмиля Людвиг (1881–1948), Сигрида Унсета (1882–1949), Гуннара Гуннарссона (1889–1975), Карела Чапека (1890–1938) и Висенте Ибаньеса (1867–1928).

⁴³⁷ Издание книг русских писателей было призвано продемонстрировать польским читателям невзрачную повседневную действительность России, обычный народ которой терпел лишения и унижения со стороны тех высших сословных кругов, которые подвергали их эксплуатации. Но не все творчество русских писателей находило свое место на библиотечных полках межвоенной Польши. Так, например, литературные произведения М. Горького издавались во Второй Республике выборочно, с явным предпочтением тем произведениям, которые были написаны будущим советским писателем до революционных событий 1917 г., например, «Макар Чудра», «Мать», «На дне» и др., т. е. через правительственную цензуру проходила только одна сторона его творчества, которое раскрывало весь ужас царского режима Российской империи. См.: Głuszkowski P. Recepcja twórczości literackiej Maksyma Gorkiego w Polsce // Studia Rossica Gedanensia, Nr. 6. 2019. S. 83–96.

которая так широко пропагандировалась в правительственной печати, и которая была призвана сплотить всех польских военнослужащих. Поэтому солдатам во время личного отдыха было жизненно необходимо иметь возможность отвлечься от повседневного надзора и придинок со стороны, прежде всего, своих унтер-офицеров, что происходило в большинстве случаев во время чтения художественной литературы, которая была способна перенести своим сюжетом солдат польской армии в мир путешествий, природной экзотики, героизма и воинского духа эпохи средневекового рыцарства. Интересно отметить, что даже в годы «Великой депрессии» 1929–1933 гг., которая подорвала экономическую систему Польши, военнослужащие, зная из писем о бытовых трудностях своей семьи и близких родственников, с целью преодоления апатии зачитывались книгами, которые давали им надежду на лучшие времена, которые наступят в ближайшем будущем⁴³⁸.

Тяга к чтению прививалась у польских военнослужащих даже во время нахождения их на гауптвахте, куда солдаты попадали на короткое время за совершение дисциплинарных проступков, но и в таких местах солдатам выдавались небольшие книги, объем которых доходил до 100 страниц, для того, чтобы не только можно было утолить тоску, но и с пользой для себя провести время, приобщаясь к польской культуре с помощью чтения художественных произведений⁴³⁹. Такая культурно-просветительская миссия охватывала всех военнослужащих польской армии независимо от их эмоционального и физического состояния, и даже в больничных палатах, куда солдаты поступали из-за простудных, венерических и других заболеваний, которые преследовали их чаще, чем вражеские пули, военнослужащие обязаны были держать под рукой рекомендованную командованием художественную литературу. Особой популярностью у больных пользовалось литературное наследие Г. Сенкевича и обязательное чтение исторических

⁴³⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5...1936. S. 29.

⁴³⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8...1938. S. 157.

романов должно было, по заверениям польских унтер-офицеров, снять душевную боль, страдания и депрессию, которые возникали у пациента из-за телесного недомогания. И выбор в данном случае произведений Г. Сенкевича в качестве «болеутоляющего» средства был неслучайным, так как именно его герои были призваны познакомить находившихся на лечении военнослужащих с основами польского мужества и стойкости, и, вдохновившись героическим прошлым своих предков, польские солдаты должны были доблестно пройти через курс выздоровления с тем, чтобы в дальнейшем вернуться вновь в ряды защитников территориального суверенитета Второй Республики и не допустить нового «Четвертого раздела» страны⁴⁴⁰.

Но среди военнослужащих польской армии циркулировала и нелегальная литература, которая являлась запрещенной не только по своему политическому и антиправительственному содержанию, но и с точки зрения соответствия нормам нравственности. Речь идет о порнографических материалах, которые нелегально доставлялись предприимчивыми солдатами, и за небольшую плату сдавалась ими во временную аренду своим сослуживцам⁴⁴¹. Данная литература успешно проникала в казарменные помещения, и, несмотря на регулярно проводившиеся унтер-офицерами проверки, эти материалы было не так легко обнаружить; все это говорит о том, что и на территории восточных воеводств существовал так называемый «черный» рынок литературы, которая подлежала возрастному цензу, и была запрещенной не только среди военнослужащих польской армии, но и среди гражданского населения, так как подобные книги, журналы и альбомы отвлекали защитников Польши от их непосредственных задач по несению охраны границы, и суть такого запрета исходила также из религиозных заповедей: правоверный польский католик во Второй Речи Посполитой должен был быть душой и телом свободным от всякого плотского соблазна и

⁴⁴⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936. S. 34.

⁴⁴¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 25.

греха, который разрешалось совершать только в отношении своей возлюбленной женщины и только в том случае, когда шла речь о продолжении человеческого рода. И если в польских вооруженных силах действительно присутствовала практика приобщения военнослужащих к католицизму, то это не являлось для них серьезным препятствием, так как солдаты с увлечением рассматривали альбомные фотографии подобных книг и открыток, а также они скорее зачитывались страницами соответствующих романов с интимными сценами, нежели использовали свое свободное время для знакомства с произведениями мировой литературной классики, которая только загромаждала сознание военнослужащих религиозно-философскими размышлениями и сложными вопросами миропонимания. Поэтому польские солдаты не были свободны от морального греха, но видели в этом надежный способ своего временного отвлечения от тягот несения воинской службы.

Военнослужащие расквартированных в восточных воеводствах подразделений, получали в своих библиотеках литературу и периодику зачастую по усмотрению библиотекарей. Это объяснялось тем, что сотрудники военных библиотек рассчитывали сохранить как можно дольше книги и журналы в хорошем состоянии, поэтому книжная продукция нередко простаивала на полках, так и не попав в солдатские руки, которые, по мнению библиотекарей, были не грязными, а именно неумелыми, что могло привести к порче выданной литературы, за сохранность которой отвечали хранители библиотечных фондов. Ситуация осложнялась еще и тем, что в случае обнаружения испорченной книги взыскание необходимой для осуществления ее реставрации денежной компенсации с военнослужащих было весьма затруднительным; столь же призрачными были и надежды на поступление в скором времени ее замены из других библиотек⁴⁴².

Но это вовсе не означало, что книги так и оставались бесцельно лежать на библиотечных полках, так как с целью контроля за комплектацией библиотечных фондов и количеством выдаваемой литературы в польской

⁴⁴² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 9.

армии действовал специальный Институт военных инспекторов, члены которого совершали личные проверочные поездки по воинским частям, уделяя особое внимание находившимся в восточных воеводствах библиотекам. Это объяснялось тем, что военнослужащих Востока страны, необходимо было держать в постоянном тонусе, постоянно следя за процессом их воспитания, образования и самообучения, поскольку не только офицеры и унтер-офицеры рассматривались правительством в качестве одних из главных проводников политики колонизации, но и рядовой состав, который, неся службу, мог более свободно вступать в контакты с гражданским населением, которое не принадлежало к польской идентичности, и нести ему идеи всепольскости, так как рядовой военнослужащий польской армии мог быть принят крестьянским населением «белорусских» воеводств на психически-эмоциональном уровне как родной. Поэтому для достижения успеха в деле колонизации задача указанных инспекторов состояла в том, чтобы осуществлять контроль не только за сохранностью имущества воинских библиотек и их своевременным пополнением проправительственными книгами, журналами, газетами, картами и брошюрами, но и пристально контролировать норму их чтения и просмотра рядовыми военнослужащими⁴⁴³. И подобный контроль заключался не только в изучении военными инспекторами библиотечных формуляров солдат; во время живого общения с военнослужащими инспекторы могли убедиться в том, что тот или иной солдат действительно прочитал взятые им книги, или же данные о взятых книгах были внесены в его карточку формально, так и оставшись непрочитанными.

В воинских частях польской армии помимо информационного библиотечного стола, за которым унтер-офицер совершал выдачу солдатам книг, газет и журналов, имелась еще одна специальная комната, являвшаяся в большинстве случаев идеальным местом для тихого и сосредоточенного чтения военнослужащих, в котором они могли насладиться эстетической

⁴⁴³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 34.

красотой и получить духовное умиротворение. Этому способствовали качественная мебель, правильно подобранные декорации и наглядно-пропагандистские материалы; последние выступали в качестве репродукции исторических картин польского народа, и обязательным атрибутом являлся портрет «Вождя польской нации» – Ю. Пилсудского. Но стоит отметить, что данные библиотечные комнаты, в которых солдаты могли погрузиться в чтение и в размышления, были в будние дни закрыты на замок, так как заведующие библиотеками опасались, что внешняя красота и надлежащий порядок в этих комнатах со временем будет нарушен военнослужащими из-за их природной неаккуратности и отсутствия у них чувства эстетического наслаждения. Поэтому данные помещения открывались лишь в праздничные дни, когда унтер-офицерам необходимо было провести какое-либо запланированное программой культурных мероприятий национальное или религиозное торжество⁴⁴⁴.

Политика в области военных библиотек постоянно находилась в фокусе внимания высшего командования, так как чтение книг военнослужащими имело решающее значение, как для ликвидации неграмотности среди них, так и для выстраивания последующих контактов солдат с местным населением не только во время несения действительной службы, но и после ухода их в запас. Поэтому унтер-офицеры должны были внимательно следить за тем, чтобы их подчиненные 2–3 раза в неделю посещали воинские библиотеки и производили обмен прочитанных книг на новые; особенно это касалось зимнего времени года, когда рядовой солдат получал больше свободного времени и мог посвятить себя процессу самообразования без ущерба интересам службы.

Вместе с тем унтер-офицеры не должны были полагаться лишь на методику проверок посещения своими подчиненными воинских библиотек, прививая им своим ораторским искусством культуру чтения и доказывая своим примером, что нечитающие солдаты представляют настоящую угрозу

⁴⁴⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 4–6.

боеспособности всей страны, так как каждый солдат являлся не просто воином, умевшим прицельно стрелять из винтовки, но и высокообразованным человеком. Приобщить к чтению книг своих подчиненных унтер-офицеры пытались за счет подготовки интересных аннотаций к тому или иному произведению, конечно, данный метод был перспективен для исторической и художественной литературы, так как короткие справки о рыцарях, королях и народных героях польской нации являлись успешной формой рекламы, после ознакомления с которой могло возникнуть желание прочитать такую книгу; намного сложнее было убедить рядовых самостоятельно осилить политические и философские трактаты, необходимые для расширения их кругозора, но подобная литература была очень сложна по своему смыслу для рядовых, многие из которых не сумели получить даже начального образования.

Но данная проблема решалась путем проведения специальных книжных выставок, во время которых унтер-офицеры знакомили своих солдат с философско-религиозными и теоретическими трудами польских и признанных зарубежных мыслителей. Подобные книжные экспозиции способствовали поддержанию у военнослужащих тяги к знаниям, поскольку солдаты были уже в общих чертах знакомы с сочинениями различных мыслителей. Популярным методом приобщения рядовых военнослужащих к чтению являлось также проведение так называемых «книжных вечеров», во время которых свои знания могли продемонстрировать не только унтер-офицеры, но и рядовые солдаты, получавшие возможность высказать свое личное отношение к творчеству того или иного писателя и философа. Учет и контроль в солдатских библиотеках был строжайшим, потому что необходимо было не просто вести статистику посещаемости, из которой складывались количественные данные, касавшиеся выдачи книг, но и составлять списки нуждавшейся в пополнении специальной литературы⁴⁴⁵.

⁴⁴⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 24–26.

Каждый год библиотечные фонды воинских частей польской армии, размещенных в восточных воеводствах, пополнялись не только художественной и специализированной литературой, проправительственными газетами, журналами и брошюрами, но и агитационными плакатами, которые выпускались в цветном оформлении в настенных вариантах и были призваны подчеркнуть важность несения воинской службы в восточной пограничье с целью защиты внешних рубежей Польши от потенциальных противников – Советской России (СССР) и Литвы. Содержание пропагандистских плакатов было разнообразным, например, подчеркивалось, что польский военнослужащий на Востоке страны был не хуже разведчика или шпиона, так как служба в столь отдаленных территориях и неблагоприятных социально-экономических и природных условиях требовала от солдата предельной собранности, внимательности и высокого уровня военной подготовки для того, чтобы не допустить проникновение противника вглубь страны, или пресечь всякие попытки нелегальной контрабандной торговли, а также при необходимости ликвидировать бандформирования и диверсионные группы. Помимо этого, воинским частям, дислоцированным в восточных областях, высылались из Варшавы портреты ведущих государственных деятелей и военачальников, почетное место среди которых занимало изображение Первого Маршала Польши – Ю. Пилсудского, а также это касалось портретов генерал-инспекторов польской армии и президентов Второй Республики⁴⁴⁶.

⁴⁴⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 23.

ГЛАВА 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КОРПУСА ОХРАНЫ ПОГРАНИЧЬЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПОЛОНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА.

3.1 «Цивилизаторская миссия польской армии».

В осуществлении своей «цивилизаторской миссии» на восточных креслах польская армия могла, испытывая при этом смешанные чувства гордости и обиды, опереться на ценный опыт своего предшественника – вооруженных сил Австро-Венгерской империи, которые, дислоцируясь с 80-х гг. XIX в. в гарнизонах преимущественно польской по национальному составу Западной Галиции, целенаправленно направляли данный регион по пути поступательного промышленного развития⁴⁴⁷. Применительно к территории Российской империи востребованной могла оказаться также «цивилизаторская деятельность» австро-венгерской армии на оккупированной ею во время Первой мировой войны Западной Волыни⁴⁴⁸, вошедшей по условиям Рижского мирного договора 1921 г. в состав Польского государства.

Воинские подразделения польской армии имели непосредственное отношение к изменению архитектурного облика целых городов и поселков восточных воеводств. Необходимость созидательной деятельности военнослужащих остро осознавалась в правящих кругах страны, так как следовало утверждать польское присутствие во всем восточном пограничье путем строительства различных инфраструктурных объектов, которые позволили бы Генеральному штабу Польши не только обеспечить функционирование польской армии на Востоке, но и улучшить торго-

⁴⁴⁷ См.: Baczkowski M. Znaczenie armii austriackiej dla rozwoju cywilizacyjnego Galicji (1848–1918) // Kwartalnik Historyczny. CXVI. 2009. № 2. S. 71–90.

⁴⁴⁸ Миронов В.В. Борьба с эпидемиями на Волыни во время австро-венгерской оккупации в ракурсе «культурной истории» Первой мировой войны // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 61–64.

экономические связи между западно-центральными и восточными воеводствами, которые были нарушены в результате военных действий 1914–1920 гг⁴⁴⁹.

Первой серьезной проблемой, с которой столкнулись военнослужащие польской армии, прибывавшие в первой половине 20-х гг. XX в. в восточные области, являлся недостаток жилых помещений, обусловленный разрушительными последствиями Первой мировой и советско-польской войн. К тому же бездорожье и нехватка железнодорожного полотна не позволяли в кратчайшие сроки начать строительство необходимых казарменных и других воинских помещений, которое могло осложняться географическим ландшафтом и неблагоприятными климатическими условиями в холодное время года. После своего прибытия в начале осени 1924 г. на территорию восточных воеводств польские военнослужащие были лишены возможности удовлетворять свои культурные, образовательные и религиозные потребности. Зачастую на территории воинских частей не было столовой и дома культуры, где военнослужащие могли получить эстетическое наслаждение от разного рода концертных, театральных, поэтических и музыкальных представлений. На первых порах из-за нехватки казарменных помещений командованием было принято решение разместить военнослужащих на постой к местному населению, проживавшему по соседству с воинскими частями, так как за оставшееся до наступления холодов время невозможно было завершить строительство даже казарменных помещений, оснащенных водопроводом и канализацией. В зимнее время года восточные окраины Польши покрывались непроходимыми снежными сугробами, мешавшими проведению строительных работ.

В каждый сельский дом вселялось от трех до четырех рядовых вместе со своими унтер-офицерами. Большое скопление людей, не отвечавшее требованиям санитарных норм, приводило к увеличению заболеваемости, и

⁴⁴⁹ Kirwiel E. Gospodarka Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej uwarunkowania rozwoju, reformy ekonomiczne // Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku. 2012. T. X. S. 181–182.

создавало условия для нарушения воинской дисциплины. Новобранцы, не устояв перед множеством соблазнов, распивали совместно с хозяевами алкогольные напитки, не обходили своим вниманием представителей женского пола, а также промышляли воровством, что вызывало у местных жителей не только внутреннее недовольство, но и открытое возмущение, которое нередко оборачивалось рукоприкладством.

Чтобы существенно разрядить конфронтационную атмосферу в населенных пунктах, где были расквартированы воинские части, командование распорядилось привлекать как военнотружущих, так и местных жителей к строительным работам. Так, в 1925 г. польскими солдатами было построено 210 тыс. м³ жилых помещений и 52 тыс. м³ подсобных зданий, а в 1926 г. площадь возведенных жилых помещений составила 79 тыс. м³, а подсобных 8 тыс. м³. В 1927 г. объем строительства достиг следующих показателей – 85 тыс. м³ жилых помещений и 21 тыс. м³ подсобных, в 1928 г. – 31 тыс. м³ жилых помещений и 13 тыс. м³ подсобных, в 1929 г. – 30 тыс. м³ жилых помещений и 10 тыс. м³ подсобных⁴⁵⁰. Данные цифры, свидетельствующие об интенсивности строительных работ, нуждаются в том уточнении, что в 1924–1928 гг. воинские постройки сооружались исключительно из дерева, так как необходимо было разместить как можно быстрее воинские батальоны, исключением являлись дома для польских офицеров, так как забота об их удобстве находилась на переднем плане, нежели создание комфортных условий рядовых и унтер-офицеров. И только с 1928 г. для строительства солдатских казарм стали использоваться уже огнеупорные строительные материалы – кирпич и бетон. Во второй половине 20-х гг. XX в. военнотружущие польской армии в восточных воеводствах проводили также одновременно ремонт государственных и исторических зданий, и к началу 30-х гг. XX в. капитальному ремонту подверглось около 200 тыс. м³ построек. Обширное строительство и реставрационные работы, развернувшиеся в восточных воеводствах, были

⁴⁵⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 35.

призваны продемонстрировать их жителям, что польская армия пришла на эти земли навсегда. Так, впечатляющий архитектурный облик имели следующие, сооруженные в середине 20-х гг. XX в. руками польских военнослужащих на северо-востоке Польши, здания: «Солдатский дом» в Неменчине и «Дом унтер-офицера» в Будславе⁴⁵¹. Функционирование данных воинских учреждений, отвечавшее требованиям национальной политики полонизации, было призвано удовлетворять культурно-просветительские, социальные и образовательные потребности не только военнослужащих, но и гражданского населения, служа центрами пропаганды и распространения исключительно польской национальной культуры, а не белорусской или литовской.

Отдавая себе отчет в том, что при строительстве невозможно было обойтись лишь руками одних военнослужащих, командование поставило перед правительством страны задачу привлечь также в кратчайшие сроки к возведению военных объектов в восточных областях строительные компании, так как уже в декабре 1924 г. стало ясно, что военнослужащие не могут проводить драгоценное для них время службы за одним лишь строительством. Законное требование командование было в итоге удовлетворено, и к осени 1925 г. рабочие строительных компаний смогли возвести в восточном пограничье около 200 зданий военного назначения, к числу которых относились не только казармы, но и военно-продовольственные склады, дома культуры, места приема солдатской пищи, конюшни и другие хозяйственные постройки⁴⁵².

Солдаты КОП не только возводили своим руками сторожевые деревянные башни и вышки, но и расчищали с помощью крестьянских деревянных кос заросшие пространства в 200–300 метрах от восточной границы от растительности и кустарников, так как это было необходимо для задержания нарушителей границы. Для защиты ее от проникновения

⁴⁵¹ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 15.

⁴⁵² Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 14.

диверсантов создавались также заграждения из колючей проволоки, которая крепилась на деревянные сваи, и если она натягивалась непосредственно самими солдатами, то доставка и забивка в землю деревянных свай ложилась на плечи обычных гражданских лиц, которые нанимались унтер-офицерами за небольшую плату. Вместе с тем широко распространенная практика найма рабочей силы объяснялась не тем, что младший командный состав польской армии заботился о финансовом благосостоянии того местного населения, которое она была призвана защищать, а тем, чтобы уберечь своих рядовых от излишней физической нагрузки и возможных травм⁴⁵³.

Дорожная сеть «белорусских» воеводств находилась в первой половине 20-х гг. XX в. в самом плачевном состоянии, что препятствовало созданию надежной системы государственной и общественной безопасности, так как дорожная инфраструктура практически отсутствовала не только на пограничной полосе с Литвой, Латвией и СССР, но и во внутренних областях северо-востока Второй Республики⁴⁵⁴, т. е. воинским подразделениям было фактически невозможно в случае возникновения нештатной ситуации, как на границе, так и во внутренних областях «белорусских» воеводств, своевременно добраться до места назначения для выполнения необходимых боевых задач. Причина крылась в том, что дороги на северо-востоке Польши в большинстве своем представляли обычные тропинки, которые ежегодно зарастали травой, лесными зарослями или же покрывались болотной массой, а в зимнее время их засыпало сугробами, а с приходом весны такие тропинки превращались в настоящие непроходимые водоемы с огромным количеством грязевой смеси из липкого песка. Поэтому польским правительством уже в начале 20-х гг. XX в. было принято решение активно привлекать военнослужащих к строительству дорожной инфраструктуры, и грунтовые дороги ими прокладывались также в тех местах, где раньше коренное население «белорусских» воеводств и не сталкивалось в своей жизни с таким

⁴⁵³ Ibid. S. 16.

⁴⁵⁴ Рижский мир в судьбе белорусского народа... С. 270.

дорожным покрытием⁴⁵⁵. Возведением дорожной инфраструктуры занимались на 70% те военнослужащие, которые входили в состав саперных подразделений, прокладывая своими руками автомобильные дороги, сооружая мосты и дамбы, например, в 1929 г. за подписью Новогрудского воеводы З. Бочковича было адресовано похвальное письмо тем польским солдатам-саперам, которые в сложных погодных условиях смогли проложить за один месяц дорогу длиной 8 км., соединившую Клецк с Яновичами⁴⁵⁶.

Польские военнослужащие на территории восточных воеводств не только возводили новые шоссейные дороги, связывавшие важные в стратегическом значении городские центры, но и производили ремонт и прокладку дорожной сельской инфраструктуры путем не только выравнивания поверхности земли, но и занимались боронованием почвы и ее гравированием, а для ликвидации последствий осенней и весенней распутицы польскими военнослужащими около дорог вырывались каналы для отвода воды, а, для придания сооруженным объектам эстетической красоты, а также заботясь об экологии, польские солдаты занимались посадкой саженцев деревьев рядом с дорогой⁴⁵⁷. Но дорожное строительство в восточных воеводствах не велось повсеместно, поскольку приоритетными его районами являлись те населенные пункты, прокладка дорожной инфраструктуры к которым отвечала задачам военной стратегии и способствовала улучшению торговли.

Польские военнослужащие в первые два года своего пребывания на восточных окраинах занимались также проведением линий телефонной и телеграфной связи, прокладка которых была необходимой не только для налаживания непрерывного сообщения между отдельными воинскими частями⁴⁵⁸, но и для тесной координации своих действий с местными

⁴⁵⁵ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 4.

⁴⁵⁶ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 37.

⁴⁵⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 21.

⁴⁵⁸ Это обосновалось ситуациями как во время военного вторжения армии предполагаемого противника с Востока, так и в момент задержания бандитских и диверсионных вооруженных групп, действовавших на восточном пограничье.

властями, а также с польской жандармерией, которая участвовала также в задержании нарушителей границы.

Для покрытия восточного пограничья сетью телефонных и телеграфных линий сюда с августа по ноябрь 1924 г. прибыло десять железнодорожных вагонов, в которых находились кабели и различные технические приспособления (крючки и изоляторы), и в первые месяцы было использовано 506 тыс. кг. железной оцинкованной проволоки (с сечением от 4 до 2 мм.), а также удалось провести кабели на расстоянии до 6 тыс. км., которые проходили через 100 станций связи, а количество телефонных аппаратов составляло 490, аппаратов Морзе – 5, аппаратов Хьюза – 5. Телефонные линии и телеграфные столбы устанавливались перпендикулярно границе, но при этом использовалась специальная треугольная структура, чтобы в момент обрыва или поломки возможно было сразу подключить кольцевую связь, что обеспечивало бесперебойную работу. К началу 1930-х гг. на территории восточных воеводств было проложено уже 14 тыс. км. телефонных линий, а количество телефонных и телеграфных станций составляло 230, а соответствующих аппаратов было установлено 1500⁴⁵⁹. Но, несмотря на то, что коммуникационная структура была настолько расширена, проведение телефонных и телеграфных линий встречало на своем пути множество препятствий, так как, во-первых, доставка самого кабеля занимала около месяца, это касалось и телеграфных столбов; во-вторых, их установка требовала значительных физических усилий не только от рядовых, но и от гражданского населения, которое за небольшое денежное вознаграждение привлекалось для транспортировки телеграфных и телефонных деревянных столбов. Стоит отметить, что данный труд хотя и был оплачиваемым, но имел неблагоприятные последствия для здоровья местных крестьян, потому что общая масса телеграфных и телефонных деревянных столбов была настолько тяжелой, что польские офицеры принимали решения не привлекать своих непосредственных подчиненных для этой цели с тем, чтобы солдат не попал

⁴⁵⁹ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 34.

в лазарет из-за грыжи, или же не был придавлен на смерть во время переноски этих многометровых бревен; в-третьих, даже установленная телефонная и телеграфная связь все время создавала значительные проблемы, потому что качество самого кабеля, служившего главной линией передачи телефонных и телеграфных сигналов, являлось низким, и в природно-климатических условиях восточного пограничья, особенно в зимний период, кабель подвергался постоянной деформации, поэтому польским связистам приходилось тратить значительную часть своего времени на то, чтобы только на одном километровой участке линии передачи изолировать («заштопать») более 40 разрывов, а в случае невозможности связистов исправить подобные разрывы на испорченном кабеле, приходилось его укорачивать, и заменять его аналогичным материалом, но так как на местах невозможно было его добыть, а доставка из западно-центральных воеводств Польши занимала огромное количество времени, то польские офицеры в таком случае прибегали к тому, что было названо Ю. Пилсудским «выработкой самостоятельных действий офицеров на благо всей польской нации». Офицеры связи изыскивали такие альтернативные источники, которые смогли бы решить их проблему, и, как правило, им это удавалось, например, связисты заменяли неисправный кабель на работающий, заимствуя его на железнодорожных станциях и у таможи, имевших в своем распоряжении подобные линии связи⁴⁶⁰.

Подразделения вооруженных сил Польши, дислоцированные в восточных воеводствах, широко прибегали не только к использованию технических новшеств, которыми являлись телефон, телеграф и радиовышки, но и к помощи специально обученных для этого животных – служебных собак и почтовых голубей⁴⁶¹. Использование последних для Генерального штаба польской армии было необходимым в восточном пограничье, так как оно было обусловлено не только его удаленностью от центра и «капризами»

⁴⁶⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 4, 13–14.

⁴⁶¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 30.

природы, но и ненадежностью самих технических устройств. К тому же, в условиях военных действий на Востоке средства связи могли легко пострадать в результате ударов вражеской артиллерии и авиации, что могло негативно сказаться на общей ситуации на поле боя.

Развернувшееся в течение всего межвоенного времени на территории «белорусских» воеводств строительство способствовало налаживанию экономических связей внутри Польши. Польская армия в восточных воеводствах, не ограничиваясь одним лишь им, стремилась с помощью системы военного интендантства на местах облегчить социально-экономическое положение не только военнослужащих, но и местного населения. С этой целью интенданты польской армии устанавливали связи с местными сельскими и промышленными хозяйствами для того, чтобы закупать у них необходимые для снабжения воинских частей продукты питания и товары. Эта практика имела благоприятные последствия не только для мелких и крупных хозяев, которые могли таким путем существенно увеличить спрос на свои товары и продукцию, но и способствовало развитию на местах отдельных отраслей хозяйств, что положительно сказывалось на военном бюджете, финансирование из которого в этом случае значительно сокращались, что приводило к экономии денежных средств; что касается военного бюджета, то затраты, например, на закупку продовольствия для военнослужащих, которые проходили службу в восточных воеводствах страны, были значительными, так как необходимо было выделять большую часть суммы не на его закупку, а на доставку из западно-центральных областей страны в ее восточную часть, а если учесть, что дорожная инфраструктура восточных воеводств находилась все еще в критическом состоянии, то сумма таких расходов ежегодно возрастала⁴⁶².

Если система интендантства способствовала активизации местных хозяйств, которые были призваны улучшить жизнь польских солдат, то

⁴⁶² Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 10.

военное кооперативное движение в восточных воеводствах страны прилагало усилия к изменению в лучшую сторону повседневной жизни гражданского населения. Такие кооперативы, организованные военнослужащими в восточных воеводствах Польши на основе соответствующего закона от 1920 г., имели важное пропагандистское и культурно-просветительское значение.

Видя обстановку, чистоту и богатый ассортимент товаров и услуг кооперативных магазинов, кинотеатров и столовых, представители местного населения, должны были воочию убедиться в «цивилизаторской миссии польской нации» в восточном пограничье. Более того, владельцы таких таверн, магазинов и мест досуга обязывались проводить для местного населения различные благотворительные акции, на которые выделялись немалые денежные средства, например, в первой половине 20-х гг. XX в. на подобные цели из Социального фонда КОП было отпущено около 35 тыс. злотых⁴⁶³. Но вместе с тем в северо-восточной части Польши кооперативное движение в межвоенный период развивалось и представителями белорусской национальности, правда, потенциал белорусского кооперативного движения эксплуатировался не столько для получения экономической выгоды, сколько в интересах тех политических партий и организаций, которые находились в оппозиции польскому правительству, например, в помещениях таких кооперативов в «белорусских» воеводствах могли устраиваться тайники с нелегальной литературой и листовками⁴⁶⁴.

Экономика Польши переживала во второй половине 30-х гг. XX в. стадию стагнации, так как основные показатели промышленного и сельскохозяйственного развития, не обнаруживая ежегодного роста, постоянно сокращались. Но чтобы лишить возможности оппозиционные силы эксплуатировать этот очевидный факт в собственных политических интересах, правительственная пропаганда публиковала на страницах печати и транслировала в специальных радиоэфирах положения, согласно которым

⁴⁶³ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 32.

⁴⁶⁴ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 27.

отсутствие успехов в экономическом развитии объяснялось особенностями географического расположения страны. Речь Посполитая, как ответственно заявлялось обычным гражданам, веками выполняла роль защитницы истинной европейской цивилизации, которую стремились поработить, как дикие азиатские племена Востока, так и немецкие колонисты Запада, что не могло способствовать складыванию благополучной жизни польской нации и тех народов, которые находились под ее опекой, и такая ситуация имела место не только в Средние века и в Новое время, но и в послевоенный период с момента возрождения независимости польской нации, когда в 20–30-е гг. XX в. Вторая Республика, оказавшись в самом центре Европы, являлась препятствием не только для осуществления большевистского плана «мировой революции», но и служила оплотом Западной Европы от экспансии германского гегемонизма. Данная мысль прозвучала в польском радиоэфире 13 мая 1939 г., во время которого транслировалась речь вице-преьера Е. Квятковского. Он, в частности, отмечал, что темпы экономические роста страны в обозримом будущем существенно ускоряться. В качестве доказательства вице-премьер Польши приводил следующий довод: благосостояние восточных воеводств с момента окончания Первой мировой и польско-советской войн увеличивалось с каждым днем, так как жители этих областей получили возможность после полосы «военного пожарища» обустроить свою жизнь не в деревянных избах, а в жилищах, построенных из кирпичей, что говорило о вхождении этих земель в орбиту европейской цивилизации⁴⁶⁵. Произнесенная Е. Квятковским речь имела непосредственное отношение к представителям польской нации, которые пользовались в большинстве случаев такими строениями на территории восточных воеводств, в то время как подавляющая масса белорусских крестьян продолжала влачить жалкое существование, испытывая серьезные денежные и жилищные трудности.

⁴⁶⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1939. S. 110.

Практическая реализация деятельности КОП проявлялась в тесном контакте с местными органами власти, а также с хозяйственными и образовательными организациями. Поэтому командование польской армии широко использовало военнослужащих для решения разного рода сложных задач в интересах местного белорусского населения. К ним относилось привлечение солдат к тушению пожаров, к ликвидации последствий наводнений и других стихийных бедствий, а также оказание квалифицированной медицинской помощи населению. Благодаря поддержке со стороны воинских подразделений удавалось решить немало социальных проблем: борьба с голодом велась путем доставки в населённые пункты продовольствия; происходила локализация очагов эпидемических заболеваний; масштабной была работа по возведению инфраструктурных и социально-значимых объектов – дорог, телеграфных столбов и телефонных линий, школ, католических костелов и других значимых государственных и сельскохозяйственных зданий⁴⁶⁶.

Доверие местного населения к польской армии должно было достичь в ближайшей перспективе такого уровня, чтобы жители «белорусских» воеводств видели в польском солдате не только верного защитника от внешней опасности, но и рассматривали представителей всех вооруженных сил, особенно польских офицеров и унтер-офицеров, в качестве тех лиц, которые в случае возникновения непростых житейских ситуаций могли бы оказать содействие в их разрешении, например, речь могла идти о простых соседских тяжбах⁴⁶⁷, т. е. офицерское звание должно было служить для белорусов синонимом уважения, почета, дружбы и признательности.

Стихийные бедствия и материальная несостоятельность сельской местности приводили не только к уничтожению урожая, но и к разрушениям жилищных построек, которые в массе своей были деревянными и с соломенной кровлей, что и приводило к возникновению колоссальных по

⁴⁶⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 3, 5, 6.

⁴⁶⁷ Ibid. S. 5.

своему масштабу пожаров, сопровождавшихся гибелью людей и наступлением необратимых для населения материальных последствий. В таких случаях военнослужащие польской армии стремились придти на помощь коренному населению восточных воеводств, пострадавшему от последствий пожаров и других стихийных бедствий, о чем свидетельствовала следующая статистика: в 1928–1929 гг. военнослужащими было устранено 149 чрезвычайных ситуаций, связанных с пожарами и иными природными бедствиями, что позволило предотвратить увеличение человеческих жертв⁴⁶⁸.

Стихийные бедствия, приводившие к дезорганизации работы государственных и социальных учреждений, а также к нарушению не только телефонной и телеграфной связи, но и всех коммуникаций, при помощи которых осуществлялись радиотрансляции, способствовали усилению роли польской армии, командование которой отдавало себе полный отчет в том, что разрушение вследствие пожаров и других стихийных бедствий критически важных инфраструктурных объектов и линий связи могло привести к подрыву обороноспособности страны на восточном направлении, которое, по мнению польских военных, оставалось, как и прежде, крайне уязвимым.

Но денежные расходы по устранению последствий стихийных бедствий и проведению восстановительных работ, финансируемые из государственного бюджета, достигали довольно значительных сумм. Так, весной 1936 г., разгул природной стихии на территории Виленского и Полесского воеводств причинил материальный ущерб на сумму свыше 50 тыс. злотых, а также из фонда Министерства социального обеспечения Польши была выделена сумма в размере около 65 тыс. злотых, предназначавшаяся для оказания неотложной помощи пострадавшим детям, которые являлись самым уязвимым социальным элементом во время стихийных катаклизмов⁴⁶⁹. Тогда же весной 1936 г. военнослужащие польской

⁴⁶⁸ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 15.

⁴⁶⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 37.

армии приняли активное участие в оказании помощи населению Виленского воеводства, где в районе Дзисненского повята река Двина вышла из своих берегов, что привело к возникновению критической ситуации, угрожавшей жизни сотен людей, но спасательная операция, проводившиеся при непосредственном участии польских военнослужащих, завершилась полным успехом⁴⁷⁰.

Природные катаклизмы причиняли не только материальный ущерб пострадавшим, но и уносили жизни десятков и сотен людей, особенно это касалось голода, являвшегося нередко непосредственным следствием разбушевавшейся природной стихии. Так, вследствие продолжительной и морозной зимы 1928–1929 гг., и запоздалого схода снежного покрова (снег сошел только в апреле 1929 г.) летом – осенью того же года на территории «белорусских» воеводств произошли вспышки голода. Для борьбы с ним командование польской армии организовало доставку продуктов питания в пострадавшие населенные пункты, производя при этом их выдачу голодающим. Например, в расположенные на территории Виленского края сельские населенные пункты, жители которых пострадали из-за неурожая, массово прибывали воинские подразделения КОП, которые, развернув сеть полевых кухонь, обеспечивали горячим питанием в первую очередь детей, женщин, стариков и инвалидов. Оставшимися после этого продуктами питания могли воспользоваться и остальные категории жителей, и по приблизительным подсчетам, таким образом, было накормлено тогда около 583 семейств⁴⁷¹. А зима 1935–1936 гг. выдалась для северо-востока Польши еще более морозной, в результате чего оказалось невозможным провести своевременный сев сельскохозяйственных культур, что привело к неурожаю и возникновению вспышек голода среди местного населения. В связи с возникновением данной чрезвычайной ситуации воинские подразделения польской армии отправлялись с грузами продовольственной помощи в самые

⁴⁷⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 32.

⁴⁷¹ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 43.

отдаленные районы Виленского края, но последствия суровой зимы 1935–1936 гг. коснулись и соседних воеводств с белорусским населением, где для оказания помощи голодающим в белорусском городке Синкевичи Полесского воеводства, служившем местом дислокации КОП, был образован крупный логистический центр. Командный состав КОП принял решение провести благотворительную акцию денежного самопожертвования для закупки продуктов питания, как для жителей Синкевичей, так и для окрестных деревень, в первую очередь, для спасения детей от голодной смерти, были привлечены средства Социального фонда помощи КОП и его хозяйственные сбережения.

С целью координации действий по борьбе с голодом был создан специальный Центр, председателем которого являлся командир батальона Корпуса, а его заместителями были не только военные и представители органов власти города Синкевичи, которыми являлись – инструктор по просвещению и пропаганде КОП и директор местной школы, но также чиновники ближайших малых городов и представители деловых кругов, например, войт гмины Лахва и директор коммерческой компании «Agahell» в Микашевичах; последний занимался лесной промышленностью.

Благодаря такому широкому представительству данному Центру удалось собрать сумму размером 3 600 злотых, которую планировалось распределить между жителями 21 населенного пункта. Она была собрана благодаря тому, что представители комитета смогли мобилизовать не только весь муниципальный аппарат Полесского воеводства, но и привлечь внимание ряда общественных организаций в пределах всей страны, которыми являлись не только польский «Красный Крест», но и «Женский гражданский трудовой Союз» (ZPOK), а также общество «Военной семьи». Все рядовые граждане Второй Республики, которые были равнодушны к сложной ситуации, сложившейся в восточных областях, принимали активное участие в пожертвовании своих личных денежных сбережений, которые направлялись на борьбу с голодом. Следует отметить, что координация

усилий военных и гражданских учреждений принесла вскоре успех, так как в течение весны и лета 1936 г. удалось спасти от голодной смерти около 850 детей. На практике сбор гуманитарной помощи происходил следующим образом: на собранные деньги представители комитета Синкевичей закупали как продукты питания, так и все необходимое для выпечки хлеба, которой ведали как представители чиновничьего городского аппарата, так и военнослужащие батальона Корпуса, и выпеченный хлеб вместе со всеми остальными продуктами и необходимыми вещами доставлялся польскими военнослужащими в ближайшие города и поселки, где по прибытии груза с гуманитарной помощью, она раздавалась солдатами всем нуждающимся⁴⁷².

Но голод продолжал удерживать в своих крепких объятиях восточное пограничье и в дальнейшем, так, только в 1936–1937 гг. было накормлено при помощи польских военнослужащих около 9 тыс. крестьянских детей, семьи которых не имели продуктов питания в своих хозяйствах и не располагали лишними финансовыми средствами для приобретения продовольствия в кооперативных магазинах. В тот же период было выделено приблизительно 90 тыс. злотых на закупку для неимущих семейств в восточных воеводствах теплой одежды и обуви, письменных принадлежностей и школьных учебников; данные денежные суммы формировались за счет государственных Комитетов помощи местному населению, а также за счет личных пожертвований польских чиновников, офицеров и унтер-офицеров⁴⁷³.

Мы видим, что во время возникновения всплесков голода, являвшегося частым явлением на территории «белорусских» воеводств, воинские подразделения польской армии, несшие свою службу рядом с селами и деревнями, население которых голодало, массово привлекались для оказания помощи голодающим, но так как ресурсы воинских частей были безграничны, то военнослужащие занимались приготовлением горячих обедов, в первую очередь для детей, подростков, стариков и инвалидов, и

⁴⁷² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 31.

⁴⁷³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1937. S. 13.

раздача горячего питания и хлеба сопровождалась обязательно созданием атмосферы заботы варшавского правительства о своих гражданах, проживавших в восточных воеводствах. Она находила свое выражение в том, что пункты раздачи питания были снабжены атрибутами государственной символики, которыми являлись флаг и герб Второй Республики, а также в них устанавливались и крепились фотографии первых государственных лиц страны (это касалось в первую очередь портретов Ю. Пилсудского и действовавшего на тот момент президента). Присутствие польской государственной символики было призвано продемонстрировать всем нуждающимся, что Великая Польша кормит их безвозмездно, не бросая в трудные моменты их жизни на произвол судьбы⁴⁷⁴.

Вместе с тем следует подчеркнуть, доставка продовольствия представителями польской армии в северо-восточной части Второй Речи Посполитой могла осуществляться не только в связи с возникновением чрезвычайных ситуаций, но и использоваться в пропагандистских целях, когда в правительственной печати необходимо было показать, что польское правительство относиться внимательным образом к нуждам своих сограждан не только во время кризисов и потрясений, но и в «штатное» время. Страницы проправительственных периодических изданий захлестывали бурные эмоции, когда, речь, шла, в частности, о детях и подростках, которые нуждались в полноценном питании. В ноябре 1936 г. Виленскому воеводе было доложено, что в школу города Трока поступили продукты питания, которые предназначались для ее учащихся. При этом особо подчеркивалось, что данная акция стала возможной благодаря военным служащим КОП, которые, по прибытии груза с гуманитарной помощью в город, торжественно вручили продукты питания администрации школы и ее ученикам, которых насчитывалось около двухсот⁴⁷⁵. Данная акция, получившая широкое освещение в печати, должна была подтвердить лишний раз заботу

⁴⁷⁴ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 54.

⁴⁷⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 32.

командования польской армии и представителей центральной власти о своих гражданах, где бы они ни находились и какой бы национальности они не являлись, даже если речь шла о таком небольшом литовском городке, как Трок.

Суровость природно-климатических условий восточных воеводств приводила не только к возникновению различных стихийных бедствий, но и к регулярным вспышкам вирусных и простудных заболеваний среди местного населения⁴⁷⁶. Ситуация ежегодно ухудшалась в связи с низким уровнем санитарно-гигиенических условий повседневной жизни многомиллионной крестьянской массы. Военнослужащие польской армии, столкнувшиеся с этими неблагоприятными факторами, были также как и местное население подвержены заражению вирусными и инфекционными болезнями. Так, наиболее распространенной инфекцией являлся туберкулез, который уносил в первую очередь жизни тех крестьян и солдат, у которых существовал риск возникновения легочных заболеваний. Если военнослужащие северо-востока Польши не имели возможности поправить и укрепить свое здоровье в приемлемых для выздоровления климатических условиях юга страны, особенно это касалось Малопольши, то военно-медицинский персонал, стоявший на страже здоровья в польской армии, рекомендовал переводить нуждающихся в медицинской реабилитации солдат в районы с благоприятными для них условиями несения службы, но указанные предписания военврачей, украшавшие страницы медицинских журналов и проправительственных газет, не выполнялись на практике и рядовые военнослужащие с ослабленным состоянием здоровья так и оставались находиться по месту своей службы⁴⁷⁷.

Вторым серьезным заболеванием на территории «белорусских» воеводств являлась малярия, распространению которой способствовала болотистая местность. Заболеваемость малярией значительно возрастала при

⁴⁷⁶ Тищенко Е.М. Амбулаторная помощь в Западной Белоруссии в межвоенный период (1921–1939) // Журнал. ГГМУ. 2003. № 2. С. 90.

⁴⁷⁷ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 27.

наступлении теплого времени года, сопровождавшегося выпадением огромного количества осадков, что было типичным для климатических условий северо-востока Польши, поэтому вспышки данного заболевания приходились главным образом на весенне-летний период (с апреля по июль), когда происходило активное размножение комаров, являвшихся главными переносчиками малярии. Так, за 1925–1927 гг. на северо-востоке Второй Республики было зафиксировано 115 очагов малярийной лихорадки: в 1925 г. – 38 (7 – в апреле, 7 – в мае, 5 – в июне, 8 – в июле, 3 – в августе, 4 – в сентябре, 3 – в октябре, 1 – в ноябре), в 1926 г. – 39 (7 – в апреле, 10 – в мае, 9 – в июне, 7 – в июле, 3 – в августе, 2 – в сентябре, 1 – в октябре), а в 1927 г. – 38 (1 – в феврале, 2 – в марте, 2 – в апреле, 12 – в мае, 7 – в июне, 5 – в июле, 9 – в августе). Для борьбы с малярией польские военнослужащие проводили при участии местного крестьянского населения работы по осушению болот. Однако вскоре пришло осознание того, что их завершение в течение ближайших десяти лет не представлялось возможным, поскольку польские солдаты и наемные рабочие, не располагая применяемой для мелиорации техникой, использовали лишь примитивные подручные средства и собственную физическую силу, поэтому мелиорация с помощью «народных методов» изначально не могла привести к значимым результатам, в связи с чем военным командованием было принято решение победить малярию не путем устранения ее первопричины, а путем ограждения польских граждан от укусов кровососущих насекомых, т. е. планировалось применять специальные защитные средства – маски, которые должны были защищать проживавших рядом с малярийными районами крестьян и польских военнослужащих от укусов кровососущих насекомых. И если военнослужащим польской армии такие средства индивидуальной защиты выдавались на регулярной основе, то гражданское население непольской национальности было ими обделено, и к тому же данные маски предназначались для защиты от укусов малярийных комаров лишь лица и шеи, оставляя без нее остальные открытые части тела. Но если

военнослужащие были одеты в униформу, которая защищала целиком части их тела, то коренное население зачастую не имело возможности приобрести себе лишнюю одежду, так как покупательная способность жителей Восточных воеводств находилась на критически низком уровне на всем протяжении межвоенного периода⁴⁷⁸.

Третьей категорией острых инфекционных заболеваний в восточных воеводствах являлись сыпной и брюшной тиф, дизентерия и скарлатина. Причины данных инфекционных заболеваний, в распространении которых природно-климатические условия не имели главной роли, коренились в недопустимой с точки зрения санитарных норм скученности самого населения и в плохом качестве питьевой воды, что имело прямое отношение не только к сельскому и городскому населению, но и к военнослужащим польской армии, которые могли подхватить эти инфекции в помещениях армейских казарм, бань, уборных, «солдатских домов культуры», а также во время их регулярных контактов с местным населением, особенно во время различных мероприятий, которые проводились в «домах культуры».

Военврачам польской армии приходилось проводить сначала регулярную дезинсекцию обмундирования военнослужащих и дезинфекцию военных помещений, обучая солдат и гражданских лиц соблюдению правил личной гигиены, а также тому, как правильно кипятить воду, так как источником ее, как в воинских частях, так и в поселках являлись колодцы, вода в которых была в своем природном состоянии непригодной для употребления. Но данные методы борьбы с инфекциями были способны принести ощутимые результаты лишь применительно к самим вооруженным силам Польши, поскольку солдаты, имея в своем распоряжении утюги, могли добиться с помощью глажки белья и предметов обмундирования полного уничтожения вшей, являвшихся переносчиком сыпного тифа и других заболеваний. А гражданское население, которое проживало в деревне, не могло воспользоваться в своем быту многими средствами дезинфекции, для

⁴⁷⁸ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 28.

приобретения которых требовались дополнительные финансовые средства. Но если с тифом, дизентерией и скарлатиной врачам удавалось во многих случаях вести успешную борьбу, как в армии, так и в гражданской среде, то с лечением других острых инфекционных заболеваний, которые передавались воздушно-капельным путем, обстояло труднее всего. Речь идет о таких приводивших к эпидемической заболеваемости недугах, как грипп и корь. Главная трудность в их лечении была связана с необходимостью выявления всей совокупности заболевших, чтобы быстро установить так называемого «первичного больного», от которого инфекционная болезнь перешла к его товарищам посредством общения с ними. Эффективная борьба с указанными заболеваниями осложнялась тем, что в процессе их распространения не представлялось возможным изолировать сразу огромную массу заболевших в целях своевременного принятия карантинных мер, поэтому гриппом и корью массово заболевали не только целые воинские батальоны, но и жители сельских населенных пунктов⁴⁷⁹.

Анализ практиковавшихся в восточных окраинах методов борьбы с различными инфекциями, как в польской армии, так и среди гражданского населения, показывает, что главная стабилизирующая роль в системе здравоохранения восточных воеводств отводилась именно военврачам: при каждом батальоне и эскадроне действовал обязательно один профессиональный врач-офицер, помощниками которого являлись 3 медика в звании унтер-офицера. Последние выполняли главным образом команды военврача, например, накладывали стерильные повязки на раны и следили за поддержанием должного состояния больных, особенно это было необходимо во время пищевых отравлений. Помощникам военврача поручались также еженедельные стирка верхней одежды пациентов и организация их помывки в бане. Военные лазареты были оснащены не только достаточным количеством больничных коек, но и необходимыми для совершения медицинских манипуляций инструментами и санитарно-техническими

⁴⁷⁹ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 28–29.

средствами. Гуманитарная миссия военно-врачебного персонала приобретала особую ценность во время вспышек эпидемических заболеваний среди местного населения, к которому не мог своевременно прибыть врач из городского центра, так как плохое состояние дорожной сети не позволяло в короткий срок медперсоналу выехать на место очага заболевания. Военно-медицинский персонал польской армии занимался также оказанием помощи гражданским лицам, которые заразились венерическими заболеваниями⁴⁸⁰.

Заслуживает упоминания тот факт, что приезд военврача в гражданские населенные пункты во время полевых учений польской армии становился для сельского населения событием особой важности. Из-за того, что в большинстве деревень восточных воеводств не имелось даже пунктов фельдшерской помощи заболевшие или получившие травму крестьяне вынуждены были справляться со своими заболеваниями и ранами либо, занимаясь самолечением, либо обращаясь за помощью к так называемым народным целителям и знахарям, что не могло гарантировать полный успех выздоровления больного. Поэтому весть о прибытии профессионального военного лекаря, разносившаяся по всей округе, приводила к тому, что нуждавшиеся во врачебной помощи больные массово выходили из своих жилищ и направлялись в сторону расположения польских подразделений. Военврачи, столкнувшись с таким столпотворением, принимали, тем не менее, всех обратившихся за медицинской помощью в порядке живой очереди, поскольку ее оказание способствовало существенно улучшению отношения крестьянского населения к Польскому государству. Политработники польской армией фиксировали с нескрываемым удовлетворением в таких случаях, что «даже вечно строгий и не улыбочивый крестьянский мужик-полещук был вечно благодарен всем полякам лишь за то, что они смогли излечить его больную ногу, которая после получения бытовой травмы не была должным образом обработана, поскольку в

⁴⁸⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 16.

подобных ситуациях крестьяне перевязывали свои раны лишь с помощью нестерильных тканей, что и являлось причиной появления в ране заражения, которое, в конечном счете, могло привести к гангрене»⁴⁸¹.

Также прибытие польского военврача в сельскую местность восточных воеводств могло способствовать облегчению состояния беременных и рожениц, так как в межвоенной Польше серьезно стоял вопрос о качестве оказывавшейся акушерской помощи. Высокими показателями младенческой и детской смертности отличалось белорусское Полесье, находившееся на протяжении всего межвоенного периода в сложном социально-экономическом состоянии. Оно объяснялось, как недостаточной степенью оказывавшейся варшавским правительством финансовой поддержки, так и неудовлетворительной работой местных органов власти, которые не желали заниматься разработкой и принятием мер, направленных на коренное улучшение положения местного населения. Поэтому совсем не удивительно, что сельская местность Полесья отличалась не только высокими показателями бедности среди крестьянского населения, но и являлась очагом распространения различных эпидемических заболеваний, возникавших из-за несоблюдения гигиены тела и полости рта⁴⁸², что и приводило к высокой смертности не только среди взрослого населения, но и среди детей и подростков. Чаще всего летальные исходы происходили именно во время родов, в процессе которых умирали и сам ребенок, и его мать, поскольку принятие родов в большинстве своем происходило не в присутствии профессиональных акушеров и медсестер, а при помощи рук народных лекарей, целителей и повивальных бабок, непрофессиональные действия которых могли приводить если не к смерти, то к получению травмы женским организмом, так как использовавшиеся ими мыльные растворы, нестерильные металлические инструменты и одежда наносили серьезный вред здоровью матери и младенца. Поэтому военврач справедливо слыл в

⁴⁸¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1938. S. 61.

⁴⁸² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 28.

глазах местного населения спасителем, умелые действия которого позволяли сохранить жизнь новорожденному и его матери во время родов. Но, несмотря на, казалось бы, активно проводившуюся военными в этом направлении работу все же не удавалось добиться существенного снижения младенческой и детской смертности в первую очередь из-за общей нехватки квалифицированных медицинских кадров в восточном пограничье. Важно также учитывать то обстоятельство, что среди военврачей польской армии имелось немало сторонников евгеники, подходы которой предусматривали отказ от предоставления медицинской помощи, в частности акушерской, неимущим женщинам в целях «улучшения человеческой породы»⁴⁸³. Другая причина заключалась в недостаточной степени платежеспособности крестьян⁴⁸⁴, которые не только не могли оплатить медицинские услуги для себя и своей семьи, но и использовать отсутствовавшие у них лишние денежные средства в качестве «подарков» военврачам польской армии для привлечения их внимания к необходимости устранения возникших со здоровьем проблем.

Но так как существовала настоятельная необходимость решения медицинских проблем, то в населенных пунктах «белорусских» воеводств польскими военными организовывались санитарно-просветительские беседы и лекции для гражданского населения. В качестве лекторов выступали унтер-офицеры польской армии, которые разъясняли собравшимся содержание санитарно-гигиенических правил, согласно которым крестьянам следовало регулярно избавляться от скопившихся в их избах различного бытового мусора и природной грязи путем тщательной их уборки и помывки, а стены жилых помещений необходимо было белить минимум раз в год. Такие санитарно-просветительские курсы включали в себя также раздел, посвященный правилам санитарии, во время изучения которого крестьянам разъяснялось, как определиться с выбором места для

⁴⁸³ Замойский А. С. Евгеника в межвоенной Польше и ее северо-восточных воеводствах // Российско-польский исторический альманах. Выпуск VI. Ставрополь; Волгоград: Изд – во СГУ, 2012. С. 42.

⁴⁸⁴ Большая часть населения белорусских воеводств относилась в межвоенный период к категории малоимущих. См.: Рижский мир в судьбе белорусского народа... С. 258.

устройства выгребной ямы и с конструкцией уличного туалета, так как его предписывалось устанавливать в строго определенном месте, чтобы его содержимое не попадало в ближайший питьевой источник воды, и не вызывало различного рода отравления, заболевания и эпидемии⁴⁸⁵.

Подобный инструктаж в области санитарно-гигиенических правил, не ограничиваясь только общими фразами лекторов, убеждавших крестьян в необходимости ежедневного поддержания чистоты своего тела и полости рта, включал в себя практические советы по изготовлению следующих предметов индивидуального пользования: обустройство на своем личном участке в теплое время года примитивных душевых конструкций, вода в которых нагревалась за счет солнечных лучей; из обычных деревянных палочек предлагалось соорудить зубную щетку, которую можно было использовать только с чистой водой и при отсутствии зубной пасты; для борьбы с насекомыми, которые постоянно проникали в крестьянские жилища и досаждали жильцам своим попаданием в пищу, предлагалось обтягивать сеткой оконные рамы, которая служила бы препятствием для проникновения «незваных гостей»; такие сетки следовало устанавливать также в сараях, где содержались сельскохозяйственные животные, чтобы они также не страдали от укусов насекомых, вызывавших, как болезни, так и дискомфорт; для уничтожения мелких грызунов (крыс и мышей), являвшихся постоянными «сожителями» домочадцев, возможно было, при помощи подручных материалов, со слов унтер-офицеров, изготовить примитивные ловушки; также крестьянам рекомендовалось иметь при себе аптечку со всем необходимым, так как это могло сохранить им жизнь до прибытия фельдшера⁴⁸⁶. Но не все такого рода рекомендации унтер-офицеров строго выполнялись сельским населением на практике, поскольку для изготовления перечисленных выше предметов и конструкций, призванных заботиться о поддержании жилищ и приусадебных строений в надлежащем санитарно-

⁴⁸⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 19.

⁴⁸⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 20, 22.

гигиеническом состоянии, необходимы были не только значительные временные, но и финансовые затраты, а с последними у обычного крестьянина и без того дело обстояло плохо.

Особое внимание во время санитарно-просветительских бесед и занятий уделялось проблемам сельской гигиены, что, в свою очередь, было продиктовано не только соображениями гуманности, но и необходимостью решения важных государственных задач, заключавшихся в том, чтобы крестьяне смогли тем самым увеличить производительность своего труда, что должно было привести к увеличению показателей экономического развития всей страны. Например, если крестьяне будут соблюдать чистоту в загонах для скота, то сельскохозяйственные животные будут давать качественное мясо и увеличатся надои молока, а приращение производства мясомолочной продукции позволит удовлетворить не только личные потребности самих хозяев, но и направить ее излишки на внутренний рынок Польши⁴⁸⁷.

Низкое качество оказания медицинской помощи в «белорусских» воеводствах ставило остро также задачи по налаживанию работы таких хозяйств, в которых выращивались бы лекарственные растения, которые способны были устранить симптомы простудных заболеваний среди крестьянского населения. Во время проведения сельскохозяйственных выездных акций, которые устраивались для польских осадников, а также для крупных землевладельцев экскурсоводами из числа унтер-офицеров или офицеров польской армии демонстрировались образцовые фермерские хозяйства, разбитые на территории воинских частей⁴⁸⁸. В них выращивались, например, цветковые растения из семейства ромашковых, правильная переработка которых была способна устранить симптомы воспаления дыхательных путей и стабилизировать температуру человеческого тела.

⁴⁸⁷ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1939. S. 10.

⁴⁸⁸ В центральных городах «белорусских» воеводств межвоенной Польши действовали фармацевтические компании, которые обладали технологиями по выращиванию лекарственных и технических растений с последующей их переработкой. Полученные такими путем лекарственные настойки поступали в продажу. Подобный кооператив под названием «Bazar Przemysłu Ludowego», получавший ежегодную прибыль, располагался в Новогрудке. См.: Сосонкина В.Ф. Состояние и развитие фармацевтического дела в Западной Белоруссии в межвоенный период (1919–1939 гг.) // Вестник фармации. 2012. № 3 (57). С. 89–97.

Польские хозяева, которые обладали технологией кустарного приготовления лекарственных препаратов, могли улучшить также свое материальное положение из-за высокого спроса на такие недорогие лекарства, которые были доступны многомиллионной крестьянской массе, так как их платежеспособность в 20–30-е гг. XX в. оставляла желать лучшего⁴⁸⁹.

Улучшения качества медицины на селе рассчитывали также добиться при помощи кооперативных организаций, но если кооперативное движение в области здравоохранения имело преимущественный успех на территории западно-центральных воеводств Второй Республики, где открывались целые поликлиники, в которых пациенты за денежную плату могли воспользоваться услугами квалифицированных врачей разного профиля (люди с достатком имели возможность обратиться и к гинекологу, и к терапевту, и к стоматологу, и к хирургу, и к травматологу, и к акушеру)⁴⁹⁰, то процесс открытия оздоровительных кооперативов в сельской местности восточных воеводств был в конечном итоге неудачным, так как для реализации правительственного лозунга, согласно которому «Деревня должна взять свое здоровье в свои руки», требовались постоянные денежные вливания со стороны частных лиц, которые не были готовы терпеть убытки по причине достаточно низкой покупательной способности белорусских крестьян. И так как достаточными для этого денежными средствами обладали представители средних и крупных земельных хозяйств, то для них и организовывались различные санитарно-просветительские лекции и выездные мероприятия, а также устраивались так называемые «конкурсы чистоты», результаты которых были призваны разрекламировать также на всю страну методику заботы польской власти о своих гражданах, которые проживали на далеких окраинах северо-востока Второй Речи Посполитой. Например, весной 1935 г. в белорусской деревне Чудзине, находившейся в гмине Чучевичи Полесского воеводства, состоялся подобный санитарно-просветительский конкурс под названием «Чистая

⁴⁸⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 29.

⁴⁹⁰ Wyszomirski K. «Jakim celom służy spółdzielnia zdrowia». 1937. S. 33.

вода», участниками которого являлись средние землевладельцы из 23 местных дворов. Он был спланирован и проведен по инициативе командного состава КОП, унтер-офицеры которого совместно с польскими чиновниками устраивали еженедельные встречи с крестьянами, во время которых местные жители узнавали о правилах гигиены в своих личных хозяйствах, соблюдение которых позволяло держать в чистоте свой дом, приусадебный участок и свое тело, так как содержание в чистоте своего жилого помещения, а также соблюдение норм личной гигиены, являлись важным фактором предотвращения различных эпидемических заболеваний, возникновение которых происходило из-за грязной воды, которая ежедневно использовалась не только для приготовления пищи и для поения домашнего скота, или, чтобы утолить жажду, но и в процессе стирки одежды, а также в процессе уборки. Интересно отметить, что данный конкурс завершился присуждением денежных призов тем крестьянским семьям, которые, после прослушивания соответствующих теоретических занятий, сумели навести в своем доме надлежащую чистоту, качество которой определялось с помощью специально разработанных комиссией критериев, члены которой были в основном унтер-офицерами. Вручение денежных призов происходило в торжественной обстановке на открытом воздухе под аккомпанемент военного оркестра, наград удостоились восемь крестьянских семей⁴⁹¹. Правда, существовали и такие конкурсные мероприятия, которые были рассчитаны на малоземельных крестьян, имевших в своей собственности небольшой домик, полы в котором зачастую могли быть земляными, так, на «кресах» в 30-е гг. XX в. регулярно проходил популярный конкурс под названием – «Чистая изба». Он хотя и был нацелен на привитие крестьянкам навыков регулярного поддержания чистоты в своем доме и в подсобном хозяйстве, но имели место случаи, что после подведения итогов, т. е. после того как судейское жюри определило победителей и выплатило им небольшую денежную сумму в качестве вознаграждения, чистота в заново проверявшемся унтер-офицерами спустя

⁴⁹¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 29–30.

две недели жилым помещением исчезала и на ее место приходили новая пыль и грязь⁴⁹². Поэтому одни лишь призовые денежные выплаты, являвшиеся небольшими по своему размеру, не способны были побудить крестьян восточного пограничья к регулярному соблюдению чистоты. Поскольку подобные конкурсы проводились не так часто в пределах одной местности, в военных и чиновничьих кругах существовало прочное осознание того, что необходимо сделать акцент не на денежное стимулирование, а направить все силы на ведение разъяснительной работы среди местного населения.

Санитарно-гигиеническое просвещение на территории восточных воеводств осуществлялось совместными усилиями военнослужащих польской армии и тех польских студентов, которые получая медицинские знания в высших учебных заведениях Варшавы и Познани, приезжали во время своей практики в те сельские населенные пункты восточного пограничья, где ситуация в области здравоохранения находилась в критическом состоянии⁴⁹³; так, подобная совместная работа молодых специалистов и военных подразделений прошла весной-летом 1938 г. на территории северо-востока страны, где был создан единый «Комитет рационального и гигиенического сельского хозяйства», который проводил свою работу на территории четырех деревень Виленского воеводства – Оряны, Скардзи, Гжибянце и Пундения, показатели социально-экономического развития которых, а также общий уровень жизни самого крестьянского населения, находились в состоянии постоянного спада, и для улучшения ситуации на протяжении семи месяцев представители студенчества и военнослужащие проводили санитарно-просветительские беседы о необходимости активного включения в борьбу за получение обильного урожая, чтобы не только обезопасить свою семью от голодной смерти, но и направить определенную часть продуктов на рынок с целью

⁴⁹² *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 9... 1936. S. 18.

⁴⁹³ Положение санитарии в городских центрах северо-востока Второй Республики фактически ничем не отличалось от сельской местности. См.: Даркович А.Л. Поддержание санитарии и благоустройство в городах на западнобелорусских землях (1919–1939 гг.) // *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2017. № 1. С. 72–89.

получения финансовой прибыли, которую следовало тратить не на покупку горячительных напитков, а на приобретение семян новых сортов сельскохозяйственных культур. Также лекторы из числа студентов, унтер-офицеров и офицеров объясняли крестьянам необходимость заниматься в выходные дни такой работой, которая позволит создать своими руками благоприятные домашние условия, способствовавшие защите здоровья домочадцев от инфекционных заболеваний, вызванных антисанитарными условиями. Помимо разъяснительных бесед студенты и представители рядового состава своей слаженной работой подавали наглядный пример по наведению чистоты и порядка в отдельных крестьянских хозяйствах, например, представители молодой интеллигенции и защитники Виленского края сооружали в определенных местах деревянные уборные, показывали методы строительства компактных сарайных помещений, в которых можно было содержать небольшое количество голов домашнего скота и птицу. Получили широкую известность также случаи, когда членам «Комитета рационального и гигиенического сельского хозяйства» приходилось самим удалять мусор и грязь из крестьянских изб⁴⁹⁴. Интересно заметить, что руководители этого Комитета сделали по окончании своей работы любопытный вывод, согласно которому оставлявший желать лучшего культурно-хозяйственный уровень населения «белорусских» воеводств был обусловлен не только неблагоприятными условиями жизни самого населения, но многолетним пребыванием этих территорий в составе России, правители которой вместо того, чтобы принести ему цивилизацию, занимались лишь его национальным порабощением (русификацией) и экономической эксплуатацией.

В итоге можно отметить, что значительной степенью доверия пользовались у крестьянского населения «белорусских» воеводств врачебные кадры, которые обязаны были не только действовать в строго очерченных для них рамках в отношении лиц, которые носили военную форму, но и оказывать

⁴⁹⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1939. S. 53.

посильную помощь местному населению⁴⁹⁵. Но на практике если и оказывалась подобная помощь, то она не была лишена денежной или натуральной подоплеки в форме взятки, правда, стоит отметить, что в Польше того времени предоставление любой помощи подразумевало под собой некую благодарность, будь то крещение новорожденных католическими священнослужителями, или при улаживании бюрократических проволочек, связанных с получением в наследство недвижимого имущества. Санитарно-просветительские лекции и конкурсы способны были дать в большинстве случаев только кратковременный эффект, так как гражданское население продолжало со значительной опаской относиться к подобному рода инициативам, исходившим от польского правительства, стремившегося достичь таким путем своих целей в рамках политики полонизации.

Не умаляя роли военно-стратегических соображений, которыми руководствовались командование польской армии, все же необходимо констатировать, что строительство каменных зданий и дорог, электрификация, прокладка линий телефонной и телеграфной связи, открытие школ и домов культуры вели к улучшению условий повседневной жизни белорусского населения. Практика централизованных закупок для армии на местах, осуществлявшаяся военными интендантами, а также найм для транспортировки военных грузов кучеров из числа местного населения, позволяли, не нося вместе с тем массового характера, несколько поправить его тяжелое материальное положение, что широко использовалось в польской официальной пропаганде.

Благодаря содействию польских пограничников своевременно происходило устранение последствий чрезвычайных ситуаций, вызванных наводнениями, снежными заносами и пожарами. Военнослужащие приходили также на помощь голодавшим из-за вызванного суровыми климатическими условиями и истощением почв неурожаем и стихийных

⁴⁹⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 6.

бедствий жителям, доставляя в пострадавшие населенные пункты продукты питания. Правда, гуманитарная деятельность военнослужащих могла целенаправленно использоваться в пропаганде для демонстрации национальному меньшинству отеческой заботы о нем со стороны правящего режима. В сфере здравоохранения благодаря содействию военных медиков удавалось также решать проблемы, связанные с распространением эпидемических заболеваний и оказанием дородовой и акушерской помощи населению. Правда, отмеченный позитивный факт не означает, что среди военврачей не было сторонников евгеники, которые могли отказывать неимущим слоям населения в предоставлении медицинской помощи. К тому же препятствием для обращения за ней могла служить распространенная в Польше тех лет практика материальной «благодарности» за любую оказанную услугу, стоимость которой была не по карману белорусскому крестьянину.

3.2. Культ Ю. Пилсудского и официальная польская праздничная культура на белорусских землях через призму «конфликта памяти».

Одной из ключевых политических, военных и государственных фигур межвоенной Польши являлся, несомненно, Ю. Пилсудский, деятельность которого приобрела мученический ореол нестигаемого борца за свободу и независимость польской нации уже при его жизни. На всем протяжении независимого существования Второй Речи Посполитой в пропаганде рассказывалось с упоением о его гениальных военных способностях и предпосланной ему свыше миссии по спасению польской нации. Такое отношение к Ю. Пилсудскому проявлялось на высшем государственном уровне даже тогда, когда он в первой половине 20-х гг. XX в. формально отошел от активной политической деятельности, а с возвращением к власти в 1926 г. и установлением режима санации культ его личности стал с большой помпой насаждаться повсеместно во всей стране. Но вершиной его культа стала дата 12 мая 1935 г., когда Ю. Пилсудский

скончался от продолжительного онкологического заболевания, и именно момент, связанный с уходом его из жизни, стал активно использоваться его политическими и военными «наследниками» в качестве главного средства утверждения в национальных окраинах курса на полонизацию, поскольку создание посмертного культа вокруг этой исторической фигуры рассматривалось в качестве надежного средства сплочения разрозненного по этнокультурным и духовным параметрам Польского государства.

В этой связи май 1936 г. стал для военно-политического руководства Второй Республики важным рубежом для продления существования, ассоциировавшегося ранее исключительно с Ю. Пилсудским, режима санации. Это было тесно связано с необходимостью подготовки к годовщине со дня смерти его смерти в масштабе всей страны. Особое значение, которое придавалось Варшавой проведению траурных мероприятий на территории восточных воеводств объяснялось не только общеизвестным фактом о происхождении Ю. Пилсудского из Виленского края, но также тем, что в Вильно было похоронено сердце его матери. По утверждению официальной пропаганды, поляки были обязаны включением в 1921 г. Западной Белоруссии и Западной Украины в состав возрожденного государства военно-стратегическому гению Ю. Пилсудского. Это не подвергавшееся в межвоенной Польше никакому сомнению положение следовало прочно утвердить в сознании многомиллионной крестьянской белорусской и украинской массы, которая, испытывая чувство патриотической гордости, должна была обладать полной уверенностью в том, что освобождение от многовекового гнета России она получила из рук Маршала, благодаря гениальной тактике которого Красная армия потерпела сокрушительное поражение в Варшавской битве 1920 г.⁴⁹⁶.

⁴⁹⁶ Польский публицист С. Строньский, являвшийся свидетелем Варшавской битвы 1920 г., окрестил победу армии Ю. Пилсудского следующим заголовком – «Чудо над Вислой», смысл которого заключался в том, что Ю. Пилсудский сумел получить в руки необходимые директивы Красной Армии путем раскрытия секретного шифра, которым пользовался штаб Западного фронта, что и смогло обеспечить успех наступательно-оборонительной тактики поляков. См.: Польша в XX веке... С. 132.

Насаждаемый сверху патриотизм был призван создать платформу для консолидации всех лиц непольской идентичности, проживавших на Востоке Польши с тем, чтобы воспитать в белорусах, украинцах и литовцах чувство гражданской ответственности перед страной в целом, и правящим классом в частности, так как «восточная угроза» со стороны СССР для «наследников» Ю. Пилсудского, как они сами утверждали, была намного реальнее, нежели военное вторжение со стороны нацистской Германии. Поэтому для того, чтобы сделать польскую армию на территории восточных воеводств более боеспособной, а в тыловых районах защищенной, необходимо было выработать идеологию, способную сплотить вокруг Польского государства многомиллионную массу жителей восточнославянского происхождения. Такого рода духовной «скрепой» и должна была стать память о той личности, стараниями которой была не только восстановлена независимость Польского государства, но и сохранен его суверенитет, и приумножены его территории.

В связи с вынашивавшимися «наследниками» Ю. Пилсудского планами насаждения польского государственного патриотизма на Востоке страны с помощью политической инструментализации годовщины его смерти, главнокомандующий КОП Ян Крушевский отмечал в мае 1936 г. что конечный результат должен найти отражение в умах и сердцах обычных граждан, которые не будут избегать выполнения своего гражданского и воинского долга для того, чтобы ежеминутно создавать самые лучшие условия для процветания «Светлейшей Республики», духовным и военным создателем которой являлся Юзеф Пилсудский⁴⁹⁷.

Для внедрения и упрочения культа Первого Маршала в сознании населения восточных воеводств было запланировано проведение по всей Польше ряда просветительских мероприятий, посвященных жизнедеятельности Ю. Пилсудского и его непримиримой борьбе за восстановление польской государственности. Проведение данных военно-патриотических акций поручалось не только представителям воеводских

⁴⁹⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 2.

администраций, но и воинским формированиям польской армии, среди которых особо выделялся именно КОП, военнослужащие которого должны были строго следовать заветам своего бессмертного главнокомандующего, защищая до последнего вздоха территориальную целостность той Польши, которую удалось возродить и приумножить Ю. Пилсудскому. Перед тем, как принять непосредственное участие в коммеморативных мероприятиях, связанных с проведением дня памяти Первого Маршала среди гражданского населения, военнослужащие совершали на территории воинских частей свой собственный воинский ритуал. Он включал построение на центральной площади, где командиры, обращаясь к военнослужащим, призывали их придерживаться до конца жизни клятвы верности не только своей Родине, но продолжать ощущать в своих сердцах ту боль, которая была вызвана уходом из жизни «Великого отца польского народа», а также им следовало гордо нести «бело-пурпурное» знамя свободы Второй Республики и по первому зову «одноглавого белого орла» встать на защиту ее независимости⁴⁹⁸.

В воинских частях польской армии, которые были размещены в восточных окраинах страны, военнослужащие в преддверии 12 мая занимались заранее изготовлением агитационно-пропагандистского материала, который был призван донести благодаря своему эмоциональному содержанию до каждого военнослужащего и до гражданского лица мысль о величии исторической фигуры Ю. Пилсудского, который на протяжении 1914–1920 гг. с оружием в руках боролся за светлое будущее каждого польского гражданина; среди лозунгов, которые создавались руками польских солдат, фигурировали высказывания Первого Маршала, произнесенные им во временном диапазоне от начала Первой мировой войны до момента его ухода из жизни. Подобные изречения, принадлежавшие «Отцу польской нации», украшали не только помещения воинских подразделений, но и вывешивались на гражданских сооружениях центральных улиц страны.

⁴⁹⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 13–14.

Активное участие польских военнослужащих в устраивавшихся в северо-восточной части Второй Республики проправительственных мероприятиях объяснялось во многом тем, что они должны были охватывать не только городские центры, но и те местности, где проживало крестьянское население. Траурные речи, произносившиеся в первую годовщину смерти Ю. Пилсудского, сопровождалось широким использованием государственных символов Второй Речи Посполитой и портретов самого вождя польской нации. Подобная атрибутика обрамляла, как правило, оформление центральной трибуны, на которой располагались важные персоны регионального и общегосударственного значения и высокопоставленные военные. Государственные символы держали в своих руках представители органов власти и тех граждан, убеждения которых совпадали со взглядами военно-политического руководства режима санации. Гордо размахивая двухцветными «бело-красными» флагами, они, проявляя безграничное уважение к фигуре Первого Маршала, поднимали вверх портреты с его изображением.

Во время траурных мероприятий, проходивших по всей территории страны, при активном участии гражданских и военных представителей составлялись тексты особых обращений, которые предназначались для представителей каждой социальной группы населения и призваны были приобщить каждого польского гражданина к ответственности за будущее страны, которую возродил и оставил им в наследство покойный Ю. Пилсудский.

Поэтому важно переместиться на территорию белорусских воеводств Польши, где не только воинские подразделения являлись ключевыми «агентами памяти» Лидера польской нации, но и возникала настоятельная необходимость массово привлечь белорусское население, проживавшее в сельской местности, для достижения результата политики полонизации. По этой причине речи выступавших ораторов были наполнены высокопарными словами об историческом пути некогда являвшихся составной частью еще I

Речи Посполитой восточных окраин, которые были варварским способом отсечены Российской империей, против которой бесстрашно восстал сын белорусского народа Тадеуш Костюшко. Благодаря участию в подобных митингах перед глазами собравшихся разворачивались ключевые моменты борьбы польской нации, сыны которой во время восстания 1861–1863 гг. и революции 1905–1907 гг. неустанно сражались с оружием в руках за свою независимость. И эта священная борьба должна была неизбежно завершиться окончательным объединением всех тех польских земель, которые с момента третьего раздела Польши прозябали под властью трех европейских империй. И если, как указывали в своих пламенных выступлениях польские офицеры и чиновники, долгие годы ожесточенной борьбы завершались постоянно неудачами и кровавыми репрессиями царских сатрапов в отношении польских борцов за независимость, то 6 августа 1914 г. явился спаситель – Ю. Пилсудский, которому удалось поднять на борьбу настоящих патриотов-поляков и направить их в бой, показав тем самым всему европейскому миру, что никем не поработанный польский народ будет с винтовкой на перевес требовать восстановления своей исторической свободы, что в итоге и произошло в ноябре 1918 г.

Но завоевание независимости польской нацией было, по утверждению пропаганды, поставлено под угрозу вторжением «русских оккупантов», топтавших своими сапогами священную польскую землю, и только благодаря самоотверженности Пилсудского и поведенным им вновь на поле битвы Польским Легионам суждено было самой историей свершится долгожданной победе над извечным врагом, рядившимся теперь в красные одежды мирового коммунизма. Но победа, – продолжала убеждать обывателя польская пропаганда, – была одержана не только благодаря природному военному гению и врожденной личной отваге Ю. Пилсудского, но и божественному покровительству ему самой Девы Марии. Поэтому слушателям непрестанно подчеркивалось, что их нынешнее благополучное и мирное существование было достигнуто неутомимой борьбой покойного

Маршала, который в 1926 г. вдохнул в их жизнь новое освобождение, но уже не от внешних врагов, а принес им спасение от внутренней смуты, которой могли в любой момент воспользоваться коварные соседи – СССР и Литва. И политика «Санации», под которой понималось внутреннее очищение, была направлена на воспитание нового польского гражданина, который должен был обладать внутренней честью, выражавшейся в готовности к самопожертвованию за интересы возрожденного таким способом Польского государства.

Что касается речей, произносившихся членами правительства, представителями чиновничьего аппарата и военными, то они были посвящены исключительно положительным сторонам деятельности Ю. Пилсудского, как на государственном, так и на военном поприще, а на памятных торжествах, проводившихся на территории Виленского края, ораторами особо подчеркивалось, что все жители этой священной земли должны ценить и гордиться тем, что они являлись земляками такой величественной исторической личности, оставаясь верными всем заветам покойного Маршала, который спас Виленскую землю от оков российского рабства. В связи с этим, ораторам из числа офицеров и унтер-офицеров, выступавших ключевыми фигурами рекомендовалось при организации подобных торжеств в малых населенных пунктах, цитировать слова самого Ю. Пилсудского, который, по поводу исторического пути своей малой родины (Виленского края), сказал следующее: «...Я сам воспитывался в пограничье и испытал на себе весь тот позор, который не пощадил нас как побежденный народ... Мы, поляки, подвергались различной пограничной политике. Мы знали политику, которую другие практиковали по отношению к нам. Во всем мире пограничная политика похожа на ту, которой подверглись мы. Я не знаю другой пограничной политики, кроме политики унижения и угнетения, лозунг которой: «Горе побежденным!». Мы, поляки, хорошо знаем, к каким последствиям оно ведет, как близко ведет, как мало

результатов дает...»⁴⁹⁹. И далее выступающим следовало рассказывать более подробно о той беспощадной политике царского режима, которая была направлена не просто на оккупацию польских земель, к которым следовало относить Виленский край, а также Западную Белоруссию и Западную Украину, но и преследовала цель насаждение насилия, лицемерия и извращенного христианства в форме православия, так как проводившаяся правящей династией Романовых беспощадная политика русификации воспитывала в лицах польской идентичности лишь безгласных и бесправных рабов, которых следовало в конечном счете подвергнуть истреблению путем отправки в далекие и морозные края Сибири. Но Ю. Пилсудский, несмотря на жестокие преследования царских палачей, смог не просто чудом выжить, но и встать во главу угла истинной борьбы поляков за свое существование в возрожденном государстве⁵⁰⁰, которое и было восстановлено благодаря его военно-политическому гению и спасено от порабощения пришедшей с Востока «революционной заразы».

Гений «Вождя польской нации» состоял также в том, что он своим умелым руководством смог не только вывести страну на далекие пространства Востока за счет освобождения Западной Белоруссии и Западной Украины из под власти России, но и благодаря своей природной воле спас в мае 1926 г. Вторую Республику от внутреннего социально-экономического и политического хаоса, который грозил уничтожением всей страны, что позволило не только избежать новой национальной катастрофы польской нации, но и определить на долгие годы вектор ее внутри-и внешнеполитического развития. Выдающаяся заслуга Пилсудского перед нацией, - как предписывалось информировать собравшихся на памятных митингах - заключалась также в том, что с помощью «санации» он добился существенного «оздоровления» польского общества, очистив его от

⁴⁹⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 7.

⁵⁰⁰ Вместе с тем во второй половине 30-х гг. XX в. запрещалось упоминать в публичном пространстве о социалистических воззрениях Первого Маршала, делая даже отдаленные намеки на данную страницу его политической биографии. См.: Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. Пер. с пол. М.: Политиздат, 1990. С. 209, 251.

фальшивого демократизма и остаточного раболепия⁵⁰¹. И, несмотря на свой физический уход из мирской жизни, духовная сила Маршала оставалась бессмертной и, согласно методическим рекомендациям выступающие ораторы должны были особо подчеркнуть⁵⁰², что частичка его души всегда будет пребывать в сердце каждого гражданина, какую бы службу и какие бы обязанности в возрожденной Польше он не выполнял, так как служение Второй Речи Посполитой являлось священной обязанностью каждого гражданина, поэтому его родными и близкими были все люди, которые, независимо от своей национальности и вероисповедания, честно, безответно и самоотверженно вкладывали все свои силы на благо страны; это касалось и того населения, которое проживало на северо-востоке, и которое также являлось родным для сердца Маршала. Ведь неслучайно на посвящённых его памяти торжественных мероприятиях активно прибегали к цитированию обширного письменного наследия, посвященному не только достижению задачи сплочения страны по национальному признаку, но и социальной консолидации польского общества. На транспарантах, адресованных центральным и местным органам власти, можно было увидеть следующий лозунг Ю. Пилсудского: «Возродить человеческие души, изменить человека, сделать его лучше, выше, сильнее и сильнее – это ваша задача»⁵⁰³.

Такой же изрядной долей эмоциональности и страстной самоотдачей, отличались выступления военнослужащих польской армии перед собравшимися на митинг местными жителями восточных воеводств, которые якобы слушали их с неподдельным интересом не только во время памятных мероприятий, приуроченных ко дню смерти или именин Ю. Пилсудского, но и во все те дни, которые были связаны неразрывно с его достижениями, например, чествование боевых побед, одержанных польской армией в период 1914–1920 гг., не обходилось неизменно без упоминания имени и вклада покойного Маршала.

⁵⁰¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 7–8.

⁵⁰² Ibid. S. 12–13.

⁵⁰³ Ibid. S. 1.

Но самой, наверное, поразительной деталью всех мероприятий памяти Ю. Пилсудского, являлись выступления военных духовых оркестров и вид дефилировавших перед собравшимися зрителями парадных колонн военнослужащих. Присутствовавшим на подобных мероприятиях белорусским и литовским крестьянам в массе своей не было никакого дела до выступлений, упражнявшихся в красноречии представителей польской власти, которые вместо отеческой заботы об улучшении условий их повседневной жизни, могли обрушить на них при удобном случае суровые репрессии. По этой причине торжественные речи, произносившиеся находившимися у власти поляками, встречались ими угрюмым молчанием, если только среди них не было сторонников правительства, которые с помощью громких аплодисментов пытались задать тон толпе слушателей

И, напротив, молодые крестьянские лица значительно преображались, когда, помимо исполнения тех или иных музыкальных композиций духовым военным оркестром, проходил мимо собравшихся военный парад, состоявший их рядовых, унтер-офицеров и офицеров польской армии. Это заметно усиливало заинтересованность собравшихся, поскольку военный парад приковывал зрительное внимание следивших за его прохождением гражданских лиц не только отточенной до автоматизма техникой строевого шага, но и тем стрелковым оружием, с которым умело управлялись двигавшиеся в такт солдаты в хорошо выглаженной военной форме. Прохождение военнослужащих парадным строем и в полном вооружении призвано было не только продемонстрировать существенно возросшую мощь вооруженных сил Польши, но и постараться убедить присутствовавшее на параде коренное население в сохранившемся несмотря на все перенесенные испытания величии Польского государства. Именно подобные визуальные образы могли отложиться в памяти обычных белорусских крестьян на какое-то время, в отличие от непонятого, скучного и бессмысленного взывания к духу покойного Маршала, поскольку их социально-экономическое и

национальное положение продолжало оставаться таким же бесправным, угнетенным и нищенским, каким оно было и при жизни Ю. Пилсудского.

Первый Маршал Польши рассматривался проправительственными сторонниками и агитаторами не только как военный гений и единственно признанный политический лидер всех поляков, но и как «великий просветитель и воспитатель всей польской нации», в лоно которой должны были обязательно влиться представители национальных меньшинств, включая белорусов. Таким высоким титулом Ю. Пилсудский был наделен далеко не случайно, поскольку после своей смерти его фигура должна была символизировать единство не только этнических польских земель, но и тех восточных территорий откуда сам Маршал и был родом, но ее культурно-историческая связь не была никоим образом связана и спаяна с польской национальной идеей, в результате чего педагогические и воспитательные способности открыли Ю. Пилсудскому путь не только к освобождению от «русского ига» того населения, которое проживало на Востоке, но и позволило задать единственно верное направление вектору той национальной политики, которая и должна была привести жителей восточных воеводств к переходу своего развития в стадию европейской цивилизации в течение короткого времени, и благодаря этому каждый польский гражданин сможет обрести свое индивидуальное счастье, например, каждый белорус станет не только образованным индивидом, но и произойдет значительное улучшение экономических условий его жизни, при наступлении которых он сам, а также и члены его семьи, не будут нуждаться в дополнительных источниках дохода.

Таким образом, на проводившихся по случаю годовщины смерти Первого Маршала Польши пропагандистских и просветительских мероприятиях следовало обращать внимание местных жителей восточных окраин на то, что Ю. Пилсудский обладал недюжинными психолого-педагогическими способностями, позволившими ему запустить в мае 1926 г. процесс коренной перестройки форм социального и национального

существования всех граждан страны, включая, в первую очередь, жителей Востока Польши⁵⁰⁴.

В связи с годовщиной смерти Ю. Пилсудского, имевшей важное государственное значение, 12 мая 1936 г. в Вильно в присутствии правительственной делегации и высокопоставленных военных состоялась церемония возложения сосуда с сердцем Первого Маршала к праху его матери, сопровождавшаяся исполнением военным оркестром национального гимна возрожденной Польши. Кульминацией траурных мероприятий стал оружейный салют, в ходе которого был произведен 101 пушечный выстрел. Радиотрансляция салюта велась на всю территорию Польши, включая и восточные воеводства. Заранее было выпущено распоряжение, согласно которому необходимо было приостановить в стране все виды работ и в течение трех минут польским гражданам необходимо было преклонить голову и замереть в молчании⁵⁰⁵. Данное распоряжение было адресовано не только лицам, которые находились на государственной службе, но и всем гражданам страны; такая акция должна была символизировать национальное единство Второй Речи Посполитой, и сплотить неоднородное по своему социальному и национальному составу общество, состоявшее в межвоенный период не только из этнических поляков, но и представителей национальных меньшинств, включая белорусов и литовцев. Не заканчиваясь на этом, траурные мероприятия должны были донести до всех граждан Второй Республики ловко подхваченную «наследниками» Маршала идею дальнейшего почитания покойного национального лидера, напомнив им еще раз данные Ю. Пилсудским заветы. В первую очередь это касалось подрастающего поколения, для представителей которого правительственными органами организовывались различные мероприятия, которые были призваны познакомить их с исторической фигурой Ю. Пилсудского и приобщить к его политическому наследию, например,

⁵⁰⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 12.

⁵⁰⁵ Ibidem.

военный гарнизон Вильно был обязан обойти все имевшиеся в городе образовательные учреждения с той целью, чтобы рассказать школьникам о значении личности Ю. Пилсудского для возвращения на политическую карту Европы Польского государства, доставшегося нынешнему поколению ценой героической гибели польских легионеров, пожертвовавших собой не ради прихоти Первого Маршала, а вдохновляемые его стремлением вернуть польскую нацию в состав европейской цивилизации, из которого она была надолго исключена благодаря Российской империи⁵⁰⁶.

Данная просветительская акция была призвана не только популяризировать исторические знания среди подрастающего поколения Второй Республики, но и своей спущенной сверху военизированной формой давала четко понять, что нерушимость границ возрожденной Польши может держаться исключительно на боевой готовности как военных, так и гражданских лиц. Об этом, свидетельствовала, в частности, состоявшаяся 22 марта 1936 г. в белорусском городе Воложине Новогрудского воеводства открытая лекция польских офицеров, которая транслировалась также по радио в соседние поселки⁵⁰⁷. Широкое распространение приобрела также в восточных воеводствах практика исполнения оркестровых музыкальных произведений памяти Ю. Пилсудского, из которых наиболее популярными являлись – «Траурный марш» Фридерика Шопена, «Элегия» Стефана Цимбалина и «Элегия» Станислава Монюшка. В репертуаре сценических и театральных представлений, предназначенных для местного гражданского населения, принадлежало особое место следующим из них – «Три струны» (мелодия Яна Маклакевича), «Из дворца Бельведер Вас вынесли, как святые реликвии: скорбная кантата в честь маршала Юзефа Пилсудского для 4-голосного смешанного хора» (мелодия Яна Маклакевича) и «Элегия в честь Лидера нации» (мелодия Вацлава Лахмана)⁵⁰⁸.

⁵⁰⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 12.

⁵⁰⁷ Ibid. S. 37.

⁵⁰⁸ Ibid. S. 41.

Также велся тщательный подбор стихов польских поэтов, которые своим творчеством не только прославляли заслуги Лидера польской нации, но и подчеркивали непритязательность материальных условий его жизни, скрытый в нем мощный духовный источник, а также кровную связь всех поляков с заточенным в Вильно сердцем Маршала. Среди поэтических произведений, исполнявшихся в восточных окраинах страны, занимали видное место стихи поэта Юлиуша Словацкого, творчество которого пришлось на первую половину XIX в. Его получившее наибольшую известность в межвоенной Польше стихотворение «Завещание мое» начиналось со следующих строк: «Я жил с Вами, страдал и плакал с Вами...», что в той политической ситуации являлось плохо завуалированным намеком всем гражданам межвоенной Польши на неопределимую роль Ю. Пилсудского в деле возрождения польской государственности, и сплочения всех жителей страны: «И пока корабль бился, я сидел на матче, / А когда он тонул, я вместе с кораблем ушел под воду...». Данные строки, по мнению гражданских и военных художественных руководителей мероприятий, посвященных памяти Ю. Пилсудского, убедительно показывали жизненный путь покойного Отца, который всегда считал себя частью польского народа, с которым он преодолел все исторические коллизии конца XIX – начала XX в., а с момента своей смерти завещал строго согражданам нести высоко его знамя борьбы и свободы, в сердца будущего поколения, и прямо заявлял словами Ю. Словацкого: «Но заклинаю-пусть живые не теряют надежды / И перед народом несут намордник просвещения; / А когда надо, на смерть идут по очереди, / Как камни, брошенные Богом на землю!...»⁵⁰⁹.

О жизненных невзгодах Ю. Пилсудского население восточных воеводств Польши должно было узнать из стихотворения «Пилсудский», которое было написано Казимежом Соснковским, и это литературное произведение являлось уникальным, поскольку в написанных им поэтических строках обычные люди могли увидеть покойного Маршала тем

⁵⁰⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 66.

человеком, которого национальное уничтожение всех поляков привело к подъему на бескомпромиссную борьбу за благо всей нации, поэтому ему, согласно К. Соснковскому, предназначено было с детских лет божьим провидением озарить собой путь свободы всем тем, кто считал себя поляком: «Он молнией поразил разгосударствление, / Опухший от кислого хлеба и воды плена, / Штыком он разорвал мертвые тени истории, / Добыть из них комков польской соли живьем...»⁵¹⁰.

Подвиги «Отца польской нации» воспевались также в пользовавшемся популярностью поэтическом творчестве Адама Ковальского, который до конца своих дней был военнослужащим польской армии. Его настолько тронула кончина человека, который являлся для него величайшей личностью из всех поляков, что он написал небольшое стихотворение под характерным названием «Сироты плачут», строки которого были обращены в большей степени не к Духу покойного лидера, а именно к своим согражданам, которые понесли невосполнимую утрату. Являвшийся при жизни их «Спасителем» и «Наставником», благодаря которому в стране была налажена счастливая и благополучная жизнь, покинул земной мир, поэтому «...Родина в строжайшем трауре...» и этот траур будет следовать за каждым поляком в его смертной жизни. Но помимо почитания памяти Ю. Пилсудского, по мысли А. Ковальского, каждый честный гражданин строго обязан был помнить до конца своих дней тот подвиг, который совершил покойный Маршал: именно он возродил из исторических руин польскую государственность и сделал это не для своей прихоти, или из-за своего самолюбия, а по долгу своего сердца, и ради не только будущего поколения поляков, которые должны были жить в свободной стране, но и в честь всей польской нации, предки которой мечтали дожить до момента освобождения от иноземных оков рабства; поэтому гражданский долг каждого поляка заключался в сохранении и приумножении достижений великого Вождя. А. Ковальский писал по этому поводу следующее: «Навсегда благодарен за твой сверхчеловеческий труд, / Народ у

⁵¹⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 69.

могилы верный держит стражу. / Так что спи спокойно, Отец наш Пилсудский / Среди королей, наш дорогой вождь...»⁵¹¹.

Но сиротами со смертью Ю. Пилсудского стали именно военнослужащие польской армии, лишившиеся своего командира, который обдумывал днями и ночами проблемы существования не только возрожденной Польши, но и судьбы каждого солдата той армии, которую создал покойный Лидер польской нации. Его культ утверждался «санационным» правительством путем конкретных разъяснений о том, что польский солдат сумел в недавнем прошлом одержать военные победы на полях битв благодаря гению Ю. Пилсудского, а также польские военнослужащие должны были ясно осознать, что своим безупречным служением Родине они обеспечивали покой и процветание вставшей на рельсы строительства мирной жизни Второй Республики.

Упрочению этой мысли в сознании военнослужащих послужило удачно стихотворение польского поэта Генрика Збежховского – «Солдаты! Он ушел!», строки которого были пропитаны скорбью о невозможности вернуть «Великого Маршала» к земной жизни, твердая рука которого спасла поляков от многовекового прозябания и исторической гибели, а для того, чтобы не допустить национально-духовного заката польской нации, необходимо было твердо стоять на страже государственных интересов Второй Речи Посполитой, в связи с чем Г. Збежховский писал следующее: «Исполни Его завет / Так дорог сердцу солдата, / На службе Свободной Родине / Всегда стойте с оружием у ваших ног...»⁵¹².

Ежегодно 12 мая являлся днем памяти «Отца польской нации», которого чествовали не только во всех крупных городах Второй Республики, но и в малых населенных пунктах, так как прославление достижений Ю. Пилсудского должно было коснуться всех без исключения граждан страны, к которым относились и представители восточнославянского национального

⁵¹¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 68.

⁵¹² Ibid. S. 71.

меньшинства – белорусы, русские и украинцы; а также в этом необходимо было убедить и литовскую нацию. Одним из главных организаторов подобных государственных церемоний должны были выступать именно вооруженные силы Польши, поскольку солдатские сердца польской нации являлись главным детищем Ю. Пилсудского, и присутствие в них духа покойного Маршала необходимо было поддерживать ежегодно. Это аргументировалось не только тем, что международная ситуация все ближе приближалась к началу новой мировой войны, но и тем, что именно польские военнослужащие представляли собой то надежное и мобильное средство, которое обеспечивало проведение политики полонизации среди местного гражданского населения. Поэтому отдавание дани памяти архитектору возрожденной Польши должно было организовываться абсолютно во всех местах страны: не только на городских площадях или в сельских домах культуры, но и в полевых условиях, чтобы отзвук памяти пронзил каждое сердце польского гражданина, где бы он не находился и чем бы он не занимался.

Для реализации политики полонизации среди местного населения восточных воеводств государственное руководство Польши стремилось поставить себе на службу календарь общенациональных, религиозных и культурно-массовых мероприятий, к участию в которых следовало широко привлекать представителей национальных меньшинств. Ведение подобной работы поручалось не только местному управленческому аппарату, но и вооруженным силам Польши, военнослужащие которых выступали во время данных торжеств организационной и направляющей силой.

Одним из главных государственных праздников в Польше, отмечаемым с 1921 г., являлся день «Войска Польского». Он праздновался ежегодно 15 августа в честь победы в 1920 г. польской армии над большевиками в битве под Варшавой. Проводившиеся по всей стране торжества призваны были донести до каждого гражданина Второй

Республики тот героизм, который был проявлен польскими солдатами, спасшими страну от «революционного порабощения» со стороны России.

В траурном обрамлении государственного праздника придавалось важное значение святой обязанности поляков, пронести через целые поколения память о павших за свободу и независимость возрожденной Польши. Если в западно-центральных ее воеводствах торжества по случаю «Войска Польского» сопровождалась значительной активностью самих жителей, большинство из которых являлись этническими поляками, то в восточных областях эту памятную дату приходилось насаждать сверху с помощью, как чиновничьего аппарата местного самоуправления, так и опираясь на поддержку польской армии и иерархов католической церкви.

Именно последний «духовный институт» страны сыграл в восточном пограничье в межвоенный период ключевую роль, связанную с привлечением сельских прихожан белорусской национальности к празднованию дня «Войска Польского», так как 15 августа являлось в католической церкви одним из главных христианских праздников – «Успение Пресвятой Богородицы»⁵¹³; также нужно помнить, что культ Девы Марии в Польше всегда имел огромное значение, так как именно Богородица считалась главной покровительницей этой страны и всех народов, которые проживали в ее границах, поэтому во время мессы ксендз доносил до прихожан основной смысл национального праздника «Войска Польского», а приобщение к нему католических мирян проходило путем присутствия на проводившихся церковных службах непосредственно польских военнослужащих, командирам которых даже предоставлялось с благословения священников слово для обращения к прихожанам в форме проповеди об историческом значении того события, которое произошло 15 августа 1920 г., и только после этого офицеры приглашали гражданских лиц принять участие в развлекательных мероприятиях, во время которых польские солдаты вывешивали лозунг

⁵¹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1938. S. 138.

следующего содержания – «Армия с народом – народ с армией!»⁵¹⁴, призванный символизировать национальное единство Второй Речи Посполитой, которая добилась своей независимости и процветания не только благодаря храбрости польских воинов и военному гению Ю. Пилсудского, но и при содействии широкого народного движения в 1920 г., и подобную консолидацию и впредь следовало поддерживать уже в мирной жизни. Об этом и следовало ежегодно 15 августа напоминать гражданскому населению всей страны, в этом заключалась и сама суть праздника «Войска Польского», который отмечался не только профессиональными военными, но и всеми гражданами межвоенной Польши. Он действительно проходил в атмосфере веселья и развлечений, так как польские военнослужащие устраивали для жителей восточных воеводств не только парадные шествия и произносили речи на митингах, но и в программе отводилось отдельное место для различных состязательно-спортивных и конкурсных мероприятий, а также организовывались музыкальные концерты и театральные постановки. Отмечались случаи, когда в день «Войска Польского» унтер-офицеры организовывали показ кинофильмов безвозмездно или за символическую плату. Широкое участие гражданского населения в чествовании польской армии должно было убедить всех граждан в том, что если бы не самопожертвование польского солдата летом 1920 г., то сегодняшняя мирная жизнь могла бы и не наступить, поэтому день 15 августа являлся так называемым «Святым днем для всей страны».

Вторым крупным национальным торжеством во Второй Речи Посполитой являлся так называемый «Праздник моря», который стал, начиная с 1932 г., ежегодно отмечаться 29 июня, Несмотря на то, что он приобретал особую пышность в морском порту Гдыни, военные парады и культурно-массовые мероприятия в оставшийся отпущенный историей Второй Республике срок проводились на территории всей страны, включая и восточные воеводства, так как решение задачи общенационального

⁵¹⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1938. S. 139.

сплочения не мыслилось без участия восточного пограничья, обильно политого кровью польских солдат. Но коренное население восточного пограничья должно было также один раз в год отдавать дань уважения тем полякам, благодаря которым стране удалось обрести выход в Балтийское море. Слившись в едином патриотическом порыве, гражданское население совместно со своими братьями-солдатами не только по стойке «смирно» вслушивались в содержание речей польских офицеров и чиновников, но и принимали участие в разнообразных культурных и спортивных мероприятиях, которые должны были подчеркнуть связь народа с армией с целью укрепления обороноспособности всего государства.

Как следовало из личных воспоминаний офицеров и унтер-офицеров, которые в 30-е гг. XX в. несли службу в восточных областях Польши, график устраивавшихся по случаю «Праздника моря» мероприятий являлся насыщенным не только в городской черте, но и в сельских населенных пунктах, крестьянское население которых обязано было также посредством участия в данном национальном торжестве ощутить свою сопричастность к Польскому государству, неся равную ответственность совместно со своими соотечественниками за судьбу страны. Так, судя по опубликованным в 1937 г. воспоминаниям одного польского офицера, имя и точное место службы которого на Востоке Польши остались в тайне, «Праздник моря» начинался рано утром 28 июня, а завершался поздним вечером следующего дня. Двухдневная продолжительность торжеств объяснялась офицером тем, что 28 числа многомиллионное крестьянское население необходимо было заранее оторвать от полевых работ. Знакомство его с этим праздником государственного значения происходило путем сбора деревенских жителей у администрации сельского старосты, где в присутствии польского армейского подразделения, военным оркестром исполнялся сначала государственный гимн Второй Речи Посполитой, а затем следовали пламенные речи ораторов из числа чиновников и военных, которые на высокой эмоциональной ноте объясняли населению важность ежегодного чествования «Праздника моря».

Суть их публичных выступлений сводилась к тому, что возвращение исторического величия Речи Посполитой, народ которой в ее многовековом прошлом отличался национально-религиозной пестротой, могло быть достигнуто благодаря обладанию обширной территорией, на которой польские короли и члены Сейма создавали высококультурное и цивилизационное польское пространство, к которому тянулось все образованное европейское общество.

На смену официозу приходили затем спортивные и развлекательные мероприятия для крестьянского населения, которое совместно с рядовыми военнослужащими принимало участие, например, в волейбольных матчах или же в спортивных кроссах, а наиболее заинтересованная интеллектуальная часть местных жителей, вступая в разговоры с унтер-офицерами, узнавала от них, истинные, по мнению последних, причины возвращения на политическую карту Европы Польского государства, которое в XVIII в. подверглось национальному унижению. Во время бесед с унтер-офицерами крестьянам могли также сообщаться новости о положении в стране и за ее пределами. 29 июня, после утреннего торжественного парада по случаю «Праздника моря», праздничные мероприятия переносились в городские центры, посреди которых также звучал национальный гимн страны и исполнялись повсеместно другие патриотические песни, прославлявшие подвиг Польских Легионов, а слова всех выступающих (гражданских, военных и религиозных проповедников) возносили безграничную похвалу и преданность всему военно-политическому руководству Польши, в составе которого выделялась неизменно фигура маршала Ю. Пилсудского, и даже после его смерти «Праздник моря» проводился с обязательным упоминанием присущей ему военной и государственной мудрости, благодаря которой польская нация смогла обрести независимость. Восхваление заслуг Первого Маршала перед страной находило свое выражение не только в пламенных

речах сменявших друг друга ораторов, но и в распространении среди участников митингов его портретов, которые жадно разбирались их руками⁵¹⁵.

Заслуживает особого упоминания тот факт, что в 1927 г. национальным гимном Второй Республики стал так называемый «Марш Домбровского»⁵¹⁶, начинавшийся со знаменитых слов «Еще Польша не погибла...». Данный гимн исполнялся при любом удобном случае на территории всей страны, включая и восточные воеводства, так как его слова должны были пробуждать во всех гражданах чувства не только своей принадлежности к Польскому государству, но и ответственности за сохранение достигнутых ценой гибели польских солдат территориальных приращений.

Имели место также случаи, когда в отношении некоторых слушавших «Марш Домбровского» с демонстративным пренебрежением местных жителей, не понимавших слов государственного гимна или же, не относившихся по своим политическим убеждениям к числу сторонников Польского государства, налагались сразу же дисциплинарные санкции, которые, не ограничиваясь одними лишь словесными замечаниями активистов и представителей государственных органов, выливались в душеспасительные беседы о том, что если тот или иной человек, независимо от своей национальности, половой и социальной принадлежности, возраста и вероисповедания, является гражданином Польши, то он обязан знать наизусть слова и мелодию гимна и вести себя подобающим образом во время его исполнения, так как за эту «национальную молитву» польской нации отдало свои жизни немало героев.

Особенно значимой датой в праздничном календаре межвоенной Второй Речи Посполитой являлся так называемый «День независимости Малой Польши», который относился также к числу одних из главных

⁵¹⁵ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1937. S. 16–17.

⁵¹⁶ История возникновения данного гимна уходит своими корнями в конец XVIII в., когда на территории Апеннинского полуострова польский генерал Ян Домбровский объединил патриотов Речи Посполитой, которые не пожелали смириться с разделом своего отечества и приняли решение сформировать мощную армию, которая вскоре должна была освободить священную польскую землю от варварского гегемонизма тех европейских стран, которые и являлись виновниками исчезновения независимости польского государства. И если обретение последней произошло только в 1918 г., то «Марш Домбровского» не сходил с уст не одного поколения польских патриотов. См.: Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 3.

торжественных мероприятий, так как этот праздник призван был закрепить историческую память польского народа и преемственность его поколений, которые обязаны были свято помнить об освободительной борьбе своих героических предков, которые под вековым гнетом трех европейских держав не переставали верить в возможность восстановления в будущем независимости своей нации. Крепость духовной связи польского народа со своими национальными героями, которые на протяжении XIX в. неустанно вели борьбу за завоевание независимости, должна была зримо проявляться во время общенациональных торжеств, проводившихся ежегодно 26 июля. Независимо от своего социального и национально-религиозного статуса жители Польши обязаны посвящать этот день почтению их памяти. Это касалось, в то числе и населения восточного пограничья, которое, согласно сохранившимся воспоминаниям одного польского офицера, датируемых 1937 г., принимало активное участие, как в гражданских митингах и военных парадах, так и в спортивных состязаниях. Мемуарист отмечал, что к участию в организованных польскими военнослужащими в одной из деревень Виленского воеводства спортивных состязаний допускались все крестьяне, что призвано было символизировать единство армии и гражданского населения. Оно должно было проявляться не только во время праздничных торжеств, но и при наступлении военного времени, когда потребуются монолитность польского общества в масштабах всей страны⁵¹⁷.

Государственное руководство Польши отмечало ежегодно 11 ноября торжественными и официальными мероприятиями, которые были посвящены возвращению на политическую карту Польского государства. Крупные торжества по случаю десятилетия обретения независимости состоялись 11 ноября 1928 г., когда государственный праздник, программа которого включала проведение памятных, культурно-массовых и спортивных мероприятий, отмечался с особым размахом не только в западно-центральных воеводствах, но и на далеких восточных окраинах, население которых

⁵¹⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1937. S. 17.

обязано было также своим непосредственным участием выразить признательность и благодарность, прежде всего, «Великому отцу польской нации» – Ю. Пилсудскому, преклонив свои головы во время минуты молчания в честь павших за Родину польских солдат.

Помимо торжественных парадов и других праздничных мероприятий, которые устраивались польскими военными для гражданского населения по инициативе командования польской армии была организована особая символическая акция, которая закрепляла за каждым пограничным подразделением обязанность сформировать небольшую делегацию в составе рядовых, унтер-офицеров и офицеров, которые должны были пешком преодолеть расстояние от места несения своей службы до столицы независимой Польши. По прибытии в Варшаву военные делегации должны были продемонстрировать военно-политическому руководству страны непоколебимую волю к защите всех пограничных рубежей и свою полную преданность итогам борьбы за государственную независимость, начавшейся несколько столетий назад и завершившейся успехом благодаря Первому Маршалу. Проходя парадным маршем по территории Бельведерского дворца, служившего резиденцией «Отца польской нации», двигавшиеся в тесных рядах военнослужащие отдавали почести создателю независимой Польши Ю. Пилсудскому, рядом с которым стоял и польский президент И. Мосъцицкий⁵¹⁸.

Данное мероприятие, в ходе которого польские солдаты со своими командирами преодолевали в пешем порядке более 600 км., было призвано показать их сплоченность, взаимовыручку и силу не только перед высшим руководством страны, но и перед обычным гражданским населением. Местные жители, наблюдая прохождение через свои населенные пункты обладавших строгой военной выправкой солдат в ладно сидевшей униформе и с начищенным до блеска стрелковым оружием, должны были испытывать в себе не только чувство гордости за то, что у страны есть такие ее лучшие защитники, отцы которых всего десять лет назад доказали своей готовностью

⁵¹⁸ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 10–11.

к самопожертвованию полную преданность освободительному делу польской нации, но и за саму страну, в которой они проживали, что выражалось непосредственно в сопричастности польских граждан к единым культурно-духовным и государственным институтам Второй Республики.

Но на территории восточных воеводств праздничные торжества, проводившиеся по случаю десятилетней годовщины независимости Второй Речи Посполитой, проходили зачастую в «добровольно-принудительной» форме. Местные жители массово сгонялись на подобные мероприятия, радость же по поводу участия в них открыто выражалась лишь теми белорусами и украинцами, которые не только занимали те или иные должности в системе местного самоуправления, но и проявляли свою искреннюю симпатию по отношению к польской нации, являясь добровольными членами различных полонофильских организаций и групп⁵¹⁹.

Помимо вполне объяснимого внимания к пантеону исторических событий, связанных с борьбой польского народа за свою независимость, варшавское правительство пыталось поставить себе на службу те памятные даты, которые подчеркивали общеевропейскую значимость польской культуры. Так, в 1927 г. в Польше отмечалось с особой помпой 129-летие со дня рождения поэта Адама Мицкевича, который по своему происхождению и национальной идентичности являлся белорусом, считаясь, тем не менее, в межвоенный период сыном польской нации и одним из главных героев польского национального движения. Обширная программа торжеств преследовала цель сплотить все население Польши, особенно это касалось жителей восточных областей, например, на территории «белорусских» воеводств польские военнослужащие прибывали в населенные пункты и вместе с их жителями внимали речам польских чиновников, покорно выслушивая исполнение государственного гимна, а также соблюдая ритуал минуты молчания в честь памяти этого поэта. Стоит также отметить, что в том же году 11 ноября в белорусском поселке Заосье Новогрудского

⁵¹⁹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1928 (list./grudz.)... 1929. S. 7.

воеводства, являвшегося местом рождения А. Мицкевича, с большим официозом был установлен его бюст, изготовленный военнослужащими 2-го батальона КОП, взявших на себя наравне с равнодушными гражданами Новогрудского воеводства все расходы по его сооружению. На церемонии открытия бюста А. Мицкевича в Заосье присутствовали не только сельские жители, учителя местной начальной школы и военнослужащие 2-го батальона КОП, но и представители управленческого аппарата Новогрудского воеводства, а также специальная делегация католического духовенства, члены которой прибыли из Варшавы и Вильно.

После произнесения речей патриотического содержания, суть которых сводилась к необходимости всеми силами отстаивать завоеванную Польшей независимость, к обретению которой на протяжении всей своей жизни стремился также А. Мицкевич, военнослужащие 2-го батальона Корпуса отдали после окончания минуты молчания ему воинские почести ружейным салютом, чтобы сопроводить затем почетным караулом высокопоставленных гостей для совершения ими церемонии возложения венков. После ее окончания солдаты прошли парадным маршем перед членами делегаций, торжественно выстроившихся около бюста⁵²⁰.

С целью воплощения в жизнь политики полонизации организовывались и такие праздничные торжества, которые в силу их популярности у широких слоев населения Европы, политическая верхушка Польши не могла игнорировать, поскольку это могло привести к несанкционированным народным акциям. Одним из таких ежегодно отмечаемых праздников в народной среде являлся «День труда», популярность которого в Польше заметно возросла благодаря активной деятельности на ее территории коммунистической и социал-демократической партий и близкому соседству с СССР. Польское правительство стремилось поставить под свой контроль проведение мероприятий, связанных с данным праздником, чтобы выбить почву из-под ног сторонников левых движений, пытавшихся вызвать таким

⁵²⁰ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 53.

путем народные волнения. Вместе с тем далеко не во всех случаях польскому руководству удавалось взять ситуацию под свой контроль, например, 1 мая 1929 г. в г. Вильно состоялись празднества, приуроченные ко «Дню труда», на которых присутствовали главным образом представители белорусской и литовской молодежи, в то время как в остальных населенных пунктах белорусских воеводств праздник в честь «Первомая» прошел в необычайно спокойной обстановке, что вызвало нескрываемое удивление у представителей силовых структур, так как подобные народные гуляния перерастали нередко из мирных демонстраций в кровавые столкновения с полицией и армией⁵²¹.

Но трагические события, происшедшие в г. Вильно, стали поистине не только внутренним потрясением для всей Польши, но и произвели эффект «разорвавшейся бомбы» за рубежом, поскольку помощь в организации «Первомая» была оказана греческим посольством, в помещении которого молодые белорусские студенты составляли различные листовки, обличавшие установление польского гнета над белорусской нацией. В распространявшихся агитационных материалах ее положение в тогдашней Польше сравнивалось со временами Средневековья, когда польские паны закрепощали такими же методами предков белорусского народа. В листовках и в воззваниях утверждалось также, что истинным защитником белорусов являлся в помещичьей Польше вопреки действовавшему со стороны Лиги Наций надзору за положением национальных меньшинств именно Советский Союз, правительство которого постоянно стремилось добиться благоприятных условий существования всего трудового восточнославянского народа, в то время как Варшава планировала развязать против братской страны «войну на истребление». Все перечисленное позволяет сделать вывод о том, что составителями подобных агитационных материалов выступали в большинстве своем лица просоветской ориентации; но в листовках находили свое место и такие требования, решение которых должно было разрешить

⁵²¹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929 (kwiec./czerw.)... 1929. S. 8.

насуточные экономические проблемы, в частности, указывалось на необходимость отмены огромного количества налогов для безземельных крестьян, пересмотра кредитной политики и ликвидации института осадничества в восточных областях.

Так называемый «народный марш», состоявшийся 1 мая в г. Вильно, сопровождался распространением огромного количества листовок, которые либо раздавались лично в руки горожанам, либо разбрасывались в воздух. Торжественное шествие было встречено польскими жандармами и военными, осознавшими угрозу возникновения массовых беспорядков в городе, сначала предупредительным выстрелом в воздух, чтобы утихомирить митингующих, а затем открытием огня на поражение по безоружной толпе в тот момент, когда участники «народного марша» стали выкрикивать антиправительственные лозунги. В результате погиб один и было ранены несколько демонстрантов. Левая оппозиция, потрясенная известиями о человеческих жертвах при разгоне первомайской демонстрации, стала призывать население выходить на митинги протеста, и вплоть до 10 мая в таких крупных городских центрах «белорусских» воеводств, как Вильно, Вилейки и Барановичи состоялся ряд акций неповиновения с участием депутатов польского Сейма. На них присутствовали не только горожане, но и крестьяне, которые вдохновлялись смелыми речами белорусских парламентариев. Так, 9 мая в Вильно депутат И.С. Дворчанин клеймил всех польских министров и лично Ю. Пилсудского убийцами, но его подстрекательское с точки зрения действовавшего законодательства выступление было прервано полицией и военными, которые увели его в ближайший полицейский участок. Но и после случившегося антиправительственные митинги не прекратились, так как на следующей день, 10 мая, товарищи И. Дворчанина – П. Кринчик и А. Власов, являвшиеся не только белорусскими просветителями, но и в разное время заседавшие в парламенте, сумели своими пламенными речами собрать на одном из рынков Вильно около 150 крестьян, прибывших в город за товарами, правда, данный

несанкционированный митинг, как и в случае с единоличным выступлением И. Дворчанина, был недолгим, поскольку прибывшие польские жандармы и солдаты сумели предотвратить его перерастание в открытые погромы⁵²². Но дальнейшие антиправительственные выступления белорусских депутатов, несмотря на применявшуюся к ним силу со стороны полиции и армии, продолжались регулярно. Так, на состоявшемся 26 мая в городском населенном пункте Квасевичи Полесского воеводства митинге сторонники белорусских депутатов, насчитывавшие около 100 человек, заявили прибывшим с целью его разгона полицейским и солдатам, что они, не преследуя антиправительственных целей, собрались, чтобы обсудить тему сохранения сервитутов, но в действительности собравшиеся жадно внимали выступлениям ораторов, которые обращали внимание на допущенное властями нарушение тех статей Конституции 1921 г., которые касались защиты прав национального меньшинства; также была проведена на месте акция по сбору денежных средств для тех лиц белорусской национальности, которые оказались в тюрьмах из-за репрессий правящего режима.

В связи с проведением данных протестных акций стоит отметить, что еще за месяц до их начала белорусские парламентарии активно встречались с населением северо-востока Польши в рамках начавшейся в 1929 г. избирательной кампании, которая была призвана определить новый состав гмин. Итоги данных муниципальных выборов не принесли ожидавшегося успеха представителям белорусских политических партий, проводивших предвыборные митинги под следующим лозунгом: «Долой фашистское правительство, долой класс буржуазии, да здравствует белорусский трудящийся народ!»⁵²³. Итоговое поражение на местных выборах политических сил, отстаивавших права белорусского национального меньшинства, объяснялось тем, что после майских событий значительно усилились гонения на членов левых партий и организаций, оказанию

⁵²² Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929 (kwiec./czerw.)... 1929. S. 11–12.

⁵²³ Ibid. S. 15.

всесторонней поддержки которым со стороны местного населения мешала воцарившаяся атмосфера страха перед репрессиями.

Как видим, важным политическим значением во Второй Речи Посполитой обладали не только общенациональные праздники, умело использовавшиеся польскими властями в собственных политических интересах, но и памятные даты международного рабочего движения, которые способствовали мобилизации политических противников режима санации, не только поднимая их на открытую борьбу, но и оказывая свое влияние на исход легальных избирательных компаний.

В преддверии и во время ключевых государственных праздников Второй Республики высокопоставленными государственными и военными деятелями совершались обязательные посещения как городских, так и сельских центров, чтобы продемонстрировать своими визитами, что польская власть прочно держала в своих руках управление национальными окраинами. Так, 3 мая и 15 августа 1925 г., в дни чествования «Конституции 1791 г.» и «Войска Польского», командующий КОП генерал-майор Х. Минкевич-Одровонж не только лично принял парады во всех воинских частях Корпуса, дислоцированных в небольшом количестве на всей территории восточного пограничья, но и посетил с торжественным визитом десятки обычных расположенных по соседству с воинскими частями деревень, население которых заранее было подготовлено к встрече с этим высокопоставленным военным. Необходимо было не только предупредить крестьянское население о прибытии высокого гостя, но и успеть обставить его приезд с соответствующим польским национальным символизмом: унтер-офицеры активизировали свою работу за неделю, лично оповестив сельских старост и весь подчиненный им рядовой состав о необходимости наведения идеальной чистоты и политического порядка. Последнее распоряжение касалось пересечения подрывной работы в сельской местности тех лиц, которые подозревались в политической неблагонадежности или нелояльности в отношении действующей государственной власти. Их удавалось, как правило,

изолировать путем запугиваний и временного ареста, что поручалось жандармерии.

В удобном месте готовилась широкая трибуна для произнесения с нее генерал-майором и офицерами из его ближайшего круга торжественных речей и последующего наблюдения за прохождением военного парада. Такого рода сцены и трибуны сооружались из дерева мастерами-плотниками, которым предписывалось привлекать также в помощь как можно больше людей из числа местного населения, чтобы успеть завершить работу в срок. Помимо трибуны возводилась еще и деревянная арка, которая обязательно украшалась живыми цветами, так как командующего Корпусом перед въездом его в тот или иной населенный пункт должны были встречать «хлебом и солью» сельский староста вместе с женщинами-крестьянками, после чего тот, проходя через цветочную арку, поднимался на трибуну. Рядом с аркой должны были находиться обычные сельские жители, основная задача которых заключалась в том, чтобы аплодировать предстоявшему выступлению генерал-майора и забрасывать прибывшую военную делегацию свежими цветами, что, в частности поручалось детям и подросткам, служа важным символом верности подрастающего поколения тем польским военным, которые в горниле двух войн сражались за их счастье быть частью независимой Польши, а теперь несли охрану границы, обеспечивая счастливое и мирное будущее целых поколений. Трибуна украшалась национальными «бело-красными» флагами и больших размеров гербом с изображением «одноглавого белого орла», а также транспарантами, на которых были помещены фотографии видных государственных и военных деятелей Второй Речи Посполитой, первенство среди которых принадлежало изображению Ю. Пилсудского. Выстроившееся парадным строем военнослужащие, состоявшие по роду их войск из пехотинцев и кавалеристов, проходили торжественным маршем мимо трибуны с почетными гостями, после чего командующий заверял всех собравшихся в своей признательности Первому Маршалу, одержавшему победу над всеми

врагами польской нации, а затем следовали произносившиеся с полным исступлением другими ораторами пламенные речи о многовековом величии Речи Посполитой и ее бессмертии в будущем⁵²⁴.

Помимо проведения общенациональных торжеств территория «белорусских» воеводств межвоенной Польши предназначалась и для организации других не менее важных государственных мероприятий, которые были призваны засвидетельствовать прочное закрепление польской государственной идеологии и принципов национальной политики в общественном сознании белорусов. Так, в 1936 г. в белорусском Леонполе, расположенном на территории Браславского повета Виленского воеводства, польский скульптор Ю. Павлючук произвел реставрацию колонны, которая была установлена еще в конце XVIII в. в честь Дня конституции 3 мая 1791 г., а к 11 ноября был торжественно установлен отлитый им бюст Ю. Пилсудского⁵²⁵. И повторное открытие колонны в честь Конституции 1791 г. и установка бюста покойному маршалу Ю. Пилсудскому были проведены в торжественной обстановке под аккомпанемент военного оркестра и в присутствии не только польских чиновников, но и католического священнослужителя, который, совершив соответствующий религиозный обряд, осветил оба памятника. На их открытии присутствовали также и польские активисты из числа местного населения, которые искаженно понимали интересы коренного населения всего северо-востока Польши, одобряя, таким образом, проводившуюся ее властями политику, направленную на «возвращение» белорусского народа к своим историческим корням, встав на путь достижения единства с польской нацией. Следует также отметить, что охрана исторических памятников на территории «белорусских» воеводств была закреплена на законодательном уровне⁵²⁶.

⁵²⁴ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 22.

⁵²⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 36.

⁵²⁶ Морозов Д.В. Правовая основа и организационная структура охраны памятников в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Журнал Белорусского государственного университета. 2017. № 4. С. 51–52.

Другим важнейшим фактором, который призван был сплотить крепче поляков с коренным населением «белорусских» воеводств, являлась институционализация польским правительством ряда коммеморативных практик по сохранению памяти о тех военнослужащих, которые отдали свои жизни за Родину во время советско-польской войны. Это выразилось в широко распространенной в «белорусских» воеводствах практике ухода польскими военнослужащими за могилами своих боевых товарищей, которые в 1919–1920 гг. сложили головы на северо-востоке Польши, защищая ее от так называемой «большевистской угрозы». Солдаты совместно со своими командирами занимались обустройством не только тех воинских захоронений, в которых находились останки польских легионеров, но и обязаны были следить в целом за благоустройством того сельского кладбища, которое было расположено в зоне их ближайшей досягаемости⁵²⁷. Это служило важной составляющей политики полонизации, так как необходимо было показать местному гражданскому населению «белорусских» воеводств, что военнослужащие польской армии заботились не только о живых, но и о павших, осуществляя регулярный уход за ближайшими сельскими кладбищами, что вызывало симпатии определенной части местного населения северо-востока Польши, которое исповедовало не только католицизм, но и православие. Все христиане чтили свято церковные праздники, посещая совместно с военными не только христианские часовни, но и места захоронений, где произносились поминальные речи, которые воспевали «цивилизаторскую миссию польской нации» во всем восточном пограничье⁵²⁸.

Польские военнослужащие под руководством своих офицеров и унтер-офицеров обязаны были в календарные праздники Второй Республики устраивать для местного белорусского населения спектакли, спортивные игры и театрализованные представления, причем последние должны были

⁵²⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 23.

⁵²⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1938. S. 66.

проходить под аккомпанемент военных оркестров, принимая тем самым форму концерта. Организовывавшиеся военнослужащими в дни национальных торжеств праздничные мероприятия должны были сопровождаться вывешиванием национальных двухцветных флагов страны и портретов видных польских исторических и государственных деятелей, среди которых особое место отводилось изображению Ю. Пилсудского. Перечисленные выше мероприятия могли проводиться военнослужащими польской армии, как в постоянных помещениях армейских «домов культуры», так и на устанавливавшихся ими временных деревянных подмостках, служивших в качестве театральной сцены для дачи представлений на открытом воздухе.

Будучи глубоко патриотическими по своему содержанию, подобные мероприятия имели своей целью восхваление успехов и достижений польской нации, способствуя тем самым забвению национально-исторического прошлого белорусов⁵²⁹. Так, здание школы в белорусском поселке Калеты Виленского воеводства было предназначено не только для проведения учебных занятий для подрастающего поколения, но и оно служило центром социально-культурной работы всего поселка, например, на сцене данной школы проводились для местных жителей разнообразные концертные мероприятия патриотической тематики, которые организовывались унтер-офицерами КОП в дни государственных и национальных праздников. Важно также отметить, что национальные торжества государственного значения проводились в Польше не только при пассивном участии насильно сгонявшихся на них представителей молодежи. Неотъемлемой частью работы польских военнослужащих с местным населением являлся своеобразный «поиск талантов» среди представителей молодого поколения, обладавших музыкальными, хоровыми и сценическими способностями. Это было связано с тем обстоятельством, что сопровождавшие в большинстве случаев торжества концертные и

⁵²⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 6.

театрализованные представления, следовало организовывать не только силами военнослужащих, но и привлекая для этого гражданских лиц с целью подготовки ими индивидуального или коллективного творческого выступления. Так, молодые белорусы, приглашенные для участия в таких праздничных вечерах, могли зачитывать наизусть стихотворения и исполнять польские народные песни, как в сольной, так и в хоровой вариациях, вызывая тем самым положительные эмоции у пришедших послушать их зрителей.

Унтер-офицеры, отвечающие за культурно-воспитательную работу в своих воинских частях и среди гражданского населения, отмечали с удовлетворением, что представители молодого поколения восточного пограничья являлись в целом очень талантливыми, но данный талант, по их мнению, необходимо было умело брать в государственные руки, так как тяжелейшие условия их повседневной жизни не позволяли юношам и девушкам развить свои творческие способности и реализовать себя на малой и большой сцене⁵³⁰. Стоит, правда, отметить, что далеко не все родители были готовы дать согласие на посещение своими отпрысками подобных репетиционных мероприятий, так как их труд был крайне востребован либо на полевых и иных работах, связанных с получением материального вознаграждения, либо в ведении личного домашнего хозяйства, но если подросткам и удавалось добиться от глав семей разрешения посещать концертные вечера, то это никак не отражалось на выборе ими дальнейшей карьеры именно в этой сфере, так как молодые исполнители и артисты получали, как правило, лишь устную благодарность от своих офицеров-начальников, в то время как родители юных дарований надеялись на получение если не денежных выплат, то хотя бы выдачи им подарков в форме продуктов питания⁵³¹.

Военнослужащими польской армии в восточных воеводствах устраивались и мероприятия, предназначавшиеся непосредственно для

⁵³⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6...1937. S. 14–15.

⁵³¹ Ibid.S. 20–21.

молодежи. Они призваны были не только вызывать положительный эмоциональный подъем у подрастающего поколения, но и попытаться объединить его в едином патриотическом порыве и любви именно к польской государственности, что и отвечало задачам политики полонизации. Например, ежегодно в мае–июне на центральной площади небольших белорусских городов и сельских местечек проходил увлекательный по своему содержанию местный праздник – «Весенний молодежный праздник» или «Праздник Святых песен». Молодежи предлагалось выступить на этом мероприятии сольно или в сопровождении хора с песенным репертуаром, который должен был быть посвящен любви к своему отечеству, а такая любовь могла олицетворять в музыкальном исполнении не только красоту родной природы, но и величие всего польского народа и его отдельных представителей⁵³². Данное торжество устраивалось по инициативе польского чиновничьего аппарата, но с обязательным участием воинских формирований, на представителей которых возлагалась не только задача поддержания правопорядка и пресечения в случае необходимости различного рода антиправительственных провокаций, а также революционных волнений, но и своим парадным обликом солдаты, унтер-офицеры и офицеры польской армии должны были олицетворять силу и мощь всей Второй Республики, тем более, что для молодежи было чрезвычайно любопытно получить возможность рассмотреть поближе униформу и стрелковое оружие польских солдат, маршировавших выверенным строевым шагом.

Военнослужащие польской армии предлагали исполнителям песенного конкурса принять участие после его окончания, в спортивных состязаниях и играх, в частности в забеге на длинную дистанцию, а также в волейбольном турнире⁵³³. В целях развития духа состязательности среди белорусской молодежи проводились также соревнования по переноске сена и забеги на повозках, запряженных лошадьми. Тем не менее, одним из самых

⁵³² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 21.

⁵³³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 7.

популярных у местного гражданского населения видов спорта являлась стрельба, поскольку каждый молодой человек испытывал непреодолимое желание подержать в своих руках настоящую боевую винтовку, сделав из нее выстрел по конкретной или условной мишени⁵³⁴.

Мы видим, что спортивные игры и соревнования были разнообразными по своей форме, выбор которых во многом зависел от географических условий конкретной местности. Восточные окраины Польши являлись идеальным местом по своим географическим параметрам для проведения конных соревнований, отвечая также требованиям организации стрельбищ. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что организовывавшиеся унтер-офицерами в восточных воеводствах спортивные мероприятия не требовали в массе своей серьезных финансовых затрат для закупки необходимого инвентаря, поскольку главным из них являлись в теплое время года соревнования по легкой атлетике, в то время как при наступлении неблагоприятных погодных условий, сопровождавшихся установлением низких температур и выпадением обильных осадков в виде дождя и снега, спортивные соревнования среди гражданского населения военнослужащими фактически не проводились⁵³⁵.

Положительной оценки заслуживает и деятельность «Польского общества Белого креста», активисты которого помогали реализовывать в восточном пограничье политику полонизации с помощью волонтерской работы. Например, члены указанного общества, среди которых были не только лица с медицинским образованием, но и те, кто имел за своими плечами опыт педагогической работы и деятельности в сфере искусства, могли устраивать совместные культурно-массовые мероприятия, во время которых польские военнослужащие и представители коренного населения восточных областей получали возможность наблюдать за ними в качестве зрителей.

⁵³⁴ Ibid. S. 12.

⁵³⁵ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 21.

Также члены данной организации не упускали возможность во время своего посещения сельских населенных пунктов побудить проживавших в них белорусских детей написать на бумаге короткие поздравления, которые предназначались для польских солдат. Подобные акции проводились особенно в дни государственных и религиозных праздников, и собранные таким путем письма подрастающего поколения указанная организация доставляла затем военнослужащим, которым было приятно узнать о том, что их служба имеет для кого-то серьезное значение. Вместе с тем далеко не все деревенские дети и подростки владели навыками письма на польском языке, и тогда в таких случаях они либо надиктовывали сотрудникам «Белого креста» свои пожелания и поздравления, либо его членам приходилось самим сочинять небольшие письма, стараясь при этом передать непосредственно подростковое мировоззрение для того, чтобы солдаты во время ознакомления с ними не смогли ничего заподозрить⁵³⁶.

Волонтерская миссия «Белого креста» проявлялась также в том, что по его инициативе, как в воинские части, так и в сельские библиотеки поступали сотни новых книг, что, несомненно, способствовало повышению образовательного уровня военнослужащих и местных жителей, получавших таким путем возможность самостоятельно ознакомиться с новинками художественной и учебной литературы, изданной на польском языке. Особую торжественность приобретали данные акции во время широко отмечаемых годовщин исторических дат⁵³⁷. Совместно участвуя в развлекательных зрелищах, польские солдаты и белорусские крестьяне должны были укреплять духовную связь друг с другом, способствуя тем самым складыванию формулы национального единства всего польского общества, а именно: образу единой страны, в границах которой не просто найдется место всем нациям и различным социальным слоям, но и, что особо

⁵³⁶ Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej... 1925. S. 20.

⁵³⁷ Ibid. S. 20–21.

подчеркивалось, достижению единства между народом и армией, когда и армия защищает народ, и народ поддерживает армию.

Но далеко не все памятные даты исторического календаря могли использоваться правительством межвоенной Польши для проведения национальной политики полонизации, так как отбор их военно-политическим руководством страны, или, употребляя современный термин «политика памяти», преследовал исключительно цель продемонстрировать на исторических примерах белорусам, а также литовцам, прогрессивную и цивилизаторскую роль поляков в многовековой истории этих народов. В случае приближения юбилея того или иного исторического события, результаты которого отрицали и дискредитировали значение польско-белорусских и польско-литовских взаимоотношений, он безжалостно исключался польскими властями из календаря памятных исторических дат. Но предписанное «сверху» забвение послушно соблюдалось среди национальных коллективов Второй Речи Посполитой далеко не всегда. Так, 30 ноября 1929 г. представители белорусской и литовской интеллигенции торжественно отметили четырехсотлетие принятия Первого Литовского статута, но историческое значение данных торжеств, не выйдя за рамки узкого слоя интеллектуальной элиты, осталось совершенно неизвестным для многочисленной крестьянской массы обоих народов⁵³⁸.

Изученный материал позволяет сделать вывод, что государственное руководство Польши всячески стремилось в межвоенный период привлечь на свою сторону проживавшие на ее территории национальные меньшинства, в частности белорусское, путем организации государственных и национальных торжеств, возлагая во многом осуществление таких мероприятий на вооруженные силы, которые были представлены в восточных воеводствах Корпусом Охраны Пограничья.

⁵³⁸ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 23.

3.3. Экономика полонизации и армия в зеркале пропаганды.

Восточное пограничье Польши являлось регионом с разнообразными природными условиями, которые были не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы, речь идет о следующих особенностях, которые касались климата и строения почв, уровня развития экономического потенциала данного региона, разнообразного национального и социального состава его населения, общего уровня образования и медицинского обслуживания⁵³⁹.

Все перечисленное обуславливало сложность выработки программ реформ, которые не только преследовали цель колониального выкачивания природного сырья и его передачу на откуп иностранным компаниям, но и позволили бы создать национальную индустриальную промышленность на северо-востоке Польши, которая и способствовала бы увеличению экономического благосостояния местного населения, и, следовательно, повышению качества его жизни и образовательного уровня. Поэтому вооруженные силы Польши, размещенные на Востоке страны, должны были оказывать благоприятное воздействие на экономическое развитие сельской местности путем проведения теоретических занятий и практических мероприятий, которые призваны были укрепить аграрный сектор с помощью успешной мелиорации, парцелляции, открытия сельскохозяйственных курсов, взаимодействия с работниками внешкольного образования и сотрудничества с кооперативными организациями.

Острота проблемы мелиорации в «белорусских» воеводствах Польши была обусловлена тем обстоятельством, что широкое применение мелиоративных технологий с целью увеличения показателей урожайности сельского хозяйства и продуктивности животноводства требовало всестороннего содействия местного населения, которое в массе своей было к этому совершенно не готово. Мелиоративные работы, не сводясь лишь к одному прорытию каналов, предназначенных для отвода водной массы в

⁵³⁹ Kirwiel E. Społeczeństwo Kresów Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej okresu międzywojennego // Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą. 2013. T. 2. S. 182–197.

водохранилища, включали также ликвидацию многочисленных кустарников, мхов, а также тщательную подготовку полей и лугов. Последняя предполагала засев поля или луга благородной растительностью, которая должна была содействовать укреплению аграрного сектора. Но это в свою очередь влекло за собой необходимость крупных финансовых вложений, которые следовало направить на закупку семян трав и других культур, посадку и уход за которыми следовало осуществлять с помощью сельскохозяйственного инвентаря, который в массе своей отсутствовал у местного населения. Вместе с тем процесс укрепления сельского хозяйства «белорусских» воеводств Польши не исчерпывался только проведением мелиоративных работ, поскольку данная территория изобиловала торфяными залежами, сырье которых использовалось главным образом в качестве топлива, в то время как для увеличения продуктивности животноводства предполагалось использовать добываемый здесь торф в качестве главной добавки к удобрениям, которые вносились для подкормки бедных гумусом почв, и качественный гумус был необходим той почве, которая засыпалась после завершения мелиоративных работ, так как домашний скот должен был питаться теми сортами трав, которые произрастали на месте осушенной болотистой местности. Ее можно было также засеять семенами льна, поскольку он являлся традиционной технической культурой в западных губерниях бывшей Российской империи и процесс его культивирования следовало наладить в возрожденной Польше, так как лен находил широкое применение в полотняном производстве. Но выращивание льна являлось только начальной его фазой, потому что именно в подрубленном состоянии он имел возможность найти своих покупателей на рынке, а для этого необходимо было задействовать технические новшества, например, в ход шли взбивалки, с целью переработки льняной соломы в правильное волокно, выступавшее главным сырьем для производства одежды. Другой важной технической культурой служила конопля, но ее переработка прекратилась полностью к тому времени на территории Польши, и она ввозилась в

межвоенный период в основном из Югославии, а процесс изготовления конопляного волокна был возобновлен только в середине 30-х гг. XX в.

Повышение показателей производства животноводческой продукции, а также сельскохозяйственных культур, требовало создания на местах таких промышленных предприятий, которые занимались бы ее переработкой и продажей на рынке местному населению. Данные кооперативы приходилось создавать на пустом месте, прибегая к помощи лиц давно занимавшихся подобными операциями; с целью открытия кооперативов могли устраиваться показательные выездные экскурсии, в ходе которых заинтересованным лицам разъяснялись детали такой работы, например, мелкие крестьянские хозяйства, занимавшиеся выращиванием зерновых культур, должны были направлять собранный урожай именно на предприятия подобных дельцов, так как они, не имея вместительных зернохранилищ и помещений для хранения овощных культур, например, картофеля, обязаны были принимать поставлявшиеся фермерами продукты животноводства. Мелкие и средние крестьянские хозяйства северо-востока страны не должны были обходить стороной выращивание плодовых деревьев, урожай которых также пользовался внутренним и внешним спросом, но для этого требовалась кропотливая просветительская работа и практическая помощь в посадке саженцев и уходу за молодыми садами, так как плодовые деревья требовали также правильного выбора участка, почва которого могла дать обильный урожай. Патронаж требовался белорусским фермерам и в области пчеловодства. Само решение обзавестись пчелами предполагало наличие определенных финансовых средств и необходимых знаний, поскольку помимо создания ульев требовалось обучение целых пасечных бригад, задачей которых являлось не только сбор меда, но и осуществления контроля за состоянием здоровья пчел, которых следовало готовить к зимовке с наступлением холодного времени года⁵⁴⁰.

⁵⁴⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 10–14.

В летнее время года военнослужащие польской армии обязаны были набирать из числа местного крестьянского населения экскурсионные группы для демонстрации им тех успехов, которые были достигнуты в области сельского хозяйства и животноводства на территории подведомственных воинским частям земельных участков и ферм, так как данные экскурсии, согласно сделанным наблюдениям, порождали эмоциональный порыв для достижения подобных результатов⁵⁴¹.

Но чтобы научить белорусских крестьян основам земледелия необходимо было обучить ему сначала самих польских солдат, поэтому рядовые военнослужащие посещали необходимые для повышения урожайности в фермерских хозяйствах занятия, на которых они постигали не только сухую теорию, составляя конспекты в своих тетрадях, но и получали возможность апробировать полученные умения на практике. Преподавателями для рядовых военнослужащих выступали, как сами офицеры и унтер-офицеры, так и приглашенные гражданские лица, которые имели богатый опыт работы в сельском хозяйстве. Речь шла в первую очередь об осадниках, хозяйства которых выступали образцом для подражания, а также приглашались работники кооперативных организаций и преподаватели Виленского и Львовского университетов. Вместе с тем были случаи приезда сельскохозяйственных специалистов и преподавателей университетов из западно-центральных воеводств Польши, которые давали также ценные советы по выращиванию тех или иных сельскохозяйственных культур. Так, во время учебных занятий военнослужащих польской армии знакомили сначала с имевшимися на тот момент разновидностями сельскохозяйственных, плодовых и цветочных культур, которые выращивались во Второй Речи Посполитой, и были пригодны для культивирования их в восточных воеводствах, а затем разъяснялись им конкретные приемы посадки и ухода за

⁵⁴¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 7.

теми или иными видами посевных⁵⁴². Но изложение теории не ограничивалось лишь конспектированием озвученного лектором учебного материала, так как военнотружущим давался список рекомендованной литературы, самостоятельное ознакомление с которой позволяло солдатам лучше уяснить более мелкие, но важные детали сельскохозяйственной работы. Так, в специализированной литературе военнотружущие могли более подробно ознакомиться со значимостью для земледелия компостных ям, содержимое которых в виде перегнивших органических отходов способствовало бы не только выращиванию сельскохозяйственных культур, но и поддержанию экологического здоровья всего хозяйства.

Завершив изложение теории, преподаватели выводили весной с началом посевной своих подшефных непосредственно на практические занятия, во время которых военнотружущие высевали своими руками различные овощи и фрукты, а впоследствии следили за их состоянием, а также «подкармливали» их органическими удобрениями, а в летне-осенний период занимались сбором выращенного ими урожая, который употреблялся в пищу или, как это было с выращенными цветами, использовался для украшения казарменных, досуговых помещений, а также столовых⁵⁴³. Подобное сочетание теории и практики должно было не только сделать из военнотружущих прирожденных аграриев, но и способствовать передаче приобретенных таким путем агротехнических знаний лицам польской нации, а также использованию их самими военнотружущими в своей дальнейшей гражданской жизни.

После того, как завершалось обучение военнотружущих польской армии методам ведения сельского хозяйства, следовало приступить непосредственно к работе с местным населением. Она предусматривала в первую очередь изменение отношения к труду со стороны коренных жителей «белорусских» воеводств, которых, для того чтобы избавить от вековой

⁵⁴² Использовались во время уроков и наглядные материалы в виде картинок, схем и слайдов, а также демонстрировались специализированные обучающие фильмы, которые завозились из крупных городов Польши.

⁵⁴³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 6–7.

отсталости, следовало всячески приучать к трудолюбию. Подобное привитие любви белорусских крестьян к труду выступало в качестве идеального плана, который, получив документальное оформление на бумаге, направлялся затем для последующей реализации на местах, а именно: воинские подразделения КОП, имевшие постоянные контакты с местным гражданским населением (по причине патрулирования и строительства инфраструктурных объектов, а также осуществления постоянного надзора за деятельностью антиправительственно настроенных лиц), должны были активно привлекать граждан северо-восточных областей для совершения экскурсий по земельным и хозяйственным объектам своих воинских частей, где им показывались образцовые фермерские, огородные и садовые участки, на которых выращивались самими военнослужащими овощи, фрукты и цветы, а также давались рекомендации по уходу, контролю и сбору урожая. В обязанность военнослужащих-экскурсоводов входило проведение своеобразных «мастер-классов», посвященных вскапыванию грядок, или установке различных каркасных и тепличных построек.

Программа сельскохозяйственных и животноводческих курсов включала в себя проведение следующих лекционных занятий, соответствовавших профессиональной тематике: ветеринария, правила организации пастбищ, заготовка кормов для животных, поддержание санитарного состояния хлебов, оборудование ульев для пчеловодства, правила садоводства и цветоводства, а также основы почвоведения и земледелия; но стоит отметить что прослушанная фермерами «теория» не находила дальнейшего применения в их хозяйствах. Это касалось, в частности, ветеринарии, и несмотря на то, что занятия, проводившиеся в этой области, были действительно значимыми, на практике они в большинстве случаев использовались лишь с целью внешней диагностики, так как у владельцев животных не было при себе специализированных инструментов, к

которым относились – трактор, ирригатор и т.д., позволявшие незамедлительно оказать ветеринарную помощь заболевшему животному⁵⁴⁴.

Программой предусмотрены были также теоретические занятия, которые были направлены не на формирование сельскохозяйственных умений и навыков, а на воспитание лояльной государству гражданской позиции у слушателей, поэтому узкопрофессиональное обучение дополнялось передачей социально-гуманитарных знаний, например, по истории польской нации и политическому развитию межвоенной Польши⁵⁴⁵. Последние занятия были призваны сформировать у представителей национальных меньшинств чувство принадлежности к польской культуре, и на подобных уроках белорусы должны были найти в себе силы разорвать все имевшиеся у них духовные связи с Россией и со всем тем, что было связано с русской историей и культурой; а на практических занятиях слушателям сельскохозяйственных курсов унтер-офицеры разъясняли особенности работы на земле в своих хозяйствах, например, фермеры принимали участие в уходе за огородами, садами и лугами, а также кормили сельскохозяйственных животных, удаляли различные сорняки и собирали стернь⁵⁴⁶, унтер-офицеры учили также крестьян правилам обрезки крон плодовых деревьев, т. е. обучали их на практике правильному удалению тех ветвей, которые представляли угрозу для всего дерева⁵⁴⁷. Подобная практика проводилась с целью закрепления ранее полученных теоретических знаний..

Но эти экскурсии и показательные мероприятия для гражданских лиц не должны были завершаться безрезультатно, поскольку по их окончании предполагалось вручение им подарков в форме рассады зелени и томатов, семян лука и других овощей; также в качестве памятных подарков могли передаваться в дар саженцы плодовых сортов яблонь и груш, которые предоставлялись местным жителям для того, чтобы они уже самостоятельно высадили их на своих приусадебных участках, т. е. предполагалось, что

⁵⁴⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 22.

⁵⁴⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 27.

⁵⁴⁶ Ibid.

⁵⁴⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 20.

полученные теоретические знания и визуальные плоды деятельности воинских хозяйств дадут необратимо положительный результат и смогут пробудить в крестьянах дремавшую в них предприимчивость, которая во времена существования Российской империи так и не смогла найти себе практического выхода. Также предполагалось передавать гражданским лицам породы тех сельскохозяйственных животных, которые разводились на территории воинских частей в восточных воеводствах, например, рекомендовалось во время демонстрационных мероприятий и экскурсий рассказывать о важности кролиководства, позволявшего обеспечить крестьянские семьи и одновременно насытить внутренний рынок ценным с точки зрения питательных и вкусовых качеств мясом. Сообщалось также о правилах содержания домашней птицы, прежде всего, кур и петухов⁵⁴⁸.

Во время проведения сельскохозяйственных курсов унтер-офицеры рекомендовали владельцам крестьянских хозяйств приобретать путем ежемесячной подписки специализированную литературу, которая помогла бы им содержать свои сельскохозяйственные угодья в надлежащем виде и, что самое главное, с помощью применения теоретических знаний добиваться высокой урожайности. Распространенными сельскохозяйственными изданиями являлись следующие журналы – «Путеводитель по сельскому хозяйству» и «Сельскохозяйственное обучение», на страницах которых не только давались рекомендации по посадке растений и уходу за ними, но и демонстрировались последние образцы уборочных машин и другого сельскохозяйственного оборудования, которое использовалось не только на территории Польши (а, точнее, в ее западно-центральных воеводствах), но и в странах Западной Европы, например, в публикациях данных сельскохозяйственных журналов американский фермерский инвентарь был охарактеризован в качестве самого надежного и удобного.

Подобные демонстрационные мероприятия, по мнению польского правительства, должны были не только пробудить личный интерес и

⁵⁴⁸ Biuletyn oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 6, 8.

активизировать экономическую деятельность у коренных жителей «белорусских» воеводств, но и побуждать их к созданию кооперативных сельскохозяйственных организаций, что и должно было привести в скором времени к росту материального благосостояния и экономическому процветанию восточных окраин страны, и закреплению в сознании граждан непольской идентичности духовно-культурных основ польской нации. Именно последнее положение и должно было помочь укрепить польский правящий элемент в восточной пограничной полосе для проведения колониальной политики Варшавы, обеспечив необходимый ей результат по устранению национальной идентичности тех лиц, которые не считали себя поляками и не хотели быть таковыми. Но перечисленные мероприятия по ликвидации сельскохозяйственной неграмотности проходили под непрекращающимися лозунгами борьбы за лучшее будущее для тех граждан Польши, которые являлись представителями национальных меньшинств, и тем самым правящие круги страны получали в свои руки весомый аргумент, гласивший, что восточнославянское население, проживавшее испокон веков на территории «белорусских» воеводств, смогло, наконец, при помощи поляков совершить цивилизационный прорыв в светлое будущее, понимавшееся в категориях европейского прогресса.

Но данные мероприятия, предназначавшиеся для гражданских лиц «белорусских» воеводств, выглядели идеальными исключительно на бумаге, в то время как в реальной жизни офицерский и унтер-офицерский состав польской армии не утруждал себя лишним раз посещением в свободное от службы время крестьянских поселений, убеждая с энтузиазмом местное население в ходе многочасовых бесед в необходимости посещения ими хозяйственных участков, огородов и садов воинских частей для того, чтобы получить базовый багаж знаний и улучшить тем самым свое экономическое благополучие. Например, население деревни Дмитровки, которая была расположена на польско-литовской границе, испытало на себе во время начавшегося весной 1936 г. сезона сельскохозяйственных работ мощное

воздействие подобных просветительских акций, имевших своей целью передачу теоретических знаний и практических навыков в области сельского хозяйства: унтер-офицеры КОП решили организовать для всех желающих специализированные курсы, посвященные методике создания образцовых фермерских хозяйств, располагавшихся на территории дислоцированного польско-литовском пограничье Корпуса.

Крестьяне могли увидеть своими глазами и попробовать своими руками по заявлениям организаторов, методику посадки и ухода за овощами и садовыми растениями, а также получить необходимые рекомендации, связанные с особенностью выращивания тех овощей, которые могли прижиться в непростых климатических условиях северо-востока Польши⁵⁴⁹. Но, несмотря на очевидную важность для польской пропаганды подобного «ликбеза», записаться на данные курсы решили всего два человека, так как большинству крестьянского населения деревни Дмитровки было не до показательных экскурсий и уж тем более обычные граждане не обладали лишними денежными средствами, чтобы обеспечить себя семенами и рассадой тех или иных сельскохозяйственных культур.

Данная практика осталась нереализованной в действительности, поскольку офицеры и унтер-офицеры польской армии продолжали сохранять пренебрежительное отношение к тем сельским и городским жителям, которые не принадлежали к польской национальности, считая унижительным для себя вступать в деловые или светские разговоры с теми, кто влачил жалкое существование (даже имея небольшой приусадебный участок), так как любой разговор с военнослужащим в сельской местности должен был завершаться передачей ему от гражданского лица подарков в форме продуктов питания, т. е. завуалированная взятка была повсеместной и обыденной в восточных областях Второй Речи Посполитой.

Но наиболее проработанной программой сельскохозяйственного обучения являлась та, которая предназначалась для тех поляков, которые

⁵⁴⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 10.

прибыли на территорию восточных воеводств Польши из западно-центральных областей в качестве колонистов, которые стремились не просто обзавестись крупным хозяйством, но и наладить его работу по высшим экономическим стандартам. В этом случае процесс обучения был детальным и долговременным, поэтому такие специализированные сельскохозяйственные курсы по аграрному обучению поляков-колонистов были направлены на ликвидацию сельскохозяйственной безграмотности, потому что они преследовали цель не только юридически владеть своим сельскохозяйственным участком в восточных воеводствах, но и добиться высоких экономических показателей рентабельности, поэтому содержание образовательной программы было ориентировано на получение именно практических умений во всех областях сельского хозяйства.

Преподавательский состав включал в себя не только специалистов в аграрной области⁵⁵⁰, но и инструкторов КОП из числа офицеров и унтер-офицеров, которые имели богатый сельскохозяйственный опыт. Подобная образовательная программа включала 76–80 часов, делясь условно на две части. Так, первая часть включала в себя теоретические и практические занятия исключительно в области сельского хозяйства, а вторая была призвана обучить слушателей курсов организаторским умениям в области культурно-досуговой деятельности в сельской местности. В указанную сетку часов входили следующие теоретические и практические разделы: вводное занятие, включающие в себя знакомство обучающихся с предстоящим планом и целью их обучения на данном курсе (выделялось 2 часа на освоение); затем следовали занятия по почвоведению и машинному земледелию, на которых обучающиеся знакомились с особенностями почвы восточных окраин Польши и приобщались к передовым достижениям европейской агротехники (выделялось 3 часа); затем плавно переходили к методике организации фермерских хозяйств, но небольшого типа, так как аграрная политика страны продолжала следовать курсу на формирование парцеллярных хозяйств

⁵⁵⁰ Таковыми являлись в белорусских воеводствах сотрудники Виленской сельскохозяйственной палаты.

(выделялось 2 часа); важной составляющей являлись знания по овощеводству (выделялось 4 часа), садоводству (выделялось 5 часов) и пчеловодству (выделялось 10 часов), и знания, полученные по данным предметам, должны были способствовать расширению ассортимента продуктов сельского хозяйства и повысить показатели его урожайности в восточных областях страны и, следовательно, привести к увеличению экспорта данных товаров в государства Западной Европы, но методика заготовки, хранения, переработки и реализации овощей и фруктов изучалась в рамках отдельного предмета – сельскохозяйственное обучение (выделялось 8 часов); затем переходили к животноводству, и в данной отрасли сельского хозяйства обучающиеся должны были получить комплекс знаний, касавшихся разведения, кормления и ухода за сельскохозяйственными животными (выделялось 4 часа). Заключительной частью сельскохозяйственных курсов являлись занятия, проводившиеся с целью ознакомления обучающихся с социально-общественной, политической и культурной жизнью сельских регионов Востока Польши, а именно: учащиеся знакомились с основными направлениями экономической политики польского правительства в сельской местности (выделялось 4 часа); приучались к основам личной гигиены (выделялось 2 часа), четко представляя себе непростые природные и социальные условия на Востоке Польши и обусловленный ими набор заболеваний, с которыми они могли столкнуться при работе на своей ферме; затем «курсантов» знакомили с методиками культурного преобразования сельской местности (выделялось 22 часа), что означало активное участие фермеров в организации для крестьянского населения не только развлекательных мероприятий, но и таких праздничных торжеств, в основе которых лежала идея польского патриотизма. Разумеется, подобного рода мероприятия должны были проходить в торжественной форме, например, это касалось постановок любительского театра, концерта или спортивных состязаний. Следует также отметить, что помимо теоретических и практических занятий учащиеся данного курса обязаны были в соответствии

с программой обучения заниматься самообразованием путем самостоятельного чтения специализированной литературы – книг, газет и журналов, так как на это отводились отдельно 6 часов; популярным учебником самообразования являлся совместный труд Ю. Домбровской и Ю. Скаржиньской – «Работа с научной книгой, картой, статистической таблицей, графиком. Помощь в самообразовании»⁵⁵¹, на страницах которого был представлен алгоритм правильного чтения разнообразной специализированной литературы, а также раскрывались умения работы со статистическими данными, которые постоянно встречались в жизни тех лиц, которые работали, прежде всего, в различных кооперативах. К окончанию обучения каждый «курсант» готовил свой доклад по индивидуальной теме (выделялось 4 часа на подготовку), результаты которых зачитывались обучающимися в день закрытия курса. Важно отметить, что обучение начиналось, как правило, зимой, так как в холодные время года учащиеся осваивали сначала предметы теоретической подготовки, а весной, с началом посевной кампании и появлением благоприятных условий для садоводства и пчеловодства, они привлекались преподавателями и инструкторами к выполнению практических заданий, которое позволяло выявить пробелы в их знаниях, не допустив в дальнейшем повторения сделанных во время теоретического обучения ошибок, а от этого зависела рентабельность отдельного хозяйства в масштабах всей страны⁵⁵².

Что касается национального состава обучавшихся на данных агропросветительских курсах лиц, то в большинстве случаев ими являлись местные жители восточных воеводств польской идентичности и в меньшей степени к ним относились те национальные меньшинства, которые ассоциировали себя с польской культурой, т.е. это были литовцы и белорусы католического вероисповедания, которые могли свободно изъясняться на польском, поскольку весь процесс обучения велся на государственном языке.

⁵⁵¹ См.: Dąbrowska J., Skarżyńska J. Praca z książką naukową, mapą, tablicą statystyczną, wykresem. Pomoc w samokształceniu. Wydawnictwo Instytutu Oświaty dorosłych. Warszawa, 1936.

⁵⁵² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 21.

Возраст выпускников подобных агро-просветительских курсов варьировался от 20 до 30 лет, но курсы были формально открыты для записи на них лиц от 16 до 50 лет. С точки зрения половой принадлежности слушателей курсов они были представлены исключительно мужчинами, что вызывало недовольство со стороны политических агитаторов, которые считали необходимым привлекать к подобному обучению и женщин, так как это должно было способствовать не просто улучшению жизни села, но и ускорить в целом политику полонизации⁵⁵³.

Как правило, сельскохозяйственные экскурсии проводились для крестьян в тех воинских частях, хозяйственные угодия которых являлись образцовыми, и достижение ими высоких результатов, призванных продемонстрировать безупречную сельскохозяйственную подготовку военнослужащих, определялось путем проведения конкурса по итогам окончания сельскохозяйственного сезона: командование, члены которого входившие в своеобразную «судебную коллегия», посещали фермерские воинские участки, заполняя специальные бланки с рядом критериев⁵⁵⁴, затем подобные формуляры сопоставлялись между собой и таким путем определяли победителей, в гости к которым и прибывали экскурсионные группы⁵⁵⁵. Данный подход, построенный на конкурсной основе, требовал от унтер-офицеров и офицеров предельной усидчивости в деле приобщения своих подчиненных к премудростям сельскохозяйственного труда, поскольку рядовые военнослужащие вынуждены были выполнять тяжелую физическую работу не только на пашнях, но и в садовых, и на огородных участках, степень ухоженности которых служила допуском для участия в конкурсе.

Причина организации подобных курсов, предназначавшихся в первую очередь для польских колонистов, заключалась в решении таким путем задачи не только экономического порабощения восточных воеводств, но и проблемы национальных меньшинств, представителей которых следовало

⁵⁵³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 21, 22.

⁵⁵⁴ Данные бланки составлялись сотрудниками Сельскохозяйственного института имени Станислава Сташица.

⁵⁵⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 31.

привлекать к участию в экскурсионных мероприятиях, которые организовывались в «идеальных поместьях», принадлежавших польским осадникам, поскольку подобные хозяйства идеального типа, по замыслам военно-политической верхушки Польши, должны были служить наглядным примером «цивилизаторской миссии польской нации», которая была призвана облагородить сельскохозяйственные угодия восточного пограничья, укоренив в сознании местного населения прочное убеждение в спасительной роли польской нации⁵⁵⁶.

Помимо перечисленных вариантов сельскохозяйственного просвещения унтер-офицеры могли с началом посевной кампании проводить просветительские беседы с местными крестьянами, которым в течение часа объяснялся правильный процесс проведения полевых работ, который должен был привести к увеличению показателей урожайности. Крестьянам разъяснялись не только правила посадки овощей, но и правильного ухода за ними. Так, лекторы информировали своих слушателей, что в период, следовавший до сбора урожая или до достижения спелости плодов необходимо было регулярно проводить прополку овощных грядок, чтобы уничтожить все сорняки, а в жаркие летние дни, когда не было дождей, совершать в вечернее время их обильный полив. Также крестьянам рекомендовалось добавлять в воду органический навоз для лучшего качества будущего урожая⁵⁵⁷.

Затем на осенних сельскохозяйственных курсах унтер-офицеры рассказывали в основном местному населению не только о правилах уборки урожая, но и обучали методике подготовки своих хозяйств к зимовке: после окончания периода жатвы крестьянам следовало хорошо вскопать плодородную землю и внести в нее удобрения, также необходимо было постоянно очищать свой сельскохозяйственный инвентарь от налипшей грязи, а по завершению работ обматывать его плотной тканью для того,

⁵⁵⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 5.

⁵⁵⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 19.

чтобы металлические части инструментов не подверглись коррозии, а что касается плодовых деревьев, если они имелись в подсобных хозяйствах белорусских крестьян, то их стволы следовало защищать от грызунов путем обвязывания ветвями можжевельника, таким способом можно было защитить и плодовые кустарники, так как можжевельник также мог спасти их от мелких грызунов⁵⁵⁸. На сельскохозяйственных лекциях местному населению рекомендовалось осуществлять посадку как плодовых деревьев, так и кустарников. К последним относились – малина, крыжовник и смородина, поскольку культивирование данных ягод в природно-климатических условиях восточных воеводств гарантировало высокую урожайность⁵⁵⁹. Но крестьяне, узнававшие о тех или иных сельскохозяйственных культурах и методике их выращивания, ограничивались лишь общими фразами об их будущей покупке, и это являлось главной трудностью для местного населения, так как саженцы плодовых деревьев и кустарников продавались на рынке по ценам, которые были не по карману большинству малоземельных белорусских крестьян, поэтому их приобретение и посадка являлись редким явлением для тех крестьян, личное хозяйство которых было скромным по содержанию и небольшим по размеру. Это касалось и химических удобрений, поскольку для основной массы крестьянского населения «белорусских» воеводств они оставались недоступными, но владельцы небольших земельных участков для решения этой проблемы использовали органический растительный навоз, который заготавливался еще осенью, когда с деревьев падала листва, а кусты засыхали, так как к моменту весеннего посева высохшая растительность успевала перейти в стадию гниения, представляя собой питательную «подкормку» для растений⁵⁶⁰.

Государственное руководство Польши рассматривало сельское население не только в качестве фундаментальной основы существования всей экономики страны, но и делало ставку на развитие экономического

⁵⁵⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 45–46.

⁵⁵⁹ Ibid. S. 28.

⁵⁶⁰ Ibid. S. 46.

потенциала крестьянских масс в обозримом будущем, так как благосостояние поляков в сельской местности определяло жизнедеятельность всего государства, поэтому так называемое «хождение в деревню» польских просветителей являлось важнейшей государственной задачей, так как жители восточных воеводств представляли собой, как считали правящие круги, темные и необразованные массы, не умеющие правильно вести свое хозяйство, подрывая тем самым жизненный резерв страны, которым являлось сельское хозяйство, и для исправления данной ситуации требовалось обучить белорусских, литовских и украинских крестьян, прежде всего, правильному возделыванию земли, которая должна была кормить не только отдельную крестьянскую семью, но и всю страну⁵⁶¹.

Представители прекрасного пола в восточных воеводствах не были также обделены вниманием польских военнослужащих, так как унтер-офицеры организовывали, в основном для девушек, специализированные курсы того ремесла, которые были связаны с кройкой и шитьем. Им давались также теоретические советы по приготовлению пищи и правильной уборке своих жилищ, чтобы поддерживать в них надлежащую чистоту⁵⁶². Таким образом, сельские девушки восточной пограничной зоны представляли собой также объект идеологической обработки путем проведения просветительских мероприятий, на которых им прививался стереотипный образ «идеальной хозяйки», которая путем поддержания порядка сможет обеспечить процветание всей страны.

Разнообразные женские курсы были призваны не только улучшить семейную жизнь в мирное время, но и были нацелены на подготовку женской части населения к военным условиям. Например, если женщина умела готовить для членов своей семьи вкусную пищу, то она могла использовать этот свой наработанный навык, работая поваром на солдатской кухне, а если крестьянская девушка владела портняжным ремеслом, то она могла

⁵⁶¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 31.

⁵⁶² Ibid. S. 41.

заниматься пошивом военного обмундирования для польских военнослужащих, особенно в зимнее время, также навыки оказания первой медицинской помощи в бытовых условиях могли пригодиться и в военное время⁵⁶³. Поэтому женщина в польской деревне обязана была не только следить за хозяйством и воспитывать детей, но и готовить, шить и кроить, а также знать элементарные правила гигиены и санитарии, потому что все это представляло ценность, как в условиях бытовой рутины, так и в случае возникновения крупномасштабной войны, как это имело место в годы Первой мировой.

Поскольку подобные лекции не пользовались особым интересом у опытных, находившихся в зрелом и пожилом возрасте людей, унтер-офицеры стремились привлечь к ним молодежь, в сознание которой, по их мнению, и следовало вкладывать знания в области сельского хозяйства, воспитывая как можно раньше таким путем в них трудолюбие⁵⁶⁴. Подобные лекции были посвящены не только тематике полевых работ, но и целенаправленно включали в себя тот фактический материал, который, преследуя цель привить в молодых сердцах чувство благодарности к собственной стране за свою счастливую юность, призывал представителей молодого поколения идти на службу в польскую армию, а в случае наступления военного времени молодые граждане обязаны были первыми встать на защиту Родины. Но согласно издававшимся распоряжениям, беседы сельскохозяйственной тематики, проводившиеся военнослужащими, должны были охватывать представителей, как пожилого, так и для молодого поколения «белорусских» воеводств. Согласно официальной позиции польского правительства и военного командования, возрастная планка не имела никакого значения, поскольку подрастающее поколение следовало обучить путем теоретических лекций и разъяснительных бесед не только конкретным навыкам ведения

⁵⁶³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1938. S. 33.

⁵⁶⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 6.

сельского хозяйства, но и приобщить их к чувству гордости за страну, которая наставляла и приучала их к правильному образу жизни.

Что касается пожилых белорусов, которые также являлись участниками подобных просветительских акций, то польская пропагандистская машина не стремилась связывать с ними в этом случае крупную надежду на закрепление в их сознании патриотических чувств, но это не служило главным препятствием к допуску их к участию в подобных курсах, так как из них следовало сформировать такой слой сельских хозяев, которые смогли бы приумножить экономическое благосостояние Польши за счет правильного возделывания земли⁵⁶⁵.

Но активными слушателями и участниками сельскохозяйственных курсов были и крестьяне-резервисты, которые уже прошли воинскую службу в рядах польской армии, и именно за счет привлечения бывших рядовых военнослужащих офицерский состав и добивался получения благодарностей от высокопоставленного начальства, так как в отчетной документации и на страницах пропагандистской печати вырисовывалась идиллическая картина, согласно которой офицеры и военнослужащие польской армии знакомили, объясняли и обучали с десятков и более гражданских лиц непольской идентичности основам правильного ведения фермерских хозяйств и повышали их экономическую эффективность. Но фактически умалчивался тот факт, что такие сельские жители посещали подобные курсы по предварительной договоренности с ними, так как крестьяне-резервисты были дисциплинированы и не могли оказывать словесное сопротивление тем армейским агитаторам, которые были обязаны привлекать определенное число граждан для участия в работе курсов по ликвидации сельскохозяйственной неграмотности.

Привлечение резервистов давало положительные результаты, так как бывшие военнослужащие польской армии помогали унтер-офицерам собирать народ для проведения просветительских акций. Например, в

⁵⁶⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 41.

октябре 1935 г. на территории гмины Ораны⁵⁶⁶ Виленского воеводства среди местных крестьян были организованы сельскохозяйственные курсы, инициаторами которых выступили военнослужащие КОП. Проведение подобного просветительского мероприятия именно на польско-литовском пограничном участке было не случайным, так как расположенные там земельные угодья фактически не обрабатывались местным населением из-за отсутствия у них соответствующих знаний в области земледелия, поэтому было принято решение привить жителям Ораны любовь к сельскому хозяйству. В течение одиннадцати месяцев унтер-офицеры КОП не только обучали местных крестьян правильному ведению сельского хозяйства, но и убеждали их в необходимости получать знания самостоятельно путем чтения специализированной литературы, так как ожидать в дальнейшем подобных благотворительных мероприятий со стороны польских властей им больше не стоило, поэтому лучшая жизнь для них наступит в том случае, как убеждали их унтер-офицеры и резервисты, когда они приложат к этому свои собственные усилия, а не будут рассчитывать на «манну небесную». В ноябре 1936 г. были подведены итоги данного курса, которые продемонстрировали хороший уровень усвоения теории сбором выращенного с ее помощью урожая. Победители получили от унтер-офицеров в качестве приза сельскохозяйственный инвентарь, и вручение подобных подарков должно было побудить жителей деревни Ораны к дальнейшему занятию сельским хозяйством⁵⁶⁷.

Подобные лекционные мероприятия проводились не только в сельской местности, но в пределах городской среды. Так, с 4 по 12 января 1937 г. в белорусском городке Будславе Виленского воеводства, расположенном в 150 км. от Минска, были организованы сельскохозяйственные курсы, которые проводились при активном содействии польских военнослужащих. Городское население Будслава в течение восьми дней познакомилось с основами

⁵⁶⁶ Данный населенный пункт располагался в межвоенный период на польско-литовской границе, его население составляло не более 10 тыс. человек, большинство из которых считали себя этническими литовцами. См.: *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 3–4... 1937. S. 19.

⁵⁶⁷ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 3–4... 1937. S. 19–20.

ведения сельского хозяйства, обустройством которого возможно было заниматься и в городской среде с помощью небольшого, но плодородного клочка земли, также жители Будслава были посвящены в ключевые вопросы ветеринарии и животноводства. В дополнение к агрономическим знаниям и сведениям о животноводческой отрасли жителям были прочитаны дополнительные лекции о необходимости гражданской ответственности за свои поступки в той стране, которая предоставляет им все необходимые условия для их жизни и развития, поэтому горожане должны были проявлять свою симпатию и любовь к установленным польскими властями порядкам, которые были не только законодательно предписаны, но и вытекали из духовно-культурных традиций польской нации; последнее означало не что иное, как посещение католических приходов, так и изучение польского языка, употребление которого являлось строго обязательным в профессиональной сфере, а также желательным в повседневном общении⁵⁶⁸.

Для ускорения экономического развития северо-востока страны командование польской армии распоряжалось о проведении для местного населения и таких встреч, на которых предприимчивым крестьянам предлагалось развивать кооперативное движение в грибном промысле, так как земли «белорусских» воеводств являлись не только песчаными и болотистыми, но и были разрезаны большим количеством озер и рек, благодаря которым вырастали низкорослые сосны, которые способствовали «размножению» грибов, а создание таких «грибных кооперативов» гарантировало его участникам ежегодную прибыль в размере 200–400 тыс. злотых⁵⁶⁹. Но стоит отметить, что грибной промысел не находился в руках коренного населения восточных воеводств, поскольку их сбор и продажа были закреплены за польскими осадниками, которые не только самостоятельно устанавливали цены на рынке, но и нетерпимо относились к возможным конкурентам в лице белорусов, поэтому обращенные к

⁵⁶⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 30.

⁵⁶⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1937. S. 34–35.

крестьянам призывы польских военнослужащих взять в свои собственные руки «грибную промышленность» являлись ничем иным, как не подкрепленными реальной действительностью пустыми разговорами.

Местному населению предлагалось также на сельскохозяйственных лекциях использовать произрастающие в «белорусских» воеводствах технические культуры для открытия своего собственного кооперативного дела, которое могло бы приносить экономическую прибыль. Так, польские унтер-офицеры организовывали специальные курсы по плетению корзин и других вместительных предметов, с помощью которых можно было переносить и хранить различные вещи, а так как подобные изделия являлись важной составляющей любого крестьянского хозяйства, то спрос на них всегда был очень высоким, поэтому белорусским крестьянам предоставлялась возможность постичь методы изготовления такого инвентаря при помощи льна, лозы и других растительных культур⁵⁷⁰; но, главная сложность заключалась в том, что обучение плетению корзин являлось на практике длительным процессом, составлявшим по времени около десяти часов, а оно не всегда имелось в распоряжении у большинства крестьян, повседневные заботы которых вынуждали их использовать любую возможность для быстрого заработка.

Население восточных воеводств узнавало о предстоящих сельскохозяйственных лекциях с помощью рекламы, которая доводилась до сведения местного населения не только путем расклеивания обыкновенных бумажных афиш, но и с помощью такой оригинальной формы созыва сельского населения «белорусских» воеводств на подобные просветительские беседы, как выступления военных оркестров, которые за несколько дней до намеченной даты исполняли польские музыкальные произведения, и собравшиеся на звук оркестра любопытные граждане узнавали от военных музыкантов новость о том, что в такой-то день и в такое-то время будут проводиться учебные курсы, которые помогут им наладить свое подсобное

⁵⁷⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1937. S. 35.

хозяйство. Подобная оригинальная реклама использовалась не с целью развлечений, а для пропаганды польской музыкальной культуры, например, 20 ноября 1935 г. в белорусском местечке Микашевичи Полесского воеводства прошла сельскохозяйственная лекция на тему о правильной посадке плодовых деревьев. Явившиеся на нее слушатели собрались благодаря выступлению военного оркестра, который своим музыкальным исполнением своевременно оповестил сельских жителей о предстоящем мероприятии. Заслуживает внимания тот факт, что сама лекция в Микашевичах проходила также под аккомпанемент военного оркестра, который в начале и в конце просветительской беседы исполнил перед белорусскими крестьянами польские народные мелодии, вызвав таким путем не только любопытство большинства крестьян, но и приобщив их к музыкальной культуре польской нации; что касается интереса к теме самой лекции, то унтер-офицерами, исполнявшими в течение трех часов обязанности лекторов, было установлено, что сельское население прекрасно ознакомлено с методиками посадки фруктовых деревьев, унаследовав подобные знания от своих предков. Но проблема заключалась, по мнению унтер-офицеров, как раз в том, что крестьяне не знали всех правил посадки и ухода за плодовыми деревьями, поэтому их личные хозяйства лишены были дополнительного источника дохода, в то время как в действительности у малоземельных крестьянских масс не имелось лишних денежных средств, которые можно было бы свободно пустить на закупку саженцев, а также сам их социальный статус не позволял им выделять лишний участок плодородной почвы на посадку плодовых деревьев, так как он использовался под выращивание зерновых и овощных культур.

Если в крестьянском хозяйстве все же имелись плодовые деревья, то, они меньше всего напоминали полноценный и цветущий сад, и их убогий внешний вид оставлял желать лучшего: в массе своей деревья были низкорослыми, их кроны напоминали собой метелки, а стволы по внешнему виду были истощенными. Все это говорило о том, что хозяевами не

осуществлялся должный уход за ними, например, плоды не успевали доходить до своей окончательной зрелости по той причине, что они срывались белорусскими мальчишками еще в неспелом состоянии, так как этому способствовал голод⁵⁷¹.

Воинские подразделения польской армии обязаны были брать на себя роль покровителей тех крестьянских хозяйств, владельцы которых выразят такое пожелание. Если такое одобрение исходило от гражданского лица, то его хозяйство могло рассчитывать на получение, как устных рекомендаций, так и практической помощи. Унтер-офицеры рассказывали крестьянам о правильной методике посадки картофеля и других видов овощей, которые составляли повседневный рацион крестьянских семей, а также военными давались указания, касавшиеся правильной вспашки земли с целью недопущения ее истощения в последующие посевные сезоны, помимо этого, военные инструкторы предоставляли информацию в области пчеловодства и разведения домашнего скота, обучая правильному наблюдению за состоянием здоровья последнего, так как падеж скота мог привести к угрозе распространения эпидемий⁵⁷². Вместе с тем необходимо отметить, что оказание подобной консультативной помощи крестьянским массам северо-восточной части Польши замыкалось лишь на определенном социальном слое, который в тех областях страны являлся господствующим классом. Речь идет об институте осадничества, представители которого прибегали к содействию сведущих в сельском хозяйстве офицеров и унтер-офицеров, которые в основном и помогали осадникам не своими теоретическими советами, а выполняли роль управляющих, направляя своих подчиненных на соответствующие сельскохозяйственные работы. Представители рядового состава под пристальным присмотром своих командиров занимался посадкой плодовых деревьев, сбором выращенного урожая, дойкой коров, а в случае необходимости, отловом сбежавших животных. Такое широкое

⁵⁷¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 26, 28.

⁵⁷² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 18–19.

использование военнослужащих в сельском хозяйстве и животноводстве объяснялось военным командованием тем, что польские осадники доверяли свое материальное недвижимое и движимое богатство именно польской армии, а не гражданским лицам, которые также активно нанимались в качестве наемных работников из числа национальных меньшинств, но в глазах поляков они представляли собой ненадежный элемент, поскольку неблагоприятные социальные условия вынуждали их нередко совершать кражи и грабежи в хозяйствах богатых землевладельцев. Правда, следует отметить, что и повседневная солдатская жизнь была далека от изобилия, но все же польские военнослужащие были подчинены строгой дисциплине и находились под присмотром своих командиров, не только тщательно следивших за ними во время работы, но и производивших ежедневный досмотр личных вещей рядовых военнослужащих, что позволяло в случае совершения ими кражи найти такого преступника в кратчайший срок.

Во время проводившихся мероприятий унтер-офицеры стремились разъяснить гражданским лицам белорусской национальности суть экономической политики польского правительства, которое будто бы стремилось превратить восточные окраины в цветущие «райские сады»⁵⁷³, которые по своей красоте и обилию урожая не будут уступать высоко развитым и благополучным местам, которые находились в западно-центральных воеводствах страны. Лекторы заверяли слушавших их крестьян в том, что в скором будущем наступит момент, когда экономическая граница, разделявшая Польшу на две различные по своим социально-экономическим

⁵⁷³ Но добиться подобного результата польскому государственному руководству в 20–30-е гг. XX в. так и не удалось, правда, стоит отметить, что аграрные преобразования во Второй Речи Посполитой все же осуществлялись, что выражалось в снижении социальной напряженности в «белорусских» воеводствах путем осуществления парцелляции, комасации и ликвидации сервитутов. См.: Титова А.А. Проблема аграрной реформы в польском сейме (июнь–декабрь 1923 г.) // Славяноведение. 1977. № 2. С. 46–47, 48; Рижский мир в судьбе белорусского народа... С. 247–258; Гресь С.М. Разработка аграрного законодательства польскими властями в 1921–1939 гг // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (2). С. 68–71; Гарматный В.П. В. Станевич и земельная реформа в Западной Беларуси в 1921–1939 гг // Вопросы истории. 2015. № 6. С. 119–121.

показателям части (Польша «А», и Польша «Б»)⁵⁷⁴, не просто станет условной, но и окончательно выйдет из употребления, продолжая упоминаться только в исторических трудах, но достичь такой цели предлагалось совместными усилиями⁵⁷⁵.

Проведение таких сельскохозяйственных просветительских курсов среди населения «белорусских» воеводств объяснялось еще и тем, что малоземельные крестьянские массы добывали материальные средства к существованию не за счет урожая, выращивавшегося в своих хозяйствах, а с помощью нелегальной заготовки древесины в лесах, принадлежавшим согласно польскому законодательству тем или иным владельцам, которые, открывая свои фабрики и другие коммерческие предприятия, становились монополистами в лесной промышленности, поэтому, согласно плану польских промышленников, следовало всячески предотвращать причинение им материального ущерба представителями белорусского национального меньшинства путем убеждения их в необходимости облагораживания своих подсобных хозяйств, получение обильного урожая в которых могло решить многие финансовые проблемы, не мешая обогащению владельцев лесных кооперативов. Во время проведения таких образовательных мероприятий, унтер-офицеры стремились убедить сельских слушателей, что лесные угодья не являются неисчерпаемыми и постоянная их вырубка приведет рано или поздно к истощению лесных массивов. Поэтому местным жителям следовало сосредоточиться на выращивании различных сельскохозяйственных культур на своей собственной земле, которая при правильной обработке способна будет дать обильный урожай с последующей его продажей на рынке.

Конечно, основная цель подобных мероприятий заключалась в том, чтобы сохранить белорусские лесные массивы исключительно в распоряжении польских дельцов и представителей иностранных фирм, но нельзя также проигнорировать тот факт, что в условиях существования

⁵⁷⁴ Е. Квятковский, занимавший пост министра финансов в 1935–1939 гг. Второй Речи Посполитой, проводил такое разделение Польши, считая, что экономическая отсталость всей Европы заканчивается именно польскими Восточными кресами. См.: Рижский мир в судьбе белорусского народа... С. 243.

⁵⁷⁵ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 11.

различных видов налогов, взымавшихся с граждан Польши, государственной машине требовалось сформировать такой надежный слой из представителей национальных меньшинств, который сумел бы сохранить свою платежеспособность, поэтому в разъяснительных беседах, лекциях и экскурсиях офицеры и унтер-офицеры стремились сыграть на эмоциях белорусского крестьянина, который, прислушивался к словам о необходимости перехода в социальную страту земледельцев лишь с той целью, чтобы суметь прокормить свою семью, в то время как речь шла о выполнении налоговых обязательств перед государством.

Важно отметить, что офицеры и унтер-офицеры были лекторами в прямом смысле этого слова, так как они не просто разъясняли и преподносили готовые теоретические знания, прививая крестьянам навыки земледелия и животноводства, но и они были в курсе достижений педагогической науки, используя разнообразные формы преподнесения лекционного материала. Это означало, что унтер-офицеры не только сводили свои занятия к скучному по содержанию рассказу, но и пытались привлечь слушателей к участию в дискуссии, что способствовало лучшему усвоению пройденного материала, а также уделяли большое внимание наглядному материалу, дополнительно фиксируя внимание фермеров на содержании произнесенных лектором слов⁵⁷⁶. Поэтому для проведения сельскохозяйственных просветительских лекций среди местного населения польские власти нуждались в квалифицированных кадрах, в качестве которых выступали не только работники аграрного сектора, но и военнослужащие польской армии. Заслуживает особого внимания тот факт, что обучение основам ведения сельского хозяйства велось в тесном контакте с чиновниками, представлявшими власть на местах. Подобное взаимодействие являлось необходимым, так как организация просветительских сельскохозяйственных мероприятий была сопряжена с определенными финансовыми затратами, например, для закупки необходимой литературы,

⁵⁷⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5...1936. S. 27.

которой выступали газеты, журналы и брошюры, и для аренды помещений, в которых регулярно, независимо от погодных условий, должны были проводиться лекции, беседы и разъяснения; также без содействия управленческого аппарата невозможно было получить и доставить проекционную аппаратуру, так как в межвоенной Польше использовалась камера «Ornak», которая требовала особого ухода, например, данная аппаратура требовала регулярной зарядки, а так как электрическая энергия в сельских населенных пунктах «белорусских» воеводств являлась без преувеличения редким явлением, то ее эксплуатацию нужно было заранее планировать, но правильно составленный график позволял проводить лекции на сельскохозяйственные и животноводческие темы с широкой опорой на наглядный материал, что могло дополнительно побудить местных жителей к посещению подобных курсов⁵⁷⁷.

Между польскими военнослужащими и чиновниками были налажены регулярные контакты, которые могли принимать форму совместных встреч, собраний и конференций. Так, в г. Бресте в начале марта 1936 г. состоялось трехдневное собрание, на котором помимо чиновников повятов Полесского воеводства и представителей КОП, присутствовали также делегаты сельскохозяйственной и ремесленной палат. Главным пунктом его повестки выступала задача укрепления социально-экономической стабильности всего Полесского воеводства, так как его руководству необходимо было привлечь представителей различных местных сообществ и организаций не только на уровне государственного, но и военного управления⁵⁷⁸. 30 июня 1936 г. Министерство сельского хозяйства Польши приняло специальное постановление об углублении своего сотрудничества с КОП во всех восточных воеводствах, и суть данного распоряжения сводилось к тому, что военнослужащие Корпуса должны были уделять приоритетное внимание проведению просветительских мероприятий и акций сельскохозяйственной

⁵⁷⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 15.

⁵⁷⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 32.

тематики среди местного населения, но необходимо было этим постановлением напомнить также, что обязанность командования КОП заключалась в проведении социально-воспитательной работы и ликвидации последствий стихийных бедствий и лесных пожаров⁵⁷⁹. Последнее касалось так называемого «человеческого фактора», когда белорусские деревни страдали от пожаров, которые происходили из-за неосторожного обращения с огнем, а социально-воспитательный процесс, ложившийся на плечи командования Корпуса, должен был приобщить крестьянское население к польской национальной идеи, усилив таким путем защиту восточной пограничной полосы. Ввиду нараставшей угрозы войны с СССР, польское правительство опасалось «второго издания» партизанского движения, сформированного из представителей национальных меньшинств, как это уже имело место в первой половине 20-х гг. XX в., что могло принести победу внешнему врагу из-за дезорганизации положения в ближайшем тылу.

Представители правящих кругов Польши отмечали в своих дальнейших многочисленных постановлениях, что причиной экономической отсталости восточных воеводств являлся низкий уровень сельскохозяйственных знаний у местного населения, и такие знания, по их наблюдениям, не усваивались крестьянами по той причине, что они не желали осваивать научно-практические методики земледелия и животноводства посредством занятий, которые проводились для них военнослужащими польской армии. Именно военнослужащие, по заверениям правящих кругов, прибывали в такие местности северо-востока страны, где природные условия позволяли организовывать доходные фермерские хозяйства, способные обогатить не только крестьянские семьи, но и целые «белорусские» воеводства, так как правильно организованные сельскохозяйственные предприятия и кооперативные организации способны были пополнять государственный бюджет значительными финансовыми поступлениями, но этого не происходило в действительности, поскольку причина экономической

⁵⁷⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 63–64.

запущенности «белорусских» воеводств, коренилась, как полагали в Варшаве, не в принимавшихся польскими министерствами мерах и реформах, а в отсутствии предприимчивости самого местного населения, которое якобы не стремилось приумножить свое благосостояние, способствуя тем самым ускорению развития всей Польши⁵⁸⁰.

Подобная пассивность белорусских крестьянских масс списывалась властями не только на представителей старшего поколения, которое, как отмечали пропагандисты, унаследовало от царского режима раболепие и привычку к нищенскому образу жизни, но и на пассивное поведение молодежи, не видевшей для себя тех «социальных лифтов», которые позволили бы ей у себя на малой родине построить благополучное будущее, поскольку «русский» культурно-исторический «код», унаследованный ею от своих отцов, якобы препятствовал активизации ее внутренних способностей⁵⁸¹.

В задачи польских военнослужащих входило налаживание контактов с такими молодыми людьми путем проведения среди них просветительских мероприятий, которые способствовали бы улучшению экономического положения гражданского населения на Востоке Польши. Решение задачи ускорения экономического развития «белорусских» воеводств требовало активизации деятельности не только мелких и средних хозяйств, но и приобщения к сельскохозяйственной жизни подрастающего поколения, поэтому со школьных лет учащиеся польских учебных заведений привлекались к посадке деревьев и уходу за небольшими пришкольными участками, размер которых в среднем составлял 30 квадратных метров, и молодые люди с раннего возраста приучались к нелегкому физическому труду на земле, а также получали навыки правильного ее возделывания, что могло в дальнейшем способствовать появлению у них желания обзавестись своим хозяйством⁵⁸². Содействие в решении данного вопроса оказывали

⁵⁸⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 5.

⁵⁸¹ Ibid. S. 7–8.

⁵⁸² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 13.

военнослужащим различные государственные учреждения, которые целенаправленно занимались идеологической работой среди молодежи Польши, например, при польском «Союзе палат и сельскохозяйственных организаций» действовал Центральный Комитет по делам сельской молодежи (Centralny Komitet do Spraw Młodzieży)⁵⁸³, основная задача которого заключалась в координации, реализации и поддержке социально-воспитательной и патриотической работы среди сельской молодежи Второй Речи Посполитой, включая все ее воеводства, в том числе, восточные области. Филиалы данного Комитета функционировали в г. Вильно, Белостоке и Бресте.

Для решения проблемы ликвидации неграмотности на селе и формирования в сознании национальных меньшинств идеалов польской гражданственности Центральным Комитетом привлекался младший офицерский и унтер-офицерский состав польской армии, что объяснялось остро ощущавшейся нехваткой его сотрудников и активистов для организации специализированных курсов по обучению чтению и письму во всех сельских местностях восточных воеводств, на которые записывались многие желающие, так как посещение данных образовательных мероприятий давало надежду на возможность лучшего трудоустройства или поступления в различные образовательные учреждения страны.

Унтер-офицеры Корпуса получали от работников Комитета учебные материалы и методические указания, практическое применение которых позволяло им заранее систематизировать занятия по приобретению элементарных знаний польского языка, истории и арифметического счета. Инициативы данного Комитета помогали молодым людям наладить тесные связи с «Союзом сельскохозяйственных кооперативов», вовлекая их в предпринимательскую деятельность на селе. Это помогало сельской

⁵⁸³ Центральный Комитет по делам сельской молодежи был образован в 1932 г., его центр располагался в Варшаве, но его отделения действовали во всех органах местного самоуправления Второй Польской республики. См.: Biuletyn Centralnego Komitetu do Spraw Młodzieży Wiejskiej przy Związku Izb i Organizacyj Rolniczych R.P. Nr 1 (jesień). Warszawa: Centralny Komitet do Spraw Młodzieży Wiejskiej przy Związku Izb i Organizacyj Rolniczych R.P. 1934. S. 1–20.

молодежи не только познакомиться с общим финансовым механизмом кооперации, но и придать новый импульс развитию сельского кооперативного дела. Более того, Центральный Комитет молодежи совместно с «Союзом сельскохозяйственных кооперативов» издавал методическую литературу, излагавшую содержание того или иного вопроса в доступной и понятной форме. Так, особой популярностью пользовалась среди сельской молодежи следующая брошюра – «Бухгалтерский учет сельских молодежных организаций», на страницах которой молодые сельские активисты могли познакомиться с основами финансовой грамотности⁵⁸⁴. Унтер-офицеры при помощи этих учреждений и институтов могли обучать молодых людей процентным вычислениям и свободному владению арифметическими степенями, так как это было необходимым в повседневной жизни каждого человека независимо от рода его будущей профессиональной деятельности⁵⁸⁵.

«Центральный Комитет сельской молодежи» являлся тем специальным учреждением, которое оказывало помощь сельской молодежи и в вопросах, связанных с проведением воспитательных мероприятий: в сельскую местность Востока Польши приезжали его инструкторы, которые на местах организовывали сельскохозяйственные образовательные кампании, имевшие своей целью просвещение сельской молодежи. К такому обучению планировалось привлекать все подрастающее поколение независимо от его социальной, половой, национальной и религиозной принадлежности. Программа обучения включала в себя проведение занятий по широкому кругу учебных предметов, к которым относились следующие общеобразовательные дисциплины – польский язык, польская история и культура, экономика, география, но также молодежи раскрывалась на специальных уроках методика правильного ведения личного хозяйства и передавались знания, касавшиеся выращивания овощей, фруктов и зерновых культур; в этот курс включались также и основные сведения в области ветеринарии, так как

⁵⁸⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 27.

⁵⁸⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1938. S. 145–146.

настоящий фермер во Второй Республике должен был уметь заботиться о здоровье домашнего скота, который после забоя попадет не только на стол своего семейства, но и будет продаваться на рынке своим же гражданам. Такие просветительские мероприятия проводились в восточной пограничной полосе с помощью привлечения польских военнослужащих, и основной обязанностью рядовых солдат в этом случае являлась доставка обучающимся учебной литературы, и тех брошюр и журналов⁵⁸⁶, издававшихся работниками Центрального Комитета, на страницах которых сельская молодежь получала исчерпывающую информацию, касающуюся экономического функционирования хозяйств, а командный состав выступал главным помощником инспекторов Центрального Комитета, так как гражданские активисты не успевали порой объехать все населенные пункты, поэтому офицеры и унтер-офицеры зачастую заменяли их, беря на себя почетную миссию по ликвидации сельскохозяйственной неграмотности среди молодежи⁵⁸⁷.

Не последнюю роль в восточных воеводствах Польши играла деятельность местных «Сельскохозяйственных палат», например, 16 июля 1938 г. на территории Виленского края прошла конференция Виленской сельскохозяйственной палаты, на которой присутствовали чиновники, представлявшие управленческий аппарат двух «белорусских» воеводств – Виленского и Новогрудского. На данной конференции были рассмотрены традиционные вопросы экономического развития сельской местности, также выступили и осуществлявшие свою профессиональную деятельность на территории этих двух воеводств польские офицеры, которые предлагали усилить процесс привлечения крестьянской молодежи к работе в сельском хозяйстве с помощью проведения регулярных экскурсий для подрастающего поколения в фермерские хозяйства воинских частей с целью заинтересовать молодых людей возможностью открыть свое собственное

⁵⁸⁶ К концу 30-х гг. XX в. «Центральным Комитетом сельской молодежи» было разработано и издано около 30 наименований различной литературы, но популярными у молодого поколения являлись не книги, а журналы (например, «Sprawy wiejskie» и «Przysposobienie rolnicze»).

⁵⁸⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 56–57.

предпринимательское дело, связанное с возделыванием плодородной земли и выращиванием пригодных для северо-востока Польши сельскохозяйственных культур с последующей их продажей на внутреннем рынке страны⁵⁸⁸.

Также унтер-офицеры в отдельности устраивали совместно с местными властями просветительские курсы для белорусской молодежи, представители которой должны были в течение 2–7 дней ознакомиться с экономическими достижениями страны и теми благоприятными условиями, которые польское правительство создавало для молодых предприимчивых людей; например, в начале мая 1936 г. в Несвижском повяте Новогрудского воеводства прошел подобный молодежный слет, в котором участвовало 177 человек, которые смогли не только узнать о деятельности различных кооперативных организаций Польши, но и насладиться театральными постановками, темой которых выступала готовность к самопожертвованию ради блага будущих поколений. Актерами, игравшими в данных постановках, являлись рядовые военнослужащие КОП, а унтер-офицеры занимались организацией горячего питания путем доставки его из своих воинских частей для того, чтобы накормить участников этого образовательного слета⁵⁸⁹, а в белорусском городе Клецке, который являлся базой дислоцирования Корпуса, при содействии местных властей был организован двухдневный образовательный курс, предназначавшийся уже не для гражданской молодежи, а для рядовых военнослужащих польской армии, которые по своему возрасту также относились к ней, правда, по своему национальному происхождению они не были белорусами, но их присутствие на родной для белорусов земле должно было убедить их в принадлежности данных территорий полякам, а сам просветительский курс включал в себя программу, которая предусматривала знакомство с перспективами трудоустройства в гражданской жизни после окончания действительной военной службы⁵⁹⁰.

⁵⁸⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1938. S. 175–177.

⁵⁸⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 20.

⁵⁹⁰ Ibid.

Вопросами образования в сельской местности восточных воеводств ведали не только Министерство по делам религий и народного образования, но и все ведомства, которые отвечали за экономическое развитие страны, так как акцент для обеспечения поступательного развития экономики межвоенной Польши после окончания «Великой депрессии» был сделан именно на развитии сельских местностей, где и должны были работать специалисты, обладавшие соответствующими знаниями в сельскохозяйственной сфере, а для этого требовалось не только предоставление со стороны государства всевозможной поддержки в форме кредитов и финансовых преференций, но и соответствующее гражданское воспитание, которое, начинаясь в начальной школе, должно было способствовать выпуску из профильных учебных заведений не только дипломированных специалистов, но и людей с развитой социальной и гражданской позицией⁵⁹¹; правда, в процессе такого обучения совершенно исключалось то, что польский гражданин своими помыслами и поступками причинил бы вред основам политической системы страны. Но для польского правительства привлечение и сохранение молодых кадров на селе являлось одной из главных проблем, поскольку молодые люди покидали сельскую местность не только в силу естественного стремления обрести в городе лучшие условия для жизни и самореализации, но и из-за неадекватного поведения глав крестьянских семейств. Отцы с изрядной долей предубеждения относились к своим сыновьям, которые смогли не просто закончить школу, но и продолжить образование в других учреждениях, подозревая своих отпрысков в том, что они, пройдя в них процесс идеологической обработки, успели уже влиться в лоно польской культуры, которая привела к серьезным изменениям в их политическом и религиозно-духовном мировоззрении. В связи с этим, унтер-офицеры проводили конкретные беседы с теми главами крестьянских семей, дети которых проявляли заинтересованность в посещении польских образовательных

⁵⁹¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1938. S. 188.

учреждений, и во время таких бесед польские военнослужащие убеждали родителей любить и уважать своих детей, которые стремились пролить на себя свет просвещения, так как они смогут в дальнейшем не только оказывать им материальную помощь им, но и послужат на благо всей страны⁵⁹².

3.4. Система образования и воспитания под прицелом политики полонизации: содействие Корпуса Охраны Пограничья.

Для недопущения в будущем повторения партизанской борьбы первой половины 20-х гг. XX в. командование польской армии стремилось воспользоваться не только карательно-террористическими методами усмирения жителей восточных окраин, но прилагало усилия для изменения национального самосознания гражданского населения «белорусских» воеводств, которое в массе своей имело крестьянское происхождение⁵⁹³. После жестокого подавления силой оружия партизанского движения на Востоке страны военная и политическая верхушка Польши стало остро осознавать необходимость проведения массовых пропагандистских мероприятий среди считавшихся политически неустойчивыми национальных меньшинств⁵⁹⁴. К тому же, национальное меньшинство находилось на протяжении двух десятилетий независимого существования Польши под постоянным воздействием коммунистической идеологии СССР. Так, представители белорусской и украинской интеллигенции в восточных воеводствах внимательно следили за национальной ситуацией, которая складывалась в советских республиках для того, чтобы использовать полученную информацию в своих политических и просветительских целях.

Важным событием в первое десятилетие независимого существования Второй Республики стала публикация 1 января 1929 г. специального доклада в советской газете «Der shtern»⁵⁹⁵ по случаю очередной годовщины образования БССР, в котором восхвалялись не только экономические

⁵⁹² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1938. S. 192–193.

⁵⁹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 37.

⁵⁹⁴ РГВА. Ф. 354к. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–4.

⁵⁹⁵ Данная газета издавалась ежедневно в Харькове и выходила на языке идиш.

достижения белорусского советского народа, например, указывалось, что с каждым годом на советской белорусской земле посевная площадь постоянно возрастала, но и приводились конкретные данные, касавшиеся национальной политики коммунистического руководства СССР, которое отмечало полное благополучие повседневной жизни граждан в БССР. Так, в частности отмечалось, что только на белорусском языке издавались четыре ежедневные газеты, семнадцать журналов, а тираж агитационных листов в год превышал 20 млн. штук, в том числе особенностью советских периодических изданий являлся тот факт, что на их страницах регулярно помещался текст Конституции БССР, которая была принята 11 апреля 1927 г., и статьи которой публиковались не только на русском и белорусском языке, но и на идиш. Также существовала обширная сеть образовательных учреждений, которые к концу 20-х гг. XX в. были представлены тридцатью четырьмя профессиональными школами, тридцатью техническими, тринадцатью заводскими и восьмью научными мастерскими, преподавание в которых велось исключительно на белорусском языке. Данный раздел газеты «Der shtern» получил широкое распространение в Западной Белоруссии, горячо обсуждаясь в интеллектуальной среде белорусского и еврейского населения, что не преминуло попасть в поле зрения польских силовых структур. В их докладах отмечалось, что национальная политика в СССР пользовалась широкой поддержкой не только собственных граждан, но и представителей национальных меньшинств в Польше, что эксплуатировалось целенаправленно советской пропагандой для популяризации коммунистических идей. Например, в газете «Der shtern» подчеркивалось, что советское правительство вело активную борьбу во всех республиках с проявлениями антисемитизма, в то время как в буржуазной Польше всюду процветало это позорное явление, что и вызывало у жителей серьезное возмущение польской дискриминационной национальной политикой, как в отношении белорусов и литовцев, так и евреев⁵⁹⁶. Имелись случаи, когда

⁵⁹⁶ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1928 (list./grudz.). Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych

еврейское население северо-востока Польши в межвоенный период из-за политики полонизации было вынуждено покинуть свои дома и направляться в другие страны⁵⁹⁷.

Чтобы преодолеть вредоносное влияние советской пропаганды военнослужащие польской армии должны были своими регулярными разъяснительными беседами прививать белорусскому и литовскому национальным меньшинствам чувство гордости и ответственности за их польское гражданство, именно военные рассматривались правящим кругами в качестве главных государственно-созидательных сил и защитников интересов польской нации; подобная защита должна была проявляться не только в непосредственном несении воинской службы по защите восточных окраин страны, но и в оказании содействия утверждению польской национальной доктрины⁵⁹⁸.

Для реализации поставленной задачи необходимо было изменить то устоявшееся мировоззрение, которое веками складывалось у православной части белорусов в отношении поляков, в то время как белорусы католического вероисповедания рассматривались правящей верхушкой как благонадежный или, в крайнем случае, нейтральный элемент. В связи с этим, граждан жителей северо-востока необходимо было вдохновить ложной идеей, которая должна была представляться им в качестве истинной и жизненно необходимой, служа реализации необходимых польскому правительству целей. Данная установка должна была реализоваться с помощью четко составленного алгоритма, согласно которому необходимо было изучить этнокультурную составляющую конкретной местности, проанализировав полученные данные для успешной выработки методики дальнейших действий, направленных на оказание психологического воздействия на крестьянские массы восточнославянского происхождения, а уже затем начать

(1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1929. S. 6.

⁵⁹⁷ См.: Мошук А.В. Особенности проявлений антисемитизма в Западной Беларуси в 1921–1939 гг // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 23–24 апреля 2015 года. Рязань: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Концепция", 2015. С. 61–64.

⁵⁹⁸ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 23.

налаживать пропагандистскую работу в данной области, т. е. работник армейской пропаганды должен был четко осознавать всю многогранность той среды, в которой ему предстояло работать⁵⁹⁹.

Для осуществления данного алгоритма необходимо было привлекать тех лиц, которые имели бы опыт работы с национально-исторической, социально-экономической и политической спецификой восточных воеводств Польши, а так как подобрать подобные кадры было не так легко, то следовало либо обучать заинтересованных правительственных активистов, либо привлекать их со стороны. От них требовались не только умение насаждать дисциплину грубыми методами, но и способность словесного убеждения, поскольку привлечение к ведению пропагандистской работы непосредственно чиновников, педагогов и военнослужащих без соответствующего инструктажа, означало бы в лучшем случае совершение таких ошибок, которые могли обернуться возникновением конфликтов на национальной почве, а в худшем случае привести у представителей национального меньшинства к окончательному формированию негативного отношения ко всем тем, кто решил распространять идеалы польской цивилизации среди непольского элемента.

Именно недопущение последнего было так необходимо для успешной реализации политики полонизации. Так, офицеры и унтер-офицеры польской армии в пограничных областях восточных воеводств рассматривались как наиболее последовательные исполнители пропагандистской работы, поскольку именно они выполняли функции военных наставников рядовых, которым не только передавались знания, необходимые для защиты рубежей страны от внешних врагов и от внутренних бандформирований, но и сами офицеры и унтер-офицеры, соприкасаясь непосредственно с психологией поведения лиц, которые прибывали из западно-центральных воеводств страны в «дикие», как внушалось этническим полякам, восточные территории, где имелись одни болота и леса, и полностью отсутствовали

⁵⁹⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 13–14.

блага цивилизации (шоссейные дороги, электричество, радио, тракторы и теплые помещения), способствовали формированию у своих подчиненных высоких моральных качеств, необходимых всем гражданам возрожденной Польши.

Офицеры и унтер-офицеры, которые служили в «белорусских» воеводствах страны, обладали бесценным практическим опытом изменения прежнего гражданского образа жизни военнослужащих, применяя для этого пусть и не всегда педагогические методы. Без поддержания «палочной дисциплины», плавно перетекавшей в телесные наказания, адаптация призванного на службу солдата была бы невозможной и неизбежно вылилась бы в ту или иную форму девиантного поведения, например, в дезертирство, в суицид или в мародерство. Но именно офицеры и унтер-офицеры в восточных воеводствах за долгие годы своей службы могли всесторонне изучить ту местность, где и проживал нелояльный Варшаве национальный элемент, так как эта местность и определяла мировоззрение, мораль и волю коренных жителей. Поэтому командиры низшего и среднего звена, учитывавшие в своей пропагандистской работе фактор местности, могли рассчитывать на ее успех, что в свою очередь значительно экономило то время, которое требовалось правительственным пропагандистам, прибывшим в малоизвестные восточные деревни и поселения, для всестороннего познания пограничной жизни.

Практика налаживания непосредственных контактов польских военнослужащих с местным населением выглядела следующим образом: унтер-офицеры и офицеры производили сначала в прилегающей местности, где дислоцировалась их воинская часть, поиск таких гражданских лиц, которые могли выступать в качестве переводчиков, а затем военнослужащим предписывалось вступать с жителями данной местности в тесный контакт с целью налаживания доверительных отношений, но используя во время бесед

только те темы, которые гражданских лиц волновали больше всего⁶⁰⁰. Во время дружеской беседы польским военнослужащим необходимо было убеждать таких граждан в прогрессивной роли поляков в отношении всех национальных меньшинств, доказывая ее не только путем словесных рассуждений, но и с помощью распространения правительственной литературы, посвященной пропаганде культурно-духовных достижений польской нации⁶⁰¹. Именно путем привлечения вооруженных сил и должны были устанавливаться тесные взаимоотношения между государством и населением восточных воеводств.

Просветительские мероприятия, проводившиеся польскими военнослужащими среди гражданских лиц, знакомили, прежде всего, сельское население с политическим строем Второй Республики, рассказывая им о функционировании в стране Сейма, Сената и об институте президентства, а также приводили доводы о значительной роли в жизни Польши органов местной власти. Двухпалатный парламент для большинства коренного населения «белорусских» воеводств представлялся местом сбора барских господ, в руках которых находилось нескончаемое число денег и других богатств, которые паны никогда и никому не отдадут; и подобные мнения белорусские крестьяне высказывали и в отношении местной воеводской власти и сельских старост, которые также, как и высшие начальники в Варшаве, пеклись, по их мнению, исключительно о собственном благополучии, не считая нужным обременять себя проблемами и заботами «черни»⁶⁰². Поэтому унтер-офицеры и офицеры вооруженных сил Польши на восточных окраинах в процессе лекций-бесед доводили до сведения местного населения такую информацию, которая должна была приобщить граждан к знанию основ политического строя Второй Речи Посполитой, в результате чего крестьянские массы должны были твердо

⁶⁰⁰ Как правило, унтер-офицеры проникались земельными и сельскохозяйственными проблемами белорусских крестьян, обещая им посодействовать в разрешении таких насущных проблем, как возделывание земли, помощь в уборке урожая и наведение порядка на приусадебных участках.

⁶⁰¹ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1... 1936. S. 15.

⁶⁰² *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 4-5... 1936. S. 51.

запомнить, что государственные институты власти, как в центре, так и на местах не являлись для них чуждыми понятиями и элементами, а их работа постоянно была направлена на улучшение духовной и материальной жизни каждого польского гражданина, который проживал в пределах возрожденной Польши.

Во время бесед с восточнославянским населением унтер-офицеры подчеркивали, что возрожденная Польша следовала самым лучшим историческим традициям, которые сформировались еще во время I Речи Посполитой, в которой гармонично уживались представители разных этно-конфессиональных, социальных и культурных сообществ, поэтому, как заявляли польские «лекторы», политическая система нынешней Второй Речи Посполитой, которая являлась демократической по своей форме, устанавливала абсолютное правовое равенство для всех граждан, т. е. каждый житель Польши был равен перед законом независимо от своего национального, религиозного, полового и социального статуса. Данная информация распространялась польскими военными среди белорусских крестьян для того, чтобы убедить их в господстве в стране «буквы закона» и в заботе польской власти об улучшении их личного благосостояния.

Непрерывный патронаж государственных структур Второй Республики над коренным населением восточных областей преподносился унтер-офицерами гражданскому населению как проявление христианской милости несмотря на то, что в годы становления Второй Речи Посполитой большая часть белорусов находилась во время советско-польской войны 1919–1920 гг. или в пассивном состоянии⁶⁰³, не оказывая никакой помощи польским легионерам, или же активно боролась против своего же собственного

⁶⁰³ В настоящее время в исторической науке суверенной Польше имеются научные публикации, авторы которых приводят доводы о том, что в период советско-польской войны на сторону Второй Речи Посполитой массово переходили именно представители белорусской национальности, а лица украинской, еврейской и литовской идентичности активно поддерживали большевиков. См.: Kania L. Stosunek społeczeństwa polskiego i mniejszości narodowych do obowiązku służby wojskowej w czasie wojny z Rosją bolszewicką (luty 1919 – listopad 1920) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. Vol. XXI. Nr. 3. (273). 2020. S. 47–79.

освобождения на стороне большевиков⁶⁰⁴. Поэтому польское правительство в межвоенный период уделяло большое внимание борьбе с нелегальной деятельностью Коминтерна на территории восточных воеводств с целью донести, как до гражданского населения, так и до рядовых польских военнослужащих формулу, согласно которой Коминтерн, используя при этом активно КПП, стремился влиться в общественно-политическую и культурную жизнь проживавших на ее территории белорусов и украинцев, поскольку его тайные помыслы были направлены на порабощение Второй Речи Посполитой изнутри с последующим своим проникновением во все страны Западной Европы⁶⁰⁵. Гражданскому населению указывалось также, что советские агенты имели своих подручных и среди католического восточнославянского населения страны, которое, по своим духовно-философским воззрениям, не должно было иметь никаких точек соприкосновения с «воинствующим атеизмом» Страны Советов. Поэтому следовало осуществлять пристальный надзор за умонастроениями и политическими высказываниями гражданских лиц в масштабе всей страны, но особенно требовалось усилить данную работу на восточных окраинах, где рекомендовалось проводить антисоветские идеологические акции не только представителям местной власти, но и военным, которые обязаны были принимать меры психологического воздействия на мировоззрение крестьянской массы северо-востока страны не только при помощи винтовочных прикладов, но и применяя разнообразные методики словесного убеждения, включавшие беседы на установленные темы, а также активное использование культурно-массовых мероприятий, что и должно было сформировать из национальных меньшинств лояльно настроенных по отношению к полякам лиц в их повседневной жизни.

Унтер-офицеры, контактировавшие с белорусскими крестьянами, подчеркивали, что их психология была не такой отсталой, как это

⁶⁰⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 98.

⁶⁰⁵ Słowski I. Agentura Kominternu w Polsce. Warszawa. 1937. S. 56.

представлялось официальной пропагандой из Варшавы, рисовавшей белорусов в качестве невоспитанных и необразованных людей, у которых в глазах горело одно лишь желание получить денежную добычу путем нарушения законодательства, поэтому всем военнослужащим предписывалось проявлять максимальное внимание и осторожность во время вступления в контакт с местным населением северо-востока Польши, но данные аргументы на практике не находили своего широкого подтверждения. Так, один польский унтер-офицер, который проходил службу на территории Полесского воеводства осенью 1935 г. делал в своих дневниковых записях вывод, который сформировался у него исходя из личного опыта просветительской работы среди местного населения, и согласно его наблюдениям белорусы (полещуки) Полесья являлись в действительности очень неглупым по своей природе народом, и при правильном подходе к ним возможно было использовать их умения и знания в государственных интересах Польши, но при условии, что белорусы почувствуют к себе искреннее расположение поляков, т. е. представители польской нации должны были быть открытыми по отношению к восточнославянскому населению, а также не проявлять свою историческую безгливость и отвращение в отношении жителей «белорусских» воеводств, и, при соблюдении таких этических норм, сердца и души этого крестьянского населения будут надежно находиться в руках польской власти⁶⁰⁶.

Разнообразные просветительские курсы, проводившиеся военнослужащими польской армии на территории восточных воеводств, охватывали не одну, а сразу несколько деревень, число которых доходило до 5–6. Такое количество не могло за два десятилетия независимого существования Второй Республики вместить все сельские местности «белорусских» воеводств, но подобные ежемесячные акции пропагандировались в проправительственных печатных изданиях, что позволяло формировать атмосферу трогательной заботы польского

⁶⁰⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 27.

правительства о местном населении, которое вставало на путь цивилизационного развития именно с помощью польских солдат, задачей которых являлось не только несение круглосуточной охраны границы страны, но и оказание помощи тому населению, которое они защищали.

Для проведения просветительских бесед и лекций в населенных пунктах «белорусских» воеводств Польши должны были функционировать так называемые «дома культуры», в которых местное население могло бы приобщаться на регулярной основе к польской национальной идее и культуре. Для этого польскими военнослужащими и возводились данные социальные учреждения в течение всего межвоенного периода, но функционирование сельских домов культуры в восточных воеводствах не выполняло задачи массового привлечения крестьянского населения к просветительской и культурной миссии сотрудниками данных учреждений, которую несли на своих плечах не только учителя и воспитатели, но и военнослужащие, которые были обязаны также регулярно проводить встречи для разъяснения насущных в повседневной жизни вопросов, связанных с сельскохозяйственной культурой, земледелием и животноводством, так и того, что касалось досугового времяпровождения сельского населения путем исторических рассказов и информирования их о политической ситуации внутри страны, а также совместного чтения художественных книг, правительственных газет, просветительских журналов.

Все перечисленное выше и являлось внутренней подоплекой создания на территории восточных воеводств данных социально-культурных учреждений, но в действительности местное население относилось к их функционированию достаточно скептически и насторожено, о чем говорят следующие статистические данные: в среднем в каждой восточной деревне Польши, где имелся такой «дом культуры», посещаемость составляла 7–10% от общего числа всех жителей⁶⁰⁷, так как крестьяне не доверяли просветительским и культурным мероприятиям, считая, что посещение

⁶⁰⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1937. S. 31.

«домов культуры» повлечет за собой множество проблем, которые могли начаться со слежки за посетителем, а завершиться в итоге его задержанием польской жандармерией. Военное командование было информировано о проблеме плохой посещаемости крестьянским населением тех «домов культуры», которые возводились польскими военнослужащими, поэтому унтер-офицерам рекомендовалось широко проводить так называемые «рекламные акции», которые должны были убедить гражданских лиц в необходимости регулярно появляться на лекциях и становиться зрителями культурных представлений, и это предлагалось реализовывать путем как индивидуальных разговоров с населением, так и с помощью афишных плакатов, содержание которых включало в себя краткие объявления, призывавшие всех жителей к строгой явке на подобные мероприятия, так как это позволило бы им улучшить свое экономическое положение и духовно обогатиться, в том числе, в афишах следовало указывать, что пришедшие граждане смогут ознакомиться с уникальными техническими достижениями, которые способны были воспроизводить визуально большие картинки и тексты, а также давались обещания продемонстрировать пришедшим кинофильмы.

Низкая посещаемость сельских «домов культуры» была обусловлена также тем, что у местного населения исчезало внутреннее желание из-за отсутствия в местах, где проводились открытые лекции или же организовывался просмотр ими концертных и театральных представлений регулярных уборок, так как с течением времени «актовые залы» данных учреждений приобретали темный цвет с сочетанием зеленых оттенков плесени, это происходило по причине отсутствия отопительной системы, которая не была предусмотрена, что заставляло посетителей сидеть в зимней одежде и смотреть на сцену, освещение которой в лучшем случае происходило за счет керосиновой лампы, по бокам которой нависала со временем копоть. Отмечались также случаи, когда сотрудники «домов культуры» не следили за поддержанием в надлежащем состоянии

государственных символов и портретов государственных деятелей Польши, которые не только покрывались пылью, но и в случае появления на них внешних дефектов не подвергались замене или хотя бы реставрации⁶⁰⁸. Данные проблемы мешали эффективному проведению воспитательной работы среди местного населения, которое, видя, проявлявшееся властями пренебрежение к необходимости создания для него комфортных условий, не стремилось выразить должную симпатию в отношении не только представителей управленческого аппарата, но и военного командования, которое на равных участвовало в проведении просветительских занятий и культурно-массовых мероприятий в сельских «домах культуры».

Но если в населенном пункте польскими военными служащими не возводились подобные «дома культуры», то просветительские лекции и беседы протекали в других помещениях, которые выполняли образовательные и социальные функции, чаще всего подобные мероприятия организовывались в сельской местности в зданиях начальных школ. Так, в белорусском поселке Калеты Виленского воеводства школьное здание использовалось унтер-офицерами с целью проведения публичных лекций и бесед для местного населения, и темами таких просветительских бесед являлись, как политика польского правительства по защите восточных окраин страны от внешнего вторжения, так и ознакомление крестьян с правилами сельскохозяйственной работы, знание которых позволило бы им получить богатый урожай. Данное школьное здание являлось не только образовательным, но и пропагандистским и просветительским центром в Калетах, двери которого должны были быть всегда открытыми для местного национального меньшинства с целью его приобщения к достижениям всего того, чтобы было связано с польской нацией⁶⁰⁹.

Данная «благородная миссия» была возложена также на здание школы, расположенное в деревне Чурилово, которая находилась на территории

⁶⁰⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 23–24.

⁶⁰⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 31.

Виленского воеводства в непосредственной близости от границы с Латвийской Республикой. Оно было по своей конструкции достаточно вместительным, так как, несмотря на то, что оно являлось одноэтажным, состояло из четырех комнат, одна из которых служила классом для занятий, а вторая являлась местом отдыха для учителей и тех офицеров и унтер-офицеров, которые проводили в третьей комнате, представлявшей собой как раз место для проведения культурных мероприятий и разъяснительных бесед-лекций, и четвертая комната была выделена под библиотеку, фонд которой должен был предоставлять свои книги не только для учащихся школы, но и выдавать их деревенским жителям. Также в школе имелся и гардероб, который располагался при входе в здание. И вплоть до начала Второй мировой войны данная школа благополучно функционировала и являлась образовательным, социальным и культурно-развлекательным центром для всей деревни⁶¹⁰. Интересно заметить, что обитатели деревни Чурилово представляли собой серьезную угрозу для польской власти на польско-советско-латвийской границе, даже несмотря на то, что население данной деревни составляло всего 150 человек, но по своему этноконфессиональному составу жители данной деревни являлись белорусско-православными, которые были настроены к представителям польских властных институтов и силовых структур крайне осторожно и недоверчиво, что проявилось в первой половине 20-х гг. XX в. в участии жителей Чурилово в антиправительственном партизанском движении, но со временем усилившаяся внутренняя реакционная политика режима санации привела в начале 30-х гг. XX в. к размещению в данной деревне батальона КОП, военнослужащие которого были призваны не только усилить защиту границы с СССР и Латвией, но и держать под контролем немногочисленных селян, которые имели опыт подпольной борьбы и в случае боевых действий могли провести диверсионные операции в пользу предполагаемого противника, например, путем разрушения тыловых дорожных коммуникаций польской

⁶¹⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 27.

армии. Поэтому офицеры и солдаты КОП с момента своего прихода в данную деревню, активно вели пропаганду духовно-культурных и исторических достижений польской нации: гражданским лицам деревни Чурилово сначала с помощью лекций-бесед на открытом воздухе рассказывалось о тысячелетней исторической миссии польской нации в Европе, которая задолго до появления России была прогрессивным и высококультурным государством, впитавшим в себя все самые лучшие достижения европейской цивилизации, также офицерами-пропагандистами внушалась национальная формула, согласно которой причислять себя к русской идентичности являлось для жителей деревни Чурилово не просто грубой исторической ошибкой, но и недопустимым в моральном плане, так как русские в царские времена и в советский период якобы занимались порабощением и уничтожением нерусских народов, и в подтверждение сказанных слов приводились, как казалось политработникам, неопровержимые доказательства, первое место среди которых занимал так называемый раздел I Речи Посполитой, когда за короткий период мощное польское государство было порабощено «москалями»⁶¹¹; но почему-то польскими политинструкторами умалчивалось об активном участии в «Трех разделах» Польши других европейских государств – Пруссии и Австрии, где, особенно в первой, вплоть до 1918 г. осуществлялась насильственная по своему характеру политика германизации⁶¹².

Ярким примером проведения политработниками вооруженных сил Польши просветительской работы в городской среде являлся город Неменчин, расположенный на территории Виленского воеводства. Он представлял собой удивительное в природном отношении место, так как его окрестности были окружены холмами, поросшими обильной растительностью, и лесом, и по этой причине рядом с ним находилась база КОП, а городская площадка была удобным центром, на которой

⁶¹¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 26.

⁶¹² См.: Польша в XX веке... С. 18, 19.

военнослужащими проводились разнообразные образовательные и просветительские мероприятия. Сам город, насчитывавший около 1000 человек, был хорошо обустроен для состоятельной части его жителей, поскольку в нем действовало более десяти пивных баров, в которых помимо пива на разлив шли и более крепкие спиртные напитки, и в данных пивных заведениях проводили выходные дни те слои Неменчина, которые распоряжались политическими и финансовыми городскими делами, включая торговцев, ремесленников и мелких лавочников. Состоятельные и наделенные властью жители города были представлены лицами польской идентичности, проживавшими в личных поместьях, которых в Неменчине насчитывалось около 300 дворов. Поэтому основная масса городского населения являлась маргинальной, так как социально-экономическая политика польского правительства не позволяла литовцам и белорусам наладить свою повседневную жизнь, в результате чего они были вынуждены перебиваться сезонными заработками, а особенно подрастающее поколение, лишенное любви и внимания своих родителей, которые постоянно были поглощены мыслями об источниках дохода и будущего своих семей, находилось в подавленном психологическом состоянии, что вынуждало молодежь либо становиться на преступный путь, либо искать свое утешение в горячительных напитках, которые распивались в дешевых тавернах⁶¹³.

Поэтому польскому правительству необходимо было разработать такую программу оказания помощи местному населению, которая позволила бы направить гражданских лиц в лоно законности и улучшения своего финансового положения, но без значительных бюджетных затрат, которые и следовало бы направить в Министерство труда и социального обеспечения, поэтому в восточных окраинах Польши предлагалось организовывать различные виды просветительских мероприятий, которые смогли бы отрезвить умы представителей национальных меньшинств, но подобные акции следовало проводить не только местным властям, но и силами

⁶¹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 41–43.

польских военнослужащих, командный и рядовой состав которых привлекался для реализации задач политики колонизации на восточных окраинах, и на подобных просветительских курсах польскими военнослужащими доводилась до сведения гражданского населения политинформация о становлении демократического строя в Польше, о международной обстановке в Европе и о той жизненно важной миссии, которую выполняла Варшава по защите европейской цивилизации от «коммунистической заразы», исходившей с Востока, слушатели также узнавали о той серьезной роли, которую выполняли военнослужащие и государственные чиновники⁶¹⁴.

Военнослужащие польской армии занимались распространением среди гражданского населения «белорусских» воеводств агитационных листовок и пропагандистских брошюр, содержание которых было нацелено на пробуждение бдительности и внимательности крестьянского населения по отношению ко всем подозрительным элементам, организациям и движениям, которые своей деятельностью принуждали население к участию в антиправительственных мероприятиях как индивидуального, так и массового характера. Но, следует отметить, что процесс создания такой литературы в межвоенной Польше являлся проблематичным, так как в стране, как признавалось высшим военным командованием⁶¹⁵, не хватало талантливых писателей, которые способны были в краткой, но доступной форме донести до белорусского крестьянина польскую национальную идею о необходимости отрешения от всего того, что исторически было связано с русской идентичностью.

Польские военнослужащие получали проправительственные газеты и еженедельные специализированные журналы, с которыми им следовало не только бегло ознакомиться и произвести их анализ, но и затем обязательно передать эту уже прочитанную периодику сельскому населению; на практике

⁶¹⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 43–49.

⁶¹⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10...1936. S. 6.

это происходило следующим образом: руками солдат сколачивался деревянный ящик, по внешним сторонам которого указывалось крупными буквами следующее название – «Сборник газет для деревни», и по мере пополнения таких урн их содержимое польские солдаты под командованием унтер-офицеров доставляли либо в «дома культуры», либо в аппарат сельского старосты, куда местное население могло свободно прийти и получить бесплатно газеты и журналы; нередкими были случаи, когда сами военнослужащие разносили по крестьянским избам данную периодику, но такие акции носили пропагандистско-демонстративный характер, так как необходимо было во всеуслышанье выразить крайнюю заинтересованность польских властей к приобщению местного населения не только к содержанию новостных сводок, но и для поднятия его общего образовательного уровня⁶¹⁶. Правда, стоит отметить, что полученные таким путем периодические издания крестьяне северо-востока Польши в большинстве случаев использовали не для ежедневного вечернего чтения, а в хозяйственных нуждах, когда, например, необходимо было разжечь огонь для приготовления пищи или согрева воды. Но доставкой листовок просветительские задачи для польских военнослужащих не исчерпывались, так как рядовые солдаты развешивали и соответствующие пропагандистские плакаты, которые также выполняли роль наглядной агитации, и подобные пропагандистские материалы играли свою значимую роль в полонизации населенных пунктов белорусских воеводств Второй Республики.

Необходимо заметить, что печатные материалы были адресованы не только жителям городов, но и сельским обывателям, поскольку в повседневном ритме городских жителей проведение времени за чтением газет и журналов, ознакомление с пропагандистскими листовками и плакатами, являлось обыденностью, а у сельского населения отсутствовала какая-либо мотивация для проведения досуга таким образом, поэтому они не проявляли особую заинтересованность по отношению к тем печатным и

⁶¹⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 28–29.

графическим материалам, которые размещались польскими солдатами на информационных щитах или на стенах сельской администрации, а также обычных изб. Унтер-офицеры польской армии заранее планировали ситуации, когда материал соответствующей пропаганды печатался и раздавался в руки тем лицам, которые в большинстве своем не умели читать и писать на польском языке, тогда унтер-офицеры и находили гражданских активистов, которые были настроены лояльно по отношению к польским властям. Как правило, это были молодые люди, рассматривавшие владение польским языком в качестве главного средства обустройства своего будущего, что позволило бы им не только получить образование, но и сделать карьеру в государственной сфере, и такие лица переводили своим соплеменникам непольского происхождения суть изложенного печатного и иллюстративного материала, красочные страницы которого манили, как глаза сельских жителей, так и их руки, но если такого рода активистов в населенном пункте не имелось, то унтер-офицер, который был обязан знать на базовом уровне русский или литовский язык, должен был сам объяснить в краткой и доступной форме гражданским лицам ту информацию, которая содержалась в агитационных листовках, плакатах, брошюрах, газетах и журналах⁶¹⁷. Но в действительности многие унтер-офицеры польской армии не могли похвастаться такими знаниями местных языков из-за того, что получавшиеся ими в классных комнатах теоретические уроки в большинстве случаев не были должным образом подкреплены практическими занятиями, что и затрудняло вступление их в словесный контакт с местным населением. Следует также отметить, что важным средством пропагандистской работы по отношению ко всему населению восточного пограничья выступала также визуализация проправительственных лозунгов, которые должны были быть постоянно у него на виду. В солдатских комнатах отдыха, сельских «домах культуры», а также на информационных гражданских и военных стендах на посетителей смотрели плакаты с ударными по своему содержанию

⁶¹⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1938. S. 255.

лозунгами: «Каждый солдат – гражданин, каждый гражданин – солдат!», «Дарите ближним свое сердце, если хотите тоже получить сердце!»⁶¹⁸ и многие другие. Слова данных лозунгов призывали задуматься как военнослужащих, так и обычных граждан об их священной обязанности защиты своего отечества, а также помнить христианское наставление о любви к ближнему своему, правда, адресатом такой любви выступало не все человечество в целом, а только те личности, которых польское правительство и разрешало любить.

Просветительские и образовательные мероприятия, организаторами которых в восточных областях выступали польские воинские формирования, проходили с целью включить представителей белорусской нации в единую семью народов Польши, так как унтер-офицеры и офицеры, которые рассказывали и читали свои лекции местному крестьянскому населению, указывали на переплетение исторических связей между белорусами и поляками, например, на пьедестале великих деятелей Польши помимо польских королей, правителей, военачальников и революционных борцов, которыми являлись Завиш Черный, Болеслав Храбрый, Стефан Баторий, Юзеф Пилсудский и другие, нашлось место и для сынов белорусской нации, которые своей героической борьбой стремились спасти поляков от рабских оков плена и унижения русского царизма, и таким символом борьбы поляков за свою независимость являлся героическая личность – Тадеуш Костюшко, который в 1794 г. поднял польское знамя за будущее поколение всего польского народа, к которым, как утверждалось политработниками польской армии, относились и белорусы. Лекторами также отмечался неоценимый героизм этого сына белорусского народа, который с небольшой горской польских патриотов принял решение бороться до конца с превосходившей их по численности царской армией⁶¹⁹.

⁶¹⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 3.

⁶¹⁹ Такое отношение к выдающемуся сыну белорусского народа формировалось и в школьных учреждениях северо-востока межвоенной Польши. См.: Кривуть В.И. Воспитание молодого поколения Западной Беларуси в польской школе в 1920–1930-е гг // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2016. № 3. С. 67.

Формирование такого «правильного» для государства мнения, которое по своей сути являлось исторически искаженным, как у польских военнослужащих, так и у гражданских лиц должно было укрепить обороноспособность страны, как в мирное время, так и в период реальных боевых столкновений, а для этого требовалась налаженная система пропагандистской работы. Данное мнение у командного состава вооруженных сил складывалось на основе тех отчетов, которые составлялись их подчиненными в результате наблюдений за организацией армейской жизни в соседних странах – Советском Союзе и нацистской Германии. Особо подчеркивалось, что нацистская пропаганда А. Гитлера была нацелена на подготовку немецкого общества к предстоящей большой войне путем формирования у каждого немецкого гражданина духа возмездия и расплаты за многолетнее унижение, что позволит нацистским руководителям в будущем успешно мобилизовать не только материальные ресурсы, но и людские резервы, так как уровень морально-политического сознания немцев приведет их к осознанию необходимости беспрекословно повиноваться германскому руководству, которое, опираясь на мощный демографический потенциал, приступит к реализации военным путем вынашивавшихся им планов внешней экспансии⁶²⁰.

В летний период времени культурно-просветительская и воспитательная работа польских военнослужащих в отношении местного населения восточных воеводств не затихала даже из-за участия их в ежедневных полевых и огородных работах, так как процесс утверждения всепольскости должен был быть постоянным, поэтому такая работа польскими унтер-офицерами и офицерами организовывалась в большей степени не путем многочасового утомительного чтения лекций, на которые в вечерний период никто не желал собираться, а если кто и приходил, то количество собравшихся было минимальным, так как физические силы у слушателей были на исходе из-за интенсивной работы на полях и на

⁶²⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 1–2.

приусадебных участках. Цель приобщения крестьянских восточнославянских масс к основам польской цивилизации в таких условиях предполагалось достичь путем проведения развлекательных мероприятий, а также с помощью раздачи книг, газет и журналов, ознакомление с которыми для местного населения осуществлялось при помощи комментариев и разъяснений унтер-офицеров, а также самостоятельным путем, но во время чтения в домашней обстановке. Если культурно-массовые торжества и просветительские лекции планировалось проводить после окончания сельскохозяйственных работ в вечернее время суток путем использования радиоточек и концертно-театральных постановок, устраиваемых военнослужащими польской армии, то самообразование, которое велось путем самостоятельного изучения полученной от властей литературы, могло осуществляться лишь в условиях непогоды, например во время проливных дождей, когда выход в огород или в поле для проведения сельскохозяйственных работ не представлялся возможным, и чтобы не проводить напрасно время, крестьянам предлагалось добровольно по долгу своего сердца взяться за чтение имевшихся у них художественных книг или периодики, которые можно было взять и в ближайших библиотеках, являвшихся по почину польских военнослужащих в сельской местности восточных окраин передвижными⁶²¹.

Польским офицерам и унтер-офицерам, которые занимались просветительской работой среди гражданского населения, следовало постоянно находиться в курсе событий, которые происходили, как внутри страны, так и за ее пределами. С этой целью в межвоенный период проводились различные конференции, организаторами которых выступали государственные и общественные движения и институты, призванные улучшить жизнь гражданского населения, например, осенью 1938 г. в г. Вильно состоялась конференция «Союза молодых деревень Второй Республики», длившаяся четыре дня, и во время ее работы были выработаны

⁶²¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 5–6.

критерии нового типа польского крестьянина: сельский житель обязан был являться в первую очередь защитником своего отечества, что должно было проявляться не только в защите Польского государства от внешнего вторжения, а также в оказании помощи, как своим согражданам, оказавшимся в сложном материальном положении, так и правительственным органам в выявлении внутренних врагов, действия которых направлены были на дестабилизацию экономического развития страны, и только в последнюю очередь сельский хозяин должен был позаботиться о своем индивидуальном финансовом обогащении, содействуя ему не только своим денежным капиталом, умственными способностями, но и трудолюбием, так как окружающим необходимо было продемонстрировать не паразитизм, который ранее господствовал на Востоке, а готовность к самопожертвованию на благо стране⁶²².

Политработники знакомили польских граждан восточнославянской национальности на просветительских курсах с информацией о международных событиях, происходивших, как в Европе, так и за ее пределами. Рассказывая о гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. и борьбе Китая за независимость, они стремились предостеречь своих слушателей от опасности повторения кровавых и братоубийственных событий.

Так, во время гражданской войны в Испании пропагандистская машина Польши, навязывавшая политически искаженный взгляд своему населению, исходила из того, что события на Пиренейском полуострове являлись трагедией для всего испанского народа, который допустил взаимное истребление из-за отсутствия внутренней консолидации и приверженности «ложным» коммунистическим идеям, стоявшим за республиканскими лозунгами и доктринами, в результате чего на политическом горизонте возник мятежный генерал Ф. Франко. В пропаганде подчеркивалось также отсутствие подлинного авторитета у испанских политиков на международной

⁶²² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1938. S. 31–32.

арене, так как их непрофессионализм обернулся сплочением западноевропейского сообщества в лице США, Франции и Великобритании и оказанием им прямой помощи законному правительству, что привело к итало-германской интервенции и к отправке в Испанию военного контингента СССР, а также участников интернациональных бригад⁶²³. Все это способствовало превращению взаимного кровопролития в массовое явление на испанской земле⁶²⁴. Поэтому польские унтер-офицеры проводили соответствующие беседы со своими подчиненными и мирными гражданами, во время которых рассказывалось о негативном примере испанского общества, лидеры которого не готовы были отбросить свои личные политические амбиции, пойдя на компромисс, что привело к братоубийственной войне⁶²⁵; именно на этом факте строился важный тезис, который являлся частью политики полонизации: отсутствие гражданского единства приведет к уничтожению будущего не только всей страны в целом, но и в горниле гражданской войны погибнут многие граждане, которые не смогут остаться в стороне, следовательно, польское общество должно было быть монолитным ради своих собственных детей, внуков и всего того, что определяло для них Родину, которую нельзя было делить по политическим предпочтениям, как это имело место в Испании.

⁶²³ Военная природа «режима санации» и его авторитарная идеология, близкая по своему духу итальянскому фашизму, предопределила военную поддержку мятежников в их борьбе против республиканского правительства, которая, выразилась, в частности, в направлении в помощь им в 1936 г. в качестве наблюдателя Польской военной миссии участника Гражданской и советско-польской войн и удостоенного высшей польской военной награды-орденом Виртути Милитари генерала С. Булак-Балаховича для координации разведывательных операций в тылу противника. См.: Симонова Т.М. Реалии Гражданской войны: новые материалы к портрету Станислава Булак-Балаховича // Россия XXI. 2014. № 5. С. 139, 141. Еще одной не афишировавшейся целью подобных внушений являлось, очевидно, предотвращение сбора средств в фонд помощи Испанской Республике и вступления граждан Польши в сражавшуюся на стороне республиканцев бригаду имени Я. Домбровского. См.: Чугаев В.П. Движение за народный фронт в Польше // Вопросы истории. 1977. № 3. С. 66–67.

⁶²⁴ *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 11–12... 1938. S. 249.

⁶²⁵ Данный тезис обосновывался во второй половине 30-х гг. XX в. в научных исследованиях польских историков, которые преследовали цель не только осветить гражданскую войну в Испании, но и предостеречь польский народ от тех ошибок, которые были допущены испанцами в 1936 г., например, в книге Адама Сикорского – «Луна над Испанией», вышедшей в свет в 1938 г., делался любопытный вывод о причинах начала братоубийственной схватки в Испании, которыми полсужили не только политический распад страны, но и отсутствие единой духовной сплоченности самого испанского народа, что и привело страну к затяжной анархии и к кровопролитию.

Такой пример приводился политработниками и в отношении китайского народа, который на протяжении многих лет не имел политического единства и духовной сплоченности, что привело сначала к его экономическому закабалению в начале XX в., а затем и к прямой военной интервенции со стороны Японии⁶²⁶. Поэтому польским гражданам следовало, по мнению правящих кругов, учиться на примерах, некогда великих стран, которые, потеряв внутреннюю сплоченность своего общества, оказались не только охвачены огнем войны и захлебывались в человеческой крови, но и самое главное: эти народы стали униженными, несвободными и оскорбленными и схожую участь нельзя было допустить в отношении Польши.

В заключение стоит отметить, что совместные просветительские мероприятия во Второй Речи Посполитой, проходившие под флагом единства представителей различных национальностей, были относительно редкими, так как для политического и военного руководства страны изучение культуры, быта и истории национальных меньшинств не являлось приоритетной обязанностью и целью, поскольку это только мешало осуществлению политики полонизации в восточных областях; и уж тем более для местных воевод не являлась главной задачей массового открытия просветительских учреждений, в которых педагоги и унтер-офицеры из-за любви к коренным жителям непольской национальности проводили бы в свободное время безвозмездно занятия по ликвидации неграмотности. Но этому не чинилось особых препятствий, чтобы затем широко распропагандировать данный факт на страницах подконтрольной правительству периодической печати, продемонстрировав, как внутри страны, так и за ее пределами заботу государственного руководства Польши в

⁶²⁶ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1938. S. 249. Лицемерие польской пропаганды, рассказывавшей о неисчислимых страданиях китайского народа, состояло в том, что Варшава, готовясь в 1934 – весной 1935 гг. к совместному с Германией вторжению в СССР, проявляла крайнюю заинтересованность в военном содействии ему Японии на Дальнем Востоке, совершившей уже в начале 30-х гг. XX в. территориальные захваты в Китае. См.: Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 141–142.

отношении всех граждан страны независимо от их этнического и религиозного происхождения, а также от их политических убеждений. Но данные акции, проводившиеся под прикрытием лживых утверждений о равенстве и уважении прав всех граждан страны, должны были консолидировать польское государство с тем, чтобы представить военных и политических «наследников» Ю. Пилсудского в морально лучшем и, что самое главное, в законном свете. И подобная внешняя ширма была призвана развеять те антиконституционные обвинения, которые сыпались со стороны оппозиционных групп и партий, а также правительств других европейских стран⁶²⁷. Но надо также заметить, что политическое руководство Второй Речи Посполитой во второй половине 30-х гг. XX в. действительно начинало задумываться о грозившей ему этно-религиозной опасности, которая на тот момент усиливалась в пограничной полосе. Это было связано не только с неуверенностью в лояльном поведении гражданского тыла в случае военного вторжения с «дикого Востока», но и с опасностью проведения польской армией наступательных операций, так как в сознании высокопоставленных польских военных еще сохранялась угроза действий партизанских прокоммунистических отрядов, которые вели борьбу во время советско-польской войны и после ее окончания. Поэтому на закате существования Второй Республики на территории «белорусских» воеводств предпринимались попытки наладить взаимопонимание с местным населением не только с помощью репрессий, но и на основе культурно-просветительского и экономического сотрудничества. Но если методы террора и гонений были близки и привычны для властей Польши, то взаимоотношения с белорусским национальным меньшинством на основе гуманных принципов приходилось выстраивать с «нуля», что и объяснялось

⁶²⁷ Во второй половине 30-х гг. XX в. недовольство «санационным» руководством Польши испытывало не только правительство СССР, но и Франция, обвинявшая польское правительство в фактическом отходе от союзнических отношений, которые Варшава оборвала с момента прихода к власти в Германии А. Гитлера, что и создавало повод для французских дипломатов высказывать свое прямое недовольство той национальной политикой, которую проводила Польша в отношении восточнославянского населения. См.: Из докладной записки посла Франции в Польше «Общая ситуация», направленной министру иностранных дел Франции. Март 1931 г. // Польша–Беларусь (1921–1953): сборник документов и материалов... С. 118–119.

полным провалом национальной политики, направленной на сплочение коренного населения восточных областей с польскими военными служащими, чиновниками, осадниками, католическими церковными иерархами, а также с деятелями культуры и образования. Особенно остро данный вопрос встал после майского переворота 1926 г., когда страна из-за неустойчивой внешнеполитической линии стала приближаться к новому военному столкновению. И именно слово «война» в период «санации» стало употребляться не только в качестве синонима молниеносного уничтожения противника, вторгнувшегося с Востока, а также с Запада, но и в информационном поле, когда нужно было подготовить как можно раньше все общество к предстоящим боевым действиям. По этой причине на первый план выдвигалась пропагандистская работа не только среди рядовых военнослужащих, которые проходили армейскую службу в восточных окраинах, но и в отношении гражданского населения, и такая пропаганда должна была подчинить себе умонастроения тех крестьянских масс, которые проживали на территории «белорусских» воеводств Польши. Стержнем пропагандистской работы выступала идеология польской государственности, которая включала в себя не только информацию о культурно-историческом пути становления польской нации с древнейших времен и до 1918 г., предназначавшуюся для «оболванивания» восточнославянского населения, но и конкретный перечень мер, имевших своей целью переход граждан возрожденной Речи Посполитой к подлинно европейской и счастливой жизни, а для этого, как и предлагалось правящими кругами в начале 20-х гг. XX в., планировалось наделить материальными благами этнических поляков через экономическое притеснение восточнославянских национальных меньшинств. Но данное положение невозможно было декларировать открыто, поэтому необходимо было навязать белорусам, украинцам, русским и литовцам антинациональную и лживую идеологию польского патриотизма, с помощью которой и возможно было бы управлять их чувствами и

формировать те мысли, которые рождались в правительственных кабинетах и в стенах Генерального штаба.

Но белорусское население Второй Речи Посполитой продолжало сохранять крайне негативное отношение к представителям польского правящего класса не только из-за верности своему историческому «коду», напомиравшему лицам белорусской национальности о тех далеких временах, когда любой поляк ассоциировался с баринoм-помещикoм, беспощадно эксплуатировавшим своих крепостных. Социальный антагонизм в межвоенный период между белорусами и поляками усиливался также по той причине, что польская государственная власть не сумела выработать должный механизм своей национальной политики, который способен был на территории «белорусских» воеводств создать разветвленную сеть полонофильских организаций, которые отличались бы не только своим многочисленным составом (исключительно из представителей коренного населения), но и отлаженной идеологической работой, нацеленной на насаждение культурно-духовных основ польской нации, дававшей положительный результат⁶²⁸.

Главные причины его отсутствия, как признавалось самими представителями польской государственности, коренились именно в психологии белорусов, которые даже в совершенно иных социально-экономических и общественно-политических условиях продолжали воспринимать лиц польской национальности в качестве ключевой причины всех своих повседневных бед и страданий, поэтому польские граждане белорусской национальности в большинстве своем видели в поляках именно тех помещиков-мироедов, которые всегда жили припеваючи, не прилагая к этому никаких физических усилий, и, что самое любопытное, пожилое поколение белорусов в межвоенной Польше было твердо убеждено, что поляк-помещик являлся таким зажиточным и ленивым по воле самой

⁶²⁸ См.: Рижский мир в судьбе белорусского народа... С. 385–386; Кривуть В.И. Националистические организации польской молодежи в Западной Беларуси в межвоенный период // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2018. № 2 (14). С. 12–15.

природы, в то время как сами белорусы изо дня в день доводили свой организм до полного истощения из-за непосильной физической работы для того, чтобы получить кусок хлеба, который должен был пойти не его добытчику, а жене и детям⁶²⁹.

Диаметрально противоположное мнение об историческом предопределении наций господствовало в сознании лиц польской национальности, которые считали, что белорусы являлись по своей сущности ленивыми, невежественными и аморальными, за которыми необходимо было осуществлять полный контроль во имя их же собственного блага, так как если они лишаться покровительства со стороны поляков, то их жизнь будет невыносимой в экономическом и духовном плане, и обязательно придет в скором времени момент, когда такая темная масса исчезнет с лица земли, поскольку что необразованные белорусы либо ассимилируются под давлением «русско-царско-большевистского шовинизма», либо изживут физически друг друга словно звери, запертые в одной клетке⁶³⁰. В таких сложных условиях невозможно было разрешить проблему межнациональных отношений, окрашенных взаимной социально-классовой ненавистью обеих наций, при помощи одних лишь просветительских бесед и лекций.

Воинские подразделения польской армии обязаны были регулярно вступать в контакты с местным гражданским населением, особенно с той его частью, которая по своему возрасту относилась к молодежи, поскольку на военнослужащих не только возлагалась обязанность подавать пример подрастающему поколению своим служением отечеству, но и воспитывать в нем искреннюю любовь к своей Родине путем разъяснительных бесед и активного взаимодействия, которыми являлись различные просветительно-образовательные и пропагандистские мероприятия⁶³¹. Такая работа имела практический результат только в том случае, если новорожденные в

⁶²⁹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, II kwartał. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1931. S. 51.

⁶³⁰ Ibidem.

⁶³¹ Кривуть В.И. Участие Корпуса охраны пограничья в реализации официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в 1920–1930-е гг // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2017. Т. 9, № 1. С. 8.

«белорусских» воеводствах преодолевали порог смертности во время своего появления на свет, но в этом случае жизнь молодого поколения в сельской местности восточных воеводств была отмечена не только печатью бедности, но и физическими страданиями. Это выражалось в том, что начиная с детского возраста, обязанности ребенка выражались в оказании посильной помощи своим родителям сначала по дому, а затем в промысловой деятельности, например, в работе на поле или в добыче лесной растительности, в связи с этим ребенок в северо-восточных областях межвоенной Польши не имел возможности полноценно посещать школу не только из-за своего активного участия в добывании для семьи средств к существованию, но и ввиду отсутствия у него необходимых письменных принадлежностей в форме тетрадей, карандашей и учебников, так как все это следовало приобретать за свой собственный счет, и отсутствие теплого детского гардероба не позволяло также ребенку посещать школу, расположенную в нескольких десятках километров от дома, в холодное время года.

На подразделения вооруженных сил в восточных воеводствах в таких условиях падала важнейшая и сложнейшая по своей реализации задача не только проведения культурных, спортивных и образовательных мероприятий среди учащихся школ, но и оказания финансовой, материальной и физической помощи школам, поэтому членство военнослужащих польской армии в попечительных советах или советах директоров северо-востока Второй Республики было обязательным для них делом, так как своим прямым участием они не только организовывали общественно-политическую жизнь среди учащихся школ, но и своей посильной помощью показывали заботу обычного польского солдата и офицера о будущем подрастающего поколения. Подобная работа ярче всего проявлялась в бедных сельских повятах, которых на территории «белорусских» воеводств межвоенной Польши было нескончаемое число, так как социально-экономическая политика польского правительства не предусматривала налаживания культурно-просветительской

работы и на территории северо-восточных гмин⁶³², поэтому на помощь школьной администрации приходили военнослужащие, которые своими руками занимались проведением в школьных учреждениях ремонтных работ, а также делились своими книгами со школьными библиотеками и канцелярскими принадлежностями, а в случае возникновения эпидемий или голода помощь военврачей КОП была неоценимой для успешного излечения молодого детского организма⁶³³.

Количество белорусских национальных школ в межвоенной Польше имело постоянную тенденцию к сокращению, так как данные образовательные учреждения рассматривались польской властью как центры воспитания и обучения антиправительственных элементов, которые были способны причинить значительный вред польской государственности, поэтому с каждым годом число национальных школ на территории «белорусских» воеводств постоянно сокращалось, например, в 1934–1935 гг. действовало около 13 тыс. начальных школ, а к 1939 г. они все были закрыты⁶³⁴. Но особенно сильными позициями обладали белорусские гимназии, которые располагались в следующих городских центрах – Вильно, Новогрудоке, Радошковичах и Клецке. Поэтому польские власти усиливали свое наблюдение за их деятельностью, следя за развитием политической ситуации, и в случае возникновения каких-либо подозрений в помещениях белорусских гимназий устраивались обыски и производились увольнения тех педагогов, которые попадали под подозрение в причастности к антигосударственной деятельности, а также отчислялись и сами гимназисты, например, в конце 1929 г. в белорусской гимназии в Клецке были отчислены 22 ученика, и отчисление произошло по результатам заседания

⁶³² Тяжелейшая ситуация на протяжении всего межвоенного времени была на территории всех белорусских воеводств, например, финансирование из бюджета покрытия школьных ремонтных работ ежегодно было минимальным, а природные условия Востока Второй Республики требовали сезонных вмешательств строительных бригад для упрочения крыш и очищения школьных стен от плесени, такими работами занимались не только строительные бригады, но и польские военнослужащие.

⁶³³ *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 4–5... 1936. S. 22–23.

⁶³⁴ Кривуть В.И. Польские власти и белорусские школы на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2020. № 2 (18). С. 21.

педагогического Совета этой гимназии, на членов которого было осуществлено давление польской администрации, а поводом для отчисления гимназистов стала их якобы антигосударственная деятельность. Но чистка Клецкой гимназии от «антигосударственных элементов» не дала ожидаемых результатов, поскольку остальные учащиеся выпустили вскоре свое воззвание, в котором осуждали действия «польских панов», которые не позволяли им проявлять свободомыслие путем изучения истории и культуры своей нации⁶³⁵, что гарантировалось Конституцией 1921 г. В том же году произошел второй крупный скандал, но уже в белорусской средней школе в г. Вильно, где старшеклассники, открыто высказывая антиправительственные лозунги во время учебных занятий, срывали уроки своим «революционным поведением». Специальная правительственная комиссия приняла решение не только уволить директора школы, который не смог взять ситуацию под свой контроль и заранее установить те факторы влияния на молодые умы, которые имели якобы советское происхождение. Также было произведено отчисление тех учащихся, которые являлись вожаками и наиболее активными участниками таких молодежных волнений в этом образовательном учреждении. Во время проведения беседы с родителями остальных учеников, им было настоятельно рекомендовано внимательно следить за поведением и образом жизни своих отпрысков, и в случае повторения подобной ситуации им грозило уже не только отчисление, но и вмешательство органов государственной безопасности⁶³⁶.

В таких тяжелых условиях представители белорусской интеллигенции и политических движений стремились самоорганизоваться в различные образовательные организации, которые позволяли в рамках действующего законодательства отстаивать права национальных меньшинств, и одним из таких легальных движений являлось «Товарищество белорусской школы» (ТБШ)⁶³⁷, которое в начале декабря 1928 г. активизировало свою работу.

⁶³⁵ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 26.

⁶³⁶ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1928, (list./grudz.)... 1929. S. 17–18.

⁶³⁷ См.: Рижский мир в судьбе белорусского народа... С. 484–494.

Руководящие позиции в нем на тот момент занимали представители левой ориентации, и которые приняли решение провести собственное расследование, составив именной список лиц белорусской национальности, подвергшихся репрессиям со стороны польских органов власти, а по его окончании планировалось передать весь собранный материал в парламент для инициирования служебного разбирательства, что, в конечном счете, должно было дискредитировать правительство в глазах обычных граждан Польши⁶³⁸. Если данная работа потерпела крах, то культурно-просветительские мероприятия ТБШ на территории «белорусских» воеводств имели положительные последствия, так как его члены оказывали не только активную поддержку учащимся школ и гимназий, но и организовывали для подрастающего поколения белорусов просветительские, образовательные, а также поэтические и театральные вечера, правда, данные мероприятия встречали сопротивление со стороны местных органов власти, которые срывали их проведение ТБШ с помощью вмешательства польской полиции и армии.

В борьбу за образовательные права белорусов вступали и студенты, которые, столкнувшись с дискриминацией в школьные годы, ощутили также национальные притеснения в период своего обучения в университетах. Так, белорусские студенты Виленского университета имени Стефана Батория в середине 20-х гг. XX в. приняли решение объединиться в специальный студенческий Союз, который не только отстаивал права белорусской университетской молодежи, но и осуществлял попечение за образовательной жизнью Виленской гимназии, например, члены «Союза белорусских студентов», проводили среди гимназистов регулярные лекции, которые знакомили учащихся с белорусской историей и культурой⁶³⁹, и данное общение с гимназистами приводило к тому, что учащиеся Виленской гимназии делились постоянно на две противоборствующие группы, одна из

⁶³⁸ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1928, (list./grudz.)... 1929. S. 16–17.

⁶³⁹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 26.

которых являлась всегда малочисленной (в составе 40–45 молодых людей), члены которой не просто интересовались своей национальной историей и культурой, но и могли в процессе обучения выражать устно или письменно антиправительственные лозунги, требуя при этом предоставления культурно-языковой автономии, как для литовского населения, так и для лиц белорусской национальности, а вторая группа учащихся насчитывала приблизительно около 70 человек считала необходимым поддерживать польскую власть на местах, так как, по убеждению ее представителей, антигосударственная деятельность не просто являлась тяжелым преступлением, но и могла привести к распаду всей Польши, которую в этом случае завоюет не только коммунистическая Россия, но и Германия. Правда, данное противостояние между двумя этими группировками разворачивалось в стенах Виленской гимназии только в осенне-зимний период, когда у учащихся было достаточно свободного времени для выражения своих политических убеждений, а уже с началом весны вся демагогия молодых людей отходила на задний план, поскольку наступало время подготовки к экзаменам, которые начинались в начале июня⁶⁴⁰.

На территории «белорусских» воеводств Польши действовали и другие молодежные организации, которые также принимали участие в защите образовательных и национальных прав восточнославянского населения. Наиболее активными из них являлись две следующие организации – «Buduczynia», лидеры которой выступали за применение более решительных методов проведения просветительских акций среди подрастающего поколения, которое в будущем должно было добиться независимости от польского гегемонизма, и на таких же позициях стояла другая белорусская организация – «Praświeta»⁶⁴¹. Но участники обеих молодежных групп подвергались преследованию со стороны силовых структур Второй Речи Посполитой.

⁶⁴⁰ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (kwiec./czerw.)... 1929. S. 17–18.

⁶⁴¹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 25.

В борьбу за право получения образования на родном языке активно включались и белорусские парламентарии, которые не только занимались законотворческой работой в Сейме, но и проводили активно просветительские акции, на которых местным жителям северо-восточного региона Польши объяснялась необходимость бороться за свои права, как голосованием на избирательных участках, так и методом самообразования. Последнее касалось необходимости получения гражданами белорусской национальности в сельских и мобильных библиотеках книг, которые должны были раскрыть культурно-историческое прошлое их народа, но так как большинство сельского населения «белорусских» воеводств было неграмотным, то депутаты Сейма во время своих встреч рассказывали крестьянам о героических моментах из белорусской истории. Например, подобная многолюдная беседа на историческую тему состоялась 2 апреля 1929 г. в Ошмянах Виленского воеводства, а в роли лектора выступил белорусский языковед и историк Ян Станкевич, который, являлся и видным политическим деятелем, отстаивавшим интересы белорусской нации, и его активная политическая позиция проявлялась также в том, что им организовывались в «белорусских» воеводствах народные митинги, на которых присутствовало всегда более 100 человек, так как речи искусного оратора Я. Станкевича привлекали к себе внимание множества людей. Подобный митинг был устроен 11 апреля в селе Понизье Воложинского повята Новогрудского воеводства, на котором Я. Станкевич призывал белорусский народ требовать от польского правительства необходимость открытия в селах именно тех школ, в которых белорусские учащиеся получали бы образование на родном для них языке⁶⁴².

Белорусские политики получали возможность выразить свое отношение к проблеме образования не только в стенах двухпалатного парламента Польши, но и в личных разговорах с ее государственным руководством. Так, в июне 1930 г. в г. Вильно прибыл президент Второй

⁶⁴² Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (kwiec./czerw.)... 1929. S. S. 15–16.

Республики И. Мосъцицкий, возможность лично побеседовать с которым из многочисленных белорусских политических партий и движений получили только Р.К. Островский и А.И. Луцкевич. Во время данной встречи они выразили полную убежденность в том, что президент Польши своими действиями в скором времени сможет улучшить положение обучающихся во всех образовательных учреждениях не только лиц литовской национальности, но и белорусской, и их просьба в адрес президента касалась начальных школ, которые, со слов самих белорусских политиков, постоянно закрывались местными властями. Соответствующая просьба касалась также религиозных семинарий и Виленского университета имени Стефана Батория, т. е. оба политических деятеля просили польского президента разрешить открытие таких школ, в которых учителями выступали бы не приезжие польские специалисты, а именно белорусы и литовцы, которые владели не только польским, но и белорусским языком, так как обучение должно было вестись, по их мнению, именно на языке местного национального значения, в том числе белорусские делегаты просили президента, чтобы в православных и в католических гимназиях занятия проходили на белорусском языке, а в Виленском университете просили открыть кафедру белорусоведения⁶⁴³, но данные пожелания в действительности так и не были исполнены, так как они противоречили проводившейся в восточных областях политике полонизации.

Литовское население «белорусских» воеводств Польши вело также борьбу за свои национально-духовные права, особенно это касалось той части литовской нации, которая выступала не за революционный путь своего освобождения, а предпочитала действовать исключительно в рамках закона. Так, 2 ноября 1928 г. в г. Вильно состоялся съезд литовских учителей, на котором были составлены основные требования литовцев, которые проживали в Польше: прекратить насильственную политику полонизации в отношении тех родителей, которые изъявили желание отправить своих детей

⁶⁴³ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1930. S. 59–60.

учиться в те образовательные учреждения, где языком обучения выступал литовский, так как польские власти на местах путем запугиваний убеждали родителей отправлять своих детей именно в польские школы, также требовалось прекратить практику, при которой те литовцы, которые являлись учителями в разрешенных правительством начальных литовских школах, были в действительности агентами Варшавы и своей учебной деятельностью дискредитировали литовский язык, и культуру в целом, что вызывало у молодого поколения литовского народа нескрываемое отвращение к своим историко-культурным корням, и все это вынуждало родителей переводить своих отпрысков в исключительно польские образовательные учреждения⁶⁴⁴.

Данный однодневный съезд литовских педагогов прошел в легальной форме, но за его работой пристально следили сотрудники Министерства внутренних дел, руководство которого в целом было удовлетворено работой данной конференции, так как на ней представители литовской интеллигенции выдвинули достаточно умеренные требования, которые касались не политической составляющей положения литовского народа в пределах Польши, а того, что затрагивало их интересы в области образования. Но среди литовцев Виленского края имелась также национальная интеллигенция, которая, как и национальные лидеры из левого белорусского движения, устраивала массовые просветительские акции, в ходе которых произносились антиправительственные лозунги, и такие литовцы преследовались польскими властями, которые не только разгоняли с помощью полицейских и солдат все подобные мероприятия, но и производили облавы и аресты. Подобное, в частности, произошло в 1927 г., когда в г. Вильно была закрыта Литовская гимназия⁶⁴⁵, прекратившая свое существование из-за подозрения участия ее администрации в антигосударственных действиях.

⁶⁴⁴ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1928, (list./grudz.)... 1929. S. 19.

⁶⁴⁵ Ibid.

Но закрытие литовских школ польскими властями приняло массовый характер в начале 30-х гг. XX в., и поводом к началу таких репрессий стало решение Гаагского международного суда: 15 октября 1931 г. польское правительство получило так называемый Консультативный отзыв Постоянной Палаты международного суда в Гааге по вопросу об обязанности Литвы открыть железнодорожное сообщение Ландворово–Кошедары, текст которого облегчал экономические сношения не только между Литвой и Польшей, но и предоставлял возможность вести торговлю с Германией через Кенигсберг. Но за экономической составляющей этого Консультативного гаагского отзыва скрывались, прежде всего, политические мотивы литовской стороны вернуть себе весь Виленский край, о чем постоянно заявляло высокопоставленное политическое руководство Каунаса, включая фигуру литовского президента⁶⁴⁶. Также активизировалась деятельность «Союза освобождения Вильнюса», лидеры которого помещали свои комментарии не только в отечественных газетах и журналах, но и высказывали свои претензии к польскому руководству в зарубежных периодических изданиях, суть которых сводилось к тому, что решение, принятое международным судом в Гааге, приблизило литовцев Виленского края к воссоединению со своими братьями и сестрами. Но в ответ на такие заявления польские власти приняли решение провести чистки частных литовских начальных школ в пределах всего Виленского воеводства, и итогом обрушившихся на них гонений стало принятие 28 декабря 1931 г. польскими властями решения о закрытии десяти таких образовательных учреждений; польским инспекторам, незадолго до того посетившим их, удалось установить, что преподаватели во время своей работы с учащимися использовали запрещенную в стране литературу, содержание которой не только дискредитировало государственное устройство Польши, но вело к формированию у литовской молодежи антипольских взглядов, а также страницы таких книг прививали им ненависть к польской нации, например, в подобных учебных изданиях

⁶⁴⁶ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, IV kwartał... 1932. S. 54.

государственные границы Литвы включали в себя и территорию Виленского края, а также история взаимоотношений литовского и польского народов преподносилась в свете политических интересов Каунаса, декларируя, что литовцы на протяжении многих сотен лет страдали от порабощения не со стороны русских царей, а польских панов⁶⁴⁷.

Литовское национальное движение имело свои и крупные организации, которые проводили главным образом просветительские миссии в северо-восточной части Польши. Значительным авторитетом обладали среди литовского населения два следующих объединения – «Общество Святого Казимира» и «Аграрное общество». Первое осуществляло гуманитарную и просветительскую деятельность среди литовского населения следующих повятов – Свенцянского, Вильнеско-Троицкого, Браславского и Ошмянского⁶⁴⁸. Данное благотворительное общество имело на территории Виленского воеводства около 122 своих первичных ячеек, в Белостокском воеводстве их количество приближалось к 7, а в Новогрудском воеводстве насчитывало 23. «Аграрное общество» не обладало такой разветвленной сетью, но получало поддержку со стороны литовского населения Свенцянского повята Виленского воеводства⁶⁴⁹. Данные литовские общества оказывали финансовую поддержку тем литовцам, которые испытывали не только материальную нужду, но и проявляли обеспокоенность возможностью получения образования их детьми на родном языке, например, данные общества закупали канцелярские принадлежности и теплую одежду. Функционирование данных литовских объединений встречало сопротивление со стороны польских групп и организаций, которые своими благотворительными действиями стремились ополячить литовское население Польши, что приводило не только к усилению надзора за литовскими активистами, но и к их обыскам, арестам и допросам.

⁶⁴⁷ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, IV kwartał... 1932. S. 57.

⁶⁴⁸ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 66.

⁶⁴⁹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1928, (list./grudz.)... 1928. S. 20.

Для пресечения деятельности национальных белорусских и литовских просветительских организаций и движений правящие круги Польши стремились открывать в «белорусских» воеводствах такие альтернативные просветительские центры, в которых ликвидация неграмотности среди белорусского национального меньшинства, происходила исключительно по тем правилам, которые были призваны воплощать в жизнь национальную политику полонизации. Количество таких центров составляло на северо-востоке Польши в 20–30-е гг. XX в. около 4 тыс., занятия в которых проводились в вечернее время не только школьными учителями, но и унтер-офицерами, обладавшими набором педагогических знаний, что позволяло широко применять различные методики обучения, как молодежи, так и взрослых. Но экономическая ситуация в восточной пограничной зоне не позволяла крестьянским слоям уделять свое свободное время обучению грамоте, так как в весенне-осенний период, когда начиналась «битва за урожай» крестьянские семьи бросали на нее все свои силы, а также на другие занятия, которые позволили бы им выжить до наступления нового сельскохозяйственного сезона. Также следует отметить, что работа на полях и в огородах осуществлялась не только руками взрослого населения, когда на помощь ему приходили молодые юноши и девушки, а если семья являлась безземельной, то глава семьи совместно со своими сыновьями отправлялся на сезонные строительные и хозяйственные работы. Конечно, вечерние курсы проводились педагогическими работниками и военнослужащими польской армии также осенью и зимой, что могло сподвигнуть не только молодых людей, но и взрослых проявить интерес к посещению «ликбезов», но и такие условия не являлись полной гарантией посещаемости их представителями национальных меньшинств, поскольку источником света в крестьянских избах служили восковые свечи и керосин, которых постоянно либо не хватало, либо такое сырье было настолько дорогим, что их применение являлось максимально экономным, поэтому с наступлением осенней или зимней темноты члены крестьянской семьи сразу же укладывались спать.

Польские военнослужащие прямо подчеркивали, что если поляк из западно-центральных воеводств впервые прибудет в сельскую местность восточных окраин, то с заходом солнца он удивится полной оптической темноте, так как с наступлением ночи все деревни восточных воеводств погружались в полный мрак, а улицы были настолько безлюдными, что могли привести стороннего наблюдателя в состояние ужаса, и даже в «домах культуры» и в других государственно-социальных учреждениях не всегда можно было заметить свечение восковой свечи или керосиновой лампы, а применение электричества было редким явлением по причине того, что электрическая энергия использовалась только в стратегически важных местах восточного пограничья, каковыми являлись, например, воинские части польской армии, а также те инфраструктурные сооружения, которые занимались жизнеобеспечением польских военнослужащих и объектов государственного управления⁶⁵⁰.

Возвращаясь к миссии военнослужащих КОП, стоит сразу сказать, что они покрыли себя в проправительственной печати неувядаемой славой, так как занимались сооружением школьных зданий. Например, на польско-советско-латвийской границе имелась уже упоминавшаяся выше деревня Чурилово, которая относилась к Виленскому воеводству. На территории данной деревни имелась начальная школа, которая была построена благодаря военнослужащим КОП⁶⁵¹. Торжественное открытие данной школы в Чурилово произошло 23 февраля 1936 г. при обязательном присутствии не только будущих учеников и их родителей, но и остальных жителей деревни, к которым были обращены следующие слова, произнесенные одним из крестьян, который помогал в строительстве данной школы, и речь которого заранее подготовил один из унтер-офицеров Корпуса: «Большое спасибо за эту школу. Мы работали для нее, потому что хотим быть поляками. Мы верим, что наши дети, когда они закончат польскую школу, будут жить лучше,

⁶⁵⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 4.

⁶⁵¹ Стоимость строительства данной школы была профинансирована не только из бюджета страны, но и из Социального фонда КОП, который предоставил 1 500 злотых на покупку необходимых строительных материалов.

чем мы, которых никто не воспитывал»⁶⁵². Произнесенная речь, являясь не просто формой выражения благодарности польскому гражданскому и военному руководству за те финансовые и физические затраты, которые были сделаны для возведения этой школы в такой далекой восточной деревне, была призвана подчеркнуть успешность политики полонизации, которую проводило военно-политическое руководство Польши с целью вытравливания белорусского национального самосознания из голов подрастающего поколения. Хвалебные слова в адрес Польского государства стали действительностью, так как преподавание в данной школе велось не на белорусском, а на польском языке прибывшими из Польши учителями на основе тех правительственных программ и установок, которые формировали антиисторический взгляд учеников на культурно-духовные связи поляков в момент их пребывания в составе Российской империи. Подобные занятия проводились в Чурилово и силами унтер-офицеров КОП, которые выступали в качестве педагогов. В данном образовательном учреждении осуществлялся также процесс социальной трансформации взрослого гражданского населения, которому последовательно внушалась мысль о спасительной роли поляков, которые в период советско-польской войны 1919–1920 гг. проливали свою кровь ради спасения этих крестьянских обывателей от якобы разрушительного нашествия «русских азиатов».

1 сентября 1935 г. в белорусском поселке Калеты Виленского воеводства, расположенном на польско-литовской границе, начала функционировать начальная школа, здание которой было возведено солдатами КОП. Преподавание в ней велось также на польском языке, а не на литовском или белорусском, более того, для успешного приобщения учащихся этого поселка к польской национальной идее данная школа была названа именем генерала Яна Крушевского, который с 1930 г. по 1939 г. являлся главнокомандующим КОП. Вместе с тем следует отметить, что строительство велось польскими военнослужащими в соответствии со всеми

⁶⁵² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 27.

существовавшими на тот момент стандартами, так как помещение было разделено на следующие комнаты: два учебных класса, учительская, гардероб, а также общий зал со сценой для проведения просветительских и культурных мероприятий. Классные комнаты, в которых учащиеся приобщались к знаниям через призму польского языка, были оснащены не только партами и настенной доской, но и учебной литературой, которая была доставлена из Варшавы, а также в учебных аудиториях располагалось радио, с помощью которого учащиеся должны были знакомиться с новостями польского правительства⁶⁵³, т. е. цель политики полонизации достигалась не только при помощи фигуры польского учителя, главным орудием которого выступала книга, но и использовались средства радиосвязи, поскольку школьники могли не только слышать польскую речь и тем самым воспринимать этот язык на слух, но и быть в курсе экономической политики государственного руководства страны, а также ориентироваться благодаря радиотрансляциям в сложной внешнеполитической ситуации в Европе, развитие которой не обходилась без активного участия Варшавы. Строительство школьных учреждений в «белорусских» воеводствах Польши велось не только за счет бюджетных средств, но и благотворительных пожертвований. Так, весной 1935 г. в Повурке в присутствии воеводы Виленского края был заложен камень в основание будущей польской школы, и ее строительство проходило при активном участии КОП, командный состав которого выделил из Социального фонда Корпуса в качестве пожертвований значительную сумму, которая покрывала больше половины всех денежных затрат, а рядовые военнослужащие послужили главной рабочей силой во время строительных работ⁶⁵⁴.

Помимо школьных зданий польские военнослужащие занимались строительством и дополнительных объектов, которые были призваны удовлетворить образовательные потребности молодежи, например, осенью

⁶⁵³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 31.

⁶⁵⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 36.

1935 г. в белорусском местечке Слободка Виленского воеводства руками польских военнослужащих было построено небольшое здание, являвшееся общежитием для учащихся польской школы, в которую поступали на обучение из прилегающей сельской местности талантливые дети, но семьи которых не имели на это достаточно денежных средств⁶⁵⁵.

Открытие польских школ на территории всех восточных воеводств сопровождалось праздничными торжествами, на которых присутствовали представители местной государственной и духовной власти в лице чиновников, католических священнослужителей и офицеров, воинские части которых располагались по соседству. Торжественность этому акту добавляло исполнение польских вокальных произведений под аккомпанемент военных оркестров, например, такой пышный по своему содержанию церемониал имел место в 1936 г. во время открытия польской школы в белорусской деревне Браслава⁶⁵⁶.

Деятельность КОП проявлялась также в отправке унтер-офицеров в школьные и дошкольные заведения «белорусских» воеводств, так как политика полонизации касалась всего населения северо-востока страны независимо от его возраста и половой принадлежности⁶⁵⁷. Данная практика заключалась в том, чтобы идеологически подготовить польских учителей и воспитателей, так как именно представители указанных профессий обязаны были вкладывать в сознание подрастающего поколения идею о единстве всего Польского государства и господства единственно правильной, как тогда утверждалось властями Второй Речи Посполитой, польской культуры, исключив таким путем возможность приобщения представителей непольской нации к своей истории и языку.

Как правило, воспитателями дошкольных учреждений были девушки и женщины, которые окончили семилетнюю школу, но их профессионализм приобретался не только во время практической работы, но и путем

⁶⁵⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 35.

⁶⁵⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 23.

⁶⁵⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 3, 5.

теоретического обучения. Так, в Варшаве были организованы специализированные курсы для руководителей и воспитателей детских садов или так называемых «дневных комнат». Программа курса, рассчитанная на 70 академических часов⁶⁵⁸, включала в себя в основном методику детского воспитания и формирования патриотических чувств по отношению к Польскому государству у маленьких граждан страны, что должно было проявляться, как в наглядной агитации с помощью государственных символов и адресованных детям плакатов, так и путем проведения различных развлекательных мероприятий во время государственных и национальных праздников, что должно было укрепить в формирующихся детских умах гордость за то государство, в котором они живут. Но так как в северо-восточных окраинах Польши был если не дефицит, то проблема с привлечением образованных кадров в сферу школьного и внеклассного образования, то Министерство по делам религий и народного просвещения страны совместно с представителями польской армии приняло решение о привлечении тех военнослужащих, которые обладали необходимым багажом знаний, которого было бы достаточно для ведения общественно-просветительской работы среди крестьянской молодежи «белорусских» воеводств.

Для реализации данной задачи в 20-е гг. XX в. был создан Институт инструкторов по внешкольному воспитанию и образованию, являвшийся внешне чисто гражданской организацией, которая, находясь под непосредственным государственным контролем, ведала вопросами ликвидации неграмотности. Деятельность данной организации была направлена на вовлечение молодых граждан непольской нации в националистическую орбиту польского влияния, что означало насаждение польской идеологии во всех местностях северо-восточной части Второй Речи Посполитой, где поляки не обладали прочными культурно-духовными и историческими позициями. Выполнение данной задачи возлагалось на

⁶⁵⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 23.

воеводские комиссии по внешкольному образованию, которые составляли специальный план работы, который и включал в себя пункты о проведении культурно-просветительских мероприятий для молодежи.

В рамках утвержденного плана младшим офицерским и унтер-офицерским составом польской армии проводилась просветительская работа в тех воеводствах, где школьные округа не совпадали с территориями более двух повятов⁶⁵⁹, что и порождало проблему нехватки работников внешкольного воспитания и образования, поэтому привлечение дополнительных дипломированных специалистов, обладавших практическим опытом поддержания дисциплины в сложном коллективе, становилось в первое десятилетие независимого существования Второй Речи Посполитой относительно редким явлением. По этой причине кадровым офицерам и унтер-офицерам польской армии стало вменяться в обязанность проведение просветительских мероприятий с учащимися школ, так как политработникам, необходимо было воплощать национальную политику полонизации в отношении местного населения «белорусских» воеводств, к которому относились не только взрослые, но и подрастающее поколение.

Внешкольное образование и воспитание в Польше находилось в центре внимания правительства особенно в 30-е гг. XX в. Это объяснялось тем, что неповоротливому в проведении национальной политики государственному аппарату необходимо было сформировать на восточных окраинах надежный элемент среди гражданского населения, который в случае внешнего вторжения должен был с оружием в руках оказывать сопротивление врагу, помогая тем самым польской армии. С этой целью в 1933 г. был издан ряд президентских и правительственных указов, а также постановлений об усилении деятельности института школьных инспекторов в округах, на территории которых они обязаны были, выявив проблемы в организации внешкольной деятельности учащихся, разрешить их не только с помощью

⁶⁵⁹ Данная административно-территориальная проблема была характерна для всех восточных воеводств Второй Республики, в то время как в центрально-западных областях возрожденной Польши она была успешно решена.

родителей и педагогического состава, но и опираясь на содействие органов местных учреждений, которые выполняли государственно-хозяйственные и социальные функции, а также на представителей вооруженных сил, прежде всего, унтер-офицеров. И такое широкое привлечение к участию во внеклассной работе представителей различных институтов власти должно было ускорить процесс искоренения национального самосознания у представителей непольской нации, включая белорусов. Именно об этом свидетельствовало заявление премьер-министра Польши Мариана Зындрам-Косцялковского⁶⁶⁰: «Государство уделяет пристальное внимание проблеме внешкольного образования... Совместная, скоординированная работа общественных организаций, краевых правительств и школьных властей, несомненно, дает весомые и положительные результаты. Однако... будет особенно важно, как можно шире развернуть этот вид работы...»⁶⁶¹.

Помимо деятельности института инструкторов и комиссий по внеклассному воспитанию и обучению, которые и очерчивали точный круг проблем и определяли пути их разрешения в конкретных областях страны, практиковались своего рода просветительские конференции, на которых активными докладчиками были не только представители Министерства по делам религий и народного просвещения, а также специалисты в сфере общего образования и педагогики, но и лица, которые представляли органы местного самоуправления и польскую армию. Подобная практика созыва региональных конференций была необходима, прежде всего, для правящего режима санации, так как привлечение подобных специалистов, которые, имея богатый опыт работы в коллективах, способны были выработать практические рекомендации с целью укрепления государственного

⁶⁶⁰ Мариан Зындрам-Косцялковский – государственный деятель Второй Республики, который в 1930–1934 гг. занимал пост главы Белостокского воеводства, в марте – июне 1934 г. являлся президентом Польши, а в октябре 1935 г. был назначен премьер-министром, но покинул данный пост в мае 1936 г., так как был переведен на работу в качестве нового министра труда и социального обеспечения.

⁶⁶¹ *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 2... 1936. S. 1.

патриотизма, должно было существенно ускорить процесс полонизации восточных воеводств⁶⁶².

Но стоит отметить, что за конкретными положениями программ и планов внешкольного образования крылась и материально-денежная составляющая, что означало необходимость изыскания дополнительных финансовых средств не только за счет государственного бюджета, но и путем привлечения средств из альтернативных «касс». Так, воинские части польской армии обязаны были в восточных пограничных районах Польши предоставлять для подобных нужд не только письменные принадлежности, которые были не по карману для подавляющей части белорусского населения, но и учебную литературу, часть которой, поступая из военных библиотек, передавалась сельской администрации для последующего распределения среди семей, дети в которых посещали польские школы.

Офицеры и унтер-офицеры польской армии активно привлекались к участию в проведении различных образовательных и воспитательных мероприятий, которые проходили в различных формах: конференции, выездные экскурсии, публичные лекции, которые устраивались в честь памятных для польского народа исторических дат⁶⁶³. И такое активное участие польских военнослужащих, отвечавших за воспитательную и просветительскую работу, объяснялось тем, что политика полонизации требовала своего ускоренного воплощения путем тесной координации работы польских чиновников и военного командования тех частей, которые дислоцировались в восточных воеводствах.

Вместе с тем переход подобной деятельности в ускоренную стадию был возможен лишь при условии подключения к ней различных общественных движений и организаций, а также руководителей культурных учреждений, так как подобная совместная работа, втягивая в свою орбиту представителей молодого поколения, вела к форсированному приобщению их

⁶⁶² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 3–4.

⁶⁶³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 39.

к западноевропейским культурно-духовным стандартам польской нации. Так, осенью 1935 г. на территории Несвижского повята с ноября по декабрь проходили специальные курсы, которые были организованы командным составом польской армии для всех лиц, которые участвовали в учебной и воспитательной работе Новогрудского воеводства. Общее количество участников составило 290 человек, для которых было организовано десять различных мероприятий, посвященных особенностям повседневной жизни гражданского населения, с которым выпускникам данных курсов и приходилось постоянно контактировать. В их программу входило проведение лекций и практических занятий, темами которых являлись правила личной гигиены, практические рекомендации в области земледелия, популяризация самостоятельного чтения в качестве важного средства приобретения знаний, и давался также очерк исторического развития польской нации. У слушателей данных курсов путем активного участия в спортивных играх и состязаниях формировались принципы взаимного сотрудничества, дружбы и товарищества⁶⁶⁴. По подобному сценарию проводились специальные курсы и на территории других поселений северо-востока Польши, главными организаторами которых являлся командный состав польской армии, успевший к тому времени отточить свои педагогические навыки в процессе обучения военному делу и политвоспитания рядовых. Офицеры и унтер-офицеры польской армии охотно делились своим передовым опытом с работниками юношеских государственных учреждений и общественных организаций во время проведения просветительских лекций и спортивных мероприятий.

Маршал Э. Рыдз-Смиглы, сменивший умершего в 1935 г. Ю. Пилсудского на посту руководителя страны⁶⁶⁵, поддерживал идею приобщения подрастающего поколения к обучению элементарным основам военной службы независимо от половой принадлежности: «Я имею в виду,

⁶⁶⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 28.

⁶⁶⁵ Болдов А.В. Подготовка «санации» к созданию своей политической организации (май 1935 – февраль 1938 гг.) // Славяноведение. 1981. № 3. С. 39, 44.

что каждый поляк, прежде чем его рука может нести винтовку, прежде чем его шаг может сравниться с маршем солдатской колонны, – в его душе уже были высокие военные добродетели долга, самопожертвования, честности и чести»⁶⁶⁶. Данные слова польского маршала подчеркивали ту польскую национальную идею, суть которой сводилась к привитию любви к Польше и к готовности к самопожертвованию ради ее спасения от внешних и внутренних врагов. Патриотическое воспитание должно было, следуя мысли Э. Рыдзы-Смиглы, начинаться именно со школы, а полное осознание своей слитности с Родиной должно было произойти уже в годы непосредственного несения воинской службы.

Первоначально польское правительство в 20-е гг. XX в. стремилось использовать природно-ландшафтные условия восточных воеводств в качестве идеального места для проведения встреч различных проправительственных организаций. Их члены прибывали первоначально из западно-центральных воеводств Польши для прохождения занятий по физической и военной подготовке на Востоке страны, но уже к началу 30-х гг., XX в., в период политики режима санации, на территории восточного пограничья были созданы свои собственные молодежные отряды «скаутов» и «пионеров», центрами которых являлись города Белосток и Вильно⁶⁶⁷. На военнослужащих польской армии возлагалась задача по организации и проведению военно-патриотических мероприятий для членов подобных молодежных организаций, которые воспитывались в духе служения своему отечеству. Прекрасным местом для проведения подобных сборов служили живописные местности «белорусских» воеводств, природа которых позволяла подросткам освоить навыки стрельбы и поучаствовать в товарищеских спортивных мероприятиях, и подобные условия позволяли лучше усваивать материал учебных занятий, на которых молодые люди знакомились с польской историей и культурой, что, в свою очередь,

⁶⁶⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 3.

⁶⁶⁷ Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1929. S. 33.

повышало уровень их гражданского сознания. Так, в июне 1936 г. в районе белорусского озера Дривяты состоялся подобный сбор школьников, которые в течение 23 дней занимались стрелковой подготовкой и знакомились с историей своей страны не только путем бесед с военнослужащими польской армии, но и с помощью самостоятельного чтения разнообразной агитационной литературы, которая была специально завезена для участников сбора из библиотек воинских частей⁶⁶⁸.

Участие подростков в военных сборах было в первое время для них непривычным делом, требовавшим большого нервного напряжения, поскольку для большинства из них подобные мероприятия проходили вдали от родного дома, что означало временную потерю связи с родителями, поэтому унтер-офицеры и офицеры должны были учитывать психологию подростков, что означало использование таких учебных и развлекательных мероприятий, которые позволяли им быстро адаптироваться к новым условиям, а это достигалось путем товарищеских занятий и игр, чтобы каждый молодой человек не чувствовал себя исключенным из общей системы прохождения военных сборов, поэтому военные инструкторы стремились сплотить этот юный коллектив не только с помощью применения системы взысканий, отличавшейся эффективностью в казарменных условиях, но и путем предоставления поблажек, которые проявлялись в процессе спортивных состязаний, также сама манера общения унтер-офицеров с юными воспитанниками, исключала всякие проявления грубости и неуважения, была в то же время в меру строгой; система наказаний также применялась к тем подросткам, которые нарушали график обучения или же совершали хулиганские поступки. Последние выражались чаще всего в форме драк, когда подростки из-за возникновения межличностных конфликтов не находили ничего лучшего, кроме как доказать свою правоту путем кулачных боев, но имели также место случаи совершения мелких преступлений, когда подростки занимались в свободное время поиском

⁶⁶⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 31.

дополнительных средств к существованию путем краж, например, фруктов и овощей в близлежащих крестьянских хозяйствах, и в случае выявления военным инструктором такого преступления, на юных правонарушителей могли налагаться более суровые санкции. Провинившиеся подростки должны были смыть свою вину участием в дополнительных работах, связанных с чисткой и мытьем посуды, одежды и обуви, а также выслушать словесный выговор со стороны закрепленного за ними инструктора, который во время наложения дисциплинарного взыскания обращал их внимание на опасность для государства таких граждан, которые нарушают сложившиеся правила и законы, как в армии, так в гражданской жизни. Таким образом, смысл подобных бесед заключался в том, что юным гражданам внушалась мысль о необходимости строго следовать «букве закона» и не совершать противоправных действий, особенно таких, которые могли испортить не только их собственную жизнь, но и карьеру их начальников и командиров, которые несли за них прямую ответственность⁶⁶⁹. Вместе с тем во время проведения военных сборов широко использовалась и система поощрений: если неделя сборов проходила без видимых нарушений, то унтер-офицеры организовывали для юношей экскурсии в ближайшие деревни и города, и во время таких поездок молодое поколение приобщалось также к гражданскому воспитанию, потому что унтер-офицеры знакомили их с работой промышленных предприятий, посещали вместе с ними религиозные и образовательные учреждения, могли также совершать поездки в образцовые фермерские хозяйства, владельцами которых являлись осадники.

Во время этих «образцово-показательных» экскурсий молодое поколение имело возможность наблюдать своим глазами работу тех органов власти, которые обеспечивали социально-экономическое, культурное и духовное развитие Польши, поэтому юноши должны были твердо убедиться

⁶⁶⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 50–51.

в том, что они живут в правовом и демократическом государстве, которое проявляет заботу обо всех сторонах жизни каждого польского гражданина⁶⁷⁰.

Патриотическое воспитание во время полевых сборов для молодежи велось путем не только совершения словесных исторических экскурсов в прошлое польского народа, но и любовь к своей отчизне подпитывалась с помощью мероприятий, которые были связаны с важнейшими вехами военной истории возрожденной Польши. Так, юноши под руководством своих военных командиров посещали в восточных воеводствах места сражений советско-польской войны 1919–1920 гг., а также массовые захоронения польских солдат и могилы тех офицеров, гибель которых, согласно заверениям военных, должна была воспитывать молодое поколение в духе героизма и преданности к родной земле, восстановление независимости которой было оплачено дорогой ценой пролития польской крови. Но такие мероприятия не ограничивались лишь посещением захоронений и произнесением траурных речей, так как сами юноши отдавали погибшим «долг памяти», возлагая цветы и устанавливая свечи на могилах павших польских воинов⁶⁷¹. К тому же, присутствие на траурной церемонии католического священнослужителя, который занимался чтением соответствующих молитв, оказывало также воспитательное воздействие на сознание подростков, которые приобщались таким путем к католицизму, поскольку католическая церковь, согласно Конституции, являлась главной наставляющей духовной силой Польши, поэтому ее граждане должны были в массе своей принадлежать к католическому вероисповеданию⁶⁷².

Офицеры и унтер-офицеры, которые организовывали и проводили занятия для подрастающего поколения, стремились заинтересовать молодежь изучением, как военного дела, так и истории и культуры своей страны с помощью разнообразных методик. Если занятия по военной подготовке были для юношей интересными, так как они прикасались своими руками к

⁶⁷⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 52–53.

⁶⁷¹ Ibid. S. 52.

⁶⁷² См.: Рижский мир в судьбе белорусского народа... С. 537.

огнестрельному оружию, то сухие лекции унтер-офицеров были способны повергнуть подростков в состояние скуки, поэтому политработникам следовало учиться преподносить свои лекции в такой форме, которая смогла бы увлечь их подопечных на путь знаний. Например, военные лекторы проводили такие мероприятия чаще всего в вечернее время суток после окончания занятий по физической и военной подготовке. После ужина подростки усаживались у одного большого костра и внимали речам своего командира; именно такие разговоры у костра оставались надолго в памяти у молодежи, так как атмосфера природной романтики, создаваемая с помощью огня, способствовала формированию духа товарищества и в те вечерние минуты, проведенные у костра, каждый молодой человек понимал, что находящиеся рядом с ним товарищи и проводящий беседу командир являются для него надежной опорой и защитой, а в случае беды они обязательно придут ему на помощь⁶⁷³.

«Санационное» правительство Польши применяло также на территории восточных воеводств смешанную систему воспитания молодого поколения и такой педагогический прием был нацелен на достижение надежных результатов патриотического воспитания, которые позволили бы избежать в будущем нежелательных эксцессов, связанных с проведением набора в польскую армию, когда призывники восточнославянского происхождения совершали массовые побеги в СССР еще в допризывном возрасте. Так, в первой половине 30-х гг. XX в. в школьных округах Вильно и Бреста с помощью военнослужащих польской армии ежегодно проводилась массовая акция по гражданскому, патриотическому и военному воспитанию подрастающего поколения. Процесс обучения был разделен на три составных части: 1) проведение в вечернее время специальных курсов по ликвидации неграмотности среди подрастающего поколения; 2) организация учебных курсов, на которых юноши приобщались к польской истории, культуре и к основам несения будущей воинской службы; 3) осуществление контроля за

⁶⁷³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 48–49.

местожительством и политическими настроениями молодых людей, относившихся к категории допризывников⁶⁷⁴.

Последнее было крайне важным для режима санации, поскольку военно-политическому руководству Польши было необходимо укрепить в сознании представителей национальных меньшинств духовно-культурную составляющую польской идеи, которая должна была стать для них рупором в случае начала войны, которая обязательно произойдет на Востоке, но это возможно было достигнуть только при помощи интенсивной работы с теми юношами, которым предстояла служба в польской армии. Так, в 1936–1937 гг. планировалось призвать на службу из восточных воеводств около 170 тыс. юношей, 80 тыс. из которых было полностью неграмотными, т. е. они не обладали элементарными навыками письма и чтения на польском языке, а также не умели производить простейшие арифметические вычисления⁶⁷⁵. Подобную группу допризывников планировалось взять на особый контроль государственных и военных органов: для них устраивались дневные и вечерние подготовительные образовательные курсы, на которых неграмотные юноши получали необходимые знания, что позволяло им поступить на службу в польскую армию уже с багажом знаний начальной школы, и это в свою очередь позволяло им не только достойно исполнить свой воинский долг, но и пройти на таких образовательных курсах идеологическую обработку, поскольку работники школ и унтер-офицеры, выступавшие учителями неграмотных допризывников, проводили занятия с помощью применения особых педагогических методик, которые позволяли допризывникам приобрести элементарные навыки письма, чтения и счета с помощью освоения специального материала, который был призван раскрыть перед учащимися достижения польской нации, включая экономические прорывы в истории современной Польши. Как видим, данные курсы способствовали гражданскому и патриотическому воспитанию молодежи

⁶⁷⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 4.

⁶⁷⁵ Ibid. S. 5.

восточных воеводств, которых готовили к будущей воинской службе, насаждая в их сознании государственную идеологию, которая сводилась исключительно к восхвалению действий польской нации в прошлом и в настоящем времени, поэтому в сознании белорусской молодежи, которой предстояла служба в польской армии, следовало воспитать такие качества, которые позволяли сохранить в их сердцах патриотизм по отношению к Польше до конца жизни. Предполагалось, что юноши познакомятся уже в допризывном возрасте с такими понятиями, как «долг», «честь», «верность», «праведность» и «самопожертвование». А поступив на армейскую службу, молодые люди смогли бы гораздо быстрее освоить военное ремесло, так как они уже хорошо представляли себе ту цель, связанную с защитой своей страны, ради которой они и пришли по зову своего сердца в ряды вооруженных сил Второй Республики. Но помимо утверждения исключительно в интересах польской государственности перечисленных нравственных и патриотических качеств, допризывников следовало познакомить с историей и географией той страны, территориальную целостность которой им предстояло защищать в различных подразделениях и родах войск. Особенно это касалось восточных воеводств, с призывных участков которых юноши направлялись в западно-центральные области страны, поэтому им рассказывалось на курсах допризывной подготовки, во время лекций и бесед о местах их предстоящей службы, раскрывая перед глазами допризывников красоты Силезии, Познани и Поморья, а также молодым людям сообщались интересные факты, с которыми будущим солдатам следовало познакомиться, поступив на службу в различные рода войск: морской флот, пограничные войска, авиация, части противовоздушной обороны, войска химической защиты и т.д. Такие детали преподносились лекторами со значительной долей приукрашивания реальной воинской ситуации, но, несмотря на это, подобная практика приобщения юношей к основам воинской жизни позволяла заинтересовать допризывников и пробудить в них желание явиться на призывной пункт в назначенный срок по

зову своего сердца⁶⁷⁶. Поэтому организация мероприятий, связанных с установлением прямых контактов с допризывниками, которые не ограничиваясь проведением «ликбезов», включали в себя занятия по политподготовке, находилось постоянно в поле зрения польского правительства, которое с помощью чиновников, работников школьного образования и самих военнослужащих прилагало недюжинные усилия по «вербовке» молодых юношей восточных воеводств, которым предстоял призыв на военную службу.

Но львиная доля этой активности протекала только на бумаге, потому что правящему режиму санации не удавалось «отлавливать» в должном количестве на территории «белорусских» воеводств молодых людей, усаживая их за парту и прививая им идею о прогрессивной роли польской нации. По этой причине в 1936 г. Министерство военных дел Польши распорядилось создать Координационный комитет при Военном научно-учебном институте⁶⁷⁷. Учреждение такого Комитета, в состав которого входили, прежде всего, сотрудники военного министерства, объяснялось тем, что политика полонизации на Востоке потерпела к 1937 г. полный крах, так как на практике не удалось полностью вытравить из сознания представителей национальных меньшинств свойственную им этнокультурную принадлежность. По этой причине было принято решение усилить насаждение среди коренного населения восточных воеводств польской национальной идеи, которая должна была выражаться в лозунгах по защите Польского государства и поддержании по отношению к нему личной верности.

Для реализации, поставленной задачи, военный Комитет должен был включить в орбиту своего влияния все имеющиеся общественные организации, движения и кружки, деятельность которых протекала на территории восточных воеводств, и членами которых являлись, прежде всего,

⁶⁷⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 5–6.

⁶⁷⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1937. S. 5.

представители подрастающего поколения. Из молодых людей следовало выковывать настоящих патриотов, способных, как в условиях мирного времени, так и в случае наступления войны героически отстаивать интересы Польши, и в поле зрения попадали как девушки, так и юноши, но к последним со стороны Координационного комитета было куда более пристальное внимание, так как юношей, относившихся к категории призывников, следовало всеми силами наставлять на тот путь, который отвечал цели укрепления обороноспособности страны. Запланированные польскими военными на территории «белорусских» воеводств Польши просветительские мероприятия не имели уже такого массового охвата, который подразумевался первоначально, так как к 1939 г., например на территории Виленского воеводства планировалось ежегодно обучать около 8 тыс. представителей молодежи из крестьянских семей, но в действительности данной программой было охвачено около 1 тыс. человек, т. е. властям удалось привлечь максимум 10% от первоначально запланированного количества⁶⁷⁸. Это говорит о том, что сельская молодежь не стремилась посещать различные учебные курсы, даже если они касались получения необходимых им знаний, поскольку молодежь, как и взрослые, были поглощены поиском материальных средств к существованию, а не открывавшейся перед ними возможностью приобретения теоретических знаний, за наличие которых молодые люди не могли получить денежной компенсации, а только тратили понапрасну свое драгоценное время, которое можно было бы использовать для поиска подсобной работы в соседней деревне. Поэтому успех просветительской работы военными КОП зримо проявлялся лишь в сфере строительства помещений образовательных учреждений, торжественное открытие которых преподносилось неизменно в печати в качестве значимых достижений «польской цивилизаторской миссии» на далеких восточных территориях.

⁶⁷⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1939. S. 46.

3.5. Пограничные войска как рупор польской культуры и искусства, институт регулирования религиозной жизни и средство борьбы с «безбожием»

Политика полонизации преследовала цель утвердить в сознании белорусского национального меньшинства идею принадлежности к польской нации, благополучное достижение которой представлялось возможным за счет отбора произведений художественной литературы, предназначенных для обязательного ознакомления с целью насаждения польской духовно-культурной гегемонии на северо-востоке страны. Как уже отмечалось выше, именно чтение являлось важной составляющей частью повседневной жизни польских военных, которые под воздействием регулярного и вдумчивого пролистывания рекомендованных художественно-исторических произведений должны были воспитываться в духе патриотизма. Это касалось также и гражданских лиц, которым предписывалось систематически не выпускать из рук книги, способствовавшей пробуждению у них симпатии к польскому правящему режиму, а именно: сопричастность к государственным делам позволяла обычным гражданам ощутить себя частью польского гражданского общества, но такая свобода должна была удовлетворять не частные интересы отдельных индивидов или кланово-классовых группировок, а способствовать укреплению, следуя установке «режима санации», целостного гражданского самосознания на благо всего государства.

Использование художественно-исторических произведений в качестве мощного средства пропаганды, направленного, как на как военнослужащих, так и на гражданских лиц, потребовало в межвоенное двадцатилетие от польских властей выработки четкой стратегии в формировании библиотечных фондов, книги которых должны были соответствовать строго определенным критериям. Важнейшей задачей становилось при этом недопущение закупки и выдачи работниками библиотек тех художественно-исторических произведений, которые шли в разрез с идеей польского патриотизма и гражданской ответственности. Книга, служившая настоящим

орудием ликвидации неграмотности, призвана была помочь укреплению польской государственности, пробуждая у читателей энтузиазм, жажду жизни и стремление помочь окружающим путем выработки чувства коллективизма. Приведение всех этих черт человеческой психологии в активное движение должно было способствовать укреплению духовных уз и исторической совместимости польского народа с представителями различных национальных меньшинств, к которым относились и белорусы. Поэтому книга в восточном пограничье служила главным средством достижения польской национальной идеи, воплощение которой в жизнь поручалось вооруженным силам.

Фонды расположенных в восточных областях библиотек были разделены в межвоенный период на семь секций, каждая из которых включала в себя набор определенных книг, предназначавшихся как для военнослужащих польской армии, так и для гражданского населения: первая секция включала в себя художественную литературу; вторая – военные книги, которые были призваны популяризировать военную историю, военное искусство, а также биографии полководцев и военачальников; третья секция располагала такими книгами, которые давали читателям знания в области сельского хозяйства и животноводства; в четвертой секции хранилась литература, позволявшая читателям приобрести знания, касавшиеся ремесел, и ознакомиться с технологическими новшествами в аграрной сфере; пятая секция вобрала в себя литературу, посвященную вопросам человеческого здоровья и личной гигиены; шестая секция предоставляла такую литературу, которая призвана была сформировать из индивида настоящего патриота и гражданина Второй Речи Посполитой; седьмая секция была представлена различными справочными пособиями, брошюрами и методичками для самостоятельного изучения различных научных дисциплин, к которым относились польский язык, история, литература и география возрожденной Польши, физика, химия и т. д., к этому разделу относились и агитационные

листовки, которые раскрывали читателям государственное и военное наследие Ю. Пилсудского⁶⁷⁹.

Но в войсковых и гражданских библиотеках «белорусских» воеводств Польши преобладали художественные, исторические и военные произведения именно польских авторов, в то время как зарубежные писатели составляли всего 5–7% от общего количества книг в той или иной библиотеке⁶⁸⁰, что являлось значительной проблемой, так как читатели, особенно польские военнослужащие, должны были отчетливо представлять себе исторический путь развития не только своей нации, но и знать прошлое европейских народов, которые оказали влияние на социально-экономическое развитие Африки, Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки. Для формирования объективной исторической картины у польских солдат, которые должны были разбираться и ориентироваться в современных конфликтах на основе исторического прошлого европейской цивилизации, предлагалось значительно увеличить в библиотечных фондах число таких иностранных писателей, которые в своих художественных и исторических произведениях описывали не только географию европейских стран, но и воссоздавали моральную и социальную атмосферу проживающих в Западной Европе народов, что означало знакомство читателей с колониальной европейской проблематикой Нового и Новейшего времени. Последнее являлось важным орудием государственной пропаганды польских правящих кругов, например, запоздалый колониализм Германской империи преподносился в качестве позитивного примера, поскольку он являлся одной из причин развязывания Германией Первой Мировой войны, благодаря которой произошло возвращение Речи Посполитой на политическую карту Европы⁶⁸¹.

Привлечение художественной и исторической литературы как главных инструментов воспитания патриотизма и гражданственности у рядовых

⁶⁷⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 1–2.

⁶⁸⁰ Ibid. S. 1.

⁶⁸¹ Ibid. S. 2.

военнослужащих и местного населения восточных воеводств являлось обоснованным, так как данная литература, воссоздававшая эмоциональную сторону человеческой жизни, способна была проследить мученический путь польской нации, которая и являлась во Второй Речи Посполитой государствомобразующей, а также правильно подобранные книги по исторической тематике помогали внушить гражданину возрожденной Польши принципы героизма, отваги и самопожертвования, которые необходимо было проявить каждому в случае возникновения угрозы территориальной целостности Второй Республики. Поэтому польским военнослужащим и крестьянскому населению, особенно молодому поколению, следовало не только прочитать и вернуть на библиотечную полку исторические романы, но и сделать необходимые для себя выводы, главными из которых являлась их гражданская ответственность за будущее всей страны, и такая ответственность формировалась из неустанной многовековой борьбы польского народа за свою свободу, а также художественная интерпретация исторических событий призвана была воспитать такого члена польского социума, который будет способен не только без промедления отдать свою жизнь за независимость своей страны, но и не будет испытывать ни малейшей жалости по отношению к внутренним врагам своего отечества, даже если такими преступными элементами будут его родные, поскольку измена государственным интересам возрожденной Польши рассматривалась не в качестве порока или проступка, а расценивалась как тяжелейшее преступление, не имевшее никакого оправдания и не заслуживавшая снисхождения. Данную идею обязаны были подчеркнуть не только польские военнослужащие и этнические поляки западно-центральных воеводств Второй Республики, которые должны были впитать таким путем лучшие исторические традиции польской нации, но это касалось и представителей национальных меньшинств, проживавших на территории восточных окраин⁶⁸².

⁶⁸² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 18–20.

Важнейшим художественно-историческим произведением являлась здесь «Трилогия» Г. Сенкевича, которая выставлялась на первых рядах библиотечных полок, а работники образовательных и воспитательных учреждений обязывались рекомендовать ее своим подопечным к обязательному ознакомлению. Наличие в каждой библиотеке Польши как минимум одного экземпляра «Трилогии» Г. Сенкевича было строго обязательным, поскольку за выполнением этого требования жестко следили соответствующие чиновники ведомства культуры и социального развития, а также польские военнослужащие, проводившие культурно-образовательные мероприятия среди гражданского населения, а отсутствие в библиотечных фондах литературного наследия Г. Сенкевича могло привести к наложению денежного взыскания на чиновников, унтер-офицеров и библиотечных работников⁶⁸³, так как «Трилогия» должна была «заполнить все солдатские казармы», а также проникнуть в самую отдаленную сельскую местность с тем, чтобы местное население восточных областей не только обучилось польскому языку при помощи чтения, но и познакомилось с польской национальной идеей единства путем погружения в вековое прошлое польского народа, который боролся за свою независимость с извечным своим врагом – Россией⁶⁸⁴.

⁶⁸³ Популярность «Трилогии» Г. Сенкевича в межвоенной Польше становилась с каждым годом все более заметной, например, в 1936 г. Львовский Национальный институт имени Оссолинских инициировал выпуск специального издания «Трилогии», в котором читатель с помощью карт мог наглядно увидеть те исторические места и населенные пункты, которые описывал Г. Сенкевич. Труд научных работников Национального института получил такое всеобщее признание, что его приобретение стало обязательным для всех родов вооруженных сил страны с тем, чтобы военнослужащие могли детально окунуться в события трехсотлетней давности.

⁶⁸⁴ *Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 7–8... 1938. S. 152. Необходимо также отметить, что польской разведке поступали регулярно предложения от ее агентуры на Украине, где было сосредоточено подавляющее большинство польского населения, контрабандно ввозить на территорию СССР произведения Г. Сенкевича и других польских писателей-патриотов довоенных лет издания (чтобы не вызвать дипломатический скандал) для разжигания националистических настроений у поляков с целью свержения советской власти во время ожидавшейся ими войны с Германией. См.: Рапорт 5-й экспозитуры «Настроения среди поляков», 9.08.1935 г., Львов // Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги: документы из личного архива И. В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933-1939 гг.). М.: Международные отношения, 2017. С. 323–324.

Поскольку «Трилогия» Г. Сенкевича являлась сложным литературным произведением как для рядовых солдат, так и для белорусских крестьян⁶⁸⁵, ознакомление польских военнослужащих и гражданского населения с этим литературным наследием должно было происходить при помощи специальных учителей-воспитателей, которые могли бы направить мысли читающей публики к тем нужным выводам, которые отвечали идеологическим запросам государственной власти, не допустив тем самым опасного вольнодумства критически мыслящих читателей, способных использовать литературный материал в целях антиправительственной пропаганды.

В качестве литературных кураторов, взявших на себя задачу по растолкованию «Трилогии», выступали унтер-офицеры дислоцированных на северо-востоке страны воинских частей, которые не только приобщали рядовой состав в классных комнатах к польской национальной литературе, но и стремились передать эту приверженность и коренному населению. Стоит отметить, что далеко не все унтер-офицеры смогли в деталях познакомиться с этим художественным произведением, поскольку им вменялось в обязанность изучить перед проведением просветительских занятий и бесед специально подготовленные методические материалы, не только излагавшие в сжатой форме главную сюжетную линию, но и содержавшие перечень вопросов, подлежащих раскрытию на занятиях со своими юными и взрослыми «учениками». Правда, в первую очередь унтер-офицеры знакомили своих слушателей с основными вехами биографии писателя, прежде всего, указывалось, что Г. Сенкевич родился 5 мая 1846 г. в крестьянской семье на Подляшье, которое входило тогда в состав Российской империи, а его юные годы прошли сначала в Варшавской гимназии, а затем в стенах Главной торговой школы, где историческое прошлое польского народа не только намеренно замалчивалось учителями и преподавателями, но и откровенно

⁶⁸⁵ Польским писателем была раскрыта картина не только героических подвигов польского народа времен XVII в., но и повседневной жизни рядового поляка с помощью использования таких слов, которые к началу XX в. давно вышли из употребления, что создавало для читающих значительные трудности в понимании прочитанных диалогов героев или размышлений самого автора.

презиралось, что вызывало у юноши сердечную тоску и желание стать тем полководцем, который призовет всех поляков к восстанию за возрождение утраченной независимости своей Родины. Такой душевный порыв отразился в первых его рассказах, в которых герои-поляки постоянно скорбили и испытывали душевные терзания, поскольку они были лишены своего отечества. Также на занятии следовало особо подчеркнуть, что литературный талант Г. Сенкевича получил общеевропейское признание, так как в 1905 г. ему была присуждена Нобелевская премия, а в годы Первой мировой войны, будучи уже семидесятилетним стариком, Г. Сенкевич имел непосредственное отношение к созданию в Швейцарии на свои собственные денежные средства «Общего комитета помощи пострадавшим в Польше». Данная организация оказывала благотворительную помощь тем полякам, которые стали жертвами мировой бойни, а смерть этого великого польского писателя, которая наступила 15 ноября 1916 г., являлась личной трагедией для каждого гражданина Второй Речи Посполитой, независимость которой была достигнута и благодаря его личным духовным стараниям, так как его литературный гений смог пробудить и воспитать тех поляков, которые, служа в Легионах под командованием Ю. Пилсудского, сумели добиться освобождения всей польской нации от многолетних оков рабства.

Содержание этих дидактических брошюр, призванных сформировать преданных своему отечеству граждан и воинов⁶⁸⁶, указывает на два

⁶⁸⁶ Так называемая «историческая справка», имевшаяся в данных методических материалах к «Трилогии» Г. Сенкевича, искаженно обрисовывала взаимоотношения польского народа с русскими и украинцами в XVII в.: польская нация представлялась частью западной цивилизации, на восточных просторах которой с позволения поляков украинцам разрешалось не только объединяться в казачьи организации, но и пользоваться личной свободой, правом на землю, а также торговыми, религиозными и другими привилегиями, а в ответ на такую польскую милость украинские атаманы якобы в большинстве своем являлись инициаторами разорительных набегов на богатые владения шляхты, которые осуществлялись при помощи крымских татар и турок, а затем и при активном содействии русского царя Московского государства. Раскрытие героической борьбы польского народа с внешними и внутренними врагами Речи Посполитой являлось не только главной темой учебных занятий и бесед с военнослужащими, так как для рядовых солдат вооруженных сил Польши отдельно рассказывалось также о развитии и совершенствовании военного искусства в Европе в XVII в., процессы которого затронули тогда и польскую армию, например, именно в то столетие активно стала развиваться не только артиллерия, но и военная инженерия. Последняя готовила новые кадры в военном деле – горняков, строителей, понтонщиков, картографов и фортификаторов при деятельном участии которых на реке Днепр возводились крепости, которые призваны были сдерживать натиск русских, украинцев и крымских татар. См.: Sternklar L. Henryk Sienkiewicz: komentarz do powieści Pan Wołodyjowski: (wstęp, tło historyczne i charakterystyka postaci). Lwów: Vita, 1925. 63 s.; Он же. Henryk Sienkiewicz: komentarz do powieści Ogniem i mieczem: (geneza, charakterystyka osób, dokładna treść). Lwów:

следующих факта: во-первых, литературное наследие Г. Сенкевича было включено в перечень книг, предназначенных для обязательного прочтения, так как раскрытие исторического прошлого польской нации должно было выступать одним из главных орудий формирования в каждом польском гражданине патриотических чувств, во-вторых, разработка методических пособий, являвшихся главным подспорьем для военных воспитателей, исключая свободу собственных мыслей и чувств, возникших у польских граждан, как на эмоциональном уровне, так и в результате их умственных размышлений, вела к установлению идеологического контроля и диктата, которые должны были выработать в сознании читателей чувство тревоги за судьбу своей Родины, которая могла снова лишиться своей независимости, как это едва не произошло в середине XVII в. из-за постоянных нашествий турок, крымских татар, украинцев и русских.

Стоит отметить следующий интересный факт, связанный с разработкой, изданием и распространением в восточных воеводствах таких методических материалов, которые раскрывали развитие главной сюжетной линии и особенности исторической эпохи в произведениях популярной художественной литературы: данная практика подготовки дидактических материалов была подсказана польским политработникам опытом ликвидации неграмотности в СССР, где в сельской местности активисты проводили по поручению правящей партии большевиков «ликбез» среди местного населения с помощью специально выпущенных методических материалов и конспектов, помогавших им приобщить неграмотных крестьян не только к советской литературе, но и к наследию целого «Золотого века»⁶⁸⁷. Такой вывод, сделанный в результате систематических наблюдений за своим «восточным соседом», повлек за собой необходимость заимствования положительного опыта, который активно применялся в восточных областях,

Vita, 1930. 96 s.; Он же. Henryk Sienkiewicz: komentarz do powieści *Potop*: (wstęp, tło historyczne i charakterystyka głównych postaci). Lwów: Vita, 1938. 96 s.

⁶⁸⁷ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1–2... 1937. S. 33.

население которых причисляло себя в большей степени к белорусам, украинцам и литовцам.

Но библиотечные фонды восточных воеводств межвоенной Польши комплектовались не только за счет художественных произведений, но и вмещали сельскохозяйственную литературу, которая раскрывала подробным образом разнообразные методики хозяйствования во всех сферах аграрного сектора⁶⁸⁸, ознакомление с которыми у восточнославянского населения происходило в основном благодаря военным служащим, выступавшим инициаторами проведения в сельской местности книжных выставок с последующей передачей необходимых для коренного населения книг, позволявших ему не только совершенствоваться духовно, но и содействовать приумножению экономического благосостояния своих подсобных хозяйств.

Унтер-офицеры совместно со своими подчиненными вступали в словесные беседы с населением северо-востока страны относительно содержания тех художественно-исторических книг, которые были ранее переданы ему военными служащими польской армии. Конечно, подобное общение было далеким по своей форме от научной дискуссии, а велось в дружеском кругу без соблюдения строгой военной дисциплины, что означало возможность каждого его участника выразить непринужденно свое личное отношение к прочитанному без необходимости соблюдения какого-либо регламента, но в массе своей такие «демократические» по своей внешней форме лекции ограничивались произнесением со стороны местного населения коротких и простых фраз, которые выражали их мнение по поводу прочитанного. Но все зависело от педагогических и умственных способностей унтер-офицера, так как правильно сформулированные и четко

⁶⁸⁸ Популярными сельскохозяйственными книгами на северо-востоке Второй Речи Посполитой являлись следующие учебные материалы – Безрадецкий С. «Выращивание лугов», Бучинский З. «Выращивание кормовой моркови», Сенецкий Я. «Командная работа в сельском хозяйстве», Грейлих Ст. «Разведение овец», Карчевская М. «Цветочные сады», Конарский Ш. «Планирование небольших садов», Людкевич З. «Аграрная система Польши и ее недостатки», Микуловский-Поморский Ю. «Выращивание картофеля», Сариуш-Залеский С. «Выращивание кукурузы», Стравинский К. «Борьба с болезнями и вредителями растений», Швезиньский В. «Выращивание кормовых культур», Турковский К. «Выращивание кормовой свеклы», Трибульский М. «Выращивание кур», Веленевский Ч. «Овощные сады», Заблоцкая И. «Выращивание кроликов», Зебровская-Кацпшакова В. «Выращиваем поросят!».

поставленные им вопросы должны были способствовать достижению полноты характеристик, дававшихся слушателями главным и второстепенным героям того или иного произведения⁶⁸⁹. Подобные беседы проходили в действительности стихийно и бессистемно, в то время как целенаправленно ставилась задача придать указанным лекциям форму так называемых «литературных вечеров», на которых должны были присутствовать не только крестьяне и польские военнослужащие, но и врачи, чиновники, католические священники и все те, кто занимал государственные и общественные должности, так как нахождение в одном помещении представителей всех социальных слоев призвано было символизировать национальное единство Второй Республики, причем строго предписывалось отбросить во время таких встреч свою национальную и социальную гордость, а также должностные ранги и другие привилегии, поскольку все это являлось той системой, которая способствовала выстраиванию из польских граждан кастовой пирамиды⁶⁹⁰. Интересно отметить, что учреждение таких «литературных салонов» было призвано решить одну деликатную проблему, которая, по мнению польских государственныхников, находилась в крови национальных меньшинств восточных воеводств, и название этой проблемы – алкоголизм; но данное мнение было сознательно ошибочным, поскольку правительственному аппарату было выгодно показать на страницах контролировавшихся им периодических изданий и научных исследований аморальный образ жизни коренного населения восточных воеводств для того, чтобы облегчить проведение политики полонизации. Поэтому культурная миссия поляков в сельской местности «белорусских» воеводств преподносилась неизменно как отеческая забота об избавлении мужского населения от алкогольной зависимости, которая мешала наладить семейную жизнь и поднять общий уровень экономического благосостояния в восточных областях. Заменой крепкого алкоголя и призвана была выступать книга,

⁶⁸⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 21.

⁶⁹⁰ Ibid. S. 29.

содержание которой должно было помочь крестьянам раскрыть их внутренние способности; также любовь к чтению, как утверждалось в пропагандистских брошюрах и листовках, могла уберечь гражданское население от ненужных и опасных разговоров на политические темы, которые могли разрушить жизнь отца семейства и окончательно лишить его детей благоприятного будущего. Употребление спиртных напитков приводило к тому, беседа, заметно оживляясь, переходила неизбежно в русло философских рассуждений о политической действительности, и, в лучшем случае, они оставались тайной застольных посиделок, не выходя за пределы их непосредственных участников⁶⁹¹.

Но в каждой библиотеке восточных воеводств имелся также список так называемых «нежелательных книг», нахождение которых на библиотечных полках было под запретом не только из-за политических и философских воззрений их авторов, но и в силу выбранного тем или иным писателем сюжетного повествования, которое могло нарушить процесс идеологического воспитания, как польских военнослужащих, так и обычных граждан. Например, к числу нежелательных относились такие авторы, как Мария Родзевич и Юзеф Крашевский, так как эти польские писатели либо находились в личных непримиримых отношениях с государственными органами, как это было в случае с М. Родзевич, либо их литературное творчество обрисовывало в недостаточно высокой степени героическую и благородную жизнь польской нации, как это имело место в художественных произведениях Ю. Крашевского. Но это вовсе не означало, что книги таких писателей окончательно изымались из библиотечных хранилищ, как это происходило с теми писателями, которые своим литературным творчеством могли побудить читателей к совершению антигосударственных преступных действий, и восхваляли не «аллею польских героев», а исторических противников Речи Посполитой, напротив, такая литература находилась под пристальным присмотром библиотечных и военных сотрудников, а в случае

⁶⁹¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 29.

изменений идеологической конъюнктуры ее следовало выставлять на библиотечные полки и таким путем предоставить читателям возможность ознакомиться с ее содержанием⁶⁹².

Предназначение книги заключалось в формировании у населения восточных воеводств такой гражданской позиции, которая должна была навсегда отбить у него всякую симпатию ко всему русскому независимо от характера государственного строя России. Уже само по себе существование по соседству с Польшей гигантского государства, сердце которого находилось в Москве, означало, что для польской нации продолжает исходить смертельная угроза, для устранения которой все польские граждане, включая и белорусов, должны были посредством художественной литературы познакомиться с социально-политическим и экономическим строем царской и Советской России, правда, подобные исторические экскурсы имели своим результатом формирование тенденциозной и фальсифицированной в угоду режиму санации картины взаимоотношений двух славянских народов – русских и поляков; это целенаправленно внедрялось в сознание местного восточнославянского населения для того, чтобы таким путем провести, как говорилось в проправительственных пропагандистских брошюрах, «вакцинацию против коммунистической идеи»⁶⁹³.

В межвоенный период для предотвращения среди местного населения восточных воеводств «коммунистической угрозы» проводилась тщательная работа по инспектированию всех имеющихся библиотечных учреждений, а в качестве инспекторов выступали польские унтер-офицеры, в обязанность которых входило не только изучение социально-экономической ситуации в том округе, на территории которого дислоцировались их воинские части, но и в установлении круга действовавших здесь культурных и образовательных учреждений. Унтер-офицерам необходимо было не только определить точное количество функционировавших просветительских центров в «белорусских»

⁶⁹² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1937. S. 28–29.

⁶⁹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 22–23.

воеводствах, но и лично ознакомиться с графиком их работы, а также с расписанием занятий, выявив посредством бесед с их руководителями и директорами, а также путем изучения жалоб недостатка в их деятельности, которые могли создать препятствия на пути утверждения польской национальной идеи. Для объективной оценки эффективности их работы, унтер-офицерам рекомендовалось, опираясь на свой внутренний профессионализм, выявить степень материальной нуждаемости подобных учреждений с тем, чтобы белорусское национальное меньшинство могло в скором времени приобщиться ко всему тому, что было связано с польской национально-культурной идентичностью; особенно унтер-офицеры уделяли пристальное внимание состоянию и функционированию библиотек и тех народных помещений, которые представляли собой избы-читальни, так как функционирование данных учреждений могло охарактеризовать в целом ситуацию, сложившуюся в области культурно-массовой работы среди местного населения, которая постоянно должна была совершенствоваться не только при помощи участия польских военнослужащих в различных массовых национальных акциях, устраиваемых представителями польской военной и гражданской власти, но и самостоятельно, а именно: путем личного посещения библиотечных учреждений, на полках которых должен был быть представлен широкий выбор такой литературы, которая прошла строгий отбор библиотечного персонала для того, чтобы данные книги не смогли «одурманить» национальное самосознание непольского меньшинства опасными для Варшавы идеями, которые, например, могли пробудить в их сознании свойственные им этнокультурные и духовные особенности, и вызвать, тем самым, антипольские настроения⁶⁹⁴. Данная инспекторская работа унтер-офицерского состава не ограничивалась только этим, поскольку они продолжали выступать ключевыми фигурами в деле организации разного рода пропагандистских проправительственных мероприятий,

⁶⁹⁴ Унтер-офицеры должны были лично ознакомиться со всем библиотечным фондом тех учреждений, книги которых были доступны для местного населения, но также на практике они устраивали выездные библиотеки, художественная литература для которых поступала из библиотек воинских частей.

предназначавшихся в первую очередь для представителей белорусской молодежи.

Идеальным образцом сельской библиотеки в «белорусских» воеводствах являлись книгохранилища Виленского края, которые испытывали в межвоенный период ощутимое воздействие на свою работу, как со стороны польских чиновников, так и представителей вооруженных сил, например, в небольшой деревне Дмитровки, которая находилась на польско-литовской границе, в 30-е гг. XX в. действовало уникальное для восточных воеводств сельское библиотечное учреждение, в котором гражданские лица могли соприкоснуться с художественной и специализированной, чаще всего, сельскохозяйственной, литературой, изданной не только на польском, но и на литовском языке. Если кто-то из крестьян не обладал элементарными навыками чтения и письма, то преподаватели местной школы и унтер-офицеры КОП в свободное от работы и службы время устраивали курсы по ликвидации неграмотности⁶⁹⁵. Именно подобные просветительско-образовательные занятия были призваны не только обучить жителей этой деревни навыкам чтения и письма, но и с помощью педагогических и военных кадров, привить им любовь, как к польской культуре и истории, так и воспитать в них чувства гражданского долга и ответственности за то отечество, которое предоставляло им такую возможность получить пусть и элементарное, но начальное образование, так как польско-литовские межгосударственные отношения балансировали во второй половине 30-х гг. XX в. на грани военного конфликта из-за принадлежности Виленского края с городом Вильно к Польше. Подобные курсы по ликвидации неграмотности среди населения Виленщины проходили активно и в городской среде, например, в литовском городе Неменчине, где имелась городская библиотека, вмещавшая в себя свыше 500 томов различной литературы, изданной исключительно на польском языке, но которая была доступной для местного населения, и литовцы должны были

⁶⁹⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 10.

приобщаться к гражданскому воспитанию при помощи унтер-офицеров КОП, которые помогали местным городским жителям освоить библиотечные книги. Командующие КОП также не упускали возможности прививать во время проведения молодежных сборов, которые проходили ежегодно в Неменчине, его участникам любовь к польской книге, так, например, члены польского «Союза стрельцов» не только регулярно обучались военному делу в Неменчине, но и на специальных политзанятиях впитывали теоретические знания польской культуры и истории при помощи соответствующих художественных книг и пропагандистских материалов⁶⁹⁶. Вместе с тем степень интенсивность опеки КОП расположенных в различных уголках восточных областей филиалов указанной выше проправительственной организации, занимавшейся патриотическим воспитанием и допризывной подготовкой молодежи, была различной. Согласно аналитической справке, подготовленной 5 марта 1932 г. 2-экспозитурой II отдела Главного штаба, именно в Виленском крае, входившем в состав Гродненского военного округа № 3, деятельность «Союза стрельцов» была организована из рук вон плохо с точки зрения охвата им белорусского населения⁶⁹⁷, что сделало необходимым создание одного из двух «кресовых» инспекторатов⁶⁹⁸. Составители указанного документа сделали также неутешительный вывод, что вопреки считавшемуся центром польской культуры городу численностью в 200 тыс. жителей, количество «стрельцов» в нем, представленных исключительно мужчинами, составляло 861 человек, что являлось ничтожной цифрой по сравнению с другими, в том числе белорусскими административными округами. Так, «стрелецкие» организации Волковыска, Гродно, Белостока и Молодечно характеризовались высокой степенью проникновения в

⁶⁹⁶ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 36.

⁶⁹⁷ Оно составляло в Виленском «Союзе стрельцов» всего 8%. См.: Характеристика Союза стрельцов с точки зрения 2-й экспозитуры II отдела Главного штаба, 5.03.1932 г. // Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги: документы из личного архива И. В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939 гг.). М.: Международные отношения, 2017. С. 238–239.

⁶⁹⁸ Второй инспекторат был учрежден в Львове. См.: Там же. С. 244.

белорусские массы, достигавшей 40%⁶⁹⁹. Вместе с тем в документе отмечалось особо, что «стрелецкая» организация в Вилейках получила необходимое содействие со стороны КОП, благодаря чему она успешно развивалась⁷⁰⁰. Помимо Вильно другим проблемным регионом являлось Полесье, где в качестве причин слабой степени развитости «Союза стрельцов» среди местного населения указывались, как допущенные его руководством просчеты, так и пассивная позиция дислоцированной там одной из бригад КОП, не предпринимавшей до осени 1931 г. (до активизации партизанского движения. – О.Т.) никаких действий в этом направлении⁷⁰¹. Общий вывод, сделанный составителями аналитической справки, сводился к тому, что существовала угроза присоединения лишённого возможности состоять в «Союзе стрельцов» «кресового» населения к антиправительственным организациям, пользовавшимся также поддержкой национальных меньшинств⁷⁰².

Стоит отметить, что органы государственной власти Польши вели разнообразную статистику, которая характеризовала состояние библиотечного дела не только своей страны, но и зарубежных европейских государств, так, например, указывалось, что Польша по количеству открытых библиотечных пунктов отставала от СССР и Чехословакии, но опережала Бельгию и Швецию⁷⁰³. В польской статистике фиксировалось точное количество книг, выданных в межвоенный период на территории восточных воеводств, например, библиотеки Новогрудского воеводства испытывали в течение двух десятилетий независимого существования страны острую нехватку литературы, которая выражалась в том, что одна книга приходилась на десять человек. Подобная ситуация наблюдалась также на территории Полесского воеводства, так как в Полесье во второй половине 30-х гг. XX в. одна книга была рассчитана на одиннадцать человек, похожее положение

⁶⁹⁹ Там же. С. 239, 241.

⁷⁰⁰ Там же. С. 245.

⁷⁰¹ Там же. С. 243.

⁷⁰² Там же. С. 246.

⁷⁰³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 9.

имело место и на территории Волыни, в то время как в Варшавском воеводстве в 20–30-е гг. XX в. на одного человека приходилась одна книга⁷⁰⁴. Согласно статистическим сводкам библиотечно-информационного правительственного Центра за 1936–1937 гг. в «белорусских» воеводствах Польши было заведено 16 848 персональных библиотечных формуляров, из которых 85% принадлежало военнослужащим, а 15% – гражданскому населению, и это, в частности, служило свидетельством отсутствия у местного населения постоянного интереса к чтению, поскольку за полугодие один житель, независимо от своего социального статуса и должностного положения, успевал прочитывать не более трех книг⁷⁰⁵, которые в большинстве своем относились к развлекательному жанру, поэтому средний читатель восточных окраин не утруждал себя интенсивным самообразованием, так как более 80% книг оставались в итоге невостребованными⁷⁰⁶.

Крупным научно-исследовательским, информационным и консультационным центром являлась так называемая Библиотечная консультация (Poradni Bibliotecznej), действовавшая с 1929 г. в Варшаве⁷⁰⁷. Данный центр не только способствовал унификации работы всех библиотек Польши, но и его работники занимались комплектованием всех городских и сельских библиотек страны. Работниками Библиотечной Консультации составлялись также наглядные агитационные материалы (плакаты, листовки и альбомы) с целью утверждения культурно-духовного господства поляков в районах проживания национальных меньшинств, в том числе и в «белорусских» воеводствах. По инициативе данного библиотечного центра был составлен отдельный перечень обязательных книг для всех находившихся в сельской местности библиотек, рекомендовавший к

⁷⁰⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936.

⁷⁰⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1937. S. 4, 6.

⁷⁰⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1937. S. 18, 21.

⁷⁰⁷ Данным аналитическим и просветительским центром издавался также свой специализированный ежемесячный бюллетень-журнал – «Biblijotekarz», на страницах которого помещалась не только информация об отдельных книгах, но и давались рекомендации и советы всем тем, кто был связан с библиотечным делом как в городе, так и в деревне.

прочтению литературу художественного, социального, исторического и сельскохозяйственного содержания⁷⁰⁸. Если ознакомление с последней могло способствовать улучшению экономической ситуации в сельских районах, то художественно-исторические произведения должны были закрепить в сознании национальных меньшинств прочное представление о «цивилизаторской миссии польской нации».

Все библиотечные учреждения северо-востока Польши предполагалось во второй половине 30-х гг. XX в. объединить в единую сеть для усиления контроля за их деятельностью, что предполагало в свою очередь разработку единого регламента работы сельских библиотек, которые обязывались строго следовать его положениям⁷⁰⁹. Но установление подобного контроля, которое должно было повлечь за собой неприкрытое вмешательство представителей государства в процесс комплектования фондов сельских библиотек, не могло быть обеспечено только усилением надзорной функции чиновников, потребовав привлечения военнослужащих польской армии, которым поручалось выявление запрещенной и подозрительной литературы с последующим ее изъятием и уничтожением. Заслуживает также внимания то обстоятельство, что начавшийся с Виленского воеводства только в 1936 г. процесс объединения сельских библиотек не был осуществлен до конца из-за начала 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны.

Также комплектованием библиотек восточных воеводств занимался действовавший с 1919 г. в Варшаве Институт образования для взрослых (I.O.D. – Instytutu Oświaty Dorosłych). В нем работали сотрудники государственных гражданских и военных учреждений, а также работники социальных и местных органов власти. Основной задачей данного Института являлось составление программ, пособий, книг и другой учебной литературы, предназначенных не только образовательным учреждениям страны, но и активно использовавшейся в целях совершенствования взрослыми своих

⁷⁰⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 25–26.

⁷⁰⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 23.

умственных способностей и практических умений⁷¹⁰. В сельской местности пользовались особым спросом книги по арифметике и зоологии, например, в фондах книгохранилищ на Востоке страны был широко известен двухтомный труд Х. Статтлеувна и К. Вышомирского – «Счет для взрослых в деревне», так как в данном учебном пособии содержались предназначенные для фермеров правила ведения бухгалтерского учета, освоив которые читатели могли восполнить пробелы в финансовой статистике своего собственного хозяйства⁷¹¹.

Причины отсутствия у крестьянского населения восточных воеводств личной заинтересованности в повышении своего образовательного уровня самостоятельным путем при помощи бесплатно распространявшейся польскими военнослужащими литературы были разнообразными. Главная из них заключалась в неблагоприятном из-за экономической политики польского правительства материальном положении белорусского национального меньшинства, которое не позволяло ему выкраивать свободное время на приобретение элементарных знаний. Другая причина крылась в недостаточном финансировании библиотечного дела на северо-востоке страны, что приводило к отсутствию в его фондах новых поступлений художественной, исторической и научно-популярной литературы. Польское правительство не уделяло также достаточного внимания работникам самих библиотек, подвижническая деятельность которых в межвоенный период не была окружена ореолом почета с точки зрения полагававшихся им материальных благ. Перечисленные выше причины привели в итоге все предпринимаемые польскими властями попытки приобщить белорусское крестьянское население к чтению к оглушительному провалу. Правда, польские пропагандисты, стремившиеся оправдать тщетность предпринимаемых ими в этой области усилий, называли и еще одну причину, не имевшую ничего общего с исторически обоснованным подходом.

⁷¹⁰ Stopińska-Pajak A. Rola Instytutu Oświaty Dorosłych w rozwoju edukacji dorosłych w Polsce w kontekście dyskursu pamięci o przeszłości andragogicznej. *Edukacja Dorosłych*. 30 grudzień 2019, T. 81. Nr. 2. S. 115.

⁷¹¹ *Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza*. Nr. 1... 1936. S. 24–25.

Всему виной в их интерпретации служило якобы природно-национальная отсталость самих белорусов, которые по своим умственным способностям являлись трудно обучаемыми людьми⁷¹².

Государственные и общественные библиотечные фонды на Востоке страны находились в межвоенный период в плачевном состоянии, поскольку формированием библиотечных каталогов занимались, как правило, не обладавшие профессиональными знаниями в этой области работники, что приводило на практике к возникновению следующей ситуации: если польский военнослужащий или же гражданское лицо обращались к библиотекаря с пожеланием почитать что-то «интересное», то они не получали от него никаких рекомендаций, так как он, не имея в своем распоряжении правильно оформленной картотеки, и не обладая обширными знаниями, оказывался не в состоянии подобрать интересную для них книгу. В итоге самому посетителю приходилось рыскать по библиотечным полкам в поисках нужной ему литературы, что и сказывалось впоследствии отрицательно на показателях посещаемости библиотек. К тому же халатное отношение библиотекарей к выполнению своих служебных обязанностей могло отбить охоту у посетителей приходить в следующий раз. Поэтому работникам библиотечных учреждений, особенно тех, которые находились на территории воинских частей, предписывалось строго следовать всем правилам ведения служебной документации, уделяя значительное внимание учету и контролю за пользовавшейся спросом у читателей литературы, что касалось в первую очередь художественных произведений. Всячески приветствовалось знакомство библиотекаря, пусть и поверхностное, с сюжетом книги, и умение так преподнести ее содержание посетителю, чтобы ее чтение, не сводясь к беглому просмотру, вызвало у него полное моральное удовлетворение. А для этого работник библиотеки должен был обладать коммуникационными способностями, которые позволили бы ему найти индивидуальный подход к каждому посетителю и во время

⁷¹² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 9.

доброжелательного общения помочь ему подобрать соответствовавшую его интересам литературу⁷¹³.

С целью разрешения данной проблемы в Польше проводились различные конференции и съезды библиотечных работников, например, 7–8 мая 1937 г. в белорусской деревне Городея, входившей в состав Несвижского повета Новогрудского воеводства и расположенной всего в 110 км. от столицы Советской Белоруссии - города Минска, были организованы курсы для работников библиотек с целью выработки новых методов повышения заинтересованности читателей. Двухдневная работа данных курсов, приковавшая к себе внимание специалистов в области библиотечного дела всего Новогрудского воеводства, была налажена культурно-образовательными и просветительскими кадрами Несвижского повета, а в состав организаторов входили также армейские политработники. В первый день работы конференции было констатировано, что с каждым годом сеть библиотечных учреждений неуклонно расширялась, но при этом не происходило увеличения количества читателей, что свидетельствовало о неудовлетворительной работе, как библиотечного персонала, так и тех специалистов местной гражданской администрации, которые были призваны выполнять польскую культурно-просветительскую миссию в отношении населения Новогрудского воеводства; с данным докладом выступил один из присутствовавших политработников, который отметил, что работа сельских библиотек не имела положительного результата, так как крестьянское население, по его мнению, не осознавало значимости книг в своей повседневной жизни, не проявляя по этой причине особой заинтересованности в посещении библиотек. На второй день работы указанных курсов его организаторами был сделан следующий неутешительный вывод: библиотекам, особенно тем, которые располагались в сельской местности, необходимо было оказывать всю необходимую помощь, имевшей своей целью увеличение их престижа и числа посетителей, что

⁷¹³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 10... 1936. S. 27–28.

могло быть достигнуто лишь за счет популяризации чтения среди местного населения⁷¹⁴.

По итогам работы данной конференции, можно сделать вывод, что руководство системой библиотечного дела Новогрудского воеводства было озабочено необходимостью улучшения связанной с его функционированием статистики, чтобы продемонстрировать правительству в Варшаве полезность и важность своей работы, снискав тем самым его благодарность. Но одно лишь жонглирование статистическими данными не способно было решить проблему низкой посещаемости сельских библиотек, так как большая часть крестьян не видела по-прежнему для себя никаких выгод от приобретения и чтения книг, а также не обладала для этого свободным временем, поскольку все работоспособные члены крестьянских семей ежедневно были заняты добыванием средств к материальному существованию, не оставлявшим у них сил и времени для размышлений об историческом предназначении польской нации или углубления в чтение художественной литературы.

Бюджетных средств явно не хватало для закупки книжной продукции для сельских библиотек, так как на каждую такую библиотеку выделялось максимум 200 злотых в год, в то время как для приобретения 100 книг требовалось около 2 000 злотых⁷¹⁵. Меценатами сельских библиотек становились различные гражданско-патриотические общества и группы, которые жертвовали свои собственные книжные коллекции, а также подобная помощь путем передачи книг в сельские библиотечные учреждения оказывалась со стороны воинских формирований, в обязанность которых вменялось участие в просвещении местного населения.

Офицеры КОП совместно с чиновниками местного самоуправления, а также с учителями, воспитателями и активистами общественных организаций проводили совместные конференции, на которых разъяснялись основные экономические и социально-воспитательные проблемы в

⁷¹⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1937. S. 24–25.

⁷¹⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1937. S. 36.

«белорусских» воеводствах, которые необходимо было решить путем ознакомления местного населения с книжной продукцией. Так, в ноябре 1935 г. в небольшом белорусском городке Лунинец Полесского воеводства состоялась подобная конференция, по итогам работы которой было принято решение оградить местных жителей непольской идентичности от всех разрушительных идей, которые приходили с Востока и укоренялись в их умах и сердцах⁷¹⁶. Механизм преграждения пути преступной для польской нации «красной» идеологии решено было ввести в действие с помощью специально сформулированной участниками конференции теории – «От полюса до границы», суть которой заключалась в массовом распространении пропагандисткой и художественной литературы среди местного населения, а так как для охвата всей территории Полесья требовалось большое количество книг, брошюр, газет и плакатов, то библиотеки КОП были в значительной степени освобождены от их содержимого, которое передавалось сначала учителям, воспитателям, чиновникам и общественным деятелям, знакомившим с ним рядовых граждан по мере контактов с ними⁷¹⁷.

О важности усилия государственного контроля над функционированием местных библиотек на территории всех воеводств Польши свидетельствовал выпущенный 3 июня 1937 г., министром внутренних дел Ф. Складковским циркуляр, который обязывал, как представителей органов местного самоуправления и образования, так и силовых структур способствовать не только популяризации чтения среди сельского и городского населения, но проводить регулярные благотворительные акции в пользу тех библиотек, фонды которых ощущали значительную нехватку книг, газет и журналов⁷¹⁸. Последнее означало, что пожертвования могли поступать не только в денежной форме, но и оформляться путем передачи библиотекам необходимой литературы. Данный циркуляр, выпущенный Министерством внутренних Польши, являлся

⁷¹⁶ Имелись ввиду коммунистические идеи СССР, которые представляли угрозу внутренней и внешней безопасности Второй Речи Посполитой.

⁷¹⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 28.

⁷¹⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 30.

уникальным не только потому, что его разработка и опубликование были осуществлены тем ведомством, которое в своей профессиональной деятельности не отвечало за образовательную и просветительскую политику в стране. Значение данного постановления заключалось также в том, что оно положило начало выработке новых подходов к организации библиотечного дела, за счет внедрения которых планировалось по мере обострения ситуации на международной арене и приближения новой европейской войны ускорить полонизацию национальных меньшинств, от успеха которой зависела жизнеспособность всей страны.

В связи с приближением европейской войны библиотечные учреждения восточных воеводств занимались с помощью польских военнослужащих безвозмездным распространением проправительственных периодических изданий, на страницах которых помещались не только статистические материалы, которые были призваны пробудить национальную гордость за достигнутые в области промышленности и сельского хозяйства успехи, но и всячески восхвалять триумф польской дипломатии; последнее касалось нравственной удовлетворенности граждан в том, что они могут вести и планировать свою жизнь в мирных условиях, не опасаясь вторжения врага, прежде всего, с Востока⁷¹⁹.

Указанный циркуляр Министерства внутренних дел повлек за собой положительные последствия: с осени 1937 г. и до конца 1938 г. на территории восточных воеводств благодаря просветительским акциям и мероприятиям произошло увеличение не только количества книг⁷²⁰, но и был зафиксирован рекордный рост читательской аудитории со стороны гражданских лиц, так как еще зимой 1936 г. только 15% граждан посещало библиотеки, а зимой 1937 г. произошло двухпроцентное увеличение, а к концу 1938 г. посещение библиотек гражданскими лицами выросло до 23%⁷²¹; это говорило об увеличении читателей среди гражданского населения, правда, стоит

⁷¹⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 7–8... 1938. S. 167.

⁷²⁰ Польскими военнослужащими в течение указанного периода было доставлено в гражданские библиотечные учреждения около 2 220 книг, журналов, газет и брошюр.

⁷²¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1938. S. 212.

отметить, что данный рост не являлся свидетельством массовой заинтересованности коренного населения восточного пограничья в чтении, так как местные жители только в зимнее время года могли позволить себе посетить библиотеку и окунуться в мир книг.

Подводя итоги, следует отметить, что функционирование сельских библиотек на всем восточном пространстве Польши обеспечивалось во многом благодаря польским военнослужащим. Рядовые солдаты польской армии, после прохождения ими специализированных курсов по овладению знаниями в области польского языка и национального менталитета, обязаны были совместно со своими офицерами и унтер-офицерами принимать активное участие в просветительских акциях и в тех мероприятиях, которые были посвящены различным юбилейным датам Второй Республики. Конечно, ключевыми фигурами на подобных культурно-просветительских и национальных торжествах являлись офицеры польской армии, выступавшие главными организаторами и ораторами на встречах с местным непольским населением «белорусских» воеводств страны, но привлечение рядовых военнослужащих имело не меньшее значение для успеха политики полонизации, так как польский солдат активно контактировал с гражданскими лицами во время доставки и раздачи пропагандистской литературы, во время которой польский офицер или унтер-офицер произносили зажигательную речь о «цивилизаторской миссии поляков» в восточных областях, успешное претворение которой не представлялось возможным без приобщения коренного населения к чтению специализированной и художественной литературы, выступавшей своеобразным посредником между реальной действительностью и культурно-историческим миром польской нации. В то самое время, когда польский солдат сначала разгружал, а затем и передавал лично в руки привезенную литературу, ему следовало поддерживать положительный эмоциональный настрой в отношении тех крестьян, которые решились взять книги и периодику, чтобы продемонстрировать гражданскому населению свою заботу

и ответственность за необходимость повышения их культурно-образовательного уровня. Подобные мероприятия пользовались успехом у местного населения еще и в силу того, что у гражданских, являвшихся по своей национальности белорусами или литовцами, сохранялось боязливо-настороженное отношение к польским офицерам, которые славились своим жестоким и брезгливым поведением в отношении лиц непольской идентичности, в то время как рядовой солдат польской армии из-за своей молодости и подчиненного положения воспринимался как человек, который не способен был совершить физическое или моральное надругательство над крестьянином северо-востока Польши.

Вооруженные силы Польши применялись в восточных воеводствах для утверждения польской национальной идеи с помощью разработки и проведения военными КОП театрализованных представлений, которые были призваны не просто приобщить местное население к польской духовной культуре и истории, но и лишить представителей национального меньшинства их собственной идентичности. С этой целью польские военнослужащие в своих воинских частях проходили сначала интенсивную подготовку по формированию так называемых «актерских трупп», которые должны были затем своим участием в театральные постановки утвердить институт всепольскости.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что навыки актерского мастерства отрабатывались военными на своих же товарищах по оружию, которых следовало также приобщить к основам польской нации, поскольку одно лишь владение призывниками польским языком не гарантировало обладания ими «верных» знаний национальной истории польского народа. Тематика театрализованных представлений, которые разыгрывались самими военными перед солдатами своего батальона, значительно отличалась от того репертуара, который выносился на суд гражданским лицам. Так, солдаты должны были воплощать на сцене перед своими боевыми товарищами те театральные произведения, которые

демонстрировали «идеальную» воинскую жизнь во всем ее многообразии, например, актеры-солдаты призывали своей игрой не только к соблюдению дисциплины, поддержанию духа товарищества и патриотизма в армии, но и к бережному отношению к вверенному им оружию, а также к амуниции и к гражданскому населению. Репертуар военных театров касался обыденных военных условий, которые, правда, были очень важными для каждого польского солдата, так как на сцене воинских театров разыгрывались сценки, посвященные правильному обращению с огнестрельным оружием, надлежащему выполнению обязанностей во время несения караульной службы или правилам совершения караульных обходов в соседние деревни, что предполагало корректное поведение военнослужащих в отношении гражданского населения. С помощью той или иной поставленной на сцене военного театра пьесы солдаты получали возможность вообразить себе предстоявшие им летние полевые походы, во время которых от них требовались тщательная военная выучка, отличная физическая подготовка и товарищеская взаимовыручка, и все это доносилось до военнослужащих благодаря тщательно разученным актерами ролей.

Что касается воинских представлений, дававшихся перед местным населением, то среди них превалировала народная польская тематика, связанная с возможностью раскрытия исторического прошлого польского народа и его духовной культуры путем исполнения народных песен в сопровождении хора или оркестра, а также произнесения коротких речей, призванных поддержать горевшее в сердце у зрителей пламя любви к Польше. Особый интерес представляли те сценки, в которых воссоздавалась история военных побед над многочисленными противниками Польского государства⁷²².

Репертуар военного театра в пограничной зоне Польши на Востоке страны совершенно не соответствовал городскому, так как при утверждении плана театрализованных постановок уделялось особое внимание тем из них,

⁷²² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 19.

которые способны были пробудить у военных и гражданских лиц чувство любви к своей Родине. Достижение данной цели происходило за счет усиления эмоциональной насыщенности актерских монологов и диалогов, подбора несложных в исполнении песен и простейших декораций, а также с помощью практиковавшихся актерами-солдатами в ходе спектакля коротких выкриков понятных для всех лозунгов и фраз, связанных с идеей польской государственности.

Предлагавшаяся форма постановки той или иной пьесы должна была существенно облегчить воздействие на психику неокрепшего в силу юности лет солдата, а также местного населения, и таким путем привить в их сердцах чувство единства и ответственности за то, что все они являлись частью одного польского общества⁷²³.

Подготовка театрального представления в казарменных условиях занимала в среднем от семи до десяти дней, а его репетиции проводились, как правило, ежедневно в вечернее время в течение 2–3 часов. Это было продиктовано плотным графиком военной службы, предусматривавшим выполнение военнослужащими в утренние и дневные часы непосредственных задач по военной подготовке. Имели место случаи, когда репетиции прерывались приказами о выступлении военнослужащих в полевые походы, и тогда театральная жизнь, замирая на неопределенное время, возобновлялась уже по возвращении их в свои части, что приводило к соответствующим проблемам, так как солдатам-актерам приходилось «вживаться» заново в свои роли, оттачивая повторно заученные реплики и отрепетированную хореографию, следствием чего являлось возникновение психологической усталости всего актерского коллектива. Отмечались даже отдельные случаи показного неповиновения, когда солдат, игравший первые роли в том или ином спектакле демонстративно отказывался повиноваться режиссеру-постановщику, правда, в таких случаях мгновенно следовало наложение коллективного наказания, призванного удерживать таких личностей

⁷²³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 17–19.

от необдуманных поступков, так как «круговая порука» защищала их от словесных нападков своих товарищей⁷²⁴.

Все перечисленное выше определяло сложность организации театрализованных представлений на территории «белорусских» воеводств, так как процесс постановки на сцене военного театра различных по жанру произведений служил главной проблемой для режиссеров, которыми являлись в основном унтер-офицеры: актерский коллектив, состоявший из польских военнослужащих, не обладая в массе своей творческой фантазией, приучен был следовать строгой дисциплине, беспрекословно выполняя полученные от командиров приказы и распоряжения, в то время как для успеха на импровизированной театральной сцене от них требовалось умение погружаться без остатка в эмоциональный мир конкретного персонажа. Указанный диссонанс приводил зачастую к тому, что солдаты-актеры начинали тяготиться порученными им ролями, вступая во время подготовки театрализованного представления в острые споры с «режиссерами», безуспешно пытавшимися донести путем личного общения с «актерами» суть их предназначения в спектакле. Вместе с тем во время таких разговоров солдатам разрешалось высказывать свое личное мнение по поводу конкретных моментов их актерской игры: военнослужащие могли не согласиться с унтер-офицером, информируя его, что они не смогут выразить с помощью устной речи и «языка тела» требовавшиеся от них определенные эмоции и движения, подсказывая тем самым своему «режиссеру» необходимость поиска иного выхода из создавшегося положения. Другой сложной проблемой, связанной также с театральными репетициями рядовых военнослужащих, служило распределение главных и второстепенных ролей. Унтер-офицерам необходимо было пригласить на главные роли тех военнослужащих, которые обладали хотя бы малейшими задатками природного дарования с целью раскрытия их способностей; это было не просто осуществить режиссеру, так как сценарий театральных представлений

⁷²⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1937. S. 21–22.

касался в основном тех тем, которые призваны были развернуть перед зрителями исторический путь становления и развития польской нации, что означало использование в главных ролях таких солдат, которые смогли бы благодаря своему театральному образу и развитых в них задатках актерского мастерства выразить все самые лучшие и подлинные духовные качества того поляка, который на протяжении многих веков боролся за всенародное счастье, наступившее в ноябре 1918 г.

Следует упомянуть, что получение главной роли являлось для польского военнослужащего почетной обязанностью, но привлечение солдат к участию в театрализованном спектакле не влекло за собой предоставление им каких-либо послаблений в несении воинской службы, что лишь усложняло ситуацию. Получившие главные роли военнослужащие вынуждены были выкраивать время на их разучивание вместе с отработкой необходимой жестикуляции из немногочисленных минут личного отдыха, полагавшихся в соответствии с уставом воинской службы. Если кратковременную память польские военнослужащие тренировали путем непрерывного внутреннего чтения и звуковых произношений своих реплик, то с освоением жестикуляции возникали значительные затруднения, так как солдатам-актерам необходимо было учесть все сделанные «режиссерами» во время репетиций рекомендации и замечания, касавшиеся правильного телесного поведения на сцене, и солдатам следовало в часы отдыха повторять заученные телодвижения; это являлось важной составляющей актерского мастерства, поскольку театр приковывал глаза зрителей не только своими красочными декорациями и репликами героев спектаклей; последние всегда сопровождались использованием средств невербального общения, в качестве которых выступали «природные» телодвижения. Успех театрализованному представлению, который выражался в несомкнутых овациях зрительного зала, могли обеспечить лишь правильное сочетание и чередование актерской игры, добиться которого можно было лишь при наличии сведущего в театральном искусстве унтер-офицера, который, путем грамотной

организации репетиций, способен был добиться от своих подчиненных убедительной для зрителей актерской игры, во время которой у них должно было возникнуть непреодолимое желание, сняв свою военную форму, переместиться на время в историческое прошлое своей нации⁷²⁵.

Поэтому подготовительное время, выделяемое на репетиции, требовало не только максимальной концентрации актеров из числа рядового состава, но и унтер-офицеров, которые благодаря грамотному подходу к работе получали возможность направить своих подопечных в нужное для спектакля русло, позволив им всесторонне вжиться в подобранную для них режиссером роль. И спектакль проходил лишь тогда успешно, когда во время репетиций складывалась атмосфера единства и товарищества режиссера со своим актерским составом, а это означало, что унтер-офицер, бравший на себя обязанности сценариста, режиссера и костюмера должен был отбросить в сторону ту воинскую муштру, которая господствовала в повседневной жизни солдат, и предоставить им право уважительно высказывать свое личное мнение по поводу своего актерского мастерства и наставлений своего непосредственного командира, который являлся организатором театрализованного представления.

Работа унтер-офицеров в качестве режиссеров военного театра являлась непосильной для них не только из-за необходимости постоянного взаимодействия с неслаженным и творчески незрелым актерским составом, в котором следовало добиваться пробуждения внутренних способностей, но и в силу сложности самого обучения актеров, подобранных из числа рядового состава, методике слаженной закулисной работы, от которой зависел успех всей театральной постановки. В процессе перехода театральных частей и актов рядовые военнослужащие должны были умело, пользуясь считанными минутами затемнения на сцене, заменить одни декорации на другие, а также на протяжении всего театрального представления польские солдаты обязывались должным образом применять аппаратуру, необходимую для

⁷²⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 21–23.

правильного освещения сцены⁷²⁶. Все это требовало колоссальных умственных и физических усилий, так как правильно установленные декорации помогали зрителям лучше прочувствовать сюжет пьесы, например, на патриотическую тематику, что, в свою очередь, облегчало навязывание аудитории польской национальной идеи.

Неудовлетворительные социально-экономические и суровые природные условия восточных воеводств межвоенной Польши не являлись для гражданских и военных властей весомой причиной отказа от проведения таких просветительских и культурно-массовых мероприятий, основной задачей которых являлось приобщение местного национального меньшинства к польской культуре и истории.

Организаторам и участникам проправительственных акций требовалось задействовать по мере сил необходимый вспомогательный материал, включая творческую активизацию своих личных способностей из-за недоступности специализированной литературы, которая могла бы выступить, например, помощником в декоративном украшении сцены, на которой должны были разворачиваться праздничные представления и концерты. Но были и свои значительные плюсы в организации театрализованных представлений «на кресах», так как богатства белорусского леса позволяли с помощью ремесленных инструментов возводить оригинальные и неповторимые театральные площадки. При создании декораций шла в ход воинская смекалка, например, для воссоздания пограничных столбов использовались доски и фанерные листы, которые приобретали на сцене военного театра убедительный внешний вид благодаря соответствовавшей оригиналу раскраске их в бело-красные цвета, поэтому и в театральном любительском искусстве такие детали, подчеркивавшие общенациональное значение государственных символов Второй Речи Посполитой, не были обделены вниманием унтер-офицеров.

⁷²⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 27.

Военные театры давали в основном платные представления, так как входная плата взималась с целью покрыть расходы на сооружение декораций и компенсировать в денежной форме многочасовые репетиции солдат-актеров и режиссеров (последними являлись унтер-офицеры). Поэтому полноценные и красочные театральные постановки требовали больших финансовых вложений, предназначавшихся не только для оплаты труда актерской труппы, но и на закупку исторических костюмов и предметов грима. Вместе с тем театрализованные спектакли, которые ставились на сцене восточных воеводств военными КОП, были в массе своей непродолжительными по времени. Создание световых и звуковых эффектов, которые требовалось воплотить перед зрителями в убедительной форме с помощью различных технических устройств, требовало больших финансовых затрат, но это было не главной проблемой, так как гораздо сложнее было найти среди военнослужащих таких специалистов, которые либо обладали уже соответствующими техническими знаниями, или же являлись по своей природе быстро обучаемыми, что гарантировало бы умелое обращение с устройствами⁷²⁷. Но в дни государственных праздников театрализованные представления, как и проводимые перед этим патриотические митинги, были для гражданских лиц бесплатными, а также когда разыгрывались представления на различные исторические темы, например, Январского восстания 1863 г., чествования Конституции 3 мая 1791 г., а также в честь именин Первого Маршала Ю. Пилсудского⁷²⁸.

Но это вовсе не означало, что денежные суммы, поступавшие по завершению театральных постановок, в кассу военных театров, способны были решить все имевшиеся материальные проблемы, которые были связаны с дефицитом театрального реквизита. Военные театральные труппы испытывали в восточных воеводствах постоянную нехватку не только декораций, но и кадровый голод, связанный с полным отсутствием тех

⁷²⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 12.

⁷²⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 20–21.

профессиональных работников, которые должны были числиться в штате каждого театра: будь то профессиональный столичный театр, или же провинциальный любительский; так, в военном театре на северо-востоке межвоенной Польши не было костюмеров, парикмахеров, гримеров и бригад театральных рабочих, и если костюмеры и парикмахеры отвечали за внешний образ актера, подбирая ему правильный гардероб и парики, а также накладывая грим, то бригада рабочих занималась сооружением декораций и плановым размещением их на театральной сцене⁷²⁹. Военный театр КОП не мог позволить себе такой роскоши: унтер-офицеры являлись не только режиссерами и сценаристами, но и костюмерами и гримерами, а солдаты, игравшие на сцене главные и второстепенные роли, выполняли функции рабочих бригад (сколачивали и шили декорации, а также размещали их на сцене).

Для реализации задачи патриотического воспитания среди польских военнослужащих и местного населения использовались броские и запоминающиеся лозунги, отражавшие важность военного присутствия Польши в восточном пограничье, а также необходимость налаживания взаимопонимания с местным населением, которое было призвано содействовать работе польской армии на местах. Так, во время театрализованных и других концертно-развлекательных мероприятий на белой материи или деревянных стендах выводились красным цветом следующие слова: «В Польше нет ничего более священного, чем граница, а охрана границы – рыцарское дело»⁷³⁰. Данное выражение, призванное пробудить в солдатах чувство ответственности за безопасность внешних рубежей Второй Речи Посполитой, было нацелено на формирование индивидуальных качеств мужества и храбрости, которыми славились некогда средневековые польские воины.

⁷²⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 24.

⁷³⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 32.

Вместе с тем военные театры, которые функционировали под открытым небом для удовлетворения культурно-воспитательных потребностей крестьянского населения северо-востока Второй Республики, совершенно не заботились об удобстве пришедших на премьеру зрителей из числа белорусского населения. На выставлявшихся перед сценой деревянных скамьях, которые приносились из близлежащей школы, имели право сидеть только почетные гости, которыми являлись польские офицеры и чиновники, за которыми на травянистой полянке располагались дети, а за ними – все остальные зрители, состоявшие из крестьян среднего и пожилого возрастов⁷³¹. И такое пренебрежительное отношение к коренному населению, граничившее с открытой дискриминацией, способствовало усилению антипольских настроений среди белорусского национального меньшинства восточных воеводств, которому запрещалось даже в течение часа сидеть рядом с представителями польской власти.

Но не во всех «белорусских» воеводствах Второй Речи Посполитой театральные представления сопровождались одним лишь выказывавшимся в брезгливо-демонстративной форме пренебрежением по отношению к коренным жителям. Например, в упоминавшейся выше деревне Дмитровка, 16 февраля 1936 г. по инициативе военнослужащих КОП и при поддержке учителей местной и окрестных деревенских школ состоялось захватывающее театрализованное представление для местных жителей. Его развлекательная программа состояла из четырех актов: 1) театральный номер на историческую тематику, разыгранный на польском языке; 2) театральный номер на историческую тематику, разыгранный на литовском языке; 3) хоровое исполнение народных польских и литовских песен; 4) исполнение народных польских и литовских танцев⁷³². В том же году в белорусском по национальному составу его жителей городе Вилейки, являвшемся центром Виленского повета Виленского воеводства, солдатами КОП было завершено

⁷³¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1937. S. 21.

⁷³² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 9.

строительство театрально-концертного зала, который находился в главном административном здании данного повята, и такое строительство стимулировало культурно-просветительскую работу не только польской интеллигенции и чиновников, которые непосредственно проживали и работали и в Вилейках, но и позволяло полякам всего Виленского повята, посещать театральные и концертные мероприятия, что предписывалось делать также представителям национальных меньшинств⁷³³.

Жители «белорусских» воеводств посещали ежегодно в дни празднования основания КОП передвижные военные театры, на сцене которых разыгрывались представления, посвященные истории вхождения восточных территорий бывшей Российской империи в состав Польши, и, что самое главное, участвовавшие в любительских постановках совместно с гражданскими волонтерами актеры-солдаты обязаны были продемонстрировать прочную историческую связь местного восточнославянского населения с польской нацией для того, чтобы убедить представителей национальных меньшинств в «цивилизаторской миссии польской армии», освободившей их от русского господства. Так, в 1936 г., когда отмечалось двенадцатилетие образования КОП, на сцене его театра была поставлена пьеса под названием «Охранять границу – дело рыцарское», состоявшая из четырех действий. В первом из них перед зрителями появился пожилой мужчина, подбородок которого оброс уже густой бородой, а передвигаться он мог только с помощью деревянной трости, что подчеркивало его немощность. Делясь со слушателями своими личными воспоминаниями, которые касались событий первой половины 20-х гг. XX в., этот старик обращал их внимание на то, что тогда местное население восточных земель Второй Речи Посполитой, не зная годами покоя от злодеяний пришедших с Востока «бандитских орд», жило в состоянии постоянного страха и молило Бога о своем чудесном спасении, которое и

⁷³³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 32.

пришло, в конечном счете, в образе польского военнослужащего, который, жертвуя собой, спас обычных крестьян от телесных и душевных мучений.

Закончив свой поучительный для молодежи рассказ, фигура старика медленно покидала сцену под гром нескончаемых аплодисментов. А на сцене создавалась тем временем при помощи подручных световых и декорационных средств трагическая визуальная картина, а именно: перед зрителями появлялась женщина, которая несла на руках новорожденного ребенка, а рядом с ней бежали двое ее ребятишек, и под нескончаемый плач детей эта женщина-крестьянка, одетая в одни грязные лохмотья, произносила повторяющуюся как молитва фразу – «Спаси Бог, спаси Бог, спаси от бандитов», после чего женщина с рыдающими детишками исчезала за кулисами, а перед зрителями появлялись сразу же бандиты, отнимавшие у обычного крестьянина мешок с личными вещами, а самого мужчину, не обращая внимания на его мольбы о пощаде, закалывали на сцене штыковыми ударами. Этим заканчивалось первое действие пьесы, основной смысл которой заключался в формировании искаженного исторического представления о тех событиях, которые развернулись на территории восточных областей Польши в первой половине 20-х гг. XX в. Лживость создававшейся таким образом исторической картины выражалась в формировании отталкивающего образа тех повстанцев, которые боролись не с местным крестьянским населением, а с поляками, которые пришли в качестве хозяев на отошедшие ко Второй Республике после подписания в 1921 г. Рижского мирного договора земли; но возникшее у зрителей после просмотра ими такой эмоционально-трагической сцены (с участием многолетней матери и убийством безоружного крестьянина) внутреннее возмущение должно было поставить их не на сторону «красных партизан», а представителей законной польской власти. Основу сюжета второго действия составляла уже другая картина, во время постановки которой на сцене выстраивались молодые парни, которые, поступив на военную службу, несли ее на восточной границе возрожденной Польши. Они имели при себе

начищенное до блеска стрелковое оружие, а хорошо подогнанная униформа символизировала их мужество, непоколебимую стойкость и готовность к самопожертвованию ради защиты безопасности страны, а следом за ними на сцене появлялся офицер, который зачитывал приказ, в котором говорилось, что им выпала великая честь являться именно солдатами КОП, так как защита восточной пограничной полосы, где гражданское население пребывало в постоянной неуверенности за свое будущее, являлось главным направлением укрепления обороноспособности возрожденной Польши. Из второго действия зрители, продолжая переживать трагедию первого, должны были вынести чувство внутреннего удовлетворения осознанием того, что они находятся под постоянной защитой доблестных польских воинов, надежно оберегающих их покой и имущество. И третье действие пьесы полностью убеждало в этом. На сцене появлялся солдат, который с оружием в руках находился в карауле, размышляя вслух в своем монологе о выпавшей на его долю нелегкой миссии. Независимо от погоды он должен был твердо стоять на своем месте, выслеживая внимательно врагов Польского государства, решивших нарушить покой мирных граждан, и если потребуется, то он без промедления, в одиночку вступит в бой с целой вражеской армией, которая посмеет ступить своим сапогом на священную польскую землю. Наконец, четвертое действие пьесы было посвящено разговору между сельскими жителями, во время которого молодые парни сообщали девушкам о том, что к ним в деревню приедет скоро отряд КОП для того, чтобы провести лекцию по молочному животноводству и птицеводству, и парни убеждали представителей прекрасного пола обязательно посетить такую просветительскую акцию, так как полученные знания обязательно пригодятся им в жизни, и в заключении молодые люди подчеркивали, что польские военнослужащие из КОП являлись настоящими спасителями гражданского населения, поскольку они не только ежесекундно несли воинскую службу для защиты обычного гражданина от внутренних и внешних врагов, но и тратили свои силы и время на обучение этого же населения с той целью, чтобы

повысить его экономическое благосостояние, способствуя тем самым процветанию всего восточного региона⁷³⁴. В конце пьесы весь актерский состав под аккомпанемент военного оркестра исполнял одну из патриотических музыкальных композиций, что сопровождалось вставанием зрителей со своих посадочных мест в знак признательности по отношению к вооруженным силам страны, которые мужественно оберегали их мирную жизнь.

Из данной пьесы видно, что к постановкам театрализованных представлений, которые устраивались польскими военнослужащими для местного населения, прилагались не только личные усилия унтер-офицеров и солдат, но и существовал определенный перечень установленных критериев, определявших требования, как к сюжетной линии, так и к вспомогательным элементам самой актерской игры, к которым относились декорации, реквизиты, костюмы, психологический настрой, как зрителей, так и исполнителей, поскольку для гражданских лиц требовалось поставить на сцене такие пьесы и спектакли, которые раскрывали бы историческую роль обычного поляка в жизни тех наций, которые относились во Второй Республике к категории национальных меньшинств, поэтому солдаты-актеры снимали с себя свою униформу во время данных представлений, переодеваясь в гражданскую одежду, которая, служа своим внешним видом символом многовекового многообразия, подчеркивала в то же время идею единства страны. Нередко актеры брались за исполнение женских ролей на сцене, рассчитывая заручиться таким путем симпатиями «темного» крестьянского населения восточных воеводств к «цивилизаторской роли польской нации», поскольку такой необычный актерский прием позволял умело надавить на материнские чувства женской части зрительного зала, ориентированные от природы на спасение своих родных и близких. На сцене талантливо изображалась переодетыми в женское платье актерами оправдавшая себя доверчивость белорусских женщин по отношению к

⁷³⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 57–63.

полякам, которые пришли защищать их землю и домашний очаг от «восточного рабства». Правда, использовавшееся для этого актерское мастерство не допускало никакой наигранности в передаче сценическим путем популярных «женских образов». Лица, претендовавшие на получение женских ролей в театрализованных представлениях, должны были, по мнению унтер-офицеров, обладать природными дарованиями, особенно это касалось их риторики и мимики⁷³⁵.

Но это вовсе не означало, что подрядившиеся режиссерами театрализованных представлений унтер-офицеры считали зрителей восточного пограничья высокообразованными и культурным личностями, которые способны были разглядеть очевидную фальшь в игре актеров на театральной сцене. Максимум усилий новоиспеченным актерам полагалось прилагать только в тех случаях, когда на театральном представлении в первых рядах присутствовали высокопоставленные гости, прибывшие из других регионов Польши. В этом случае не обходилось без оскорбительных по своей форме для жителей восточных областей сравнений с населением западно-центральных воеводств Польши, когда, например, рядовой обитатель пригорода Варшавы рассматривался по своему умственному развитию на порядок выше уроженца белорусского Пинска или Гродно, который из-за своего скудного воспитания и образования не обладал якобы способностью получать от искусства эстетическое наслаждение⁷³⁶.

Стоит отметить, что приобщение к эстетико-культурным идеалам и патриотическому воспитанию рядовых военнослужащих польской армии не должно было прекращаться даже в условиях выступления их в полевой поход для проведения учений. Отправка на них не являлись исключением, поскольку процесс политвоспитания солдат должен был носить в течение всей воинской службы целостный и непрерывный характер.

⁷³⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1938. S. 6–9.

⁷³⁶ Ibid. S. 20, 21–22.

Но унтер-офицерам и офицерам, которые отвечали за организацию подобных просветительских мероприятий, требовалось не только наличие определенных знаний в области театрального дела, но и проявление творческой энергии, чтобы умело использовать природные условия, окружавшие солдат в полевых походах для успеха театральной «премьеры». Считалось, что политработник польской армии мог найти в естественных природных условиях такую площадку, которая служила бы не только удобным местом для зрителей, но и подходящей сценой, на которой и разыгрывалось представление. Подобным местом могло служить подножие любого холма, так как солдаты-зрители, расположившись на его склоне, могли хорошо слышать и видеть разворачивающееся театральное действо, главными участниками которого выступали их боевые товарищи. Политработникам следовало заранее продумать возможность использования имевшихся под рукой декораций, поэтому ими служили чаще всего – обычные палки, бревна и растительность, а также те вещи и предметы, которые использовались военнослужащими в полевых условиях – патронные ящики, палатки и сумки. Но поиск подходящего места для театральной сцены и в полевых условиях не являлся главным препятствием для организаторов, так как хуже всего в таких условиях обстояло дело с выбором подходящего момента для показа театрализованного представления, поскольку полевые учения проводились с целью проверки военных умений и уровня физической подготовки военнослужащих польской армии, что приводило к истощению их физических сил, остатки которых им предписывалось потратить на просмотр и непосредственное участие в театрализованных постановках. По этой причине театрализованные представления начинались чаще всего вечером, когда солдаты после совершенных ими марш-бросков и боевых стрельб могли насладиться приемом пищи, наблюдая после завершения которого за разыгрывавшимся на импровизированной сцене театрализованным представлением или принимая непосредственное участие в нем в качестве актеров. Вместе с тем политработникам предлагалось также устраивать

сценические мероприятия и в дневное время, разделив их сценарий на несколько частей, и воплощая их поочередно на сцене во время перерывов между марш-бросками и стрельбами. На практике это имело мало общего с постановкой полноценного театрализованного представления, осуществляясь в форме солдатского хорового песнопения или поэтапного чтения поэтических произведений, а также путем исполнения музыкальных произведений, например, на губной гармошке; и такая форма культурно-массовых мероприятий способствовала сплочению товарищеского духа военнослужащих, которые во время нахождения в полевом походе должны были показать слаженность командной работы не только во время имитации военных действий, но и в процессе досугово-просветительской деятельности⁷³⁷.

Но не все было так гладко в реальной жизни, как описывалось в служебных инструкциях политработников: марш-броски приводили не только к наступлению физического утомления, когда во время пятиминутного отдыха солдату хотелось отдышаться или сделать перекур, но и к порче казенной обуви, которая могла разорваться, не выдержав нагрузки из-за многочасового бега, что приводило к эмоционально-психологической раздражительности солдат, не проявлявших особого интереса к пению и чтению стихов, так как все их мысли были сосредоточены на том, чтобы, успев в считанные минуты отремонтировать свою обувь, успешно завершить дистанцию. А в вечернее время, наступавшее после окончания ужина, военнослужащие старались найти себе более подходящее, по их мнению, занятие для досуга, связанное, в частности, с распитием спиртных напитков, не проявляя особого интереса к просмотру и тем более к личному участию в театрализованных представлениях. Но если польские военнослужащие находили в итоге в себе силы, чтобы организовать культурно-массовую работу во время учений на должном уровне, то это могло послужить бесценным опытом, который воплощался впоследствии среди гражданского

⁷³⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 15–17.

населения восточных воеводств, которое приобщалось такими путем к духовной культуре польской нации.

Отношение польских властей к организации контроля за работой военных театров было ответственным. С этой целью формировались специальные группы театральных инструкторов, которые объезжали воинские части, в том числе те, которые были дислоцированы на границе. Так, после проведенных ими в первой половине 30-х гг. XX в. в непростых условиях местности инспекционных поездок, был составлен в 1935 г. напоминавший по своей внешней форме анкету подробный отчет, который имел своей целью выяснение степени эффективности работы военных театров в восточном пограничье Польши. Он включал в себя теоретический и практический разделы. Перед тем, как приступить к подробному анализу их содержания, необходимо отметить, что на обучение театральному делу отводилось всего десять дней, три из которых были посвящены теоретическим, а остальные семь – практическим занятиям; рекомендовалось также отводить на освоение теории театрального дела 18 часов, а на практического раздела – 21 час⁷³⁸. Такое распределение часов в рамках обучения театральному делу объяснялось тем, что офицерскому и рядовому составам требовалось путем ускоренного освоения объемного по своему содержанию учебного материала не только познакомиться с основными принципами работы театра, но и отточить свое сценическое мастерство, так как в течение семи дней военнослужащие должны были по три часа в день репетировать различные постановки или определенные части спектаклей.

Так, теоретический раздел предполагал знакомство военнослужащих с правилами речевого произношения, которые заключались в умении не только лексически корректно выстраивать предложения, но и подбирать нужные паузы и ударения во время своего выступления, а также регулировать дыхание, чтобы в процессе произнесения монологов или диалогов у них не заплеталась речь и не проглатывались отдельные слова.

⁷³⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 18–19.

К теории обучения театральному делу относились также специальные лекции-беседы, во время которых театральные инструкторы знакомили военнослужащих польской армии с особенностями театральной постановки, ключевым положением которой являлась именно игра самого актера, поэтому артистам-любителям преподносились базовые правила актерской игры, например, их знакомили с существующими типами ролей и с методикой поддержания пластичности в театральном искусстве. Также в раздел теоретических занятий входила работа с теми офицерами и унтер-офицерами, которые выступали в качестве режиссеров театрализованных постановок в военных условиях. Главной обсуждавшейся на них темой служило не только общее знакомство с основными принципами режиссерской работы, а именно методика организации театральных выступлений в полевых условиях, в связи с чем особенно сложными являлись постановки под открытым небом, которые были предназначены не только для военнослужащих, но и для местного населения. Поэтому режиссеры нуждались в прочных знаниях, касавшихся правил устройства «амфитеатров», конструкции которых должны были быть не только прочными и безопасными, но и обеспечивать комфортные условия, как для актеров, так и для самих зрителей. Будущие режиссеры знакомились также с принципами использования на сцене светосвещения, для которого могли использоваться не только солнечные лучи, но и свечи и костры, свет которых мог особенно в вечернее время придать спектаклю атмосферу романтики или драматизма, а также офицерский и унтер-офицерский состав знакомили на этих занятиях с основами подбора и создания таких декораций, реквизитов и костюмов, которые можно было бы изготовить из подручных и доступных материалов.

Что касается практических занятий, то им отводилось больше всего времени. Они включали в себя отработку навыков организации репетиций театральных выступлений, как для армии, так и для местного населения, т.е. военнослужащим предоставлялась возможность в реальном сценическом

действии продемонстрировать свои актерские и режиссерские умения перед зрителями.

Данный отчет театральных инспекторов был достаточно основательным и последовательным, включая в себя анализ теоретических и практических особенностей проведения театральных постановок именно в условиях восточных воеводств, где военными приходилось своими собственными руками шить костюмы, изготавливать реквизиты, а также эмоционально доводить свои слова до зрителей, состоявших главным образом из представителей национальных меньшинств (белорусов, литовцев, украинцев, евреев и русских).

Особенности речевой составляющей во время проведения всех театрализованных представлений имели важнейшее значение для привития зрителям интереса и любви к польскому языку, который не должен был терпеть никакой конкуренции и стать единственным средством общения среди национальных меньшинств. Также для деятелей военных театров в восточных областях Польши рекомендовалось, как следовало из указанного отчета инструкторов, устраивать театрализованные постановки для местного гражданского населения именно в вечернее время по той причине, что природная красота заката могла благотворно повлиять на настроения зрителей, положительные эмоции которых могли усилиться также с помощью использования альтернативных источников света – восковых свечей и костров; все это должно было склонить разнородных по своему национальному составу граждан северо-востока страны на сторону польской культуры и вызвать нескрываемые симпатии к Польскому государству, представители которого, не жалея своих сил, проявляли таким путем заботу в самых отдаленных его местностях об эстетических чувствах тех лиц, которые не имели польского происхождения.

Поддержка военному театру оказывалась не только из центра, но и на местах, например, на территориях Полесского и Виленского воеводств активно действовал Институт народных театров (Instytut Teatrów

Ludowych)⁷³⁹, работники которого не только организовывали театральные постановки, но и помогали другим любительским творческим труппам осуществлять подготовку к проведению театрализованных представлений, поэтому деятельность подобного творческого института являлась существенным подспорьем для функционирования военного театра на всем восточном пограничье, так как унтер-офицеры могли заказать не только профессиональные актерские костюмы, но и имели возможность проконсультироваться в письменной или устной форме по поводу актуального репертуара в условиях восточных окраин⁷⁴⁰.

В итоге следует отметить, что военный театр не только выполнял развлекательную функцию, способствуя формированию понимания искусства и эстетических чувств, но и являлся настоящей политической школой, которая была призвана развивать в военнослужащих и в гражданских лицах дух патриотизма и солидарности, что обосновывалось в свою очередь тем, что одно лишь умение держать оружие в руках не могло гарантировать полного успеха любой боевой операции, поскольку вооруженные силы должны были обрести сплоченность, представляя собой единый организм, который совместно с гражданским обществом выступит единым фронтом в случае возникновения кризисной ситуации⁷⁴¹.

Министерство военных дел Второй Республики принимало самое активное участие в налаживании культурно-просветительской и образовательной работы как среди рядовых военнослужащих польской армии, так и гражданского населения, что нашло отражение в принятии ряда специальных постановлений, которые регламентировали объем данной

⁷³⁹ Центральное учреждение данного Института располагалось в Варшаве, а его отделения (дочерние организации) действовали на всей территории страны: в Поморье, Силезии, Люблине, Волыни и во Львове. См.: Sprawozdanie z Działalności – Instytut Teatrów Ludowych. R. 1 (22 kwietnia 1929/31 grudnia 1931). Warszawa. 1932.; Sprawozdanie z Działalności – Instytut Teatrów Ludowych. R. 2 (1 stycznia 1932/31 grudnia 1933). Warszawa. 1934.

⁷⁴⁰ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1... 1936. S. 26.

⁷⁴¹ Следует отметить, что данная идея была заимствована политработниками польской армии из опыта организации культурно-массовой работы в СССР, где, по утверждению самих польских офицеров, театральная культура в Красной армии была настолько высока, что в Польше ее не только уважали, но и ставили в пример, называя польский военный театр пока еще «кустарным типом культуры и воспитания». См.: Ibid. S. 19.

работы: сначала в 1921 г. было принято решение о функционировании в воинских частях библиотечных учреждений и любительских театров, это касалось и мирного населения, обогащение знаниями и культурой которого должно было происходить при помощи специальных «домов культуры», задача строительства которых ложилась целиком на польских военнослужащих, а в 1931 г. Министерство военных дел Польши утвердило новую, уже доработанную «Инструкцию по воспитательной, культурно-массовой работе в армии», положения которой не только призваны были способствовать улучшению образовательной подготовки польских военнослужащих, но и вносили в армейскую и гражданскую среду совершенно новые методы организации культурного досуга, которыми являлись – открытые лекции, экскурсионные поездки, публичные представления и праздники, которые планировалось проводить исключительно с помощью, как радиоприемников, так и передвижных технических средств и устройств⁷⁴².

Главным техническим средством выступало в те годы радио. Следует особо упомянуть, что главная радиостанция страны под названием «Варшава I» находилась в столице, обеспечивая работу двух крупнейших провинциальных станций восточных воеводств – «Вильно» и «Львова», из которых велось радиовещание на всю территорию восточного пограничья.

Активная фаза установки радиоприемного оборудования датируется на территории восточных областей началом 30-х гг. XX в., когда подключением приемников к радиосети, доставкой в самые отдаленные их местности всех необходимых для этого комплектующих материалов занимались технически грамотные военные команды, состоявшие из унтер-офицера во главе и нескольких подчиненных ему солдат, помогавших своему командиру физическим трудом воплощать поставленные задачи. Данных лиц можно было отнести с учетом их практических способностей и теоретических

⁷⁴² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1939. S. 83.

знаний к категории военных связистов, что в большинстве случаев соответствовало действительности⁷⁴³.

После установки радиоточки в работу включалась другая команда, члены которой занимались уже культурно-просветительскими и пропагандистскими мероприятиями как среди военнослужащих, так и гражданских лиц. Она состояла также из унтер-офицера и тех рядовых солдат, которые проявляли в общественной жизни наибольшую активность и заинтересованность, и на плечи этих активистов, деятельность которых детальным образом контролировалась унтер-офицерами, возлагалась обязанность по составлению еженедельных радиопрограмм, предназначенных не только для военнослужащих польской армии, но и для гражданского населения северо-востока Второй Республики. Данная работа являлась сложной по своему характеру⁷⁴⁴, так как членам радиокollektiva необходимо было ежедневно подробным образом изучать центральную периодическую печать, информацию из которой в форме краткой хроники следовало регулярно доводить до местного населения, что и происходило в вечернее время. Ставилась также задача самостоятельного изучения специализированной литературы, посвященной тем областям повседневной жизни коренного населения, в которых, как считали польские политработники, наблюдались серьезные проблемы. Так, в радиоэфирах, транслировавшихся для сельских жителей «белорусских» воеводств, частой темой являлась информация о правилах личной гигиены и поддержании чистоты и порядка в своих крестьянских жилищах; также предназначенные для гражданского населения восточного пограничья радиотрансляции были посвящены вопросам социальной культуры, преследовавшие цель воспитать

⁷⁴³ Biuletynu oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1938. S. 84.

⁷⁴⁴ Работа радиоведущих была основана не только на личной инициативе тех лиц, которые стремились реализовать себя в этой культурно-просветительской сфере, но и имела определенные методики обучения, которые можно было почерпнуть из специализированных журналов, раскрывавших на своих страницах все детали работы на радиоточке, в том числе, в них можно было найти информацию по составлению графика радиопрограмм. Периодическими изданиями в межвоенной Польше, помещавшими указанную информацию, являлись следующие популярные журналы – «Przegląd kino-radiowy», «Antenę» и «Wiarusie», и редакция данных изданий формировала два раза в год радиопрограммы, применение которых было индивидуальным для каждого из воеводств Польши в зависимости от той социальной среды, для которой планировалось осуществлять радиовещание.

такого гражданина, который был бы способен стать верным защитником Польского государства, и данная информация преподносилась не только в форме броских пропагандистских лозунгов, но и доносилась до лиц непольской идентичности с помощью программ развлекательного жанра – народных сказок, христианских притч и музыкальных произведений.

Не оставалась без внимания проблема приумножения благосостояния сельских населенных пунктов, экономический потенциал которых не использовался сельским населением в полной мере, что и приводило, как подчеркивалось политработниками, к ухудшению не только материального положения обычных граждан, но и всей страны в целом, поэтому программы на сельскохозяйственную и кооперативную темы занимали важное место в сетке радиовещания. Не обходилась без внимания и проблема организации культурно-просветительского досуга гражданских лиц, которых радиоведущие знакомили с выходом интересных книг, рассказывая о поступивших на них рецензиях, а также призывали сельских жителей посещать местные библиотеки или использовать возможность приезда в их населенные пункты мобильных библиотек, которые организовывались подразделениями польской армии, а также с помощью радио давались анонсы предстоящих публичных лекций, на которые приглашались все желающие. Но если какое-то село не имело возможности предоставить культурный досуг сельским жителям, то радиоведущие настоятельно призывали граждан воздержаться от распития в выходные и в воскресные дни спиртных напитков, посветив время в такие дни молитве к Богу⁷⁴⁵. Работа польского радио на территории восточных воеводств велась ежедневно, заметно усиливаясь в дни национальных торжеств и праздников.

Как видим, радиостанции открывались в «белорусских» воеводствах не только с военно-стратегической целью, но и для пропаганды польской культуры и истории. Последнее положение имело ключевое значение в реализации политики полонизации, так как с помощью микрофонов,

⁷⁴⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1938. S. 86, 87–88, 89–90.

громкоговорителей и радиопластинок велась трансляция не столько радиопрограмм, сколько положений государственной пропаганды, взывавшей к сплочению всех граждан страны. Важное значение придавалось также информированию о царивших в стане врага настроениях, что касалось в первую очередь сопредельных стран – Советской России (СССР) и Литвы.

Но работа радиоточек, не замыкаясь на одном лишь раскрытии содержания идеологических установок и доктрин, носила разнообразный характер, например, радиоведущие рассказывали в эфире о литературных произведениях польских авторов, а путем приглашения работников культуры разыгрывали театральные представления, во время которых голоса двух человек представляли собой диалог определенных персонажей, или, же приглашали в радиостудию конкретных специалистов, которые делились своими теоретическими знаниями и практическим опытом в сельскохозяйственной и экономической сфере. Все это давало на практике положительные результаты для местного населения, так как крестьяне, не обладая профессиональными навыками чтения на польском языке, могли на слух отбирать те советы, которые могли им пригодиться в их повседневной жизни⁷⁴⁶, а представители молодежи национальных меньшинств имели возможность получить эстетическое удовлетворение от прослушивания произведений художественной литературы, например, видное место в радиоэфире восточного пограничья принадлежало исторической повести «Великая битва народов» Е. Малачевского, а также «Трилогии» Г. Сенкевича.

Важно также отметить, что польским радиостанциям в восточных окраинах разрешалось подключаться к частотам зарубежного радиовещания, но только с письменного разрешения коменданта того военного гарнизона, на территории которого и осуществлялся выход в радиоэфир. Данные радиостанции устанавливались военнослужащими польской армии как в белорусских городах, так и в сельской местности, например, в 1936 г.

⁷⁴⁶ Подобные советы касались не только вопросов рационального ведения земледелия, но и включали в себя полезные рекомендации по уходу и лечению домашних животных, а также специалисты могли помочь своим слушателям с правильным выбором цветов и фруктовых деревьев для посадки их в своем саду, даже если хозяйство являлось небольшим по своему размеру.

подобная радиостанция была установлена в белорусской деревне Столпцы Новогрудского воеводства, расположенной всего в 80 км. от столицы БССР – города Минска, а ее торжественное открытие состоялось 18 марта⁷⁴⁷, что совпало с именинами маршала Э. Рыдз-Смиглы, который на тот момент являлся генеральным инспектором всех вооруженных сил Второй Республики, поэтому на протяжении всего дня радиоведущие произносили в его честь торжественные речи, содержание которых сводилось к воспеванию того непосильного и ежедневного труда, который с блестящим успехом достигался силой мысли этого талантливой польского военачальника, который являлся также верным соратником Ю. Пилсудского и продолжателем его дела, а в течение следующего дня, являвшегося уже именинами самого создателя и спасителя Второй Речи Посполитой, весь радиоэфир был не только наполнен пламенными речами об историческом значении и деятельности Первого Маршала, который сыграл ключевую роль в многомиллионных судьбах польской нации, но и трансляцией выступления батальонного оркестра, который в память о Ю. Пилсудском исполнял на протяжении всего дня во время перерывов в вещании марш «I бригады»⁷⁴⁸.

Но открытие таких радиоточек на территории «белорусских» воеводств требовало огромных финансовых затрат, так только на одну радиостанцию в Новогрудском Столпце было выделено более 2 тыс. злотых⁷⁴⁹, а цена только одного радиоприемника составляла в среднем 265 злотых, при этом стоит учитывать также тот факт, что военное радио было освобождено от абонентской платы, что способствовало значительной экономии в хозяйственных фондах воинских частей⁷⁵⁰, но финансовые затраты связаны были не только с приобретением и последующей установкой радиоприемников, но и с расходами по их эксплуатации, так как техника постоянно выходила из строя при любых обстоятельствах, которые зависели как от человека, так и от условий окружающей среды, а именно: из-за

⁷⁴⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 23.

⁷⁴⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 27.

⁷⁴⁹ Ibid.

⁷⁵⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 20.

халатности военнослужащих, которые занимались ее техническим обслуживанием, а также из-за погодных условий, когда частым явлением был выход из строя радиобатарей⁷⁵¹. Конечно, технический персонал занимался обслуживанием всех радиоприемников, но далеко не всегда ему удавалось устранить возникшую поломку, что и вынуждало военное командование продолжать расходовать значительные суммы средств на покупку и доставку из западно-центральных воеводств Польши необходимых деталей, что могло занимать по времени более двух месяцев.

Но крупные денежные затраты были оправданы с точки зрения достижения результатов идеологической работы, которая велась не только среди гражданского населения, но и адресовалась рядовым военнослужащим. Это проявлялось, в частности, не только в донесениях и правительственных указах, но и в трансляции таких радиопрограмм, которые должны были просвещать и белорусских крестьян, и тех солдат, воинская часть которых находилась рядом с радиоточкой, например, упомянутая выше радиостанция в упоминавшихся выше Столпце осуществляла свою работу на протяжении целого дня (с 12:00 до 20:00), транслируя для слушателей не только классические музыкальные произведения, но и мелодии, которые воспевали красоту живой природы. Последние произведения были призваны обеспечить эмоциональное умиротворение тех слушателей, которые как в гражданской жизни, так и на военной службе вынуждены были терпеть определенные психологические неудобства, денежные лишения и физические притеснения.

Технические достижения Второй Республики были доступны не только для польской армии, но и обслуживали потребности воспитательных и образовательных учреждений восточного пограничья, в которых происходило приобщение школьников и молодежи к духовно-культурной жизни польской нации, например, в 1936 г. в небольшом по размеру городке Грегоровичах-на-Двине в дневной комнате воспитания, куда родители могли отдать своих детей, техническими специалистами КОП был установлен радиоприемник, с

⁷⁵¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 6–7.

помощью которого школьники могли слушать различные развлекательные мероприятия и радиопередачи, вещание которых велось на польском языке⁷⁵².

Популярность радиоприемников на территории восточных воеводств страны была обусловлена в большей степени не тем, что местное население желало следовать моде тогдашнего времени, которая устанавливалась наличием в поселке радио, а именно своей необычностью и таинственностью, так как большинство граждан северо-востока Польши не имело четких представлений о принципах работы таких технических устройств, которые способны были передавать человеческую речь и музыкальные мелодии на значительное расстояние. Этот необъяснимый факт приковывал к радио повышенное внимание крестьянской массы в «белорусских» воеводствах Польши, поскольку степень личного любопытства и внутренней заинтересованности по отношению к радио у крестьян совершенно не зависела от их от их возрастной и половой принадлежности. В в связи с этим, стоит упомянуть об одном важном факте, который касался политики полонизации: подрастающее белорусское поколение проявляло гораздо большее желание к прослушиванию тех радиопередач, которые транслировались из соседних стран, в то время как люди зрелого возраста могли довольствоваться теми радиоконцертами и радиопередачами, которые внимательно прослушивались ими в выходные и праздничные дни, поэтому польская администрация призывала осуществлять пристальный контроль за радиовещанием, что означало регулярное прослушивание радиопрограмм, так как необходимо было уберечь представителей национального меньшинства восточных воеводств от опасной для Польского государства идеологии, с которой радиослушателям можно было познакомиться путем выхода на частоты вещания СССР или Литвы. Подобный контроль происходил не только с помощью приглашения на работу такого радиоведущего, который разделял полностью идеологию Польского государства, но и путем опоры на определенный круг лиц,

⁷⁵² Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 33.

выполнявших культурно-просветительские функции в системе школьного образования, а также заведовавших политработой в польской армии, т. е. учителям и унтер-офицерам поручалось прослушивание трансляций вверенных им радиостанций, и составление на основе сделанных наблюдений соответствующего отчета, на страницах которого они делились своими замечаниями по поводу тех передач, концертов и бесед, которые транслировались в эфире с участием, как самого ведущего, так и его гостей; школьные учителя и военнослужащие принимали часто совместное участие в работе по составлению радиопрограмм, особенно это касалось национальных праздников Второй Республики, когда местное белорусское население необходимо было приобщать к польской ментальности не только с помощью митингов, парадов и развлекательных мероприятий, но и путем транслирования особых радиопередач, которые своим эмоциональным содержанием призваны были вызывать прочное чувство сопричастности к различным сторонам жизни Польского государства.

Работа по формированию польского патриотизма среди местного населения восточного пограничья посредством технических устройств велась особенно интенсивно именно в дни государственных торжеств, в то время как каждодневное радиовещание, которое охватывало бы всю территорию северо-востока Польши, было относительно редким. Данная проблема вызывала опасения среди польских военнослужащих, которые отвечали за воспитательную и образовательную работу среди гражданского населения, так как по их соображениям процесс насаждения польской идентичности среди представителей национальных меньшинств должен был проходить непрерывно и каждодневно, поэтому политработники польской армии в лице унтер-офицеров настаивали на регулярной трансляции тех радиопередач, содержание которых будет приобщать местное население к польской истории и к духовно-культурным национальным идеалам польской нации. Военными пропагандистами предлагалось составлять даже специальные графики радиовещаний, которые учитывали бы условия повседневной жизни

населения, которое с раннего утра и до позднего вечера находилось на полевых работах, или на поденном заработке, а это означало, что радиотрансляции следовало начинать не ранее семи часов вечера, когда крестьяне могли после окончания трудового дня уделить свое внимание прослушиванию польских радиопрограмм⁷⁵³.

Успешное приобщение местного населения к польской национальной культуре с помощью радио происходило особенно тогда, когда военнослужащие польской армии устраивали для гражданского населения театральные радиопостановки по мотивам художественных произведений польских авторов. И такая форма практиковавшаяся политработниками для реализации целей политики полонизации «мягкой силы» являлась для слушателей одновременно познавательной и увлекательной, но запись радиоспектаклей была сопряжена с особыми трудностями, поскольку солдаты-актеры должны были постоянно передавать друг другу микрофон для зачитывания своих реплик, монологов или, же для словесного описания конкретных ситуаций, например, поля битвы, имитации народных столпотворений и т.д. Все это значительно усложняло и стесняло работу актерской труппы. Стоит также отметить, что в театральных радиопостановках не обходилось без использования польской музыки, которую исполнял вживую военный оркестр в прямом эфире, и которая была призвана усилить эмоциональность сюжетной линии, а также познакомить радиослушателей с музыкальным достоянием польской нации. Данные спектакли дополнялись, как правило, еще одной радиопрограммой, содержание которой было разработано по поручению польского правительства. Ее сюжет призван был укрепить у восточнославянского населения Второй Республики чувство близости к тем польским военнослужащим, которые исполняли свой долг перед Родиной в восточном пограничье. Эта программа, имевшая соответствующее название – «Что происходит на границе», выходила в радиоэфир два раза в месяц, а ее

⁷⁵³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1937. S. 10–11.

продолжительность составляла около 30 минут. Сюжет данной рубрики заключался в том, что радиоведущий приглашал для беседы польского офицера или унтер-офицера, которые рассказывали слушателям в увлекательной форме о проделанной работе своего воинского подразделения, например, приводились сведения о возведении польскими солдатами инфраструктурных объектов, предназначенных для обычных граждан, или же приглашенные гости сообщали информацию о предполагаемых планах проведения в скором времени важных мероприятий государственного масштаба, на которых должны были присутствовать все гражданские лица, т. е. распространенной формой данной радиопрограммы являлось отчетное информирование слушателей из уст офицеров и унтер-офицеров о проведенной ими социально-гуманитарной работе, которая осуществлялась польскими военнослужащими в отношении крестьянского населения «белорусских» воеводств. Так, ведущие могли зачитывать в эфире количественные данные о выданных неимущему населению продуктах питания, о закупке канцелярских принадлежностей для начальных школ, о передаче представителям бедноты при помощи католических священнослужителей необходимой теплой одежды перед наступлением холодов и т. п.

Но самой популярной темой являлись воспоминания офицеров и унтер-офицеров, которые в прямом радиоэфире делились своими впечатлениями о «летописи» военных лет 1914–1921 гг., и о калейдоскопических событиях первой половины 20-х гг. XX в., когда происходило подавление партизанского движения на территории восточных воеводств, и именно рассказы участников тех эпохальных исторических событий служили важнейшим оружием и средством полонизации, так как польскими офицерами, приводились, как правило, искаженные факты, которые характеризовали белорусских повстанцев в качестве агентов Советской России, выполнявших преступные и антигуманные приказы с целью уничтожения Второй Республики. Также, по воспоминаниям бывших польских легионеров, Москва стремилась в первой

половине 20-х гг. XX в. не только воссоздать в территориальном отношении рухнувшую в 1917 г. Российскую империю, но и вновь поработить польское, белорусское, украинское и литовское население. Также имелись случаи, когда в гости к радиоведущим данной рубрики приходили и отличившиеся рядовые солдаты, показавшие свои индивидуальные успехи в стрельбе или в физической подготовке, и такие «отличники военной подготовки» обрисовывали для собравшихся у радиоприемников слушателей самые лучшие итоги нахождения польских военных формирований на территории восточных воеводств, поскольку польские солдаты, по их заверениям, обеспечивали круглосуточно мирное небо над головами обычных граждан, это и служило для них главной заслугой в несении военной службы⁷⁵⁴.

Вторым техническим средством, помогавшим наладить культурно-массовую работу польских военнослужащих, служили мобильные станции. Они пользовались не меньшим любопытством у гражданского населения, поскольку коренные жители северо-востока Польши посещали с большой охотой именно те просветительские лекции и культурные мероприятия, во время которых широко использовались различные технические приборы, предназначенные для проецирования на экран различных картинок и слайдов. К их числу относились диапроекторы, эпидиаскопы и синемографы. Функционирование данных приборов способно было привлечь внимание крестьянского населения, которое в массе своей впервые сталкивалось подобными достижениями научно-технического прогресса, даже были зарегистрированы случаи, когда местное население причисляло приезжий технический персонал к категории волшебников, которые с помощью своих таинственных способностей оживляли стены служивших экраном хозяйственных строений посредством удивительных двигавшихся картинок, правда, на смену веры в магию приходило полное разочарование зрителей

⁷⁵⁴ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3–4... 1937. S. 26–29.

тогда, когда происходили сбои в показах, вызванные техническими причинами, и такие поломки происходили достаточно часто⁷⁵⁵.

Массовой формой просвещения гражданских лиц восточных воеводств являлись также передвижные кинотеатры, ключевыми элементами которых являлись фонографы, радиоприемники и живые слова диктора, который своей правильно поставленной речью доносил до зрителей и слушателей необходимые комментарии к той информации, которая демонстрировалась им на экране при помощи черно-белых и цветных слайдов⁷⁵⁶. Большую роль играли оптические приборы, которые позволяли вести показ различных картинок и фотографий. Данные технические устройства являлись популярной формой визуализации информации на всех просветительских мероприятиях, что объяснялось двумя весомыми причинами: во-первых, они не требовали особых финансовых затрат, во-вторых, привлекали к себе интерес гражданских лиц, которым было любопытно увидеть подобные технологические новшества в области проекционной аппаратуры, с помощью которой осуществлялся не только показ различных слайдов, но и кинофильмов. Экраном для них могла служить стена «дома культуры» или «солдатского дома», а если не удавалось настроить показ таким способом, то в качестве экрана могли использоваться различные белые ткани (простыни, плотные оконные шторы), с помощью которых и происходил процесс визуализации. Цена входного билета, составлявшая не более 10 грошей, являлась скорее символической⁷⁵⁷. После прибытия военнотружущих польской армии в тот или иной населенный пункт сельской местности, где на вечер был запланирован просмотр соответствующего просветительского, пропагандистского или художественного фильма, в специальном помещении, которым чаще всего выступали стены «дома культуры», происходила установка кинопроектора или же проекционной камеры. В том случае, если количество собравшихся в помещении зрителей превышало его вместимость,

⁷⁵⁵ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 1–2... 1937. S. 35–36.

⁷⁵⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 6–8... 1936. S. 12.

⁷⁵⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 5–6... 1939. S. 100.

то демонстрация кинолент перемещалась на открытый воздух, где экраном служила его внешняя стена⁷⁵⁸. Но кинопоказ на открытом воздухе был рискованным делом, поскольку резко ухудшившиеся погодные условия могли испортить приятное времяпровождение зрителей и к тому же причинить ущерб самой киноаппаратуре. Вместе с тем такая форма культурно-массовой работы являлась эффективной, так как она позволяла собрать больше зрителей, которым следовало убедиться своими глазами в достижениях польской нации в различных областях материальной и духовной культуры.

Помимо кинокартин развлекательного жанра польский кинематограф был призван донести до крестьянского населения восточного пограничья рациональные методы ведения сельского хозяйства, которыми оно могло воспользоваться для улучшения экономической ситуации, как своего родного края, так и всей страны в целом⁷⁵⁹. Но просмотр подобных кинофильмов, способствуя возникновению у сельских жителей внутреннего интереса к разрешению многих экономических вопросов, не мог по объективным причинам привести к переводу освоенной таким образом теории в практическое русло, поскольку в сложных экономических условиях восточных воеводств выполнение рядовым крестьянином всех без исключения демонстрировавшихся на киноленте правил ведения животноводства и сельского хозяйства не представлялось возможным. Экономическая модель, которая навязывалась польским правительством восточным окраинам, не предполагала внедрения таких технических достижений, которые смогли бы продемонстрировать свою эффективность в небольших крестьянских хозяйствах восточного пограничья, в то время как латифундисты-осадники были оснащены всем необходимым, и показ подобных кинолент был для них значительно полезнее, нежели для той основной массы сельских жителей, которая продолжала владеть жалкое существование, являясь безземельными или малоземельными крестьянами.

⁷⁵⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 7.

⁷⁵⁹ Ibidem.

Кроме культуры не менее важная роль в успехе политики полонизации принадлежала и христианской религии, господствовавшая ветвь которой - католицизм был возведен Конституцией 1921 г. в ранг государственного вероисповедания. На территории «белорусских» воеводств Польши коренное население исторически придерживалось двух главных ветвей христианства – католицизма и православия. Но так как польское правительство в межвоенный период в своих постановлениях возводило католицизм в ранг вершины всей духовной жизни, о чем говорила и «Мартовская» конституция 1921 г., то национальная политика полонизации была направлена на пресечение деятельности православных иерархов, которые еще со времен Российской империи обладали в ее западных губерниях движимым и недвижимым имуществом, поэтому в первой половине 20-х гг. XX в. начался процесс перевода имущества православных храмов в собственность католической церкви, которая напрямую подчинялась не римскому папе, а государственному руководству Польши. Эта важная составляющая политики полонизации получила в межвоенный период название «ревиндикации», сторонники которой стремились перевести белорусское национальное меньшинство северо-востока Второй Речи Посполитой в лоно католицизма путем закрытия православных приходов, а также увольнения православных священнослужителей. Переходу имущества православной церкви польским католикам поспособствовал и парламент Польши, депутаты которого в большинстве своем выражали полную солидарность с необходимостью формирования католического мировоззрения в сознании национальных меньшинств восточных воеводств, так как это, по их заверениям, способствовало укреплению обороноспособности всей страны, поскольку перешедший в католицизм белорус должен был стать верным союзником и проводником решений польской власти, в то время как белорус православного вероисповедания⁷⁶⁰ рассматривался в качестве агентуры СССР.

⁷⁶⁰ Более 90% белорусского населения Восточных воеводств были православными. См.: Drozdowski VM. The National Minorities in Poland in 1918–1939 // Acta Poloniae Historica. T. 22. 1970. S. 240.

Цель ревиндикации разъяснялась польской администрацией православному населению восточных областей в искаженной форме, а именно: во-первых, польские чиновники и ксендзы заявляли, что православные церкви и часовни по истечению своего столетнего функционирования пришли в полную негодность, представляя угрозу для жизни мирян; во-вторых, им заявлялось, что помещения их церковных обителей следовало отдавать под выполнение новых социальных функций, что, несомненно, должно было сказаться в лучшую сторону на повседневной жизни местных жителей; в-третьих, конфискация православного недвижимого и движимого имущества объяснялась тем, что согласно официальным переписям населения 1921 и 1931 гг. количество православных в стране сокращалось из года в год, а количество католиков только увеличивалось, что влекло за собой необходимость открытия новых католических церквей для удовлетворения религиозных нужд численно возросшей католической паствы⁷⁶¹. Последний аргумент раскрывался польским правительством с позиций искаженных статистических данных, согласно которым в течение первого десятилетия независимого существования Второй Речи Посполитой на один христианский храм приходилось в среднем 2 500 католиков и 1 600 православных, а на одного католического священника падало 2 400 верующих христиан, в то время когда паства православного священнослужителя составляла только 1 880⁷⁶². Поэтому польское правительство стремилось значительно усилить политику ревиндикации, но не с целью окончательного закрытия православных приходов в восточных воеводствах, так как необходимо было только значительно сократить размер недвижимого имущества православной церкви, что позволяло, признавая за православными церковными учреждениями финансовую эффективность, урезать выделявшиеся на их содержание бюджетные статьи. Но подобная статистика давала искаженное

⁷⁶¹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał... 1930. S. 169.

⁷⁶² Ibid. S. 170.

представление о численном соотношении католиков и православных. Так, к началу 30-х гг. XX в. во Второй Речи Посполитой общее количество православных насчитывало около 3 млн. 500 тыс. человек, а количество действующих православных церквей и храмов составляло приблизительно 2 тыс., из которых 990 являлись приходскими, 794 служили в качестве часовен, а 316 были филиалами православных церквей в сельской местности. Общая численность православных священнослужителей составляла 1 792 человека⁷⁶³.

Дискриминационная религиозная политика польских властей встречала мощное сопротивление со стороны, как обычных православных мирян, так и тех лиц, которые представляли собой немногочисленную прослойку национальной патриотической интеллигенции, отстаивавшей в межвоенный период интересы коренного населения восточных воеводств в печати, в стенах двухпалатного парламента и на митингах. Так, распространенной формой борьбы белорусской интеллигенции являлось составление многочисленных жалоб, в которых содержались требования возвращения всего церковного движимого и недвижимого имущества, переданного католическим приходам. Составленные таким образом документы могли не только направляться в комиссии Лиги Наций, но и подаваться в качестве судебных исков в польские органы юстиции. Могла возникать также и обратная ситуация, когда одобренные судебные решения о возвращении православной церкви изъятого у нее имущества оспаривались в судебном порядке, например, в 1929 г. в Вильно⁷⁶⁴, Пинске⁷⁶⁵ и Луцке⁷⁶⁶ духовные иерархи католицизма выиграли судебные процессы, добившись возвращения под свою юрисдикцию тех католических приходов, которые ранее были переданы православной церкви⁷⁶⁷. Количество выигранных католической

⁷⁶³ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał... 1930. S. 170.

⁷⁶⁴ Римско-католическая епископальная курия в Вильно добилась возврата 113 приходов.

⁷⁶⁵ Римско-католическая епископальная курия в Пинске добилась возврата 210 церквей.

⁷⁶⁶ Римско-католическая епископальная курия в Луцке добилась возврата 113 приходов.

⁷⁶⁷ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 125.

церковью судебных исков достигло к 1930 г. более 700⁷⁶⁸. Но православные иерархи, опираясь на помощь белорусских интеллектуалов, не отказывались от продолжения борьбы, стремясь привлечь внимание рядовых граждан к проблеме захвата православных приходов и святынь с помощью различных воззваний и статей в периодической печати с целью вызвать не только сочувствие и сострадание к положению православной церкви в Польше, но и открытый протест. Так, в октябре 1928 г. в оппозиционной печати было распространено воззвание митрополита Дионисия, в котором православный иерарх заявлял, что если церковное имущество будет ежегодно переходить католическому престолу, то православные прихожане лишатся, в конечном счете, всех молебных мест, где веками их предки совершали свои молитвы Богу, и чтобы не допустить этого митрополит Дионисий призывал своих православных единоверцев вставать грудью на защиту своих святынь, правда, в самом конце своего воззвания митрополит все же предложил организовать только денежные пожертвования для борьбы с агентами ревиндикации в судебном процессе⁷⁶⁹.

Также судебные процессы, инициированные католическими епископами с целью получения земель православных церквей и храмов, могли побуждать религиозных экстремистов из числа восточнославянского населения к прямым оскорблениям и угрозам католическим иерархам, которые выполняли свои должностные функции на территории «белорусских» воеводств. Например, в конце апреля 1930 г. в Пинске состоялся съезд католических епископов, во время которого антиправительственная пресса славянских меньшинств начала выпускать специальные номера, на страницах которых помещались ярко выраженные антикатолические лозунги и призывы, подстрекавшие православных христиан выразить католическим епископам свое возмущение политикой ревиндикации путем всевозможных протестов и митинговых собраний⁷⁷⁰.

⁷⁶⁸ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał... 1930. S. 128.

⁷⁶⁹ Ibid. S. 129.

⁷⁷⁰ Ibid. S. 159.

Ревиндикация, не затрагивая интересы одной лишь православной церкви, преследовала цель утвердить польский язык в тех католических приходах «белорусских» воеводств, церковные службы в которых проходили на национальных языках – белорусском и литовском. В этом случае белорусы должны были не только совершать католические религиозные обряды, но и предаваться молитве исключительно на государственном языке – польском. Данная политика, не встречая также сочувствия со стороны католического непольского населения восточных воеводств, вызывала случаи выражения категорического несогласия с ней. 4 мая 1930 г. в Вильно состоялся крупный литовско-белорусский католический Конгресс с целью продемонстрировать польским властям совместно выработанную непримиримую позицию литовцев и белорусов по вопросу о необходимости использования в церквях и религиозных гимназиях северо-востока Второй Республики именно национальных языков. Принимать на церковную службу следовало, по мнению участников указанного Конгресса, католических священников литовской и белорусской, а не польской идентичности. Работа данного конгресса носила массовый характер, так как на нем присутствовало около 300 делегатов, белорусов среди которых представляли члены ХДП. Деятельность указанного конгресса запомнилась множеством выступавших ораторов, которые заявляли о необходимости отстаивать национальные права литовцев и белорусов не только в сфере их религиозной жизни, но и в системе образования. Так, была высказана идея активизировать работу президиума литовско-белорусского Конгресса таким образом, чтобы вынудить польское правительство снять незаконные ограничения, касавшиеся открытия на селе национальных школ. Сразу же закипела работа и по ее итогам был образован целый Комитет, члены которого в количестве 6 человек (по 3 представителя, как от литовцев, так и от белорусов) составили в считанные дни множество обращений в адрес не только польских властей, но и церковных католических иерархов Польши, а также отдельный экземпляр

был направлен папскому священному престолу⁷⁷¹. Особенность работы данного Конгресса заключалась в том, что его участники осознали опасность насаждения польского языка в религиозной католической сфере, так как вытеснение белорусского языка из церкви означало окончательную потерю белорусами их культурно-духовного «кода», которым выступал родной для них язык.

Поэтому польская католическая церковь на северо-востоке страны испытывала значительные трудности, которые порождались главным образом не протестом обычных крестьян, являвшихся в массе своей пассивным элементом в борьбе за свою культурно-духовную и религиозную автономию, а действиями крайних литовских и белорусских националистов. Они, не являясь принципиальными противниками христианского вероучения католического образца, считали деятельность польских католиков вредоносной, поскольку польские иерархи с римским папой не учитывали в заключенном между ними Конкордате, национальные особенности белорусов и литовцев. Они рассчитывали сохранить возможность слышать церковные проповеди и песнопения на своем родном языке, а не на польском или латыни. Прихожане «белорусских» воеводств католического вероисповедания, по мнению националистической белорусской и литовской интеллигенции, предпочитали видеть во главе церковного прихода именно родного для них ксендза, который являлся с ними одной крови, одной земли и одного мировоззрения, в то время как настоятелями католических церквей выступали духовные отцы польской национальности, которые прибывали из западно-центральных областей Второй Республики и относились пренебрежительно в большинстве своем к местному населению.

Поэтому националистические круги составляли жалобы и своего рода петиции, которые направлялись как польскому правительству, так и в международный орган защиты прав национальных меньшинств – Лигу Наций; правда, все подобные инициативы так и не возымели своего действия,

⁷⁷¹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał... 1930. S. 78–79.

выполняя скорее функцию сотрясения воздуха. В реальной жизни католический престол продолжал в восточных воеводствах осуществлять свою духовную и имущественную экспансию. В то же время следует упомянуть о неоднократных встречах архиепископа и митрополита Виленской курии Ромуальда Ялбжиковского с белорусскими и литовскими националистическими лидерами, в ходе которых он стремился заверить их в том, что процесс утверждения католической веры с помощью Ватикана не преследует цель подавления национального самосознания, как белорусов, так и литовцев, а более того, по заверениям Р. Ялбжиковского, католические священнослужители польской идентичности должны выступать, верными союзниками тех белорусов и литовцев, которые стремились избавиться от многовекового владычества Московского патриархата. И в этом крылось лукавство архиепископа Ялбжиковского, так как в своих проповедях он заявлял православному населению северо-востока Польши, что политика ревиндикации призвана восстановить попорченную в царские времена справедливость, а именно: вернуть католикам то имущество, которое с 1839 по 1875 гг. было изъято у них и незаконно передано Русской Православной Церкви. Вместе с тем данная религиозная политика польского правительства, по словам архиепископа, не преследовала цель полной ликвидации православного вероисповедания в Польше путем незаконного захвата церковных зданий и сооружений⁷⁷².

В связи с этим следует остановиться особо на выяснении роли и позиции БХД в религиозном процессе ревиндикации: несмотря на то, что белорусские христианские демократы стояли на твердых позициях утверждения христианского вероисповедания католического образца среди коренного населения северо-восточных земель Польши, это отнюдь не означало, что идеологи БХД всячески оправдывали политику Ватикана, в связи с чем ими открыто заявлялось, что белорусы во Второй Речи Посполитой не должны были идти на сотрудничество со сторонниками, как

⁷⁷² Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 124–125, 128.

атеистического СССР, так и клерикальной Италии, по отношению к которым истинные белорусы должны были проявлять в открытой форме свое негативное отношение, поскольку такие лица являлись предателями своих братьев и сестер, которые не желали добиться национального освобождения от Москвы и Рима, а готовы были раболепно служить системе московского православия и римского католичества⁷⁷³. Активисты БХД составляли также многочисленные жалобы, которые направлялись в Лигу Наций, и на их страницах они обвиняли польское правительство в нарушении всех заключенных международных соглашений и внутренних законодательных норм, касавшихся прав национальных меньшинств. Но при этом белорусские христиан-демократы не выступали за физическое уничтожение православных церквей, храмов и священнослужителей, стоя на принципиально иной позиции, согласно которой лица белорусской национальности должны были самостоятельно выбирать между православием и католичеством, прилагая при этом должные усилия для миссионерской деятельности, чтобы большая часть белорусских мирян влилась в лоно именно католичества, но полное уничтожение восточного христианства казалось им в то же время абсолютно недопустимым, поскольку оно могла повлечь за собой еще более сильную борьбу, грозившую вылиться в так называемые «религиозные войны»⁷⁷⁴.

Политика ревиндикации проводилась на территории «белорусских» воеводств не только с помощью католических священнослужителей и польских чиновников, но и при широком участии вооруженных сил. Приступая к рассмотрению участия военнослужащих польской армии в мероприятиях политики ревиндикации, необходимо отметить, что их духовным отцом на территории всех восточных областей являлся католический епископ – Владислав Бандурский. Он носил титул духовного отца в знак уважения за свои заслуги во время советско-польской войны 1919–1920 гг., когда он оказался на фронте вместе с рядовыми польскими

⁷⁷³ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 10.

⁷⁷⁴ Ibid. S. 23.

солдатами. С наступлением мирных времен он активно посещал места несения военной службы в восточном пограничье, совершая не только богослужения, но и общаясь непосредственно с офицерами и рядовыми солдатами. Участие во встречах с епископом становилось для солдат особым моментом всей их жизни, поскольку они знали, что В. Бандурский напрямую общался с Ю. Пилсудским и был для него одним из героев войны за независимость польской нации⁷⁷⁵, а в процессе контактов с белорусским населением он указывал на необходимость утверждения католического вероисповедания среди всех польских граждан, которые ранее были обмануты ложными лозунгами русских, т.е. именно Москва лишила белорусов их истинной католической веры, навязав им чуждый язык, поэтому поляки, закрепившие за собой восточные окраины обязаны были восстановить здесь историческую справедливость.

Анализ участия польской армии в насаждении политики ревиндикации следует начать с того, что воскресные богослужения, проходившие в присутствии, как рядовых прихожан из числа крестьян, так и военнослужащих, проводились католическими священнослужителями не только в целях приобщения их к Богу, но и в интересах польской правящей верхушки, так как их проповеди были нацелены на закрепление в сознании паствы следующей государственной идеи: возрождение Польского государства было предначертано свыше, а его присутствие в районах проживания белорусского и литовского населения являлось благом для них. «Отец польской нации» Ю. Пилсудский уподоблялся во время религиозных богослужений пророку Моисею, который дал своему народу свободу и благосостояние, обеспечив ему защиту от неверующих. Под последними подразумевалась Советская Россия, которая уже в 1919–1920 гг. якобы стремилась завоевать «обетованную землю» Польши. Поэтому белорусам следовало, по утверждению пропаганды, относиться к полякам как к своим главным избавителям от преступной коммунистической идеологии и

⁷⁷⁵ Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej... 1927. S. 4.

вытекавшего из нее общественного строя, несовместимого с христианским вероучением⁷⁷⁶.

После завершения ксендзом церковной службы, которая в дни национальных праздников могла проводиться также в форме торжественной мессы, слово для обращения к верующим предоставлялось представителям польской армии, в качестве которых выступали обычно офицеры, которые, пользуясь скоплением католических прихожан, стремились донести до их сердец польскую национальную идею. Тексты подобных выступлений составлялись польскими военными не самостоятельно, а с использованием готовых шаблонов, подготовленных политработниками, так, в такого рода методических рекомендациях особо разъяснялось, что католическим прихожанам необходимо было донести следующую мысль о социальной заботе со стороны Польского государства: «...Польское государство – это не только название некоего политического творения, но и инструмент для добрых дел, и знак царствования Царства Божия на земле»⁷⁷⁷. Указанное определение возрожденной Польши несло в себе три конкретных идеологических цели для жителей восточных областей: во-первых, Польское государство являлось единым политическим организмом, в границах которого веками проживало неоднородное в культурно-духовном и этноконфессиональном плане население; во-вторых, Вторая Республика являлась не только частью современного европейского общества, но и представляла собой эталон истинного христианского мира, где каждый гражданин мог получить, как церковное очищение своей плоти и души с помощью таинств католической церкви, так и все доступные социальные гарантии своей жизнедеятельности, которые призваны были укрепить его материальное благосостояние.

Деятельность польской армии, не замыкаясь в стенах католических костелов, была обращена и к личной жизни прихожан для того, чтобы

⁷⁷⁶ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9... 1936. S. 18.

⁷⁷⁷ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 9–10... 1938. S. 185.

окончательно утвердить среди них польскую национальную идею. Унтер-офицерам строго предписывалось присутствовать не только на различных мероприятиях, проводившихся по случаю государственно-национальных праздников возрожденной Польши, оказывая воздействие на формирование лояльного отношения местных жителей, но и во время узкосемейных религиозных торжеств, например, на Рождество Христово, которое, разумеется, всегда отмечалось в Польше по католическому календарю. Более того, польским военным пропагандистам требовалось минимум за пять дней до наступления Рождества составить такой план действий, который позволил бы им не просто дойти по заснеженным тропам в сельские населенные пункты, но и провести как можно больше бесед о значимости данного религиозного праздника в жизни каждого христианина католического вероисповедания, а также связать это торжество с Польским государством, объясняя при этом прихожанам и обывателям, что без воли Провидения и милости Божьей возрождение Второй Речи Посполитой могло и не состояться вовсе, поэтому закономерно, что покровительницей Польши образ святой Девы Марии, которая и родила Спасителя для всего человечества в лице Христа⁷⁷⁸. На сцене сельских домов культуры восточных воеводств проводились накануне Рождества различные увеселительные мероприятия с участием местного населения, которое выступало на подобных праздниках не только в качестве главного зрителя, но и в роли актеров, например, популярным был так называемый ежегодный концерт «Рождественских песен»⁷⁷⁹, на котором свои вокальные таланты могли продемонстрировать не только военнослужащие польской армии, но и обычные жители, духовно заинтересованные в праздновании католического Рождества, считая своей первой обязанностью восславить Христа с помощью исполнения того или иного музыкального произведения. Польские военнослужащие устраивали в восточных областях в предрождественский период отдельно для

⁷⁷⁸ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 3... 1936. S. 9.

⁷⁷⁹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 4–5... 1936. S. 7.

крестьянских детей специальные празднества, которые проходили под аккомпанемент военного оркестра⁷⁸⁰.

Имелись и такие дни в религиозном календаре, когда двигавшиеся по улицам населенных пунктов восточных воеводств процессии были довольно многочисленными, и основной целью таких мероприятий являлось приобщение местного населения к польской национальной идеи, например, сельское население упомянутой выше деревни Чурилово было обязано в межвоенный период посещать ключевые государственные и религиозные праздники, которые проводились по инициативе военнослужащих и католических священнослужителей, (последние были призваны также ликвидировать национальное самосознание жителей Чурилово, большинство из которых продолжали ассоциировать себя с православной белорусско-русской идентичностью). Например, ежегодно 2 ноября в так называемый «День поминовения всех усопших» деревенские жители Чурилово приходили в сопровождении польских военнослужащих и под руководством ксендза на местное кладбище, устраивая церемонию минуты молчания, которая символизировала дань памяти всем тем полякам, которые пожертвовали своей жизнью ради того спокойствия и мира, которое должны были ощутить на себе все граждане возрожденной Польши, в том числе это касалось и крестьян деревни Чурилово, которые во время поминовения католическим священником погибших за Польшу обязаны были снять головные уборы и преклонить свои головы⁷⁸¹.

Директивы о проведении мероприятий, осуществлявшихся в рамках «политики памяти», спускались на места из Варшавы и последовательно претворялись в жизнь польскими военнослужащими в соседней с Чурилово деревне Виджата, где политика полонизации имела, несомненно, больший успех, нежели в Чурилово по причине большей лояльности ее жителей, так как в данной местности проживали те белорусы, которые исповедовали на

⁷⁸⁰ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 11–12... 1937. S. 22.

⁷⁸¹ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 26.

протяжении веков католицизм. Если строительная деятельность польских военных в деревне Чурилово проявилась в быстром возведении здания школы, которое использовалось в рамках политики полонизации, то крестьянские жители Виджаты нуждались в духовно-культурном укреплении их связей с польской нацией, поэтому военнослужащие КОП возвели при поддержке римско-католического руководства Второй Республики там церковь⁷⁸², в которую из Варшавы были привезены различные подарки, представлявшие собой церковную утварь, а торжественное открытие католического костела широко освещалось в печати, так как необходимо было показать польским гражданам, что католицизм являлся не чуждым элементом для сельских жителей восточных воеводств⁷⁸³.

Польские военнослужащие активно взаимодействовали не только с представителями католицизма и православия, но и вели работу с другими религиозными общинами, которых насчитывалось на территории восточных воеводств более десяти. Так, сильными позициями обладала греко-католическая церковь, особенно среди воеводств Второй Республики, население которых причисляло себя к украинской национальности, где так называемый «византизм» принимал националистические черты украинизации. Богослужения в греко-католических храмах должны были проходить не просто на украинской «мове», но и при использовании исключительно украинской национальной атрибутики. Например, молитвы и песнопения произносились прихожанами на украинском языке и в соответствующих национальных костюмах⁷⁸⁴. Духовным отцом и подвижником данного националистического направления являлся архиепископ Львовский Андрей Шептицкий, деятельность которого была направлена в межвоенный период на завоевание независимости украинской нацией. Униатство пыталось также успешно укорениться в восточном

⁷⁸² Необходимость укрепления католического вероисповедания с помощью строительства костела в деревне Виджата объяснялась еще тем, что в 12 км от нее располагалась православная обитель в деревне Леонполь, которая выступала барьером антипольского влияния, в связи с чем необходимо было создать «конкурентную среду» в борьбе за духовное мировоззрение белорусских мирян.

⁷⁸³ Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Nr. 2... 1936. S. 26–27.

⁷⁸⁴ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)...1930. S. 127.

пограничье, но польская администрация пресекала любые попытки распространения на территории «белорусских» воеводств униатского религиозного движения не только с помощью жандармов, но и солдат, которые производили аресты тех религиозных деятелей, которые несли в массы христианское учение восточнославянского образца, и такие репрессивные действия силовых структур Польши имели не только положительный результат, но и отличались высокой оперативностью работы их исполнителей, поскольку полицейские и военнослужащие были заранее оповещены о местонахождении униатов. Священнослужители греко-католической церкви вели свою работу на территории восточных воеводств открыто, поэтому их задержание не представляло особой трудности для польских силовых структур, поскольку было доподлинно известно, что, например, на территории Виленского воеводства действовало 6 крупных униатских приходов, которые находились в Вильно, Миколаюве Поставе, Альбертине, Зелвянах, Фастах и Синковичах; более того, польскими властями были точно установлены личности всех униатских священнослужителей, которые совершали богослужения в этих приходах, а что касается точного количества мирян, то были зафиксированы следующие цифры: с 1921 по 1930 гг. общее число приверженцев униатского вероучения среди граждан всей территории Виленской архиепархии доходило до 600 человек. К тому же было установлено, что униаты имели помимо своих приходов и вспомогательные религиозные организации и группы, например, для пропаганды униатского наследия среди женского населения Виленского края действовало специальное униатское «Общество сестер миссионеров Сердца восточного обряда в Вильно», активистки которого приходили на помощь тем матерям, которые отправляли сквозь слезы своих сыновей проходить армейскую службу в западно-центральных областях Польши; разнообразную миссионерскую деятельность вели и другие униатские братства, например, «Общество Иисуса в Вильно». Вторым центром распространения униатства восточнославянского толка являлась Пинская епархия, в которую входило 7

приходов (в Бобровичах, Делятичах, Гродно, Косно, Курашено, Ольпене и Торокане), и общее число прихожан к концу 20-х гг. XX в. составляло 5 тыс. человек. Третьим центром сосредоточения униатов являлось Подляшье, где в первое десятилетие независимого существования Польши верующих униатского толка насчитывалось около 2 тыс. человек. В целом, униатское религиозное движение в «белорусских» воеводствах не представляло для польских властей серьезной проблемы и угрозы, так как их деятельность не велась в законспирированной форме и не носила революционного характера, а общее количество прихожан к концу существования Второй Речи Посполитой не превышало 17 тыс. человек, благодаря умелым действиям силовых министерств Польши удавалось держать униатов под государственным контролем⁷⁸⁵.

Можно лишь добавить, что в 30-е гг. XX в. греко-католическая церковная организация была наиболее опасной для Польского государства в тех восточных воеводствах, где преобладало украинское национальное меньшинство, поскольку лидеры украинских националистов в межвоенный период активно выступали за создание так называемой «Вольной Украины», прививая сельским детям и подросткам, имевшим украинское происхождение, идею о необходимости в скором будущем встать с оружием в руках на борьбу за свое освобождение не только от помещичьего гнета поляков, но и от диктатуры большевистской России⁷⁸⁶.

Но католическая церковь, опираясь на поддержку польских властей различных уровней и военных, умело стравливала между собой православных и униатов своей политикой в восточных воеводствах. И успех подобной работы сложно представить без помощи провокаторов, которым удавалось возбудить толпу верующих с помощью правильно подобранных эмоциональных слов и призывов до такой степени, что верующие впадали в большинстве случаев в состояние религиозного экстаза, утрачивая

⁷⁸⁵ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929 (kwiec./czerw.)... 1929. S. 113–114.

⁷⁸⁶ Ibid. S. 114.

способность нести ответственность за свои последующие высказывания и действия в отношении религиозных оппонентов. Имели место, в том числе, случаи, когда противоборствующие стороны, не находя никакого другого выхода, пускали в ход кулаки. Это произошло, например, в апреле 1930 г. в селе Старосельцы Белостокского воеводства, где на местном кладбище в помещении православной часовни произошли обмен словесной бранью и потасовка между православными и униатами, которых насчитывалось в общей численности около 300 человек. Данный конфликт начался по той причине, что службу в православной часовне проводил униатский священник по имени Гапанович, что и вызвало возмущение со стороны православных мирян, которые расценили это как проявление оскорбления религиозных чувств всех христиан православного вероисповедания⁷⁸⁷. Следует отметить, что своевременно прибывшие представители силовых структур сумели не допустить кровопролития, правда, окончательного разрешения конфликта при посредничестве местных органов власти так и не последовало, поскольку польские власти были кровно заинтересованы в сохранении, а при возможности и в углублении состояния вражды между двумя христианскими церквями, чтобы удобнее было осуществлять контроль за обеими враждующими сторонами, пользуясь широко известным принципом – «разделяй и властвуй».

На территории северо-востока Польши существовали в межвоенный период и другие крупные христианские ответвления. В частности, речь идет о баптистах, которые не обладали существенным влиянием на коренное население, имея, тем не менее, прочные позиции в Полесском и Белостокском воеводствах, где функционировал насчитывавший 3 тыс. последователей так называемый «Союз церковей Христа» во главе с Константином Ярошевичем, паства которого, вступила в теснейшие отношения с немецкими баптистами, количество которых достигло вскоре около 5 тыс. человек. Духовным наставником последних являлся пастор Л. Микса. И такие теснейшие

⁷⁸⁷ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał... 1930. S. 159.

отношения между восточнославянскими и немецкими баптистами привели в 1926 г. к образованию единого Капитула, коллегиального органа, руководимого Л. Миксой и К. Ярошевичем совместно; только данная организация существовала номинально, так как центр немецких баптистов находился в Варшаве и Лодзи, а восточных славян-баптистов – в Кобрине. Но наиболее крупной группой евангельских христиан являлось объединение под названием – «Союз славянских, христианских и баптистских церквей», насчитывавший более 10 тыс. человек, и имевший свой крупный центр в Варшаве⁷⁸⁸. Баптисты не вмешивались в основном в политические дела Второй Республики, посвящая свою жизнь чтению Священного писания и проведению еженедельных воскресных богослужений, которые не отличались пышными и торжественными обрядами, а в остальные дни баптисты занимались с усердием физическим трудом. Подобный образ религиозной жизни баптистов-христиан не ставил под сомнение легитимность Польского государства, что существенно облегчало в этом отношении работу силовых структур страны⁷⁸⁹.

Близкой по своим обрядам религиозной группой к баптистам выступали так называемые «пятидесятники», которые исповедовали христианское учение на территории Волынского и Полесского воеводств, а религиозным лидером «пятидесятников» на Полесье являлся К. Леонович. «Пятидесятники» выступали противниками евангелистов-баптистов, стремясь утвердить свое религиозное учение в Новогрудке и Тернополе. Именно их отношение к существовавшей в Польше политической и экономической действительности было исключительно негативным, так как они отрицали действовавшие социальные обязательства членов польского общества, отказываясь уплачивать налоги и отправлять своих детей на военную службу. Численность данной разновидности сектантства составляла в восточном пограничье около 7 тыс. человек, что вызывало понятную

⁷⁸⁸ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 136–137.

⁷⁸⁹ Ibid. S. 137.

настороженность у польских военных, полиции и жандармерии, которые опасались, что действия извративших христианское вероучение сектантов были чреваты в обозримом будущем возникновением серьезных народных волнений под антиправительственными лозунгами, что могло подрвать внутреннюю стабильность Польского государства и привести к ослаблению его внешней обороноспособности, поэтому польская жандармерия, опираясь на содействие военнослужащих устраивала облавы на «пятидесятников» во время их религиозных собраний и сходов⁷⁹⁰. Они были воинственно настроены в отношении православного населения «белорусских» воеводств, чем пыталась воспользоваться польская власть, которая стремилась утвердить тем самым свое административное, культурное и военное господство. Отмечались также случаи, когда во время потасовок «пятидесятников» с православными происходило вмешательство силовых структур страны, например, в начале 1931 г. на территории Пинского повята были зафиксированы многочисленные случаи драк между представителями ортодоксального христианства и сектантами, в результате чего полицейское и военное присутствие на его территории из года в год только усиливалось⁷⁹¹.

На территории Польши действовали еще семь других более мелких религиозных христианских сект, насчитавших в своих рядах около 6 тыс. человек, две из которых действовали на территории Полесского воеводства под названиями «Ученики Христа» и «Свободные или решительные христиане», члены которых не только вели пропаганду переделанного на свой лад христианского учения, но и активно проявляли на практике присущий им религиозный фанатизм; последнее проявлялось в открытых антигосударственных выступлениях, например, сектанты демонстративно отказывались поступать на службу в польскую армию, аргументируя это тем, что христианское вероучение отвергает практику взятия оружия в руки с

⁷⁹⁰ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 138.

⁷⁹¹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych. 1931, I kwartał. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1931. S. 146.

целью совершения убийства других людей, и в борьбе с такими «христианами» польская власть прибегала к помощи полиции и военных⁷⁹².

В восточном пограничье действовали и другие христианские секты, которые стремились завоевать расположение прихожан не в пределах целых воеводств Польши, а в отдельных образовательных учреждениях. Так, белорусская молодежь в Вильно, Радошковичах и Клецке испытывала сильное религиозное воздействие так называемых «методистов», которые принадлежали к христианской секте «методизма», сторонников которой насчитывалось в межвоенной Польше около 2 тыс. человек. Они выступали против остальных ортодоксальных религиозных учений, стремясь придать подрастающему поколению белорусских местечек уверенность в своих силах, которые позволят им не только напрямую общаться с Богом, но и создадут все необходимые условия для обустройства своей будущей жизни⁷⁹³; сторонники «методизма» вели усиленную религиозную пропаганду среди белорусского населения Польши по той причине, что, как считали их духовные лидеры, оно находилось не под таким сильным административно-репрессивным контролем, который имел место в украинских районах восточных воеводств. Данная работа «методистов» увенчивалась, как правило, достижением полного успеха, так как они предпочитали использовать для повседневного общения с белорусами их национальный язык, а не польскую «мову», и, вербуя местное население в члены своей религиозной секты во время церковных богослужений, «методисты» использовали именно белорусский, а не церковнославянский или латинский языки. Действуя таким способом, главарям секты удавалось переманивать на свою сторону огромное количество польских граждан белорусской национальности, а само значение данной секты увеличилось в итоге до такой степени, что «методисты» даже осуществляли шефство над белорусской средней школой, которая располагалась в Клецке⁷⁹⁴.

⁷⁹² Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 137.

⁷⁹³ Ibid. S. 138.

⁷⁹⁴ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał... 1930. S. 181.

Единичными и малозначительными религиозными сектами, действовавшими на территории «белорусских» воеводств, являлись следующие организации – «Адвентисты»⁷⁹⁵, «Меннониты»⁷⁹⁶, «Исследователи Священного писания»⁷⁹⁷ и «Старая Церковь»⁷⁹⁸. Другой крупной сектой являлась «Мариавитская церковь»⁷⁹⁹, которая имела своих адептов и в Восточных воеводствах, где они выступали как против католиков, так и против православных, не признавая также возможности объединения католичества с православием в виде униатства; особая активность данной секты наблюдалась в Виленском крае⁸⁰⁰.

Деятельность различных сектантских религиозных групп христианского толка продолжалась в Польше вплоть до сентября 1939 г., например, осенью 1930 г., когда проходили выборы в двухпалатный парламент в Варшаве, на территории Виленщины была образована секта «Яновцев», основателем которой являлся некий Ян Кульчонь, который призывал обычных сельчан не платить налоги, не идти на службу в польскую армию, а также не вступать в контакт с местной сельской властью, которая,

⁷⁹⁵ Несмотря на то, что члены данной секты действовали в массе своей в западно-центральных и южных районах Второй Республики, их миссионеры пытались навязать восточнославянскому населению всего восточного пограничья не только идею о надвигающемся апокалипсисе, но и призывали проявлять неповиновение польским властям, например, демонстративно сжигать символы государственной власти и не посылать своих детей на службу в польскую армию. См.: Grelewski S. *Baptyści i adwentyści: wykład*. Poznań: Wyd. Zjednocz. Młodzieży Polskiej, 1934. S. 3–4.

⁷⁹⁶ Данная сектантская организация проявляла свою активность исключительно на Поморье, но ее активисты проникали в восточные воеводства, стремясь проповедовать среди местного населения образцовую жизнь истинного христианина, которая никак не должна была быть подчинена общественно-политическому строю Второй Речи Посполитой. См.: Grelewski S. *Wyznania protestanckie i sekty religijne w Polsce współczesnej*. Lublin, Sandomierz: nakł. i dr. Diecezjalny Zakł. Graf. Druk., 1937. S. 509–513.

⁷⁹⁷ Данная христианская религиозная секта состояла из образованных лиц, которые занимались в свободное время тщательным прочтением и изучением Евангелия, а затем устраивали открытые лекции по всей стране, во время которых призывали обычных граждан не доверять католическим церковным иерархам, а развивать свое критическое отношение к окружающей действительности и формировать свое собственное мнение как на религию и веру, так и на сущность Польского государства; последнее в их учении означало, что в случае возникновения в Европе новой мировой войны сторонники «Исследователей Священного писания» должны были лишиться раз подумать перед тем, как отправиться на фронт добровольцами. См.: *Strzeż się «badaczy Pisma Świętego»*. № 3. Łuck: Kuria Biskupia, 1928. 18 s.

⁷⁹⁸ Представители этой христианской секты развернули свою деятельность в Вильно, не признавая автокефалии Польской православной церкви, и оставаясь верны положениям возобновленного в 1917 г. русского патриаршества. Лидеры «Старой Церкви» стремились создать в Польше единый православный Собор, который объединил бы всех православных христиан в Европе, но представителям данной религиозной секты не удалось добиться на практике своих целей, поскольку их деятельность пресекалась силовыми органами Второй Республики.

⁷⁹⁹ См.: Grelewski S. *Sekty religijne w Polsce współczesnej*. Sandomierz: nakł. i dr. Diecezjalny Zakł. Graf. 1937. S. 46–54.

⁸⁰⁰ *Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929 (kwiec./czerw.)... 1929*. S. 116–117.

по их мнению, выражала интересы польских осадников. Данное сектантское движение по характеру своего вероучения было ближе всего к православию, поэтому в связи с популярностью идей секты у местного населения, она представляла собой определенную угрозу для польских властей. Секта «Яновцев» вступила в союз с другим сектантским движением – «Стефановцами», лидер которой Стефан Бочонюк исповедовал схожие антиправительственные идеи, но только на территории Волынского воеводства⁸⁰¹.

Главной причиной появления на территории восточных воеводств Польши различных сектантских групп и течений являлось то, среди прихожан стало усиливаться возмущение по поводу законности взимания с них денежной и натуральной платы, которая шла в карман священнослужителей; суть данной проблемы заключалась в том, что те православные, католические и униатские священники, выступавшие посредниками между прихожанами и Богом не стеснялись в условиях сельской местности, с помощью тонких намеков, а иногда и прямым текстом, побуждать мирян крестьянского происхождения к передаче им подарков, за которые церковнослужители соглашались совершить тот или иной христианский обряд, связанный с крещением человека, его венчанием, или же отпеванием усопшего. Имели место случаи, когда ксендзы или настоятели православных храмов в сельской местности запрещали входить в воскресные и богослужебные дни в церковную обитель тем прихожанам, которые не приносили с собой съестные припасы и деньги в качестве добровольных пожертвований. Неприкрытое мздоимство побуждало обычных прихожан, которые не могли позволить себе из-за своего неблагоприятного финансового положения делать такие пожертвования деньгами или в натуральной форме, искать свое душевное успокоение в тех религиозных общинах, где денежные пожертвования и съестные припасы не играли такой серьезной роли, правда,

⁸⁰¹ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, IV kwartał... 1931. S. 160.

и в сектах могло практиковаться нечто подобное, но только на добровольной основе и в более мягкой форме⁸⁰².

Но не все действия христианских сект завершались призывами к жителям «белорусских» воеводств подниматься на борьбу с правительством, поскольку в дни христианских праздников, сектанты оказывали материальную и духовную помощь бедным, больным и немощным, например, в первые месяцы 1931 г. в восточных окраинах усилилась благотворительная и гуманитарная работа баптистских проповедников, которые проводили во время Рождества среди православного сельского населения беседы-лекции, тематика которых была связана не только с разъяснением основ Библии, но и особенностей социально-экономического положения белорусов, получавших в подарок от баптистов различные продукты. Такого рода работа баптистов пользовалась популярностью особенно со стороны белорусской молодежи Польши, так как молодые люди желали увидеть того гостя, который приехал к ним из США по приглашению баптистов. Речь, в частности, идет о протестантском проповеднике Моисее Гитлине, который во время своих личных бесед с сельским населением Барановицкого повята Новогрудского воеводства говорил о недопустимости отправлять своих детей на службу в польскую армию, после чего своими руками раздавал различные съедобные «сувениры»⁸⁰³.

И те же баптисты прославились не только своей полезной для общества образовательной и благотворительной деятельностью, но и конкретными практическими шагами, которые были направлены на укрепление духовно-религиозного единства белорусской нации в межвоенной Польше. Так, в 1931 г. баптистское издательство «Компас» издало в Лодзи Библию на белорусском языке, на страницах которой имелись также необходимые комментарии и разъяснения, чтобы читателям белорусской национальности было легче

⁸⁰² Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, IV kwartał... 1932. S. 133.

⁸⁰³ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, I kwartał... 1931. S. 145.

понять запутанные религиозные сюжеты и яснее представлять себе христианское вероучение в целом⁸⁰⁴.

Также сильными позициями на территории Виленского воеводства обладали русские «старообрядцы», которые в Польше были представлены единой организацией, имевшей следующее название – «Восточная старообрядческая церковь», члены которой исповедовали православие в его дореформенной версии, связанной с неприятием религиозных преобразований патриарха Никона и Петра I. «Старообрядцы» проживали в северной части Белостокского воеводства и имели свои общины в Новогрудке, а общее их количество в межвоенной Польше доходило до 60 тыс. человек⁸⁰⁵. По своим политическим взглядам «старообрядцы» поддерживали политику польских властей, о чем свидетельствует тот факт, что во время парламентских выборов их иерархи призывали своих единоверцев голосовать исключительно только за те партии, которые пользовались поддержкой польского правительства. Так, на парламентских выборах 1930 г. старообрядцы отдали свое предпочтение «Беспартийному блоку за сотрудничество с правительством», деятельность которого курировалась лично Ю. Пилсудским; также в дни религиозных торжеств «Восточная старообрядческая церковь» посылала свои официальные поздравления польскому правительству и лично Первому Маршалу, это имело место во время открытий Общепольских старообрядческих соборов, которые проводились в Вильно⁸⁰⁶.

Следует отметить, что подобной политической линии наряду с русскими старообрядцами придерживалось и православные иерархи Польши: в конце сентября 1930 г. в Пинске состоялось совещание православных иерархов всей Полесской епархии, которое проходило под председательством архиепископа Александра. По его окончании было принято решение донести до православной паствы через сельских священников обязанность отдать

⁸⁰⁴ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1931, I kwartał... 1931. S. 146.

⁸⁰⁵ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1929, (październik/grudzień)... 1930. S. 139.

⁸⁰⁶ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, IV kwartał... 1931. S. 153.

свои голоса на предстоящих парламентских выборах за «Беспартийный блок за сотрудничество с правительством», а сам церковный иерарх призвал ее оказать тем самым поддержку Ю. Пилсудскому⁸⁰⁷.

Правда, контакты польских властей с православным населением «белорусских» воеводств осуществлялось не только при содействии церковных православных иерархов и «старообрядцев», но и по инициативе представителей русского национального меньшинства, которое с разрешения Варшавы осуществляло свою просветительскую и образовательную деятельность. Например, 17 ноября 1928 г. в Вильно был открыт так называемый «Русский дом», деятельность которого была направлена исключительно на решение проблем, возникавших у православного населения восточных воеводств при взаимодействии с польскими властями, но такая работа не рассматривалась в качестве оказания юридической помощи православному населению, которое испытывало значительные экономические трудности⁸⁰⁸. Но контроль режима санации за представителями восточнославянских народов все же осуществлялся, так как была серьезная опасность, что они попадут если не в водоворот сектантских учений, то станут мишенью большевистской агитации и пропаганды, что и происходило в действительности, поскольку в восточной пограничной полосе армейскими подразделениями польской армии в межвоенный период постоянно конфисковывалось не только огромное количество запрещенной коммунистической литературы, но и активно изымалась у местного восточнославянского населения антирелигиозная публицистика, которая выпускалась советской общественной организацией – «Союзом воинствующих безбожников». Так, через границу с советскими республиками в Польшу поступали соответствующие листовки, газеты и журналы, на страницах которых в краткой и доступной форме излагались антирелигиозные лозунги, суть которых заключалась в двух словах – «Бога

⁸⁰⁷ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał... 1930. S. 171.

⁸⁰⁸ Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych 1928, (list./grudz.)... 1929. S. 21.

нет!»; также в подобных изданиях обращалось внимание на ненужность многих религиозных обрядов, которые приводили лишь к усилению идеологической и финансовой эксплуатации необразованного населения⁸⁰⁹. Подобные антирелигиозные идеи находили в восточных воеводствах своих прямых последователей. Так, летом 1931 г. были зафиксированы случаи, когда в сельской местности состоялись народные демонстрации под антирелигиозными лозунгами о необходимости встать на путь прогресса, в том числе все громче давали о себе знать ярые сторонники «воинствующих безбожников», которые своим несдержанным поведением мешали проведению церковных богослужений в храмах, проводя недопустимые с точки зрения законодательства и морали акции по уничтожению религиозной символики на кладбищах, правда, подобные мероприятия являлись по составу своих участников немногочисленными, вызывая суровое осуждение со стороны своих же односельчан⁸¹⁰. Целью всех этих антирелигиозных акций являлся подрыв государственной стабильности Второй Речи Посполитой, так как участвовавшие в них местные «атеисты» утверждали, что польская буржуазно-демократическая власть стремилась удержать обычное население в цепях социального рабства при помощи института церкви.

⁸⁰⁹ Sprawozdanie Życia Mniejszości Narodowych 1930, II/III kwartał... 1930. S. 181.

⁸¹⁰ Sprawozdanie Życia Mniejszości Narodowych 1931, III kwartał... 1931. S. 3, 120.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ноябре 1918 г. произошло возрождение польской государственности, «отцы-основатели» которой бросили все имевшиеся у них силы и ресурсы, чтобы выйти на границы дораздельной Речи Посполитой 1772 г., но этому не было суждено в итоге сбыться, так как правила нового международного миропорядка, установленного под диктатом стран Антанты на Парижской мирной конференции 1919 г., не позволяли властям суверенной Польши добиться от них признания принадлежности всего своего внутреннего людского потенциала исключительно к польской нации.

Положения заключенного 28 июня 1919 г., с Польской Республикой «Договора о защите национальных меньшинств» положили начало (закрепленной в последующих документах, подписанных с рядом европейских государств, в основном потерпевших поражение в Первой мировой войне), практике международной защиты прав национальных и религиозных меньшинств под эгидой Лиги Наций. Закрепленные в нем международно-правовые нормы обязывали Варшаву не только твердо придерживаться политики национальной терпимости по отношению к тем народам (немцы, украинцы, белорусы, русские и евреи), которые оказались под ее юрисдикцией, но и способствовать на государственном уровне, как сохранению, так и развитию их национально-культурных традиций. И если данные положения должны были выполняться представителями польского государства в отношении лиц немецкой национальности, то в момент оккупации в 1919 г. войсками Ю. Пилсудского белорусских земель польская администрация не придерживалась в отношении их населения указанных международных обязательств. 17 марта 1921 г., накануне подписания Рижского мирного договора была принята долгожданная Конституция Второй Польской Республики, которая, возвестив о наступлении новой демократической эпохи, должна была обеспечить всему польскому обществу, включая представителей и других этносов, возможность отстаивать легальным путем свою этноконфессиональную идентичность, пользоваться

беспрепятственно родным языком в государственных органах и для получения образования, активно участвовать в общественно-политической жизни, заниматься предпринимательством в целях личного обогащения и приумножения экономической мощи всей страны. Взамен от граждан Второй Республики Конституция 1921 г. требовала добросовестного исполнения своих главных обязанностей, связанных с необходимостью соблюдения законодательства, а также участия в защите территориальной целостности Польши в случае возникновения ей угрозы.

18 марта 1921 г. делегациям, прибывшим в Ригу из Варшавы и Москвы, удалось согласовать окончательный текст мирного договора, который не только завершал советско-польскую войну 1919–1920 гг., но и выводил польско-советские отношения на принципиально иной уровень развития. Вопреки многовековой конфронтации Польши и России Рижский мир предоставлял польской нации со стороны молодых советских республик значительные территориальные приобретения, которые вошли в административный состав Второй Речи Посполитой под названием «восточных воеводств», население которых причисляло себя испокон веков к белорусской, литовской и украинской национальным идентичностям.

Статьи Рижского договора 1921 г. предоставляли коренным народам восточных воеводств национальную, культурную и религиозную автономию, позволявшей белорусам, литовцам и украинцам сохранять свою культурную самобытность, а именно: использовать свой родной язык в образовательных, культурных и религиозных учреждениях, а также свободно открывать за свой счет те организации, которые не представляли угрозы для государственной безопасности Второй Речи Посполитой. Подобный статус национальных меньшинств требовал своего подтверждения принятием польским парламентом соответствующих законодательных актов, что номинально и происходило в 1921–1926 гг., когда во Второй Республике законодательная власть была представлена народными избранниками, которые заседали в Сейме (нижняя палата парламента) и Сенате (верхняя палата парламента), и

своей непрерывной законотворческой работой создавали внешнюю видимость заботы о судьбах населения многострадальных восточных кресов.

Но в действительности восточные окраины Польши превратились в первой половине 20-х гг. XX в. в тлеющий очаг сепаратизма, так как социально-экономическая политика высшего руководства страны способствовала передаче в руки польских колонистов всех рычагов административного и финансового контроля на местах, что и приводило, прежде всего, к земельному оскудению местного населения, которое, не желая мириться с насаждавшимися пришельцами аграрными порядками, напоминая о временах владычества «польских панов», активно вступало в состав антиправительственных организаций, которые устраивали нападения на представителей польской власти и осадников. И для подавления социальных волнений и пресечения партизанских действий, пользовавшихся поддержкой извне, высшим военным руководством осенью 1924 г. было принято решение о создании в восточных землях специального воинского формирования – Корпуса Охраны Пограничья, на военнослужащих которого возлагалась обязанность не только несения круглосуточной охраны восточной границы, но и активного участия в утверждении среди местного населения польской национальной идеи, т.е. воплощения в жизнь всеми своими силами правительственной политики полонизации.

Составными задачами польской национальной политики являлось укоренение в головах жителей восточных воеводств прочного осознания их духовно-культурной принадлежности к польской национальности, а также полонизация была призвана с помощью представителей польской армии приобщить лиц непольской идентичности к материальному благосостоянию, которое должно было положительно сказаться на развитии всей экономики Польши. С этой целью военнослужащими КОП проводился на территории северо-востока страны ряд различных просветительских, образовательных и культурных мероприятий, а также граждане непольской национальности

активно привлекались ими к участию в организации и проведении торжеств, приуроченных к годовщинам государственных и религиозных праздников.

Командный и рядовой состав Корпуса реализовывал тем самым в восточных воеводствах обширную многоступенчатую программу, нацеленную на внедрение польской национальной идеологии во всех без исключения областях жизни белорусского населения. Это касалось в первую очередь необходимости совершенствования функционирования польского государственного аппарата, а именно: следовало повысить в первую очередь уровень гражданской сознательности, как солдат, так и гражданских лиц, а также привить им уважение к общегосударственным законам и порядкам. На следующей стадии осуществления политики полонизации предлагалось приобщить крестьянские массы северо-востока страны к достижениям современной агротехники для того, чтобы коренное население этих областей испытало чувство безграничной благодарности по отношению к той стране, в которой их обучили безвозмездно методам рационального ведения своего, пусть и небольшого по размеру, хозяйства.

Достижение перечисленных выше целей призвано было сплотить коренное население «белорусских» воеводств вокруг Польского государства не только в условиях военного времени вплоть до готовности добровольно взять в руки оружие для защиты территориального суверенитета Польши, но и добиться существенного укрепления государственного порядка в мирное время путем проявления чувства высокой гражданской ответственности в борьбе с его явными и тайными врагами. Сущность последней заключалась в проявлении рядовыми жителями межвоенной Польши повышенной бдительности, позволявшей им случае необходимости самостоятельно пресекать работу шпионов, диверсантов и всех тех, кто даже на словах высказывал подрывные и антиправительственные лозунги; и подобные преступники должны были молниеносно обезвреживаться гражданами, безжалостно передаваясь в компетентные органы.

Следует также особо отметить, что в организации подобных культурно-просветительских мероприятий военнослужащими КОП произошли серьезные изменения после прихода к власти в Польше в мае 1926 г. режима санации в результате совершенного Ю. Пилсудским государственного переворота. Все польское общество стало активно переводиться на рельсы милитаризации, что касалось и отдаленных восточных окраин, в которых в 30-е гг. XX в. вся полнота государственной власти оказалась в руках высокопоставленных польских военных, стремившихся усилить присутствие польской армии в различных сферах жизни национальных меньшинств. Курс на оправдание политики установившейся в Польше военной диктатуры был законодательно закреплён в новой вступившей 24 апреля 1935 г. в силу Конституции, о политическом содержании которой (фашистском или авторитарном) ведутся оживленные дискуссии в зарубежной и отечественной историографии. Положения Основного закона полностью отменяли все прежние демократические принципы, позволявшие отстаивать этноконфессиональную индивидуальность каждого польского гражданина, вводя вместо этого единую государственную идеологию, которая призвана была подчинить интересы всех граждан Польши исключительно тем установкам, которые вырабатывались военно-политическим руководством «Санации». Это касалось, в том числе, и национальной политики, которая с помощью силовых структур была призвана окончательно утвердить господство польского элемента на всех территориях страны путем ликвидации культурно-исторической идентичности национальных меньшинств, которые стали рассматриваться представителями нового политического режима в качестве враждебных элементов, находившихся на содержании иностранных правительств.

Подготовка Польшей в 1934 – весной 1935 г. в союзе с нацистской Германией и милитаристской Японией агрессии против СССР, сопровождавшаяся раздуванием в официальной пропаганде мнимой «советской угрозы», потребовала ускоренного обучения военному делу не

только молодежи, но и женской части белорусского населения восточных кресов. Обе категории населения осваивали его стационарно в военно-учебных лагерях под руководством унтер-офицеров КОП. Реализуя в первую очередь военно-стратегический план, предполагавший превращение территории восточных областей в неприступную крепость, польские военные вели строительство каменных зданий, которые могли быть превращены в опорные пункты, способные остановить продвижение вторгнувшейся с Востока Красной армии. Особое значение придавалось расширению транспортной сети и улучшению качества дорожного полотна, что позволяло в случае военной необходимости осуществлять быструю переброску войск и подвоз боеприпасов. Электрические, телефонные и телеграфные сети, прокладывавшиеся руками опиравшихся на физическую помощь местного населения польских пограничников, обеспечивали энергией и связью не только оборудовавшиеся на границе заставы, но и железнодорожные станции, центральные учреждения культуры и здравоохранения, а также частные домовладения, принадлежавшие польским осадникам. Созданию материальной базы политики полонизации было подчинено также возведение в сельских населенных пунктах зданий, предназначавшихся для размещения в них учреждений культуры. Сложно переоценить значение оказывавшейся военврачами польской армии медицинской помощи сельскому населению. Они оставались последней надеждой сельских жителей, фактически лишенных доступа к медицине вследствие дискриминационной правительственной политики на Востоке, приводившей к росту младенческой, детской и подростковой смертности. Платные медицинские услуги, которые предлагались частными клиниками, были не по карману абсолютному большинству малоземельного и безземельного крестьянства.

Насаждавшийся повсеместно культ Ю. Пилсудского как «Отца-основателя» Польского государства был тесно взаимосвязан с историей Первой Мировой и советско-польской войн, благодаря поддержанию памяти, о которых вооруженные силы выступали, особенно в годы режима санации,

одним из главных его адептов. Важное значение в официальной праздничной культуре межвоенной Польши принадлежало религиозным символам, например образу Богородицы (Девы Марии), оказывавшей по легенде свое покровительство Польше. Посвященный ей религиозный праздник «Успение Богородицы», отмечаемый одновременно с «Днем Войска Польского» 15 августа призваны были укоренить в национальном самосознании поляков гордость за победу в борьбе с извечным противником – Россией. Официальные торжества по случаю «Дня моря», сопровождавшиеся массовыми народными гуляниями, олицетворяли сбывшуюся мечту многих поколений поляков о «своем море». Эта красивая по своему внешнему содержанию мечта разбивалась, как и другие польские праздники, о суровую социальную действительность восточных воеводств, население которых несмотря на жестокие преследования властей начинало отдавать предпочтение «продуктам» пролетарской праздничной культуры. К тому же жесткий идеологический контроль за отбором памятных дат порождал в среде национальных меньшинств плохо скрываемое отторжение порождений польского официоза.

Правительство Польши, продолжая в 20-30-е гг. XX в. рассматривать восточные воеводства в качестве «внутренней колонии», стремилось подменить политику, направленную на создание в них прочной экономической базы дискриминационным по отношению к белорусскому национальному меньшинству подходом, провозглашавшим необходимость изживания его представителями якобы приобретенных за период многовекового пребывания под властью русского царизма природной лени, инертности и привычки к нищенскому образу жизни. Огромная социальная пропасть между польскими осадниками и белорусскими крестьянами не могла быть преодолена лишь за счет одной агропросветительской кампании, за яркой витриной которой скрывались многочисленные неразрешенные проблемы. Существенную роль при этом играл сформировавшийся еще во времена крепостничества негативный этнический

стереотип восприятия польских помещиков зависисимым крестьянским населением.

Важное значение в ходе реализации обширной программы полонизаторских мероприятий придавалось также победе в развернувшейся битве за «умы и сердца» подрастающего поколения. С тем, что она была проиграна в отношении активно посещавших курсы по ликвидации неграмотности представителей зрелого и пожилого возрастов, знавших не понаслышке времена Российской империи, и осведомленных благодаря нелегально попадавшей в Польшу советской печати о более благоприятном положении белорусского населения в СССР, польским властям пришлось в итоге смириться, что не означало, однако, сдачи ими позиций в системе школьного образования и дошкольного воспитания. С этой целью командованием КОП было инициировано оказание материальной и волонтерской помощи белорусским семьям и администрациям учебных заведений по приобретению письменных принадлежностей, ремонту школьных зданий и передаче из фондов военных библиотек недостающей учебной литературы. Военврачи безвозмездно лечили обессиленных из-за вспышек голода в тех или иных населенных пунктах или заразившихся инфекционными заболеваниями школьников.

Приобщение белорусской молодежи к ценностям польской материальной и духовной культуры, происходило во время проводившихся под эгидой военнотружущих экскурсий по важным для поляков «местам памяти», а также путем поездок на крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, служившие в период независимости олицетворением национальных экономических успехов. Польское присутствие на Востоке нуждалось во всемерном укреплении, в том числе за счет расширения системы образования на государственном языке. В этой связи на командование пограничных войск возлагалось оказание разнообразной «шефской помощи» открывавшимся здесь польским школам. Расширение их контингента за счет детей белорусских родителей

становилось важнейшей задачей, которую унтер-офицеры КОП должны были решить на основе приобретенного на военной службе богатого педагогического опыта и усвоенных на курсах повышения квалификации различных коммуникативных методик, которые призваны были облегчить нахождение общего языка с местным населением.

Проводившееся инструкторами КОП обучение молодежи национальных меньшинств военному делу имело своей целью не только привитие ей национальных польских идеалов, но и предотвращение путем охвата ее различными военно-спортивными мероприятиями бегства допризывников в СССР. Программа патриотического воспитания предполагала знакомство юношей с историей и географией Польши, а также с особенностями военной службы в различных родах войск. «Тонуший корабль» полонизации, как стало ясно к 1937 г., пытался удержаться на плаву, моля о помощи различные военные инстанции, выражавшие саму суть режима санации. Но и они не могли похвастаться особыми достижениями на пути претворения в жизнь лозунга защиты Польского государства: процентная доля проходивших военное обучение допризывников неуклонно снижалась из-за нестабильной социально-экономической ситуации, побуждавшей их отдавать предпочтение поиску в свободное время дополнительного заработка.

Наряду с системой образования и воспитания еще одним важным каналом полонизации являлись культура и искусство. Для достижения цели ассимиляции в указанных сферах требовалось в первую очередь заставить не обладавшего для этого свободным временем белорусского крестьянина взять в руки польскую книгу. Этой цели служило создание в восточных воеводствах сети библиотечных учреждений, в работе которых имелось немало материальных и кадровых проблем. Военнослужащие КОП должны были следить за выдававшейся в библиотеках художественной литературой, не допуская проникновения в книгофонд идеологически чуждых или неприемлемых с точки зрения задачи формирования патриотизма

произведений. По распоряжению властей пограничники стали в середине 30-х гг. XX в. оказывать помощь библиотекам в комплектовании их фондов, а также производить инспекторские поездки с целью выяснить имевшую место в них материальную и кадровую ситуации.

Цикл романов Г. Сенкевича под общим названием «Трилогия» служил главным средством формирования в сознании восточнославянского населения героических черт польского народа, стоически переносившего на пути к независимости выпавшие на его долю муки. За отсутствие этого произведения в составе книгофонда на работников библиотек налагалось должностное взыскание. Следуя изданным методическим рекомендациям, унтер-офицеры КОП должны были побуждать крестьян, собравшихся в построенных военными «домах культуры» для обсуждения этого художественного произведения, к высказыванию своего мнения о прочитанном. Функциональное назначение книги среди населения восточных воеводств состояло, по мнению польских политработников, в том, чтобы стать надежной заменой крепкому алкоголю, по вине которого была разрушена не одна семья, а их главы были бы избавлены таким способом от опасности понести неминуемое наказание за произнесение политически необдуманных речей за столом трактира. Но погрузиться с головой в чтение увлекательных художественных произведений белорусскому крестьянину мешала постоянная забота о хлебе насущном, отступавшая на задний план лишь во время непогоды, а также зимой. Провал поставленной задачи ассимиляции населения восточных областей за счет приобщения его к наполненным идеалами польской нации произведениям художественной литературы бесстрастно подтверждает статистика: подавляющее большинство читателей библиотек составляли именно военнослужащие, а не представители гражданского населения, а все последующие попытки изменить это соотношение привели лишь к довольно скромным результатам. Итоговая неудача была также запрограммирована хроническим недофинансированием библиотек, порождавшим значительный диссонанс

между подвижнической деятельностью их работников и оставлявшим желать лучшего размером оплаты труда, подрывавшим статус самой профессии в глазах населения. Чтобы как-то оправдать несостоятельность попыток навязать белорусскому крестьянству круг чтения, обусловленный задачами политики полонизации, польской пропагандой был запущен «ориенталистский» по своему характеру миф о неспособности его к обучению, якобы порожденной отставанием в умственном развитии.

Польская национальная идея должна была шагнуть в массы не только со страниц произведений художественной литературы, но и со сцены любительских театров КОП, репертуар которых изобилует постановками по мотивам народного искусства, благодаря чему открывалась возможность раскрыть духовную культуру польской нации во всем ее многообразии. Вместе с тем предпочтение отдавалось тем из них, где прославлялись военные победы Польского государства над его многочисленными противниками. Благодаря подобным театрализованным представлениям присутствовавшему на них местному населению преподносился эталон «верных» исторических знаний, которые, по замыслу пропаганды, должны были поддерживать вспыхнувшее в сердце у зрителей пламя народной любви к Польше. Театральные постановки должны были закрепить своим художественным содержанием в сознании жителей восточного пограничья идею законности и оправданности военного присутствия Польши в данном регионе. В постановках любительских театров КОП была окружена особым почетом фигура польского пограничника, мужественно несшего свою службу на восточных рубежах страны.

Всяческое содействие работе военных театров в восточном пограничье оказывал ряд организаций, главной из которых был действовавший на территории Полесского и Виленского воеводств Институт народных театров. С точки зрения театрального искусства достижение поставленной цели представлялось возможным за счет упрощения декораций, усиления эмоциональности актерских диалогов и придания разворачивавшемуся на

сцене действу агитационной формы с помощью произнесения актерами лозунгов и коротких фраз, прославлявших Польское государство. Но поддержанию лояльности по отношению к нему не способствовали никоим образом некомфортные условия, в которых находилось местное население во время просмотра этих театрализованных представлений. Очевидно, его могли переполнять смешанные чувства при виде сидевших на принесенной из ближайшей школы скамье представителей польских властей вместо полагавшегося по общему сценарию данного мероприятия всплеска патриотического восторга.

Польские военные стремились поставить также на службу политики полонизации новейшие достижения научно-технического прогресса, в частности радиовещание, передвижную фотопроекторную аппаратуру и кинематограф. С помощью налаживания радиовещания польские власти рассчитывали решить в восточных воеводствах не только военно-стратегические, но и культурно-просветительские задачи. Установка радиоприемного оборудования в населенных пунктах была довольно затратным с финансовой точки зрения делом, но все понесенные польскими властями расходы могли при умелом использовании пропагандистского потенциала радио окупиться сторицей.

Трансляция программ польского радио на территории восточных воеводств велась ежедневно, достигая своего пика в дни национальных торжеств и праздников. Выходившие еженедельно в эфир радиопрограммы предназначались не только для военнослужащих польской армии, но и для коренного населения восточных областей. Радиоведущие подбирались из числа военнослужащих, которые не только ориентировались в событиях внутривосточной и международной жизни, но и держали руку на «пульсе» местного населения, вникая в его повседневные заботы. По этой причине важное место в сетке радиовещания занимали передачи, посвященные кооперативной и сельскохозяйственной тематике. Повышенное внимание уделялось также необходимости соблюдения местным

крестьянским населением правил личной гигиены. Ставилась задача адаптировать график радиовещания к трудовому ритму белорусского крестьянства, чтобы, не эксплуатируя понапрасну дорогостоящее радиооборудование, быстро найти целевую аудиторию, которую ничто не могло больше отвлечь от радиоприемника.

Военные стремились использовать широкие возможности, предоставлявшиеся радиовещанием, для пропаганды польской национальной идеи, прибегая не только к грубому навязыванию слушателям агитационных лозунгов, но и применяя более изощренную тактику «мягкой силы», помогавшую донести до них важную политинформацию с помощью народных сказок, христианских притч и музыкальных произведений. Благодаря устанавливавшимся при содействии КОП в школах и дошкольных учреждениях радиоприемникам польская духовная культура активно внедрялась в сознание подрастающего поколения.

Радиослушатели могли получить также ценную информацию, касавшуюся культурно-досуговой сферы. Так, местное население призывалось в радиозэфире к активному посещению библиотек, публичных лекций и мобильных военных библиотек во время прибытия их в тот или иной населенный пункт. Практиковалось приглашение в студию работников культуры и искусства, знакомивших радиослушателей с новинками в данных областях, а также офицеров и особо отличившихся на службе солдат действующей армии, делившихся своими воспоминаниями о событиях военных лет 1914–1920 гг. и актуальной информацией об армейских буднях на границе. Велась также трансляция радиоспектаклей, в постановке которых участвовали актерские труппы любительских театров КОП.

Эксплуатируя живой интерес белорусского крестьянства к неведомому для него ранее радио, официальная пропаганда, призывавшая к сплочению всех жителей Польши независимо от их национальности, получала возможность достучаться до него благодаря звучащей в эфире устной польской речи, позволявшей крестьянам, не владевшим в совершенстве

навыками чтения на польском языке, отбирать на слух те или иные сообщавшиеся радиоведущими полезные советы. А при отсутствии в той или иной деревне возможностей для проведения культурного досуга ее жителям рекомендовалось настоятельно воздержаться в выходные дни от употребления спиртных напитков и провести их в молитве к Богу.

Радио, транслируя в массы положения государственной пропаганды, выполняло тем самым важную агитационно-информационную функцию, не забывая оповещать сельское население о настроениях и положении в стане потенциального врага. Особого контроля требовал выход польских радиостанций на частоты зарубежного радиовещания, который мог совершаться лишь на основе письменного разрешения военных властей. Интерес к радиотрансляциям, которые велись из-за рубежа (СССР и Литва), проявлялся главным образом представителями белорусской молодежи. Уберечь ее от опасной для Польского государства идеологии польская военная администрация рассчитывала путем регулярного прослушивания всех выходявших в эфир радиопрограмм, которое поручалось политработникам и учителям.

Командование польской армии, отдававшее должное мощному агитационному эффекту фото-и киноискусства, надеялось вовлечь местное население в орбиту полонизации, заинтересовав его проецировавшимися на экран с помощью различных технических устройств изображениями в расчете на то, что необычная форма подачи полонофильской пропаганды значительно облегчит усвоение ее содержания. Базируясь на принципе наглядности, использовавшаяся военнослужащими пограничных войск подобная форма культурно-массовой работы позволяла охватить ею максимально широкий круг пестрого по своему национальному составу населения восточных областей, создав иллюзию сопричастности его к демонстрировавшимся на экране достижениям польской нации в различных областях материальной и духовной культуры. Просветительский потенциал обучающих кинофильмов, которые призваны были познакомить крестьян с

современными агротехнологиями и методами животноводства, предназначаясь скорее осадникам, оставался не востребовавшимся основной массой малоземельного и безземельного крестьянства.

В непростом для восточных воеводств религиозном вопросе польский пограничник призван был укрепить господствующее положение государственной религии – католицизма, подставляя ему плечо в изображавшейся как восстановление исторической справедливости политике ревиндикации. Обратной стороной медали становился религиозный экстремизм чувствовавших ущемленными в своих правах национальных меньшинств, бороться с проявлениями которого польские власти намеренно не спешили, памятуя об известном с древности принципе - «разделяй и властвуй». Свою роль играло и сохранявшееся с давних времен разделение белорусов на православных, представлявших собой абсолютное большинство, и находившихся в численном меньшинстве католиков. В глазах польских властей именно последние считались верными слугами «одноглавого белого орла», тогда как на православных смотрели не иначе, как на агентов СССР.

Практика регулярных денежных и натуральных поборов с населения, обращавшегося к католическим, православным и униатским священникам за совершением тех или иных христианских обрядов, толкала отчаявшуюся паству в объятия различных сект, частью мирно, частью враждебно настроенных по отношению к Польскому государству. Пресечение деятельности последних, проповедовавших отказ от уплаты налогов и военной службы, становилось важной задачей польских военных. Ею являлось также предотвращение проникновения в «белорусские» воеводства с территории украинской части восточных кресов униатства, таившего для Варшавы не меньшую угрозу. Усиление недовольства населения, особенно молодежи, корыстным поведением духовенства влекло за собой пробуждение интереса к антирелигиозной пропаганде, дававшей свои плоды в форме умышленного срыва богослужений и нарушавшего законодательные и

моральные нормы вандализма по отношению к установленной в местах захоронений христианской символике. Соседство с атеистическим СССР, где в 20-е гг. XX в. развернул свою активную издательскую деятельность «Союз воинствующих безбожников», ставило на повестку дня своевременное изъятие польскими пограничниками у населения антирелигиозных листовок и брошюр.

Но справедливо обвиняя правительство Польши в систематическом пренебрежении правами и потребностями национальных меньшинств, не следует выплескивать с водой и ребенка. Было бы опрометчиво становиться целиком на позицию советской историографии, отказываясь признавать за пограничными войсками Польши, размещенными в межвоенный период в «белорусских» воеводствах, какой-либо вклад в улучшение ситуации в области транспортной и коммуникационной инфраструктуры, здравоохранения, в стабилизацию внутреннего положения в приграничных районах путем ликвидации последствий стихийных бедствий и пожаров, в повышение общего культурного уровня белорусского населения, намертво приросшего к земле (даже в условиях городской местности) и настороженно относившегося к попыткам модернизации его традиционного образа жизни. Да, следует согласиться в целом с господствующим в нашей исторической науке мнением, что ведя строительство социально значимых объектов на селе, улучшая инфраструктурную и коммуникационную доступность населенных пунктов в восточных окраинах, знакомя население с передовой агротехникой, приходя ему на помощь во время стихийных бедствий, спасая его от голода и эпидемий, оказывая ему медицинскую помощь, неся ему «луч просвещения» и прививая вкус к искусству, польские пограничники, переключившие механизм осуществления политики полонизации в режим «мягкой силы», рассматривали все перечисленное выше в качестве его неизбежного «побочного продукта». Их волновало в первую очередь не то, как оставить о себе добрую память у западнобелорусского населения, а всего

лишь стремление заручиться его симпатиями в условиях продолжавшейся военно-политической конфронтации с СССР.

Вопреки всем усилиям Варшавы направить в межвоенный период развитие белорусской нации на рельсы польской государственности и национальной культуры, проводимая режимом санации и его предшественниками дискриминационная политика полонизации потерпела полное фиаско, так и не решив одной из главных возлагавшихся на нее задач, связанной с укреплением обороноспособности восточных рубежей Польши. Непосредственным выражением справедливого стремления белорусского и украинского народов добиться своего освобождения от оков национального рабства стала устроенная ими в сентябре 1939 г. триумфальная встреча победоносной Красной армии, вступившей на территорию восточных окраин в условиях фактического военного разгрома Польши нацистской Германией. В результате произошло долгожданное и выстраданное воссоединение белорусов и украинцев, томившихся под властью рухнувшей Второй Речи Посполитой с семьей советских народов. Вместе с тем искренняя радость населения от принесенного на штыках Красной армии национального освобождения была омрачена атмосферой страха из-за начавшихся после вхождения в состав СССР выселений польских осадников на Дальний Восток и в Казахстан, ужасами беспощадной нацистской оккупации и продолжавшимися вплоть до середины 50-х гг. XX в. террористическими вылазками боевиков Армии Крайовой, не смирившихся с окончательной потерей Польшей своих бывших восточных окраин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Архивные источники

1. Российский государственный военный архив (РГВА)
 1. Ф. 308к. – II-й отдел Генерального штаба Польши. Оп. 10.
Д. 248. Доклады начальника II отдела о борьбе с коммунистическим движением в армии, деятельностью иностранных разведок, злоупотреблениями по службе военнослужащих. 1919 г.
 2. Ф. 354к. – Отделение контрразведки особого информационного отдела 6 военного округа при штабе 12-й пехотной дивизии. Тернополь. Оп.1.
Д. 21. Переписка с особым информотделом VI-го военного округа, отделениями разведки Корпуса охраны границы, полицией и др. о взятии на учет, розыске, проведении спецпроверки лиц, дезертировавших из воинских подразделений, подозревавшихся в нелегальном переходе границы, в связи с советской разведкой, в принадлежности к нелегальным политическим организациям и др. 1921 г.
 - Д. 46. Переписка с особым информотделом VI-го военного округа, отделениями разведки Корпуса охраны границы, полицией и др. о взятии на учет, розыске, проведении спецпроверки лиц, подозревавшихся в связи с советской разведкой, в принадлежности к нелегальным политическим организациям и др. 1923 – 1929 гг.
 - Д. 78. Переписка с особым информотделом VI-го военного округа, отделениями разведки Корпуса охраны границы, полицией и др. о взятии на учет, розыске, проведении спецпроверки лиц, подозревавшихся в нелегальном переходе границы, в связи с советской разведкой, в принадлежности к нелегальным политическим организациям и др. 1933 г.
 - Д. 89. Переписка с особым информотделом VI-го военного округа, отделениями разведки Корпуса охраны границы, полицией и др. о взятии на учет, розыске, проведении спецпроверки лиц, подозревавшихся в нелегальном переходе границы, в шпионаже в пользу иностранных

государств, в принадлежности к нелегальным политическим организациям и др. 1934 г.

2. Опубликованные источники

на русском языке:

1. Ваупшасов С.А. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. М.: Политиздат, 1971. 464 с.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений / отв. Ред. И.А. Хренов, Т. Цесляк. Т.4.: 1921, апрель – 1926, май. М.: Наука, 1966. 562 с.
3. Западная Белоруссия (статистический справочник) / Государственная плановая комиссия при СНК БССР, Управление народнохозяйственного учета БССР. Минск: издание Госплана при СНК БССР и УНХУ БССР, 1939. 142 с.
4. Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги: документы из личного архива И. В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933-1939 гг.). М.: Международные отношения, 2017. 592 с.
5. Нота члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Поверенному в Делах Польши в СССР К. Вышинскому. 5 сентября 1924 // Документы внешней политики СССР. Т. VII. 1 января-31 декабря 1924 г. М.: Госполитиздат, 1963. С. 442- 443.
6. Рафаил Р.А. Куда ведет Польшу Пилсудский. Ленинград: Прибой, 1928. 55 с.
7. Польша - Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов /сост.: А. Н. Вабищевич [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2012. 423 с.

на польском языке:

8. Słoński I. Agentura Kominternu w Polsce. Warszawa. 1937. 56 s.
9. Biuletyn Centralnego Komitetu do Spraw Młodzieży Wiejskiej przy Związku Izb i Organizacyj Rolniczych R.P. Nr 1 (jesień). Warszawa: Centralny Komitet do Spraw Młodzieży Wiejskiej przy Związku Izb i Organizacyj Rolniczych R.P. 1934.

10. Biuletyny oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza. Warszawa: oddział wychowania żołnierza dowództwa K.O.P. 1936 – 1939.
11. Grelewski S. Baptyści i adwentyści: wykład. Poznań: Wyd. Zjednocz. Młodzieży Polskiej, 1934. 4 s.
12. Grelewski S. Sekty religijne w Polsce współczesnej. Sandomierz: nakł. i dr. Diecezjalny Zakł. Graf. 1937. 356 s.
13. Grelewski S. Wyznania protestanckie i sekty religijne w Polsce współczesnej. Lublin, Sandomierz: nakł. i dr. Diecezjalny Zakł. Graf. Druk., 1937. 830 s.
14. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 17 marca 1921 r. wraz z uzupełnieniami z 1926 roku. Warszawa, 1933.
15. Korpus Ochrony Pogranicza: w 5 rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej: 1924–1929. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1929.
16. Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej: 1924–1925. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1925. 56 s.
17. Korpus Ochrony Pogranicza: w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej: 1926–1927. Warszawa: Druk. Ministerstwa Spraw Wojskowych. 1927. 66 s.
18. Mały Rocznik Statystyczny. Główny Urząd Statystyczny (GUS). Warszawa: Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1939. Roc. X. 424 s.
19. Na straźnicy i w domu. Ciekawe i pożyteczne wiadomości dla żołnierza K.O.P. oraz jego rodziny/ Pod redakcją Franciszka Jamka-Koperskiego. Warszawa 1935. 205 s.
20. Sprawozdanie z Działalności – Instytut Teatrów Ludowych. R. 1 (22 kwietnia 1929/31 grudnia 1931). Warszawa. 1932.
21. Sprawozdanie z Działalności – Instytut Teatrów Ludowych. R. 2 (1 stycznia 1932/31 grudnia 1933). Warszawa. 1934.

22. Sprawozdanie z Życia Mniejszości Narodowych. Polska. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918–1939). Wydział Narodowościowy. 1929–1932.
23. Strzeż się «badaczy Pisma Świętego». № 3. Łuck: Kuria Biskupia, 1928. 18 s.
24. Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935. Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1936. 72 s.
25. Ustawa o przymusowym nauczaniu w wojsku polskim. Z dnia 21 lipca 1919 r. [Electronic resource]. URL: [https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/przymusowe-nauczanie-w-wojsku-polskiem-16873464?unitId=art\(5\)](https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/przymusowe-nauczanie-w-wojsku-polskiem-16873464?unitId=art(5)) (дата обращения: 14.05.2022).

ЛИТЕРАТУРА

Общие труды:

на русском языке:

1. Довнар-Запольский М.В. История Беларуси. М.: Директ-Медиа, 2014. 582 с.
2. Зинькевич В. «Несвядомая» история Белой Руси. М.: Книжный мир, 2017. 426 с.
3. История белорусской государственности: в 5 томах / редакционная коллегия: А.А Коваленя (главный редактор) и др.]; отв. ред. В.Г. Мазец, Н.В. Смехович, С.А. Третьяк; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. Минск; Беларуская навука, 2019. Том 3. Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). 640 с.
4. История Польши с древнейших времен до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын; под ред. А. Сухени-Грабовский и Э. Цезары Круля. Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. 380 с.
5. История Польши: в 3-х томах. Т. 3. под ред. Ф.Г. Зуева [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 667 с.
6. Краткая история Польши / Отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Наука, 1993. 528 с.

7. Лочмель И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М.: Воениздат, 1940. 164 с.

8. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 949 с.

на белорусском языке:

9. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. Мінск: Экаперспектыва, 2006. 613 с.

10. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. Мінск: Беларусь, 1995. 560 с.

11. Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. 257 с.

Монографии:

на русском языке:

12. Борисёнок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 351 с.

13. Василючек М.В. В семье единой: (Воссоединение Западной Белоруссии в братской семье народов). Минск: Вышэйш. школа, 1977. 112 с.

14. Гольдштейн И.И. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии. Под ред. и с предисл. чл.–кор. Акад. наук СССР Р.С. Левиной; Ин-т мир. хоз-ва и мир. политики Акад. наук СССР. М.: Соцэкгиз, 1940. 296 с.

15. Гольдштейн И.И. Как польские паны угнетали крестьян. М.: Гослитиздат, 1939. 64 с.

16. Горбунов Т.С. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве. М.: Госполитиздат, 1948. 232 с.

17. Довнар-Запольский М.В. Основы государственности Белоруссии. Гродно: Министерство Белорусских дел, 1919. 14 с.

18. Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики, 1920-1940-е [пер. с фр. Э. Кустовой]. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 416 с.
19. Зимионко А.Г. Оккупация и интервенция в Белоруссии: Очерк. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 46 с.
20. Зубачевский В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 278 с.
21. Каплиев А.А. Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.). Минск: Беларуская навука, 2019. 330 с.
22. Ким И. К. Политическая борьба в Польше накануне Второй мировой войны (1936–1939). Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2003. 163 с.
23. Клейн Б.С. За дело правое: Борьба КПЗБ с буржуазным террором (1920–1938 гг.). Минск: Беларусь, 1986. 173 с.
24. Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 222 с.
25. Крети́нин С.В. Немцы в Польше. 1918–1939 гг.: монография / Науч. ред. А.Г. Айрапетов; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. 222 с.
26. Кривуть В.И. Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси (1926–1939). Минск: Беларуская навука, 2009. 254 с.
27. Кривуть В.И. Молодёжные организации на территории Западной Беларуси (1929–1939 гг.). Минск: Беларуская навука, 2008. 166 с.
28. Ладысев В.Ф. В борьбе за демократические права и свободы (Из исторического опыта Компартии Западной Белоруссии, 1926–1938 гг.). Минск: Беларусь, 1988. 189 с.
29. Ламов Л.М. Польша и ее армия. М.: Гос. воен. изд., 1937. 134 с.

30. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977. 295 с.
31. Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. 473 с.
32. Миронович А. Церковные унии в Беларуси, Литве, Украине и Польше и их последствия. Белосток: Кафедра истории Центральной и Восточной Европы Белостокского университета, 2021. 116 с.
33. Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1977. 291 с.
34. Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. Пер. с пол. М.: Политиздат, 1990. 398 с.
35. Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М.: Наука, 1974. 285 с.
36. Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918–март 1921 г.) М.: Наука, 1969. 260 с.
37. Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918-1926 годах. М.: Аспект Пресс, 2016. 171 с.
38. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Издательство Московского университета, 2014. 816 с.
39. Петрусевич Б.В. Обучение и подготовка польской армии. М.: IV управление штаба РККА, 1929. 278 с.
40. Пичета В.И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Соцэкгиз, 1940. 136 с.
41. Полуян В.А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.). Минск: Наука и техника, 1978. 359 с.
42. Полуян В.А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Беларуси в 1920–1939 гг. / В.А. Полуян, И.В. Полуян. Минск: Государственное издательство БССР, 1962. 222 с.

43. Полуян И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. / Под ред. М.Г. Костюка, Минск.: Навука і тэхніка, 1991. 205 с.
44. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 1. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т. истории / редкол.: А.А. Коваления [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2014. 594 с.
45. Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. 515 с.
46. Самосюк Н.В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Брест: БрГУ имени А.С. Пушкина, 2020. 210 с.
47. Цвикевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев: Типография «И.И. Чоколов», 1918. 16 с.

на белорусском языке:

48. Вабішчэвіч А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): манаграфія. Брэст: Выдавецтва БрДУ, 2008. 319 с.
49. Грыбоўскі Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фарміраваннях 1918 – 1945 гадоў. Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг, 2006. 832 с.
50. Крывуць В.І. Барацьба за маладое пакаленне Заходняй Беларусі і праўрадавы маладзёжны рух (1926–1939 гг.). Баранавічы: БарДУ, 2013. 273 с.
51. Крывуць В.І. Пад шыльдай «дзяржаўнага выхавання»: рэалізацыя ўрадавых выхаваўчых канцэпцый на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1926–1939). Баранавічы: РВА БарДУ. 2010. 196 с.
52. Полуян В.А. Беларуская сялянска-рабочая грамада. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. 222 с.
53. Цымбал А.Г. Праваслаўная царква ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Мінск: МДЛУ, 2016. 126 с.

на польском языке

54. Dobrowolski P. Działalność edukacyjno-wychowawcza polskich bibliotek wojskowych w II Rzeczypospolitej. Warszawa: Centralna Biblioteka Wojskowa im. Marszałka Józefa Piłsudskiego, 2017. 205 s.
55. Dominiczak H. Granica wschodnia Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1919–1939. Warszawa: PWN, 1992. 287 s.
56. Grzybowski J. Białorusini w polskich regularnych formacjach wojskowych w latach 1918–1945. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 587 s.
57. Jabłonowski M., Prochwicz J. R. Wywiad Korpusu Ochrony Pogranicza 1924–1939. Warszawa: ASPRA-JR, 2004. 326 s.
58. Jarno W. Garnizon Wojska Polskiego w Tomaszowie Mazowieckim w latach 1918–1939. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2019. 243 s.
59. Kierski K. Ochrona praw mniejszości w Polsce. Poznań: Druk. "Dziennika Poznańskiego", 1933. 711 s.
60. Kirwiel E. Kresy Północno-Wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1918–1939. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. 219 s.
61. Kusiak F. Życie codzienne oficerów Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992. 299 s.
62. Łach H. Działalność oświatowo-wychowawcza i kulturalna KOP w latach 1924–1939. Olsztyn, 2011. 225 s.
63. May I.P. Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 336 s.
64. Maruszewski A. Ochrona granic w dawnej Polsce i dzisiaj. Warszawa: Druk. Naukowa, 1936. 103 s.
65. Pepłoński A. Wywiad polski na ZSRR 1921–1939, Warszawa: Bellona, 1996. 392 s.
66. Śleszyński W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 400 s.
67. Śleszyński W. Województwo poleskie. Kraków: Avalon, 2014. 335 s.

68. Stobniak-Smogorzewska J. Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945. Warszawa: Seria Wschodnia, 2003. 417 s.

Статьи:

на русском языке:

69. Багинский Э.С. Политические концепции санации и польская конституция 1935 года // Славяноведение. 1978. № 1. С. 56–76.

70. Багинский Э.С. Санация и конституционный вопрос в Польше (1926–1929) // Славяноведение. 1977. № 3. С. 16–33.

71. Болдов А.В. Подготовка «санации» к созданию своей политической организации (май 1935 – февраль 1938 гг.) // Славяноведение. 1981. № 3. С. 38–47.

72. Борисёнок Ю.А. «Белорусскую политику пусть черти подберут»: отказ Ю. Пилсудского от практической реализации федеративной концепции в 1920 году // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2019. № 5. С. 58–72.

73. Борисёнок Ю.А. Белорусские земли между Польшей и Россией – от разделов Речи Посполитой до окончания Второй мировой войны (1772–1945) // Новая и Новейшая история. 2015. № 5. С. 148–159.

74. Борисёнок Ю.А. Белорусский крестьянин в вихре модернизации. Виталитивная культура первых десятилетий XX века на фоне социальных перемен // Родина. 2014. № 6. С. 120–122.

75. Борисёнок Ю.А. Влияние событий Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 г. на идентичность населения Белорусских земель // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2017. № 2. С. 34–39.

76. Борисёнок Ю.А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 55–65.

77. Борисенок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 179–186.
78. Бортник Л.В. Причины и предпосылки создания Польского Корпуса охраны пограничья // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3–1. С. 85–88.
79. Вабищевич А.М. Взаимоотношения славянского населения в национально-культурной жизни в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2016. Т.1. № 1 (9). С. 17–21.
80. Вабищевич А.М. Западное Полесье в 1921–1939 гг.: воеводские и поветовые органы управления и самоуправления // Беларусь и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: сб. материалов науч.–практ. конф., Брест, 29 марта 2017 г. / Брест. гос. ун–т им. А.С. Пушкина; редкол.: Л.М. Калилец, Н.В. Самосюк. Брест: БрГУ, 2017. С. 37–43.
81. Вабищевич А.М. Культура и просвещение татар–мусульман в западнобелорусском регионе (20–30-е гг. XX в.) // Проблема исторической регионалистики: сб. науч. ст. Вып. 1 / Чувацкий гос. пед. ун.–т. им. И.Я. Яковлева; отв. ред. Г.И. Тафаев. – Чебоксары, 2009. С. 12–18.
82. Вабищевич А.М. Литовское культурно-просветительское движение на белорусско-литовском пограничье в 1920–1939 гг. в оценках местной польской администрации // Lietuvos istorijos studijos. 19 tomas. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2007. P. 67–79.
83. Вабищевич А.М. Проблематика римско-католической церкви в контексте положения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Проблемы исторической регионалистики: сб. материалов «круглого стола», 23 мая 2008 г. / Чувацкий гос. пед. ун.–т. им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2009. Вып. III. С. 17–26.

84. Вабищевич А.М. Старообрядцы как этноконфессиональное меньшинство в Польше (1918–1939 гг.) // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 157–171.
85. Вабищевич А.М. Этнокультурное положение и этнополитические отношения на западнобелорусских землях накануне сентября 1939 года // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 7–25.
86. Вабищевич А.М. Этнокультурные взаимоотношения на западнобелорусских землях в 1921–1939 гг. // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М.: Институт славяноведения, 2011. С. 293–310.
87. Волос М. Польская дипломатия в время Парижской конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): материалы Международ. научной конференции 11–12 ноября 2008 г. / Федеральное агентство по образованию; Администрация Тамбовской области; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; Институт всеобщей истории РАН; Ассоциация историков Первой мировой войны; Дом-музей Г.В. Чичерина. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. С. 95–101.
88. Воронков В.И. ПСЛ-«Вызволене» и польская конституция 1921 г. // Славяноведение. 1978. № 6. С. 81–89.
89. Гарматный В.П. В. Станевич и земельная реформа в Западной Беларуси в 1921–1939 гг // Вопросы истории. 2015. № 6. С. 114–123.
90. Горный А.С. Белорусские национально-демократические и полонофильские организации в межвоенной Польше // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 107–126.
91. Горный А.С. Белорусские полонофильские организации в общественно-политической и культурной жизни Западной Беларуси (1921–

- 1937 гг.): историография и источники // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 30–38.
92. Горный А.С. Радио и национальная идентичность в межвоенный период: опыт Западной Беларуси // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 01 2023 года. Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2023. С. 498–502.
93. Грегорович С. Польша между Германией и Россией в европейской политической системе межвоенного периода // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 231–243.
94. Гресь С.М. Разработка аграрного законодательства польскими властями в 1921–1939 гг // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (2). С. 68–71
95. Даркович А.Л. Городское самоуправление в Западной Беларуси в 1930-е гг. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2022. Т. 14, № 2. С. 21–30.
96. Даркович А.Л. Городское самоуправление в Западной Беларуси во второй половине 1920-х гг.: национальный состав и межнациональные взаимоотношения // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2021. Т. 13, № 2. С. 13–21.
97. Даркович А.Л. Западнобелорусские земли в политике польского государства в 1919–1926 годах (На примере городского самоуправления белорусского Полесья) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 55–67.
98. Даркович А.Л. Поддержание санитарии и благоустройство в городах на западнобелорусских землях (1919–1939 гг.) // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2017. Т. 1, № 1. С. 72–89.

99. День в календаре: праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв: сборник статей / главный редактор: О. В. Хаванова Москва: Ин-т славяноведения РАН; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 303 с.
100. Дьячков В.Л. Восприятие поляков и польского Советским государством и обществом в 1917–1945 гг. (тамбовский случай) // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: Материалы международной научной конференции, Москва, 15 марта 2019 года / Под редакцией С.В. Леонова, Г.В. Талиной. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 277–298.
101. Дьячков В.Л. Поляки в политических репрессиях 1918–1953 гг. В Тамбовской области // Поляки в истории российской провинции XIX–XX вв. Диалог цивилизаций: материалы международной научной конференции, 18–20 мая 2010 г., Тамбов / [ред. совет: Волос Мариуш, Канищев Валерий Владимирович (науч. ред.) и др.]. Тамбов: [б. и.], 2010. С. 288–304.
102. Замоиский А С. Евгеника в межвоенной Польше и ее северо-восточных воеводствах // Российско-польский исторический альманах. Выпуск VI. Ставрополь – Волгоград: Изд – во СГУ, 2012. С. 38–46.
103. Зыков Н.П. Особенности польского режима санации 1926–1939 гг.: политический аспект // Аллея науки. 2017. Т. 3, № 10. С. 28–30.
104. Исаченко А.Г. Принципы историко-географического районирования (на примере Северо-Запада Европейской России) // Известия Русского Географического Общества. 2013. Вып. 1. С. 3-20.
105. Каплиев А.А. Исторические условия институционализации скорой медицинской помощи на территории Северо-Западного края и Советской Белоруссии в первой четверти XX столетия // Vēsture: avoti un cilvēki. XXI. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saule», 2018. Lpp. 189–201.

106. Каплиев А.А. Медицинский факультет университета Стефана Батория в Вильно как центр подготовки врачебных кадров для Западной Беларуси (1919–1939 гг.) // Витебск: ВГУ имени ПМ Машерова. 2022. С. 79–81.
107. Каплиев А.А. Медицинское обеспечение населения «Восточных кресов» Второй Речи Посполитой как отражение социальной политики польских властей в Западной Беларуси и Западной Украине (1921–1939 гг.) // Внутрішні та зовнішні складові формування зовнішньої політики країн пострадянського простору: збірник наукових праць / за заг. ред. А.Г. Булавінського / ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України». К.: Державна установа «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2021. С. 29–42.
108. Каплиев А.А. Сравнительный анализ обеспечения медицинским персоналом городов и сельской местности в БССР и Западной Беларуси (1919–1939 гг.) // XVII Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 20 октября 2023 г.: в 2 т. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. Т. 2. С. 320–323.
109. Ким И.К. Борьба лагеря санации за принятие Апрельской конституции 1935 г. в Польше // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 75–83.
110. Ким И.К. Брестский процесс над деятелями оппозиции в 1931–1932 гг. в Польше // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 68–77.
111. Ким И.К. Восточные земли Польши и их население в программных документах основных польских политических лагерей (1926–1939 годы) // Феномен границ в истории и исторической памяти: материалы международной научной конференции, Ставрополь, 14–17 октября 2021 года / Северо-Кавказский федеральный университет; Институт славяноведения РАН; Комиссия историков России и Словакии; Российское историческое общество; Фонд «История Отечества». Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. С. 194–205.

112. Ким И.К. Государство, общество, личность в программных документах польских политических сил в период режима санации в Польше // Грани познания. 2014. № 4 (31). С. 151–155.
113. Ким И.К. Идеино-политические основы сотрудничества и противоборства политических сил периода режима санации в Польше // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11, № 2–2. С. 79–83.
114. Ким И.К. Избирательная кампания санации перед выборами в Сейм 1930 г. в Польше на страницах «Газеты польской» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (99). С. 209–216.
115. Ким И.К. Лагерь «санации» и парламентские выборы 1938 г. в Польше // Славяноведение. 1986. № 6. С. 31–42.
116. Ким И.К. Майский переворот 1926 г. в Польше в воспоминаниях современников // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3 (47). С. 113–117.
117. Ким И.К. О пребывании в военной тюрьме в Бресте деятелей польской оппозиции в 1930 г // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (105). С. 201–209.
118. Ким И.К. Общественно-политический резонанс заключения в Брестской военной тюрьме деятелей польской оппозиции в 1930 г // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 53–59.
119. Ким И.К. Отражение в санационной прессе майского переворота 1926 года в Польше // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2010. № 6 (66). С. 66–68.
120. Ким И.К. Парламентские выборы 1935 года в Полесском воеводстве // Гістарычная Брама. 2009. № 1 (24). С. 42–51.
121. Ким И.К. Переворот 1926 г. в Польше: разрыв и преемственность во внутривнутриполитических отношениях // История: перекрестки и переломы: материалы Международной научной конференции, Волгоград, 14–15 мая 2007 года / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО

«Волгоградский государственный педагогический университет», Кафедра всеобщей истории. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007. С. 309–320.

122. Ким И.К. Польские политические силы и власти в парламентских выборах 1938 года в Полесском воеводстве // Гістарычная Брама. 2010. № 1 (25). С. 39–48.

123. Ким И.К. Проблема пересмотра конституции в польском Сейме 1928–1930 годов // Российско-польский исторический альманах. Том VII. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. С. 191–211.

124. Ким И.К. Реакция армии и общества на майский переворот 1926 года в Польше по донесениям польской контрразведки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4 (158). С. 69–72.

125. Ким И.К. Региональные различия влияния основных польских политических Сил в период режима санации как следствие разделов Польши // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: сборник научных статей. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. С. 63–69.

126. Короткова Д.А. Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 году // Славяноведение. 2012. № 3. С. 51–64.

127. Короткова Д.А. Белорусский вопрос на советско-литовских переговорах 1920 года // Историки-слависты МГУ: сборник статей / Институт славяноведения РАН. Том Книга 8. Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 504–512.

128. Короткова Д.А. Белорусский вопрос на советско-польских предварительных переговорах в Риге // Историки-слависты МГУ / Кафедра истории южных и западных славян МГУ. Том 9. М.: Издательство Московского государственного университета, 2013. С. 173–189.

129. Короткова Д.А. За автономию, но в составе Польши. Польские организации Белоруссии на Рижской мирной конференции 1920 года // Родина. 2015. № 1. С. 68–69.
130. Костюшко И.И. От парламентской системы к авторитарной (Конституции Польши 1921 и 1935 годов) // Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Сборник статей / Отв. ред. Е.П. Серапионова. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 7–30.
131. Кривуть В.И. Акция Сельскохозяйственной подготовки на территории Полесского воеводства в межвоенный период // Сельское хозяйство Беларуси сквозь призму научных исследований (XIX – начало XXI в.): Доклады Международной научной конференции, Минск, 23 сентября 2021 года. Минск: УП «ИВЦ Минфина», 2021. С. 163–171.
132. Кривуть В.И. Воспитание молодого поколения Западной Беларуси в польской школе в 1920–1930-е гг // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2016. № 3. С. 64–74.
133. Кривуть В.И. Гарнизон «Барановичи» и реализация официальной молодежной политики в межвоенный период // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. 2021. № 1–2 (9–10). С. 45–49.
134. Кривуть В.И. Деятельность проправительственных молодежных союзов на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2014. № 1. С. 99–106.
135. Кривуть В.И. Католические молодежные союзы и правительственная молодежная политика на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2013. № 1. С. 16–24.

136. Кривуть В.И. Католическое молодежное движение и польские власти в западной Белоруссии (межвоенный период) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 87–114.
137. Кривуть В.И. Конкурсная система сельскохозяйственной подготовки молодежи Западной Беларуси в межвоенный период // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2016. № 4. С. 19–23.
138. Кривуть В.И. Культурно-массовые мероприятия официальных молодежных союзов на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2020. № 2. С. 6–13.
139. Кривуть В.И. Мероприятия властей II Речи Посполитой в сфере военной подготовки молодого поколения // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. 2011. № 1. С. 37–43.
140. Кривуть В.И. Националистические организации польской молодежи в Западной Беларуси в межвоенный период // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2018. № 2 (14). С. 12–15.
141. Кривуть В.И. Основные направления молодежной политики польских властей в межвоенный период // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2013. № 9. С. 130–138.
142. Кривуть В.И. Полесский воеводский союз сельской молодежи и реализация правительственной молодежной политики (1920–1930-е гг.) // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2012. № 1. С. 3–9.
143. Кривуть В.И. Польские власти и белорусские школы на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2020. № 2 (18). С. 18–21.

144. Кривуть В.И. Польские власти и создание проправительственного молодежного движения на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2014. № 1. С. 13–21.
145. Кривуть В.И. Союз работы для Государства – Легион Молодых на территории Западной Беларуси (1930–1938 гг.) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 24. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2008. С. 128–131.
146. Кривуть В.И. Участие Корпуса охраны пограничья в реализации официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в 1920–1930-е гг // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2017. Т. 9, № 1. С. 6–12.
147. Кривуть В.И. Участие силовых структур II РП в реализации концепции «государственного воспитания» // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. 2013. № 2. С. 18–24.
148. Курганский А.А. Игнаций Падеревский о границах и внешнеполитической ориентации независимой Польши (1914–1921) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 60–71.
149. Лопатина Е.Б. Фашизм или авторитаризм: историографические дискуссии о режиме «санации» в Польше // Фашизм, неофашизм и их преступная практика. Сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой/ Отв. ред. А.А. Богдашкин. Москва: Изд-во «Весь мир», 2021. С. 323–337.
150. Макаренко П. В. «Немецкий Октябрь» 1923 г. и советская внешняя политика // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 36–55.
151. Манусевич А.Я. «Санация» у власти: О военном перевороте в Польше 1926 г. // Новая и новейшая история. 1986. № 4. С.128–151.
152. Манусевич А.Я. У истоков «санации» // Новая и новейшая история. 1974. № 2–3. С.141–159.

153. Матвеев Г.Ф. Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Великой войны // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1 (15). С. 171–192.
154. Матвеев Г.Ф. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // *Берегиня*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3 (26). С. 42–51.
155. Матвеев, Г.Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919-1920 годов // *Новая и новейшая история*. 2006. № 3. С. 47–56.
156. Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // *Российская история*. 2018. № 5. С.128–140.
157. Миллер А.И., Малинова О.Ю., . Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // *Российская история*. 2018. № 5. С.128–140.
158. Миронов В.В. Борьба с эпидемиями на Волыни во время австро-венгерской оккупации в ракурсе «культурной истории» Первой мировой войны // *Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 61–64.
159. Миронович А.В. Православное образование в Польше в межвоенный период // *Вестник Свято-Филаретовского института*. 2022. № 41. С. 74–92.
160. Михальченко С. И. М.В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // *Вопросы истории*. 1993. № 6. С. 162–170.
161. Михалюк Д. Попытки добиться признания независимости БНР в период Парижской конференции // *Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев*. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 169–179.
162. Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919 – 1921 гг // *Новая и новейшая история*. 1995. № 3. С. 64–69.

163. Морозов Д.В. Правовая основа и организационная структура охраны памятников в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Журнал Белорусского государственного университета. 2017. № 4. С. 50–56.
164. Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 138–144.
165. Мощук А.В. Особенности проявлений антисемитизма в Западной Беларуси в 1921–1939 гг // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 23–24 апреля 2015 года. Рязань: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Концепция», 2015. С. 61–64.
166. Носкова А.Ф. Формирование двух лагерей в польском движении Сопротивления // Вопросы истории. 1988. № 8. С. 24–35.
167. Парсаданова В.С. Владислав Сикорский // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 48–71.
168. Прибылов В.И. Создание Лиги Наций и Польша // Славяноведение. 1979. № 5. С. 10–28.
169. Прокопов А.Ю. Британское общество и Парижская мирная Конференция // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 85–104.
170. Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Под ред. Е.П. Серапионовой. М.; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С.8-16.
171. Романов В.В. Вудро Вильсон и его концепция мироустройства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 2 (422). С. 68–80.
172. Романов В.В. Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4–1. С. 30–38.

173. Романов В.В. США на Парижской мирной конференции: вильсоновская концепция Лиги Наций и ее реализация // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): материалы Международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. / Федеральное агентство по образованию; Администрация Тамбовской области; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; Институт всеобщей истории РАН; Ассоциация историков Первой мировой войны; Дом-музей Г.В. Чичерина. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. С. 102–111.
174. Савченко Д.Е. Реализация восточного вектора внешней политики Ю. Пилсудского на территории Беларуси в рамках начального периода польско-советской войны 1919–1920 годов // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2019. № 5. С. 73–82.
175. Самосюк Н.В. Благотворительная деятельность Православной Церкви на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 51–70.
176. Самосюк Н.В. Изменение этнонациональной идентичности в контексте деятельности Православной церкви в Западной Беларуси в межвоенный период // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (22). С. 26–32.
177. Самосюк Н.В. Механизм размывания белорусской культурной идентичности в межвоенный период (на примере образования) // Культура Беларуси: реалии современности: VII Международная научно-практическая конференция, посвященная Году малой родины в Республике Беларусь: сборник научных статей, Минск, 04 октября 2018 года. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2018. С. 212–217.
178. Самосюк Н.В. Особенности воспитания в среде русской общественности в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути

решения: Сборник научных статей, Витебск, 25 октября 2018 года / Под научной редакцией А.П. Орловой. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2018. С. 169–172.

179. Самосюк Н.В. Православные праздники в культуре Западной Беларуси в межвоенный период // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (45). С. 26–32.

180. Самосюк Н.В. Просветительские традиции православной церкви в культуре Западной Беларуси, 1921–1939 годы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2014. № 15. С. 104–107.

181. Самосюк Н.В. Развитие культурной идентичности православного населения Западной Беларуси в межвоенный период // Искусство и культура. 2015. № 4 (20). С. 96–102.

182. Сенявская Е.С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 8. С. 46–54.

183. Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): материалы Международ. научной конференции 11–12 ноября 2008 г. / Федеральное агентство по образованию; Администрация Тамбовской области; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; Институт всеобщей истории РАН; Ассоциация историков Первой мировой войны; Дом-музей Г.В. Чичерина. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. С. 88–94.

184. Симонова Т. М. Реалии Гражданской войны: новые материалы к портрету Станислава Булак-Балаховича // Россия XXI. 2014. № 5. С. 114–141.

185. Симонова Т. Поле белых крестов. Русские военнопленные в польском плену // Родина. 2001. № 4. С. 52–59.

186. Симонова Т.М. Русские в Польской Республике и Лига Наций (1919–1939 гг.) // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 201–215.
187. Симонова Т.М., Глушковский П. История русской эмиграции в Польше в 1919 – 1939 гг.: новые источники и современная историография проблемы // Вестник РУДН. Серия «История России». 2018. Т. 17. № 1. С. 50–73.
188. Сосонкина В.Ф. Состояние и развитие фармацевтического дела в Западной Белоруссии в межвоенный период (1919–1939 гг.) // Вестник фармации. 2012. № 3 (57). С. 89–97.
189. Титова А.А. Проблема аграрной реформы в польском сейме (июнь–декабрь 1923 г.) // Славяноведение. 1977. № 2. С. 39–51.
190. Тихонович О.В. Полонизация белорусских воеводств Второй Польской республики с помощью вооруженных сил в 1930-е гг. // *Via in tempore*. История. Политология. 2023. Т. 50, № 1. С. 75–83.
191. Тихонович О.В. Полонизация Западной Белоруссии с помощью Корпуса Охраны Пограничья в первой половине 1920-х гг. // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2023. Т. 14, № 3. С. 103–116.
192. Тихонович О.В. Роль офицеров Корпуса охраны пограничья в культурно-просветительской и идеологической работе по полонизации военнослужащих и местного населения Западной Белоруссии Второй Польской Республики // *Интеллигенция и мир*. 2023. № 3. С. 136–156.
193. Тищенко Е.М. Амбулаторная помощь в Западной Белоруссии в межвоенный период (1921–1939) // *Журнал. ГГМУ*. 2003. № 2. С. 89–92.
194. Ткаченко Д.С. Фронтальный ориентализм в описаниях Д.А. Милютиным Северного Кавказа в 40-е гг. XIX в // *Journal of Frontier Studies*. 2023. № 4. Р. 49–71.
195. Ткаченко Д.С. Фронтальный ориентализм в описаниях Д. А. Милютиным Северного Кавказа в 40-е гг. XIX в // *Journal of Frontier Studies*. 2023. № 4. Р. 49–71.

196. Чугаев В.П. Движение за народный фронт в Польше // Вопросы истории. 1977. № 3. С. 53–67.
197. Шевченко К. «Нас считают то москалями, то большевиками...». Пресса Западной Беларуси о положении белорусов в возрождённой Польше // Родина. 2012. № 7. С. 120–123.
198. Шевченко К.В. «Картина варварства и глупости»: белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг. // Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала: Сборник статей. М.: Кучково поле, 2019. С. 53–67.
199. Шевченко К.В. «Под небом Полесья»: из истории общественной мысли белорусского Полесья в 1930-е годы // Белорусский исторический обзор. 2022. № 1 (6). С. 66–86.
200. Шевченко К.В. «Хитер наш полешук!». Русская пресса белорусского Полесья в составе межвоенной Польши как индикатор этнической идентичности // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. Т. 12. С. 101–113.
201. Шевченко К.В. Белорусское национальное меньшинство второй Речи Посполитой как объект этнокультурных экспериментов Варшавы в 1919–1939 гг. // Евразийское обозрение – Eurasian Review. Нациестроительство и идентичности в Евразии. Том Выпуск 1. Прага: Medium Orient, 2014. С. 66–88.
202. Шевченко К.В. Белорусское Полесье как объект этнокультурной инженерии Польши в 1930-е гг.: медийные аспекты (на основе материалов Государственного архива Брестской области) // Русин. 2022. № 70. С. 164–180.
203. Шевченко К.В. В ожидании освобождения: положение белорусов во Второй Речи Посполитой к сентябрю 1939 года (по архивным материалам) // Гісторыя і грамадазнаўства. 2021. № 5. С. 40–48.
204. Шевченко К.В. Положение белорусского национального меньшинства Второй Речи Посполитой в начале 1920-х годов в освещении

западнобелорусской прессы // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: сборник статей. Материалы международной научной конференции, Новозыбков, 28 марта 2020 года. Брянск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Аверс», 2020. С. 194–202.

205. Шевченко К.В. Русский мир в борьбе за выживание: западнобелорусские земли в составе Польши в 1919–1939 гг. // Университетский вестник. 2016. № 1 (17). С. 91–111.

206. Шевченко К.В. Этнокультурная инженерия по-варшавски: белорусское и украинское национальные меньшинства Второй Речи Посполитой в 1930-е гг // Труды института постсоветских и межрегиональных исследований. 2023. № 6. С. 161–175.

на белорусском языке:

207. Бароўская В.М. Пытанне ўдзелу беларускіх прадстаўнікоў у працы Рыжскай мірнай канферэнцыі (верасень 1920 г. – сакавік 1921 г.) // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. у лёсах народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 26 сак. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2022. С. 27–35.

208. Вабішчэвіч А.М. Паміж паланізацыяй і асіміляцыяй. Этнакультурная сітуацыя ў Заходняй Беларусі ў другой палове 1930-х гадоў // Беларуская думка. 2009. № 7. С. 66–71.

209. Капліеў А.А. Асаблівасці аховы здароўя Заходняй Беларусі ў складзе Другой Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2020. № 8. С. 29–37.

210. Капліеў А.А. Зараджэнне і развіццё страхавой медыцыны ў Беларусі (XIX – першая палова XX стагоддзя) // Беларуская думка. 2022. № 10. С. 75–83.

211. Капліеў А.А. Медыцынскі перыядычны друк на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XX стагоддзя // Беларуская думка. 2020. № 9. С. 66–74.

212. Капліеў А.А. Развіццё службы хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1919–1939 гады) // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 4. С. 32–42.
213. Капліеў А.А. Роля таварыства Чырвонага Крыжа ў станаўленні інстытутаў хуткай медыцынскай дапамогі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1919–1939 гады) // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2018. № 2. С. 56–61.
214. Крывуць В.І. «Санацыйная» маладзёжная палітыка і яе эвалюцыя ў Заходняй Беларусі // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2014. № 3. С. 44–49.
215. Крывуць В.І. Арганізацыя працуючай моладзі і барацьба з маладзёжным беспрацоўем на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд // Вестник Полоцкого государственного университета. Серія А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2015. № 1. С. 96–101.
216. Крывуць В.І. Ваенная падрыхтоўка школьнай моладзі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гісторыя, філасофія, філалогія. 2016. № 1. С. 21–24.
217. Крывуць В.І. Дзейнасць афіцыйных польскіх арганізацый школьнай моладзі на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1927–1939 гг.) // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2012. № 3. С. 61–66.
218. Крывуць В.І. Дзейнасць студэнцкай арганізацыі «Братняя Дапамога» Віленскага ўніверсітэта імя С. Баторыя ў 30-я гг. XX ст. // Весці БДПУ. Серыя 2. 2004. № 3. С. 13–15.
219. Крывуць В.І. Культ асобы Ю. Пілсудскага як элемент дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гісторыя, філасофія, філалогія. 2014. № 2. С. 16–21.
220. Крывуць В.І. Маладзёжная палітыка польскіх улад на тэрыторыі Навагрудскага ваяводства ў 1920–1930-я гг. // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2010. № 4. С. 59–65.

221. Кривуць В.І. Палітыка польскіх улад па ваеннай падрыхтоўцы моладзі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2017. № 1. С. 49–54.
222. Кривуць В.І. Польскі нацыяналістычны маладзёжны рух у Вільні (1921–1939 гг.) // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2015. № 4. С. 25–29.
223. Кривуць В.І. Саюз польскага харцэрства і яго праца сярод моладзі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 27. 2012. С. 166–169.
224. Кривуць В.І. Сельскагаспадарчая падрыхтоўка моладзі Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гг. // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2009. № 3. С. 77–82.
225. Кривуць В.І. Удзел Войска Польскага ў рэалізацыі ўрадавай маладзёжнай палітыкі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 30-я гг. XX ст. // Весці БДПУ. Серыя 2. 2004. № 2. С. 35–38.
226. Нашчынец К. Заходні фарпост савецкай дзяржавы: невядомыя факты з гісторыі Негарэлаўскай мытні // Таможенное дело и ВЭД: сборник докладов участников СНИЛ «Теория и практика таможенного дела и внешнеэкономической деятельности». Вып. 1. Минск: БГУ, 2013. С. 249–261.

на англійском языке:

227. Balkelis T. A Dirty War: The armed Polish-Lithuanian Conflict and its Impact on Nation-Making in Lithuania, 1919–23 // Acta Poloniae Historica. 2020. Vol.121. P. 227 – 259.
228. Drozdowski M. M. The National Minorities in Poland in 1918–1939 // Acta Poloniae Historica. T. 22. 1970. P. 226–250.
229. Galedek M. Polish authorities and the orthodox church in the interwar period. Journal of Law. 2012. S. 76–81.
230. Gorny A.S. Belarusian Polonophils and Polish authorities in Western Belarus of the interwar period: the financial aspect of the interaction // Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University. 2015. No. 1 (88). P. 11–16.

231. Gorny A.S. Legal forms of activity in the Belarusian national movement in interwar Western Belarus // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: Сборник научных статей по материалам конференции, Пинск, 25 февраля 2022 года / Под редакцией Р. Гагуа. Редкол.: В.И. Дунай [и др.]. Vol. Выпуск 6. Пинск: Полесский государственный университет, 2022. P. 202–206.

232. Mironowicz A. Church unions and their consequences in Poland // *Elpis*. 2014. № 16. S. 159–168.

233. Mironowicz A. The Destruction and Transfer of Orthodox church Property in Poland, 1919–1939 // *Polish Political Science Yearbook*. 2014. Vol. XLIII. S. 405–420.

на немецком языке:

234. Grzybowski J. Belarussen in den polnischen Streitkräften in Friedenszeiten (1921–1939) // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2013. Bd. 62 Nr. 2. Nationalisierung und Pragmatismus. Staatliche Institutionen und Minderheiten in Polen 1918–1939. S. 233–253.

235. Henschel C., Stach S. Einleitung: Nationalisierung und Pragmatismus. Staatliche Institutionen und Minderheiten in Polen 1918–1939 // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2013. Bd. 62 Nr. 2. Nationalisierung und Pragmatismus. Staatliche Institutionen und Minderheiten in Polen 1918–1939. S. 164–186.

236. Pagel J. Der polnische-litauische Streit um Wilna und die Haltung der Sowjetunion 1918–1938 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1992. Bd. 40. H.1. S. 41–75.

на французском языке:

237. Zawadzki P. Raisons de la création et de l'évolution des formations frontalières polonaises dans l'entre-deux-guerres // *Miscellanea Historico-Iuridica*, T. 20. Z. 2. 2021. S. 201–229.

на польском языке:

238. Baczkowski M. Znaczenie armii austriackiej dla rozwoju cywilizacyjnego Galicji (1848-1918) // *Kwartalnik Historyczny*. CXVI. 2009. № 2. S.71–90.
239. Banaszak B., Kulka G. Obrona oficerskiego honoru czy zwykle zabójstwo? Kontrowersje i dyskusja wokół wybranych orzeczeń wojskowego sądownictwa w II Rzeczypospolitej (do 1926 r.) // *Zagadnienia prawa konstytucyjnego. Polskie i zagraniczne rozwiązania ustrojowe. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Dariuszowi Góreckiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. S. 19–32.
240. Biernat F. Rola Korpusu Ochrony Pogranicza w ochronie polskiej granicy wschodniej i wojnie obronnej 1939 roku // *Szkice z dziejów wojskowych Polski w latach 1918 – 1939/ pod red. Benona Miśkiewicza*, Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1979.S. 51–102.
241. Dobrowolski P. Świetlice żołnierskie – rola i zadania w systemie wychowawczym żołnierzy (1918–1939) // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica*. 2018. Nr. 101. S. 147–157.
242. Gałędek M. Administracja państwowa w konstytucji kwietniowej // *Imponderabilia. Biuletyn Piłsudczykowski*. 2012. Nr. 4. S. 233–254.
243. Gałędek M. Rozporządzenie Prezydenta RP z 19 stycznia 1928 r. o organizacji i zakresie działania władz administracji ogólnej–przełom w budowie ustroju administracyjnego państwa polskiego doby międzywojennej // *Zeszyty Prawnicze*. 2011. Nr. 11.3. S. 95–123.
244. Głuszkowski P. Recepcja twórczości literackiej Maksyma Gorkiego w Polsce // *Studia Rossica Gedanensia*, Nr. 6. 2019. S. 83–96.
245. Goclon J. Polsko-radziecki traktat pokojowy zawarty w Rydze w 1921 r. (aspekty polityczno-narodowościowe) // *Przegląd Nauk Historycznych*. 2009. V. 8. Nr. 1. S. 105–128.
246. Grott O. Instytut Badań Spraw Narodowościowych w Warszawie jako modelowy przykład polskiej instytucji badawczej zajmującej się kwestiami narodowościowymi // *Odmiany współczesnej nauki o polityce*. 2014. S. 15–27.

247. Jarno W. Dywizjony artylerii ciężkiej jako element wzmocnienia siły ogniowej polskiej dywizji piechoty w końcu lat trzydziestych XX wieku // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia historica*. 2023. No. 114. S. 169–185.
248. Jarno W. Miejski Komitet Wychowania Fizycznego i Przystosowania Wojskowego w Tomaszowie Mazowieckim w latach Drugiej Rzeczypospolitej // *Studia Z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*. 2016. S. 117–133.
249. Jarno W. Służba samochodowa Wojska Polskiego w latach trzydziestych XX wieku // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica*. 2017. No. 99. S. 229–258.
250. Jarno W. Wojsko Polskie w życiu gospodarczym Łodzi w latach II Rzeczypospolitej // *Studia Z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*. 2019. No. 20. S. 89–102.
251. Jarno W. Życie codzienne w garnizonie kaliskim w latach 1921–1939. *Acta Universitatis Lodzensis // Folia Historica*. 2018. No. 102. S. 115–133.
252. Kania L. Stosunek społeczeństwa polskiego i mniejszości narodowych do obowiązku służby wojskowej w czasie wojny z Rosją bolszewicką (luty 1919 – listopad 1920) // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2020. Vol. XXI. Nr. 3. (273). S. 47–79.
253. Kasprzycki R. Ucieczki do Polski żołnierzy z krajów sąsiednich w latach 1920–1939 // *Przegląd Nauk Historycznych*. 2017. T. 16. № 1. S. 217–256.
254. Kirwiel E. Gospodarka Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej uwarunkowania rozwoju, reformy ekonomiczne // *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku*. 2012. T. X. S. 181–193.
255. Kirwiel E. Cechy charakterystyczne obszaru Kresów Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej okresu międzywojennego // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio K, Politologia*. 2006. Vol. XIII. S. 93–105.
256. Kirwiel E. Gospodarka Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej uwarunkowania rozwoju, reformy ekonomiczne // *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku*. 2012. T. X. S. 181–193.

257. Kirwiel E. Socio-economic backwardness in the rural areas of the North-Eastern Borderlands of the Second Republic of Poland // *Wschód Europy: studia humanistyczno-społeczne*. 2019. Vol. 5. No 2. S. 69–85.
258. Kirwiel E. Społeczeństwo Kresów Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej okresu międzywojennego // *Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą*. 2013. T. 2. S. 179–197.
259. Kirwiel E. Życie polityczne mniejszości żydowskiej na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej w okresie międzywojennym. Zarys problematyki // *Wschód Europy: studia humanistyczno-społeczne*. 2017. Vol. 3. No 1. S. 121–136.
260. Konrad K.K., Ohir O. Społeczne znaczenie osadnictwa wojskowego na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej // *Nowa polityka wschodnia*. 2020. Nr. 1 (24). S. 154–176.
261. Łach H. «Biuletyn oświatowo-propagandowy Korpusu Ochrony Pogranicza» jako źródło badań działalności propagandowej i oświatowej żołnierzy formacji granicznej na Kresach Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej // *Obszary zgody czy konfliktu? Kresy Północno-Wschodnie II Rzeczypospolitej*. Pod red. Wojciecha Śleszyńskiego i Anny Włodarczyk. Białystok-Kraków 2014 S. 167–179.
262. Łach H. Praca społeczna jako obowiązek służbowy żołnierzy w garnizonach Korpusu Ochrony Pogranicza // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica*. 2018. Nr. 102. S 89–102.
263. Mironowicz A. Cerkiew prawosławna w II Rzeczypospolitej // *Elpis*. 2018. No. 20. P. 85–109.
264. Mironowicz A. Specyfika pogranicza polsko-białoruskiego // *Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą*. 2013. T. 2. S. 249–256.
265. Nalepa T. Kawaleria Korpusu Ochrony Pogranicza // „*Przegląd Kawaleryjski*”. 1933. № 4–5. S. 254–259.
266. Ochał A. Napad na Wiszniew (19 VII 1924 r.) // *Dzieje Najnowsze*. 2014. XLVI. № 1. S. 49–57.

267. Ochał A. Dodatek graniczny i dodatki służbowe do uposażenia żołnierzy Korpusu Ochrony Pogranicza (1924–1939) // *Przegląd Historyczno-Wojskowy* 2021/2. S. 113–151.
268. Pluta–Czachowski K. Piechota Korpusu Ochrony Pogranicza // *Księga Chwały Piechoty*. Warszawa: Departament Piechoty MSWojsk. 1937/1938. S. 381–395.
269. Rychlik J. Realizacja praw mniejszości białoruskiej w Polsce i mniejszości polskiej na Białorusi // *Dziedzictwo pogranicza. Realizacja praw mniejszości polskiej na Litwie Białorusi Ukrainie i w Czechach oraz mniejszości białoruskiej, litewskiej, ukraińskiej i czeskiej w Polsce* / Górecki D. (red.). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. S. 113–140.
270. Śleszyński W. Pogranicze polsko-białoruskie – obszar zgody czy konfliktu // *Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą*. T. 2. 2013. S. 257–268.
271. Stefański M. Uroczystości państwowe, wojskowe i religijne w Korpusie Ochrony Pogranicza na przykładzie 16 Batalionu «Sienkiewiczze» w latach 1927–1932 // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica*. 2018. No. 102. S. 157–168.
272. Stopińska-Pajak A. Rola Instytutu Oświaty Dorosłych w rozwoju edukacji dorosłych w Polsce w kontekście dyskursu pamięci o przeszłości andragogicznej // *Edukacja Dorosłych*. 30 grudzień 2019, T. 81. Nr. 2. S. 111–125.
273. Tomaszewski R. Problematyka wychowania w czasopiśmie wojskowych II Rzeczypospolitej // *Czasopiśmiennictwo okresu Drugiej Rzeczypospolitej jako źródło do historii edukacji*. 2010. S. 165–175.

Диссертации:

274. Гуцин А.В. Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 187 с.
275. Даркович А.Л. Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. 310 с.

276. Короткова Д.А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 252 с.

Электронные ресурсы:

277. Кон Ф.Я. Западная Белоруссия – колония панской Польши (к процессу над белорусской Громадой). М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. [Electronic resource]. URL: <https://pub.wikireading.ru/h6QWyRh9fk> (дата обращения: 15.10.2021).

278. Мезга Н.Н. Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. И перспективы белорусской государственности // Метаморфозы истории. 2022. № 23. [Electronic resource]. URL: <https://history-metamorph.ru/s0020219-0-1/> (дата обращения: 20.10.2021).

279. LON Archives. File 1918 G6521.F2.W37 URL: <https://archives.ungeneva.org/partitions-of-poland> (дата обращения: 24. 01. 2024).

280. LON Archives. File G6521.F7 1930. L66 URL: <https://archives.ungeneva.org/poland-administrative-divisions-voivodeships> (дата обращения: 22.012024).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. АН БССР- Академия наук Белорусской Советской Социалистической Республики
2. АН СССР - Академия наук СССР
3. БНР - Белорусская Народная Республика
4. БКРГ - Белорусская Крестьянско-Рабочая Громада
5. БССР - Белорусская Советская Социалистическая Республика
6. БХД – Белорусская Христианско-Демократическая Партия
7. ВЦИК - Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
8. ГПУ – Государственное Политическое Управление
9. ЖЗЛ – Жизнь Замечательных Людей
10. Инбелкульт - Институт белорусской культуры.
11. Коминтерн – Коммунистический Интернационал
12. КОП - Корпус Охраны Пограничья
13. КПЗБ – Коммунистическая Партия Западной Белоруссии
14. КПЗУ – Коммунистическая Партия Западной Украины
15. КПП - Коммунистическая Партия Польши
16. Наркомат – Народный Коммиссариат
17. НКВД – Народный Коммиссариат Внутренних Дел
18. ОГПУ – Объединенное Государственное Политическое Управление
19. ПНР - Польская Народная Республика
20. ПНК - Польский национальный комитет
21. РАН – Российская Академия Наук
22. РККА – Рабочее-Крестьянская Красная Армия
23. РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
24. ТБШ – Товарищество Белорусской Школы
25. УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

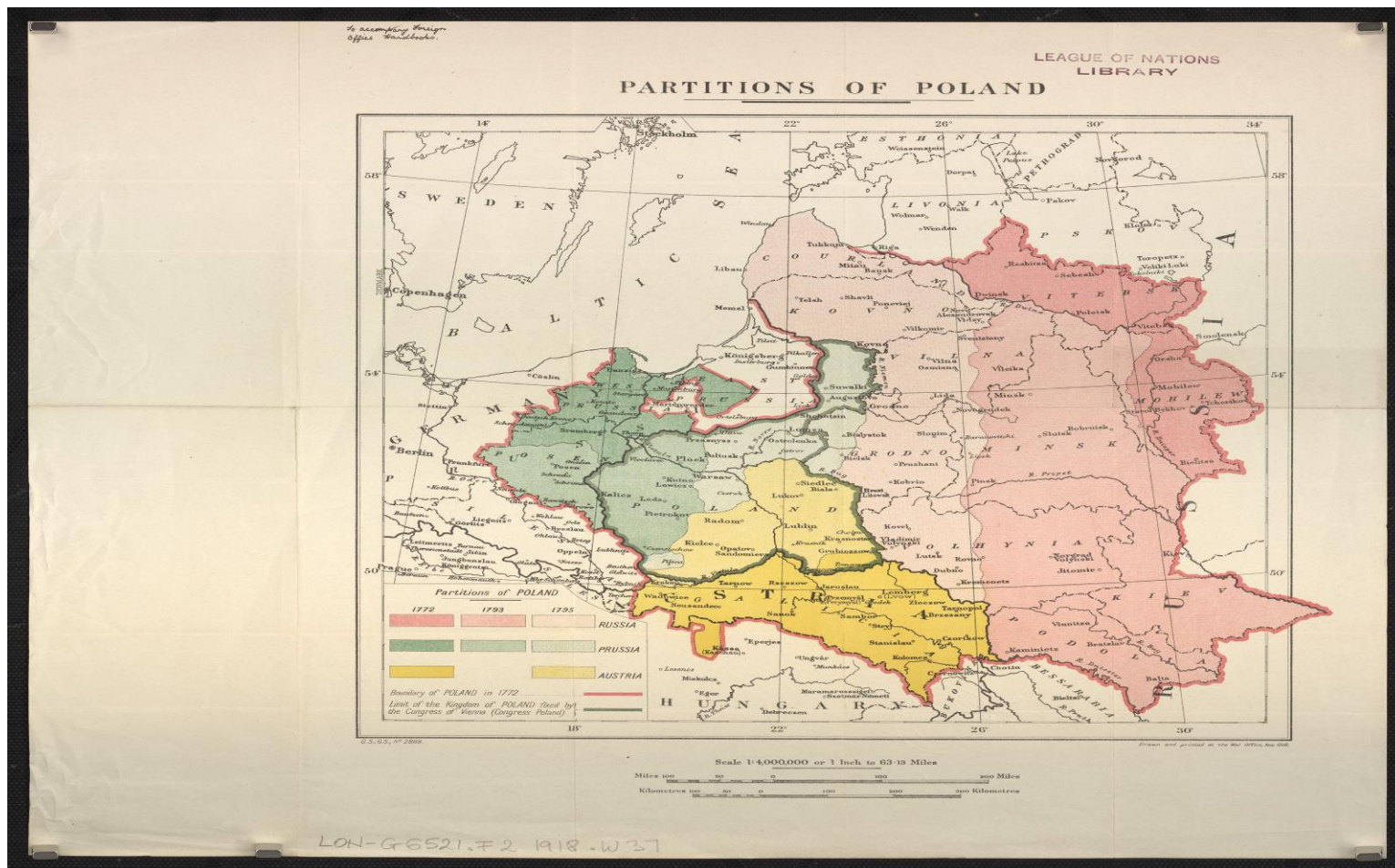

Рис. 1: Британская карта «Разделы Польши», дающая представление о предполагавшем восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г. лозунге «Польша «от моря до моря»». Лондон. Военное министерство, 192? г.

Источник: LON Archives. File 1918 G6521.F2.W37 URL: <https://archives.ungeneva.org/partitions-of-poland> (дата обращения: 24. 01. 2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

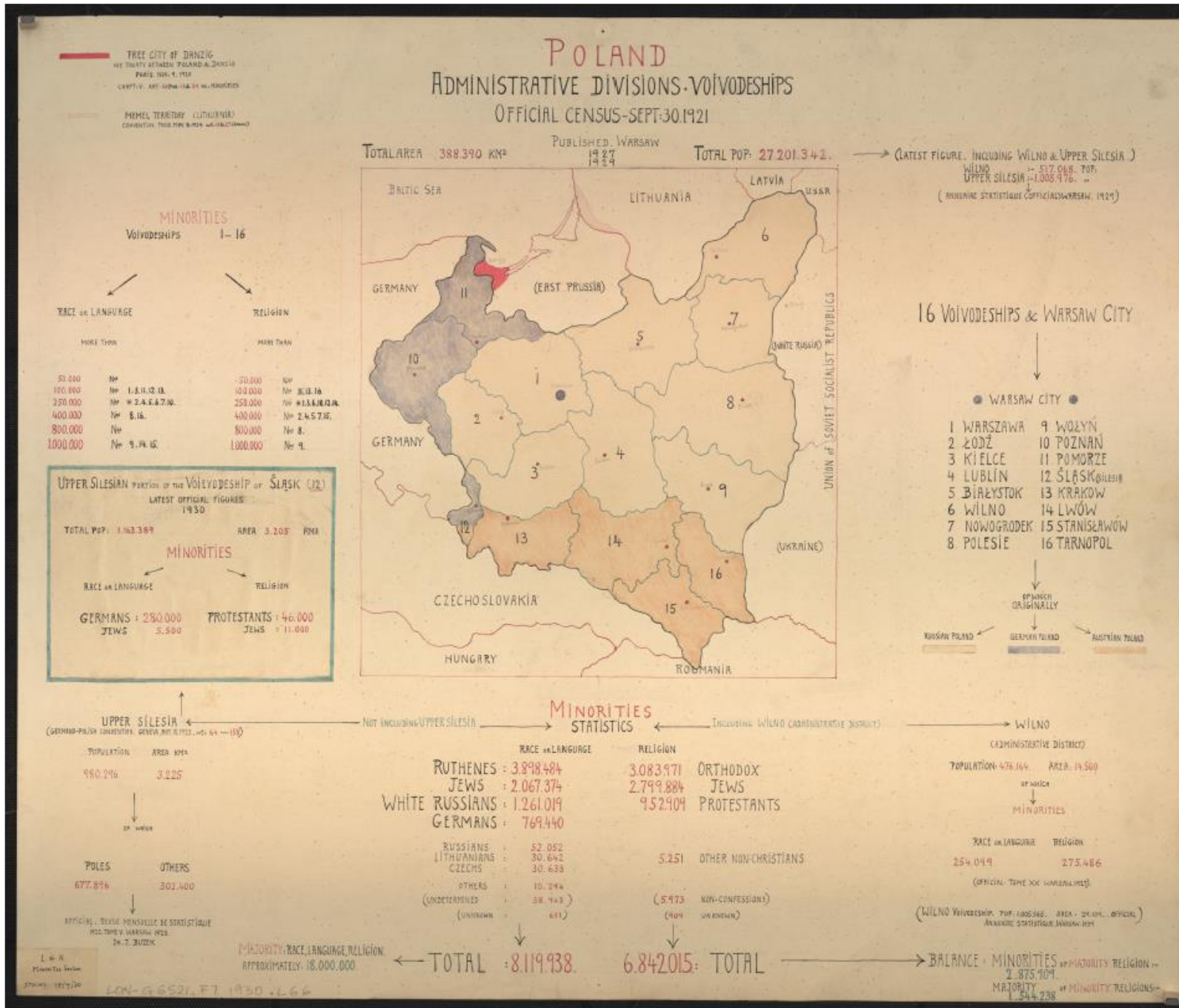

Рис. 2. Административное деление Польши. Воеводства. Результаты официальной переписи населения от 30 сентября 1921 г, опубликованные в 1927 – 1929 гг. в Варшаве. Женева, Лига Наций 1929 г. **Источник:** LON Archives.

File G6521.F7 1930. L66

URL:

<https://archives.unige.ch/poland-administrative-divisions-voivodeships>

(дата обращения: 24. 01. 2024).